

ПРОГРАММА
«ПУТЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНГРЕССА

Министерство культуры России
Комитет по культуре Санкт-Петербурга

Институт Петра Великого
Фонд имени Д. С. Лихачева

Государственный Эрмитаж
Государственный музей истории Санкт-Петербурга
Санкт-Петербургский институт истории РАН
Санкт-Петербургский институт культурных программ
Ассоциация «Путь Петра Великого»

СОВЕТ
ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Е. В. АНИСИМОВ, научный руководитель Института Петра Великого, научный руководитель департамента истории НИУ Высшая школа экономики — Санкт-Петербург, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Г. В. ВИЛИНБАХОВ, заместитель генерального директора Государственного Эрмитажа

Д. Ю. ГУЗЕВИЧ, сотрудник Школы высших социальных исследований, Париж

И. А. КАРПЕНКО, заместитель генерального директора Государственного музея истории Санкт-Петербурга

А. В. КОБАК, исполнительный директор Фонда имени Д. С. Лихачева, председатель совета Института Петра Великого

С. А. МЕЗИН, заведующий кафедрой истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ, генеральный директор Государственного Эрмитажа

И. Ф. СВИДЕРСКАЯ, руководитель Института Петра Великого, заместитель директора Санкт-Петербургского института культурных программ

Институт Петра Великого
Государственный музей истории Санкт-Петербурга
Фонд имени Д. С. Лихачева

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ГОРОД ПЕТРОВСКОЙ МЕЧТЫ

Материалы
XVI Международного петровского конгресса
Санкт-Петербург, 9 — 10 июня 2023 года

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2024

**Программа «Путь Петра Великого»
осуществляется при поддержке**

**Комитета по культуре Санкт-Петербурга
и
ПАО «Газпром»**

Научный редактор
д.и.н., проф. Е. В. Анисимов

Составители
И. А. Карпенко, И. Ф. Свидерская

Редактор
Е. С. Степченко

«Санкт-Петербург — город петровской мечты: материалы XVI Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург, 9–10 июня 2023 года / сост. И. А. Карпенко, И. Ф. Свидерская. — СПб.: Европейский Дом, 2024. — 532 с., илл.

На обложке: Мусикийский, Григорий Семенович (1670/71–ок. 1739). Портрет Петра I на фоне Петропавловской крепостии Троицкой площади в Санкт-Петербурге. 1723. Государственный Эрмитаж

ISBN 978-5-8015-0436-0

© Институт культурных программ, 2024
© Издательство «Европейский Дом», 2024

Содержание

Анисимов Е. В. (Санкт-Петербург).
Санкт-Петербург в истории и судьбе России 11

**«И ГОРОД-ПРИЗРАК, ГОРОД-СОН
РАСТЕТ НА СЕВЕРЕ ПУСТЫННОМ...»**

Александрова Н. А. (Санкт-Петербург). Три века сохранения первого жилого дома Санкт-Петербурга:
к истории сооружений над Домиком Петра I 19

Баринова И. Н. (Санкт-Петербург). «Первоначальный дворец» Петра I в Санкт-Петербурге:
к вопросу об истории строительства 30

Николаева М. В. (Москва). Васильевский остров — «трудное» любимое детище Петра: этапы формирования
гражданской застройки в 1710-е-1720-е гг. 45

Ашихмин А. А. (Санкт-Петербург). Из Поповой мызы в Петергоф: время наречения приморской
резиденции Петра I 64

Раскин Д. И. (Санкт-Петербург). Управление строительством Санкт-Петербурга в системе
государственных учреждений Российской империи:
от Петра I до середины XIX в. 73

Кошелева О. Е. (Москва). «Я, нижеименованный, имею двор на Санкт-Петербургском острову...»
Дворовладение жителей Петербургского острова
по их сказкам к переписи 1717 г. 81

Серова И. А. (Ярославль). Ярославцы в новой столице 91

Гостев И. М. (Архангельск). Участие жителей Архангелогородской губернии в строительстве Санкт-Петербурга и Кронштадта 100

Калинин М. В. (Москва). А. Д. Меншиков и Московско-Петербургская дорога 109

Хацкевич М. В. (Москва). Рекрутские наборы в Санкт-Петербурге и губернии в период губернаторства А. Д. Меншикова 115

Юркин И. Н. (Москва). Демидовский след в истории молодого Санкт-Петербурга 126

Агеева О. Г. (Москва). К истории праздничной культуры петровского Петербурга: новые документы из фондов РГА ВМФ 136

Ашихмин А. А., Белоусов А. С. (Санкт-Петербург). Genius loci imperialis: роль петергофской резиденции в утверждении императорского статуса Петра Великого в 1721–1723 гг. 146

Трофимова В. С. (Санкт-Петербург), *Трофимова Т. Н.* (Москва). Роль первых петербургских типографий в распространении науки, образования и просвещения в России петровского времени 157

Келлер А. В. (Екатеринбург). Борьба за наследие Петра: «художества и науки» в Петербургской академии наук (1725–1803 гг.) 167

Козлова Ю. А. (Москва). «Быть ли нам в числе европейских народов или коснеть в невежестве»: дипломатические усилия Петра I по превращению Петербурга в главный внешнеторговый центр России 176

Спиридонова Е. П. (Саратов). Иностранные специалисты и процессы институциализации медицины в новой столице России 186

Ермасов Е. В.(Москва). Сведения о Санкт-Петербурге в немецких публикациях первой четверти XVIII в. 196

Королькова Е. Ф. (Санкт-Петербург). Преображённая Россия и некоторые аспекты ее культурной жизни глазами ганноверского резидента 207

Шкаровский М. В. (Санкт-Петербург). Деятельность Петра I по созданию Александро-Невского монастыря в Санкт-Петербурге 218

Автухович Т. Е. (Гродно, Беларусь). Повседневность петровской эпохи и ее культурный канон в ораторской прозе Феофана Прокоповича 228

Курапов А. А. (Астрахань). Крещеные калмыки в петровском Петербурге 237

Ряжев А. С. (Тольятти). Капуцины против францисканцев: борьба за католическую общину Санкт-Петербурга в оценке российских властей (1720–1725 гг.) 243

Марасинова Е. Н. (Москва). Публичное покаяние в Санкт-Петербурге первой половины XVIII в.: церковные практики и каналы социального контроля 250

Самыловская Е. А. (Санкт-Петербург). Католическому храму — быть? Из истории храмового строительства в Санкт-Петербурге в XVIII в. 264

Берташ А. В. (Бремен, Германия). Церковная архитектура петровского времени, ее прототипы и влияние на столичное храмостроительство 277

Шишкина Е. А. (Санкт-Петербург). «И мрамор жив, и бронза дышит...». О музейном опыте сохранения памятников Санкт-Петербурга 290

Сорокин П. Е. (Санкт-Петербург). Археологические памятники Охтинского мыса — уникальные свидетельства российской и европейской истории 302

«...СЧАСТЬЯ БАЛОВЕНЬ БЕЗРОДНЫЙ, ПОЛУДЕРЖАВНЫЙ ВЛАСТЕЛИН»

Андреева Е. А. (Санкт-Петербург). Александр Меншиков — губернатор и строитель Санкт-Петербурга 313

Мухин О. Н. (Томск). «Громоотвод судьбы»: к вопросу о роли А. Д. Меншикова в жизни и деятельности Петра I 329

Иванюк С. А., Иванюк О. Н. (Санкт-Петербург). А. Д. Меншиков в Северной Германии (1712–1713 гг.) 341

Болотина Н. Ю. (Москва). «В прочем здесь, а особливо в Вашем дому, за помощию Божиею во всем благополучно...»: А. Д. Меншиков — опекун царских детей в 1716–1717 гг. 352

Накишова М. Т. (Екатеринбург). А. Д. Меншиков и Ж.-Б. А. Леблон: что случилось в Петергофе в 1717–1718 гг.? 363

Смагина Г. И. (Санкт-Петербург). Правая рука деда — опекун внука: А. Д. Меншиков как организатор обучения наследника престола Петра Алексеевича — будущего императора Петра II 373

Курбатов О. А. (Москва). Личная гвардия светлейшего князя: «собственные» полки и шквадроны А. Д. Меншикова в эпоху Северной войны 384

Пашков А. М. (Петрозаводск). А. Д. Меншиков и Олонецкий край 395

Киселев М. А. (Екатеринбург). «Милосердный государь и отец»: заводчики Демидов и А. Д. Меншиков в 1720-е гг. 401

Лазарев Я. А. (Екатеринбург). Украинская клиентела А. Д. Меншикова 411

Шварц И. (Вена, Австрия). А. Д. Меншиков — граф и светлейший князь Священной Римской империи 421

Курукин И. В. (Москва). «Падение» Светлейшего 439

Еремина-Соленикова Е. В. (Санкт-Петербург). Танцы в Меншиковском дворце в XVIII в. 453

Андросов С. О. (Санкт-Петербург). Филиппо Балатри и его записки о Петре I, А. Д. Меншикове и России (1699–1701 гг.) 463

Мезин С. А. (Саратов). Первые французские биографии А.Д. Меншикова 471

Маркина Л. А. (Москва). Изображения А. Д. Меншикова в московских собраниях 486

Акимова А. С. (Москва). «Ай да Алексашка!»: исторические источники образа А. Д. Меншикова в романе А. Н. Толстого «Петр Первый» 501

Список сокращений 511

Издания по программе «Путь Петра Великого» 514

Евгений Викторович АНИСИМОВ
(Санкт-Петербург)
Научный руководитель Института Петра Великого,
научный руководитель Департамента истории
НИУ Высшая школа экономики – Санкт-Петербург,
главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН

Петербург в истории и судьбе России

Санкт-Петербург — редкий в мировой истории великий город, который имеет совершенно точную дату основания. Более того, нам известно, так сказать, время «зачатия» — ночь с 1 на 2 мая 1703 года, когда был решен вопрос о строительстве на Заячьем острове будущей Петропавловской крепости, рядом с которой, на острове Койвусаари (Лосиный), начали возводить дома и землянки. Так возник Петербург.

Но тогда, весной и летом 1703 года, ни солдаты, ни согнанные из окрестностей крестьяне, ни привезенные из России первые каторжники не знали, что все они, приезжие, уже стали петербуржцами. Вообще, во многом приезжими создан этот город. В 2010 году на улицах стояли замечательные билборды с именами выдающихся приезжих (Александр Пушкин, Дмитрий Менделеев и т. д.) и выражением благодарности от лица жителей города: «Спасибо, что Вы к нам приехали!». И первым из приезжих стал москвич Петр. Ему исполнился 31 год, по тем временам царь был не так уж молод, а главное — он успел многое в жизни повидать. Словом, казалось, что его нельзя уже ничем удивить или поразить. Но, сойдя на берег будущей Петроградской стороны в тот майский день 1703 года, он пришел в неизъяснимый восторг и тотчас приказал рубить дом из деревьев, которые росли на этом, тогда лесистом, берегу. Так, нежданно-негаданно для себя, приближенных и всей России царь Петр нашел здесь родину, уголок, навсегда привязался к этому

месту, заложил здесь город, столицу империи, изменил свою и... нашу судьбу.

Известно, что его восторги по поводу «парадиза», «эдема» — так он называл этот, тогда неказистый, поселок, — были преувеличены. Здравый смысл все-таки должен был подсказать Петру, что цена этому клочку земли уж слишком велика. Но для Петра владение устьем Невы было принципиальным моментом, и в 1706 году он, желая оставить за Россией Ингрию (так у шведов назывались земли в устье Невы), был готов при заключении мира взамен Ингрии отдать шведам Псков. И потом, здравый смысл вроде бы подсказывал: зачем же столицу — сердце страны — переносить на опасный пограничный рубеж, да еще на берег Невы — этого до поры спящего водяного Везувия? Словом, как писал Н. М. Карамзин, Петербург — «блестящая ошибка Петра». Но разве здравый смысл может победить царев каприз, дуновение самодержавной воли? Петербург — это плод петровской любви. При всей своей грубости, жестокости и цинизме царь оставался державным романтиком, мечтателем. Здесь, в этом месте, для Петра совпало многое: желание изменить свою собственную неудачную жизнь, оторваться от ненавистной московской «старины», построить «Новый Амстердам». Он не жалел для осуществления своей мечты ни себя, ни денег, ни людей, которые были для него лишь материалом, кирпичиками, — с ними, по давней российской традиции, он никогда не считался, отправляя на непосильные работы десятки тысяч. Зато город на человеческих дрожжах рос быстро, уже через десять лет у него было собственное, непривычное для России лицо.

Царь хотел переделать в своем парадизе все: жилье, людей, даже природу. Разбив Летний сад, он не мог ждать, когда в нем вырастут деревья, — не было времени! Поэтому сюда везли из других мест России тысячи взрослых лип и каштанов, вырытых глубокой осенью. Весной они просыпались уже на новом месте. Неважно, что тысячи их вымирали, зато сотни цвели! Известно, что Петр пытался сажать в Петербурге виноград, хлопчатник, лавр. И это здесь, в южной подзоне тайги, на том месте, где до сих пор порой видны сполохи северного сияния! Но он был державный романтик. И что удивительно — все же, несмотря на огромные потери, он победил природу! Немыслимые в этой полосе тайги липы, каштаны, персидская сирень беспечно цветут теперь каждое лето, согретые каменным теплом города, цветут, как будто цвели здесь всегда.

Несомненно, основание Петербурга стало победой Петра не столько над природой, сколько над Россией, ее прошлым. Своим

титаническим усилием он перевел «историческую стрелку», и Россия пошла по новому пути. И этот путь прошел через Петербург. С самого своего основания Петербург занял особое место в жизни России, ее историю с тех пор и доныне невозможно представить без «петербургского периода». По своему происхождению, развитию, месту расположения, статусу, внешнему виду Петербург сразу же стал отличаться от других русских городов. В их семье он долго казался чужим, порождал ощущение инородности, враждебности, холодности. Но вместе с тем никогда нельзя было сказать, что это был нерусский город.

Эта русско-европейская двойственность составляет одну из характернейших его черт, образовывает неповторимую игру, «перетекание» смыслов, тонов, оттенков, которые, в свою очередь, создали своеобразную и довольно мрачную мифологию Петербурга, слепили необычайный образ «полуночного града».

Только потом, спустя десятилетия, черты Петербурга стали знаковыми, модными и обязательными для других городов России, говорим ли мы об архитектуре, образе жизни, языке. Один стиль сменял другой, они сосуществовали, сплавлялись в единое и грандиозное явление необычайного города. Так из нестройного, какофонического шума оркестра по мановению дирижера разом возникает чудесная мелодия. Этой мелодией стали петербургские архитектурные ансамбли, почти невозможные в средневековых городах Европы и России. И здесь мы видим русско-нерусскую двойственность Петербурга. Известно, что здание Двенадцати коллегий при всем его голландско-итальянском внешнем виде было построено по плану приказов Московского кремля; привычные для северной Европы серые шпили с флюгерами, здесь, в Петербурге, стали позолоченными, подобно куполам московских церквей. И таких необычайных мутантов, гибридов разных культур в городе немало — взять хотя бы итало-московские храмы Растрелли с маковками-луковками.

Переломными для истории города стали годы после смерти Петра, когда двор Петра II и правительство в 1728 году переехали в Москву. Петербург прозябал и обезлюдел. Казалось, что столица вернулась в Москву навсегда. И тут выявилась важнейшая черта Петербурга, его «родовое пятно». Стало ясно, что Петербург может существовать только как **столица**, как императорская резиденция. Иначе он гаснет, теряет блеск, становится провинциальным, пустынным и как будто покрывается пылью, как это было в долгие советские годы. Тут невольно приходят на память стихи Наума Коржавина:

Он был рожден имперской стать столицей.
В нем этим смыслом все озарено.
И он с иною ролью примириться
Не может
И не сможет все равно...

В первые послепетровские годы жизнь города продолжалась как бы по инерции. И здесь одна мысль не покидает меня. Перед нами лежит развилка альтернативной истории, пресловутая точка бифуркации.

Известно, что император Петр II умер в 1730 году, 14 лет от роду, а ведь он мог жить и жить, править долго-долго, как его современник Людовик XV, сидевший на троне 58 лет! Петр II женился бы на княжне Екатерине Долгорукой, с которой накануне смерти обручился, устроился в Москве навсегда и правил бы безбедно примерно до 1770-х годов. А чтобы было бы тогда с Петербургом? Думаю, что город не умер бы, не исчез, как утонул в песках египетский Ахетатон — столица фараона-реформатора Эхнатона. Ведь известно, что город существует и живет людьми, их делами и суетой. Унылые проспекты и линии скучны и мертвы только на планах, а на самом деле их переполняет жизнь людей, как кровь переполняет сосуды всякого живого существа. Хорошо писал Андрей Белый, что петербургские линии — это «линии жизни». Словом, Петербург продолжал бы существовать теплом и жизнью своих горожан, и это могло длиться очень долго. Здесь жили не только приезжие — здесь, под нашим бледным небом, уже родились настоящие петербуржцы, выросло новое поколение русских людей, уже вдохнувших воздух западной цивилизации. Они хорошо понимали значение Петра Великого и Петербурга для своей жизни и жизни страны. Они искренне, не «послюня глаза», скорбели о кончине государя, свято чтили его память. Для петербуржцев уже не было другой жизни, кроме жизни здесь, на берегах Невы Петровны, в их родном городе, который для многих из них стал городом прижизненной и посмертной славы.

Все так! Но мы-то знаем, что люди, их мнения, мысли и чувства в России — ничто в сравнении с властью. А в это время город как раз и лишился этой власти. Я думаю, что без императорской короны Петербург жил и развивался бы как крупный промышленный и портовый, но все-таки провинциальный центр. И сейчас бы мы перечисляли его в одном ряду с достойными провинциальными городами, основанными при Петре и после него: Бийск, Екатеринбург, Липецк, Омск, Оренбург, Пермь, Петербург, Петрозаводск,

Таганрог. И мы бы сейчас гордились, что у нас есть известный даже в Москве областной драмтеатр, что реставраторы восстановили в заброшенном Петергофе уже второй фонтан, и что, наконец, на главной площади имени В. И. Ленина поставят памятник основателю города Петру Великому работы Зураба Церетели! А о «блистательном Петербурге», о его позднейшей необыкновенной судьбе мы бы даже и не подозревали!

Этой провинциальной судьбы Петербургу удалось избежать благодаря одной малосимпатичной женщине — императрице Анне Иоанновне. Или, лучше сказать, случайности. Гонимая страхом за свое политическое будущее, Анна (как и раньше Петр I) бежала из Москвы в Петербург... Как жаль, что ей у нас нет памятника! Как бы то ни было, с 1732 года еще почти на 200 лет Петербург снова оборотился столицей, резиденцией империи...

И это решило все! Блеск императорской короны стал для города светом солнца, несущим жизнь. С той поры «имперскость» стала важнейшей чертой, особенностью Петербурга. Она проявлялась прежде всего в его величавом облике, в его фасадности, торжественности, стройности и изяществе, в столичном образе жизни императорской резиденции.

Созданные поколениями зодчих ансамбли петербургских площадей казались французскому путешественнику Кюстину пустырями, окруженными редкими строениями, но для русского человека эти обширные ансамбли площадей, величие и торжественность всей городской акватории Невы — архитектурный символ Российской империи с ее бескрайними пространствами под необъятным небом.

Символично и то, что царское жилище — Зимний дворец — стоит не просто на берегу, а на самом краю твердой материковой земли. Именно с этой точки, от этой фасады, от гранитной кромки Дворцовой набережной непрерывно, на десять тысяч верст, на месяцы пути в прошлых веках, а теперь на девять часов авиаперелета, до самой набережной залива Золотой Рог во Владивостоке, одним сплошным, неразрывным сухопутным пространством тянется самая большая империя мира — Российская. А, как известно, для русского национального сознания постоянно расширяемое пространство всегда было главной, непреходящей ценностью.

То, что город был императорской резиденцией, серьезнейшим образом сказалось и на его экономическом развитии. Здесь возникла мощная промышленная база, обеспечивавшая потребности, прежде всего, армии и флота, а также Двора. Здесь выпускались самые сложные машины и качественные товары. Неслучайно поэтому пе-

тербургские (а позже ленинградские) товары были (или казались) везде эталонными, произведенными лучшими «поставщиками Императорского двора». Факт существования Петербурга самым решительным образом изменил прежде глухую северо-западную окраину России. Город, как магнит, который притягивает железную крошку, тянул к себе окрестные губернии, поворачивал в свою сторону торговые пути, впитывал в себя потоки товаров и людей. Он стал, действительно, открытым на Запад «окном», крупнейшим в стране портом, связавшим по морю Россию с Европой. Не прошло и полстолетия со дня памятного «десанта» Петра на берег Невы, как Петербург обратился вторым после Москвы полнокровным и динамичным экономическим центром России, а к концу XVIII века превзошел старую столицу в развитии экономики.

Важно, что с первых лет Петербург развивался как космополитичный центр, совершенно непохожий на русские города, в которых иностранцы жили в гетто. Здесь же, на краю расселения великорусской народности, на границе с угро-финским миром, было все иначе. Здесь нуждались в иностранцах, не утесняли их за веру — иноверческие храмы строились не по предместьям, а прямо на Невском проспекте! В итоге в Петербурге возник удивительный космополитический климат, сплав высокой и бытовой культуры, смесь лиц, наций и обычаев. Космополитизм стал важнейшей, неизбывной чертой города и даже в тяжелые годы изоляционизма всегда теплился в нем. Символично, что, сколько бы в советское время не замазывали на фасаде величественного здания в Соляном переулке золотое имя барона Штиглица, оно через несколько лет упрямо проступало сквозь краску.

И опять же, как и во всем другом, Петербург был и оставался прежде всего городом русского народа; как писал А. М. Городницкий:

Не первый век и не последний год
Среди пастушек мраморных и граций
Здесь русская трагедия идет
На фоне европейских декораций.

Важно, что почти с самого начала здесь возник особый культурный климат, не только космополитичный, но — сугубо светский. Статус столицы делал неизбежным сосредоточение на ограниченном пространстве самых разных образованных, выдающихся специалистов, с широким кругом духовных потребностей, включенных в европейскую культуру, со связями по всему миру. Почти

сразу же город стал крупнейшим центром образования. Набережные и ближние к Неве линии Васильевского острова напоминали Оксфорд или Кембридж. В самом деле, кроме воспитанников Сухопутного и Морского кадетских корпусов, здесь можно было увидеть учеников и студентов Академии художеств, гимназии и университета Академии наук, здесь встречались студенты Горного училища, Учительской семинарии с 6-й линии, ученики Благовещенской и Андреевской школ с Большого проспекта, учащиеся частных учебных заведений, училищ и гимназий. Неслучайно именно в этом месте обитания сначала иностранных специалистов, приехавших со всей Европы, а потом тогдашней петербургской интеллигенции, был открыт Учительский институт, ставший Петербургским университетом, а позже появились гимназия Мая, Бестужевские курсы и т. д. Так здесь возникла питательная среда, гумус новой русской культуры и науки.

И опять же важнейшим фактором развития культуры стала имперская столичность Петербурга. Почти все основные, структурообразующие институты культуры и искусства носили гриф императорских (академии, театры, научные, просветительские, благотворительные общества). Да это и понятно. В стране, где не было ни университетских традиций, ни просвещенных меценатов, культура могла развиваться только при поддержке государства. Конечно, с неизбежностью это вело к зависимости деятелей культуры от бюрократии, от вкусов Двора и самодержца. Но при этом не будем забывать, что в большинстве своем наши самодержцы были людьми образованными, со вкусом, а их дворцы стали подлинными музеями, где собирались невероятные шедевры со всей Европы. Рой первоклассных художников и мастеров был всегда готов выполнить любой заказ Двора и подражавшей ему знати. Во многом благодаря насыщенной культурной жизни Двора в атмосфере интенсивной интеллектуальной жизни императорского Петербурга и сформировались оригинальные петербургские культурные традиции.

Достижения имперской культуры позже, в XIX веке стали основой для развития самых разнородных и независимых от власти инициатив, идет ли речь о частных учебных заведениях или литературных журналах, творческих объединениях или театральных труппах. Потом эти все явления слились в единый культурный поток русского Серебряного века.

При этом традиции академической школы в любой отрасли знаний и навыков сохраняли свое влияние, оставались эталоном доб-

росовестности, профессионализма, научной порядочности, формировали в стране устойчивые представление (а также мифы) об особой петербургской (ленинградской) интеллигенции. Эманация этой петербургской субкультуры волнами расходилась по всей Российской империи, формируя в целом русскую национальную культуру, которая уже была немыслима без Петербурга, этого города-каприза, блестящей ошибки царя Петра. И справедливо писал Карамзин: ошибки Петра «трудно или невозможно изгладить — как хорошее, так и худое делает он навеки. Сильною рукою дано новое движение России, мы уже не возвратимся к старине!»

«И ГОРОД-ПРИЗРАК, ГОРОД-СОН РАСТЕТ НА СЕВЕРЕ ПУСТЫННОМ...»

Надежда Алексеевна АЛЕКСАНДРОВА
(Санкт-Петербург)

Старший научный сотрудник, хранитель сектора «Летний дворец и Домик Петра I» Государственного Русского музея

Три века сохранения первого жилого дома Санкт-Петербурга: к истории сооружений над Домиком Петра I

Nadezhda A. Aleksandrova

Three Centuries of Preservation of the First Residential Building of St. Petersburg: On the History of Structures above the Cabin of Peter I

Аннотация: В 1723 г., следуя воле Петра I, для сохранения Домика возвели защитную галерею по проекту архитектора Д. Трезини. В XVIII в. галерею несколько раз перестраивали, в 1844 г. над домиком возвели ныне существующий футляр. Работа с архивными материалами позволила автору статьи выявить ряд документов, дополняющих историю сооружений над Домиком Петра I.

Abstract: In 1723, following the will of Peter I, a protective gallery was erected to preserve the Cabin according to the design of the architect D. Trezzini. In the 18th century, the gallery was rebuilt several times; in 1844, the current case was erected above the house. Working with archival materials allowed the author of

the article to identify a number of documents that complement the construction history of the structures above the Cabin of Peter I.

Ключевые слова: Домик Петра I, сохранение, футляр.
Keywords: Cabin of Peter the Great, preservation, case.

Реликвия Санкт-Петербурга — Домик Петра I, построенный в мае 1703 г., — занимает исключительное положение среди памятников петровского времени. Несмотря на скромные размеры, Домик являлся царской резиденцией и назывался «Красными хоромами» или «Первоначальным дворцом на Петербургской стороне».

Петр I сам позаботился о сохранении своего деревянного дворца: триста лет назад, в 1723 г., по указанию царя первый архитектор города Доменико Трезини возвел над «Красными хоромами» галерею[1]. В условиях сурового климата и частых наводнений сохранность первого деревянного здания было невозможно обеспечить без защитного сооружения. Кроме того, строительство галереи явилось определяющим в истории памятника, который ныне воспринимается как реликвия, связанная с великими начинаниями царя-реформатора. Позднее появилась традиция сохранять дома, в которых жил или просто останавливался русский государь[2].

Осмотр Домика традиционно входит в программу знакомства с городом гостей со всего света. В сохранившихся путевых заметках 1720–1730-х гг. указано, что «самый чтимый дом» Петербурга «для пущей его сохранности» окружен «особой» постройкой. Приведем выразительные поэтические строки из сочинения Иоганна Христиана Тремера «Прощание с Петербургом», написанного в 1735 г.:

Я видел первый дом, построенный в столице,
Верейка первая в том домике хранится.
Великий Петр под этим кровом жил,

[1] См.: *Богданов А. И.* Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 137–139; *Булгаковский Д. Г., свящ.* Домик Петра Великого и его святыня. СПб., 1891; Зязева Л. К. Домик Петра I: Путеводитель по музею. Л., 1983; *Кареева Н. Д.* Домик Петра I. СПб., 1998; *Четверикова Н. В.* Домик Петра I в Петербурге // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1995. М., 1996. С. 454–461; *Пунин А. Л.* Санкт-Петербург в эпоху Петра Великого. Градостроительное развитие новой столицы России и стилевые особенности петровского барокко. Часть первая. СПб., 2014. С. 16–19.

[2] См.: Дома и домики Петра I / Сост. и гл. ред. В. В. Яковлев. СПб.: Скрипториум, 2015.

Когда с царицей он сюда приплыл.
Сей славный памятник вниманья удостоен
И для сохранности над ним футляр построен[3].

Автор первого подробного описания Санкт-Петербурга А. И. Богданов, описывая построенное вокруг первого жилища царя сооружение, называл его «каменным шатром». Гравюра А. Рудакова, приведенная в книге Богданова в качестве иллюстрации, дополняет это описание[4]. Первоначальная галерея ремонтировалась несколько раз, в том числе и после того, как серьезно пострадала во время катастрофического наводнения 1777 г. В 1784 г. Екатерина II повелела «отпустить для поддержания целости Первоначального дворца на Петербургском острову 1344 руб. 28 коп.»[5]. Летом того же года под присмотром архитектора конторы от строений Ивана Фока ветхую галерею разобрали. На старом фундаменте возвели пролеты арок, укрепленные железными связями. Внутри галереи пол заменили новым, а кровлю покрыли листовым железом. Совмещение планов галерей показывает, что размеры построек 1723 и 1784 гг. совпадают[6]. В 1822 г. в галерее были устроены сосновые окна с переплетами, выкрашенные под дуб масляной краской, а в восьми больших арках сделаны створчатые двери и вставлены стекла. После таких переделок галерея приобрела облик, близкий к современному, и стала называться «чахлом» или футляром.

К началу 40-х годов XIX в. здание застекленной галереи вновь потребовало капитального ремонта. Работы поручили архитектору придворной конторы Роману Ивановичу Кузьмину, который продолжил традицию бережного отношения к петровскому мемориалу: он сохранил границы и облик прежней галереи в целом, но изменил детали и использовал ряд строительных приемов (например, кирпичная кладка на манер голландской, без штукатурки), благодаря которым сооружение отсылало зрителя к любимому Петром дворцу

---

[3] Цит. по: *Гольдберг А. Л.* Первая поэма о Петербурге // Памятники культуры. Новые открытия. 1979. Л., 1980. С. 16.

[4] *Богданов А. И.* Указ. соч. С. 137–139.

[5] Цит. по: *Зязева Л. К.*Указ. соч. С. 19.

[6] *Сорокин П. Е., Матвеев В. Н.* Археологическое изучение домика Петра I в Санкт-Петербурге // Петровские памятники России и Европы. Изучение, сохранение, культурный туризм. Материалы VII Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург. 5–7 июня 2015 года. СПб.: Европейский дом, 2016. С. 65.

Монплезир[7]. Император Николай I поддержал напоминающий о петровском времени проект футляра и разрешил его перестройку 10 января 1844 г. Кроме того, архитектор Р. И. Кузьмин предусмотрел устройство под Домиком дренажной системы, которая решала проблему водоотвода и способствовала поддержанию среды, благоприятной для древесины. Тогда же произвели масштабные ремонтные работы в самом Домике: исправили фундамент, заменили полы и два нижних венца сруба, отремонтировали окна и двери, оббили стены и потолки холстом, окрасили фасады под кирпич. В итоге, по завершении работ, отремонтированный первоначальный дворец был заключен в новый, созданный с учетом современных на тот период инженерных достижений футляр, где, в отличие от первых защитных сооружений, были созданы лучшие условия для сохранения памятника.

Особое внимание было уделено Домику в преддверии 200-летнего юбилея Петра Великого. Привели в порядок окружающий сад, который оградили ажурной чугунной решеткой с позолоченными двуглавыми орлами и монограммами Петра I. Ограду отлили на заводе Сан-Галли на средства прихожан часовни по высочайше утвержденным рисункам в 1871 г.[8] В рамках празднования был создан проект храма над домиком Петра I в память 200-летнего юбилея, сохранившийся в Российском государственном историческом архиве, в коллекции «Планы и чертежи Министерства Императорского двора»[9]. Все три листа (план, фасад, разрез) подписаны архитектором Петром Сергеевичем Самсоновым[10] и датированы «29 июня 1872 года» (илл. 1, 2, 3). Текстовых документов (сметы, заключения), наличие которых определяет целостность проекта, а также сведений о проведения конкурса нами пока не выявлено.

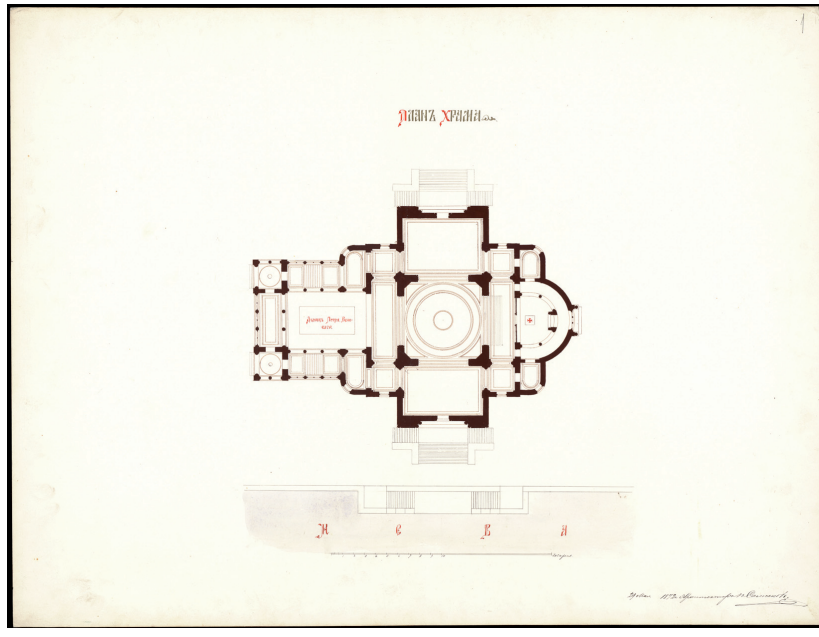
---

[7] *Яковлев Н. Я.* К истории строительства каменного футляра над Домиком Петра I в XIX веке (работы архитекторов придворного ведомства Р. И. Кузьмина и Н. М. Салько) // Страницы истории отечественного искусства XVII–XX века. ГРМ. Выпуск XIII. СПб., 2007. С. 282–290.

[8] *Смурова Т. М., Четверикова Н. В.* История формирования территории Домика Петра и ее реконструкция // Проблемы реставрации и реконструкции памятников XVIII века. Тезисы докладов Третьей научно-практической конференции Летнего сада и Дворца-музея Петра I. СПб., 2000. С. 11–15.

[9] РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 1130. Петербургская сторона с островами. Домик Петра I на Троицкой площади. Проект церкви «над домиком Петра I в память 200-летнего юбилея» — план, фасад, разрезы. Архитектор Самсонов П. С.

[10] (1836-1907) Петербургский архитектор, член Петербургского общества архитекторов (1880). Окончил Академию художеств (1861). Автор ряда построек в Санкт-Петербурге.

Илл. 1. Самсонов П.С. План храма над Домиком Петра Великого в память 200-летнего юбилея. РГИА. Ф. 485. Оп.2. Д.1130. Л.1. (Публикуется впервые).

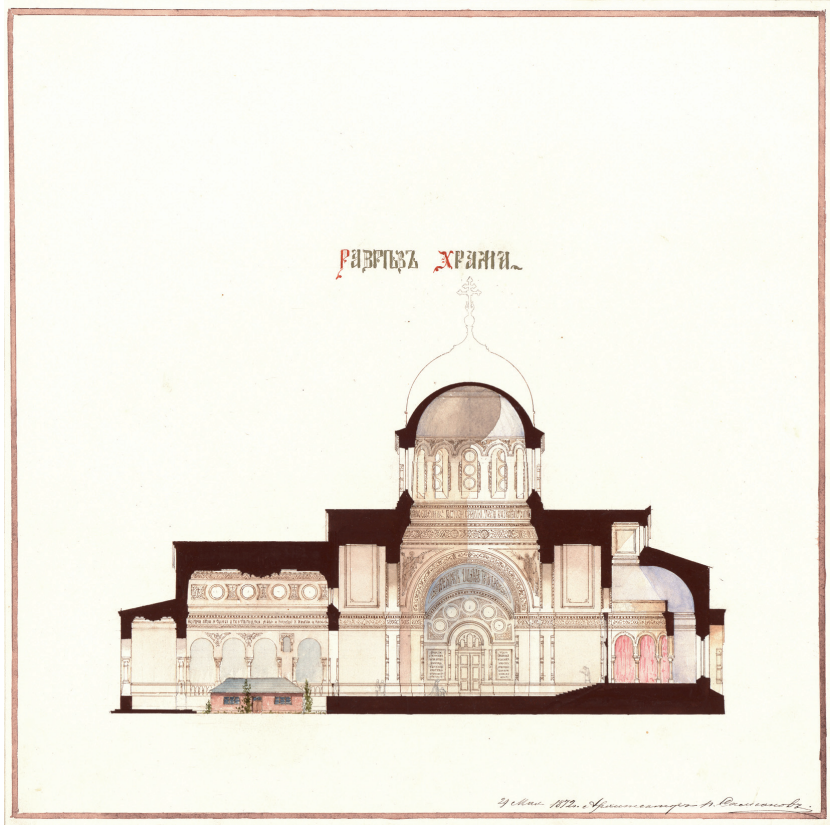
Здесь необходимо напомнить, что в царствование дочери Петра I Елизаветы Петровны, в 1740-е гг., в Домике была устроена часовня во имя Нерукотворного Образа Спасителя. Образ Спаса — любимую икону Петра I — поместили в столовой Домика (ныне образ находится в Спасо-Преображенском соборе Санкт-Петербурга. — *Н. А.*). Часовня в Домике существовала до конца 1929 г.

На архитектурных чертежах Самсонова представлен храм с большим центральным куполом на четырех внутренних опорах и колокольнями с малыми куполами на углах здания. Проект храма выполнен в русско-византийском стиле, распространенном во второй половине XIX века. По замыслу автора, такой храм должен был бы сохранять постройку-реликвию и прославлять деяния Петра Великого. Из чертежа с разрезом здания видно, что его западная часть могла служить экспозиционным пространством для деревянного Домика[11]. Посетителям предоставлялась возможность обойти и ос-

[11] Автор выражает искреннюю благодарность за ценные советы и помощь в работе над статьей сотруднику ГРМ архитектору С. В. Шапошниковой.

Илл. 2. Самсонов П.С. Фасад храма над Домиком Петра Великого в память 200-летнего юбилея. РГИА. Ф. 485. Оп.2. Д.1130. Л.2. (Публикуется впервые).

Илл. 3. Самсонов П.С. Разрез храма над Домиком Петра Великого в память 200-летнего юбилея. РГИА. Ф. 485. Оп.2. Д.1130. Л.3. (Публикуется впервые).

мотреть его со всех сторон. В случае осуществления проекта храм имел бы заметное положение в городской среде, на что указывал историк архитектуры В. Г. Лисовский, который изучал рассматриваемые нами материалы в РГИА[12]. Проект храма над Домиком Петра I архитектора П. С. Самсонова до сих пор не публиковался, в связи с чем введение его в научный оборот представляется перспективной задачей.

От осуществления столь сложного проекта в итоге отказались, и по указанию Александра III в 1889 г. расширили футляр за счет двух функциональных пристроек: с северной и с южной стороны. Южная пристройка предназначалась для хранения мемориальной лодки-верейки, здесь она находится и ныне. Северная часть отводилась для посетителей. Проект и смету на возведение пристроек исполнил инженер-архитектор Н. М. Салько. Пристройки практически идентичны друг другу как в фасадах, так и в плане и внешне повторяют футляр, построенный Р. И. Кузьминым. Единственным отличием является отсутствие в лопатках плит из известняка, чередующихся с кирпичом[13].

Интересно отметить следующее обстоятельство: в материалах канцелярии Министерства Императорского двора нами обнаружено конфиденциальное письмо управляющего кабинетом Его Императорского Величества Евгения Николаевича Волкова к министру Императорского двора барону Владимиру Борисовичу Фредериксу от 24 марта 1912 г., которое свидетельствует о намерении архитектора Р. Ф. Мельцера построить над Домиком Петра I новое сооружение. Представляется, что красноречивое содержание письма требует прямого цитирования в полном объеме:

> «Ваше Высокопревосходительство Глубокоуважаемый Барон Владимир Борисович, считаю своим долгом написать Вам несколько строк по поводу намерения архитектора Мельцера строить над домиком Петра I новый каменный чахол. Это вопрос большой важности, потому что Мельцер помимо Вас уже заручился согласием Его Величества и теперь рассуждать может быть поздно, но предупредить нежелательные последствия такого спешного решения все же по-моему наш долг.
>
> Из прилагаемого с тем же фельдъегерем Всеподданейшего доклада Вы изволите усмотреть, что я пытаюсь предложить мысль хотя бы об отсрочке выдуманной Мельцером, без всякой нужды, постройки, хотя бы до будущего года. В этом

[12] *Лисовский В. Г.* Градостроительство России середины XIX — начала XX века. Книга третья. М., 2010. С. 616.

[13] *Яковлев Н. Я.* Указ. соч.

докладе однако я не нашел возможным изложить и другие более важные соображения против постройки, боясь достигнуть противоположный результат, и быть может вызвать неудовольствие. Потому-то и пишу отдельно, на Ваше благоусмотрение.

Мотивы, по которым я считаю желательным эту постройку отложить, не заключаются главным образом в денежных соображениях, как то изложено в докладе, а в том особом положении, которое занимает в почитании народных масс и всего общества первый дворец Петра Великого и икона Спасителя, там находящаяся и особо чтимая. Это особое положение дворца, несомненно, привлечет внимание всех к новой постройке. Сейчас же начнутся газетные статьи и критические выступления художников и художественных кружков. Такие выступления и критика были бы вовсе не важны и не интересны, если бы они касались какого-нибудь дворца или дворцового здания, не имеющего общественного, а тем более народного значения или если бы в том случае, что такая постройка была бы признана для чего-то нужною, был бы сделан конкурс художественных проектов или эти проекты были бы разобраны Академией художеств и т. п.

Но ничего этого нет, а просто г. Мельцер, пользующийся в артистических кругах весьма плохою репутацией, хорошо известный как человек безо всякой совести, уже ограбивший Министерство Императорского двора в деле решетки Зимнего дворца, благодаря милостивому к себе отношению Его Величества, никого не спросясь и ни с кем из художников не конкурируя, берется строить целое здание над народною святынею с риском, исказить и испортить весь характер существующего совершенно исправного и приличного каменного чахла.

Я считаю, что если даже проект Мельцера великолепен, и то его следует дать на обсуждение компетентных лиц или учреждений, как мы всегда делается во всех постройках, сооружаемых в Петербурге. Всегда Академия рассматривала такие проекты и высказывала свое мнение. А что будет, если как имею основание, предполагать идея Мельцера пойдет в разрез с мнением и Академии и Археологической комиссии, когда вопреки всякой надобности и только чтобы содрать с министерства хороший куш, Мельцер начнет возводить здание, которое компетентные лица — художники, художественная критика, будут находить совершенно ненужным и негодным. Ведь всё это обратиться на нас. Ведь так как Министерство Императорского двора заменяет Министерство Искусств, нас будут спрашивать, почему это Вы позволяете Мельцеру помимо всех художников, которых в России много и конечно,

даровитее и талантливее его, строить какое-то здание над таким памятником как домик Петра Великого.

Посему, если, Вы нашли для чего-то нужным такую постройку, вы не посоветовались хотя бы с академией художеств, которая в Вашем Министерстве состоит.

Прошу Ваше Высокопревосходительство представить себе, удобно ли будет нам ответить, что мы тут не при чём, что это личный заказ Его Величества Мельцеру. Не будет ли это именно такой случай, когда непременно скажут, что вот Государя подвели, не предупредили, а теперь прячутся за его приказанием. Я понимаю, что Их Величества заказали Краснову дворец в Ливадии и строили его по своему вкусу без всяких конкурсов и по личному желанию и вкусу, это совсем другой пример. Здесь никакое вмешательство не уместно, да к тому же Краснов, человек с безукоризненной репутацией и исполнил свою задачу превосходно, и главное выполнил данную задачу.

Не то домик Петра Великого, как я уже сказал — это народная реликвия, к тому же с почитаемой святыней, а потому я уверен, что если все-таки эта постройка начнется в существующих условиях, Министр Императорского двора будет мишенью бесчисленных нападок, при чем как я уже сказал выше, если станет известным, а это несомненно, сам Мельцер будет хвастать, что это делается по личному приказу Государя, то это еще хуже.

Вследствие всего изложенного, я покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство, если Вы признаете мое мнение заслуживающим внимания, приложить возможные усилия, чтобы дело это было отложено.

Принося Вам мои самые сердечные поздравления с Светлым Праздником и горячие пожелания здоровья, прошу принять выражение моего особого уважения и искренней преданности. Волков»[14].

Министр Императорского двора соглашается с мнением Волкова: «Считаю своим долгом представить это письмо на прочтение Вашему Величеству, мне кажется, что Волков прав»[15]. Новые данные открывают неизвестную ранее страницу в истории Домика Петра I. Можно предположить, что востребованный архитектор Р. Ф. Мельцер пытался таким образом принять участие в подготовке к празднованию 300-летия дома Романовых в 1913 г.

После 1917 г. Домик административно передается в ведение Комитета имущества Республики, однако право совершать здесь

[14] РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 4. Л.10–11об.

[15] Там же. Л.10.

богослужение сохранялось до конца 1929 г. После упразднения часовни в марте 1930 г. в помещениях Домика открыли музейную экспозицию, которую подготовили сотрудники Русского музея и Музея Революции.

Во время Великой Отечественной войны футляр был замаскирован и не получил серьезных повреждений. В 1958 г. в окнах установили вторые рамы, покрытие пола заменили на черно-белую мраморную плитку, а само здание подключили к системе городского централизованного отопления, и с этого времени музей был открыт для посетителей круглогодично.

В 1970-е гг. состоялась комплексная реставрация Домика Петра под руководством архитектора Александра Эрнестовича Гессена, благодаря которой облик памятника был приближен к первоначальному виду. Реставраторы XX в., сняв несколько слоев масляных окрасок, раскрыли чудом сохранившуюся полихромную живопись полотен дверей и наличников, а также росписи наружных стен под крупный кирпич. В результате облик Домика под футляром преобразился. Перед зрителями предстала подлинная резиденция монарха, хотя и небольших размеров: яркий киноварный цвет огромных «кирпичей» с белыми, от руки разрисованными швами; зеленовато-серебристый тон покрытия кровли; сочная роспись наличников. Гессен отмечал, что «Домик Петра помимо историко-мемориального значения приобрел совершенно новое качество. Он стал одним из уникальных памятников оригинальной и своеобразной архитектуры важнейшего переломного периода русской истории»[16]. В 1972 г. архитектор предложил заменить существующий футляр, который часто воспринимают как собственно Домик Петра, новым — прозрачным — защитным сооружением[17], лапидарные формы которого ничуть не отвлекали бы зрителя от осмотра преображенного памятника. Эта идея не получила поддержки у специалистов.

В настоящее время комплекс, включающий деревянный Домик Петра I, его футляр в границах первоначальной защитной галереи, сооруженной по воле царя, а также сад с чугунной золоченой оградой, является особым местом в исторической части города и служит выразительным напоминанием о первых годах существования Санкт-Петербурга.

---

[16] *Гессен А. Э.* Реставрация Домика Петра I // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1976. М., 1977. С. 230–234.

[17] Там же.

Ирина Николаевна БАРИНОВА
(Санкт-Петербург)
Старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа

«Первоначальный дворец» Петра I в Санкт-Петербурге: к вопросу об истории строительства

Irina N. Barinova

"The Primary Palace" of Peter I in St. Petersburg: To the Question of the History of Construction

Аннотация: Царский домик, называвшийся «Первоначальным дворцом» или «Красными хоромами», — первая и единственная дошедшая до наших дней деревянная постройка Санкт-Петербурга. Сведения о дате его закладки и сроках строительства сохранились в уникальном историческом документе — рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга» (список 50-х гг. XVIII в.) из Эрмитажного собрания Российской национальной библиотеки. Предлагаемая статья ставит целью подтвердить достоверность сообщенных в этой рукописи сведений, дающих ключ к решению многих ныне спорных вопросов, и рассмотреть архитектурные особенности памятника.

Abstract: The royal house, called the "Primary Palace" or "Red Mansions", is the first and only wooden building in St. Petersburg that has survived to this day. Information about the date of its foundation and construction time was preserved in a unique historical document — manuscript "On foundation and planning of the Royal City of Saint Petersburg" (list of the 60s of the 18th century) deposited in the Hermitage collection of the Manuscripts Department in the National Library of Russia.

The proposed article aims to confirm the reliability of the information reported in it, which provides the key to solving many currently controversial issues, and to consider the architectural features of the monument.
Ключевые слова: Первоначальный дворец, манускрипт, символ, сруб дома, сражение.
Keywords: Primary Palace, manuscript, symbol; log house, battle.

Царский домик, называвшийся «Первоначальным дворцом» или «Красными хоромами», — первая и единственная дошедшая до наших дней деревянная постройка Санкт-Петербурга. Сведения о дате его закладки и сроках строительства сохранились в уникальном историческом документе — рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга»[1] (список 50-х гг. XVIII в.) из Эрмитажного собрания РНБ. Предлагаемая статья ставит целью подтвердить достоверность сообщенных в ней фактов, дающих ключ к решению многих ныне спорных вопросов, и рассмотреть архитектурные особенности памятника.

Светлицы для государя, обычно из двух срубов с сенями, появлялись и ранее вблизи строившихся верфей и крепостей. Поэтому дом на острове в дельте Невы, близ Санкт-Петербургской крепости, — «небольшие хоромы брусчатые, по сторонам по одной светелке, а по середке се́нцы»[2] (илл. 1), казалось бы, не отличался от своих предшественников. Оценку меняет свидетельство рукописи: если прежние дома строились заранее, до приезда Петра, то место для этого он выбрал сам и отметил его особым образом: «...изволил шествовать по берегу вверх Невы реки и, взяв топор...ссек... куст ракитовый»[3]. Царь поставил свой дом посреди вод — на мысу, вблизи Нового невского фарватера: на шведском плане Березоостровской мызы конца XVII в. показано, что «нынешний Кронверкский пролив начинался от места домика, а всей береговой полосы от него до Кронверка... тогда, судя по этой карте, не существовало»[4].

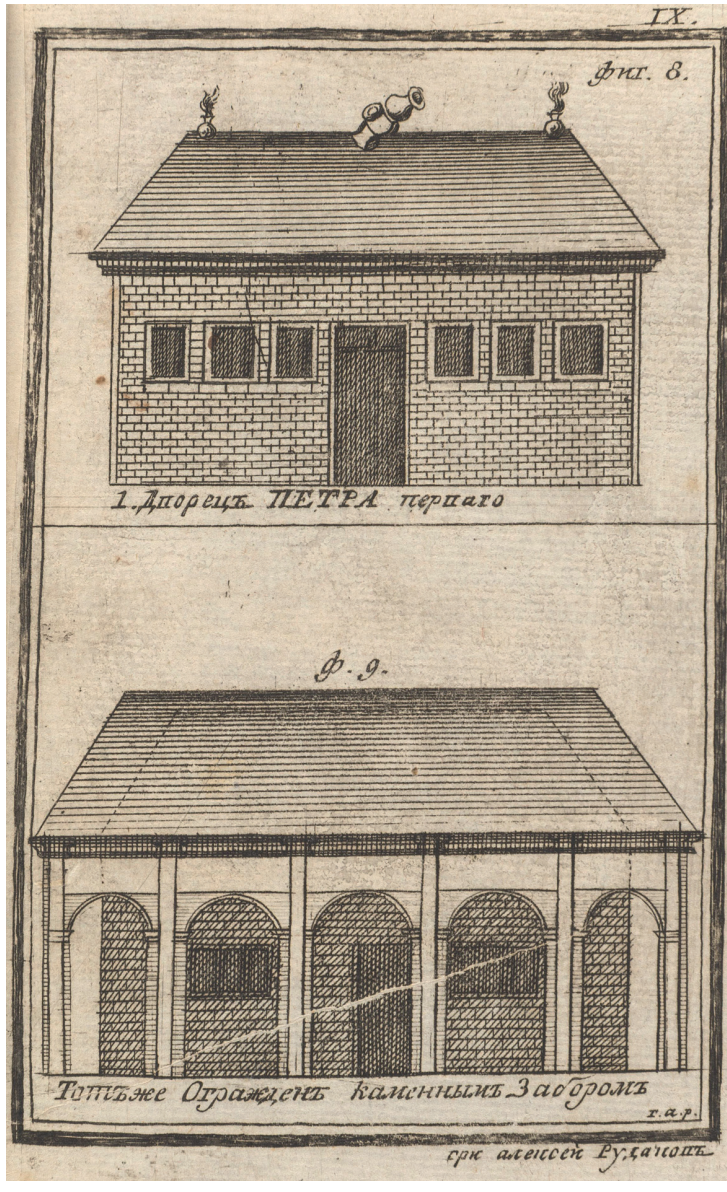
---

[1] О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга. Рукопись // ОР РНБ. Ф. 885 (Эрмитажное собрание). № 359. Л. 3–13.

[2] *Богданов А. И.* Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга: От начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб., 1779. С. 53.

[3] О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга // *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 258. Далее — Рукопись.

[4] *Немиров Г. А.* Троицкий собор, что на Петербургской стороне, в 1703–1903 гг.: ист. справка. СПб., 1905. С. 25.

Илл. 1. Рудаков А. Дворец Петра I. Гравюра из книги *Богданова А.И.* «Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга: от начала заведения его, с 1703 по 1751 год». СПб., 1779. Приложения. Фиг. 8. Научная библиотека ГЭ.

Воспоминания иностранцев[5] подтверждают слова рукописи о строительстве домика сразу же после основания Санкт-Петербурга. Эти сведения могли быть получены еще от современников события, чем объясняется их принципиальное сходство при расхождении в деталях. Главное — нет речи о переносе дома из Ниеншанца или использовании под жилье для царя уже имевшейся постройки. В достоверности свидетельств петровского времени не сомневались и более поздние авторы, например И. Г. Георги[6] и И. И. Голиков[7].

Современные исследователи[8], однако, ставят под сомнение именно факт строительства царского дворца. Но так ли это? Ведь слова Обри де ла Мотре́ — знаковые: «Здесь было 4 или 5 рыбацких хижин, когда Петр I пришел осмотреть эти острова, чтобы положить основание своему новому городу. Он построил первый дом несколько ниже на той же стороне... Дом был сохранен в память об этом событии — обнесен деревянной галереей»[9]. Учитывая, что и сам царь с тем же намерением повелел возвести над домиком уже каменный футляр в юбилейный год двадцатилетия Санкт-Петербурга, обратимся к анализу текста рукописи.

Начатое 24 мая 1703 г. строительство дворца закончилось 26 мая[10].

Данные обследования сруба домика, найденные Н. В. Четвериковой в архиве Летнего сада в Санкт-Петербурге, подтверждают: для строительства был использован свежеповаленный и недостаточно просушенный лес[11]. Принципиально важное уточнение в этой связи дает рукопись: в протоке между Люст-Эйландом и островом

---

[5] *Брюс П. Г.* Из мемуаров // *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 162; Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 году // *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 139; *Ла Моттре О де.* Из «Путешествия...» // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 217.

[6] *Георги И. Г.* Описание российско-императорскаго города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях онаго. Ч. 1. СПб., 1794. С. 18.

[7] *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России: в 15 т. Т. 2. М., 1837. С. 77.

[8] *Кротов П. А.* Основание Санкт-Петербурга: загадки старинной рукописи. СПб., 2006. С. 113–114; *Сорокин П. Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб., 2001. С. 96; *Горбатенко С. Б.* Шведский домик Петра I // Приневье до Петербурга. СПб., 2006. С. 102–106.

[9] *Ла Моттре О. де.* Указ. соч. С . 211–212.

[10] Рукопись. С. 259.

[11] *Четверикова Н. В.* Домик Петра I в Петербурге // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1995. М., 1996. С. 461.

Койву-саари, где позднее будет возведен кронверк, «стояли в плотах леса, заготовленные на отпуск в Стекголм»[12]. Этот факт косвенно подтверждается письмом А. Д. Меншикова от 12 августа 1703 г. из Санкт-Петербурга царю на Олонецкую верфь, в котором он сообщает о намерении голландских шкиперов забрать брусье[13] — лес, заготовленный еще в период шведского владычества для строительства кораблей и домов (в рукописи он назван так: «леса “маштовые и брусовые королевские”, выкатанные по берегам Невы»[14]). Скопления сплавного леса охраняли сначала шведские, а затем русские солдаты[15]; древесина обрабатывалась на месте и имела вид бруса (бревна, отесанного на четыре грани), а учитывая шведскую традицию, полагаем, лафета — бревна, с которого параллельно с двух боковых сторон вручную стесывали округлость, создавая ровную поверхность, а верхней и нижней сторонам придавали округлую форму. В Швеции для строительства срубов из лафета в качестве углового соединения использовался самозаклинивающийся замок («в Канецких слободах... <домы> строены по архитектуре из лесу брусоваго»[16]).

Государь, пишет автор рукописи, отказался от предложения А. Д. Меншикова перенести дом из Канцев, повелел рубить лес и из него строить дворец «впредь для знания, в какой пустоте оный остров был»[17]. Однако, учитывая прагматизм Петра, можно не сомневаться, что, помимо символически срубленных деревьев, он воспользовался уже готовым строительным материалом. Именно наличием трофейного лафета объясняются, на наш взгляд, как быстрые темпы строительства домика, так и пометы на бревнах сруба. Эта нумерация появилась, по мнению В. С. Рахманова, «еще в петровское время... что скорее всего говорит об одном: его перевозили»[18]. Логично предположить: если леса стояли в плотах у Люст-Эйланда, легче было построить домик на Койву-саари, затем разобрать и доставить к берегу Невы, чем рубить его на зыбкой почве в

[12] Рукопись. С. 261.

[13] *Немиров Г. А.* Опыт истории С.-Петербургской биржи в связи с историей С.-Петербурга, как торгового порта. Вып. IV. СПб., 1889. С. 7–8.

[14] Рукопись. С. 261.

[15] *Немиров Г. А.* Опыт истории С.-Петербургской биржи... С. 8.

[16] Рукопись. С. 261.

[17] Там же. С. 259.

[18] *Шерих Д.* История Петербург наизнанку. Заметки на полях городских летописей: [Электронный ресурс]. URL: 5/6 История Петербурга наизнанку. Заметки на полях городских летописей | Ридли (readli.net) (дата обращения: 20.05.2023).

непосредственной близости от реки. Это было обычной практикой: «...срубные дома нередко строили в одном месте, затем разбирали их и вновь собирали на постоянном, что вполне возможно сделать за три дня»[19]. О переносе Домика свидетельствует и «отсутствие на поверхности песчаной подсыпки, на которой, по результатам археологического исследования, он был поставлен, следов щепы и видимых следов органики»[20].

Сруб из лафета, а также характерная «геометрическая обработка концов бревен «в шестиугольник» — особенности скандинавской строительной культуры. При такой рубке низ бревна обрабатывался в форме продольного паза, который обеспечивал уплотнение со временем; замки сруба устраивались так, что за счет внутреннего шипа исключалось продувание, а треугольные формы, направлявшие движения бревен при усадке, приводили к заклиниванию замков[21]. Атрибуция домика как постройки шведского типа была впервые сделана Н. Четвериковой (1995)[22]; норвежского типа — археологом Анне Стальсберг (2001)[23]. Она пишет: «...тип сруба домика, как сообщили мне норвежские плотники, с которыми мы вместе осматривали его, хорошо известен в Норвегии, где он называется “лошадиная голова”»[24].

Строить на берегах Невы в то время могли только солдаты. Хотя гарнизон и жители побежденного Ниеншанца были отпущены в Выборг, после морского сражения в дельте Невы 7 мая 1703 г. появились новые пленные — 19 шведских моряков[25]. Надо вспом-

---

[19] *Стальсберг А.* Археологические свидетельства об отношениях между Норвегией и Древней Русью в эпоху викингов: возможности и ограничения археологического изучения // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 год: Восточная и Северная Европа в средневековье / Отв. ред. тома Г. В. Глазырина. М., 2001. URL: http://rusarch.ru/stalsberg1.htm (дата обращения: 26.04.2023).

[20] *Сорокин П. Е., Матвеев В. Н.* Археологическое изучение Домика Петра I в Санкт-Петербурге // Петровские памятники России и Европы. Изучение, сохранение, культурный туризм. Материалы VII Международного петровского конгресса. 5–7 июня 2015 г. СПб., 2016. С. 61.

[21] Технология норвежской ручной рубки в чашу // Рубка срубов для домов норвежской рубки: [Электронный ресурс]. URL: dacha-dom.ru (дата обращения: 11.08.2023).

[22] *Четверикова Н. В.* Указ. .соч. С. 460.

[23] *Стальсберг А.* Указ. соч.

[24] Там же.

[25] Журнал или Поденная записка Блаженной и Вечнодостойной памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира. Часть первая. СПб., 1770. С. 67.

нить и о бомбардирской роте, «предназначавшейся и для охраны царя, и для исполнения особого рода его личных замыслов и распоряжений»[26]. Петр I и его гвардейцы изучали корабельное дело и практически — в Голландии на верфях Ост-Индской компании, и теоретически — в Англии. Поэтому человек, сведущий в architecture novalis, мог проявить себя и в architecture civilis. Например, в 1702 г. государь «во время остановки из-за неблагоприятного ветра близ деревни Тулгасово сделал деревянный крест; потом велел своим приближенным вооружиться топорами, возвел с их помощью часовню. Она была освящена во имя "Происхождения Честных Древ"; в народе ее именовали "Царской"»[27].

Особенностью внешнего облика домика являются его окна, которые нельзя назвать традиционными для деревянного зодчества северных стран. Зато широкие «модульные» окна были типичными для композиции кормы голландских, шведских и русских парусников, поскольку в акваториях замерзающих морей период навигации приходился на теплое время года. У капитанской каюты / адмиральского салона на транце могло быть четыре, пять, шесть и более окон; кроме того, окна имелись в свесах по бокам кормы, в штульцах. Например, у корабля «Гото Предестинация» (Воронеж, 1700) вдоль кормового балкона располагалось семь окон, в штульцах — по четыре окна; у фрегата «Штандарт» (Олонец, 1703) на корме — четыре окна и по четыре окна — в штульцах.

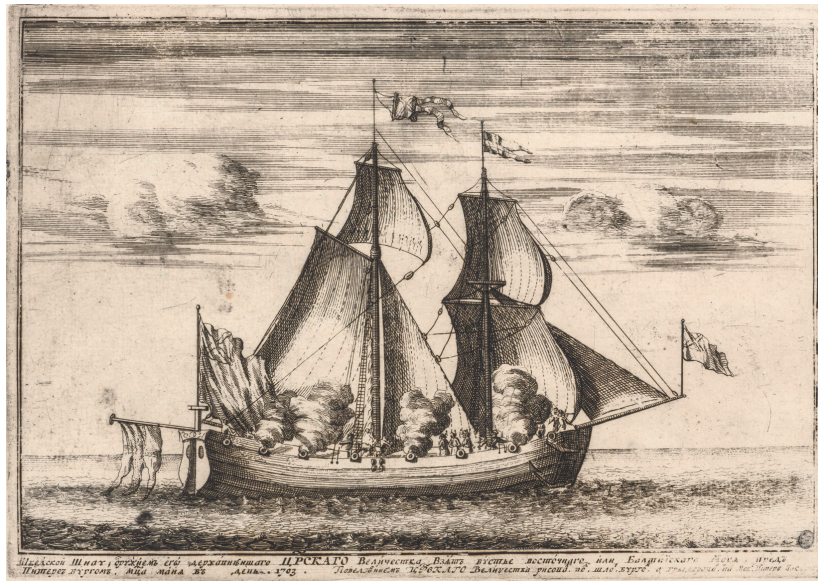
В царском домике семь окон, занимающих практически всю длину стен. Шесть из них лежачие (два имеют по четыре оконницы; четыре — по три), одно сдвоенное. Поэтому, находясь в столовой или кабинете, откуда через десять оконниц с трех сторон открывается панорама местности, царь мог чувствовать себя в привычной обстановке — как капитан на корабле.

Домик положил начало элитной застройке на левом берегу Невы: «25-го мая, — отмечено в рукописи, — около него по берегу вверх и по малой Невке вниз...<повелено> боярам и прочим чинам поставить шатры и наметы»[28], а через три дня — 28-го мая — состоялась церемония освящения царского дома. Для поздравления из Шлиссельбурга прибыли плененные шведские яхта и две шнявы, к которым присоединились взятые в баталии 7 мая адмиральский бот «Гедан» и шнява «Астрильд»[29], имевшие для Петра I особое значе-

[26] *Шарымов А. М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. СПб., 2009. С. 473.

[27] *Беспятых Ю. Н.* Третье «пришествие» Петра I на Белое море // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 33.

28 Рукопись. С. 259.

Илл. 2. Пикарт П. «Шведская шнява “Астрильд”, захваченная в устье Невы 6 мая 1703 г.». Гравюра офортом и резцом. ГЭ. Г-7991.

ние. О шняве английский офицер на русской службе Джон Ден писал: «Это было самое первое военное судно, которым *Царь овладел на Балтийском море*... он счел взятие такового за доброе предзнаменование, видя в этом случае как бы *особое знамение Провидения в пользу морских его предначертаний*»[30] (курс. *И. Б.*). (илл. 2). Известно, что «в ходе боя шведы пытались взорвать свои корабли, при этом... “Астрильд” взрывом раскололо на две части от гакаборта до гротмачты... <очевидцем> характеризовано <ее> состояние как “останки”»[31]. В росписи имущества со шведского судна отмечены, среди прочего, два флюгера, пушка фунтовая на вертлюге, «разных калибер с 300 ядер»[32].

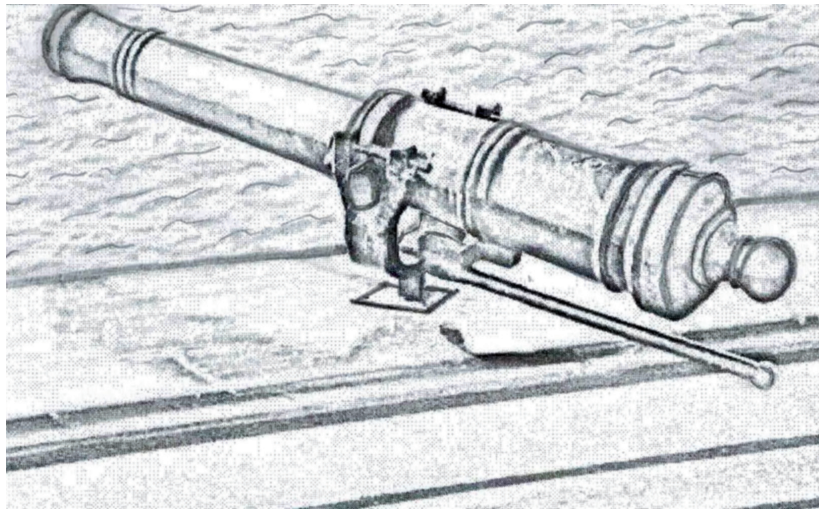
А. И. Богданов первым упомянул об архитектурных атрибутах домика: «...на верьху кровли... мартира, а по концам кровли... по

[29] Там же. С. 260.

[30] *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. С. 23.

[31] *Иванов А. В.* Модель шведской шнявы «Астрильд»: история фальсификации // Гангут. 2019. № 11. С. 5.

[32] ПиБ. Т. 2: 1702–1703. СПб., 1889. С.164.

Илл. 3. Пушка-фальконет. Рис. автора.

одной бомбе с горящим пламенем»[33], — не сообщив, из чего они были сделаны. И. И. Пушкарев назвал материал: «деревянныя»[34]; Н. А. Полевой уточнил: «крашеные»[35]; автор «Путеводителя по Санкт-Петербургу» дополнил: «с горящим пламенем, разумеется, изваянным»[36].

Полагаем, что в память об одержанной победе царь мог установить на своем домике трофейную пушку-фальконет со шнявы «Астрильд», недавно использованную шведами в ближнем бою с его гвардейцами. Сделать это было легко: орудие такого типа имело высокий штырь с шарниром (вертлюгом) — на кораблях он вбивался в борт, палубу или перила (илл. 3).

На чертеже шведского прапорщика Михаила Бютнера «План крепости и город Санкт-Петербург» (1705) видно, что бомбы, лежащие на кровле домика, снабжены двумя странного вида «ро́жками» (илл. 4). В морской артиллерии времен парусного флота применялись пушечные ядра с шипами — «ножницы» (разновидность книппеля) (илл. 5). Они состояли из двух подвижно соединенных поло-

[33] *Богданов А. И.* Указ. соч. С. 53.

[34] *Пушкарев И.* Путеводитель по Санктпетербургу и окрестностям его. СПб., 1843. С. 306.

[35] *Полевой Н. А.* История Петра Великого. С. 96–97.

36 Санкт-Петербург и его окрестности. Путеводитель. СПб., 1879. С. 420.

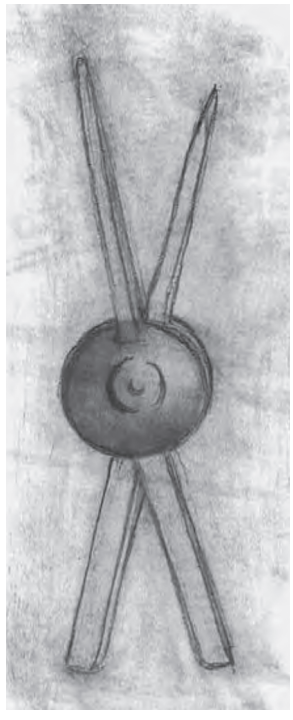

Илл. 4. Бютнер М. «План крепости и города Санкт-Петербурга. 1705 г.». Фрагмент. Домик Петра I. Рис. автора.

винок с металлическими штырями, которые, действуя подобно лезвиям, наносили значительный урон такелажу и личному составу противника. Артиллерийские снаряды такой конструкции были обнаружены, например, на затонувшем в 1628 г. при выходе из гавани Стокгольма шведском флагмане «Ваза». Если ядра с шипами имелись на судах, взятых в бою на невском взморье, то их вполне могли поместить по сторонам от фальконета.

Поэтому, на наш взгляд, не случайно на гравюре П. Пикарта «Санкт-Петербург. 1704 г.», запечатлевшей встречу 18 октября на Неве судов олонецкого строения, царский «домик-корабль» изображен с мортирой, бомбами и двумя флажками (флюгарками с «Астрильд») на кровле, развернутыми по ветру, как флаги на мачтах проплывающих мимо парусников. Петровский дворец — это символ триумфа: Россия, не имевшая еще флота, силами гвардейцев (на земле — солдаты, на воде — матросы) одержала победу над кораблями морской державы. «При том и Государь Сам Своею Высокою Особою был»[37], как отмечено в журнале барона Гизена.

[37] *Гизен, барон.* Журнал государя Петра I с 1695 по 1709 // *Туманский Ф.* Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Ч. 3. СПб., 1787. С. 339.

Илл. 5. Ядро-«ножницы». Рис. автора.

Но есть еще одна гипотеза. Среди вещей, собранных по указам Петра I в Кунсткамере «для памяти над предбудущее время», вместе с ядрами — медным и железным с тремя якорями времен Персидского похода (1722–1723) — хранилось деревянное ядро с остриями гарпунов. Оно сгорело во время пожара 1747 г., но по сей день является экспонатом «нарисованного музея»[38]. Можно предположить, что это — модель железных орехов с остриями, которые бросали на палубу галер в абордажном бою[39]. Но для чего ядро было сделано деревянным, и почему его поместили в Кунсткамере вместе с ядрами, реально побывавшими в баталии? Полагаем, это единственная уцелевшая т. н. «пылающая бомба» с кровли царского домика. Ядро имело расходившиеся в разные стороны змеевидно изогнутые стрелы и некую выпуклость, отверстие в которой позволяло насаживать его на стержень. Возможно, так была осмыслена эмблема из сборника «Символы и эмблемата»[40] (илл. 6).

На ней изображена горящая бомба, причем огонь выходит не только из очка, но сокрушает и стенку снаряда, вырываясь изнутри пучками извивающихся языков пламени[41].

---

[38] *Копанева Н. П.* «Для памяти на предбудущее время»: [Электронный ресурс]. URL: https://journal.kunstkamera.ru/archive/2020_02/kopaneva_n_p_dlya_pamyati_na_predbuduwee_vremya (дата обращения: 15.04.2023). Рис. 3.

[39] Драккары морских королей: [Электронный ресурс]. URL: https://hotel-all.ru/news/zapadnoevropeiskii-hudozhestvennyi-metall-muzei-sobranie-pervye/ (дата обращения: 17.05.2023).

[40] Гравюра «Een Bombe. № 755» // «Символы и эмблемата...» Амстердам, 1705. С. 253.

[41] Полагаем, что на эмблеме изображен брандскугель — снаряд гладкоствольной корабельной артиллерии, впервые появившийся в конце 17 в. Кроме очка для трубки он имел ещё от трех до пяти отверстий, из которых вырывался зажигательный состав. Снаряд называли «огненным ежом».

Илл. 6. № 755 Een Bombe. Гравюра из сборника «Символы и эмблемата...». Амстердам, 1705. Библиотека ГЭ. Инв. № 99971.

Есть среди экспонатов «нарисованного музея» изображение пушки-мортиры с аннотацией: «малая железная пушка... также мортира... изготовлена из золоченого дерева»[42] (деревянные мортиру и ядра с остриями могли установить на кровле домика позднее реальных шведских фальконета и ядер).

Особый интерес в домике представляет живопись — фасадная и интерьерная. А. И. Богданов сообщает, что он был расписан «по кирпишному образцу»[43]. Ручная роспись красной охрой («чéрленью») с белыми швами известкового раствора, имитирующая кирпичную кладку, сделана, уточняет Л. К. Зязева, по голландскому

[42] СПбФ АРАН. Рисунки предметов, хранившихся в Кунсткамере XVIII в. (Р. IX. Оп. 4). URL: 00IX04000100010 (ranar.spb.ru) (дата обращения: 10.04.2023).

[43] *Богданов А. И.* Указ. соч. С. 53.

образцу: ложковые ряды перемежаются с тычковыми[44]. Однако на оригинальных бревнах видна иная перевязь кирпичей — цепная, или английская. В этом виде кладки ложковые и тычковые ряды кирпичей чередуются так, чтобы тычок располагался по центру ложка, а вертикали швов совпадали через ряд[45]. Инициаторами ее внедрения стали иностранные специалисты, приглашенные для строительства новой столицы, и «далее Петербурга и его окрестностей эта перевязка не распространилась»[46]. Отметим: в Немецкой слободе Воронежа, где в первые годы XVIII в. дома возводились с учетом национальных особенностей жильцов, раскраска под кирпич отличала английские избы[47]. Что же касается самой идеи росписи-обманки, то, возможно, здесь царь последовал примеру своего отца: стены дворца Алексея Михайловича в селе Коломенском, где Петр I провел свое детство, «мастера обили тесом, имитирующим камень»[48].

В 2005 г. член Санкт-Петербургского общества историков-архивистов, модельный мастер Э. П. Игнатьев, осматривая домик, предположил, что дверь, ведущая из столовой в смежную комнату, была перенесена сюда со шнявы «Астрильд», поскольку на ней изображен перспективный вид. По свидетельству О. Курти, «на севере Европы до XVI в. [возможно, и позднее, учитывая стойкость традиций. — *И. Б.*] в декоре корабельных бортов использовались раскрашенные полотна с изображением аркад»[49]. Линейные суда украшали дорогостоящей деревянной позолоченной скульптурой и росписью; небольшие — преимущественно росписью. Шнява была построена как торговый корабль, но затем выкуплена у владельцев Адмиралтейств-коллегией для нужд шведской (Ладожской) флоти-

---

[44] *Зязева Л. К.* Декоративно-монументальная живопись домика Петра I и попытка ее атрибуции // От Средневековья к Новому времени. Материалы п исследования по русскому искусству XVIII — первой половины XIX / Под ред. Т. В. Алексеевой. М., 1984. С. 92.

[45] *Нугманова Г. Г.* Словарь архитектурных терминов. Учебное пособие. Казань, 2007. С. 91.

[46] *Киселев И.* Архитектурные детали в русском зодчестве XVIII–XIX веков. Справочник архитектора-реставратора: [Электронный ресурс]. URL: https://studfile.net/preview/9821793/page:13/ (дата обращения: 14.03.2023).

[47] *Антошина Н. В.* Адмирал Матия Змаевич в Воронеже: [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/admiral-matiya-zmaevich-v-voronezhe(дата обращения: 19.03.2023).

[48] Т*опычканов А. В.* Повседневная жизнь Коломенского дворца второй половины XVII века. М., 2011. С. 14.

[49] *Курти О.* Постройка моделей судов. Л., 1989. С. 40.

лии; ее первоначальное название — «Нарва»[50]. Каюты шведских кораблей расписывались, поэтому теоретически живопись могла появиться и на «Астрильд». (Отметим, что европейскому обычаю следовали и в зарождающемся петровском флоте: на яхте царя «Св. Петр», построенной в Архангельске (1693), «внутренние покои» (каюты) расписывал «живописец Афанасий Трухменский с сыном»[51].)

Нидерландский исследователь Б. М. Фермет пришел к выводу, что на двери домика воспроизведен фрагмент картины Исаака ван Никелена «Вид из северного трансепта на неф Гроте-Керк или Церкви св. Ба́вона в Харлеме»[52]. В Европе начиная со Средних веков опасность дальнего плавания побуждала моряков приносить в церкви модели кораблей ex voto* — с молитвой о благополучном возвращении или об успехе в торговых делах (в южной части трансепта храма св. Ба́вона и сейчас висят модели судов XVI–XVII вв. — подарок от гильдии кораблестроителей). В память о таком обете на коммерческом судне «Нарва» вполне мог появиться живописный храмовый интерьер.

Окна и двери домика обрамляют цветочные гирлянды из пионов, нарциссов, гвоздик, бархатцев, роз, цветов шиповника и вьюнков, написанные маслом на черном фоне. Полагаем, это первая и единственная сохранившаяся интерьерная роспись, имитирующая черно-фонные европейские лаки, выполненная в Санкт-Петербурге командой «лакирного» мастера Хендрика ван Брумкорста. С 1700 г. он работал в Воронежском адмиралтействе, где занимался внутренним убранством кораблей — «писал мраморным и лаковым письмом»[53], с 1703 г. — в московской Оружейной палате[54], а с 1705 г. — в Санкт-

---

[50] *Сидоров Д. А.* Шведская Ладожская флотилия 1701–1703 гг. // Меншиковские чтения 2016. Вып. 7 (17). СПб., 2016. С. 166.

[51] *Малышев А. Л.* Царские гребцы при Петре Великом: [Электронный ресурс]. URL: Царские гребцы при Петре Великом | Международный ВИК «Морской Гвардейский Экипаж» (guardcrew.com) (дата обращения: 14.03.2023).

[52] *Фермет Бернард М.* Расписная дверь в Домике Петра I в Санкт-Петербурге // Петровские памятники России и Европы. Изучение, сохранение, культурный туризм. Материалы VII Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 5–7 июня 2015 г. С. 81.

* В качестве вотивного (обетного) дара (*лат.*). — *Ред.*

[53] *Макаров Б. С.* Хендрик ван Брумкорст (Hendrik van Brunkhorst) голландец «лакового, золотарного, молярного и оконншного дела мастер» в России // Дворец как портрет владельца. Сб. статей по материалам XII международной научно-практической конференции. СПб., 2022. С.77.

[54] *Пирогова Л. Л.* История мирового лакового дела. М., 2022. С. 21.

Петербурге[55]. Под началом Брумкорста как мастера «оконнишного дела»[56] русские мастера (П. Федоров, И. Тихонов, И. Никифоров[57]) могли изготовить ныне существующие окна; расписать не только домик (интерьеры, фасады — впервые — «в кирпич»), но и оконченную строением в 1704 г. деревянную Церковь свв. ап. Петра и Павла в крепости «под каменный вид жолтым мрамором»[58].

Таким образом, «Первоначальный дворец» Петра I в Санкт-Петербурге — его «Домик-корабль», построенный из трофейного лафета пленными шведскими моряками и петровскими гвардейцами и, возможно, имевший вначале на своей кровле захваченные у неприятеля флажки-флюгарки, фальконет и ядра, а в интерьере — двери со шнявы «Астрильд», является, на наш взгляд, памятником не только основанию города, но и небывалой виктории 7 мая 1703 г., когда «аки от уст львовых от превеликого Свейского флота, в чине своем состоящего, неслыханная сицевая отъята <была> победа»[59]. О статусе Домика как символа первого царского триумфа на водах Балтики свидетельствует рукопись: в день его освящения, 28 мая 1703 г., вошли в Неву украшенные флагами и вымпелами шнява «Астрильд» и бот «Гедан», которые вместе с другими плененными шведскими кораблями «приветственно салютовали государю и его свите»[60], поздравляя одновременно с царствующим градом, с новым домом и с новым флотом.

---

[55] *Уханова И. Н.* Г. Брумкорст — петербургский мастер лакового дела (из истории «лакирного» искусства в России первой четверти XVIII века) // Культура и искусство петровского времени. Л., 1977. С. 176.

[56] Там же.

[57] *Пирогова Л. Л.* История мирового лакового дела. М., 2022. С. 21.

[58] *Богданов А. И.* Указ. соч. С. 34.

[59] *Бужинский Г.* Слово в похвалу Санктпетербурга и его Основателя, Государя Императора Петра Великаго, говоренное пред лицем сего Монарха, Преосвященным Гавриилом Бужинским, Епископом Рязанским и Муромским, бывшим тогда Префектом и Обериеромонахом флота, при поднесении Его Величеству, первовырезаннаго на меди плана и фасада Петербургу // *Бородкина Н. Н.* Петровская эпоха в церковной публицистике начала XVIII века. С. 231: [Электронный ресурс]. URL: https:// studylib.ru/doc/248723/borodkina-n.n.-petrovskaya-e-poha-v-cerkovnoj-publicistike (дата обращения: 04.04.2023).

[60] Рукопись. С. 260.

Мария Валентиновна НИКОЛАЕВА
(Санкт-Петербург)

Ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского института теории и истории
изобразительных искусств Российской академии художеств,
главный специалист Российского государственного архива древних актов

Васильевский остров — «трудное» любимое детище Петра: этапы формирования гражданской застройки в 1710–1720-е гг.

Maria V. Nikolaeva

Vasilievsky Island as Peter's "Difficult" Favorite Brainchild: The Stages of the Formation of Civil Building in the 1710s–1720s

Аннотация: Замысел создать на Васильевском острове центр нового столичного города Петербурга зародился у Петра в середине 1710-х гг.; этапы его развития получили отражение в нормативных документах, письмах и доношениях архитекторов Доменико Трезини и Жана-Батиста Леблона царю, А. Д. Меншикову и др. Решающую роль в реализации проекта освоения территории острова играла жилая шляхетская застройка, особенности которой зафиксированы в чертежах первой четверти XVIII в., в строительных и связанных со строительством подрядных договорах, а ее итоги — в ведомостях и графике 1730–1740-х гг.

Abstract: The idea to create the center of the new capital city of Petersburg on Vasilyevsky island originated with Peter in the mid-1710s; the stages of its

development were reflected in regulatory documents, in letters and denunciations of architects Domenico Trezzini and Jean-Baptiste Leblon to the tsar, A. D. Menshikov, etc. A decisive role in the implementation of the island development project was played by residential gentry' buildings, the features of which are recorded in the drawings of the first quarter of the XVIII century, in construction and construction-related contracts, and its results — in the statements and schedule of the 1730s–1740s.

Ключевые слова: Петр I, Васильевский остров, жилая застройка.
Keywords: Peter I, Vasilievsky island, living buildings.

История Васильевского острова — Петербурга, Санкт-Петербурга — в первой четверти XVIII в. всесторонне и подробно изучена историками, историками архитектуры и искусства.

Однако обстоятельства появления и развития гражданской жилой застройки, т. е. процесс освоения при жизни Петра I весьма значительной по размеру территории острова, — тема, которую трудно считать детально и бесспорно исследованной.

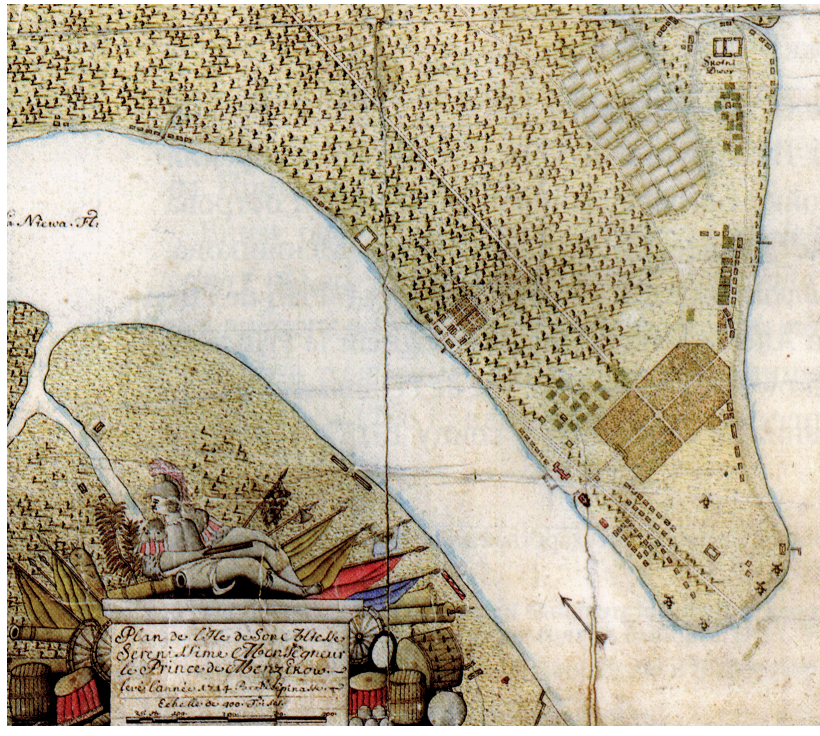
В статье предпринята попытка, обратившись к неизвестным или малоизвестным архивным документам, рассмотреть в контексте хорошо известных опубликованных письменных и графических источников ряд ключевых моментов в истории частного строительства на территории весьма значимой для Петра I части города — Васильевского острова.

Замысел Петра I об освоении Васильевского острова

Идея Петра — создать новый столичный город, в котором Васильевский остров занял бы центральное место, — начала приобретать определенные очертания с середины 1710-х гг. (после предыдущих, не удовлетворявших молодого царя проектов развития столицы в северной части будущей Московской стороны, а также на Выборгской стороне[1]).

Широко известен чертеж под названием «План острова Меншикова», т. е. Васильевского острова, подаренного Александру Даниловичу царем в 1704 г. Он был составлен французским военным инженер-майором С. Лепинасом в 1714 г. и хранится в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (далее —

[1] *Семенцов С. В., Красникова О. А., Мазур Т. П., Шрадер Т. А.* Санкт-Петербург на картах и планах первой половины XVIII века. СПб., 2004. С. 20–21.

Илл. 1. «План острова его светлейшества господина князя Меншикова, составленный в 1714 г. Лепинасом». Фрагмент. РГАВМФ. Дворец Меншикова (каменный) (№ 1). Церковь (№ 2). Дворец Меншикова (деревянный) (№ 3). Канал (№ 4). Регулярный сад (№ 5).

РГА ВМФ) в Санкт-Петербурге[2]. На чертеже видно, что бóльшая часть территории острова на тот момент не освоена и покрыта лесами и болотами (илл. 1).

Немногочисленная застройка: деревянный (1704 г.) и каменный (1710–1714 гг.) дворцы А. Д. Меншикова (№ 1, 3), каменная церковь (№ 2), канал (№ 4) и регулярный сад (№ 5) усадьбы светлейшего князя, а также пильные мельницы и группа строений вдоль просеки, идущей от мыса Стрелки вглубь острова, — сосредоточена на Стрелке, по набережным Большой и Малой Невы.

[2] РГА ВМФ. Ф. 3. Оп. 34. № 2465. Л. 1 (опубл.: *Бунин М. С.* Стрелка Васильевского острова. История формирования архитектурного ансамбля. М.; Л., 1957. С. 34 и др.).

Первые указы о застройке Васильевского острова

4 ноября 1715 г. обер-комиссар Петербурга князь А. М. Черкасский в докладе царю затрагивал тему расселения купцов в городе (где «купецким людям» давать под строительство места), и в резолюции Петра был дан однозначный ответ на вопрос: «на Васильевском острове — а строения — мазанки или каменное», хотя на мастеровых людей это предписание на тот момент не распространялось[3].

О переезде мастеров, которые прибыли в Россию из-за рубежа по контрактам, заключенным в 1716 г., генерал-архитектор Жан-Батист Леблон писал А. Д. Меншикову 21 августа 1717 г.: «Изволили вы мне повелеть, чтоб я приказал указом вашим всем французом, обретающимся в доме высококняжеской вашей светлости, чтоб неумедля очистили места и переехали б в дома, построенные на Васильевском острове про них уготованные; и я оной ваш указ исполнил»; красильщик Беатле «ныне перевозитца»; живописцу Луи Караваку сказано, что платить за его квартиру «высококняжеская ваша светлость не изволит больше», поскольку для него есть дом на Васильевском острове; золотых и серебреных дел мастеру Жану Ломбарду (выехал по контракту из Парижа с Жаном Лефортом в 1716 г.), который пока «назначенного дома» на Васильевском острове не имеет, Леблон готов отвести двор на Острове; французы-литейщики Жан Семанж и Этьен Соваж[4] будут переведены после того, как закончат отливать фигуры в Летнем «доме» его императорского величества и т. д.[5]

Указ и чертежи, посвященные жилой шляхетской застройке Васильевского острова. 1716–1717 гг.

Первые конкретные шаги в направлении реализации замысла об устройстве «регулярного» города на Васильевском острове относят-

---

[3] ПСЗ РИ. Т. V. № 2951.

[4] См.: Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь... М., 2019. С. 455–456, 549, 570–571.

[5] РГАДА. Ф. 198. Д. 696. Л. 391–394. На «Палибиной гравюре» конца 1716 — начала 1717 г. в объяснении к плану проаннотирована «Новая улица механиков, художников и архитекторов» — Французская слобода, где «жили всякие приезжие мастеровые люди»; она шла от набережной вглубь острова за дворцом Меншикова между 2-й и 3-й линиями (*Базарова Т. А.* Планы петровского Петербурга. СПб., 2003. С. 102, 104).

ся к концу 1715 — началу 1716 г., когда Петр I в январе 1716 г., т. е. незадолго до отъезда в длительное (на 1 год и 9 месяцев) заграничное путешествие по Европе, дал указания, касавшиеся массовой жилой застройки Острова. Именным указом велено отводить на Преображенском (Васильевском) острове места по чертежу «за подписанием его величества собственной руки»: под каменное строение — по берегу реки Невы и каналам, под деревянное — по улицам[6].

Предположительно, одним из ранних вариантов застройки является раскрашенный проектный чертеж Васильевского острова с автографом Петра I, который хранится в Военно-историческом архиве Москвы и проаннотирован в архивной описи как «Проект распространения кварталов по всему Васильевскому острову с надписью Петра I: "Петербург делать по сему чертежу"» и датирован 1717 г. Хотя на самом чертеже запись, сделанная рукой Петра, содержит лишь слова «делать по сему чертежу», он не имеет даты и подписи архитектора[7]. М. В. Иогансен писала, что этот чертеж создавался в конце 1715 г., а утвержден царем 1 января 1716 г.[8] Документ неоднократно публиковался[9], однако его содержание и датировка в течение многих лет оставались дискуссионными (илл. 2).

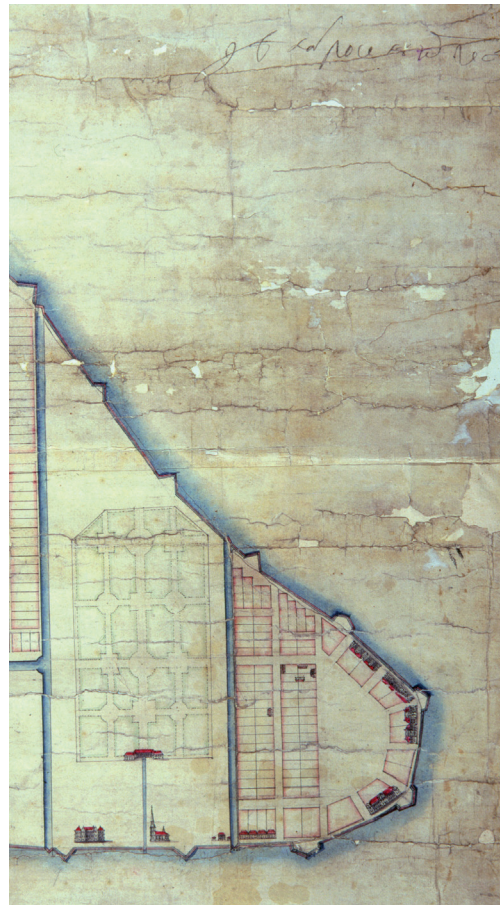
---

[6] Указ и чертеж 1716 г. упомянуты в рапорте архитектора Андрея Трезини Сенату от 17 апреля 1729 г. (РГАДА. Ф. 248. Д. 739. Л. 242–242 об.). В доказательство датировки события М. С. Бунин привел «личное объяснение» Трезини в «Описании» к 1-му атласу Майера о том, что разбивка участков частным лицам для застройки должна производиться в соответствии с его проектом планировки, утвержденным и подписанным Петром 1 января 1716 г. (М. С. Бунин со ссылкой на: МИЛ (Музей истории Ленинграда), архив Майера, «Систематическое обозрение предположений о застроении города С.-Петербурга», «Описание к атласу I». В кн.: *Бунин М.* С. Стрелка Васильевского острова. С. 34–35). М. В. Иогансен ссылалась на «реестр строениям при Санкт-Петербурге с которых лет зачаты были строиться», составленный Д. Трезини 1 февраля 1724 г., со сходными предписаниями царя архитектору, относящимися к 1716 г.

[7] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22420. Л. 1.

[8] *Иогансен М. В.* Об авторе генерального плана Петербурга петровского времени // От Средневековья к Новому времени. Русское искусство XVIII века: Материалы и исследования М., 1984. С. 50–72. М. С. Бунин писал, что сам проект планировки Васильевского острова Трезини, утвержденный и подписанный Петром, он не обнаружил, но полагал, что этот план мало отличался от последующих вариантов 1717 г. (*Бунин М.* С. Указ. соч. С. 35); из последних публикаций, затрагивавших эту тему, надо назвать книгу К. В. Малиновского «Санкт-Петербург XVIII века» (СПб., 2008. С. 109).

[9] *Пилявский В. И.* Архитектура Ленинграда. М.; Л., 1953. С. 6; *Ожегов С. С.* Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX веках. М., 1984. С. 18 и др.

Илл. 2. Проект распространения кварталов по всему Васильевскому острову с надписью Петра I: «Делать по сему чертежу». [1717 г.]. Фрагмент. РГВИА.

Проектный чертеж Васильевского острова архитектора Доменико Трезини получил широкое распространение; сам чертеж и его варианты были многократно воспроизведены в городах Европы в качестве генерального, или «нового и достоверного», плана Петербурга и награвированы, например, в Париже Николя де Фером в 1717 г., в Берлине Георгом Паулем Бушем (между 1717 и 1721 гг.) и др.[10]

[10] Исследованию чертежей первой четверти XVIII в. посвящена монография Т. А. Базаровой «Планы петровского Петербурга».

Застройка стрелки Васильевского острова

Документальные подтверждения тому, что указ Петра от начала января 1716 г. получил развитие, приходятся на апрель того же года, когда «высочайшей резолюцией на доношение по делам Полицмейстерской канцелярии о строении в Санктпетербурге» было предписано: отводить частным лицам под строение «порозшие» места исключительно на Васильевском острове; в других же частях города, в том числе на Адмиралтейском острове, велено лишь достраивать «зачатое» каменное или мазанки, а «у кого деревянное — не достраивать»[11].

Таким образом, заселение Петербурга, носившее для состоятельных людей изначально мобилизационный характер, с середины 1710-х гг. приобретает (в том же формате) строго «адресное направление», зафиксированное в нормативных документах.

В июле 1716 г. Д. Трезини докладывал Петру, что во исполнение предписаний о приоритетном для потенциальных застройщиков (по отношению к другим территориям города) освоении земельных участков, розданных им на Васильевском острове, уже «строится зачали того же [1716] году — каменное строение»[12]. Хотя землеотвод к этому времени был произведен, судя по данным «Ведомости Полицмейстерской канцелярии отведенным на Васильевском острове местам разных чинов людям» 1732 г., только по набережным Большой и Малой Невы[13].

Планировочная структура стрелки Васильевского острова и прилегавшей к ней территории на проектном чертеже 1716 (1717?) г., хранящемся в РГВИА, и его «европейских аналогах» сходна. На них предусмотрено сохранение в юго-восточной части острова комплекса усадьбы Меншикова с каменными постройками, упомянутыми на плане С. Лепинаса (1714 г.), по берегу Большой Невы (в том числе дворец Меншикова, церковь Воскресения Христова, дом гофмаршала князя Ф. А. Соловьева), а также сада, простиравшегося практически до самого берега Малой Невы.

Застройка стрелки по берегам Большой и Малой Невы, по периметру, разбита на девять кварталов размером по 40 саженей по берегу, с проездами между ними[14].

---

[11] ПСЗ РИ. Т. V. № 3019.

[12] ПСЗ РИ. Т. V. № 3530.

[13] РГАДА. Ф. 248. Кн. 200. Л. 166–218 об.

[14] *Иогансен М. В.* Указ. соч. С. 50–72.

Особый интерес архивного чертежа заключается в том, что на нем показаны варианты фасадов зданий на участках в кварталах, которые предназначались «особо знатным персонам»; центральная внутренняя часть мыса оставалась свободной для устройства площади.

Начало шляхетской застройки стрелки Васильевского острова приходится на 1716 г., когда в соответствии с упомянутым указом Петра, на который, как уже говорилось, неоднократно ссылался Д. Трезини, «места» под каменные на фундаменте дома были отведены («отвожены») по периметру восточной оконечности острова.

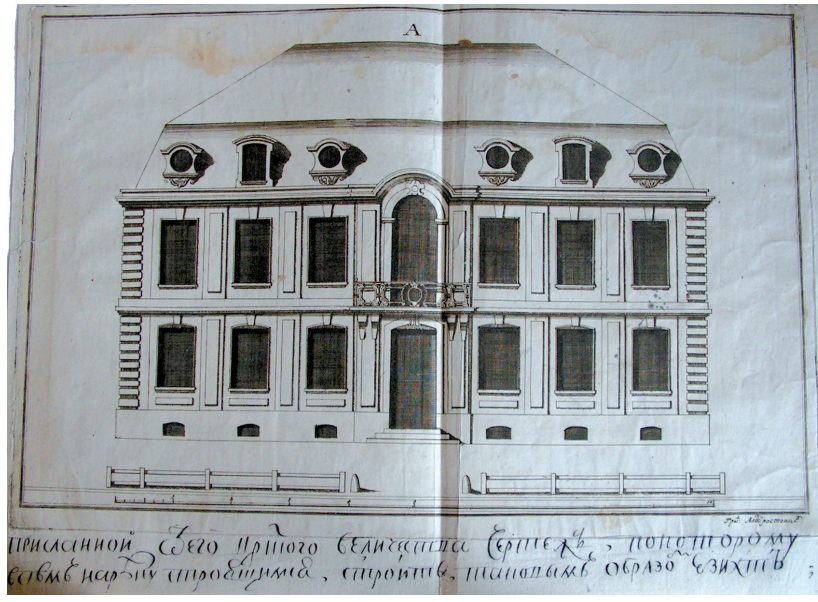
В юго-восточной части стрелки по берегу Большой Невы, восточнее канала, который соединял Большую и Малую Неву и отделял стрелку от усадьбы Меншикова и остальной части острова, «вкруг мысу» 10-саженные участки от бывшего дома Соловьева (литера c) взяли: в первом квартале — от флота поручик Василий Михайлович Арсеньев (литера a), от флота поручик А. Леонтьев, генерал-майор Полонский (литера c), князь Александр Черкасский (литера d) (илл. 2).

Свои дома владельцы этих небольших участков предполагали возводить по известному типовому чертежу каменного дома, который предназначался для застройки набережных Невы и который генерал-архитектор Жан-Батист Леблон составил в период между августом 1716 и январем 1717 г.[15] Чертеж был утвержден и подписан Петром, о чем он сам писал Меншикову 29 марта 1717 г. Чертеж Леблона был размножен, и в 1717 г. его приобрели (листы продавали по цене 8 алтын 2 деньги за штуку[16]) для строительства домов по Большой Неве на стрелке упомянутые А. Леонтьев и В. Арсеньев, князь А. А. Черкасский, по Малой Неве — московский губернатор К. А. Нарышкин и др. (илл. 3).

Возвращаясь к землеотводу на стрелке Васильевского острова, отметим, что на мысе и по берегу Малой Невы также в 1716 г.

[15] Авторство Леблона установил А. Н. Петров: типовой фасад каменного дома Леблона был отправлен Петру I в Париж в начале 1717 г. на утверждение, и в ответном письме Меншикову 29 марта 1717 г. царь указал, чтобы дома по набережным «строили таким маниром, каков при сем посылается чертеж под литерою „А“» (на чертеже изображены каменные палаты в два этажа, на подвалах, в семь осей по фасаду, которые обычно приписывают Д. Трезини). Чертеж дома «для именитых», хранящийся в РГАДА, как раз помечен буквой «А», о которой шла речь в письме Петра (Петров А. Н. Петербургский жилой дом 30–40-х годов XVIII столетия // Ежегодник Института истории искусств. 1969. Архитектура и живопись. М.,1961. С. 135; Иогансен М. В. Указ. соч. С. 50–72.

[16] *Петров А. Н.* Указ. соч. С. 136.

Илл. 3. «Присланный от его царского величества чертеж, по которому всем на реку строящимся строить таковым образом езихт».
Литера «А». Град. Алексей Ростовцев. РГАДА.

отвели 20-саженные участки: тайному советнику князю Алексею Михайловичу Черкасскому (№ 1); Григорию Дмитриевичу Строганову (№ 2); графу Петру Матвеевичу Апраксину (№ 3); князю Якову Алексеевичу Голицыну (№ 4) (соседний участок был дан гардемарину Льву Александровичу Милославскому в 1721 г.).

Далее, в 1716–1717 гг., участки получили: граф Петр Андреевич Толстой (№ 5); тайный советник Алексей Васильевич Макаров (№ 6); стольник Степан Андреевич Клокачев (№ 7); неустановленный владелец (№ 8; в 1720-х гг. на участке стоял фундамент); московский губернатор К. А. Нарышкин (№ 9).

Участок в квартале по проекту мог принадлежать одному владельцу, например: Строганову (№ 1), Апраксину (№ 2), Толстому (№ 5), и застроен в действительности одним домом в 20 саженей по фасаду; или земля была поделена пополам, например: между Голицыным (№ 3) и Милославским (№ 4), Протасьевым (№ 6) и Клокачевым (№ 7), и тогда дом строили на половине участка, т. е. в 10 саженей (илл. 2).

Илл. 4. Аксонометрический план Санкт-Петербурга. 1765–1773 гг. Фрагмент. Владельцы дворов на набережной Малой Невы в первой четверти XVIII в.: камер-юнкер С. К. Нарышкин и стольник С. А. Клокачов (№ 1); генерал-майор Нарышкин (№ 2); бригадир Ф. А. Лопухин (№ 3); лейтенант Л. А. Милославский (№ 4); князь Я. А. Голицын (№ 5); купец А. Н. Демидов (№ 6); барон Строганов (№ 7).

Каменные палаты на больших, 20-саженных, участках делали по индивидуальным проектам в 13 осей и более, с одним или двумя ризолитами, боковыми крыльями во двор; на 10-саженных, как уже отмечалось, — по типовым.

Чертежи фасадов на набережной запечатлены на чертежах из коллекции Ф. В. Берхгольца; аксонометрическое изображение построек — на плане Санкт-Петербурга 1765–1773 гг. (илл. 4).

О строительстве по подрядным договорам

Строительный процесс на стрелке Васильевского острова получил отражение в комплексе подрядных договоров, сохранившихся в виде записей в подрядных книгах Юстиц-коллегии[17]. В них упоминается о начале строительных работ, в частности, на дворе именитого человека Александра Григорьевича Строганова, который в 1718 г. заключил контракт на поставку к «домовому строению» на берег Васильевского острова с берегов реки Сясь извести; сходного содержания договор на строительство палат в том же 1718 г. заключил Петр Андреевич Толстой. Белый камень на карнизы каменных палат на дворе сенатора графа Петра Матвеевича Апраксина поставляли по договору в 1718 г. из Москвы и т. д.

Всего за период с 1718 по 1726 г. выявлено 11 строительных и связанных со строительством на стрелке Васильевского острова контрактов[18].

Новый проект Стрелки 1720–1721 гг.

К 1720–1721 гг. концепция застройки Васильевского острова Д. Трезини 1716–1717 гг. претерпела существенные изменения. 25 февраля 1722 г. Петр I, будучи «у Марциальный вод», «изволил намерение положить — каменные колегии и площадь строить» на Преображенском острове и указал: «к лутчему виду площади и строения колегей и для пространства» работы на дворах частных владельцев больше не производить.

21 марта 1722 г. Д. Трезини в письме «патрону», тайному советнику Алексею Васильевичу Макарову в Москву обращался к нему с просьбой доложить Петру о промемориях и чертежах коллегий,

[17] Преимущество подрядной организации строительных работ перед мобилизационной практикой отмечал С. П. Луппов (*Луппов С. П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957. С. 70–76).

[18] *Николаева М. В.* Санкт-Петербург Петра I: история дворовладений — застройка и застройщики. М., 2013. С. 82–113.

Мытного двора и кладовых амбаров, которые были вручены ему во время пребывания на Марциальных водах, и затем уведомить, какое будет принято решение («ежели как быть его императорское величество изволит свое положить намерение»), через ученика Василия Земцова, направленного в Москву с планом Васильевского острова, который, вероятно, показывал те изменения, что влекли за собой предстоящие нововведения[19].

Для реализации нового проекта, и в первую очередь для строительства зданий Коллегий длиной 183 сажени, постройки на участках частных дворовладельцев между усадьбой Меншикова и главной площадью стрелки по берегу Большой Невы за бывшем домом Федора Соловьева и каналом подлежали сносу.

На чертеже, хранящемся в РГА ВМФ, который предположительно датируют 1723 г., но который является авторским повторением более раннего чертежа, утвержденного в апреле 1722 г.[20], на территории от литеры от D до F уже не показаны дома четырех владельцев. Фундаменты с готовыми погребами размерами 10 на 7 саженей 6 футов (21,3 на 16,7 м), которые успели соорудить на своих участках поручики Василий Арсеньев (a) и Александр Леонтьев (c) и Александр Черкасский (d), а также палаты генеральши Полонской (которые «сверх погребов в два апартамента вчерне под кровлею построены и покрыты») велено употребить на другое строение. Далее на плане показаны библиотека и кунсткамера [1718] (под литерой F) и дом царицы Прасковьи Федоровны [конец 1720-х гг.] (под литерой G).

Двор Алексея Михайловича Черкасского (литера e) на «первом мысу» стрелки был «взят на государя», а фундамент — размерами 20 на 13 саженей, который «зделан» и «камнем и кирпичем выкладен, глубиною в земле на шесть фут [1 м 83 см], сверх земли на два фута [61 см] — назначен к разборке», Черкасскому же выделен новый участок — на 6-й линии по берегу Большой Невы (илл. 5).

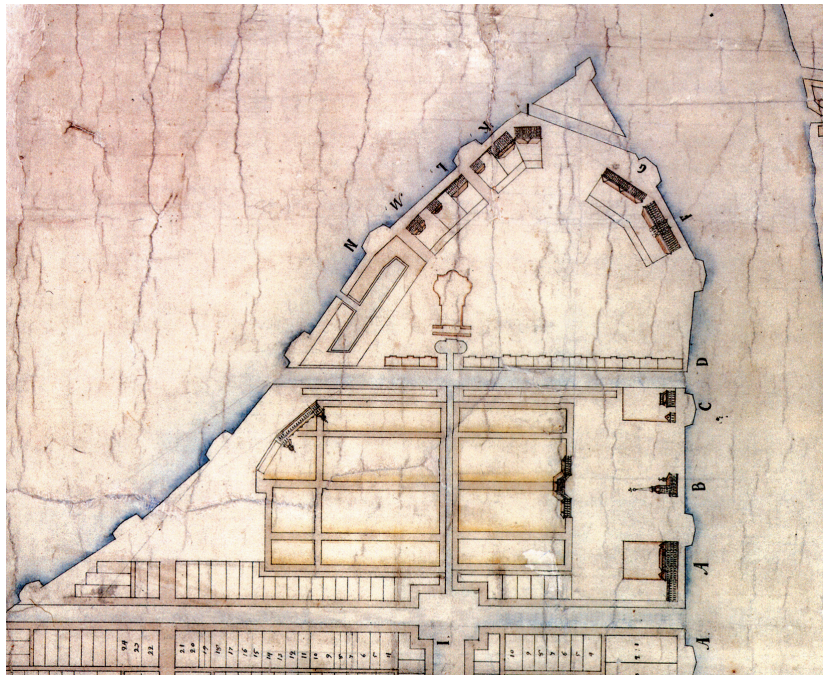
Деревянное строение вдоль канала надлежало «переносить на другие места с прежних, которое было строено по первому чертежу» и т. д. [21] Однако все владения на севере и северо-востоке стрелки сохранялись.

---

[19] РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 61. Л. 464–465 об.

[20] *Иогансен М. В.* Работы Доменико Трезини по планировке и застройке Стрелки Васильевского острова в Петербурге // Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования. М., 1973. С. 48; *Семенцов С. В.* О Санкт-Петербургском «плане Койета» (1722) // Петербургские чтения — 97. СПб., 1997. С. 58–63.

[21] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 969. Л. 2–3 об.

Илл. 5. План Васильевского острова (первая четверть XVIII в.). [1722–1723 гг.]. Фрагмент. РГАВМФ.

В итоге, территория стрелки, писал М. С. Бунин, получила вполне определенное распределение: к югу от центральной площади был образован «научный комплекс» (Академия наук в бывшем дворце вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны и Кунсткамера), в северной части по берегу Малой Невы располагались портовые здания и сооружения, с запада — государственные учреждения — «новый Сенат», или 12 коллегий[22].

Освоение территории Васильевского острова к западу от стрелки

О каналах

На проектных чертежах застройки Васильевского острова первой четверти XVIII в., в частности 1722–1723 гг., которые практически в точности повторяют проект застройки острова на плане

[22] *Бунин. М.* С. Указ. соч. С. 49.

Трезини, утвержденном Петром I в 1716 г., бóльшая часть острова разбита каналами и улицами на прямоугольные кварталы.

Отправляясь во второе заграничное путешествие, Петр поручил руководство прокладкой каналов Леблону, который прибыл в Россию по его приглашению в августе 1716 г. В связи с тем, что каналы в проектных чертежах лежали в основе планировочной структуры Васильевского острова, Леблон в доношении генерал-губернатору Санкт-Петербурга А. Д. Меншикову от 5 января 1717 г. сообщал, что, предваряя «партирулярное строительство», необходимо решить ключевую проблему, а именно рытье больших каналов. И далее указывал, что земля из них должна пойти на выравнивание улиц и дворовых участков частных владельцев, которые будут строиться по их берегам. Также он писал, что уже весной 1717 г. необходимо для этих целей выделить работников, поскольку это «есть работа королевская» и должна выполняться из казны. Маленькие же каналы, «позади» партикулярных домов, предназначенные только для личного употребления, сделаны будут иждивением самих дворовладельцев[23].

О землеотводе

К землеотводу участков под жилую застройку на всей территории Васильевского острова Доменико Трезини приступил в 1716 г. К концу мая 1716 г., как следует из его доношения Петру «о каменном строении», на Васильевском острове «розмеряно» по левую сторону канала, который, вероятно, пересекал остров от Большой до Малой Невы западнее усадьбы Меншикова, «12 колумнов или 24 линеи»; по правую сторону другого канала, восточнее усадьбы Меншикова, который отсекал стрелку, «где мелницы, — також де все розмеряно»[24].

В период с 1716 по 10 февраля 1726 г., писал Богданов, согласно чертежу «за подписанием их императорскаго величества собственных рук государя Петра Великаго и государыни императрицы Екатерины Алексеевны I» из общего числа мест, предназначенных под раздачу под каменное и деревянное строение, — 1758 — было роздано 790 1/2[25].

---

[23] РГАДА. Ф. 198. Д. 696. Л. 267 об. — 268 об.

[24] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 28. Л. 45–45 об.

[25] Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его, с 1703 по 1751 год, сочиненное г. Богдановым, со многими изображениями и изданное... Василием Рубаном. СПб., 1779. С. 173–174.

По подсчетам С. С. Ожегова, произведенным по проектному чертежу Трезини, который он датировал 1717 г., предполагалось раздать под застройку 3500 участков, однако при разбивке кварталов выделено 1350 1/2 мест, а роздано 560 1/2[26]. Отметим, что наиболее интенсивно раздача мест под строительство на Васильевском острове происходила в 1720-е гг.

1719–1720-е гг. Указы, чертежи, подрядные договоры

Пик внимания Петра к застройке Васильевского острова отмечается с 1719 г., когда в апреле законодательно, в цифрах, был определен принцип отвода Канцелярией Полицмейстерских дел участков под каменное или деревянное строительство частным лицам — с числа крестьянских дворов, состоявших за ними в поместьях и вотчинах[27]; в 1720 г. размер выделяемого участка теперь исчислялся в зависимости от количества крестьянских душ[28], исходя из этого определялся размер дома по фасаду в саженях — 5, 8, 10, причем «в указные сажени» учитывались каменные дома, построенные в Петербурге ранее[29]. В 1719 же году, в марте, сделано было послабление для тех, «которые бедны и не ожились»: их велено отпустить[30], но тем, кому надлежит брать места и строить дома, а они не берут и не строят, «на тех, яко на презирателях указа, взыскано будет жестоко по его царского величества указу»[31]. 30 июня 1719 г. издан указ о запрещении приобретать дворы на других, кроме Васильевского, островах и в иных частях города тем, кому надлежало строиться на острове[32]. В январе 1724 г. последовало распоряжение начать строить не позже июля — под страхом лишения всего движимого и недвижимого имущества.

По данным ведомости, представленной Сенату главным архитектором Трезини в 1721 г. («кому велено строиться на Васильевском острове, кто построился и кто не построился»), в период с 1716 г. и до начала 1721 г. будущие застройщики взяли 151 участок, в том числе под каменные дома — 79 и 72 — под деревянные[33].

---

[26] *Ожегов С. С.* Указ. соч. С. 22.

[27] ПСЗ РИ. Т. V. № 3305.

[28] ПСЗ РИ. Т. VI. № 3673.

[29] ПСЗ РИ. Т. VII. № 4405.

[30] ПСЗ РИ. Т. V. № 3332.

[31] ПСЗ РИ. Т.VI. № 3538.

[32] ПСЗ РИ. Т. V. № 3339.

[33] РГАДА. Ф. 248. Д. 197. Л. 77–89 об.

О развитии процесса застройки Васильевского острова частными лицами свидетельствуют цифры, приведенные Богдановым: с 1716 г. по 10 февраля 1721 г. фундаменты построены на 102 1/2 участков, погреба — на 52, в том числе построены и покрыты 22 1/2 домов в одно жилье и 467 — в два, строительство начато на 146 1/2 участков[34].

Подсчеты зданий на плане 1726 г., сделанные С. С. Ожеговым, показали, что за истекший с 1717 г. период на Васильевском острове были построены или заложены дома на 533 участках[35].

Однако очевидно, что освоение Васильевского острова шло отнюдь не теми темпами, на которые рассчитывал Петр. В доношении Канцелярии полицмейстерских дел Сенату в 1720 г. объявлено: «...по указу для требования места являются немногие и мест взяли малое число и за тем в строении домов чинится медление»[36].

Ареал распространения жилой застройки на Васильевском острове показан на плане чертежника Канцелярии городовых дел Карла Фредерика Койета, выполненном в 1722 г. под руководством Трезини. Документ носит название «Чертеж города-резиденции и крепости С.-Петербурга, показывающий, сколько было построено на 1721 г. и каковы тогда были планы его окончательной достройки...». В основе плана лежит один из вариантов застройки острова, содержавшийся в предшествовавших проектах; особенность плана заключается в том, что он совмещал реальную застройку с проектируемой (илл. 6).

Бóльшая часть острова разбита на участки под дворы стандартных размеров: шириной 10 саженей, глубиной 30, часть из них пронумерованы (два больших канала и пять меньшего размера, которые предполагали делать шириной 7 саженей, выделены голубым цветом)[37].

Каменная застройка по берегу Большой Невы (обозначена розовым цветом) показана лицом к воде от 1-й до 26-й линии (включительно) в 13 кварталах (по шесть 10-саженных участков в каждом из 78 кварталов); в глубину острова — до Большого канала (шириной 20 саженей), который шел от сада Меншикова через весь остров.

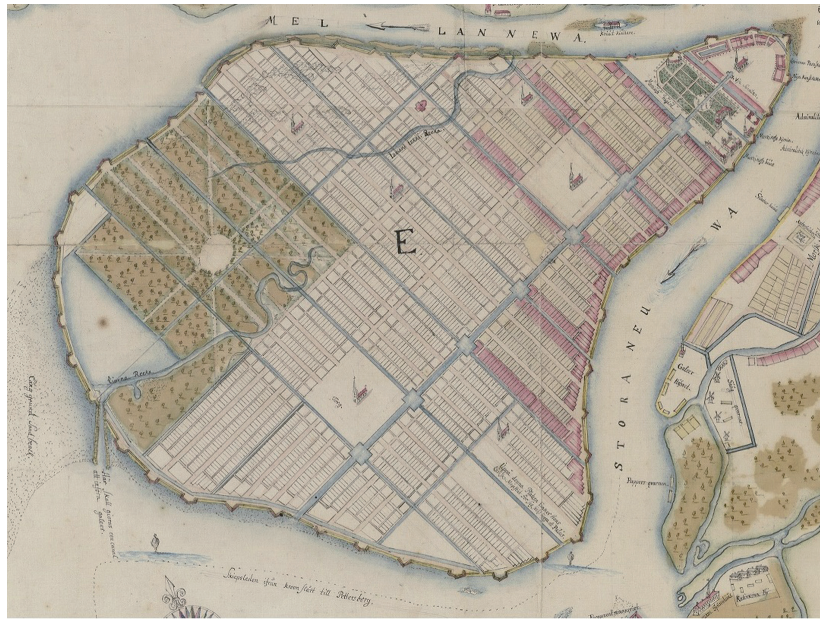
---

[34] Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга... С. 173–174.

[35] *Ожегов С. С.* Указ. соч. С. 22.

[36] ПСЗ РИ. Т.VI. № 3538.

[37] *Базарова Т. А.* Указ. соч. С. 184–185, 205–206.

Илл. 6. Васильевский остров.
«План К. Ф. Койета. 1722 год». Фрагмент.

Желтым обозначена часть острова, запланированная под деревянную застройку: от 1-й до 7-й линии в глубину от Большой до Малой Невы; от 7-й до 11-й линии — до реки Смоленки.

Коррективы, которые жизнь внесла в историю частного строительства за 20 лет, отражены на плане 1741 г.: участков по набережной Большой Невы показано не 78, как на проектном чертеже, а порядка 60. Как и на стрелке, часть построек занимали 20-саженные места, например: дом вице-канцлера Михаила Гавриловича Головкина (№ 1) или дом «покойного генерал-майора барона Поспелова» — в 11 осей (№ 3) и др.

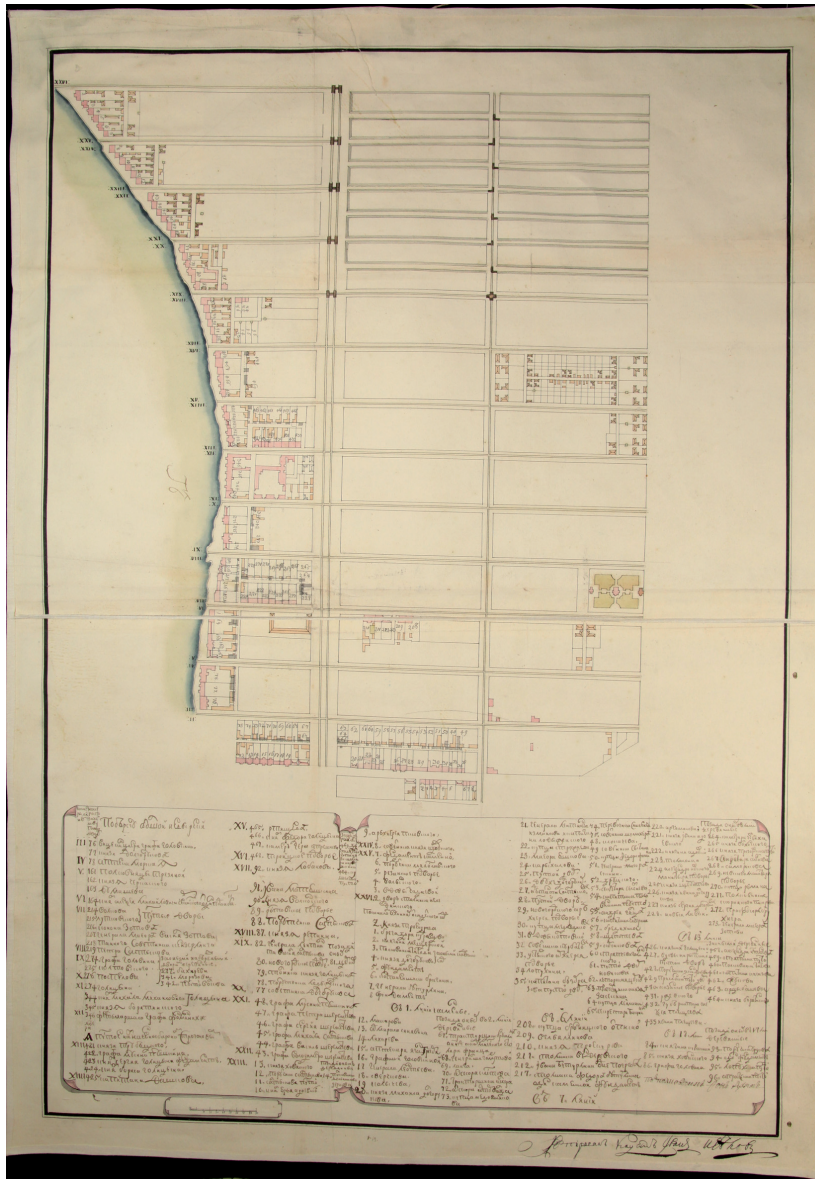
Анализ количества договоров, заключенных частными заказчиками в Москве и Петербурге на строительные и связанные со строительством работы на Васильевском острове с подрядчиками и мастерами, показывает, что наибольшее число контрактов приходится на 1724–1727 гг. А в целом за период с 1718 по 1727 г. выявлено 143 контракта, в том числе 52 связанных с каменным

строительством и 70 — с деревянным, еще 21 договор — на поставку стройматериалов[38].

Год	Каменные дома	Деревянные дома	Поставка стройматериалов
1718	1	–	5
1719	7	–	5
1720	11	1	4
1722	5	1	2
1723	4	–	–
1724	12	20	4
1725	5	34	–
1726	6	13	–
1727	1	1	1
Итого	52	70	21

Реальные итоги объемов частного строительства на Васильевском острове подводит опись 1732 г., составленная в связи с именными указами, предписывавшими на Васильевском острове и «прочих островах» каменное и деревянное строение «исправлять без всякого продолжения». На Васильевском острове к этому времени под строительство было отведено 476 участков: 105 — под каменное строение — палаты возведены на 59; на 371 участке, отведенном под деревянное строительство, построено 240 домов[39]. Сходные цифры дает экспликация к плану части Васильевского острова с указанием дворов по берегу Большой Невы, составленному в связи с проектом расширения переулков 1741 г.[40] (илл. 7).

[38] *Николаева М. В.* Указ. соч. С. 12.
[39] РГАДА. Ф. 248. Д. 200. Л. 166–218 об.
[40] РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. № 1852.

Илл. 7. План Васильевского острова, составленного в связи с проектом расширения переулков. 1741 г. РГАДА.

Алексей Алексеевич АШИХМИН
(Санкт-Петербург)

Специалист по музейным исследованиям
Государственного музея-заповедника «Петергоф»

Из Поповой мызы в Петергоф: время наречения приморской резиденции Петра I

Alexey A. Ashikhmin

From Popova Myza to Peterhof: The Date of Naming the Seaside Residence of Peter I

Аннотация: В статье рассматривается вопрос датировки названия «Петергоф». Историки относят появление топонима к 1705 г. (это первое упоминание «Петергофа» в Походных журналах Петра I). Исследование опубликованных Походных журналов 1705–1712 гг. позволяет утверждать, что они были отредактированы после 1712 г. В эпистолярных источниках название «Петергоф», как и «Екатерингоф», встречается также только с 1712 г. Строительство Екатерингофа началось в 1711 г., но название он получил в мае 1712 г., после свадьбы Петра I и Екатерины Алексеевны. Новые царские резиденции замыкали будущую систему владений на Петергофской дороге, которая должна была стать парадным фасадом новой столицы.

Abstract: The article considers the problem of dating of the name “Peterhof”. Historians date back the origin of the toponym to 1705 (it is the first mention of Peterhof in the Campaign Journals of Peter I). Research of the published journals allows us to assert that they were redacted after 1712. “Peterhof” as well as “Catherinehof” can be found in the epistolary sources also from 1712. The

Catherinehof construction began in 1711, but it received its name in May 1712, after the wedding of Peter the Great and Ekaterina Alexeevna. The new royal residences enclosed the future system of estates on the Peterhof Road which was supposed to become the great enterance of the new capital.

Ключевые слова: Петергоф, Екатерингоф, Походные журналы, Кабинет ПетраI, Ч. Уитворт.
Keywords: Peterhof, Catherinehof, Campaign Journals, the Cabinet of Peter I, Ch.Withworth.

История Петергофа имеет немало «белых пятен». Историкам до сих пор не удалось установить точную дату основания приморской резиденции Петра I. Исследователи обратили внимание на то, что ПетрI облюбовал это место уже в 1704 г., когда оно называлось Поповой мызой. 13 сентября 1705 г. в Походном журнале впервые встречается топоним «Петергоф». Однако масштабное преобразование территории началось только в 1710-х гг.[1]

Несмотря на то, что строительство «Петрова двора» имеет обширную историографию, до сих пор не установлено, когда возникло название «Петергоф». В каком году деревянные хоромы мызника превратились в «Петров двор» с каменными палатами и парком? Ответ кажется очевидным, но некоторые несостыковки в источниках позволяют перенести эту дату и даже связать название «Петергоф» с названием другой резиденции — Екатерингофа.

В исторических источниках встречаются два топонима — «Попова мыза» и «Петергоф». Однако до 1712 г. второй из них можно обнаружить только в Походных журналах Петра I[2]. В частности, известия о Петергофе встречаются в записях за 1705, 1710 и 1712 гг. В то же время название «Попова мыза» употребляется в журналах и переписке современников государя, делопроизводственных материалах, а также в собственноручных указах Петра I[3].

---

[1] *Петров П. В.*История строительства царской резиденции в Петергофе// Петровский Петергоф в письмах и бумагах. Т.1. СПб., 2022. С.43–46; *Горбатенко С. Б.* Петергоф основан в 1704 году // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: исследования и материалы. СПб., 2004. Вып. 7. С.34–42; *Андреева Е. А.* Начало каменного строительства в Петербурге // История Петербурга. 2005. № 3 (25). С. 8.

[2] Наиболее полный анализ петровских и других журналов провела Т.С.Майкова (*МайковаТ.С.*Военные «юрналы» петровского времени (по материалам ЦГАДА)// Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С.368–389).

[3] Петровский Петергоф в письмах и бумагах. Т. 1. С.110–129.

Походные журналы выделяются среди ранних свидетельств истории Петергофа. Опубликованные в 1853–1855 гг. журналы — сложный комплекс источников, который включает не только журналы самого Петра I, но и журналы, запечатлевшие дела военачальников и офицеров, журналы частных лиц и официальные журналы учреждений. Главная их особенность— дневниковый характер записей, впрочем, необязательно каждодневных. Такая фиксация информации позволяла сразу использовать журналы для публикации всевозможных реляций и ведомостей, а также для составления «гисторий». «Юрналы» стали источниками для «историографов» начала XVIII в.: Ф. П. Поликарпова, В. Г. Шеллинга, Г. Гюйссена и др.

С 1704 г. собственный журнал Петра I велся в Кабинете его величества, который возглавлял А.В.Макаров. В 1715 г. Кабинет включился в сочинение главного исторического труда Петровской эпохи — «Гистории Свейской войны». В качестве рабочего подготовительного материала различные журналы были собраны вместе (ныне они хранятся РГАДА в фонде 9 «Кабинет Петра I и его продолжение»). Однако данное обстоятельство не было учтено при издании журналов в 1853–1855 гг.

Как отмечают исследователи, эта единственная полная публикация имеет ряд недостатков. Не все журналы были использованы, их выбор случаен и не всегда оправдан. Например, публикаторы не отметили, что один из журналов 1707 г. вели в Адмиралтействе для Ф. М. Апраксина, а не для Петра I[4]. Само деление журналов по годам искажает их восприятие. Те, что хранятся в фонде Кабинета, частично собраны в цельные книги с претензией на непрерывное повествование в течение многих лет. Наконец, археографические замечания, предваряющие материал, не дают представление об истории их создания и архивной судьбе. Неслучайно Т. С. Майкова еще в 1969 г. отметила, что необходимо новое издание[5]. Поэтому далее мы обратимся не к опубликованным вариантам, а к сохранившимся в РГАДА.

---

[4] *Майкова Т.С.*Военные «юрналы» петровского времени (по материалам ЦГАДА). С.379, 389.

[5] Там же. С.389. Также стоит отметить, что до сих пор нет полноценного источниковедческого исследования этих материалов. Важные замечания можно почерпнуть лишь в работах по смежным вопросам: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т.1. СПб., 1858. С. XXX–XXXII, LXXVIII–LXXIX; 200-летие Кабинета его императорского величества. 1704–1904. СПб., 1911. С. 46–50; *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в. Ч.1. Л., 1961. С.92, 128, 130, 144, 161–162; *Майкова Т. С.* История создания «Гистории Свейской войны» // Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып.1. М., 2004. С. 15–45.

Журналы, в которых упомянут «Петергоф» (таб. 1), по-видимому, являются рабочими копиями с оригинальных «поденных» записок. Они были списаны для работы над «Гисторией Свейской войны». Часть журналов записана в книги аккуратными писарскими почерками и почти не имеет исправлений. При этом в таких чистовых текстах могут быть учтены исправления из других книг[6]. Ниже рассмотрим подробнее каждый случай.

Таб. 1. Упоминания топонима «Петергоф» в Походных журналах

Шифр	Конечные даты журнала	Годы упоминаний	Число упоминаний
РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 25	1695–1708	1705	1
РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 26	1702–1713	1710, 1712	7
РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. № 166	1710–1713	1710, 1712	5
РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 27. Ч. 1. Л. 19–26	1711–1720	1712	2
РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 27. Ч. 1. Л. 1–18, 27–300	1711–1717	1712	2

Самое раннее упоминание Петергофа находится в книге 25 (РГАДА. Ф. 9. Отд. I). Книга состоит из трех тетрадей: в первых двух содержится подробное изложение событий 1695–1698 гг., в третьей — краткие сообщения за 1699–1708 гг.[7] Причем, первая и третья имеют формат 4°, а вторая — F°. Текст написан четким писарским почерком, без исправлений, только в первой тетради имеются пометы, предположительно сделанные Г. Гюйссеном[8]. Содержание книги 25 представляет собой собрание из журналов разного авторства[9]. Известно, что записи 1695–1696 гг. вели подьячие Посольской походной канцелярии. В записях 1700–1702 гг. упоминаются «наша рота», «наш полк», т. е. Бомбардирская рота

[6] Например, в книге 26 из фонда 9 учтены исправления, сделанные в книге 15 того же фонда (*Майкова Т. С.* Археографические принципы издания «Гистории Свейской войны». С. 74).

[7] РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 25. Л.1–71об., 72–109об.

[8] РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 25. Л.1, 21об., 22, 44об.; Юрнал о путном шествии// УстряловН.Г.История царствования Петра Великого. Т. 2. С. 532, 545.

[9] Впрочем, как и в остальных случаях, авторство приходится устанавливать по косвенным признакам. Все сохранившиеся журналы не подписаны.

Преображенского полка. Записи 1703–1704 гг. вел Ф. С. Салтыков. Уже упомянутый журнал 1707 г. входит в состав этой же книги[10].

Книга 26 (РГАДА. Ф. 9. Отд. I) и «Журнал военных действий русской армий против шведов и турок» 1710–1713 гг. (РГАДА. Ф. 156 «Исторические и церемониальные дела». Оп. 1. №166) очевидно являются чистовыми копиями других журналов. Обе рукописи написаны аккуратными почерками. В рукописи «Журнал военных действий...» записи 1713 г. выполнены книжной скорописью[11]. Книга 26, как и книга 25 (РГАДА. Ф. 9. Отд. I), содержат разные тексты. В известиях 1705–1709гг. учтены некоторые исправления, внесенные в одну из самых ранних редакций «Гистории Свейской войны» (1715–1717 гг.)[12]. А описание событий 1710–1713 гг. дословно совпадает с «Журналом военных действий...»[13].

Книга 27, часть 1 (РГАДА. Ф. 9. Отд. I) отличается от остальных по содержанию. Известия за каждый год представлены в двух-трех вариантах. Часто встречаются исправления. С. Л. Пештич считал ее оригинальным журналом, но следует согласиться с Т. С. Майковой, по мнению которой мы имеем дело с рабочими материалами А. В. Макарова[14]. Рукописные журналы, журналы в печатных календарях, выписки, реляции и копии документов расположены преимущественно в хронологическом порядке и иногда имеют его пометы и правки.

Среди этих рабочих бумаг выделяется собрание кратких журналов за 1711–1720 гг. почти в самом начале книги[15]. Публикаторы Походных журналов предположили, что их вели в Адмиралтействе или на флоте. По мнению Т. С. Майковой, их заполняли в домовой канцелярии А. Д. Меншикова[16]. Они исполнены одним почерком и представляют собой своеобразный конспект. Известия кратки и разделены по годам, которые следуют друг за другом почти без

---

[10] *Майкова Т. С.* Военные «юрналы» петровского времени (по материалам ЦГАДА). С. 372–374, 379, 381.

[11] РГАДА. Ф. 156. № 166. Л. 92–141.

[12] Например, учтена вставка «или юрнал» в заголовок 1702 г. (РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Отд. I. Кн. 15. Л. 1; Гистория Свейской войны. Вып. 2. С. 45, прим. 84).

[13] *Майкова Т. С.* Археографические принципы издания «Гистории Свейской войны». С. 74.

[14] *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в. Ч. 1. С. 91; *Майкова Т. С.* История создания «Гистории Свейской войны». С.26, 29.

[15] РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 27. Ч. 1. Л.19–26об.

[16] Походный журнал 1711 года. СПб., 1854. С.113; *Майкова Т. С.* Военные «юрналы» петровского времени (по материалам ЦГАДА). С.389.

отступов. Автор уместил события в Петербурге и окрестностях за девять лет на восьми листах. Даже если кто-то и вел такой дневник, можно утверждать, что эти конкретные записи сделаны не ранее конца 1720 г.

В первую часть книги 27 (РГАДА. Ф. 9. Отд. I) также входит отдельный журнал 1712 г., который, в свою очередь, тоже неоднороден по составу. Его первая половина (до 15 июня) написана аккуратным почерком без исправлений. Она текстуально совпадает с книгой 26 и рукописью «Журнала военных действий...». Вторая половина года, наоборот, зафиксирована более бегло и испещрена правками. Примечательно, что эти исправления учтены в книге 26 и «Журнале военных действий...». То есть описание событий второй половины года сохранилось в более раннем варианте (возможно, воригинальном), а начало года было переписано заново. Последнее известие первой половины журнала — «шутовская свадьба» П. И. Бутурлина, которая закончилась в Петергофе.

Яркий контраст на фоне рассмотренных журналов представляет дневник Н.А.Сенявина 1705–1718 гг., подлинник которого хранился в фондах Морского министерства и также был опубликован в середине XIX в.[17] Этот источник не попал в поле зрения составителей «Гистории Свейской войны». В опубликованных Походных журналах можно встретить лишь название «Петергоф». Н. А. Сенявин упоминает только «Попову мызу» (в записях 1706, 1708 и 1710 гг.). «Петергоф» на страницах его журнала появляется 7 июля 1713 г.[18] Стоит отметить, что тогда же этот топоним появляется в переписке Петра I и в последней редакции «Гистории Свейской войны»[19].

Таким образом, упоминания Петергофа до 1713 г. можно встретить лишь в журналах, подвергавшихся копированию и редактуре. Учитывая, что в основном они хранятся среди рабочих материалов, имеющих отношение к созданию «Гистории Свейской войны», можно утверждать, что в ходе подготовки переписчики заме-

---

[17] Морские журналы Наума Акимовича Сенявина, 1705–12 годов // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. 1852. Ч. 10. С. 326–359; Журналы Н. А. Сенявина // Материалы для истории русского флота. Извлечения из журналов Петра Великого, Екатерины I и князя Меншикова и Морские журналы Н. А.Сенявина и графа Апраксина. СПб., 1866. С.1–79 второй пагинации.

[18] Журналы Н. А. Сенявина. С.3, 9, 14, 19 второй пагинации.

[19] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.13. Вып. 1. М., 1992. С. 54, 55, 120, 135, 339; Гистория Свейской войны. Вып. 1. С. 398.

нили устаревшее название «Попова мыза» на новое. Надо подчеркнуть, что в фонде Кабинета Петра I хранятся и оригинальные журналы, но ни «Попова мыза», ни «Петергоф» в них не упоминаются.

Однако мы имеем одно свидетельство, которое позволяет датировать название «Петергоф» ранее 1713 г. Это письмо Ч. Уитворта, чрезвычайного посла Великобритании, статс-секретарю Г. Сент-Джону от 8 (19) июня 1712 г. Помимо прочего посол сообщил об уже упомянутой свадьбе «петербургского архиерея» П. И. Бутурлина 3–4 июня. Она завершила начатую 19 февраля свадьбой Петра I и Екатерины Алексеевны череду бракосочетаний, нацеленных на приобщение политической элиты к новому матримониальному порядку[20]. Ч. Уитворт написал, что гости должны были одеться в старинные наряды и отправиться на неуклюжем баркасе в Петергоф, «прелестный загородный дом» ("Petershoff, a pretty country house")[21].

Как было сказано выше, сохранившиеся в РГАДА Походные журналы не позволяют в полной мере довериться их сведениям, так как они были отредактированы. Письмо Ч. Уитворта — дипломатическое донесение, отправленное адресату при первой же возможности. Оно хранится Национальном архиве Великобритании. Можно уверенно утверждать, что это самое раннее упоминание в сохранившихся до нашего времени источниках топонима «Петергоф»[22].

Однако представляется возможным, что название «Петергоф» появилось, во-первых, близко по времени к его первой фиксации, а во-вторых, одновременно с названием другой императорской резиденции — Екатерингофа. История последнего началась 13 января 1711 г., когда Петр I указал А. Д. Меншикову перенести деревянный дворец из Летнего сада на «место близ Калинкина»[23]. Топоним «Екатерингоф» впервые встречается в источниках 22 мая 1712 г., когда Походные журналы сообщили о поездке Петра и Екатерины[24]. По-

---

[20] *Зицер Э.* Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008. С. 124.

[21] Whitworth to St. John. Unsatisfactory reply from Russians about English merchants and treaty of commerce // The National Archives. SP 91/7/275. P.279; Петровский Петергоф в письмах и бумагах. Т.1. С.127–128.

[22] Стоит отметить возможную неуверенность автора в написании слова "Petershoff". Это название отчетливо выделяется на странице более жирным начертанием.

[23] Петровский Петергоф в письмах и бумагах. Т. 1. С. 122.

[24] РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 26. Л. 188 об.; РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. I. Кн. 27. Ч. I. Л. 35; Походный журнал 1712 года. СПб., 1854. С.13; *Баторевич Н. И.* Екатерингоф. История дворцово-паркового ансамбля. СПб., 2006. С. 48.

мимо журналов известен еще один документ того же года, но без точной даты, — копия ведения о строительных работах в Петербурге, в т.ч. в «Санкт-Катерингофе по апрису»[25]. Упомянутый чертеж и легенда к нему — безымянные, и хранятся они в разных местах. Лишь недавно по косвенным признакам получилось соотнести их с Екатерингофом. Следует заметить, что на обороте легенды стоит дата 9 мая 1712 г.[26]

В переписке Петра I в 1712 г. говорится о Калинкиной деревне, но есть некоторые нюансы. Упоминания ее встречаются в мае, июне и октябре, но свидетельства июня— октября отсылают к событиям мая[27]. Наконец, Ч. Уитворт сообщил в письме от 26 мая, что 22 мая Петр I отправился в «Калинку, небольшой загородный дом» (“Calinka, a little country house”). 25 мая знатные особы и иностранные послы были приглашены туда на вечер[28]. Однако, очевидно, сам автор там не присутствовал. Также стоит отметить, что в Походных журналах ничего не сообщалось о визите иностранных дипломатов.

Симптоматично, что в 1712 г. и Петергоф, и Екатерингоф называются в источниках двояко, но первые подлинные упоминания новых названий относятся к маю-июню. Петербург уже приобрел столичный статус. Обычно рубежом считают переезд «сенаторских персон» в апреле[29]. Одним из элементов столицы должна была стать система загородных усадеб вдоль южного берега Финского залива. Еще в 1710 г. будущую Петергофскую дорогу разметили на участки, и в течение четырех лет почти все они обрели владельцев. Наиболее активно новые хозяева получали земли в 1711–1712 гг. Тогда же велись строительные работы в Поповой мызе и «близ Калинкина», о которых Петр распорядился в начале 1711 г.[30]

---

[25] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Кн. 15. Л.717–718; Письма и бумаги Петра Великого. Т.12. Вып.1. М., 1975. С. 477–478.

[26] *Горбатенко С. Б.* Архитектурные маршруты Петра Великого. СПб., 2015. С.262, 360; Письма и бумаги Петра Великого. Т. 12. Вып. 1. С. 195, 477–478; АрхиповН.И., РаскинА.Г.Петродворец. М.; Л., 1961. С.9.

[27] Письма и бумаги Петра Великого. Т. 12. Вып. 1. С. 199, 200, 432, 487.

[28] Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 61. СПб., 1888. С. 204.

[29] *Анисимов Е. В.* Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003. С.73; Гистория Свейской войны. Вып. 1. С.379–380; *Мавродин В. В.* Основание Петербурга. Л., 1978. С. 136–138.

[30] *Горбатенко С. Б.* Архитектурные маршруты Петра Великого. С. 253–260; Петровский Петергоф в письмах и бумагах. Т. 1. С.121–122.

К маю 1712 г. царь посчитал, что усадьбы уже можно было демонстрировать публике. Вполне возможно, что именно в то время Петр подарил одну из них Екатерине, а другую оставил себе, подкрепив этот акт новыми названиями. Поводов для такого жеста накопилось достаточно: 19 февраля прошла свадьба, 5апреля — день рождения супруги, 30 мая — 40-летие самого царя[31]. Собрание 25 мая в Екатерингофе можно считать демонстрацией личной резиденции государыни царицы, а 3–4 июня царь показал гостям и личную резиденцию в ее новом статусе.

В отличие от случая с Петергофом, топоним «Екатерингоф» не заменил «Калинкину». Например, 26 апреля 1713 г. по одному журналу флот стоял «в Калинкиной», а по другим— «против Катерингофа»[32]. Позже деревня превратилась в слободу и постепенно вошла в состав города, сохранившись в топонимии. Попова мыза исчезла практически мгновенно и без следа. Уже после смерти Петра I И. А. Черкасов задавался вопросом: «Спросить, где оная, не то ли, что Питергоф»[33].

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что названия «Петергоф» и «Екатерингоф» возникли в конце мая 1712 г. В 1710–1711 гг. у Петра I зародилась идея Петергофской дороги с системой загородных усадеб, в которую были включены Попова мыза и дворец возле Калинкиной. После свадьбы с Екатериной Алексеевной Петр I одарил свою супругу личной резиденцией. В мае— июне 1712 г. они посетили оба «двора» и продемонстрировали их публике в новом статусе — как Петергоф и Екатерингоф.

Постепенно новые топонимы утвердились в документах и переписке. Тогда же, в 1711–1715 гг., Петр активизировал работу над составлением будущей «Гистории Свейской войны», над которой трудились В. Г. Шиллинг, Г. Гюйссен, Ф. Прокопович и другие. В 1715 г. к ней подключились сам ПетрI и Кабинет во главе с А. В. Макаровым. Для многочисленных участников требовались не только подлинные журналы и документы, но и копии. Очевидно, в ходе их подготовки копиисты заменили устаревшее название «Попова мыза» на новое — «Петергоф».

---

[31] Впрочем, существует предположение, что подарок был сделан еще в марте 1711 г. (*Андреев А. И.* Остров Екатерингоф // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып.2. М.; СПб., 1995. С.171).

[32] Походный журнал 1713 года. СПб., 1854. С. 20, 58.

[33] Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра I). Вып. 2. С. 162.

Давид Иосифович РАСКИН
(Санкт-Петербург)
Профессор Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета

Управление строительством Санкт-Петербурга в системе государственных учреждений Российской империи: от Петра I до середины XIX в.

David I. Raskin

Construction Management of St. Petersburg in the System of State Institutions of the Russian Empire: From Peter I to the mid-19th Century

Аннотация: Статья посвящена истории управления строительством Санкт-Петербурга в XVIII— первой половине XIXв. Рассматривается история государственных учреждений и органов местного самоуправления, ведавших планировкой и застройкой города. Анализируется место этих учреждений в системе государственного управления Российской империи. Становление системы управления строительством Санкт-Петербурга связывается с историей становления системы государственных учреждений России.

Abstract: The article is devoted to the history of construction management in St. Petersburg in the 18th— first half of the 19thcenturies. The article examines the history of government institutions and local governments that were in charge of the planning and development of the city. The article analyzes the place of these institutions in the system of public administration of the Russian Empire. The formation of the construction management system in St. Petersburg is associated with the history of the formation of the system of government institutions in Russia.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, строительство, государственные учреждения, органы местного самоуправления.
Keywords: St. Petersburg, construction, government agencies, local governments.

История государственных учреждений, осуществлявших управление Санкт-Петербургом, до сих пор остается актуальным направлением исследований для историков. Это обусловлено как особым положением столичного города, так и недостаточным освещением в научной литературе истории отдельных учреждений.

Среди возможных аспектов истории государственных учреждений и учреждений местного самоуправления Петербурга история управления строительством Северной столицы представляет отдельный интерес.

В докторской диссертации С. В. Семенцова[1] (и, соответственно, в ряде его публикаций) заметное место занимают сведения (хотя и не всегда полные) об учреждениях, осуществлявших руководство градостроительным развитием Санкт-Петербурга. Но — в соответствии с задачей автора — эти сведения дополняют и иллюстрируют историю градостроительства. Задача же настоящей работы — рассмотрение истории данных учреждений в системе государственных учреждений России XVIII — 1-й пол. XIX в. Таким образом, данная статья относится к теме истории государственных учреждений, а вопросы истории архитектуры и градостроительства в ней специально не рассматриваются.

Санкт-Петербург создавался как новая столица империи. Но эту столицу предстояло еще построить. Поэтому управление строительством «града Петра» долго было важной и неотъемлемой задачей государственного управления. Выполнение этой задачи требовало не только поручений, возлагавшихся на определенных должностных лиц (adhoc), но и создания специальных учреждений. В течение XVIII — первой половины XIX в. можно наблюдать, как задачи (и соответствующие им учреждения) по управлению столицей тесно переплетались с задачами (и, соответственно, учреждениями) в сфере строительства.

Для XVIII в. характерно отсутствие четкого деления на высшие, центральные и местные учреждения, смешение функций отраслевого управления (до министерской реформы 1802 г. находившегося в процессе становления), а также сочетание чрезвычайных и обыч-

[1] *Семенцов С. В.* Градостроительное развитие Санкт-Петербурга в 1703–2000-е годы: Автореф. дис. ... докт. архитектуры. СПб., 2007.

ных учреждений, часто с довольно неопределенной системой подчинения.

Все это нужно иметь в виду при рассмотрении первого этапа (XVIII — нач. XIX в.) истории учреждений, управлявших строительством Санкт-Петербурга.

Начиная с момента основания города общее руководство строительством и обустройством города осуществлял генерал-губернатор (эта функция сохранялась и после опалы Меншикова), конкретное генерал-полицмейстер. Но уже в 1712 г. была конституирована созданная ранее (не позднее 1706 г.) Канцелярия городовых дел, ведавшая постройкой столицы[2]. В 1723 г. она была переименована в Канцелярию от строений, а ее задачей стало заведование постройкой казенных сооружений (хотя на практике она занималась и строительством домов членов императорской фамилии и ведущих государственных деятелей). При этом канцелярия получила статус коллегии (учреждением центрального подчинения была и с самого начала). Управление строительством Петербурга входило, таким образом, в число основных функций центрального управления.

Характерна дальнейшая эволюция этого учреждения. В 1746 г. канцелярии была подчинена ведавшая строительством дворцовых зданий Гофинтендантская контора (учреждена в 1732 г.). В 1765 г. канцелярия была переименована в Канцелярию от строений е.и.в. домов и садов, а вскоре (в 1769 г.) — в Контору от строений е.и.в. домов и садов[3]. Так учреждение, заведовавшее строительством города, стало учреждением придворного ведомства. При этом статус центрального учреждения, подчиненного Сенату и лично императрице, оно сохранило.

Но в 1797 г. Контора от строений была переименована в Гофинтенданскую контору (просуществовала до 1851 г., постепенно утрачивая ряд функций всфере строительства). Это ознаменовало ее окончательный переход в придворное ведомство (оформленное в министерство лишь в 1826 г.)[4].

Так дворцовое строительство (в значительной степени, впрочем, продолжавшее примерно до середины XIX в. формировать облик Северной столицы) отделилось от казенного и тем более частного.

---

[2] В фонде Канцелярии от строений (РГИА. Ф. 467) самые ранние материалы относятся к 1712 г.

[3] Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: В 4 томах. Т. 3. Центральные государственные учреждения / Отв. ред. и отв. сост. Д.И.Раскин. СПб.: Наука, 2002. С. 151.

[4] Там же. С. 146, 151–152.

Постепенно выделилось и управление строительством объектов военного и морского ведомств, учреждения которых сохраняли ведомственную обособленность вплоть до министерской реформы 1802 г.

Но задача общего руководства планировкой и застройкой Санкт-Петербурга оставалась актуальной. В 1737 г. (после пожаров 1736–1737 гг.) была создана Комиссия о Санкт-Петербургском строении, роль которой в формировании плана Петербурга трудно преуменьшить. В ее состав входили выдающиеся архитекторы, а результаты работы комиссии заметны на плане центральной части города и по сей день. Формально эта комиссия находилась под общим надзором генерал-губернатора гр. Х. Б. Миниха, фактически являлась центральным учреждением и подчинялась Сенату[5].

11 декабря 1762 г. ее сменила учрежденная сначала в качестве временного органа Комиссия для устройства городов Санкт-Петербурга и Москвы. Она существовала под разными названиями: Комиссия о Санкт-Петербургском каменном строении, О каменном в Москве и Санкт-Петербурге строении комиссия и даже Комиссия о строении городов. К моменту ликвидации имела наименование «Комиссия о строении Санкт-Петербурга, Москвы и других городов», а в историографии закрепилось название «Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы». Такая неопределенность и в статусе, и в наименовании характерна для данного периода.

Фактически (в Петербурге) эта комиссия занималась планировкой (генеральной и частной) и благоустройством города (строительство каналов, устройство набережных), отводом участков под частную застройку и т. д. Была подчинена Сенату, т.е. существовала на правах центрального учреждения. Упразднена она была при Павле I, 2 декабря 1796 г.[6]

Параллельно шел процесс формирования местных административно-полицейских органов, а затем и органов городского самоуправления, заведовавших строительством в Санкт-Петербурге.

Непосредственный надзор за строительством (прежде всего обывательских домов) и благоустройством города первоначально осу-

---

[5] Российский государственный исторический архив: Путеводитель в 4 томах. Изд. 2-е, доп. и испр. Т. 1. Фонды высших государственных учреждений/ под ред. Д. И. Раскина и А. Р. Соколова; отв. сост. Д. И. Раскин. СПб.: Лики России, 2012. С. 138.

[6] Органы власти и управления Санкт-Петербурга. 1775–1993: Справочник. Т. 2. / Науч. ред. Д. И. Раскин, И. А. Тропов; отв. сост. Т. Е. Герасименок, Е. И. Зверева. М.: ОСТ ПАК НТ, 2022. С. 298–301.

ществляла Полицмейстерская канцелярия, а общий надзор— генерал-губернатор. Но, как указано выше, значительная доля забот о строительстве столицы была возложена на комиссии и конторы, находившиеся на особом положении.

Созданная в ходе екатерининских реформ местного управления Управа благочиния (1782 г.) стала осуществлять отвод мест под застройку и домов под жилье, надзор за состоянием дорог, улиц, мостов и переправ, за постройкой храмов[7].

После т.н. городской реформы ЕкатериныII наблюдение за прочностью публичных городских зданий, заботы о возведении необходимых городских построек и оборудовании площадей для торга, пристаней, амбаров, магазинов и т. п. были возложены на Санкт-Петербургскую городскую шестигласную думу[8].

Но екатерининские учреждения претерпели изменения (хотя и временные) при Павле I.

В 1798 г. на основании «Устава столичного города Санкт-Петербурга» (отменявшего екатерининскую реформу) была учреждена Контора городских строений в Санкт-Петербурге. Эта контора находилась в ведении Комиссии по снабжению резиденции припасами, распорядком квартир и прочих частей, до полиции относящихся, — учреждения с неопределенным статусом, по ряду признаков — высшего или центрального. В ее функции входили устройство и содержание казарм для войск; содержание «квартирных домов», составление проектов, смет, надзор за строительством. Контора была упразднена в 1802 г. в связи со вступлением в силу указа «О восстановлении разных присутственных мест и о штатном положении Санктпетербургской и Московской губерний»; ее дела по части строительства казенных зданий были переданы в Санкт-Петербургскую городскую думу, а дела по частному строительству — в Управу благочиния[9].

Летом 1803 г. был создан — под номинальным председательством санкт-петербургского военного губернатора (главнокомандующего) — Комитет городских строений. В комитет входили представители городского общественного самоуправления. Позднее, с 1826 г., в комитет стал назначаться — высочайшей властью — предсе-

---

[7] Органы власти и управления Санкт-Петербурга. 1775–1993: Справочник. Т. 1 / Науч. ред. Д. И. Раскин, И. А. Тропов; отв. сост. Т. Е. Герасименок, Е. И. Зверева. СПб.: Медиакомфорт, 2021. С. 115–125.

[8] Там же. С. 215–219.

[9] Органы власти и управления Санкт-Петербурга. 1775–1993: Справочник. Т.2. С. 302–303.

датель. Первоначально главной функцией комитета было строительство казарм на Петербургской стороне, а также проведение некоторых работ по благоустройству города (устройство и содержание подземных труб и тротуаров, мощение торговых площадей и улиц и т. п.). Но в 1808 г., при переименовании комитета в Санкт-Петербургский комитет городских строений, на него были возложены задачи постройки и ремонта всех казенных зданий, в том числе военного губернатора, обер-полицмейстера, Управы благочиния, Пожарного депо, Городской думы, городской тюрьмы, казарм, съезжих дворов. В 1816 г. функции комитета были несколько сужены. За ним оставались постройка и исправление казарм, съезжих домов, буянов, мостов, тротуаров и т.д. Комитет просуществовал до 1842 г.[10]

Формирование облика центра Санкт-Петербурга при Александре I и (в несколько меньшей степени) при Николае I интенсивно продолжалось. Поэтому 3 мая 1816 г. создается Санкт-Петербургский комитет для строений и гидравлических работ. На этот комитет были возложены следующие функции: рассмотрение проектов застройки города, прокладки новых улиц, устройства площадей, проездов и т. д.; исправление и регулирование существующей застройки и уличной сети; разработка правил и проектов лучшего мощения улиц, устройства канализации и т.п.; рассмотрение чертежей и планов строящихся в столице гражданских зданий всех ведомств и форм собственности, проектов ремонта городских построек и приведения в порядок фасадов; разработка строительных правил и норм и т. д. Комитет находился в ведении главнокомандующего (военного губернатора), но поскольку первые 7 лет его возглавлял А. А. Бетанкур, бывший в 1818–1822 гг. главным директором путей сообщения, статус комитета можно считать приближенным к статусу центрального учреждения. Комитет был упразднен в 1842 г. с передачей функций в правление 1-го округа путей сообщения и публичных зданий[11].

Это было последнее особое учреждение, созданное специально для Санкт-Петербурга. Управление строительством Санкт-Петербурга постепенно вписывалось в порожденную министерской реформой систему учреждений центрального и местного управления и городского самоуправления.

В 1811–1832 гг. строительными делами (прежде всего строительством казенных зданий) ведало 2-е отделение Департамента госу-

[10] Там же. С. 304–308.

[11] Там же. С. 308–310.

дарственного хозяйства и публичных зданий МВД[12]. В 1832 г. Главное управление путей сообщения было преобразовано в Главное управление путей сообщения и публичных зданий, и к нему перешло руководство гражданским строительством в империи. В его составе строительством ведал сначала 2-й департамент, а с 1842 г. — департаменты Искусственных дел, Хозяйственных дел и Рассмотрения проектов и смет[13]. И, наконец, с 1865 г. эти функции перешли в МВД, к его Техническо-строительному комитету[14]. Отметим, что по отношению к Петербургу и Москве этот комитет обладал расширенными полномочиями (рассмотрение проектов не только казенных, а всех зданий в столицах).

На местном уровне после упразднения в 1866 г. должности петербургского генерал-губернатора полицейский надзор за частным строительством перешел к петербургскому обер-полицмейстеру[15], а затем (в 1873–1881, 1883–1917 гг.) — к петербургскому градоначальнику (технической части градоначальства)[16]. Но деятельность канцелярий этих начальствующих лиц в основном была сосредоточена не столько на застройке, сколько на планировке города. И в сохранившихся архивных материалах она слабо отражена.

Полномочия дореформенной городской думы по части строительства, осуществляемого за счет городских средств, были весьма ограничены. Это относится и к образованной в 1846 г. Распорядительной думе[17]. Но после реформы 1870 г. Петербургская городская управа осуществляла активный контроль за проектированием и строительством частных и общественных зданий в Петербурге[18] (что отразилось на масштабах ее делопроизводства). Ее функции были эффективно увязаны с функциями Техническо-строительного комитета МВД.

---

[12] Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: В 4 томах. Т. 2. Центральные государственные учреждения / Отв. ред. и отв. сост. Д. И. Раскин. СПб.: Наука, 2001. С. 28.

[13] Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: В 4 томах. Т. 3. С. 8–9, 21–23.

[14] Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: В 4 томах. Т. 2. С. 52–53.

[15] Органы власти и управления Санкт-Петербурга. 1775–1993: Справочник. Т. 1. С. 99–106.

[16] Там же. С. 146–151.

[17] Там же. С. 219–224.

[18] Там же. С. 240–255.

Таким образом, строительство новой столицы и последующее формирование облика города потребовали создания чрезвычайных учреждений, а по мере того, как этап создания Санкт-Петербурга сменился этапом строительства в Санкт-Петербурге (планировка и застройка сложившегося города), управление этим процессом стало переходить к регулярным центральным и местным государственным учреждениям, а затем также и корганам городского самоуправления (при сохранении некоторой специфики, обусловленной особым статусом столичного города).

Ольга Евгеньевна КОШЕЛЕВА
(Москва)
Ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

«Я, нижеименованный, имею двор на Санкт-Петербургском острову…» Дворовладение жителей Петербургского острова по их сказкам к переписи 1717 г.

Olga E. Kosheleva

"Me, Named Below, Have a Residence on St. Petersburg Island…" St. Petersburg' City Residences as Presented by Their Owners in Census Statements of 1717

Аннотация: Перепись Санкт-Петербургского острова, центрального района столицы петровского времени, осуществленная в 1717 г., зафиксировала особенности его заселения, а именно время и формы получения дворов в собственность их владельцами. От переписи сохранилось более 350 сказок, поданных жителями острова: они написаны на отдельных листках и подписаны владельцами дворов. Сказки слабо структурированы и содержат много индивидуальных особенностей. На их основе в статье описываются формы первичного приобретения земли под дворы, их дальнейшая купля-продажа, отношение к оформлению собственности, некоторые поземельные конфликты, соседство по улице, специфика формулировки «адреса» двора, грамотность составителей сказок и др.

Abstract: The 1717 census data fixed some settlement peculiar futures of St. Petersburg Island — the core of the original city of Peter's time, — i. e. date and

modes of acquisition of the city residences by its heads, and their real estate evidences. Census materials present about 350 census statements (*skazki*) of those surveyed, written on separate sheets of paper and signed by the owner of each city residence concerned. The texts of statements were not strictly formalized; they have many additional comments of its authors. The article discuss some problems of moving the legal ownership of real estates from one person to another; the attitude towards authorization documents, some conflicts on city land possession, streets' neighboring, wording of estate address, literacy of city residents, etc.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский остров, сказки переписи 1717 г., городские дворы, владельческие документы, грамотность.
Keywords: St. Petersburg Island, census statements 1717, city residence, authorization documents, literacy.

С 1710 по 1718 гг. на Санкт-Петербургском острове процедура переписи проводилась четыре раза. Переписывались и другие части города, но в полном объеме сохранились материалы переписей именно по этому району. Переписные книги 1710 г. по Петербургу, на которые часто ссылались его жители, либо не существуют, либо пока не обнаружены. Организаторы каждой из трех последующих подворных переписей ставили в центр внимания *разные объекты*: в 1713 г. население города спрашивали, какие постройки имеются во дворах (вероятно, для организации постоя); в 1717 г. — каким образом приобретен двор (т. е. выяснялись права на земельную собственность), в 1718 г. предоставлялись сведения обо всех (и временных, и постоянных) жителях дворов. Таким образом, переписи дают *разносторонние сведения* о дворах С.-Петербургского острова и их жителях. Они позволяют мысленно пройти по улицам новой столицы, заглянуть в каждую городскую усадьбу, увидеть и ее постройки, и ее обитателей.

О значимости этих переписей и их большой информационной отдаче я писала и говорила 20 лет тому назад, во время празднования юбилея Петербурга в 2003 г., призывая обратить внимание на лежащие невостребованными в архивах переписи Петербурга и сделать на их основе хотя бы компьютерные базы данных. Но этот призыв остался неуслышанным, что, возможно, и к лучшему: при нынешнем уровне компьютерных возможностей базы данных делать гораздо проще; кроме того, новые технологии позволяют создавать научно обоснованные виртуальные реконструкции. Примеры такой работы есть: Страстной монастырь в Москве, Екатеринбург первых лет существования, улица Кёнигсберга, на которой жил Кант. Подобную реконструкцию можно сделать если и не для всего

Петербургского острова, то хотя бы для одной из его улиц, или для Троицкой площади, или для набережных Невы. Однако для осуществления такого проекта нужны инициатива, специалисты и деньги. Все это рано или поздно появится.

Перепись 1717 г. проводилась по требованию Петра I, находившегося в это время за границей, но постоянно думавшего о своей новой столице. Царь просил кн. А. Д. Меншикова собрать и прислать ему сведения о количестве дворов в Санкт-Петербурге и о том, с какого времени и на каких основаниях хозяева ими владеют[1]. Перепись 1717 г. замечательна тем, что от всех этапов ее проведения сохранились документы: и сами сказки, поданные жителями, и перечневые выписи, и табели[2]. В данной статье речь пойдет именно о текстах сказок дворовладельцев, которые не имели четкого формуляра, а потому помимо фактической информации содержали субъективные высказывания их подателей.

Сбор сказок начался 4 мая 1717 г. и закончился в июне. Судя по их датам, опросом занимались ежедневно, без выходных и праздников. Результаты трудов по обработке данных сказок и составлению Табели были переданы дьяком Иваном Свешниковым в Губернскую канцелярию 24 августа 1717 г.[3] На С.-Петербургском острове насчитали 1678 дворов, включая и те 325, сведения о которых не были поданы. Эта цифра вошла во все труды по раннему Петербургу, но информативная отдача от материалов переписи гораздо больше, чем общая цифра количества дворов. Сказки 1717 г. раскрывают историю заселения Петербургского острова, пути приобретения земли, интенсивность осуществления купли-продажи дворовых мест, а также демонстрируют уровень грамотности населения и мн. др. Сказки сохранились не полностью: мне известно около 350 экземпляров; с 1717 г. их до меня никто ни разу не брал в руки.

Ко времени данной переписи дворы С.-Петербургского острова не раз сменили своих хозяев. В строящийся город временно приезжали мастеровые, торговцы, посадские люди, чиновники, крестьяне-отходники, солдаты и др. Уезжая из Петербурга, они продавали свои дома вновь прибывшим. Эти жилища — по большей части деревянные курные избы — строились на скорую руку и не обустра-

---

[1] РГАДА. Ф. 198. Д. 94.

2 РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1054–1420; Ф. 198. Д. 642; Ф. 199. Портф. 150. Ч. 17. Д. 4.

[3] О составлении табели этой переписи и других аспектах ее проведения и обработки подробнее см.: *Кошелева О. Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. С. 54–60.

ивались так, как обустраивают дом для своей семьи. Сказки свидетельствуют о том, что большинство первоначальных владельцев — военные: в основном солдаты, а также младшие офицеры и денщики. Землю продавали и солдатки-вдовы. Те из них, кто дворы не продал, а сохранил, сообщили, что землю им отводили коменданты Петропавловской крепости — Роман Брюс и Вилим де Геннин — и никаких документов на землю им не выдавалось. Иначе говоря, бюрократическая система в новой столице еще не работала в полную силу. Белозерскому полку по каким-то причинам землю не отводили, поэтому его солдаты сами находили себе участки и строились там начиная с 1704 г.

Возмущаясь требованием переписчиков указать, по какому праву они владеют землей, жители давали такие разъяснения: пушкарь Лапотников, сказал, что его двор построен на порожнем месте в 1711 г.,

> «а земли мне под тот двор нихто не отводил, потому что в том месте строились всяких чинов люди повольно и никому заказу в строении не было. И с того вышеписанного числа живу я в том дворе и поныне, и данной мне на то дворовое место не дано» (1131)[4];

посадский из Новгорода также сообщил, что двор он построил в 1713 году на порожнем месте: «...а нихто тово места мне не отводил, для того, что в тех годех строица было повольно» (1100).

В то же время с 1704 г. набережная Малой Невы застраивалась элитными дворами знати, среди которых выделялся дом канцлера графа Г. Головкина. Его домовых дел писарь сообщил в сказке, что хоромы на стрелке Большой и Малой Невы отстроены в камне в 1710 г., «и ему, графу, дано место в то время как зачат Санкт Петербурх» (1309).

Сказки показывают, как одни владельцы сокращали свои дворы, продавая половину их территории, а другие, наоборот, увеличивали, прикупая близлежащие владения. Например, замочный мастер К. Аввакумов сообщил, что «тремя дворами владеет он за один двор» (1187). Многие жители имели по несколько дворов в разных районах Петербургского острова. Так, ландрихтер Петербурга, главный судья Надворного суда дьяк Феодосий Мануков в 1710 г. купил двор со строением на Дворянской улице, к которому в 1711 г. на основании данной грамоты был прибавлен соседний участок земли

[4] Здесь и далее в скобках указывается номера сказок, которые находятся на хранении в РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1054–1420.

Семена Хрущева. К другому своему двору, в Белозерской слободе, Мануков тоже прикупил дворы со строениями. Третий двор он приобрел в 1713 г. на протоке (1152). Посадский из Ярославля К. Вакулин имел два двора: один он купил в 1714 г. «для торгового своего промыслу», еще не будучи петербургским жителем, но к 1717 г. он стал таковым и приобрел новый двор, видимо, более пригодный для постоянного проживания (1132).

С какой целью приобреталось несколько дворов? Люди зажиточные следовали петровским указам строить дома не только для себя, но и для сдачи внаем. У некоторых была необходимость иметь дополнительную площадь для работы (художникам и другим мастерам требовалась мастерские, приказным — место для занятий с учениками и писцами и т. д.). Возможно, для улучшения жилищных условий многим хозяевам было проще купить новый дом, чем заниматься ремонтом старого. Старые же дворы использовали под хозяйственные нужды, они также давали владельцам возможность выселить из собственного двора часть прислуги и постояльцев.

В то же время отмечено немало случаев, когда один двор имел нескольких хозяев, живших вместе. Два купца, владевших одним двором, были «выписаны на житье» в Петербург, построились и уехали в Москву «по делам» (1117); одним двором жили столяр и резчик, присланные «к городовым делам» (1067); совместно жили и два посадских человека (1307). Расчетливо поступили ярославцы, купив двор на свои мирские деньги «для их приезду на время» (1109). Эти случаи отражают временное «деловое» проживание в городе.

Перепись 1717 г. демонстрирует многообразие форм передачи земли и дворов в собственность, что, конечно, обусловлено специфичностью нового, необычного для поселения русских горожан места. Дворовые места приобретались: 1) по царским именным указам с получением «данной грамоты» на землю или, что случалось чаще, без таковой; 2) на основе «данных грамот» из Губернской канцелярии (чиновничество, государевы мастеровые); 3) по отводу земли под дворы разными «начальственными» персонами, в первую очередь комендантами Петропавловской крепости (Р. В. Брюсом, В. И. де Генниным, М. О. Чемесовым), главным архитектором Д. Трезини и некоторыми другими лицами, сделавшими единичные отводы; 4) самостоятельно, путем застройки пустующего места без каких-либо указов; 5) на основе купли земельного участка или обжитого двора; 6) в результате различных сделок (дарение, наследование, закладная грамота), которые документально оформлялись в Губернской канцелярии.

В сказках часто использовалось выражение «поступился мне своим двором такой-то», например:

> «оным двором поступился мне за долговые мои деньги каменного дела подмастерье Андрей Иванов» (1133); «двором поступился мне посадский человек Семен Матвеев за долговые деньги, которые занял у меня он, Семен Матвеев, в нынешнем 717 году, в генваре, 19 рублей для нужды своей. По коих мест он... тех денег не выплатит, и мне... двором владеть не в куплю и не в продажу» (1195); «оным двором уступил мне за долговые мои деньги салдат Максим Семенов. На тот двор есть у меня ево письмо» (1215).

Особенно подробно описывалось оформление двора в собственность за долги в сказке дворянки Пелагеи Мякининой:

> «а оной двор достался мне в прошлом 1714 году по уступке Ильины жены Васильевского Марфы Дементьевы дочери за долговые мои... деньги, за сто рублев, а поступного письма у меня, Пелагеи, нет. Только у той поступки принесена у них [т. е. у Марфы и Пелагеи. — *О. К.*] в Сенат челобитная, и по той челобитной из Сенату послан в Губернскую канцелярию указ, по которому велено на тот двор дать данную, и по тому указу в 715 году на тот двор дана мне данная и ныне у меня есть» (1251).

Иначе говоря, когда в сказке отмечали наличие на двор «поступного письма» вместо купчей, речь шла о том, что двор не продан, а им «поступились» по каким-то причинам. Вероятно, существовала и форма фиктивной покупки двора — т. е. в порядке расплаты за долг (не обязательно денежный) двор могли продать по заниженной цене.

Родственники и, наверное, не только родственники, продавали дворы своим близким, основываясь на доверии и избегая долгой и затратной процедуры оформления сделки. Например, матрос Кобелев, купивший в 1713 г. двор у родственника, написал, что у него «на тот двор крепости никакой нет для того, что сделались по свойству» (1191). Иногда, уезжая, двор даже не продавали, а просто оставляли в нем жить кого-то из знакомых: так, например, ратушного подьячего Евстрата Пиминова поселил на своем дворе «по знакомству» уехавший в Новгород отставной солдат Никифоров (1215).

В сказках не встречается понятия «аренда». Видимо, ближе всего к этой форме владения формулировка «поступился на время»: так, по «поступному письму», а не по купчим, владели дворами все пленные шведы.

Сказки отразили разное отношение к документам на собственность: кто-то так и не удосужился взять «данную» (выданною государством грамоту) из канцелярии, а кто-то тщательно сберегал все купчие. Так, провиантмейстер И. П. Строев хранивший копии всех предыдущих купчих, сообщил, что его двор в 1711 г. был продан дьяком Л. Протасьевым подьячему М. Внукову, потом перешел к его брату И. Внукову, а в 1714 г. его купил уже сам Строев (1118). Двор посадского В. Якимовского с 1713 по 1717 г. также сменил четырех владельцев, и он имел все копии купчих (1146).

Отсутствие же документов, как часто его объясняли сами владельцы земли, компенсировалось тем, что в 1710 г. была проведена перепись дворов стольника Василия Жемайлова, и податели сказок говорили, что их двор зафиксирован в этих переписных книгах, а их совесть чиста.

Люди, получившие в городе административную власть, сами распоряжались отводом земли и, как увидим, делали это в свою пользу. Сказки содержат явные свидетельства этого, хотя их там быть вообще не должно. Неудовольствие исходило от представителей старой знати, имевших трения с новыми «петровскими» людьми, находившимися под покровительством Александра Даниловича Меншикова. Так, стольник Федор Лукич Мартемьянов сказал, что 1705 г. построил дом на берегу Малой Невы (здесь землю отводили людям родовитым). Но в 1710 г. он был послан в Выборг.

> «И тот двор взял после меня Ульян Якимов сын Синявин насильством. А на том дворе живет брат ево, Федор Якимов сын Синявин. А ныне построил <я> другой двор в 1710 г. в Дворянской слободе, на данной по челобитью земле» (1148).

Ульян Синявин и его брат возглавляли Канцелярию городовых дел, были в фаворе и могли не считаться с пожилым и небогатым стольником Мартемьяновым. Сам Федор Синявин о том же самом дворе сообщил для переписи, что он передан ему в 1710 г. по указу великого государя и по приказу А. Д. Меншикова и данная грамота из Губернской канцелярии у него имеется.

Другой схожий случай произошел тоже с человеком новым и имевшим административную власть — дьяком Оружейной палаты и цейх-директором типографии Михаилом Авраамовым. В 1713 г. он отводил землю под дворы работникам Оружейной палаты, о чем имеются многочисленные упоминания в переписи. Вот небольшой рассказ об этом случае в сказке 1717 г. окольничего кн. Никиты Михайловича Засекина. Один двор был у Засекина в Ружейной слободе, другой — куплен, «и купчая есть». Но «дьяк Михайло

Петров сын Авраамов сказал государя указом, чтоб <я> свез всякое строение и то место очистил под ружейные слободы, а ныне он, дьяк Михайло Авраамов, на том дворе живет сам и строение перевез свое, и владеет по неведомо каким крепостям» (1183). Черноделец Оружейной канцелярии описал аналогичный случай, произошедший с ним, совершенно иначе именуя главу этого учреждения: «...по приказу командира своего цейх-директора Михайлы Петровича Авраамова хоромное строение <я>) перенес от старого Гостиного двора, а построился у кузниц на порожжем месте» (1168). Таким образом, важные для города персоны, такие как Ульян Синявин и Михаил Авраамов, не без помощи губернатора Меншикова получили особые возможности в плане приобретения и отвода дворов.

Представители петербургской администрации соседствовали дворами друг с другом. Соседом цейх-директора Авраамова был ландрихтер Губернской канцелярии Феодосий Семенович Мануков. Из его вышеупомянутой сказки ясно, что из трех своих дворов он выбрал для проживания порожнее место «на протоке», которым ему «поступился» некий Прокофий Ушаков, и здесь он построил себе мазанки. Рядом находился двор бывшего вице-губернатора Я. Н. Корсакова, а в межах у него были дворы дьяков Дмитрия Овинова и Лариона Протасова. Овинов был коллегой Манукова по Губернской канцелярии, его ближайшим помощником, а в дальнейшем — судьей Надворного суда, также он являлся зятем Михаила Авраамова. О своем дворе (одном из трех) в приходе церкви Успения Богородицы Овинов сообщил следующее: «...построил я на данном месте, которое мне дано в 712 году по указу из Санкт-Петербургской канцелярии, между домов ландрихтера Федосея Семеновича Манукова и цейх-директора Михаила Аврамова». Место это — позади Кронверка, где протекала речка Мокруша, — стало заселяться в 1711 г.

Некоторые подробности жизни данных персон на Мокруше удается узнать из судебных документов. Перед дворами Манукова, Овинова и Авраамова располагался большой болотистый луг, который использовали под выпас коз и баранов. Слуги капитана Елагина пасли около сорока баранов прямо под окнами Д. Овинова «на болоте», там же прогуливались бараны и самого Овинова под предводительством старого племенного белого барана, и, естественно, «елагинские» бараны с «овиновскими» перемешались. Когда наступил вечер, люди Елагина «знатно, что с вымыслу», собирая своих баранов домой, прихватили и чужого белого барана. Пастух Овинова нашел его в елагинском стаде, но в ответ на просьбу животное

вернуть подвергся побоям, почему и решил обратиться в суд, где председательствовал его господин — дьяк Дмитрий Овинов[5].

Не только дьяки и подьячие Губернской канцелярии старалась жить по соседству — профессиональные слободы были вообще типичны для русских городов. Однако высокая частотность продаж дворов в Петербурге, какой не было ни в одном другом городе России, «перемешивала» население самым причудливым образом. В некоторых сказках указаны те, кто находился у их авторов «в межах», т. е. соседи по улице, что дает возможность узнать о соседском окружении. Так, у подьячего, жившего в Кузнецкой слободе, в межах были и кузнец, и царевич Сибирский Василий Алексеевич (1144); оружейный ствольный мастер имел в межах окольничего М. В. Собакина, дворянина И. Ф. Теляковского и замочника Оружейной канцелярии (1158). У дворянки Пелагеи Мякининой соседями были подьячий и священник (1140). В Петербурге соседствовали друг с другом люди, приехавшие из разных городов и даже из разных стран. Все это создавало неповторимую насыщенность социальных контактов горожан и их особый жизненный опыт.

Сказки также позволяют сделать наблюдения над тем, как люди обозначали местоположение своих дворов при отсутствии понятия «адрес». Обязательно в каждой сказке указывался церковный приход как наиболее стабильный административный ориентир. Приходов на Санкт-Петербургском острове имелось три: Троицкий, Казанский, Николая Чудотворца.

Слово «улица» в сказках появляется весьма редко, речь традиционно идет о слободах, и эти понятия в сказках взаимозаменяемы. Две главных слободы — Посадская и Дворянская, кроме них — Оружейная (или Кузницы), Мокрая слобода (или Мокруша) позади Кронверка, Наличная слобода «против Обжорного рынка» (1156), Новопостроенная слобода Колтовского полку (1154), Старая слобода против Мытного двора (1177), Белозерская слобода и др. Названия слобод менялись и не были официально закреплены. Например, говорилось: «В Посадской слободе, что преж сего была Пушкарская слобода» (1192). Иначе говоря, часто одно и то же место меняло название или в разных сказках именовалось по-разному.

Упоминания улиц также встречаются — это в основном широкие проезжие трасы: шедшая от Казанской церкви Большая улица, она же Большая Казанская улица; Большая Проезжая улица, «по которой ездят от Гостиного двора к Кузницам». От Гостиного двора

[5] РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1570. Л. 62.

также шли улицы, не имевшие названий, а обозначавшиеся цифрами — 3-я и 4-я улицы.

Отметить в сказке слободу или улицу было недостаточно: локация также производилась по некоторым наиболее значимым городским ориентирам, в первую очередь по разным административным и другим общественным местам и зданиям, например: двор «Позади Посольского двора и Подрядной канцелярии в переулке» (1303 об.), или «от Гостиного двора в третьей улице» (1301), или «против Кронверху у Сытного рынка» (1071).

Сказки 1717 г. отразили и уровень грамотности населения. Их писали как дворовые люди, так и сами хозяева или нанятые ими грамотеи. Человек вышеупомянутого стольника Мартемьянова за него руку приложил, не преминув отметить: «...для того, что господин мой грамоте не умеет» (1148). Тарх Хабаров — дворовый царевича Сибирского всю сказку написал собственноручно, и сделал это весьма хорошо (1144), так же поступил и денщик кн. М. П. Гагарина Осипов (1114, 1120). Стольник М. Голенищев-Кутузов сам сказку продиктовал и подписал своею рукою (1137). Иначе говоря, варианты записи сказок и подписей владельцев многообразны и требуют особого изучения.

В данной статье удалось лишь кратко обозначить основные темы, содержащиеся в сказках переписи 1717 г., и показать их значимость для изучения молодого Петербурга; каждая из тем требует полного раскрытия на основе дальнейшего целокупного изучения этого материала.

Ирина Александровна СЕРОВА
(Ярославль)
Старший научный сотрудник
Музея истории города Ярославля имени В. Г. Извекова

Ярославцы в новой столице

Irina A. Serova

Yaroslavl Residents in the New Capital

Аннотация: Статья посвящена участию в строительстве Санкт-Петербурга ярославских крестьян, которые чаще всего в петровское время выступали в роли строительных подрядчиков. Тяга их к новой столице, поначалу принудительная, со временем стала привычной. Посадские люди даже приобрели здесь на мирские деньги подворье.
Abstract: The article is devoted to the participation of Yaroslavl peasants in the construction of St. Petersburg, who most often acted as construction contractors in the time of Peter the Great. Their attraction to the new capital, which began as a forced one, eventually became habitual. Posad people even bought a farmstead here with worldly money.

Ключевые слова: Петр I, Санкт-Петербург, Ярославль, Канцелярия от строений.
Keywords: Peter the Great, St. Petersburg, Yaroslavl, Chancellery of Buildings.

«Ярославская губерния почти вся тянет к Петербургу. Это можно сказать решительно. О Москве здесь никто никогда не вспомнит и не говорит. Сильное влияние имеет на них „Петенбург“, как они выражаются, со всеми своими соблазнами»[1], — так писал команди-

[1] *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 20.

рованный в мае 1849 г. в Ярославль для инспектирования городских управлений Иван Сергеевич Аксаков.

Исторические связи Ярославля с Санкт-Петербургом складывались на протяжении столетий. С самого момента основания Северной столицы Ярославский край вместе со всей Россией расплачивался за мечту Петра о «парадизе» людскими ресурсами и нес тяжелое бремя расходов.

Небывалый размах строительных работ в Петербурге потребовал огромного количества рабочих рук. В результате последовал ряд царских указов о переселении изо всех губерний, уездов и посадов каменщиков, кирпичников, плотников, кузнецов с их семействами «на вечное житье». Массовое насильственное переселение на новые места не было для России чем-то новым. Достаточно вспомнить, что еще в 1699 г. для заселения Азовского края из пошехонских дворцовых сел переселили 2530 крестьянских и 20 бобыльских дворов[2].

Кроме тех, кто выезжал из посадов в Петербург «бессрочно», посылались и работники на время. В 1718 г. из Переславля-Залесского и Дмитрова было приказано выслать «для городового дела» 336 работных людей — плотников, и «быть им у дела три месяцы: май, июнь, июль». Затем следовала смена «с Ростова 335 человек и быти им у дела август, сентябрь, октябрь»[3].

Новая столица должна была быть каменной. В 1711 г. согласно присланному указу велено было выслать 200 человек каменщиков — «которые в остатке за переведенцы». Однако, как докладывал генерал-губернатору Петербурга князю А. Д. Меншикову ярославский обер-комендант Г. И. Волконский, «по сказкам старост каменщиков с Ярославского уезду собрано и послано в Санкт-Питербурх майя в 28 день с присланным унтер-офицером 119 человек»[4]. Подъемные деньги для устройства на новом месте собирались с жителей сельских и посадских общин. В том же докладе читаем: «Подножных денег тем каменщикам собрать с Ярославля и слобод и ярославского ведения городов с посадов же по 5 рублев на человека и на дорожной проход выдать им по 3 рубли да при них послать по 2 рубли человеку»[5].

---

[2] *Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. IV. 1699–1701. М., 1948. С. 282.

[3] *Кошелева О. Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. С. 88–89.

[4] Ярославль: История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 года. Ярославль, 1990. С. 161, 162.

[5] Там же. С. 161.

9 октября 1714 г. последовал знаменитый указ о запрещении на несколько лет по всей России «всякого каменного строения, какого бы имени ни было, под разорением всего имения и ссылкой; и сей указ объявить во всех городах и уездах С. Петербургской Губернии [в нее как раз и входил Ярославский уезд — *И. С.*] <...>, дабы неведением никто не отговаривался»[6]. После чего те каменщики, которые еще оставались в Ярославле, вынуждены были отправиться на поиски лучшей доли в Санкт-Петербург, чтобы прокормить свои семьи. В 1717 г. даже встал вопрос об отмене трудовой повинности по строительству Петербурга, так как «ныне на многие дела являются подрядчики и наемщики, которыми некоторые работы исправляются удобнее и скорее, нежели государственными работниками»[7].

Поскольку с каждым годом желающих заработать в столице становилось все больше, начиная с 1718 г. власти, чтобы не переплачивать, стали устраивали торги на строительные работы. Это было и дешевле, и быстрее. Подряд отдавали тому из участников, кто просил за работу меньше денег.

Саму процедуру торгов, как раз с участием крепостного крестьянина из Ярославского уезда Степана Тарабанина, подробно описал в книге «Юный град» Е. В. Анисимов. В итоге Тарабанин, явившись 23 июня 1724 г. на торги по поводу подряда на возведение стен Петропавловского собора, сбил первоначальную цену более чем вдвое, согласившись со своей бригадой «своды, и купол, и стены кругом делать <....> самым добрым мастерством» по цене 1 руб. 60 коп.[8]

Именно ярославские крестьяне, по мнению О. Е. Кошелевой, чаще всего и выступали в роли строительных подрядчиков новой столицы[9]. Дело это было не простое, хлопотное. Подрядчики сами набирали бригаду, следили за работой мастеров, обеспечивали их всем необходимым. Да еще нужно было уметь договариваться с начальством, ладить с нанятыми людьми. Как нельзя кстати пришлись тут и смышленость ярославцев, и их особая жизненная хватка, «умение ужиться где угодно и с кем угодно и найтись в самых трудных обстоятельствах, выносливость в труде и нужде... и решимость на риск в благоприятную минуту»[10] — качества, не раз отме-

---

[6] ПСЗ-1. Том V. 1715–1719 гг. СПб., 1830. № 2848. С. 126.

[7] ПСЗ-1. Том V. № 3124. С. 522.

[8] *Анисимов Е. В.* Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003. С. 101.

[9] *Кошелева О. Е.* Указ. соч. С. 252–253.

[10] Обращение протоирея П. А. Семенова к землякам, жившим в Петербурге. Из кн.: Ярославское благотворительное общество в Петербурге. СПб., 1898. С. 14–17.

чавшиеся современниками. И. С. Аксаков вообще называл ярославского крестьянина «венцом создания в Великороссии по своим дарованиям»[11].

В этой связи особого упоминания заслуживает каменных дел мастер Яков Неупокоев, владельческий крестьянин вотчины поручика Ильи Васильевича Ржевского[12] из деревни Бор Ярославского уезда. Вот что сообщает о нем известный исследователь истории Петергофа Н. И. Архипов: «Этот богатый подрядчик с огромным строительным опытом был крупной фигурой в строительстве петровской эпохи. В торговых листах мы часто встречаем его имя, и не было почти ни одной значительной стройки в столице и пригородах, в которой он не принимал бы участия. В Петергофе работал он почти ежегодно, он построил Самсоновский канал, Марли и много других объектов. В Канцелярии от строений он был своим человеком и умел ладить с архитекторами»[13].

Действительно, список объектов, которые строились под наблюдением Неупокоева, поражает. Кроме уже упомянутых выше построек, он создает в Нижнем парке, на самом берегу Финского залива, из особого маломерного кирпича один из любимых загородных дворцов Петра I — Монплезир. В документах Канцелярии от строений сохранилось письмо петергофского комиссара С.? Кишкина «о приказании кр. Якову Неупокоеву, который подрядился построить полатки по концам галдареи и протчаго, и о выдаче ему напред 250 рублев и о протчем»[14]. Одновременно Неупокоев выступал подрядчиком на строительстве «нагорных (верхних) палат» (центральная часть нынешнего Большого дворца), для которых Петр I собственноручно сделал набросок.

В Петербурге он строил т. н. 2-ю Исаакиевскую церковь (на месте «Медного всадника»), в основание которой Петр I 6 (17) августа 1717 г. собственноручно заложил первый камень. Церковь строилась по проекту немецкого архитектора Г. И. Маттарнови, после смерти которого в 1721 г. строительство возглавил Н. Ф. Гербель. Из Протокола Канцелярии от строений августа 1825 г.: «Канцелярия от строений слушав сказок подрядчиковых о кладке в дело при

---

[11] *Аксаков И. С.* Указ. соч. С. 112.

[12] В литературе в качестве владельца иногда ошибочно указывается Раевский. См.: Николай Ильич Архипов. Исследования по истории Петергофа. СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2016. С. 193.

[13] Николай Ильич Архипов. Исследования по истории Петергофа. СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2016. С. 193.

[14] Там же.

строении Исаакиевской церкви плитного камня и кирпича приказали <...> крестьянину Якову Неупокоеву при строении оной церкви под каменную стену зделать фундамент плитным камнем <...> и с того фундамента зделать вчерне кирпичем стену <...> по показаниям архитекта Гайтана из казенных материалов»[15]. Спустя три года Гербель умер. Церковь фактически достраивал Яков Неупокоев[16].

Ярославль оказался причастным к сохранению «на предбудущие годы» одной из главных реликвий столицы — «Красных хором Его Императорского Величества». В 1723 г., когда праздновалось 20-летие со дня основания Петербурга, решено было соорудить над деревянным домиком Петра I защитную галерею на столбах по проекту Доменико Трезини и для этого «подрядить вольных людей каменщиков»[17].

31 августа 1723 г., согласно Его Императорского Величества указу, по определению Канцелярии от строений велено «помянутые каменные столбы на голярее с арками кругом Красных хором делать Ярославского уезду Подгородного стану села Почелок крестьянину <С>аблину из материалов, готовых у того дела, а именно: фундамент выбутить плитным камнем и в дело кирпич класть потысячно и делать ему самым добрым мастерством со всяким поспешанием его мастеровыми людьми по показаниям архитектора Трезина и отделать в том же лете 1723 года»[18].

В октябре на павильоне уже была установлена кровля из гонта, выкрашенная суриком, но из-за двух сильных наводнений работы затянулись до лета 1724 г.. На следующий год Трезини предлагает для лучшей сохранности хором «меж зделанных каменных пилястров кругом вместо боляс выкласть каменную стенку толщиною на полтара аршина, дабы прибыльными водами оных хором не подмывало»[19]. Но этот проект архитектора не был осуществлен.

Интересно, что, когда при Екатерине II летом 1784 г. решено было начать строительство новой защитной галереи, торги на выполнение работ вновь выиграли ярославцы — крестьянин Степан Судаков и Кузьма Колкотин из владельческой деревни Хребтово Даниловского уезда.

---

[15] РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 26. Л. 17 об.

[16] *Бутиков Г. П., Хвостова Г. А.* Исаакиевский собор. Л., 1974. С. 10.

[17] *Зязева Л. К.* Домик Петра I. Л., 1983. С. 14.

[18] Там же. С. 14.

[19] *Анисимов Е. В.* Город и Царь. Исторические эссе // Звезда. 2003. № 1. С. 67.

Помимо выполнения казенных заказов, подряжались ярославцы строить дома для петровской знати. В частности, в 1717 г. для известного сподвижника Петра I князя Василия Владимировича Долгорукова[20] крестьянин Антип Федоров строит двухэтажный дом с мансардою и высокой кровлей с переломом на «голландский манир» на реке Мойке, рядом с Зеленым мостом. Правда, заказчик вскоре был привлечен к суду по делу царевича Алексея Петровича и лишен всех чинов и званий. Его дом отошел в казну и в 1720 г. был передан Генерал-полицмейстерской канцелярии[21]. В 1730-х гг. архитектор М. Г. Земцов перестроил здание, а в середине XVIII в. над его центральной частью возвели башню. Сооружение стало называться «Домом главной полиции», а Зеленый мост — «Полицейским».

Отдельная страница в истории строительства города — участие ярославцев в освоении Васильевского острова, который по замыслу Петра I должен был стать административным центром столицы. Здесь вплоть до 1719 г. застройка шла очень медленно, несмотря на то, что этому вопросу уделялось большое внимание со стороны правительства. Поэтому для того, чтобы осуществить намеченный план, было решено прибегнуть к мерам особого принуждения. Когда-то молодой Петр, задумав создать в России регулярный военный флот, произвел корабельную раскладку на всех жителей Московского государства. И вот теперь, приступая к освоению Васильевского острова, он вновь определил указом возводить здесь каменное и деревянное строение по числу крестьянских дворов.

В 1719 г. начал строиться Василий Федорович Салтыков, брат вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны. Подрядчиком у него выступал владельческий крестьянин князя И. Ф. Барятинского Яков Иванов сын Бакутин из Ярославского уезда. Вместе с братом Фомой и односельчанином Федором Яковлевым сыном Требуховым он подрядился построить на берегу Большой Невы на 9-й линии каменный дом с фундаментом в два жилья на погребах с отделкой «вчерне».

Яков Бакутин уже несколько лет вел строительство в столице. Известно, что в августе 1717 г. дьяк Степан Богданович Неелов представил в Губернскую канцелярию подрядную запись о том, что Яков Бакутин «подрядился у него под мазанки, которые на Санкт-

[20] Дом В. В. Долгорукова располагался на месте нынешнего дома № 42 на набережной Мойки.

[21] *Кириков Б. М.* Улица Желябова — Большая конюшенная. Л.: Товарищество «Свеча», 1990. С. 39.

Петербургском острову за старою губернскою канцеляриею, фундамничать в земли, выбутить диким камнем, а снаружи выкласть кирпичем»[22].

Помимо «именитых» и знатных людей, дома обязано было возводить и духовенство. В указе от 12 февраля 1719 г. говорилось: «С патриарших, архиерейских и монастырских крестьянских дворов, у которых не отняты и владеют по-прежнему, строиться против обложенного числа с 500 дворов», то есть духовные лица и монастыри должны были строить, как и дворяне, с 500 дворов каменный дом на участке шириной 10 сажен по берегу Невы. А ежели у кого явится соблазн обмануть государя, то «велено будет вдвое построить»[23]. Еще через два года Петр обязал настоятелей крупных монастырей и архиереев, являющихся членами Святейшего синода, возводить за собственный счет подворья. На Васильевском острове располагались архиерейские подворья: Новгородское, Устюжское, Казанское, Ростово-Ярославское, Псковское, Рязанское, а также подворья Александро-Невского монастыря и Троице-Сергиевой лавры.

Сегодня из восьми подворий остались только два: Александро-Невского монастыря (на 7-й линии) и Ростово-Ярославское подворье (Лейтенанта Шмидта наб., 39), сохранившее в своем облике и планировке черты, присущие архитектуре петровского времени. Строительство последнего велось при епископе Георгии (Дашкове), получившем в управление Ростовскую и Ярославскую епархию в 1718 г.. Это был человек во вкусе Петра — энергичный и решительный. И хотя он не отличался особой ученостью и глубиной богословских познаний, зато обладал хорошими административными способностями.

Место под застройку было отведено от Невы — на набережной Невы между 17-й и 18-й линиями — и до переулка (впоследствии Финляндский переулок), устроенного специально для въезда во дворы домов, стоящих сплошной линией на набережной. «Каждому, из получивших приказание там строиться, дан был план, по которому и возводился фасад дома; внутренним же устройством всякий мог располагать как хотел»[24], — свидетельствовал камер-юнкер Ф. В. Берхгольц.

Главное здание подворья, обращенное к Неве, было построено по «образцовому проекту дома для именитых», разработанному в

[22] Кошелева О. Е. Указ. соч. С. 252.

[23] ПСЗ-1. Т. V. № 3305. С. 665.

[24] Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 17211725. М., 1902.Ч. 4. С. 87.

1717 г. французским архитектором Ж.-Б. Леблоном. Это был двухэтажный дом на подвале в семь осей по фасаду (шесть окон и дверь в центре), завершающийся высокой крышей с двумя слуховыми окнами. Вход в дом оформлялся крыльцом на два схода, внизу которого находился сквозной проход во внутренний двор. На втором этаже одного из строений подворья располагалась домовая церковь, освященная во имя ярославских чудотворцев. Дата окончания строительства подворья неизвестна. Есть лишь указание, что это было после 1722 г.. Этим годом датируется расписка епископа Георгия (Дашкова) «достроить каменное подворье на погребах»[25].

Осматривая Васильевский остров 11 марта 1725 г., Ф. В. Берхгольц записал, что «воздвигнуто уже большое количество прекрасных каменных домов, особенно вдоль по берегу Невы, и этот ряд строений необыкновенно живописно бросается в глаза, когда едешь вверх по реке из Кронштадта. Но большая часть этих домов внутри еще не отделана»[26].

В настоящее время бывшее Ростово-ярославское подворье возвращено церкви. Храм был освящен заново, но уже во имя св. Анастасии Узорешительницы.

Тяга ярославцев к Петербургу, поначалу принудительная, со временем стала привычной. Для предприимчивых людей и умелых рук здесь открывались неограниченные возможности. На 1724 г. в «Ведомости о составе 24 петербургских цехов» первое место по численности ремесленников, переехавших в Петербург, занимали жители Ярославской провинции[27]. Посадские люди даже приобрели на мирские деньги подворье «для приезду ярославцев, которые приезжают на время для государевых дел»[28].

Позднее, в конце XIX в., ярославцы одними из первых организовали «Ярославское благотворительное общество в Петербурге» для оказания помощи нуждающимся землякам: были созданы детский приют и столовая для бесплатных обедов, предоставлялась медицинская помощь, имелось убежище для приезжающих в столицу мальчиков и т. д. Оно было самым влиятельным и представительным из земляческих обществ столицы, «эталоном и предметом за-

---

[25] Ростово-Ярославское Синодальное Подворье: [Сайт]. URL: https://st-anastasia.ru/tsercov/history/istoriya-khramovogo-zdaniya.html (дата обращения: 03.01.2022).

[26] Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. Ч. 4. С. 87.

[27] *Кошелева О. Е.* Указ. соч. С. 219.

[28] Там же. С. 142.

висти и подражания». Мало того, были еще два уездных общества взаимопомощи: Угличское и Мышкинское.

Облюбовав центром своей отхожей деятельности Северную столицу, ярославец там сумел устроиться так, как ему было удобнее. Если при Петре ярославцы по преимуществу строили столицу, то позднее они стали ее кормить и в ней торговать. «Вы не встретите его [ярославца — *И. С.*] ни землекопом, ни каменщиком, ни плотником, ни пильщиком <...>; а пошел он приказчиком в лавку, половым или буфетчиком в трактир и на всякую другую деятельность, требующую не тяжкого физического труда, а лишь известной доли смышлености и расторопности»[29], — отмечал ярославский общественный деятель А. В. Скульский.

[29] *Скульский А. В.* Центры производства главнейших видов кустарной промышленности в Ярославской губернии // Вестник Ярославского земства. 1875. №№ 37–38. Отдел 3. С. 1.

Игорь Михайлович ГОСТЕВ
(Архангельск)
Заведующий отделом военной истории
Архангельского краеведческого музея

Участие жителей Архангелогородской губернии в строительстве Санкт-Петербурга и Кронштадта

Igor M. Gostev

Participation of Residents of the Arkhangelsk Province in the Construction of St. Petersburg and Kronstadt

Аннотация: В статье представлены сведения об участии жителей Архангелогородской губернии в важнейших стройках петровского времени в России, среди которых Новодвинская крепость и Архангельское адмиралтейство, Азов и Таганрог, Санкт-Петербург и Кронштадт. После взятия русскими войсками Нотебурга и Ниеншанца ресурсы губернии в значительной степени переориентируются на освоение балтийских земель и строительство новой столицы. Непосильные тяготы привели к разорению крестьянских хозяйств и существенной убыли населения губернии.
Abstract: The article reveals information about the participation of residents of the Arkhangelsk province in the most important construction projects of Peter the Great's time in Russia: the Novodvinskaya Fortress and the Arkhangelsk Admiralty, Azov and Taganrog, St. Petersburg and Kronstadt. With the capture of Noteburg and Nyenshanz by Russian troops, the resources of the province were largely reoriented towards the development of the Baltic lands and the construction of a new capital. Unbearable hardships led to the ruin of peasant farms and a significant decline in the population of the province.

Ключевые слова: Архангельск, Петербург, Кронштадт, Котлин, Лодыженский.
Keywords: Arkhangelsk, St. Petersburg, Kronstadt, Kotlin, Lodyzhensky.

Возведение Архангельской Новодвинской крепости стало одним из первых, после Азова и Таганрога, опытов привлечения больших групп населения к строительным работам. Петр I смог опробовать практику организации работ и привлечения дополнительного финансирования, лично увидеть и оценить достоинства и недостатки отдельных методов в 1702 г., находясь в Архангельске у Новодвинской крепости. Полученный опыт и выводы, сделанные царем, легли в основу решений, принятых им при строительстве Санкт-Петербурга и Кронштадта.

Уже за год до закладки «Парадиза» Петра I возникли первые потребности в людях. Освобождение исконно русских земель из-под шведского владычества, в частности взятие 11 октября 1702 г. Нотебурга (Орешка), переименованного Петром I в Шлиссельбург (Город-Ключ), обусловило необходимость привлечения рабочей силы как для восстановительных работ в крепости, сильно разрушенной при осаде и штурме, так и для других работ на возвращенных территориях. Как писал Ф. А. Головин, «чтоб могли починить его, где есть розбитые места»[1]. Это легло дополнительной нагрузкой на строителей фортеции на Малой Двинке. За счет средств, собранных в 1702 г. на Новодвинскую крепость из Архангельска, «по письму светлейшаго князя Александра Даниловича куплено и отпущено в Слюсенбурх слюды на 795 рублев на 25 алтын». Кроме того, «от городового строения отставлены, а приписаны к Слюсенбурху» Вага, Каргополь, Соль Камская, Яренск, Кай-городок и Чердынь[2].

Здесь необходимо сделать замечание о том, что деньги на строительство Новодвинской крепости, помимо основных повинностей, собирали с жителей Двины, Пинеги, Мезени и Вологодских земель. Но и этим не ограничивались тяготы, возложенные на северян, известно, что в 1701 г. из Вятки, Великого Устюга, Каргополя, Чаронды и Тотьмы 1065 солдат, кузнецов, каменщиков и плотников было отправлено на строительство гавани в Таганроге[3].

---

[1] Письмо Ф. А. Головина к архангельскому провиантскому комиссару; 1702 г., октября 17 (РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. Д. 3. Л. 85).

[2] Выписка о расходе денег в 1702 г. (РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1. Л. 273–273 об.).

[3] Указ Петра I о высылке людей на работы в Архангельск и Вологду; 1702 г., марта 18 (РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1702. Д. 29. Л. 17–19 об.).

Отписанные к Шлиссельбургу города остались должны так и не сданные на строительство Новодвинской крепости деньги — 9372 рублей 17 алтын 2 деньги, в том числе: Каргополь — 3339 руб., Турчасов и Усть-Моша[4] — 1695 руб. 29 алт. 2 ден, Вага — 1915 руб. 25 алт. 7 ден., Яренск — 74 руб. 26 алт. 4 ден., Кай-городок — 1380 руб., с Чердынь — 967 руб. 2 алт. 1 ден[5]. Эти долги так и остались не взысканными. Самый крупный должник — Каргополь с уездом — указом от 1 сентября 1703 г. был присоединен «к ведомству губернатора Меншикова», а именно — напрямую подчинен олонецкому коменданту[6]. 12 ноября 1707 г. по высочайшей резолюции на донесение копорского коменданта Якова Римского-Корсакова работники из числа жителей Каргополя и уезда были определены на работы «к корабельному строению» в Санкт-Петербург и Шлиссельбург[7].

С началом строительства новой петровской столицы потребовалась присылка большого количества людей, как специалистов, так и разнорабочих, а также различных стройматериалов. Петр I сосредоточил все свое внимание на строительстве Петербурга, укреплений и гаваней на о. Котлин — будущего Кронштадта, на строительстве Балтийского флота.

На исходе 1709 г., когда под Полтавой и Лесной был сломлен хребет шведской армии, Петр направил свои усилия на организацию скорейшего строительства Санкт-Петербурга. 31 декабря из Разряда был объявлен именной указ об определении «к городовому строению работников... опричь каменщиков и кирпичников, на две перемены по 20 000 человек», т. е. 40 000 чел. в год из разных губерний, которым полагалось «его великого государя хлебное жалованье и денег по полтине на месяц каждому работнику»[8].

Теперь на жителей всей Архангелогородской губернии, а не отдельных ее уездов, помимо возведения Новодвинской крепости и строительства военного флота на Архангельском адмиралтействе, были возложены обязанности по посылке работников в Таганрог и Азов, на воронежские верфи, а также в Санкт-Петербург и Кронштадт[9].

---

[4] Турчасов и Усть-Моша — посады Каргопольского уезда, расположенные ниже по течению на р. Онега.

[5] Списки с приходных подлинных книг 1702 г. (РГАДА. Ф. 141. Оп. 8. 1705. Д. 59. Л. 3–20 об.).

[6] ПСЗ РИ. Т. 4. 1700–1712. СПб., 1830. № 1943. С. 225.

[7] Там же. № 2168. С. 394.

[8] Там же. № 2240. С. 466–467.

[9] Там же. № 2362. С. 678–680; № 2380. С. 701–702.

В ноябре 1711 г. Петр I в письме к сенаторам высказал претензию, что в связи с Прутским походом работы в Санкт-Петербурге замедлились, т. к. народу было собрано мало. Царь потребовал привлечь на строительные работы 1712 г. работных людей согласно нормам, установленным по указу 1709 г., т.е. 40 000 чел. и 100 000 руб. на дачю этим работникам. От Архангелогородской губернии всего полагалось высылать по 5520 чел. и 12 312 руб.[10] Такое количество людей и денег было сопоставимо с затратами, которые губерния ежегодно несла на строительство Новодвинской крепости.

6 февраля 1712 г. был объявлен сенатский указ о высылке из губерний дополнительно по 3000 работников для строительства крепости на острове Котлин[11]. 30 сентября было объявлено о ежегодном сборе с губерний 20 тыс. руб. на заготовление и обжиг извести в Санкт-Петербурге. Архангелогородская губерния должна была сдавать 2917 руб. в год[12].

Масштабные строительные работы в Санкт-Петербурге и Кронштадте требовали концентрации большого количества сил и средств. Одним из путей решения в 1714 г. был избран запрет на каменное строительство на территории всей страны, независимо от целей строительства. Именной указ царя архангельскому вице-губернатору гласил: «Понеже здесь каменное строение зело медленно строитца от того, что каменьщиков и протчих художников того дела достать трудно, и за доволную цену, того ради запрещается во всем государстве на несколко лет [пока здесь удовольствуетца строением] всякое каменное строение, какого б имяни не было...»[13].

До недавнего времени было принято считать, что строительство Новодвинской крепости завершилось именно в 1714 г. Однако, как свидетельствуют архивные документы, строительство крепости продолжалось, только в совершенно новых политических, экономических и военно-стратегических условиях. Запрет каменного строительства, перевод Чаронды на обеспечение нужд петербургского адмиралтейства, первый указ Петра о переводе морской внешней торговли из Архангельска в Санкт-Петербург и активизация камен-

---

[10] Там же. № 2448. С. 751–753.

[11] Там же. № 2479. С. 791–792.

[12] Там же. № 2592. С. 869–870.

[13] Именной указ царя Петра I архангелогородскому вице-губернатору П. Е. Лодыженскому о временном запрете производить во всем государстве каменное строение; 1714 г., сентября 17 // Архангельский Север в документах истории (С древнейших времен до 1917 года): Хрестоматия. Архангельск, 2004. № 70. С. 132.

ного строительства на берегах Невы в условиях продолжавшейся войны резко осложнили процесс завершения строительства Новодвинской крепости.

С 1715 г. все более увеличивались тяготы, возложенные на население губернии. Кроме уже привычных работ, включая возведение Северной столицы, Петр указал, под личную ответственность губернаторов, построить каменные дома на острове Котлин и гавань — порт будущего Кронштадта[14].

Необходимо учитывать, что население северных городов и волостей значительно уменьшилось в сравнении с данными предыдущих переписей: в шести оставшихся приписных городах — с 22 531 дворов (по данным переписей 185-го (1677) и 186-го (1678 гг.) до 16 258 дворов (по данным переписей 1710 и 1712 гг.), то есть «убыло 6273 двора»[15], что составило 28 %.

В фонде Правительствующего сената в РГАДА удалось обнаружить дела по челобитным, подтверждающим, что строительные работы в Новодвинской крепости после 1714 г. не останавливались.

16 июля 1716 г. от «Устюга Великого посадского мирского челобитчика Алексея Каргополцова» в Правительствующий сенат была подана просьба, «чтоб отпущать людей к одному городовому к Санкт Питербурхскому или к цыдательскому строению»[16]. В документе описана вся история привлечения городов и волостей к работам на Новодвинской крепости и «отставления» других городов от строительства по разным причинам. О сложившейся в результате этого ситуации А. Каргополцов (Каргопольцев) писал:

«...и ныне то городовое строение [Новодвинскую крепость. — *И. Г.*] строим: работных людей отпущаем и всякие припасы к тому строению покупаем толко шестью городами, а имянно Двиняна,

---

[14] О присылке из Архангелогородской губернии в С. Петербург комиссару Шестакову денег для заготовления припасов к строению каменных домов на острове Котлин, подьячих 2, работных людей по реестру, посланному Шестаковым к Архангелогородскому вице-губернатору, 2 дворян и 6 солдат // Доклады и приговоры. Т. 5. № 152. С. 104; Челобитье Архангелогородской губернии вице губернатора Петра Лодыженского об отдаче ему отписных его поместий и вотчин по-прежнему; 1717 г., мая 1 (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 79. Л. 603).

[15] Дело, вершенное по челобитью устюжских мирских челобитчиков Федора Пуляева, Ивана Пьянкова об отсылке в Камер-коллегию дела о работах, о дочете и об уравнении с другими городами; 1719 г., декабря после 2 (РГАДА. Ф. 148. Оп. 3. Кн. 79. Л. 883 об. – 884).

[16] Дело по челобитью Устюга Великого посадского мирского челобитчика Алексея Каргаполцова, чтоб отпущать работных людей к одному городовому к Санкт Питербурхскому или к цыдательскому строению; 1716 г., июля после 16 (Там же. Д. 419а).

Устюга Великого, Соли Вычегоцкой, Тотмяна, Кевролцы, Мезенцы; да по твоим же великого государя указом отпущаем мы нижайшии рабы твои с Устюга Великого с прошлого 708-го году в Санкт Питербурх к городовому строению плотников и работных людей, и на них деньги, с протчими Архангелогородцкой губернии городам в ряд, по губернаторскому разположению, по переписным книгам 710-го году, и за пустые дворы, при других тоя Архангелогородцкой губернии городов, раззоряемся воизлишности напрасно, понеже в тех других городех по оной переписи явилась пустота многая о чем значат переписные книги 710-го году, и тое пустоту разкладывают на города всея губернии, а к городовому цытадельскому строению к помянутым шестью городами работных людей и денег в складство не дают, и никакого от них к нам спомоштвования нет»[17].

Решение в Сенате было принято быстро. 27 июля сенатор граф П. М. Апраксин подписал царский указ вице-губернатору П. Е. Лодыженскому, согласно которому, конечно, не была удовлетворена просьба устюжан об определении их к какому-то одному строительству, однако было указано произвести подсчет и зачесть переплату по податям городам, за счет которых «пустоту» покрывали: «..чтоб им от излишняго в городовое строение платежа в конец не разоритца... и в щете учинит уравнение тебе вице губернатору с товарыщи дабы одни перед другими никакой тягости не несли и о том послат к вам указ»[18].

Этот указ остался неисполненным, и в последующие годы с устюжан брали подати «не счетом и не уравнением», о чем с новой челобитной устюжане обратились в Сенат 3 декабря 1719 г.[19]

Более удачливыми оказались двинские мирские посыльщики Мартын Сыромятников и Филипп Вашуткин, которые 30 августа 1716 г. подали прошение в Сенат. Их петиция была сформулирована иначе, чем у устюжан, да и причина указывалась иная. Приведем эту просьбу:

«По Вашему царского величества имянному указу у Архангелского города на Двинке, как начата строит новая крепость цытадель с прошлого 701-го году и по сей 716-й годы к тому цытаделскому строению у Архангелского города из Холмогор и уезду работные люди с пяти, и с осмии, и с десяти дворов по человеку по вся годно без доимки работают с указного числа и до отпуску. А из других

[17] Там же. Л. 420–420 об.

[18] Там же. Л. 423 об.

[19] Дело, вершенное по челобитью устюжских мирских челобитчиков Федора Пуляева, Ивана... 1719 г., декабря после 2 (Там же. Л. 881–882 об.)

приписных к тому строению городов работные люди посылаются по полой воде, как лед скроется, и к работе являются по указном числе спустя месяц, и два, чему явное свидетелство записные книги. Так ж и к карабелному строению плотников, и работников, и кузнецов, и конопатчиков по вся годно брали. А вышеобявленного цытаделского строения и впред еще будет на несколько годов, и сверх того цытаделского, и карабелного строения по Вашим Царского Величества указом спрашивают, и высылаем в Санкт Питербурх к работе указное число против других городов, а город Архангелской и Двинской уезд вместе украинном, и от Санкт Питербурха в далном разстоянии, и от того посацким людем, и уездным крестьяном есть всеконечное разорение. Всемилостивейший государь просим вашего величества, да повелить, ваше державство, Архангелогородским, и Холмогорским, и з Двинского уезду с посадов, и с уезду работных людей, за далным разстоянием в Санкт Питербурх не спрашивать, поколе вышеобявленная крепость строением не окончается , и вели государь работать при оной крепости, а то число работных людей посылкою в Санкт Питербурх исполнит тое ж Архангелогородцкой губернии другими городами, которые при оном цытаделском строении не работают»[20].

То ли приведенные доводы возымели действие, то ли двинянам повезло, что челобитная попала на рассмотрение к сенатору М. М. Самарину, но уже на следующий день, 31 августа, последовал указ, адресованный П. Е. Лодыженскому, удовлетворивший просьбу северян, который гласил: «О поверстке в вышеписанных работах указ учинит тебе вице губернатору с товарыщи, чтоб одним перед другими тягости не было»[21].

20 ноября 1716 г. по сенатскому приказу последовал царский указ: «...велено счет и уравнение в том учинит, чтоб одним перед другими лишние тягости, а помянутых бы городов от обывателей в том впредь челобитья не было, в Архангелогородцкой губернии вице губернатору с товарыщи, а что учинено будет о том в сенат прислать доношение»[22].

Как исполнялись эти распоряжения, неизвестно, но после пода-

[20] Дело по челобитью двинских мирских посылщиков Мартына Сыромятникова, Филипа Вашуткина о неспрашивании Архангелогородского, и Холмогорского и Двинского уезду с посадов и с уезду работных людей за дальним расстоянием в Санкт-Питербург, пока новая двинская крепость строением окончится; 1716 г., август (Там же. Л. 454–454 об.)

[21] Там же. Л. 455 об.

[22] Дело, вершенное по челобитью устюжских мирских челобитчиков Федора Пуляева, Ивана... 1719 г., декабря после 2 (Там же. Л. 887).

чи устюжанами в Сенат 3 декабря 1719 г. своего челобитья, в феврале 1720 г. последовал указ и дело с подлинными челобитными было передано в Камер-коллегию для рассмотрения причин неисполнения сенатских решений[23]. Расследование в Камер-коллегии длилось около двух лет. Архангелогородский вице-губернатор П. Е. Лодыженский даже во время следствия продолжал не исполнять решение от 20 ноября 1716 г. о «счете и уравнении». И Камер-коллегия предложила разослать тексты указов на места «к воеводам и х камерир», чтобы они могли сверять действия вице-губернатора с указом и сообщать в Камер-коллегию о нарушениях[24].

Но это была не единственная и не самая большая провинность вице-губернатора П. Е. Лодыженского. В связи с тем, что нужное количество людей на 1716 г. в первую зимнюю партию работников ему собрать не удавалось, он находил всяческие отговорки, чтобы не ехать во главе их в Петербург. В качестве основной причины этого вице-губернатор указывал, что у него в Архангельске и в Вологде не осталось помощников — дьяков и дела вести некому. Приехал он в столицу только 19 марта, однако терпение царя и Правительствующего сената лопнуло, и 15 февраля 1717 г. за неисполнение царских указов поместья и вотчины П. Е. Лодыженского были изъяты в казну. Формулировка указа была очень жесткой: «...поместья и вотчины отписать на великого государя и ис тех поместей и вотчин прикащиков и людей ево выслать вон и никаких столовых и хлебных запасов и денежных зборов ему не давать и крестьяном слушать ни в чем не велеть, а смотреть того дьяком поместного приказу имянно чтоб он вице губернатор теми своми поместий и вотчинами не владел...». 1 мая П. Е. Лодыженский подал челобитную в Сенат, в которой детально описал, кто из его помощников когда и куда был забран, из-за чего он не смог прибыть вовремя в Петербург, и просил вернуть ему поместья и вотчины. Как был решен вопрос об имуществе, из архивного дела не видно, но подьячих было приказано вернуть в губернию[25].

Жители Архангелогородской губернии, исполняя царские указы, вносили свой вклад в укрепление обороноспособности северных и южных рубежей страны и принимали активное участие в

---

[23] Там же. Л. 889–891 об.

[24] Там же. Л. 894а об.

[25] Дело по челобитью Архангелогородской губернии вице-губернатора Петра Лодыженского об отдаче ему отписных его поместий и вотчин по прежнему (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 79. Л. 601–604, 608).

строительство Санкт-Петербурга и Кронштадта. Однако, если суммировать приведенные здесь цифры, только Архангелогородская губерния — одна из самых малонаселенных территорий России — должна была ежегодно отправлять на главные стройки страны не менее 15 000 работников, не считая регулярных наборов мужского населения в армию и на флот, что вело к значительному упадку крестьянских хозяйств и убыли населения.

Михаил Владимирович КАЛИНИН
(Москва)

Младший научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

А. Д. Меншиков и Московско-Петербургская дорога

Mikhail V. Kalinin

A. D. Menshikov and Moscow — St. Petersburg Road

Аннотация: Статья посвящена начальному периоду истории Московско-Петербургской дороги. В ней проанализированы основные правительственные мероприятия по организации строительства и ремонта дороги; выявлена роль, которую сыграл в создании новой дороги князь А. Д. Меншиков. Отдельное внимание в статье уделено судьбе «большой першпективной» дороги — частично реализованному проекту Петра Великого по соединению старой и новой столицы прямым сухопутным трактом.

Abstract: The article is devoted to the initial period of the history of the Moscow — St. Petersburg road. It analyzes the main governmental measures to organize the construction and repair of the road; it also reveals the role played by Prince A. D. Menshikov in the creation of the new road. The article pays special attention to the fate of the "big pershpektivnaya" road, a partially realized project of Peter the Great to connect the old and the new capital by a direct overland route.

Ключевые слова: Петр Великий, князь А. Д. Меншиков, дорожная политика, Московско-Петербургская дорога, «Першпективная» дорога.

Keywords: Peter the Great, Prince A. D. Menshikov, road policy, Moscow — St. Petersburg road, "Pershpektivnaya" road.

Строительство и организацию работы новой сухопутной дороги между Санкт-Петербургом и Москвой стоит отнести к числу значимых государственных задач Петровской эпохи. Неслучайно, что важную роль в решении этой задачи сыграл губернатор Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернии, светлейший князь Ижорский А. Д. Меншиков. В настоящей статье мы рассмотрим, в чем заключалась эта роль.

История дороги из Петербурга в Москву начинается в 1705 г. — именно тогда, как показывает А. Ю. Краснолуцкий, Петр поручает проектирование дороги английским ученым Фарварсону и Гвину[1]. Сооружение дороги началось с инженерных изысканий, которые были проведены по трассе будущего тракта в 1708–1710 гг.[2]. Строительство осложняли два фактора. Во-первых, проектирование «большой першпективной» дороги началось в очень сложное для России время, когда, оставшись после Альтранштадского мира один на один со Швецией, она столкнулась с основной армией Карла XII. Обремененная военными расходами казна не могла выделять достаточно денег на стройку грандиозной дороги. Во-вторых, дорога была не только грандиозной, но и очень сложной. Прямая как луч, она шла по болотам и лесам, не заходя ни в Новгород, ни в Тверь, что позволяло сократить путь между столицами с 735 до 593 верст[3]. Отмечу: на пути из Петербурга в Москву, за Новгородом, существовала старая дорога — описанный еще в «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна Московско-Новгородский тракт. Следовательно, самым простым способом связать две столицы была достройка этого тракта участком Новгород — Петербург. Забегая вперед, скажу, что именно этот путь и выбрала история: современная трасса «М-10» идет от Москвы к Петербургу по линии старого Новгородского тракта и только за Новгородом сворачивает к Санкт-Петербургу.

Но, несмотря на наличие старого Новгородского тракта, Петр собирался рубить новую «першпективу» от Петербурга до самой Москвы. Самодержец придавал новой дороге большое значение: по свидетельству Джона Перри, «как только кончится война, и Царю

---

[1] *Краснолуцкий А.Ю.* Тосненский ям. СПб.: Блиц, 2015. С. 28.

[2] Там же.

[3] РГАДА. Ф. 248. Сенат. Оп. 11. Кн. 604. Л. 607 об.

возможно будет уделить людей и денег на этот предмет, он предполагает провести эту дорогу»[4].

Строительство «першпективы» началось с отрезка протяженностью 120 верст, от Санкт-Петербурга до Соснинского яма на реке Волхов. В документах Камер-коллегии, отложившихся в фонде Сената, есть заметная путаница: «першпективной» называется и дорога от Петербурга до Соснинского яма на Волхове, и новый тракт от Петербурга до Москвы. Чтобы избежать путаницы, мы будем называть начало «першпективы» (линию Петербург — Соснинский ям) «малой першпективной» дорогой, а весь вновь пробитый тракт от Санкт-Петербурга до Москвы — «большой першпективной» дорогой.

У Соснинского яма на Волхове «малая першпектива» заканчивалась, дорога на Москву следовала до Новгорода бечевником, за которым начинался старый Московско-Новгородский тракт. Регулярное движение по дороге от Петербурга до Новгорода было запущено, нужно полагать, зимой 1713–1714 гг., когда, по петровскому указу от 27 ноября 1713 г., на дорогу от Петербурга до Новгорода были переселены ямщики для устройства гоньбы[5]. Это неслучайно: редкие жители недавно отвоеванных ижорских земель не могли заниматься ямской гоньбой сами. Еще сложнее было бы переложить на местных обывателей все тяготы строительства и содержания «першпективы». Несмотря на то, что именно так, путем исполнения натуральной дорожной повинности, в России содержались сухопутные дороги, судьбой «першпективы» занялось государство. И здесь мы сталкиваемся со светлейшим князем Меншиковым, по «указу и наказу» которого подполковник Путилов чинил и строил «малую першпективу» (от Санкт-Петербурга до реки Волхов) в 1716–1719 гг.[6] Дорожная служба подполковника Белозерского полка Путилова служит ярким примером известного управленческого принципа Петровской эпохи: военный — лучший чиновник. Трудились на дороге наемные работники; платили им деньгами, оставшимися от беглых и умерших работных людей, строивших Петербург[7]. Также, по ордеру князя Меншикова, на «малую першпективу» были

[4] *Перри Д.* Другое и более подробное повествование о России / Пер. О. М. Дондуковой-Корсаковой // Чтения императорского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1871. № 2. С. 179–180. Цит. по: *Краснолуцкий А. Ю.* Указ. соч. С. 29.

[5] ПСЗ. Т. V, № 2741.

[6] РГАДА. Ф. 248. Сенат. Оп. 11. Кн. 604. Л. 433–435 об.

[7] Там же. Л. 426.

направлены деньги, которые были до этого отпущены на строительство каменных домов в Кронштадте[8]. Как мы видим, именно Меншиков обеспечивал строящуюся дорогу деньгами.

30 августа (10 сентября) 1721 г. был подписан Ништадтский мир, положивший конец долгой Северной войне. Вскоре после этого, 26 ноября 1721 г., Петр Великий вернулся к своей давней идее прорубить прямой тракт между Петербургом и Москвой: «...в Сенате изволил рассуждать, чтоб прешпективную дорогу от реки Волхова до Москвы каким способом прочистить и где болотные и грязные места намостить»[9]. Остаточных от петербургского и кронштадтского строительства денег, которые отпускал на дорогу Меншиков, здесь было уже недостаточно. Сенатским указом от 1 июня 1722 г.[10] правительство изыскивает деньги на строительство «першпективы» классическим петровским способом: раскладывает дорожные расходы на плательщиков податей. Из документов Камер-коллегии мы узнаем, что на новую дорогу предполагалось собирать «по 5 копеек со двора [крестьянского], а с купечества с десятые доли с рубля по 5 копеек»[11]. Из собранных денег работным людям должны были выплачивать жалованье — по 6 денег на день; самих же работных людей собирались набирать из местных обывателей, которые живут «от дороги до 50 верст в стороны с двух дворов по человеку, с переменой помесячно»[12].

Сохранившиеся в архиве документы Камер-коллегии не позволяют проследить, в какой степени были исполнены указы 1722 г. о строительстве «большой першпективной» дороги. Надо полагать, главной заботой Петра в то время была война с Персией. И хотя 17 мая 1723 г., будучи в Сенате, император давал распоряжения о том, где нужно, а где не нужно устраивать мосты на вновь построенной дороге[13], проконтролировать ход работ Петр уже не смог. В июне 1724 г., во время последней в своей жизни поездки из Москвы в Санкт-Петербург, Петр не воспользовался «першпективой» — большую часть пути он прошел по воде, проследовав Вышневолоцким путем: по Волге, Тверце, Цне и Мсте до Волхова, а от Волхова

---

[8] Там же.

[9] РГАДА. Ф. 248. Сенат. Оп. 11. Кн. 604. Л. 434.

[10] ПСЗ. Т. VI. № 4025.

[11] РГАДА. Ф. 248. Сенат. Оп. 11. Кн. 604. Л. 435.

[12] Там же.

[13] РГАДА. Ф. 248. Сенат. Оп. 11. Кн. 604. Л. 435–435 об.

через Ладожское озеро и Неву до Санкт-Петербурга[14]. Этому легко найти объяснение: Петру Великому, страдавшему еще в молодости от хронической урологической болезни, а потому предпочитавшему водные пути сухопутным, путешествие по гужевой дороге принесло бы огромную боль[15]. Любопытно, что в письме Екатерине I от 21 июня 1724 г. Петр советует жене ехать в Петербург из Москвы по дороге через Бронницкий ям[16] — т. е. старым Московско-Новгородским трактом. Следовательно, этот тракт находился в гораздо лучшем состоянии, чем строящаяся «большая першпективная» дорога.

28 января 1725 г. Петр Великий умирает. Вместе с ним уходит из жизни проект «большой першпективы» между столицами; правительство с трудом находит средства на поддержание уже построенной дороги между Петербургом и Соснинским ямом на Волхове. Любопытно, что если в 1726–1727 гг. курировавший дорогу полковник Зезевитов еще получает деньги на ее ремонт, то в 1728–1730 гг. на дорогу не было выделено ни одной казенной копейки. Этот факт подтверждает сделанные Е. В. Анисимовым наблюдения о происходившем в это время «резком замедлении оборотов запущенной Петром Великим государственной машины»[17]. Среди делопроизводственных документов Камер-коллегии есть крайне любопытные донесения в Сенат из Новгородской губернской канцелярии. Добиваясь выделения денег на дорожный ремонт, служители губернской канцелярии (отвечавшей за состояние дороги) сообщали, что летом 1728 г. ямщики, опасаясь застрять в грязи, отказывались ехать из Новгорода к Москве[18]. Пытавшиеся их торопить правительственные курьеры пускали в дело кулаки[19]. Всего за без малого два года

---

[14] *Анисимов Е. В.* ITINERA PETRI. Биохроника Петра Великого: день за днем. 1672–1725 гг. Запись от 23 июня 1724 года: [Электронный ресурс]. URL: https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/230291163 (дата обращения: 05.11.2023).

[15] *Анисимов Е. В.* ITINERA PETRI. Биохроника Петра Великого: день за днем. 1672–1725 гг. Запись от 16 июня 1706 года: [Электронный ресурс]. URL: https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/249092321 (дата обращения: 05.11.2023).

[16] *Анисимов Е. В.* ITINERA PETRI. Биохроника Петра Великого: день за днем. 1672–1725 гг. Запись от 21 июня 1724 года: [Электронный ресурс]. URL: https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/230281551 (дата обращения: 05.11.2023).

[17] *Анисимов Е. В.* Куда ж нам плыть. Россия после Петра Великого. М.: АСТ, 2010. С. 151.

[18] РГАДА. Ф. 248. Сенат. Оп. 11. Кн. 604. Л. 447.

[19] Там же. Л. 447 об.

(с июля 1728 по май 1730 г.) Новгородская канцелярия направила в Сенат одиннадцать донесений с просьбами выделить деньги на ремонт дороги между Петербургом и Москвой. Сенат ответил лишь однажды — зимой 1729 г., велев «мосты починивать теми людьми и деньгами, какими впредь сего починивали»[20]. Положение дел изменилось только с воцарением Анны Иоанновны, которая в мае 1730 г. распорядилась организовать ремонт Московско-Новгородской и Новгородско-Псковской дорог[21]. Вслед за этим начинается ремонт и «малой першпективной» дороги (Петербург — Соснинский ям на Волхове)[22].

Почему Московско-Петербургская дорога в конце 1720-х гг. пришла в запустение? Думаю, главной причиной стал переезд в январе 1728 г. Петра II из Санкт-Петербурга в Москву. Как свидетельствует герцог Лирийский, в январе 1729 г. увлеченный охотой молодой император наотрез отказывался не только от возвращения, но даже и от поездки в Петербург[23]. Наряду с переездом в старую столицу императора, значимым фактором остановки в 1728–1730 гг. дорожных работ стала отставка и ссылка в 1727 г. светлейшего князя Меншикова. Совмещая должности губернатора Санкт-Петербургской губернии и президента Военной коллегии, Меншиков мог и организовать работу, определив к строительству дороги подполковника Путилова, и найти для строительства деньги. Наши наблюдения подтверждают известный тезис о выдающихся организаторских способностях Александра Даниловича Меншикова, сыгравшего значимую роль не только в строительстве Санкт-Петербурга, но и в сооружении сухопутной дороги между Петербургом и Москвой.

---

[20] Там же. Л. 447.

[21] Там же. Л. 454.

[22] Там же. Л. 824–824 об.

[23] Герцог Лирийский. Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII века глазами иностранцев / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю. А. Лимонова. Л.: Лениздат, 1989. С. 216.

Максим Валерьевич ХАЦКЕВИЧ
(Москва)
Заведующий архивохранилищем
Российского государственного архива древних актов

Рекрутские наборы в Санкт-Петербурге и губернии в период губернаторства А. Д. Меншикова

Maksim V. Khatskevich

Conscription in St. Petersburg and the Province during the Governorship of A. D. Menshikov

Аннотация: В статье приводится краткий обзор рекрутских наборов в Санкт-Петербургской губернии, определяются особенности распространения рекрутской повинности на губернию, характеризуется роль А. Д. Меншикова в организации и проведении наборов.
Abstract: The article provides a brief overview of recruitment in the St. Petersburg province, defines the features of the distribution of conscription to the province, and characterizes the role of A. D. Menshikov in organizing and conducting recruitment.

Ключевые слова: рекрутская повинность, Санкт-Петербургская губерния, А. Д. Меншиков, Сенат, русская армия XVIII в.
Keywords: conscription, St. Petersburg province, prince A.D. Menshikov, Senate, Russian army in the 18th century.

В историографии личность и страницы биографии А. Д. Меншикова исследованы достаточно обстоятельно. Однако одному из важных административных этапов жизни светлейшего князя — пре-

быванию на должности губернатора Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернии — историки уделяли несколько меньшее внимание.

Обе обозначенные темы (рекрутские наборы в Санкт-Петербургской губернии при губернаторе[1] А. Д. Меншикове и роль последнего в их проведении) не становились предметом специального исследования.

Лишь в нескольких работах указанные темы в некоторой степени затрагивались. Н. Р. Славнитский проследил процесс пополнения рекрутами гарнизонных полков на Северо-Западе[2]. В. А. Тихонов обнаружил в документах Военной коллегии свидетельства набора в ландмилицию, проводившегося в 1711 г. в Санкт-Петербургской губернии. Более того, по утверждению В. А. Тихонова, набор проводился по инициативе самого губернатора, в чем выражалось отличие набора ландмилиции от других рекрутских наборов[3]. В диссертации М. Т. Накишовой отмечена роль коменданта Санкт-Петербургской крепости Я. Х. Бахмеотова в деле приема и распределения рекрутов по полкам[4].

Вверенная А. Д. Меншикову Ингерманландская губерния была официально сформирована, наряду с другими семью новыми административно-территориальными единицами, по указу от 18 декабря 1708 г. и занимала обширную территорию: в ее состав вошли 30 городов, в т. ч. (помимо Санкт-Петербурга) Новгород, Псков, Олонец, Ярославль, Тверь[5]. Вместе с отданными во владение А. Д. Мен-

---

[1] По наблюдению Е. А. Андреевой, в источниках А. Д. Меншиков вплоть до 1718 г. указывается как «губернатор», лишь в 1718 г. впервые встречается титулование «генерал-губернатор». См.: *Андреева Е. А.* Первый губернатор и строитель Санкт-Петербурга // Александр Данилович Меншиков. Первый губернатор и строитель Санкт-Петербурга. Каталог выставки. СПб., 2003. С. 11.

[2] *Славнитский Н. Р.* Рекрутские наборы 1710–1711 гг. и распределение рекрутов в гарнизоны Северо-Запада России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История, регионоведение, международные отношения. 2021. № 1. Т. 26. С. 33–40.

[3] *Тихонов В. А.* Санкт-Петербургская ландмилиция: 1711–1719 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2008. № 1. С. 14–21.

[4] *Накишова М. Т.* Петербургские связи князя А. Д. Меншикова: механизмы функционирования социальных сетей: Дис. ... к. и. н. Екатеринбург, 2022. С. 66, 87.

[5] *Андреева Е. А.* Меншиков и образование Ингерманландской губернии: территория и административное устройство // Петровское время в лицах — 2005: Материалы научной конференции. СПб., 2005. С. 17.

шикову Ямбургом и Копорьем в ней насчитывалось 32 города. Переименование Ингерманландской губернии в Санкт-Петербургскую произошло 3 июня 1710 г.

Новоприсоединенные в ходе боевых действий 1710 г. территории Прибалтики также первоначально вошли в состав Санкт-Петербургской губернии. Часть из них впоследствии (с 1713 г.) была присоединена к созданной Рижской губернии. В 1719 г. по новому указу Санкт-Петербургская губерния разделена на 12 провинций.

Санкт-Петербургская губерния была велика не только по размерам территории, но и по населенности. Это главным образом объяснялось тем, что в губернию было включено большое число «старых» уездов. По числу дворов Санкт-Петербургская губерния (по переписным книгам 1685 г. — 178 160 дворов[6], по данным описания начала 1710-х гг. — 141 075 дворов[7]) занимала второе место после Московской (в которой, по сведениям 1685 г., насчитывалось 246 352 дворов)[8].

Было бы излишним подробно останавливаться на особом статусе нового города на Неве. Общеизвестно, что застройка Санкт-Петербурга велась весьма активно и на нее направлялись из других городов ресурсы как материальные, так и трудовые (работные люди).

Другой особенностью губернии являлось расположение Санкт-Петербурга и ряда других городов в непосредственной близости от шведской границы. Сохранявшаяся долгое время угроза вторжения неприятеля обусловливала необходимость содержать боеспособные гарнизоны.

Вместе с тем на жителей Санкт-Петербургской губернии ложилось исполнение общегосударственных повинностей. Однако из-за указанных выше особенностей фискальная политика в Санкт-Петербургской губернии имела свою специфику. На этих особенностях применительно к одной из важных повинностей — рекрутской — хотелось бы остановиться несколько подробнее.

Рекрутская повинность, формально введенная в 1705 г., к 1710-м годам успела оформиться в достаточно цельную систему. К 1711 г. проведено шесть общих и несколько чрезвычайных рекрутских наборов[9].

---

[6] ПСЗ. Т. IV. № 2096.

[7] РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Д. 20. Л. 409–409 об.

[8] Там же.

[9] ПСЗ. Т. IV. № 2036; ПСЗ. Т. IV. № 2082; ПСЗ. Т. IV. № 2095; ПСЗ. Т. IV. № 2096; ПСЗ. Т. IV. № 2161; ПСЗ. Т. IV. № 2214; ПСЗ. Т. IV. № 2238.

Центральным учреждением, в числе прочего отвечавшим за проведение рекрутских наборов, являлся Правительствующий сенат. Ответственными за эффективность сбора рекрутов на местах после проведения губернской реформы становятся губернаторы и вице-губернаторы.

В Санкт-Петербургской губернии проводились как «ординарные» рекрутские наборы, так и чрезвычайные.

В 1711 г. с губерний было решено собрать рекрутов «в запас». По замыслу военного ведомства, число собранных рекрутов должно было составлять половину от численности полков, приходившихся на каждую губернию.

Далеко не всегда особый статус Санкт-Петербургской губернии можно было принять в расчет. Так, когда в 1712 г. возникла потребность в пополнении полков Санкт-Петербургской губернии, указывалось сделать это за счет рекрутов, набранных в самой губернии. Вместе с тем набор в Санкт-Петербургской губернии в 1712 г. должен был происходить «в зачет других губерний», то есть число собранных в Санкт-Петербургской губернии рекрутов должно было быть компенсировано во время будущих наборов[10].

В январе 1713 г. по инициативе Ф. М. Апраксина, направленной в Сенат, вновь полагалось собрать с Санкт-Петербургской губернии 2601 рекрута[11]. В декабре 1713 г. объявлен новый общий набор — с 50 дворов по одному человеку, «опричь тех городов, которые приписаны к Санкт-Питербурхскому флоту и которые запустели и вымерли»[12]. При этом предписывалось также собирать доимочных рекрутов прошлых лет (1711–1713 гг.). К 1 января 1714 г. с Санкт-Петербургской губернии должно было быть собрано 2089 человек[13]. В рекруты предписывалось собирать «с мундиром и с правиантом и с рублевыми денгами во всем против прежних наборов»[14].

Однако через два с лишним месяца, 25 феврале 1714 г., было принято неординарное решение — приостановить набор, вернуть помещикам уже собранных рекрутов «...и держать в вотчинах своих до указу, а как спросят, и им [помещикам — *М. Х.*] их [рекрутов — *М. Х.*] поставить по-прежнему»[15]. Меньше чем через месяц, 19 марта

[10] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 64. Л. 318.

[11] Там же.

[12] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 64. Л. 317.

[13] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 64. Л. 317.

[14] Там же.

[15] Там же.

1714 г., набор был возобновлен. Столь необычная ситуация, как объясняется в делопроизводстве Сената, была вызвана первоначальным расчетом на то, что должное число рекрут удастся собрать за счет доимки прошлых лет. Когда стало ясно, что расчет не оправдывается, новый рекрутский набор был возобновлен.

В 1715 г. в корпус в Финляндии было направлено 1330 рекрутов и гарнизонных солдат, в их числе 303 рекрута из Санкт-Петербургской губернской канцелярии[16]. По всей видимости, нехватка личного состава корпуса не была преодолена, потому тема укомплектования его полков прослеживается и в документах последующих лет.

В 1716 г. в своем письме в Сенат генерал М. М. Голицын просил направить пополнение для 21 полка Финляндского корпуса. Всего для «комплекту» полков требовалось 6154 человека. После этого появляется указ о дополнительном наборе рекрутов для Финляндского корпуса. Пополнение корпуса должно было осуществляться за счет доимочных и новых рекрутов Санкт-Петербургской губернии. Собранные в губернии рекруты сначала доставлялись в Санкт-Петербург[17]. Последующие наборы проходили в 1718[18] (притом Санкт-Петербургской и Московской губерниям было разрешено в счет этого набора зачесть рекрутов прошлых наборов), в 1719[19] (кроме Олонца), в 1721 г.[20]

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении сведения о рекрутских наборах в Санкт-Петербургской губернии отрывочны. Причиной серьезных лакун в отчетности стали пожары, в пламени которых погибла огромная часть документов Санкт-Петербургской губернской канцелярии. Пожаров в губернской канцелярии было по меньшей мере два. В первый раз здание канцелярии загорелось в 1715 г. (не исключено, что причиной был поджог)[21]. В декабре 1716 г. в новом здании губернской канцелярии вновь случился пожар, в результате которого погибла часть документов как самой канцелярии, так и присланных из других ведомств[22].

С проблемами отсутствия сведений о прежних рекрутских наборах Сенат столкнулся сразу после пожаров: «...а что которого набо-

---

[16] *Славнитский Н. Р.* Рекрутские наборы 1710–1711 гг. ...С. 37.

[17] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 64. Л. 316–316 об.

[18] ПСЗ. Т. V. № 3240.

[19] ПСЗ. Т. V. № 3419.

[20] ПСЗ. Т. VI. № 3780.

[21] *Базарова Т. А.* Пожары в истории петровского Петербурга // Петровское время в лицах — 2005: Материалы научной конференции. СПб., 2005. С. 55.

[22] Там же. С. 56.

ру рекрутов в доимке, того написать невозможно, для того в пожарное время Санкт-Питербурхской губернской канцелярии многие ведомости згорели. А которые после пожару дела и ведомости остались, и те не все описаны»[23].

Из делопроизводства Сената известно, что с 1711 по 1717 г. в Санкт-Петербургскую губернию было направлено 14 указов о сборе доимочных и о присылке вновь набранных рекрутов[24]. Значительная часть рекрутов требовалась для пополнения полков и гарнизонов самой Санкт-Петербургской губернии.

В 1714 г. во все гарнизоны губернии (включавшие Санкт-Петербургский, Выборгский, Нарвский, Ревельский – в общей сложности 8 полков; 2 полка на острове Котлин и в Кроншлоте; а также Шлютенбургский и Кексгольмский батальоны) требовалось 4696 рекрутов[25]. В 1719 г. для штатной численности 15 000 солдат в 13 полках и 2 батальонах не хватало 5166 человек (т. е. более трети). В 1722 г. для пополнения 12 полков и 20 батальонов Санкт-Петербургской губернии требовалось 3259 человек, в 6 гарнизонных полков и 1 батальон необходимо было еще 2214 солдат[26]. Помимо этого, пополнение необходимо было и в 1 полк («Ренцелев»), 3 гарнизонных полка и Кексгольмский батальон, располагавшиеся в Выборге, — всего 2002 человека. Для 1 армейского и 1 гарнизонного полка в Нарве необходимо было еще 688 человек[27].

Учитывая, что по двум нарядам 1721 г. со всего государства полагалось собрать 19 755 рекрутов[28], полкам и гарнизонам Санкт-Петербургской губернии (а также Выборга и Нарвы) для пополнения требовалось 8163 человека (более 41% от общего числа необходимых к сбору рекрутов).

С начала 1710-х гг. в Петербург начали направлять многочисленных работных людей, требовавшихся для строительства и обустройства новой столицы. Л. Н. Семенова оценивала число работных людей, ежегодно прибывавших в Петербург с 1712 по 1715 г., не менее чем в 20 тыс. человек[29]. По расчетам Е. А. Андреевой,

---

[23] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 64. Л. 322–322 об.

[24] Там же. Л. 322.

[25] РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Д. 16. Л. 849–851.

[26] РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Д. 694. Л. 135 об.

[27] Там же.

[28] Там же. Л. 135.

[29] *Семенова Л. Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974. С. 25.

только в 1710 г. в Санкт-Петербург должно было быть отправлено 48 928 человек[30], в 1711 г. — 30 448 человек[31], в 1712 г. — 28 800 человек[32].

Также Петербург играл роль центра, через который проходили крупные контингенты рекрутов. Например, в 1715 г. после проведения рекрутского набора в Санкт-Петербург полагалось направить более 14 тыс. рекрутов.

Рекруты делились на партии, состоявшие, как правило, из нескольких сотен человек (но менее тысячи), и в сопровождении воинской команды провожались до места несения службы, либо до промежуточного пункта. Так, в августе 1713 г. при отправке партии из 750 рекрутов из Смоленской губернии в Санкт-Петербург для них были выделены провожатые во главе с подполковником Николаем Брылькиным, при котором также находились капитан, поручик, прапорщик, 73 солдата и 20 конных драгун[33].

Обычной была практика привода рекрутов, собранных с Санкт-Петербургской губернии, в Петербург; затем, после смотров и проведения необходимых процедур, рекруты направлялись до мест службы. Порой это приводило к непродуманным логистическим решениям: рекруты, предназначенные для отправки в гарнизон Риги или Ревеля и набранные в Новгороде, могли сначала быть приведены в Петербург, а уже оттуда — обратно на запад, в полки, где им предстояло нести службу. Исключения делались для небольших рекрутских партий. Вильям фон Дельден писал комиссару Аничкову о приводе четырех рекрутов из Великого Новгорода в Ревель. При этом были упомянуты провожатые, которые после привода рекрутов отправились обратно в Новгород[34].

С учреждением губерний и введением должностей губернаторов на новых руководителей региональной администрации были возложены значительный круг обязанностей и немалая ответственность. Объем полномочий губернаторов был весьма широк, к таковым относились и вопросы по проведению в губернии рекрутских наборов. В указе 1710 г. говорится: «...рекрут собирать по губерниям губернаторам, а собрав, ставить им по станциям, и послать их, куда

---

[30] *Андреева Е. А.* Начало строительства Петербурга: обеспечение работными и мастеровыми людьми в 1703–1712 гг.: Дис. ... к. и. н. СПб., 2006. С. 131–132.

[31] Там же. С. 134.

[32] Там же. С. 135.

[33] РГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Д. 28. Л. 903 об.

[34] РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1628. Л. 1.

указом определено будет»[35]. В 1716 г. к этому была добавлена ответственность за присылку негодных рекрутов[36].

Санкт-Петербургская губерния, однако, обладала некоторой спецификой. Прежде всего, стоит отметить, что нам не удалось найти свидетельств вмешательства А. Д. Меншикова в ход самих рекрутских наборов. Например, списки приведенных из Новгорода в Санкт-Петербург рекрутов заверялись подписью вице-губернатора. Лишь один из попавшихся нам списков собственноручно «конфирмован» светлейшим князем. Не встречается специальных упоминаний о рекрутских наборах ни в переписке А. Д. Меншикова с подчиненными ему чиновниками губернии[37], ни в описывающих его деятельность «Повседневных записках». Вместе с тем известно о деятельном участии Меншикова в вопросах строительства Петербурга и доставки в город работных людей[38]. Потому можно предположить, что работа по проведению рекрутских наборов рассматривалась Александром Даниловичем как менее значимая. Тем не менее, окончательный вывод о степени участия светлейшего князя в делах проведения рекрутских наборов требует отдельного обстоятельного исследования. Здесь нам бы хотелось обратить внимание на несколько отдельных эпизодов, характеризующих взаимодействие А. Д. Меншикова с Правительствующим сенатом по вопросам рекрутских наборов в подведомственной Меншикову губернии.

Первым заметным шагом А. Д. Меншикова было ходатайство о снижении бремени рекрутской повинности для Санкт-Петербургской губернии в 1711 г. Выдержка из его письма сохранилась в делопроизводстве Сената. Светлейший сопровождал письмо данными из переписных книг и расчетами, показывавшими убыль населения в губернии[39]. Кроме того, губернатор достаточно ярко изобразил и другие проблемы, с которыми столкнулась губерния в прошлые годы: пожары, случившееся в отдельных городах моровое поветрие, набеги неприятельских отрядов на Петербург.

По делопроизводству Сената можно реконструировать механизм принятия решения о наборе: составлялось несколько вариантов

---

[35] ПСЗ. Т. IV. № 2251.

[36] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 64. Л. 477.

[37] Исключением является донесение коменданта Санкт-Петербургской крепости Я. Х. Бахмеотова губернатору о числе принятых рекрут (*Накишова М. Т.* Петербургские связи князя А. Д. Меншикова: механизмы функционирования социальных сетей: Дисс... к. и. н. Екатеринбург, 2022. С. 87.)

[38] *Андреева Е. А.* Первый губернатор... С. 17.

[39] ПСЗ. Т. IV. № 2390.

«раскладки» рекрутской повинности, принимались во внимание разные результаты переписей, при этом Санкт-Петербургская губерния то исключалась из расчетов, то добавлялась в них. Только затем принималось решение о параметрах нового набора. То есть решение о столь исключительном послаблении, каковым являлось освобождение на определенный срок от рекрутских наборов, было результатом тщательных расчетов. В итоге в указе Сената от 30 июня 1711 г. аргументация светлейшего князя была принята: «А с Санкт-Петербургской губернии тех рекрут и лошадей не сбирать, для того что в той губернии от прошлогодскаго мороваго заповетрия и от пожаров и от воровских людей многия места запустели»[40].

Если освобождение от рекрутских наборов являлось нечастой практикой, то система зачетов рекрутов в счет будущих наборов была распространена несколько шире. Однако в условиях продолжавшейся войны зачет рекрутов мог декларироваться в указах, но на практике права на это зачастую приходилось добиваться самим губернаторам. Поэтому светлейший князь в случае экстраординарных наборов с губернии, пытаясь добиться зачета собранных рекрутов в счет будущих наборов, обращался в Сенат.

В 1712 г. за счет населения одной Санкт-Петербургской губернии были доукомплектованы 24 полка и 2 батальона. Это было сделано в зачет последующих рекрутских наборов. Именно поэтому при очередном рекрутском наборе в 1714 г. с ведома А. Д. Меншикова в Сенат было направлено прошение: «...дабы те взятые против других губерней излишние рекруты оной Санкт-Питербурхской губернии заменены были в предбудущие такие ж рекруцкие наборы, понеже такими излишными рекруты оная Санкт-Питербурхская губерния перед протчими весма отяхчена»[41].

В ответ на прошение Сенат распорядился затребовать из Санкт-Петербургской губернской канцелярии ведомость о прошлых наборах и проверить, «перед другими губерниями есть ли излишество в передаче»[42]. Всего за исключением набора 1714 г. было взято «излишне» с Санкт-Петербургской губернии в зачет будущих наборов с других губерний 3027 человек[43].

Практика зачетов в счет поставки рекрутов обнаруживается и в последующие годы. В 1718 г. за доимочных рекрутов прошлых лет (с

---

[40] Там же.

[41] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 64. Л. 283.

[42] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 64. Л. 283об.

[43] Там же. Л. 287.

1711 г.) разрешено зачесть 2302 человек, собранных «сверх положенного числа» с Санкт-Петербургской губернии (тогда же были зачтены и 4000 человек, еще раньше взятые в матросы из Московской губернии)[44].

Если непосредственно в проведении рекрутских наборов светлейший князь не участвовал, делегируя эту обязанность вице-губернатору, то при решении более принципиальных вопросов, связанных с рекрутчиной, вмешательство А. Д. Меншикова прослеживается более явно.

Характерным является эпизод с перепиской петербургского губернатора с Сенатом. 7 января 1716 г. Меншиков писал на имя одного из сенаторов (вероятно, Якова Долгорукова) о необходимости пополнения Ревельского гарнизона. Светлейший сопроводил свое письмо выписками, содержащими указание на конкретную численность необходимого пополнения. В связи с этим губернатор просил разрешить ему взять 300 рекрутов, присланных из Нижнего Новгорода и находившихся на тот момент в Санкт-Петербурге[45].

В ответе Сената категорично заявлялось: «... рекрут как в полки армейские, положенные на Санкт-Питербурскую губернию, так и в гарнизоны и в другие места, без указу ис канцелярии Сената не употреблять»[46]. Объяснялось это тем, что «... армейские полки все как рекрутами, так и лошадьми комплектуютца *из генеральных зборов всех губерней*»[47]. Далее наступает незначительная пауза, во время которой светлейший князь, по всей видимости, излагает свою аргументацию и обращается к другой, более высокой, инстанции.

Спустя некоторое время Александр Данилович вновь пишет Сенату и приводит следующие аргументы: «...понеже гварнизоны Санкт Питербурхской губернии от протчих губерней удалели, и ежели рекрут ожидать из других губернией, то многое время пройдет, чрез которое полки зело в слабом состоянии быть могут, и в здешних полках как и самим вам известно не менше полевых нужда бывает, к тому ж весма удобнея здешним полкам комплетованым быть рекрутом здешней губернии ради близости...»[48] Но главный аргумент светлейшего князя — ссылка на указ царя, по которому «Санкт-Питербурской губернии гварнизонные полки комплетовать рекру-

[44] ПСЗ. Т. V. № 3240.

[45] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 64. Л. 301.

[46] Там же. Л. 305.

[47] Выделенные курсивом слова написаны в документе заглавными буквами.

[48] РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 64. Л. 308–308 об.

там той же губернии». Но при этом Санкт-Петербургская губерния должна продолжить направлять отчетность в Сенат о числе собранных рекрутов и их распределении по полкам и гарнизонам[49].

Таким образом, было принято компромиссное решение: Меншикову не дозволялось распоряжаться рекрутскими партиями, проходящими через Петербург, но в то же время предоставлялось право направлять рекрут, набранных в самой Санкт-Петербургской губернии на пополнение местных гарнизонов.

Можно убедиться, что в решении вопросов рекрутской повинности А. Д. Меншиков проявлял себя умелым администратором. Как глава губернии, Меншиков далеко не всегда участвовал в «рутинных» процедурах проведения наборов. С другой стороны, когда речь заходила об отстаивании интересов губернии, светлейший князь принимал в этом активное участие, ходатайствуя перед Сенатом о снижении бремени повинности в губернии. Вместе с тем его попытки воспользоваться неординарным положением губернии и заручиться полномочиями по распределению рекрутов натолкнулись на противодействие центральной власти, которое удалось преодолеть лишь частично, и не без помощи особых отношений А. Д. Меншикова с царем.

[49] Там же. Л. 308 об – 309.

Игорь Николаевич ЮРКИН
(Москва)
Главный научный сотрудник
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

Демидовский след в истории молодого Петербурга

Igor N. Yurkin

Demidov's Trace in the History of Early St. Petersburg

Аннотация: Рассмотрено значение Петербурга для представителей первых поколений рода владельцев металлургических заводов Демидовых. Приведены документальные сведения о домах, которые принадлежали А. Н. Демидову, а позднее перешли к его сыновьям. Автор связывает процесс строительства Петербурга с событиями в биографии и карьере Демидовых, в частности с получением ими дворянства. Важной функцией дома было хранение металла, поступавшего по реке с заводов Демидовых.
Abstract: The significance of St. Petersburg for representatives of the Demidovs' (metallurgical plants' owners' family) first generations is considered. Documentary information about the houses that belonged to A. N. Demidov and then passed on to his sons is provided. The author connects the construction of St. Petersburg with events in the biography and career of the Demidovs, with their receipt of the nobility in particular. An important function of the house was the storage of metal that came along the river from the Demidovs' plants.

Ключевые слова: Петербург, Васильевский остров, Мойка, Демидовы, металлургические заводы.
Keywords: St. Petersburg, Vasilievsky Island, Moika, Demidov, metallurgical plants.

1. Демидовы — предпринимательская династия, связанная с Петербургом на протяжении всей его имперской истории. Молодой город — элемент их логистических схем: пункт доставки металла, изготовленного по заказу государства; порт, через который они торгуют с Европой. Он же — пространство физических и культурных взаимодействий, среда, в которой формируются официальные и неофициальные личные связи. В пропитанную возможностями почву Петербурга Демидовы пускают свои жадные до этих соков цепкие корни. Они вписывают город в родовую историю, одновременно отдавая городу часть ее. А с нею — себя: материальные ресурсы, труд и его плоды. Создают Петербург демидовский.

В закреплении за Петербургом статуса одного из главных потребителей продукции демидовских заводов и одновременно логистического центра, который управлял ее движением, важную роль сыграл воднотранспортный путь со Среднего Урала в Петербург, сложившийся в первой четверти XVIII в.

Пути, связывавшие центр европейской части России и Урал, существовали, разумеется, и в допетровский период. Но при Петре в них были включены новые элементы — Вышневолоцкая водная система и Ладожский канал, изменившие протяженность и качество трассы. Вышневолоцкая система была пущена в 1708 г., но уже через десятилетие началась ее реконструкция, которой руководил гидротехник-самоучка М. И. Сердюков. Судоходство было восстановлено в 1722 г. Теперь путь железных караванов проходил по рекам Чусовой, Каме и Волге до Нижнего Новгорода. Отсюда суда, шедшие к Москве, сворачивали в Оку, а направлявшиеся в Петербург поднимались по Волге до Твери. Перезимовав, они отправлялись вверх по Тверце, проходили каналы у Вышнего Волочка, а дальше по рекам и озерам шли до Шлиссельбурга, откуда Невой прибывали в Петербург[1].

Никита Демидов места сдачи своей продукции казне согласовывал с учетом их транспортной доступности. Показательно доноше-

[1] *Уланов К. А.* Транспортные речные коммуникации металлургических казенных заводов Урала с европейской частью России в 20–50-е гг. XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2021. С. 262–265.

ние, поданное им в Сенат 9 ноября 1713 г. Он заявлял, что готов доставить артиллерийские припасы не только к Москве, но и дальше — к Петербургу, Киеву, Смоленску. Однако доставлять их брался только до тех мест, до которых можно было добраться естественными водными путями[2]. Железо для Петербурга он предлагал забирать у него в Твери, избегая прохождения Вышневолоцкой системы, которая в первые годы ее работы функционировала неустойчиво. Он знал не только явные, но и скрытые ее слабости: сын человека, который ее реконструировал, Иван Сердюков, был зятем Акинфия Демидова[3]. И в Петербурге дома их — сердюковский и демидовский — стояли по соседству[4].

Логистика демидовских перевозок была проработана настолько хорошо, что заводчики иногда делились своим опытом. В. И. Геннин в доношении 1723 г. сообщал, что сумел снизить на треть расходы на доставку железа в Петербург, найдя выгодного подрядчика, — и произошло это «через помочь Никиты Демидова»[5].

В Петербург с демидовских заводов везли не только железо и артиллерийские припасы. Доставлялась продукция специального назначения, например, трубы для фонтанов Стрельны и Петергофа. О них и новой их партии для Ревельского «огорода» говорится в письме Петра Демидову от 8 июля 1722 г.[6] Сдачей их казне занимался петербургский агент Никиты Иван Переславцов. Упоминается подписанная царем ассигнация на выдачу ему за трубы 2952 руб.[7]

2. После получения в 1702 г. завода на Урале Никите Демидову приходилось много ездить. Его подвижность, умерить которую не

---

[2] *Юркин И. Н.* Тульский завод Демидовых. М., 1996. С. 138.

[3] И. М. Сердюков был женат на его дочери Анне, по другим данным — Евфимии (*Юркин И. Н.* Демидовы в Туле: из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула, 1998. С. 196, 197).

[4] *Мишина Е. А.* Петербург в творчестве русского гравера Г. И. Скородумова // Петербургские чтения 97: Мат-лы Энциклоп. библ. «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1997. С. 50.

[5] *Геннин В.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995. С. 87. То же: Законодательные акты Петра I: Сб. документов. В 3 т. / Сост. Н. А. Воскресенский. Т. 2–3 / Отв. ред. Е. В. Анисимов. М., 2020. С. 595. В обеих публикациях: Никите.

[6] См., например, *Юркин И. Н.* Петр Железный. Изд. 2-е. Тула, 2022. С. 342.

[7] «Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в. / Под ред. Д. А. Редина. Екатеринбург, 2022. С. 633.

смог, кажется, даже возраст, напоминает мобильность Петра. Не раз приезжал Демидов и в Петербург[8].

Как известно, он был лично знаком с царем, на первых порах помогшим ему проявить себя. Но отношение к нему Петра менялось. Решением Вышнего суда от 22 ноября 1723 г. по поводу конфликта Демидова с В. Н. Татищевым, оправдавшим последнего, на заводчика наложили штраф, причем не за ущерб, нанесенный противнику. Его наказали за то, что Демидов «дерзнул его величество в неправом своем деле словесным прошением утруждать», то есть, презрев запрет подавать прошения непосредственно царю, обратился к нему, а не в Берг-коллегию[9]. В дистанцировании царя от Демидова трудно не заметить охлаждения отношений между ними. По мере отдаления Демидова от Петра возрастало значение царедворцев, имевших к нему доступ: А. Д. Меншикова, Ф. М. Апраксина[10] и других. Все они часть своего времени проводили в Петербурге.

Петербург — еще и место, где располагались учреждения, важные для дела Н. Д. Демидова. Его сын вспоминал об одной из поездок отца с образцами руд, когда тот «взяв тех руд, и зделал опыт, и повез с собою до Санкт-Питербурха»[11]. Не в Москву, в которой лаборатории при монетном производстве тоже были, — в Петербург, где с 1719 г. создавал химическую лабораторию для пробы руд асессор Берг- и Мануфактур-коллегии Генрих Шлаттер[12]. Кстати, именно он в 1726 г. первым обнаружил наличие серебра в образцах руды с Алтая, доставленных от Демидова[13].

3. В Петербурге делами Демидовых занимались их представители: упомянутый Иван Переславцов и Федор Володимеров, зять

---

[8] Документально подтверждаются его посещения Петербурга в 1715, 1719 и 1720 гг., но, несомненно, были и другие.

[9] *Юхт А. И.* Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. М.: Наука, 1985. С. 128.

[10] О Ф. М. Апраксине в качестве покровителя Демидова читаем, например, в письме Геннина (Там же. С. 120).

[11] *Геннин В.* Указ. соч. С. 71.

[12] *Юркин И. Н.* Петербургские лаборатории Берг-коллегии в первые годы ее существования // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 3. С. 99–100.

[13] *Бородаев В. Б., Контев А. В.* У истоков истории Барнаула. Барнаул, 2000. С. 243.

Акинфия[14]. Приезжали и сами заводчики, при этом уже Никита, можно думать, успел обзавестись своим двором. Однако конкретные сведения о здешних постройках Демидовых относятся к его сыну Акинфию Никитичу (ум. 1745).

В документе декабря этого года о числе принадлежавших ему городских дворов сообщается: «В Санкт-Питербурхе (1) на Васильевском острову купленной у графа Петра Матвеевича Апраксина каменной з жилыми и кладовыми палатами и прочим строением; (2) на Мойке в приходе святых праведных Симиона Богоприимца и Анны Пророчицы с каменными жилыми палатами и з деревянным строением»[15].

Петербургские дома упомянуты и в описаниях частей, на которые в 1757 г. было поделено наследство А. Н. Демидова. В Нижнетагильскую часть, доставшуюся Никите Акинфиевичу, вошел «в Санкт-Петербурге 1 дом каменной на погребах о 2 апартаментах со службами на Васильевском острову»[16]. Пока имущество делили, в нем по указу императрицы находились пострадавшие при пожаре 1747 г. библиотека и Кунсткамера Академии наук; некоторое время они оставались там и после раздела[17]. Другая городская усадьба Акинфия — «в Санкт-Петербурге 1 дом на Фанталке [так в оригинале. — *И. Ю.*] в приходе Симеона Богоприимца каменной на погребах, службы деревянные ветхие, и при нем еще прикупных малых два двора деревянные» — попала в «Ревдинскую часть»[18], полученную Григорием Акинфиевичем.

Сведения о том, как, когда и в каком состоянии дом на Васильевском перешел к А. Н. Демидову, в литературе расходятся. По утверждению Б. Б. Кафенгауза, «каменные палаты» были куплены им у гр. П. Апраксина за 10 тысяч руб. Постройка имела размеры 26 саж. в длину и 20 в ширину[19]. Х. Хадсон заявляет, что сделка была

---

[14] Был женат на Марии Акинфиевне (Юркин И. Н. Демидовы в Туле. С. 186). В Петербурге занимался продажей железа и его поставкой в казну (*Кафенгауз Б. Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 275).

[15] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 584. Л. 58–58 об.

[16] Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 249 об.

[17] *Юркин И. Н., Калита С. П.* Академия наук в гостях у Демидовых: первый российский музей и академическая библиотека после пожара 1747 года // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. № 3. С. 102–128.

[18] РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Ч. 2. Л. 251 об.

[19] *Кафенгауз Б. Б.* Указ соч. С. 175.

по сути обменом: А. Н. Демидов «продал свой дом графу П. М. Апраксину, а сам вселился в его»[20].

Источником для Б. Б. Кафенгауза послужила «данная» на покупку дома от 30 апреля 1726 г., найденная им в Отделе рукописей ГБЛ. Обнаруженный оригинал документа позволяет его сведения уточнить и дополнить. Двор и каменные палаты на нем, как отмечено в документе, находились «на Васильевском острову по берегу Болшой Невы реки». Ширина участка совпадает с указанной Б. Б. Кафенгаузом, а вот длина на полтора метра больше 26 саженей и 5 футов. Несколько иным было и содержание сделки. Оказывается, дом Апраксина покупался «за десять тысящ рублев да за приданной каменной фундамент в тысящю рублев». Этот фундамент (не дом!) и «Демидово место» под ним являлись значимым элементом сделки — с ними увязывалось разрешение на ее проведение. От Апраксина было затребовано «писменное обязателство... на Демидова месте, что он в каждой год чего построит и окончателно ль, как надлежит жить, со всем в отделку в три года, а имянно в 729-му году отделает; и буде тако подпишетца — то им в той продаже позволить». То есть его обязывали на фундаменте, полученном от Демидова, строить дом, причем за три года довести его до состояния, «как надлежит жить» [21]. Обещание продавец дал: «...о приеме у оного Демидова тех денег и о строении на помянутом Демидова фундаменте в каждой год и окончанием по силе того Ея величества указу он, господин граф Апраксин, подписался»[22].

О доме на Васильевском, перешедшем от Апраксина к Демидову, читаем и у М. В. Николаевой. Здание она описала как трехэтажные палаты на подвалах с высоким крыльцом в 13 осей по главному фасаду. Ссылаясь на план 1740 г., размеры постройки оценила в 20,5 саж. длины и 9 ширины, что расходится с цифрами Б. Б. Кафенгауза[23]. Историю смены дворовладельцев представила также иную: набережные палаты «поступили» к Акинфию Демидову к 1729 г. уже после смерти П. М. Апраксина, случившейся в 1728 г.[24]

---

[20] *Хадсон Х.* Первые Демидовы и развитие черной металлургии России в XVIII веке. 2-е изд. СПб., 2014. С. 55.

[21] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 765. Л. 1.

[22] Там же. Л. 1–1 об.

[23] Противоречие можно снять, предположив, что Б. Б. Кафенгауз, говоря о размерах палат, привел размеры дворового участка. Но других противоречий это предположение не устраняет.

[24] *Николаева М. В.* Санкт-Петербург Петра I. История дворовладений. М., 2014. С. 94.

И самое интересное: двор находился хотя и на Васильевском острове, но на берегу не Большой, а Малой Невы — если конкретно, приблизительно там, где сейчас находится Институт русской литературы.

Примирить эти противоречия непросто, даже если предположить описку в названии речного рукава. Не исключаю даже, что двор, купленный А. Н. Демидовым в 1726 г., и двор, перешедший к нему в 1729 г., — разные владения. Согласовать все приведенные факты это предположение тоже не позволяет, но возможности для разрешения противоречий все же открывает.

Обращу внимание на заключение, сделать которое позволяет источник. Оно касается фундамента, полученного Апраксиным «в нагрузку» к плате за хоромы. Как видим, если не дом, то двор, на котором тот строился, в Петербурге у А. Н. Демидова имелся с начала двадцатилетия его самостоятельного (без отца) хозяйствования. Интервал между ноябрем 1725 г. (смерть Н. Д. Демидова) и апрелем 1726 г. (данная на дом на Васильевском) короток. Купить участок (тот, что отдаст Апраксину) А. Н. Демидов за пять месяцев, конечно, мог. Но едва ли начал строительные работы поздней осенью. Вывод: строительство, скорее всего, было начато еще при жизни Никиты Демидова. Это важно, поскольку отодвигает время укоренения Демидовых в Петербурге на поколение.

Первые месяцы 1726 г. были временем, когда Акинфий подолгу оставался в Петербурге. В январе он поднес императрице образцы руд с Алтая[25] и получил разрешение на строительство там завода. В феврале оформлял сделочные записи с братьями[26] и решал вопросы в Берг-коллегии[27]. Полагаю, он находился в столице и в марте, когда в Верховном тайном совете решался вопрос о его и братьев аноблировании. 24 марта патент на дворянство был императрицей подписан[28]. Жаждавший его получить Демидов, скорее всего, пребывал в это время в столице.

Одворянивание предполагало обретение атрибутов, соответствовавших новому социальному статусу. Покупка готового дома, экономя его владельцу два-три года, проблему решала. Стоявшая на речном берегу усадьба Апраксина подходила еще и тем, что при ней можно было устроить пристань. Последняя предназначалась для

[25] *Кафенгауз Б. Б.* Указ. соч. С. 168.

[26] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 760. Л. 1, 3–5.

[27] Там же. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 639. Л. 10–10 об.

[28] *Юркин И. Н.* Демидовы: столетие побед. М., 2012. С. 124.

разгрузки поступавшего в Петербург металла, хранить который планировалось в подвалах под домом[29].

Показательно, что Никита Акинфиевич, получив этот дом по разделу, начал вытеснение из него Академии с восстановления пристани. Подав прошение о разрешении ее строить в июне 1760 г., месяц спустя получил билет на работы[30]. Одновременно добивался освобождения Академией подвалов. Его приказчик жаловался, что из-за их недоступности железо и припасы приходится «с несносным убытком перевозить и складывать на Гостином дворе»[31]. Демидов просил «в погреба позволить привозное мое железо из Сибири складывать, ибо от погод и штурмов [штормов. — *И. Ю.*] оному железу на дворе быть опасно»[32]. По освобождении дома демидовские приказчики, приняв железо с каравана, разгружали его на пристани, после чего часть отправляли на английские корабли, другую же — в подвалы хозяйского дома[33].

4. Место расположения другого петербургского дома первых Демидовых требует уточнения. В обоих цитированных источниках он отнесен к приходу церкви Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. Косвенным подтверждением связи Акинфия с этим приходом может служить то, что в период строительства храма (1729–1733) железо для него покупалось у «дворянина Демидова»[34]. Указывая на один приход, источники, однако, расходятся в названии реки, поблизости от которой находился демидовский дом: в документе 1745 г. это Мойка, 1757 г. — Фонтанка.

Снять противоречие можно, заподозрив неточность в одном из источников. Самым простым решением было бы предположить, что в документ 1757 г. Фонтанка попала по ошибке — подразумева-

---

[29] Насколько в хозяйственном отношении заводчику была важен двор «у струговой пристани на берегу», видно из документов марта — июля 1744 г., отразивших борьбу А. Н. Демидова за освобождение от постоя такого дома в Нижнем Новгороде (РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Л. 1–2, 8 об. — 9 об., 401).

[30] Там же. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 6–10 об. См. также: *Юркин И.Н., Калита С. П.* Академия наук в гостях... 2014. № 3. С. 113–114.

[31] РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 383. Л. 14.

[32] Там же. Л. 16.

[33] *Кафенгауз Б. Б.* Указ. соч. С. 284.

[34] *Станюкович-Денисова Е. Ю.* Церковь Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы в Петербурге: к истории строительства и реконструкции первоначального облика // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. СПб., 2013. Вып. 3. С. 260. Железными связями укрепляли хоры, лестницы и балконы.

лась не она, а Мойка. Другим возможным решением является предположение, что от Акинфия осталось три дома в Петербурге, но один из них из документа 1745 г. выпал из-за утраты части текста. Возможная реконструкция первоначального текста (в круглых скобках гипотетическое восстановление утраченного): «...(2) на Мойке (в приходе такого-то храма такой-то дом; (3) на Фонтанке) в приходе святых праведных Симиона Богоприимца и Анны Пророчицы». Это дополнение всех противоречий, однако, не устраняет. Чтобы объяснить, почему демидовский участок на Мойке выпал из раздела, потребуется, например, предположить, что Григорий Акинфиевич в годы, пока раздел готовился, выкупил участок, а после получения по разделу дома на Фонтанке продал, оставшись владельцем дома на Мойке. Тут уже не одно предположение, а несколько, что сильно настораживает. Но и невозможным ни одно из допущений не кажется.

Дом Григория Демидова на Мойке сохранился; его адрес: переулок Гривцова, 1 / набережная реки Мойки, 64а. Считается, что здание построено во второй половине 1750-х гг. по проекту С. И. Чевакинского. Возможно, какое-то отношение к проекту имел и А. Ф. Кокоринов, состоявший в родстве с Демидовыми. В XIX в. здание перестраивалось. В замечательном памятнике елизаветинского барокко особое внимание привлекает красивая внешняя металлическая лестница, ведущая на второй этаж, и чугунные маски в оформлении оконных наличников. Возможно, перед нами творения мастеров уральских заводов Демидовых.

Прокофий Акинфиевич, по данным Е. И. Красновой, владел тремя небольшими домами на Миллионной улице, однако о том, к какому времени относятся эти сведения, она не сообщает[35]. При разделе с братьями до́ма в Петербурге ему не досталось. Но в конце 1750-х дом у Прокофия в столице был. Об этом летом 1759 г. упомянули в челобитной братья. Они жаловались, что он не освобождает здания, доставшегося Григорию, общее имущество в нем делить не дает, свой же дом «отдает в наймы»[36]. О собственном доме Прокофий упоминает и сам в челобитной от 30 октября 1768 г.:

[35] *Краснова Е. И.* Такие разные Демидовы. СПб., 2007. С. 40.

[36] Источник: «Экстракт о происходящих от Прокофья Демидова меншим ево братьям Григорью и Никите... обидах и раззорителных притеснениях» — документ, приложенный к челобитной Г. А. и Н. А. Демидовых от августа 1759 г. (РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Кн. 95. Ч. 2. Л. 240 об.).

просит «свесть» «поставленной ныне в петербургском моем доме от полиции постой»[37].

На сегодняшний день старейшим строением Петербурга, принадлежавшим Демидовым, является, по-видимому, дом на Мойке. Позже город украсят другие дома, построенные потомками тульского кузнеца.

[37] Там же. Л. 400.

Ольга Гениевна АГЕЕВА
(Москва)
Гавный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра по изучению отечественной культуры

К истории праздничной культуры петровского Петербурга: новые документы из РГА ВМФ

Olga G. Ageeva

The History of the Fest Culture of the Petrine Petersburg: The New Sources of Russian State Archive of the Navy

Аннотация: В статье рассматриваются в деталях новые источники Российского государственного архива Военно-Морского Флота, касающиеся праздничной культуры Петербурга первой четверти XVIII века. Они содержат неизвестные факты о формировании знаковой культуры города, организации фейерверков, проведении новых светских праздников. Анализируются данные о петровской смеховой культуре, в том числе диплом на поставление самоедского вице-короля.
Abstract: The article examines in detail the new sources of the Russian State Archive of the Navy, which relates to the St. Petersburg's festive culture of the first quarter of the 18th century. They contains the unknown facts about the emergence of the city symbolic culture, the preparation the fireworks, holding the new secular holidays. The article analyses the data of the Peter's laughing culture, including the diploma of the Samoyed viceroy's delivery.

Ключевые слова: Российский государственный архив Военно-Морского Флота, исторические источники, праздничная культура, Санкт-Петербург, 1-я четверть XVIII в.
Keywords: Russian State Archive of the Navy, the historical sources, festive culture, St. Petersburg, the 1st quarter of the 18th century.

«Город петровской мечты» стремительно сформировал свою особую общественную жизнь, существенную часть которой составляла праздничная культура с ее новыми знаковой и церемониальной сторонами. Темы, посвященные празднествам невской столицы Петра Великого, уже давно изучаются историками, но прежде всего по опубликованным мемуарным сочинениям и в меньшей мере по источникам иных разновидностей, хранящимся в архивах. Между тем отечественные архивы содержат значительное число не введенных в научный оборот документов по культуре раннего Петербурга.

Оригинальность и исследовательскую ценность содержащихся в них сведений можно представить при рассмотрении отдельных документов, выбранных из россыпи посвященных петровским торжествам дел Российского государственного архива Военно-Морского Флота (Санкт-Петербург). Эти источники отложились в фондах: 176 — Дела Адмиралтейской канцелярии, 177 — Дела Приказа воинского морского флота, 223 — Дела, хранящиеся в Адмиралтействсовете, а также личных фондах 233 — Дела графа Апраксина и 234 — Дела адмирала Крюйса. Отобранные по теме наиболее репрезентативные документы по разновидности являются нормативными, делопроизводственными и эпистолярного жанра историческими источниками, дополняющими историографию новыми фактами. При работе с ними следует понимать, что в начале XVIII в. город Санкт-Петербург с его центром находился на правой стороне Невы, на Петербургском (Городовом) острове, и управлялся генерал-губернатором А. Д. Меншиковым и Санкт-Петербургской канцелярией. Адмиралтейский же остров был самостоятельной административной единицей, центром управления которой являлось Адмиралтейство, Адмиралтейская канцелярия, а затем коллегия во главе с графом Федором Матвеевичем Апраксиным. Это определило особенность повелений и переписки между Ф. М. Апраксиным и А. Д. Меншиковым, в которых дублировались распоряжения по Петербургской и Адмиралтейской сторонам Невы.

Каким сюжетам посвящены документы фондов архива? Указы и письма, хранящиеся в Архиве Военно-Морского Флота, содержат сведения о появлении особых церемоний, визуальных и звуковых

элементов праздничной городской среды Петербурга. Так, они показывают, как в 1707 г. возник обычай поднятия в праздники штандарта на городовой стене (Петропавловской крепости) и флагов в Адмиралтействе и на кораблях. Сначала 29 ноября появился приказ за подписью адмирала Ф. М. Апраксина об их роспуске в праздничные дни — господские и двунадесятые праздники, дни святых Александра Невского, апостолов Петра и Павла и Андрея Первозванного, в воскресные дни и на тезоименитства царя и благородного царевича, а также о запрете поднимать штандарт и флаги в другие дни. Приказ о новом городском обычае следовало сообщить петербургскому обер-коменданту генерал-майору Р. В. Брюсу. Затем, в декабре того же 1707 г., повеление о роспуске знамен было отправлено во флот К. Крюйсу и И. Ф. Боцису[1]. К 1705 г. относится указ Ф. М. Апраксина о введенном Петром I 20 января флаге для русских торговых судов, а к 1708 г. — распоряжение сделать в Адмиралтействе Андреевский флаг и «триколоры» (для торговых судов)[2]. Последнее, возможно, было связано с подготовкой к первому в этом году прибытию в Петербург императорской фамилии, которой Петр I хотел показать новый город и новозавоеванные земли.

Ряд документов, хранящихся в архиве, касается постепенного формирования особой звуковой среды Петербурга. Ее неотъемлемой частью являлись праздничные пушечные салюты. Среди такого рода источников представляют интерес указ от 15 марта 1708 г., по которому было предписано стрелять в тезоименитство царевича Алексея Петровича три раза с крепости Адмиралтейской «кругом»[3], а также указ от 3 мая 1724 г., связанный с коронацией Екатерины I, главные церемонии которой проходили 7 мая. Согласно последнему, следовало «стрелять для коронации ее величества в четверг, с адмиралтейских бастионов и яхты “Принцесс Анна”, как будет выстрелено из Санкт-Петербургской крепости», и при этом давалось указание «не повредить» бастионы[4].

Полный годовой круг пушечных салютов в торжественные дни был установлен в начале 1720-х гг. 21 июля 1721 г. в Адмиралтейств-коллегию к Апраксину со товарищи был отправлен приказ царя и приговор-решение Военной коллегии о стрельбе в торжественные дни, из которых следовало, что сначала в марте царь и коллегия

[1] РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 28. Л. 256, 257–260.

[2] Там же. Д.50. Л. 229; Д. 28. Л. 371–374, 398.

[3] Там же. Ф. 234. Д. 6. Л. 82 об.

[4] Там же. Д. 21. Л. 47.

приняли решение о праздничной стрельбе в Ревеле, а затем 13 июля распространили его на все губернии и провинции. К указу, «где какой стрельбе быть», отправленному Апраксину, был приложен реестр, по которому следовало производить пушечный салют из 21 пушки 1 января (Новый год), 30 мая (день рождения царя), 29 июня (царское тезоименитство) и 24 ноября (тезоименитство царицы Екатерины Алексеевны), а 27 июня (Полтавское сражение) давать залпы трижды — из 15, 17 и 21 пушки[5].

В документах архива содержатся многочисленные сведения о формирующейся системе государственных праздников петровского времени: тезоименитствах, днях рождения Романовых, годовщинах военных побед и других торжествах, в числе которых были празднества, устраиваемые в городе в отсутствие Петра I и его окружения.

Среди последних было празднование в 1724 г. в Петербурге вслед за Москвой коронации Екатерины I, которая состоялась 7–10 мая. Согласно письму А. А. Матвеева к Ф. М. Апраксину от 25 мая 1724 г. из невской столицы, оно проходило 19, 21 и 23 мая, через несколько дней после главной церемонии в Успенском соборе и Кремлевском дворце. 19 мая утром в петербургской церкви (вероятно, Троицком соборе) состоялось благодарение — служба, завершившаяся салютом, при котором 130 пушек троекратно стреляли «с города и из крепости», а части гвардии и других полков «зело изрядно» произвели стрельбу и летучий огонь. Затем пополудни в галерее Летнего сада были «столы и питье изобильно» для высших чинов. Как писал Апраксин, в тот день «всесердечною радостию» «веселились и подшумели, и никто из нас с того великого трактамента целой памяти в дом свой не привез». 21 мая в честь коронации во дворце Ф. М. Апраксина был организован «малой стол», за которым кушали генералитет, флагманы и прочие знатные особы. Участники пиршества «радость нарочито возобновили», и она проходила с «высокими здравиями». 23 мая те же лица «честь имели еще пополнить» в доме генерала Л. Н. Алларта[6].

Особого внимания заслуживают сведения из писем Г. И. Чернышева и В. А. Ржевского к Ф. М. Апраксину о веренице петербургских торжеств 1716 г., когда генерал-адмирал находился вместе с царем в большой поездке по Европе. В них были описаны спуск корабля и обед у Меншикова 9 сентября; празднование 28 сентября победы при Лесной, которое прошло в Зимнем дворце с участием П. М. Апраксина, И. А. Мусина-Пушкина и офицеров, и при этом

[5] Там же. Ф. 233. Д. 198. Л. 388, 389.

[6] Там же. Л. 13–13 об.

вино гостям подносили маленькие дочери Петра I — царевны Анна Петровна и Елизавета Петровна; устройство обеда 29 октября в Зимнем дворце в честь дня рождения годовалого царевича Петра Петровича, во время которого «пили зело довольно», а потом вечером жгли фейерверк; веселие 7 ноября в день рождения А. Д. Меншикова в его доме, где присутствовали дамы и царевны и устраивались танцы; и, наконец, празднование по приказу Меншикова 29 числа того же месяца тезоименитства Ф. М. Апраксина в доме отсутствовавшего графа, где сенаторы, прочие чины и дамы «были с великой триумфом и с пушечною пальбою и с немалым пьянством»[7].

Документы архива содержат целый ряд деталей о Гангутском морском триумфе 1714 г. Среди них к числу редких относятся сведения о праздничном убранстве домов жителей Петербурга, которое определялось предписаниями генерал-губернатора А. Д. Меншикова от 24 и 29 августа 1714 г. По первому из указов богатым горожанам следовало построить не только на площади, но и у своих домов триумфальные ворота «из дерев и из протчего», «кто как возможет», и им же изготовить «пред дворами к ночи огни» и в окнах «обыкновенные» иллюминации. Полностью это распоряжение выполнено не было. К празднеству возвели только триумфальные ворота на Троицкой площади и перед дворцом самого Меншикова на Васильевском острове (они запечатлены на гравюре А. Ф. Зубова «Васильевский остров. Вход с моря с триумфом царского величества», 1714 г.). Строительство остальных триумфальных арок, по-видимому, отменили, так как о них ничего не говорится в следующем письме-распоряжении Меншикова к Апраксину от 29 августа. В нем уже сообщалось только об украшении домов «картинами или шпалерами и прочими пристойными украшении». По приложенному списку, «повестить» об этом следовало только 10 обеспеченных домовладельцев, среди которых были сам Ф. М. Апраксин, А. В. Кикин, И. А. Мусин-Пушкин, Гр. Ив. Волконский, С. Владиславич Рагузинский, Федосей Скляев, Гаврила Меншиков и иностранные мастера корабелы: Кузонц, Осип Най и Броун[8].

Разнообразные сведения документов архива касаются одного из самых оригинальных петербургских празднеств — торжественной встрече петровского ботика в мае 1723 г. Привлекают внимание новые данные о встречавшем царский ботик на глади Невы буер-

[7] Там же. Д. 121. Л. 119, 164–165 об., 126; Д. 125. Л. 71–72, 73–74.

[8] Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 97. Л. 214–214 об., 224, 225–225 об.

ном флоте знатных жителей Петербурга — так называемой невской флотилии. Она часто упоминается в источниках, но круг владельцев, состав судов и организационная сторона «гуляний» флотилии в них представлена слабо. Это придает ценность отложившемуся в РГА ВМФ штрафному списку лиц, не выставивших свои суда к встрече. По списку, датированному 2 июня 1723 г., штрафы в размере 15 руб. были наложены на десять человек за отсутствовавшие при проведении церемонии одиннадцать буеров (владельцы: Ф. Голицын, М. Витвер, В. Корчмин, Л. Блументрост, Ф. Скляев и др.) и на шесть человек, не поставивших для нее шесть барж (владельцы: князь-папа, К. Крюйс, Д. Кантемир, Г. Чернышев и др.)[9].

Празднества начала XVIII в. являлись той сценой, где петербуржцы демонстрировали свой европейский облик. В петровское время был освоен не один десяток видов европейского платья: мундирного, ливрейного, мужского «богатого» для светских торжеств, маскарадного, траурного и др. Особым блеском отличалась и соответствовавшая европейской моде одежда высших слоев общества, собиравшихся при царско-императорском дворе. Это не раз отмечали иностранцы, например, голштинский камер-юнкер Ф.-В. Берхгольц. Один из способов получения сведений о европейских модных тенденциях показывает сохранившееся в архиве письмо-повеление царицы Екатерины Алексеевны, написанное 19 марта 1717 г. из Гааги к дипломату, надворному советнику С. Л. Рагузинскому-Владиславичу. В нем царица сообщала, что отправленные ей письмо и вещи она уже получила, и далее поручала держать ее в курсе последних новинок моды: «...еже ли что выйдет новой моды — какие дамские уборы, а имянно: платки и протчее, дабы старались хотя по одной штуке для пробы прислать к нам, также и в платье, ежели где явитца премена, то изволте нам уведомляти, и также на пробу, что надлежит присылайте»[10].

В РГА ВМФ сохранилось достаточно много документов об участии Адмиралтейства в подготовке одного из самых ярких явлений петровских празднеств — «огненных потех». В письмах от разных чинов (М. Витвера, К. Крюйса, А. Макарова, А. Ушакова и др.) содержатся требования о присылке лесных припасов для возведения «театрума» фейерверков и иных строительных материалов, «вина двойного», ржаной муки; об изготовлении адмиралтейскими паяльщиками до двух тысяч лампадок со стеклом и по образ-

[9] Там же. Ф. 223. Оп. 1. Д. 24. Л. 29.

[10] Там же. Д. 10. Л. 19.

цам[11] и др. Обычным было и привлечение для работ солдат, мастеровых и матросов. К примеру, в 1721 г. для иллюминации к убиранию шпица лампадками требовалось прислать 50 матросов «с добрым офицером», а для наблюдения в праздничные дни в Адмиралтействе и на верфи «поставленных свеч в окны, огней и всяких опасных случаев», т. е. для обеспечения пожарной безопасности, — выделить мастеровых, подмастерий и их людей, и «чтоб были не шумны... трезвы»[12].

Особый интерес представляют сведения об участии служителей Адмиралтейства в подготовке знаменитого фейерверка в честь заключения Ништадтского мира 22 октября 1721 г. Тогда для многочасовой «огненной потехи» на Троицкой площади был построен храм двуликого Януса с закрывающимися дверями, символизировавшими окончание войны и наступление мира, и были изготовлены фигуры передвигающихся рыцарей, являвших собой Россию и Швецию. Находящийся среди документов архива «Именной реестр живописцам и малярам, которыя посылаются к делу фейерверка» от 15 октября 1721 г. позволяет поименно назвать служителей Адмиралтейства, расписывавших щиты и выполнявших другие декоративные работы фейерверка. Всего в реестре 16 имен: один подмастерье — Гр. Остроумов, один золотарь — Вас. Иванов, четыре живописца: Лука Васильев, Фома Иванов, Павел Андреев, М. Аноффриев, десять маляров: П. Данилов, Гр. Степанов, И. Лукьянов, Козьма Никифоров, И. Яковлев, Анд. Никитин — и отправленные ранее 14 октября М. Антипов, Калина Козаков, Ф. Курбатов и Никита Бородин[13].

Большую ценность представляют описания символики фейерверков. Одно из них, посвященное фейерверку 29 октября 1716 г. в честь празднования дня рождения годовалого царевича Петра Петровича, содержится в послании за границу к Ф. Апраксину: «Фейрверк, фигура была: дерево, из нево отросль с подписанием: “происхождение от короне побеждающи”». Согласно книге «Символы и эмблемата», изображение дерева (обычно погибшего) и его отростка символизировало родителей и детей, такое изображение под № 321 трактуется следующим образом: «Они будут расть, такожде купно и любовь моя». Здесь же, в контексте фейерверка 1716 г.,

[11] Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 87. Л. 166, 167, 169–170; Ф. 233. Оп. 1. Д. 16. Л. 4, 15, 23 об.; Д. 224. Л. 37; Д. 41. Л. 17–17 об.

[12] Там же. Д. 41. Л. 46; Д. 16. Л. 39 об. – 40.

[13] Там же. Ф. 234. Оп. 1. Д. 41. Л. 39.

надпись «эмблема» указывала на высочайшее происхождение ребенка[14].

В новую общественную праздничную жизнь невской столицы органично вошли действа «всешутейшего и всепьянейшего собора» царя, возникшего в начале 1690-х гг. в Москве. Архив содержит ряд редких новых источников по смеховой культуре петровского Петербурга, в том числе о подготовке шутовских свадеб князя-папы Н. М. Зотова в 1714 г. и князя-папы П. И. Бутурлина в 1721 г. Архивные документы показывают, что к этим торжествам активно привлекались офицеры и корабельные мастера, которым готовилось шутовское платье «всесветного монастыря» на три человека «каждого манера». По сохранившемуся списку для свадьбы 1714 г. от Адмиралтейства были направлены указанные по именам: 10 офицеров — капитаны, поручики, подпоручики и шкиперы (еще три шкипера оказались в это время в Ревеле и Кроншлоте); 75 корабельных мастеровых, мастеров и учеников двух десятков других специальностей (и еще шесть назначенных к действу мастеров были в отъезде). Значительную часть офицеров и мастеровых составляли иноземцы, что было особенностью именно Петербурга[15]. О размахе свадебных мероприятий свидетельствует одна деталь. По письму к М. Олсуфьеву от 12 сентября 1721 г. для свадьбы князя-папы в домдворец А. Д. Меншикова отправлялось «на время» из адмиралтейского склада-«магазина» 30 дюжин «тарелей оловянных», то есть 360 штук, которые затем, «как блюды, тако и торели», следовало вернуть[16].

Уникальный документ петровской смеховой культуры содержит фонд 233. Это диплом, или грамота, шутовского самоедского короля 1712 г., предназначенная Петру-Михайлову Григорьевичу Полтеву[17]. Как следует из текста документа, он был составлен Ф. М. Апраксиным по указу Петра I, данному в 1711 г. до Турецкого похода, по «исшествию с сего света» прежнего самоедского короля, о даровании никому не отданного «королевства самоядского» Петру-Михайлову Григорьевичу Полтеву. Согласно этому указу, в Петербурге в июле 1712 г. и был составлен по формуляру патентов на титулы и земельные владения документ на королевское достоинство Полтева. Примечательно, что первая часть имени шутовского короля —

[14] Там же. Ф. 233. Оп.1. Д. 125. Л. 66–67 об.; Символы и эмблемата. Амстердам, 1705, Минск, 2014. № 321.

[15] РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 97. Л. 246–255.

[16] Там же. Ф. 234. Оп. 1. Д. 16. Л. 5.

[17] Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 45. Л. 354.

Петр Михайлов — была созвучна с условным именем самого Петра I, под которым он проходил воинскую «службу» в собственной армии и ездил в Европу в качестве члена Великого посольства. Диплом по указу Петра I вместо него самого, поскольку он находился в походе и не имел возможности приложить свою государственную печать, должен был выдать за своим подписанием и печатью генерал-адмирал и губернатор, тайный советник граф Ф. М. Апраксин. В силу этого Полтев возводился в ранг не короля, а только «вице-роя».

Что касается предшественника Полтева, шутовского самоедского короля по кличке Вымени (Wimine), известно, что он был французом и в прошлом имел чин полковника, сидел в Бастилии, много путешествовал, потом служил польскому королю, от которого и был приглашен Петром на службу. Вымени страдал помешательством, но, при этом, был человеком острого ума и являлся «веселым собеседником царя». В 1709 г. во время Полтавского триумфа «король» следовал с группой самоедов на 19 самоедских санях, запряженных парой лошадей или тремя северными оленями18.

Поставляемый самоедским вице-королем Полтев являлся представителем известного в России с XV в. дворянского рода, основателем которого был выехавший из Литвы польский шляхтич. В грамоте Петр Полтев представлен как лицо «фамилии российской, обитатель королевства Польского, князь Гостолянский, кавалер португальской регулы», служивший секретарем «при королях польских и великих князьях литовских» и в других «знатных действах».

Судя по диплому, далеко не шутовским было материальное и служебное положение вице-короля. Ему жаловалось пожизненно, «до живота ево», «королевство Самоядское» со всеми пожитками и приходами, с титулом, королевской честью и «от всяческих повожением». При этом подчиненными вице-короля становились «люди суть живущи четырех... языков — русский, самоядский, осцюский и лапорийский, к нему же относятся и югорские самояды». На их территориях действовала система сбора податей в пользу вице-короля через поставленных царем после кончины Вымени четырех новых воевод. Первый воевода был назначен в Мезень, то есть «названную слободу», откуда всякую дань, принадлежащую самоедскому королю, отвозили в г. Архангельск; два других — в Пусто-

[18] *Юль Ю.* Записки датского посланника Юста Юля, 1709–1711 // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 105, 106; *Плейер О.-А.* О нынешнем состоянии государственного управления в Московии в 1710 г. // Там же. С. 405.

зерск и в Кустозерский, которому были «принадлежны городские казаки, домами там живущие и называемые карачаня»; четвертый воевода служил в г. Коле, «в лупарях земли, морем отдаленной».

В своем королевстве Полтев «яко король» имел право «рядить и судить, и наместников ставить, и когда будет неудобен, отменить и иного поставить, либо сих подтвердить». В «приходах» вице-короля числились «всякие дани денежные, десятинные, елени катаные и дякие, кожи зверей... птицы лебеди, гуси и качки дикие, бобры, выдры, рыбы — живые, соленые и сухие, икры всякие, соль, древеса с давнего обычая отбирать». Обязанностью самоедского «вице-роя» было «уступать» половину из собранных с королевства «в свое добро» доходов «в сокровище его царского величества», а также «чинить» его величеству «его королевства послушание» «под жестоким каранием».

Таким было содержание шутовской грамоты. Однако поставление Полтева в самоедские вице-короли, вероятно, не состоялось, так как грамота не была подписана, и точная дата в июле 1712 г. не была поставлена.

Круг приведенных документов является лишь частью источников, которые посвящены праздничной жизни петровского Петербурга, однако и она показывает, сколь разнообразную информацию о различных сторонах культуры новой столицы содержат фонды Российского государственного архива Военно-Морского Флота Санкт-Петербурга.

Алексей Алексеевич АШИХМИН
(Санкт-Петербург)
Специалист по музейным исследованиям
Государственного музея-заповедника «Петергоф»

Александр Сергеевич БЕЛОУСОВ
(Санкт-Петербург)
Заведующий редакционно-издательским отделом
Государственного музея-заповедника «Петергоф»

Genius loci imperialis: роль петергофской резиденции в утверждении императорского статуса Петра Великого в 1721–1723 гг.

Alexey A. Ashikhmin, Alexander S. Belousov

Genius Loci Imperialis: The Role of the Peterhof Residence in the Establishment of the Imperial Title of Peter I in 1721–1723

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о роли дворцово-паркового ансамбля Петергоф в контексте признания европейскими державами за Петром I титула «император». Фокус внимания концентрируется на событиях 14–15 августа 1723 г. — приезде иностранных послов в Петергоф. Высокий визит стал финальным аккордом в процессе трансформации царской резиденции в императорскую, начатом по замыслу Петра I двумя годами ранее.

Abstract: The article examines the role of the Peterhof palace in the context of the recognition by the European states of Peter I's title of Emperor. The main focus of attention is the arrival of foreign ambassadors in Peterhof on August, 14–15, 1723. The high visit was the final chord in the process of transforming the royal residence into an imperial one, initiated by Peter I two years before.

Ключевые слова: Петергоф, Петр I, императорский титул, иностранные послы, потестарная имагология.
Keywords: Peterhof, Peter I, imperial title, foreign ambassadors, imagology.

На первый взгляд, прием иностранных посланников в августе 1723 г. в Петергофе — достаточно локальное событие для историографии. Однако оно приобретает совершенно иной статус в контексте проблемы международного признания за Петром Великим императорского титула. В рамках потестарной имагологии его можно рассматривать как предъявление новой «сцены» для демонстрации петровского образа власти[1].

Дворцово-парковые ансамбли, будучи публичным пространством и являясь своеобразным инструментом коммуникации для политических акторов, находились в постоянной темпоральной динамике: расширялись и сокращались, перестраивались и разрушались, забывались и переосмыслялись. Каждая подобная трансформация, находясь в зависимости от идей и политического нарратива владельца, демонстрировала институциональное и церемониальное положение резиденции. И каждое взаимодействие с ней представляло собой своеобразный политический перформанс, будь то придворные торжества или экскурсии, которые проводил лично монарх или делегированное им лицо.

Таким образом, петергофские события августа 1723 г. необходимо толковать совершенно иначе, чем было ранее принято в историографии. Петр I, принимая иностранных послов, демонстрировал новый статус и нарратив Петергофа — резиденции императора-победителя, задуманный им лично в 1721 г. в контексте триумфального завершения Великой Северной войны и принятия императорского титула. Показ Петергофа завершал череду масштабных торжественных мероприятий: морской парад с «дедушкой русского флота» и экскурсию по Кронштадту. Прямая демонстрация морских достижений и аллегории фонтанов и дворцов создавали для иностранных посланников облик новой преображенной России и утверждали за Петром I право носить императорский титул.

За время своего правления Петр I стал основателем множества резиденций, среди которых Екатерингоф, Дубки, Царское село, Стрельна и т. д. Однако Петергоф всегда занимал особое место в

[1] *Бойцов М. А.* Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: очерки потестарной имагологии. СПб., 2010. С. 24-25

жизни царя, к чему напрямую отсылает само название резиденции — «Двор Петра».

Петр I при строительстве Петергофа реализовывал личное «виденье» своей «истории»: достижений, побед, успехов, заслуг. Полную вовлеченность царя в строительство резиденции, продумывание каждой детали, расположения дворцов, павильонов и фонтанов демонстрируют его собственноручные рисунки и распоряжения о том, что, как и когда следует строить[2].

Вместе с Петром менялся и Петергоф. Царская резиденция должна была соответствовать постоянно возрастающей роли России и русской монархии в мире. Принятие Петром I титула императора становится важной точкой бифуркации в петергофской истории. Путь от царя к императору реализовывал петровскую концепцию власти[3], а Петергоф стал ее материальным воплощением.

В этом контексте необходимо более детально рассмотреть событие 14–15 августа 1723 г. — приезд иностранных послов в Петергоф. В российской историографии указанный визит связывают с «торжественным открытием» парадной резиденции Петра I. Однако история европейских королевских резиденций XVII–XVIII вв. не содержит событий, которые можно соотнести с понятием «открытие».

Историю «открытия» основывают на неверной интерпретации записки камер-юнкера Ф. В. Берхгольца[4] и письма французского посланника Ж. Кампредона[5]. Так, например, камер-юнкер в своем тексте специально упоминает следующее при описании августовских событий:

---

[2] *Белоусов А. С.* К вопросу датировки собственноручных рисунков Петра I по планировке Петергофа // Европейские маршруты Петра I. К 300-летию визита Петра I во Францию. Материалы IX Международного петровского конгресса. Париж — Реймс, 20–22 апреля 2017 года. СПб., 2018. С. 232–239; Кальницкая Е. Я. «Огород не хуже версальского». Мечты и реальность // Петергоф, помнящий Петра: В 2 т. Т. 1. СПб., 2022. С. 26–47; *Ашихмин А. А., Петров П. В.* Введение // Петровский Петергоф в письмах и бумагах: В 2 т. Т. 1. СПб., 2022. С. 13–42; *Петров П. В.* История строительства царской резиденции в Петергофе // Петровский Петергоф в письмах и бумагах: В 2 т. Т. 1. СПб., 2022. С. 43–104.

[3] *Кротов П. А.* Петр Великий: концепция власти и правления // Личность в истории в эпоху Нового и новейшего времени (памяти профессора С. И. Ворошилова). СПб., 2011. С. 27–33.

[4] Петровский Петергоф в письмах и бумагах: В 2 т. Т. 2. СПб., 2022. С. 384–385.

[5] Там же. С. 387–389.

«14 <августа>, рано утром, все иностранные министры (за исключением г. Мардефельда, больного подагрою) приехали в Петергоф на прусской, подаренной императору, яхте, а голландский резидент привез с собою и жену. Его величество, вскоре после их приезда, всюду сам и их водил и после того, уходя, сказал им, что они на сей раз видели только все поверхностно и что, если им будет угодно, они могут когда-нибудь приехать и рассмотреть все в подробности. **В нынешнем году до сих пор никого сюда не пускали, потому что водить везде и показывать император предоставил себе самому**»[6]. [Выд. *А. А., А. Б.*].

Также во всем тексте ни разу не употребляется слово «открытие» или его синоним по отношению к Петергофу. Аналогичная ситуация и с текстом французского резидента:

«Вследствие совершенной мною вместе с прочими иностранными министрами поездки в Петергоф, загородный царский дворец, я не мог иметь чести писать вашему величеству с прошлой почтой. <...> К счастью, нас его царское величество пригласил в Петергоф лишь на другой день после церемонии... Во дворце поместили одного герцога Голштинского. Принцы же гессенские ночевали в своих яхтах, точно так же, как и все придворные. Царь и царица поместились в маленьком домике, построенном в саду, на берегу моря и названном “Монплезир”, в подражание подобному же домику вблизи Берлина... **Не окончен также и маленький ручей или водопад, который царь устраивает здесь приблизительно в том же вкусе, как и в Марли, только гораздо меньшего размера...** Царь сказал, что велит вырезать гравюры всего этого, но что я могу, если хочу, снять покуда план»[7].

Особо отметим и то, что условное «открытие» даже не фигурирует в Походном журнале Петра Великого, где только фиксируется факт прибытия иностранных министров в Петергоф и празднование Успения Богородицы: «В 14-й день <августа>. Приехали в Питергоф чужестранные министры на Пруской яхте. В 15-й день <августа>. Праздник Успения Богородицы праздновали в Питергофе»[8].

Необходимо отметить и то, что до августа 1723 г. иностранцы посещали Петергоф неоднократно. Также подобная трактовка со-

[6] Там же. С. 384–385.

[7] Там же. С. 387–389.

[8] Там же. С. 385–386.

бытий не встречается у одного из первых историографов Петергофа — А. Ф. Гейрота, который описывает события 1723 г. как посещение резиденции иностранными министрами[9]. В некоторых ранних работах по истории Петергофа можно найти лишь намеки на открытие резиденции для публики[10].

Вероятнее всего, формулировка «открытие» вошла в оборот в советское время и впервые встречается в монографии Н. И. Архипова и А. Г. Раскина со ссылкой на вышеупомянутые воспоминания[11]. Данная трактовка была взята за основу для обоснования широкой праздничной программы 1973 г., целью которой была демонстрация успехов в области восстановления дворцово-паркового ансамбля[12].

В то же время в историографии бытует другое наименование данного события — «первая императорская экскурсия», или «Петр I — экскурсовод»[13]. Приписывание подобных функций Петру I ошибочно, поскольку понятие «экскурсовод» предполагает наличие собственно интерпретатора, т. е. рассказчика, и слушателя, т. е. условно обучаемого. В контексте визита иностранных посланников такая формулировка неверна. Петр не вел никакой экскурсии, а лишь демонстрировал гостям лично завершенные им за последний год работы. Царь и послы находились в едином коммуникативном поле и одинаково понимали семантику тех или иных знаков, построек, и, следовательно, гости не нуждались в интерпретации увиденного, а должны были самостоятельно считать нарратив, созданный Петром I и заложенный им в концепцию Петергофа.

---

[9] *Гейрот А. Ф.* Описание Петергофа // Петергоф: *Гейрот А. Ф.* Описание Петергофа. *Шарубин Н. Г.* Очерки Петергофа и его окрестностей. СПб., 2018. С. 117.

[10] *Свиньин П. П.* Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. СПб., 1828. Ч. 5. С. 128; *Божерянов И. Н.* К истории Петергофа в XVIII веке // Художественные сокровища России. 1902. № 7–8. С. 19.

[11] *Архипов Н. И., Раскин А. Г.* Петродворец. Л., 1961. С. 16.

[12] *Петров П. В.* Театрализованный праздник «Гимн созданию» в г. Петродворце 19 августа 1973 г.: сценарий и его смыслы // Петр Великий и XX век: Сборник статей по материалам конференции «Петр Великий и XX век. Образ императора в литературе, истории, искусстве, пропаганде и кино». СПб., 2023. С. 60–75.

[13] *Штеппан М.* Романовы как «экскурсоводы»: поездки с австрийскими дипломатами к достопримечательностям молодой Российской империи (20-е годы XVIII в.) // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу. М., 2016. С. 13–22.

В этой связи не представляется возможным говорить об открытии политического пространства как о рубеже между закрытой подготовкой и публичным бытованием. Таким образом, августовское событие в Петергофе однозначно нужно определять терминологически исключительно в рамках двух официальных понятий — визит и показ.

Как отмечалось ранее, дворцовое пространство находится в ситуации постоянной изменчивости и должно трансформироваться исходя из политических задач его владельца. Посещение резиденции официальными лицами в этом контексте является одним из ключевых событий, поскольку именно во время подобных перформансов декларировались важные политические заявления в форме, напоминающей театральное действо, где резиденция — сцена, а ее гости — зрители. Вследствие особенностей государственного строительства Нового времени, дефицита равенства, институциализации и автономии[14] подобные события приобретали особо важное значение в построении монаршего нарратива.

Переняв европейскую модель политической коммуникации, Петр I привносит данную практику в Россию. Возможно, примером для него и других сюзеренов континента традиционно послужил Людовик XIV. Король, желая создать наиболее полное и правильное впечатление у высоких гостей, даже лично составил путеводитель по Версальскому саду[15]. Предположительно, он был создан для Марии Моденской, супруги английского короля Якова II. Не только роскошные барочные интерьеры, фонтаны и регулярный сад служили задаче продемонстрировать величие и силу французской короны, но и их техническое обеспечение. Знаменитая машина Марли, созданная для снабжения версальских фонтанов водой, постепенно превратилась в символ превосходства Людовика XIV и французской монархии над силами природы и всегда специально демонстрировалась высоким гостям королевства[16]. Будь то король Дании, сравнивший воду из версальских фонтанов с вином, исходя из общей цены всей дворцовой инфраструктуры,[17] или Петр I, который был настолько поражен принципом работы машины, что де-

---

[14] *Burkhardt J.* Die Friedlosigkeit der Frühen Neuzeit. Grundlegung einer Theorie der Bellizit?t Europas // Zeitschrift für Historische Forschung. 1997. Nr. 24. S. 509–574.

[15] Manière de montrer les jardins de Versailles par Louis XIV. Paris, 2013.

[16] *Brandstetter Th.* La machine de Marly: un spectacle technologique // Bulletin du Centre de recherche du chвteau de Versailles. 2012. No 5.

[17] *Ozanam J.* Récréations mathématique et physique. Paris, 1778. Vol. 2. P. 112.

монстрировал его с помощью ложки и вилки за обеденным столом[18]. Так каждый элемент барочных дворцово-парковых ансамблей, являясь воплощением рационализма, становился для абсолютистов инструментом для утверждения своего виденья власти, создания желаемой образности монархии, неких метасимволов.

Таким образом, показ иностранным посланникам Петергофа в августе 1723 г. необходимо рассматривать в более широком историко-культурном контексте — признания за Петром I императорского титула. Подобный фокус внимания позволяет выделить произошедшее событие из достаточно локальной историографии и придать ему совершенно новый статус.

Показ резиденции стал закономерным итогом процессов, начатых двумя годами ранее. В августе 1721 г. сошлись два обстоятельства, повлиявшие на судьбу Петергофа. Во-первых, был успешно запущена водоподводящая система, которая обеспечила бесперебойную работу фонтанов. Напор воды оказался настолько велик, что Петр задумал расширить фонтанную программу Петергофа. Во-вторых, считаные дни оставались до заключения Ништадтского мирного договора — успешного завершения Великой Северной войны, которая преобразила Россию.

Еще до подписания мира, 29 августа 1721 г. Петр составил обширную программу строительства — «что надлежит делать в Питергофе и доделать»[19]. По его задумке, нужно было устроить 15 новых фонтанов, расширить Большой каскад, устроить будущие каскады «Шахматная гора» и «Марлинский». Пункты программы содержали конкретные распоряжения. Они не были предназначены для публикации, и Петр I не считал нужным раскрывать свои концептуальные замыслы, но, очевидно, он мыслил категориями, общими для него и его целевой аудитории: российской и иностранной элиты. Именно для нее предназначались водные забавы и «архитектурные излишества».

В октябре 1721 г., на фоне празднования окончания Великой Северной войны, пункты были дополнены[20]. Окончательный вариант был составлен в начале марта 1722 г., когда Петр находился на Олонецких заводах. Шла подготовка к Персидскому походу. Как и ранее, в 1711 и 1715 гг., перед отбытием Петр обратился к проектам своей приморской резиденции. Помимо новых фонтанов и каскадов, предполагалось устройство деревянных галерей в партере Боль-

[18] *Мезин С. А.* Петр I во Франции. СПб., 2015. С. 153.

[19] Петровский Петергоф в письмах и бумагах: В 2 т. Т. 1. С. 717–719.

[20] Петровский Петергоф в письмах и бумагах: В 2 т. Т. 2. С. 27–30.

шого каскада, Малибан для игры в шары, а также расширение Верхних палат за счет деревянных галерей с флигелями[21]. Очевидно, тогда же архитектор Н. Микетти подготовил рисунки, визуализирующие будущие объекты строительства: каскады, фонтаны, аллеи[22].

В течение 1722 г. строительство шло полным ходом. К концу года Петр вернулся из похода и решил проверить результаты работы. Сначала он потребовал у директора над строениями У. А. Сенявина чертежи «питерговским слюзам, фантанам и протчим, також дубковским, котлинским, питербурским и всяким будущим в диспозиции вашей работам»[23]. Затем, 20 декабря, Петр I вызвал в Москву директора лично. Очевидно, к тому моменту был составлен план Петергофа и сделаны новые чертежи. Из того же указа мы знаем, что Петр уже задумал «нишельные» фонтаны в шпалерных углублениях вдоль Морского канала[24].

7 января 1723 г. состоялась встреча императора и «директора над строениями», на которой было решено позвать для последующего обсуждения плана еще архитектора Н. Микетти с учениками и служителями[25]. С собой они должны были привезти на трех подводах остальные чертежи и модели планируемых в Петергофе построек [26]. К этому моменту Петр уже высказал некоторые соображения по поводу строящихся Малой и Большой Марлинских «кашкад» и фонтана «Пирамида»[27]. 18 января 1723 г. Микетти на подводах отправился в Москву. Задержка была вызвана строптивым характером И. Ф. Брауншейна: он не сразу отдал план Петергофа[28].

Очевидно, тогда же Петр распорядился закупить новую партию деревьев и огородных семян. Роспись составил садовник Л. Гарнихфельт. В нее вошли буксбом (вяз), мушмула, английская гвоздика,

---

[21] Там же. С. 113–121, 125–126.

[22] Там же С. 454–467.

[23] Там же С. 234–235.

[24] Там же С. 236–237.

[25] Возможно, именно тогда Петр задумался насчет сбора информации о строительстве своих столичных резиденций — Стрельны, Петергофа и Дубков. Через неделю в Петербург прибыл указ раздобыть нужные сведения. Повторно Петр занялся этим вопросом уже в октябре 1724 г. Комиссары Канцелярии от строений получили кожаные книги, которые нужно было заполнить датами и указами, но и эти указания, судя по всему, не были исполнены (Петровский Петергоф в письмах и бумагах: В 2 т. Т. 2. С. 264, 584).

[26] Петровский Петергоф в письмах и бумагах: В 2 т. Т. 2. С. 252–253.

[27] Там же. С. 253–254.

[28] Там же. С. 265, 268.

розмарин, майоран и пр. По его требованию семена нужно было доставить в феврале, а деревья — с открытием водных путей[29].

Петр I держал при себе Микетти и Сенявина около месяца. В начале февраля они вернулись в Петербург с новыми распоряжениями. Прежде безликие барочные сооружения обрели античные имена. «Нишельные» фонтаны вдоль канала должны были изображать Эзоповы «фаболы». На вершине Марлинского каскада необходимо установить Геркулеса, сражающегося с Гидрой, а наверху Руинного каскада — Нептунову телегу и собственно руины[30]. Сенявин торопил своих подопечных, чтобы они успели окончить работы до приезда императора. Комиссары и архитекторы, в свою очередь, регулярно доносили наверх о ходе работ. Подробная переписка велась вплоть до августа[31].

26 апреля 1723 г., прибыв в Санкт-Петербург, Петр I посетил Петергоф, в котором не был больше года. Результатом визита стали новые распоряжения[32]. В них впервые можно отметить указания на подготовку к будущему показу: уборку строительного мусора, изготовление сотни скамеек и обновление ограды у Верхних палат[33]. В мае в пруды запустили рыбу[34], привезли мраморные плиты и свинцовые фигуры для фонтанов[35].

В июне Петр уже явно обозначил дату, когда резиденция должна быть готова к приему гостей — Петров день (29 июня). В пунктах от 13 июня 1723 г. император в очередной раз дал конкретные указания по работам. Некоторые из них он предполагал отложить: «...чаю, и сие до праздника не успеет». По каждому пункту он потребовал назначить ответственного офицера[36].

Однако праздник 29 июня 1723 г. в Петергофе не состоялся. Часть работ еще не была выполнена, судя по рапорту Сенявина[37]. К тому же Петр отбыл с флотом в Ревель для закладки мола в гавани Рогервика. А на август намечалось другое событие, которое император и совместил с показом Петергофа. Через месяц, 31 июля 1723 г.,

---

[29] Там же. С. 270–271.

[30] Там же. С. 306–307.

[31] Там же. С. 277, 273–275, 318, 319–321, 333, 335, 351–353, 355, 365, 375–376.

[32] Там же. С. 329–331, 338–340.

[33] Там же. С. 339.

[34] Там же. С. 344, 346.

[35] Там же. С. 352–353.

[36] Там же. С. 367–369.

[37] РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. Кн. 93. Л. 381–382 об.

Петр с семьей и приближенными отправился на прогулку по загородным местам: Петергофу, Дубкам, Ораниенбауму и Котлину. Они были готовы для приема гостей.

11 августа 1723 г. у Котлина острова состоялось чествование «дедушки русского флота». Были собраны 20 линейных кораблей и один фрегат, более сотни частных буеров Невского флота, присутствовали многочисленная столичная знать и иностранные посланцы. Помимо морского парада, гостям были предложены многочисленные угощения, после которых пришлось отдыхать еще и в следующие дни[38].

13 августа 1723 г. Петр с поредевшей, но все еще внушительной свитой отправился в Петергоф. Его сопровождал Карл-Фридрих, герцог Гольштейн-Готторпский и будущий зять. 115 буеров разместились вдоль Морского канала[39].

Главное действо началось 14 августа 1723 г., когда в Петергоф прибыли иностранные послы. Французский полномочный министр Ж. де Кампредон оставил подробное описание этого визита. Здесь мы вкратце наметим маршрут. Ознакомление с Петергофом заняло два дня. Послы прибыли на яхте, пересели на шлюпку и прошли по каналу до самого дворца. По пути проходили Кривые галереи (со статуями Нептуна и Минервы), партер с деревянными галереями и фонтанами «Чаши» и, наконец, Большой каскад и Верхние палаты. Петр провел гостей через гроты во дворец и показал его интерьеры. Затем все отправились к Монплезиру. Ж. де Кампредон отметил внутренний сад и морскую террасу. Ко дворцу Марли гости проехали на специальных колясках с широкими колесами. Там гости лицезрели весь ансамбль, хотя Марлинский каскад еще не был закончен. Больше внимания привлекли Менажерные фонтаны, сконструированные по чертежу Петра I. После обеда, организованного в Верхних палатах, гости были предоставлены сами себе. Демонстрация завершилась на следующий день в окрестностях Петергофа. Император продемонстрировал водоподводящую систему, которая обеспечивала все виденные ранее «забавы», а также пильную и полировальную мельницу (будущую Гранильную фабрику)[40].

Несомненно, не один Ж. де Кампредон отправил отчет о поездке

---

[38] *Веселаго Ф. Ф.* Дедушка русского флота. 1688–1872 // Русская старина. Т. 4. 1871. С. 472–475; От господина Кампредона к королю, 3 сентября 1723 // Сборник Русского исторического общества. Т. 49. С. 369–370.

[39] Петровский Петергоф в письмах и бумагах: В 2 т. Т. 2. С. 384–385.

[40] Там же. С. 387–389.

на родину. Акция российского императора стала известна при дворах европейских монархов, а позже и обычной европейской публике. Дипломатические отчеты легли в основу журнальных публикаций. Так что Петергоф по праву можно считать «одним из самых известных в Европе»[41].

В итоге, петергофские события августа 1723 г. следует рассматривать как один из этапов утверждения за Петром I права носить титул императора. Российский монарх, принимая иностранных послов, не фиксировал момент «открытия», а демонстрировал новый статус и формировал нарратив Петергофа — резиденции императора-победителя, задуманной им лично в 1721 г. в контексте триумфального завершения Великой Северной войны и принятия нового титула. Показ Петергофа завершал череду масштабных торжественных мероприятий, среди которых морской парад с «дедушкой русского флота», смотр действующих кораблей и Кронштлота. Демонстрация морских достижений, аллегории фонтанов и дворцов представили иностранным посланникам образ новой, преображенной имперской России, который они донесли своим сюзеренам во все концы европейского континента.

Пересмотр статуса и значения петергофского показа 14–15 августа 1723 г., проведенный в настоящем исследовании, оказал влияние на формирование программы мероприятий ГМЗ «Петергоф» в 2023 г. (Весенний праздник фонтанов «Как читать Петергоф», научная конференция «Читать дворец. Парадная резиденция как объект интерпретации» и т. д.), которые позволили музею-заповеднику представить широкой публике новое виденье начальной истории дворцово-паркового ансамбля, соответствующее культуре и ментальности начала XVIII в.

[41] *Штеппан М.* Романовы как «экскурсоводы»: поездки с австрийскими дипломатами к достопримечательностям молодой Российской империи (20-е годы XVIII в.) // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу. С. 16–18.

Виолетта Стиговна ТРОФИМОВА
(Санкт-Петербург)
Независимый исследователь

Татьяна Николаевна ТРОФИМОВА
(Москва)
Соискатель Института истории естествознания и техники РАН

Роль первых петербургских типографий в распространении науки, образования и просвещения в России в петровское время

Violetta S. Trofimova, Tatiana N. Trofimova

The Role of the First St. Petersburg Printing Houses in Spreading Science, Education and Enlightenment in Russia in Peter's Time

Аннотация: В статье рассматриваются основные просветительские книги, изданные в петровское время в петербургских типографиях, в связи с объявлением о публичных лекциях в Академии наук января 1726 г. Кратко освещается история начала деятельности типографий, а также биография первого цейх-директора Санкт-Петербургской типографии М. П. Аврамова. Рассматриваются издания по математике, астрономии, географии, истории, популярной медицине, этикету, а также буквари, словари и календари.

Abstract: The article examines the main enlightenment books published in Peter's time in St. Petersburg printing houses, in connection with the announcement of public lectures at the Academy of Sciences in January 1726. The early history of the printing houses' activities is briefly covered, as well as the biography of the first director of the St. Petersburg printing house M. P. Avramov. Publications on mathematics, astronomy, geography, history, popular medicine, etiquette, as well as primers, dictionaries and calendars are considered.

Ключевые слова: просвещение, типография, Академия наук, Аврамов, Петр I.
Keywords: Enlightenment, printing house, Academy of Sciences, Avramov, Peter I.

14 января 1726 г. в Санкт-Петербургской типографии было напечатано объявление от «Академии наук российской» о начале публичных лекций с 24 января того же года. Само по себе объявление является печатным памятником раннего русского Просвещения. Оно было выпущено в количестве двухсот экземпляров на русском языке, и еще столько же было напечатано на латыни. В нем были обозначены следующие темы лекций с указанием фамилий профессоров и — в отдельных случаях — времени проведения:

– Основы математики в их приложении к медицине и физиологии — Даниил Бернулли (1700–1782), профессор физиологии;
– Римские монеты и достопримечательности Древнего Рима — Теофил (Готлиб) Зигфрид Байер (1694–1738), профессор древностей;
– Математика, механика и физика — Николай Бернулли (1695–1726), профессор математики;
– Философия Христиана Вольфа (по книге Тумига «Основы вольфианской философии» на латыни, 1725) — Христиан Мартини (1699–1739), профессор философии;
– Ботаника и естественная история — Иоганн Христиан Буксбаум (1693–1730), находившийся тогда в экспедиции в Турции;
– Математический анализ, алгебра и дифференциальное исчисление — Якоб Герман (1678–1733), профессор высшей математики;
– Латинское красноречие (по книге Гейненциуса 1719 г.) — Иоганн Петер Коль (1698–1778), профессор красноречия;
– Публичное право, кодекс Юстиниана, современная история — Иоганн Симон Бекенштейн (1684–1742), профессор права;
– Медицина и химия — Михаил Бюргер (1686–1726), профессор химии;
– Анатомия, физиология, хирургия, теория медицины — Иоганн Георг Дювернуа (1691–1759), профессор анатомии и хирургии;
– Экспериментальная и теоретическая физика (по «Основам ньютонианской философии» Гравезанда, латинское издание 1723 года) — Георг Бернгард Бильфингер (Бюльфингер) (1693–1750), профессор физики;

– Этика (по книге Самуила Пуфендорфа «О должности человека и гражданина») — Христофор (Христиан Фридрих) Гросс (1696–1742), профессор философии;
– Математика (по немецким книгам по математике Христиана Вольфа) — Фридрих Христофор Майер (1697–1729), профессор математики;
– Астрономия — Жозеф Никола Делиль (1688–1768), профессор астрономии.

Кроме того, Карл Фридрих Шесслер должен был вести в академическом университете арифметику, геометрию, тригонометрию, оптику и военную архитектуру; Христофор Марселиус (1656–1731) — гражданскую архитектуру; Георг Гзелль (1673–1740) — рисование, а Конрад Оснер (1669? –1747) — ваяние. В академической гимназии собирались преподавать немецкий, французский, латинский и греческий языки, арифметику, геометрию и географию[1].

Не все эти лекции и занятия были проведены по факту. Однако можно утверждать, что зимой 1726 г., скорее всего, читались лекции по математике, физике, физиологии, красноречию и этике.

«Объявление» от 14 января 1726 г. — хорошо исследованный в исторической науке документ[2]. То же касается и ранней истории Российской академии наук и академического университета. Наша цель — показать, какие книги, прежде всего на русском языке, были выпущены к тому времени Санкт-Петербургской типографией, типографией Александро-Невского монастыря, Сенатской типографией и типографией Морской академии, — книги, которые сделали возможным само восприятие такого списка лекций образованным петербуржцем того времени. В этой статье мы ограничимся в основном рассмотрением изданий гражданской тематики.

29 октября 1710 года Петр I приказал графу Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину, в ведении которого находился Печатный двор в Москве, прислать в Петербург печатный станок «с новыми литерами», а также наборщиков, печатников и переплетчика[3]. Во главе типографии становится Михаил Петрович Аврамов (1681–1752). Сначала типография располагалась в доме Аврамова, в то время цейх-директора Петербургской оружейной канцелярии, а с 1713 г. была переведена в небольшой домик на Троицкой улице. Типогра-

[1] Академиа наук россииская. Читателю здравие. Санкт-Петербург: печатано в Санктпетербургской типографии, [1726]. С. 1–4.

[2] *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук. СПб., 2022. С. 267–272.

[3] *Либрович С. Ф.* История книги в России. М., 2004. С. 153.

фия имела два стана: один — для печатания книг гражданским шрифтом, другой — для гравюр. Вначале в типографии работали мастера из Риги и Ревеля, но к 1726 г. их сменили русские специалисты. По воспоминаниям М. П. Аврамова, «изо русских людей... литеры отливать обучились мастерством не хуже иноземцев. А грыдыровальных дел мастеры и живописец здесь же в делах тех, а наипаче в рисовании, наилучшую получили науку»[4].

М. П. Аврамов начал службу в начале 1690-х гг. подьячим Посольского приказа, а в июне 1698 г. уже участвовал в подавлении стрелецкого восстания. В 1699 г. его направили обучаться печатному делу в Гаагу в составе посольства А. А. Матвеева. Он вернулся в Россию в июне 1702 г. и был представлен царю Петру I. Затем он продолжал службу подьячим в Посольском приказе. В июле 1706 г. он снова отправился в Голландию на год для завершения образования. В конце 1708 г. Аврамова назначили дьяком Оружейной палаты. С августа 1710 г. он работал над устроением Оружейной канцелярии, где под его началом состояло более двухсот «приказных и мастеровых разных художеств»[5]. В 1711 г. ему было поручено организовать типографию в Санкт-Петербурге, и спустя год он получает чин цейх-директора и начинает руководить Оружейной канцелярией и Санкт-Петербургской типографией. 6 января 1712 г. М. П. Аврамов печатает в Санкт-Петербургской типографии приветственные стихи Петру I, в которых называет Петра «России... премудрым рачителем», «истинным расширителем своей державы», вспоминает Полтавскую битву, упоминает построенное в Петербурге Адмиралтейство, «преизрядные воинские корабли» и хвалит также генерал-губернатора А. Д. Меншикова — «еже он губернатор славен»[6].

Потеряв свои должности ввиду реорганизаций в 1720–1721 гг., М. П. Аврамов был назначен в августе 1721 г. асессором в Берг-коллегию. Весной 1721 г. он предложил проект учреждения в России Академии «иконного и живописного художества», который не был одобрен. В том же году у него конфисковали имение близ Ладожского озера. 15 декабря 1724 г. Петр I вновь назначает Аврамова директором Санкт-Петербургской типографии, а 6 января 1726 г. он получает от императрицы Екатерины I чин бригадира

---

[4] *Петров А. Н., Царт И. Д.* Первая академическая. Л., 1977. С. 9.

[5] Аврамов // Православная энциклопедия [Электронный ресурс] // https://www.pravenc.ru/text/62976.html (дата обращения 11.10.2023).

[6] *Быкова Т. А., Гуревич М. М.* Описание изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог. Описание изданий гражданской печати. М.; Л., 1955. С. 125–126.

(соответствовал чину статского советника). Однако в октябре 1727 г. его снова отстранили от дел в результате очередной реорганизации. Пережив ссылку в Охотск, где у него возник конфликт с главным командиром Охотского порта Г. Г. Скорняковым-Писаревым (подробнее о нем ниже), по возвращении в Санкт-Петербург Аврамов вступил в полемику вокруг церковной реформы Петра I и умер 24 августа 1752 г. в «безвестном» отделении Тайной канцелярии.

С 1711 г. Санкт-Петербургская типография начинает работать и вплоть до 1724 г. выпускает книги по военному делу и мореплаванию; календари; азбуки; издания по математике, астрономии, географии, истории, популярной медицине, этикету; словари, переводы известных литературных произведений; сочинения по религии; а кроме того, сборники царских указов; первую газету, получившую название «Ведомости», и мн. др.

В 1719 г. открываются типография в Александро-Невском монастыре, в которой предполагалось печатать исключительно церковные книги, и Сенатская типография, которая печатала прежде всего различные указы и прочие документы. Первой книгой, напечатанной в типографии Александро-Невского монастыря, было «Первое учение отрокам» («Букварь») Феофана Прокоповича 1720 г. (издание это пока не обнаружено). «Букварь» несколько раз переиздавался. В «Предисловии к родителям» в восьмом издании «Букваря» Феофан Прокопович разъясняет, какое значение имеет образование и воспитание в отроческом возрасте: нужно, чтобы отрок не просто научился писать и читать, а понимал смысл прочитанного[7]. Книга Прокоповича очень проста для восприятия.

Обратимся к публикациям по юриспруденции и современной истории. Первой книгой, напечатанной в Санкт-Петербургской типографии, стала «Книга процессов или судебных тяжб» Эрнста Фридриха Кромпейна (1670–1734), в то время уже российского юриста. В этом военно-процессуальном кодексе впервые в российской практике было введено понятие «адвокат». Книга печаталась по повелению Петра I и вышла в свет 7 июля 1712 г.

Первой русской книгой по современной истории можно считать вышедшее в январе 1713 г. произведение, которое нередко ошибочно называют первым изданием Санкт-Петербургской типографии — «Книга Марсова, или Воинских дел от войск Царского величества российских». Это был сборник реляций, а также планов городов,

[7] *Феофан (Прокопович)*. Первое учение отрокам. 8-е изд. СПб: Типография Александро-Невского монастыря, 1723. С. 6.

взятых Петром I. 13 мая 1718 г. типография перепечатала первый русский учебник по истории — «Синопсис, или Сокращенная история», составленный в 1674 г. в Киево-Могилянской академии Иннокентием Гизелем.

5 декабря 1718 г. выходит перевод «Введения в гисторию европейскую» Самуила Пуфендорфа — автора, высоко ценимого Петром I. Петр принимал участие в ее редактировании и потребовал вернуть исключенный переводчиком Гавриилом Бужинским отрывок с нелицеприятным отзывом о русских[8]. Через пять лет вышло в свет второе издание этой книги. 20 августа 1722 г. была издана книга по истории славян — «Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского» далматинского историка, родоначальника южнославянской исторической науки Мавро Орбини. Книгу перевел на русский язык приближенный Петра I Савва Владиславич-Рагузинский (это следует из письма Петра I)[9]. 13 октября 1722 г. в Санкт-Петербургской типографии была издана знаменитая «Табель о рангах».

В августе 1724 г. в типографии Александро-Невского монастыря была напечатана книга по истории «Феатрон, или Позор исторический» оснабрюкского епископа из протестантов Вильгельма Стратемана (ум. в 1684 г.). Этот труд освещал историю Священного Писания и гражданскую историю от начала мира до 1680 г. Перевод с латинского осуществил уже упомянутый Гавриил Бужинский «с потрудившимися с ним». В посвящении Петру и Екатерине Гавриил Бужинский говорит, что только Петр наукам «пространные отверзл двери», а без знания истории и прежних установлений тщетно изучение других наук[10].

По физиологии и анатомии собственно книг в петровское время на русском языке в петербургских типографиях напечатано не было. Однако сведения об анатомии имелись, например, в «Календаре» перепечатанном с московского издания в январе 1713 г. В нем имелось изображение человеческого тела и отмечались дни, когда лучше делать кровопускание и принимать лекарства.

20 марта 1719 г. было напечатано «Объявление о лечителных водах сысканых на Олонце». Указ и пункт 13 написаны самим Петром I. Приведем этот пункт в объявлении: «Время питья вод летом в Июне и Июле, а именно: когда теплые дни; зимою с поло-

[8] *Быкова Т. А., Гуревич М. М.* Указ. соч. С. 247.

[9] Там же. С. 384.

[10] *Стратеман В.* Феатрон или Позор исторический. СПб: Типография Александро-Невского монастыря, 1724. С. 2.

вины Генваря, Февраль весь и Март до половины, когда морозы; ибо те воды действительны суть в жары и морозы, а весною и осенью не действительны, для того, что от тали и от дождей другая вода примешается и оную испортит. Во время же пития вод, также и по отпитии оных зимою и осенью, надобно отнюдь из избы не выходить и стужи весьма беречься: ибо уже ныне, при присутствии Его Царского Величества, опыт тому был: которые выходили, те долго гортанью и грудью болели...»[11]. Остальной текст составлен Л. Л. Блюментростом, переведен на русский И. В. Паузе и правлен самим царем. Объявление вышло на одной и на четырех страницах. Еще 28 февраля 1718 г. врачом Антонием Равинелем (Равелином) был опубликован список излечившихся в «Подлинных дознаниях о действе марциальныя кончезерския воды». Эти два документа, касающиеся пользы марциальных вод, являются первыми изданиями на русском языке по медицине, химии и физиологии.

Как и в Московской типографии, в Санкт-Петербургской издавали книги по арифметике и геометрии. В июле 1713 г. выходит другая «Книга Марсова или воинских дел» — перевод французской книги математика и геометра Аллана Маниссона Малле "Les Travaux de Mars, ou L'Art de la Guerre". Перевод был выполнен Иваном Зотовым с амстердамского издания 1684 г., которое находилось в книжном собрании Петра I. Первый рукописный перевод этой книги восходит еще к 1696 г. Книга была посвящена строительству оборонительных сооружений — замков и крепостей. В первой части были даны некоторые геометрические сведения и описание чертежных инструментов. В 1714 г. в Санкт-Петербургской типографии выходят две книги по математике: «Книга считания удобного» (18 сентября) и «Геометрия практика». Первая представляла собой таблицу умножения и была вторым изданием книги 1682 г., а вторая — задачник по планиметрии и стереометрии с использованием тригонометрии, с многочисленными чертежами фигур. 22 декабря 1722 г. вышла книга Димитрия Кантемира «Систима или состояние мухамедданския религии». Среди прочего, в ней была таблица индийских, арабских и «европейских» (арабских в современном смысле) цифр[12].

В 1721 г. типографский стан был передан Морской академии. Ее первым изданием стала «Повелением... императора... Петра Перво-

[11] Объявление о лечительных водах сысканых на Олонце. СПб: [Санкт-Петербургская типография], 1719. С. 4.

[12] *Кантемир Д.* Книга Систима, или Состояние мухаммеданския религии. СПб.: Санкт-Петербургская типография, 1722. С. 358.

го... изобретенная сия наука Статическая или механика...» (в Санкт-петербургской академии (!), 1722), вышедшая в свет 20 февраля 1722 г. Книга была небольшой и содержала несколько иллюстраций. Это первый оригинальный русский учебник по механике. Его автор — уже упомянутый Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев (1675 — после 1745), генерал-майор, президент Морской академии, инженер-проектировщик Ладожского канала, впоследствии командир Охотского порта. Он решает различные задачи по механике, например, на поднятие тяжестей с помощью рычага.

9 мая 1714 г. в Санкт-Петербургской типографии вышел в свет первый атлас на русском языке — «Книга розмерная градусных карт Ост Зее или Варяжского моря». В нем было четырнадцать карт Балтийского моря. «Книга розмерная» впоследствии несколько раз переиздавалась. В БАНе есть издание 1718 г., а в отделе редкой книги библиотеки ЯрГПУ им. Ушинского — 1723 г., существующее в единственном экземпляре[13]. В 1715 г. и затем в ноябре 1716 г. в Санкт-Петербургской типографии была напечатана «Географиа, или Краткого земного круга описание» с описаниями европейских стран: Испании, Франции, Италии, Германии, Нидерландов, Дании, Швеции, Польши, Англии, Венгрии, а также со сведениями о крымских татарах; Азии: Турции, Персии, степных народов, Китая, Индии, Цейлона; Африки: Берберии (Марокко, Тунис), Египта, Эфиопии; Америки: Новой Испании (Мексика), Флориды, Перу, Чили, Бразилии. Приведены таблицы долготы и широты городов Европы и Азии, в т. ч. Петербурга.

Издавались книги по этике и вопросам человеческого общежития. Так, в Санкт-Петербургской типографии был напечатан первый в России учебник по этикету — «Юности честное зерцало» (4 февраля 1717 г.). Предполагаемым составителем книги был Гавриил Бужинский; в подготовке принимали участие Я. В. Брюс и переводчик Паузе. Самый знаменитый учебник петровского времени был переиздан в Петербурге уже 30 июля 1717 г..

Петербургские типографии также издали несколько сочинений по древней истории, красноречию и языкознанию. В 1716 г. дважды вышла в свет книга «Апоффегмата, То есть кратких витиеватых и нравоучителных речеи...» Беняша Будны, переведенная с польского. В том же году в апреле вышла в свет «Историа» — «о разорении... града Иерусалима» в 72 г. н. э. (из Иосифа Флавия) и «о взятии...

[13] См.: *Булатов В. Э.* Русские морские карты XVIII века. М., 2021. СС. 13, 38, 41, 46–49.

Константинополя» в 1453 г. Второе издание было напечатано в январе 1723 г. В апреле 1717 г. вышел в свет перевод книги Гвидо делле Колонне о разорении Трои под таким же названием — «Историа».

В октябре 1716 г. выходят в свет «Разговоры дружеские» Эразма Роттердамского на русском и голландском с использованием латыни при объяснении грамматики голландского языка. Это был, по сути дела, учебник разговорного голландского языка для юношества. Книга была переведена за 20 дней, но Петр был недоволен несоответствием русской и голландской частей[14].

5 апреля 1717 г. выходят «Эзоповы притчи» («Басни Эзопа», с жизнеописанием Эзопа и иллюстрированными баснями, перевод И. Ф. Копиевского с амстердамского издания 1700 г.), голландско-русский и русско-голландский лексиконы и «Искусство нидерландского языка» Вилима Севела (ноябрь 1717 г.) — исследование по голландскому языку, которое было в библиотеке Петра I.

В декабре 1722 г. вышла в свет книга «Овидиевы фигуры в 226 изображениях» — перевод немецкой книги конца XVII в., которая находилась в библиотеке Петра I. Это были греческие мифы с иллюстрациями, которые были перегравированы с немецкого издания. Среди прочего, там имелось изображение древнегреческого философа и математика Пифагора.

В ноябре 1723 г. в типографии Александро-Невского монастыря вышла в свет «Грамматика славенская» Феодора Максимова.

2 сентября 1724 г. в Санкт-Петербургской типографии вышел перевод с латыни на русский язык книги Квинта Курция Руфа об Александре Македонском: «Книга Квинта Курциа, о делах содеянных Александра Великаго царя македонскаго».

В петровское время также были заложены основы российского востоковедения. В декабре 1716 г. выходит в свет перевод с французского книги «Алкоран о Магомете, или Закон турецкий».

Художники и мастера декоративно-прикладного искусства могли использовать альбом гравюр с изображением садовых и парковых сооружений — «Куншты садов», изданный в апреле 1718 г., первый печатный атлас кораблей военно-морского флота — «Куншты корабельные», изданный 14 сентября того же года, а также опубликованный в 1719 г. сборник гравюр «Символы и емблемата».

Сведения об астрономии имелись еще в первых календарях, которые печатались в Санкт-Петербургской типографии. 27 октября 1717 г. выходит в свет «Книга мирозрения, или Мнение о небес-

[14] *Быкова Т. А., Гуревич М. М.* Указ. соч. С. 196.

ноземных глобусах, и их украшениях» — перевод с немецкого по лейпцигскому изданию 1703 г. «Космотеороса» (Cosmotheoris) Христиана Гюйгенса. М. П. Аврамов рассказывал, что перед отъездом за границу Петр I отдал ему эту книгу с приказанием напечатать 1200 экземпляров. «Рассмотрел я оную книжичищу, во всем богопротивную, вострепетав сердцем и ужаснувся духом» — и велел напечатать всего 30 экземпляров, которые преподнес Петру по его возвращении в Петербург; «а его величество... рассмотря, спустя две недели, в народ публиковать их не приказал, и изволил приказать оные напечатанные книжичищи для отсылки в Голландию отдать сумасбродному переводчику Брюсу»[15]. Есть сведения, что было напечатано 600 экземпляров, но в рукописи, хранящейся в Московской Синодальной типографии, показаны всего 30[16]. 31 марта 1724 г. вышло второе издание этой книги, на этот раз в Москве, но на титульном листе содержались сведения о петербургском издании.

Впоследствии Аврамов также рьяно выступал против издания перевода «Бесед о множественности миров» Фонтенеля Антиохом Кантемиром (1730); по его мнению, из «Гюйгенсовой и Фонтенелевой печатных книжичищ сатанинское коварство суть видимо»[17]. Однако вопрос об обитателях других планет явно интересовал академиков и, возможно, двор. На втором публичном собрании Академии наук 1 августа 1726 г. Я. Герман рассмотрел вопрос, можно ли надеяться изготовить такой телескоп, через который будут видны жители других планет, если таковые существуют[18]. Вроде бы он ответил на этот вопрос отрицательно.

Первые петербургские типографии внесли существенный вклад в развитие раннего русского Просвещения. В них были напечатаны первый учебник по этикету, первая научно-фантастическая книга, первый учебник разговорного голландского языка, первое исследование по голландскому языкознанию, первая книга по юриспруденции, первый учебник по механике, первые российские карты. Между тем некоторые дисциплины, по которым собирались читать публичные лекции в академическом университете, еще не были представлены на русском языке: высшая математика, физика, химия, ботаника, философия. Однако, по всей видимости, они вызывали интерес у образованной российской публики того времени.

---

[15] *Быкова Т. А., Гуревич М. М.* Указ. соч. С. 241–242.

[16] Там же. С. 242.

[17] *Шафрановский К. И.* Первое академическое издание научных статей на русском языке // Вестник АН СССР. № 5–6.1945. С. 225.

[18] *Копелевич Ю. Х.* Указ. соч. С. 283.

Андрей Викторович КЕЛЛЕР
(Екатеринбург)
Старший научный сотрудник
Уральского федерального университета

Борьба за наследие Петра: «художества и науки» в Петербургской академии наук (1725–1803 гг.)

Andrei V. Keller

The Struggle for Peter's Legacy: "Arts and Sciences" at the St Petersburg Academy of Sciences, 1725–1803

Аннотация: Последний большой проект Петра Великого по учреждению Академии наук предполагает рассмотрение концепции введения в России «художеств и наук». Развернувшаяся вокруг них борьба дискурсов находила свое выражение в перемене мест или даже временном устранении «художеств» из названия Академии в международной переписке Петербургской академии наук или Российской академии наук. Сделана попытка определить место «художеств» в Академии с помощью анализа структуры научного знания XVIII в.

Abstract: The last major project of Peter the Great to establish the Academy of Sciences involves considering the concept of introducing "arts and sciences" in Russia. It caused a struggle of discourses to evolve, which manifested itself in changing the place or even temporarily removing "arts" from the name of the Academy, and when used in international correspondence of the Petersburg Academy of Sciences. The author seeks to determine the place of "arts" in the Academy by analyzing the structure of scholarly knowledge in the 18th century.

Ключевые слова: Петербургская академия наук, Петр I, Г. В. Лейбниц, Х. Вольф, «художества и науки».
Keywords: St Petersburg Academy of Sciences, Peter the Great, G.W. Leibniz, Ch. Wolff, “Arts and Sciences”.

Учитывая стойкое предубеждение в отношении «художеств» в Академии наук, существующее в сложившемся академическом нарративе, необходимо помнить, что в петровское время это понятие могло включать науку, ремесла и искусства, составлявшие один семантический ряд[1]. Являясь «близкими родственниками», они были собраны мыслью Петра под одну крышу «научного знания XVIII в.», сильно отличавшегося от «чистого научного знания» века XX, и в этом не было большого противоречия. Это касается и употребления понятия «фундаментальных наук» применительно к XVIII в. в результате прямолинейной ретроспекции, а отсюда и ложного вывода о том, что в связи с продвижением «художеств» «развитие многих наук ставилось под угрозу»[2]. Широко распространенная точка зрения об «утилитарном» характере петровской Академии наук также является результатом некорректной ретроспекции, а «недостаточное внимание» Петра к так называемым «фундаментальным», или «чистым», наукам сообщает читателю некорректное

[1] М. Р. Масса-Эстеве переводит «Künste und Wissenschaften» исключительно как «искусства и науки», что в контексте того времени не совсем верно (*Масса-Эстеве М. Р.* Встречи Петра I и Лейбница в 1711, 1712 и 1716 годах // Европейские маршруты Петра Великого: к 300-летию визита Петра I во Францию. Материалы IX Международного петровского конгресса. Париж — Реймс, 20–22 апреля 2017 года. СПб., 2018. С. 280–291); «Искусства» в повседневной и официальной риторике всегда присутствуют как «художества» и появляются только однажды в переводе у А. И. Остермана (см.: Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / Г. В. Лейбниц, [авт. предисл. и изд.] В. И. Герье. СПб., 1873. С. 268–270). Поскольку в немецком языке для «искусств» и «художеств» имеются только «Künste», для переводчика существует соблазн поместить его в современный контекст и перевести как «искусства». Сам Лейбниц использовал это слово сообразно контексту времени, что было созвучно пониманию Петром «искусств» исключительно как «художеств», в которых поздние классические искусства живописи, ваяния и зодчества, так же, как и ремесла с науками и технологиями, содержались имплицитно (см. об этом: Келлер А. В. К предыстории появления «художеств» в Петербургской академии наук, 1697–1724 // Социология науки и техники. 2022. Вып. 13. № 5. С. 33–54).

[2] Академия наук СССР: Краткий ист. очерк: (В 2 т.) / *Г. Д. Комков, Б. В. Левшин, Л. К. Семенов*. 2-е изд. Т. 1: 1724–1917. М., 1977. С. 34.

представление о сущности науки петровского времени, поскольку таких понятий в то время не существовало[3].

По тем же причинам авторы ссылаются на Христиана Вольфа, якобы призывавшего в своем письме к И. Д. Шумахеру от 18 августа 1722 г. изучать «фундаментальные науки» («gründliche Wissenschaften»), что на самом деле означает «основательные» или «серьезные», такие, например, как математика или физика, в случае которых предполагалось их дополнение практическими исследованиями[4]. К примеру, Леонард Эйлер, как и его младшие коллеги, занимал две кафедры одновременно — математики и механики (с использованием прикладной математики). В письме Петру от 18 марта 1723 г. Х. Вольф дает косвенное указание на контекст употребления слова «gründlich» вместе со словом «nützliche» (полезные). Подобно своему академическому учителю Лейбницу («Theoria cum praxi»), Вольф призывает вводить в России «художества и науки», т. е. все то, что служит достижению общего блага и усвоению всего того, что *наиболее полезно* (am nützlichsten) и необходимо для процветания России, — *всех основательных наук* (aller gründlichen Wissenschaften), среди которых он называет математику и физику[5].

Нередко можно услышать мнение, что Петр задавал якобы не оптимальный вектор развития науки и не понимал, что он делает. Нужно было-де развивать «фундаментальные науки», а он ввел в «Проекте учреждения Академии»[6] неукоснительное правило для «собрания ученых и искусных людей» осуществлять, помимо занятий наукой, «новые инвенты (издания)», т. е. не только публикуемые сочинения, но и практические изобретения. Данное условие являлось необходимым элементом научного процесса во всех евро-

---

[3] См., напр.: *Дмитриев И. С., Кузнецова Н. И.* Академия благих надежд. М., 2019. Понятие «basic science», «pure science» или «fundamental science» (чистая или фундаментальная наука) стало повсеместно использоваться после его введения в оборот американским ученым и инженером Вэннивером Бушем в 1945 г. (см.: *Pielke R. (Jr.)*. In Retrospect: Science — The Endless Frontier // Nature. August 2010. No 466. P. 922–923).

[4] *Wolff Ch. v.* Briefe von Christian Wolff aus den Jahren 1719–1753. SPb.; Leipzig, 1860. S. 6.

[5] Ibid. S. 11–12; см.: Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm: [Электронный ресурс]. URL: https://www.dwds.de/wb/dwb/gr%C3%BCndlich (дата обращения: 02.06.2023).

[6] См.: *Смагина Г. И.* Петр I и Академия наук // «Не чародей, но гений...»: Личность Петра Великого на фоне эпохи: Материалы XV Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург, 9–11 июня 2022 года / сост. *А. В. Кобак, В. В. Лихачева, И. Ф. Свидерская*. СПб., 2023. С. 145–153.

пейских академиях того времени. Это же обязательство прописано в новом регламенте 1803 г. Императорской академии наук, согласно которому Академия обязана сообщать правительству о всяком сделанном открытии, которое может быть полезно на практике: «для сохранения здоровья жителей, или для усовершенствования промышленности, искусств, фабрик, мануфактур, торговли, мореплаванья и проч<его>»[7].

В конце января 1724 г. происходят события, завершающие этап многолетней подготовительной работы, посвященной выработке плана основания Академии наук, — обсуждение «Проекта учреждения Академии», или «Социетета художеств и наук», с «господами сенаторами» 22 января[8] и именной указ, объявленный из Сената, от 28 января «Об учреждении Академии...», «в которой бы учились <...> наукам и знатным художествам»[9]. Но, как выяснилось почти сразу, уникальный формат академии[10], не имевший аналогов за рубежом, устраивал не всех. Ее особенное устройство с интегрированными в ее состав университетом, гимназией, художественными палатами и ремесленными мастерскими отображало структуру научного знания XVIII в., где науки не могли существовать без «художеств», как и «художества» без наук. Эта связь была недвусмысленно зафиксирована в указе и продекларирована самим Петром много раз, в т. ч. во время обсуждения «Проекта...», когда тот обратился к А. К. Нартову, в присутствии Л. Л. Блюментроста, Я. В. Брюса и А. И. Остермана, со словами: «Надлежит притом быть департаменту художеств, а паче механическому; желание мое насадить в столице сей рукомеслие, науки и художества вообще».[11] Вплоть до принятия регламента

---

[7] Регламент Императорской Академии наук. СПб., 1803. С. 12–13.

[8] РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 18. Л. 89–100: [Электронный ресурс]. URL: https://raritety.rusarchives.ru/dokumenty/proektßuchrezhdeniya-akademiißnaukßißhudozhestv (дата обращения: 15.03.2023). При переходе на страницу указанный файл не обнаруживается.

[9] ПСЗ. СПб., 1830. Т. 7. № 4443. С. 220: «Понеже ныне в России здание к возращению художеств и наук учинено быть имеет». В «Проекте учреждения Академии» «художества и науки» упоминаются девять раз.

[10] *Копелевич Ю. Х., Соболева Е. В.* Российская Академия наук // Большая советская энциклопедия: В 30 т. 3-е изд. М., 1969–1986: [Электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/097/703.htm .

[11] *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. [Т.] 8: Статьи. М., 1990. С. 400. «Рассказы» А. К. Нартова, процитированные В. О. Ключевским, используются сегодня с оговоркой, что это всего лишь исторические анекдоты, не заслуживающие доверия как исторический источник — неаутентичный и компилятивный. Если принять во внимание компилятивный характер составления всех исторических повествований петровского времени, берущих свое начало в средневековой

1747 г., согласно которому она стала официально называться «Императорской Академией наук и художеств в Санкт-Петербурге», Академия существовала на основании «Проекта...» и штата, утвержденного Петром. В 1803 г. из ее названия исчезает слово «художества», и в итоге остается лаконичная «Императорская академия наук». Следовательно, «художества» на протяжении 79 лет присутствовали в Академии неформально, с 1749 г. — официально, что не может быть лишь следствием прихоти царя или его личных предпочтений, но вытекает из самой природы научного знания XVIII в.

Хорошо известны эпитеты, применяемые к Петру I: «царь-плотник», «работник на троне», «царь-ремесленник», но эти его ипостаси так и остались как бы второстепенными, от которых внимание обращается к «более важным» отраслям государственного строительства: крупной промышленности, управленческому аппарату, армии и флоту. Эти эпитеты говорят о целом букете уникальных компетенций Петра, хорошо изучившего не менее дюжины ремесел и владевшего множеством технологий — «наукой художеств»: у царя имелись дипломы или патенты, полученные после прохождения им обучения на бомбардира или «искусного огнестрельного художника» в Кёнигсберге и корабельного мастера на верфях Остиндской компании в Амстердаме[12]. Будучи крайне последовательным в осуществлении своих долгосрочных планов, Петр заботился не только о полученииии дипломов, но и о применении полученных знаний на практике: так, он ходил на службу в Главное адмиралтейство в звании главного мастера Адмиралтейской верфи, где его сопровождал корабельный подмастерье А. Д. Меншиков[13].

традиции, то так называемые «Рассказы» А. К. Нартова, составленные и изданные его сыном А. А. Нартовым, откомментированные Л. Н. Майковым и проанализированные П. А. Кротовым, можно по праву назвать аутентичным памятником своей эпохи, талантливой компиляцией нескольких источников времени Петра, органичной частью его «ментального государства», которую невозможно назвать «подделкой» или «фальсификацией» его намерений в отношении Академии наук и места «художеств» в ней (Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 46; см. об этом: *Кротов П. А.* Рассказы Нартова о Петре Великом (русский исторический анекдот XVIII в.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 3 (76). С. 157–167).

[12] Диплом получен от инженера прусских крепостей подполковника Штейнера фон Штернфельда в Кёнигсберге 2 сентября 1698 г. (*Ефимов С. В.* «Признать и почитать за совершенного, в метании бомб осторожного и искусного огнестрельного художника» (Петр I как артиллерист) // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Материалы Второй международной научно-практической конференции. Ч. 1. СПб., 2011. С. 258–259).

[13] С положенным годовым окладом соответственно в 365 руб. и 182 руб.

Несмотря на это, присутствие «художеств» в Академии породило многолетние споры среди академиков о месте в ней художественных палат по причине расхождения в понимании необычного для европейских ученых формата этой институции. Это был принципиальный спор не только между «теоретиками» и «практиками», но и между учеными — «аристократами» от науки, с более высоким социальным статусом и привилегией артикуляции научного знания, и «безмолвными» мастерами ремесленных палат. (Их положение, однако, не мешало последним становиться профессорами университета, как в случае с первым руководителем Оптической палаты пастором Иоганном-Георгом Лейтманом, возглавившим кафедры механики и оптики, и личным токарем Петра, советником Академии наук Андреем Константиновичем Нартовым, возглавившим после 1735 г. мастерские Академии и Токарную палату, позднее — «Лабораторию механических и инструментальных наук»[14].)

Как в программе Лейбница по введению в России «наук и художеств», многократно озвученной в записках и письмах ученого (в 1697, 1709 и 1711 гг.), так и в «Проекте...» находим много общих идей об организации науки[15]. Сначала должно происходить обучение учеников «чистым наукам» в гимназии и ремесленных палатах и студентов в университете, затем занятия науками и художествами продолжаются в Академии и в художественных палатах. Прозорливость Петра, взгляды которого были устремлены к передовым формам развития технологий, относительно долгосрочных научных трендов стала очевидной, когда впоследствии аналогичные общества были основаны в Европе и Америке.

В 1728 г. во Франции группой из двух математиков, двух часовщиков и географа было создано Société des Arts, собрание, посвященное популяризации полезных знаний через совершенствование искусств, просуществовавшее до 1736 года, но успевшее привлечь около двухсот членов со всей Европы и тесно связанное на раннем этапе с издателями фундаментального научного издания своего времени — «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (1751–1780) — Д. Дидро и Ж.-Л. Далам-

[14] См. об этом: *Келлер А. В.* Artifex Petersburgensis. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII — начала XX века. СПб., 2020. С. 131–139; *Стецкевич Е. С.* Пунсонное, медальерное и резное художество в палатах Академии наук в первой половине XVIII в. // Основанная Петром Великим: Академия наук в XVIII — первой половине XIX в. СПб., 2021. С. 198–220.

[15] *Герье В.* И. Лейбниц и его век. СПб., 2008. С. 696, 766–767.

бером[16]. В 1754 г. в Англии основано Общество поощрения искусств, мануфактур и коммерции. В 1780 г. в Бостоне, в Массачусетсе, основана Американская академия искусств и наук, первым российским членом которой стал Леонард Эйлер (1781), проголосовавший в 1733 г. за сохранение «художеств» в Петербургской академии наук. Не случайно именно здесь, в пригороде Бостона Кембридже, основан в 1861 г. Массачусетский технологический институт, входящий сегодня в первую тройку университетов мира. Этот ряд можно продолжить.

Именно Петр был тем монархом, который смог усилить тренд, направленный на повышение статуса технологий, преодолев таким образом сопротивление академического сообщества Англии, Франции и Германии. Петр стал основателем этикетной традиции в Париже, предписывавшей, согласно протоколу приема высоких гостей, обязательное посещение Монетного двора как знакового места французской столицы[17]. Посещение Петром Парижской академии наук сопровождалось демонстрацией нового домкрата и машины для подъема воды. Президент Лондонского королевского общества Исаак Ньютон, заведовавший Монетным двором, демонстрировал Петру чертеж механической кареты (паровой экипаж). Новый формат Петербургской академии наук, определяемый Петром, соответствовал новейшим достижениям технической мысли Европы. Во время своих путешествий он смог ознакомиться со всеми важными технологическими новинками, в т. ч. с техническим суперлативом, гидротехнической машиной Марли[18], каналами и кораблями. Непременным атрибутом повседневной жизни царя было посещение ремесленных мастерских, мануфактур и мельниц с целью осмотра инструментов и машин. Остроту ума Петра и его технический гений подчеркивали многие современники, в т. ч. Г. В. Лейбниц.

Можно без преувеличения сказать: высшее техническое образование он получил благодаря своему практическому опыту в ремес-

---

[16] *Bertucci P., Courcelle O.* Artisanal Knowledge, Expertise, and Patronage in Early Eighteenth-Century Paris: The Société Des Arts (1728–36), Eighteenth-Century Studies. 2015 (Winter). No. 2. Vol. 48. P. 159–160.

[17] *Sarmant T.* Le voyage de 1717 dans la longue durée de l'histoire de France // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 3. С. 686.

[18] «Машина Марли» построена голландским архитектором Свалемом Ренкеном (Rennequin Sualem) в начале 1680-х годов при дворце Марли, в 7 км к северу от Версальского замка и в 16 км к западу от центра Парижа.

лах в сочетании с необыкновенным интересом к наукам[19]. Топологема Петра находилась всегда там, где рождалась модерность. Говоря словами Филипа Брея: «Если современность формируется технологиями, то верно и обратное: технология является детищем современности»[20]. Следствием этого движения стало появление технологических и политехнических институтов, матмехов и военмехов.

Сознательно созданная Петром академическая модель, как синтетическая, гибридная конструкция, интегрировала в себя теоретические исследования и прикладные науки с целью их практического применения, в т. ч. для развития (ремесленной) промышленности. Наука XVIII в. не пыталась или не могла еще, хотя попыток было достаточно, отказаться от своего «единоутробного брата» — ремесла, пересекавшего многократно семантическую границу науки, поскольку оно вобрало в себя все известные тогда технологии, являлось великим интегратором наук, искусств и художеств. Но оно разговаривало не по-латыни, а на «корявом» языке технологий. Отсюда и попытки развития идеи основания «большой научной коллегии» в России, озвученные в письмах, записках и проектах Г. В. Лейбница, и союз «наук и художеств», неизменно упоминавшийся в письмах Х. В. Вольфа, президента Французской академии Ж.-П. Биньона, Л. Л. Блюментроста и мн. др. Это формат знаний, характерный не только для Петровской эпохи, но и для всей европейской мысли, когда «художества и науки» мыслились как единое целое. От наук ожидали практической пользы, заключавшейся в конечном итоге в осуществлении великой социальной идеи «общего блага». Эта позитивная идея, представлявшая собой абсолютную новацию того времени, перенастроила барометр общественных настроений с эсхатологического «конца света» на позитивистский «рай на земле».

Петр включил Россию в технологическую цепочку, запустив механизм последовательного достижения технологического лидерства, имевший продолжительный цикл примерно в 100–150 лет, чтобы выйти на передовые позиции в основных областях науки в XIX в. Страной, сыгравшей ключевую роль в формировании этого представления, стала Голландия — «технологическая мастерская

[19] *Вагеманс Э.* Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды. (1716–1717) / Пер. с нидерл. В. К. Ронина. СПб., 2013. С. 150.

[20] *Brey P. A. E., Brey P. H.* Theorizing Modernity and Technology // *Misa T. J., Brey P. H., Feenberg A.* Modernity and Technology. Cambridge, MA and London: MIT Press, 2003. P. 33.

Европы», откуда Петр отправился за дополнительным образованием «в корабельной архитектуре» в Англию, обогнавшую Голландию в технологической гонке в течение XVIII в. за счет более благоприятной среды для научного развития. Обеспечив связь науки и практики, в перспективе Петр способствовал прорыву российского научного знания на многих направлениях, включая естественные и точные дисциплины, во время смены технологических укладов. Это один из наиболее значимых результатов его деятельности для Российской академии наук, ставшей правопреемницей той «архаичной» Академии художеств и наук.

Петровская Академия наук оказалась связующим звеном между научной революцией XVII в. и научно-технической революцией XIX в. Можно, конечно, посетовать на то, что Петр, по выражению Софии Ганноверской, не получил «лучшего воспитания», но он получил лучшее техническое образование — куда более важное для России. Петр не был особенно искушен в придворном этикете, т. к. «его воспитателями стали <...> голландские матросы и плотники — Тиммерман и Брант»[21], принадлежавшие самой технически продвинутой на тот момент голландской нации, куда вся Европа устремлялась для получения практических знаний. Петр поехал в Европу за «наукой», и он получил ее. В 1718 г. государь подарил городу Спа памятную доску, в надписи на которой идентифицировал себя так: «Всех наук, теоретических и прикладных, основоположник»[22].

[21] *Нефедов С. А.* Петр I: Блеск и нищета модернизации // Историческая психология и социология истории. 2011. № 1. С. 52.

[22] *Вагеманс Э.* Указ соч. С. 155.

Юлия Алексеевна КОЗЛОВА
(Москва)

Научный сотрудник, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета, Бронницкий филиал

«Быть ли нам в числе европейских народов, или коснеть в невежестве»: дипломатические усилия Петра I по превращению Петербурга в главный внешнеторговый центр России

Yulia A. Kozlova

«Should We Be among the European Nations, or Should We Get Stuck in Ignorance»: Peter I's Diplomatic Efforts to Turn St. Petersburg into the Main Foreign Trade Center of Russia

Аннотация: В исследовании показаны особые инструменты, которые использовал Петр I для превращения Петербурга во внешнеторговый центр России. Так, одним из главных инструментов были созданные с целью изучения торговых предпочтений стран Западной Европы торгово-политические агентства. Второй инструмент — это взаимовыгодные торговые договоры, заключенные с новыми партнерами. Идеи меркантилизма можно назвать третьим инструментом для превращения Петербурга в главный внешнеторговый центр России. Мы учитывали данные таблицы STR, которая является электронной базой данных о взимании Зундской пошлины, чтобы показать, как меры Петра I повлияли на судоходство в Петербурге.

Abstract: The study shows the special tools that Peter I used to turn St. Petersburg into a foreign trade center of Russia. Thus, one of the main tools was created by trade and political agencies in order to study the trade preferences of Western European countries. The second tool is mutually beneficial trade agreements concluded with new partners. The ideas of mercantilism can be called the third tool for turning St. Petersburg into the main foreign trade center of Russia. We took into account the data from the STR table, which is an electronic database on the collection of the Sunda toll, to show how Peter I's measures affected the shipping of St. Petersburg.

Ключевые слова: Петр I, Петербург, меркантилизм, Зундская пошлина, торгово-политические агентства.
Keywords: Peter I, St. Petersburg, STR, mercantilism, Sunda toll, trade and political agencies.

Говоря о дипломатических усилиях Петра I по превращению Петербурга в главный внешнеторговый центр России, мы выделим основные инструменты, которыми руководствовались царь и его окружение. Нужно понимать, что создание Петербурга как экономического центра было процессом длительным. Однако Петр I, несмотря на всю противоречивость своей внешней политики, призывал все без исключения страны торговать через Петербург.

К важнейшим усилиям царя, бесспорно, можно отнести *создание торгово-политических агентств* с целью изучения страны, ее товарных и политических предпочтений.

Так, первые агентства появляются в ряде европейских государств: в 1707 г. в Амстердаме и далее практически во всех крупнейших европейских государствах. Изначально создание такого рода предприятий требовалось преимущественно для налаживания именно торговых сношений с другими странами. Разумеется, у агентств были и другие задачи: найм иностранных специалистов, общая информация о культуре и политических предпочтениях стран и т. д. Однако именно торговая составляющая была основополагающей. Важно понимать, что торгово-политические агенты не имели полного спектра полномочий, а действовали крайне осторожно, выясняя лишь торговые предпочтения стран, в которых находились. В некоторых странах учреждались сразу консульства, а консул имел больше полномочий и пытался влиять на торговую ситуацию в стране. У консула были и политические обязанности. Первые консульства появляются в Голландии, Венеции, Гамбурге[1].

[1] См.: *Уляницкий В. А.* Русские консульства за границею в XVIII веке. М., 1899. Ч. 1. С. 1–2.

Разумеется, был и обратный процесс, то есть учреждение консульств и торговых представительств в России. Это говорит о том, что торговая составляющая во взаимоотношениях между этими странами играла не последнюю роль. И это очень важно для понимания дипломатических усилий Петра I. Так, например, в качестве ответного шага Испания назначила герцога де Лириа послом Испании в России[2]. С 1717 г. в Петербурге находился консул Франции Анри Лави.

На призыв царя откликались зарубежные страны, и не только давние торговые партнеры, такие как Великобритания, Голландия, Гамбург и ганзейские города, но и новые: Испания, Италия, Франция, Португалия.

Вторым важным инструментом российского царя было стремление к подписанию взаимовыгодных торговых договоров. Так, русское правительство намеревалось заключить с **Англией** торговый договор, желая развить торговлю через Санкт-Петербург и другие балтийские порты (Ревель, Нарва). Петр I не раз высказывал Витворту желание, чтобы английские корабли приходили не только к Архангельску, но и к балтийским гаваням России. Добиваясь развития Петербургского порта, Петр I обещал особые условия для вывоза нужных англичанам товаров[3]. Летом 1705 г. А. Д. Меншиков предложил английскому консулу Гудфелло 40 тысяч бочек смолы по низкой цене, если он пришлет за ней корабли к Петербургу[4]. Английское правительство упорно не соглашалось, ссылаясь на Швецию. Витворт был обеспокоен, что инициативу Петербургского порта перехватят другие страны. Опасения посла начали сбываться: торговля становилась все шире и шире.

Дипломатические перипетии в отношениях двух стран и усилившаяся роль России на Балтике, к сожалению, не способствовали их сближению. Даже то, что Петр I был готов предоставить Георгу I Ганноверскому Бремен и Верден, не спасло ситуацию[5]. Однако все эти дипломатические трудности не помешали англичанам попытаться заключить торговый договор с Россией[6]. 19 апреля 1720 г.

---

[2] Россия и Испания. Документы... Т. 1: [Электронный ресурс]. URL: https://drevlit.ru/docs/spain/XVII/1660-1680/Rus_Isp/pred.php (дата обращения: 16.05.2023).

[3] *Никифоров Л. А.* Русско-английские отношения при Петре. М., 1950. С.132.

4 Там же. С. 35.

[5] *Козлова Ю. А.* Путешествие Петра I в Западную Европу 1716–1717 гг. М., 2020. С. 205.

[6] *Репин Н. Н.* Морская торговля России со странами Европы в первые шесть десятилетий XVIII века: политика русского правительства и ее результат //

Петр I издал декларацию о позволении англичанам торговать в России, она стала продолжением двух других деклараций[7]. Целью этого документа было показать, что Россия не хочет чинить партнерам никаких препятствий в торговле, что переход к России балтийских провинций не только не влечет за собой каких-либо затруднений в торговле со Швецией, но, напротив, облегчает ее.

Крайне важным торговым партнером оставалась **Голландия**. Голландцам было сложнее всего приспособиться к новым реалиям торговли с Россией. Существовал огромный пласт проблем, мешавший им подстраиваться под новые условия. Во-первых, голландские товары, находившиеся в Архангельске, не могли быть своевременно проданы, так как многие русские купцы под нажимом правительства должны были перенести свою торговлю в Петербург. В результате товары портились, а купцы несли колоссальные убытки. Постепенно это привело к миграции голландских купцов из Архангельска в Петербург[8]. Во времена Второго путешествия Петра I в Западную Европу 1716–1717 гг. проблема торговли в контексте взаимоотношений России и Голландии стояла по-прежнему остро. Российский царь был не против преференций в балтийской торговле для голландцев, но только если правительство Гааги признает за Россией все ее приобретения на балтийском побережье. Голландское правительство не реагировало на требования Петра I. Тем не менее, как сообщает авторитетное издание того периода — амстердамская «Эйрописхе Меркюриюс», проект такого договора уже был представлен венценосному гостю, «однако этот монарх не соизволил вступить ни в какие подобные соглашения, рассчитывая, видимо, в будущем продолжать торговлю силами своих собственных кораблей»[9]. Иными словами, Петр I в данном вопросе проявил свои имперские амбиции, стремясь к тому, чтобы голландцы стали гарантами в балтийском вопросе. Разумеется, Объединенная провинция никогда бы не пошла на столь сомнительный шаг, который

Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2008. № 18. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/morskaya-torgovlya-rossii-so-stranami-evropy-v-pervye-shest-desyatiletiy-xviii-veka-politika-russkogo-pravitelstva-i-ee-rezultat (дата обращения: 09.08.2023).

[7] *Репин Н. Н.* Указ. соч.

[8] *Scheltjens W.* New routines, growing interference and operational efficiency gains: the influence of czar Peter the Great's economic policy on Dutch maritime shipping with Russia, 1709–1724. Lyon, 2009. P. 3–4.

[9] *Damme A.* Nederlansch gedenkboek: of Europische mercurius 1717: [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books. P. 200–201.

нарушил бы равновесие в отношениях морских и континентальных держав. В целом на торговую динамику это не повлияло, однако сказалось на качестве торговли.

Для Петра I было крайне важно сохранить всех торговых партнеров России. Издавна Россия торговала с городами Ганзейского союза — **Любеком и Гамбургом**.

Торговые связи России и этих городов были обусловлена исторически, поэтому Петр I не чинил препятствий, подчеркивая важность торговли с ганзейским городом и приравнивая **Любек** к исключительным торговым партнерам России — Великобритании и Голландии[10].

Что касается **Гамбурга**, то по договору подтверждаются прежние привилегии плюс вольность во всех завоеванных у шведов городах и портах. Также рассмотрен устав пошлин (торг с платежом), согласно которому «тех городов, и равным образом в неприятельские земли, кроме запрещенных товаров, без всякого вмешательства позволять»[11].

Таким образом, торговля с «историческими партнерами» проходила вполне успешно. Петр I не чинил препятствий для свободной торговли в Петербурге, а, наоборот, делал все возможное, чтобы больше и больше кораблей приходило в петербургскую гавань. Однако заключение выгодных торговых договоров исключительно с северными странами не удовлетворяло потребностей возвышающейся России и амбиций самого царя. Он давно жаждал расширить торговое пространство России: развить столь вожделенную для него южную торговлю, тем самым переориентировав рынок на товары роскоши, алкоголь и т. д. Такого рода товары не были основополагающими для благополучия государства, но именно вина, красивые ткани, гобелены и прочие атрибуты роскоши и утварь могли сделать из детища Петра Великого настоящую имперскую столицу. Именно поэтому было важно привлечь и других торговых партнеров преимущественно южного направления. Это прежде всего Франция, Италия, Испания и Португалия.

Прежде чем попытаться дать более четкую картину товарооборота между Россией и Италией, Францией, Испанией и Португалией, хотелось бы обратить внимание на следующие проблемы. Во-первых, даже при обоюдном желании российских купцов и купцов

---

[10] *Чулков М. Д.* Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего...: [В 7 т.]. Т. 4. СПб., 1785. С. 29.

[11] Там же. С. 30.

южного направления торговать друг с другом существовал целый пласт проблем, которые в большинстве своем не были решены в правление Петра I. Во-вторых, рынок был неизведанным для этого региона Европы. Да, безусловно, существовали сведения общего характера, но они, как правило, не показывали ситуацию в целом. В-третьих, шла Северная война, которая не способствовала торговому судоходству на Балтике. И, в-четвертых, если Петр I призывал все страны без исключения торговать через Петербург, то правительства не всех средиземноморских стран рассуждали так же.

Португалия в XVIII в. в торговой политике придерживалась линии Великобритании. Страна, находившаяся близ Атлантики, рассматривала Россию прежде всего как выгодный рынок сбыта колониальных товаров. Петр I надеялся через Португалию расширить торговое пространство России, открыв путь в Латинскую Америку. В 1724 г. португальский министр Альварес Пандура направил императору Петру I два письма об установлении прямых торговых связей между Португалией и Россией[12]. В общем, русско-португальские торговые связи находились в прямой зависимости от внешнеполитических. Так, сложности во взаимоотношениях между Россией и Великобританией обуславливали напряженность во взаимоотношениях Петербурга и Лиссабона. Именно поэтому деловые отношения между странами начались в 1734 г. в связи с подписанием торгового договора между Россией и Великобританией.

Установление торговых сношений с **Италией** было важным мероприятием времени царствования Петра I. В 1711 г. в Венеции было основано первое русское торговое консульство, начали действовать официальные торговые агенты: с 1712 г. — М. Каретта, а позже — П. Беклемишев[13]. Именно с Беклемишевым, который посылал Петру I депеши о важности торговли с итальянскими государствами, связан расцвет торговых сношений между двумя странами. Эти усилия принесли свои плоды. Так, английский купец Ральф Робинсон отправил из Венеции два корабля в 1714 году: один — в Архангельск, другой — в Петербург. К этому же времени относится широкая торговая деятельность Саввы Рагузинского, который отправил из Венецианской республики в Россию шесть кораблей (пять — в Петербург, один — в Архангельск)[14]. Широкому развитию

[12] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год): [В 4 ч.]. Ч. 3: Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия. М., 1897. С. 291–294.

[13] *Ульяницкий В.* А. Указ. соч. С. 22.

[14] *Шаркова И. С.* Россия и Италия: торговые отношения XV — первой четверти XVIII в. Л., 1981. С. 107.

русско-итальянской торговли мешали трудности навигации, большие таможенные пошлины, взимавшиеся в Зундском проливе, и монопольное положение Англии и Голландии в российской внешней торговле на Балтике.

Русско-французские торговые связи заслуживают отдельного освещения в рамках нашего небольшого очерка. Во-первых, Франция рассматривалась Петром Великим не просто как торговый партнер, но и как партнер дипломатический. Русский царь крайне выгодно смог противопоставить Англии Францию. В 1717 г. был подписан Амстердамский трактат, который закрепил новый альянс: Франция — Россия — Пруссия. В трактате было уделено место и торговым сношениям между странами.

Так, Амстердамский договор содержал важное положение о «наиболее фаворизованных нациях», т. е. купцы Франции, Пруссии и России имели определенные привилегии по сравнению с купцами других стран[15]. После подписания договора в Россию был назначен консул Франции, которым стал все тот же Анри Лави, до этого занимавший пост морского комиссара[16]. Если консул был готов организовывать торговлю между двумя странами, то правительство Франции не пыталось сделать это грамотно. Специфика торговли с Россией через Балтику сильно отличалась от средиземноморской. Почвой для налаживания торговых сношений с Россией были дипломатические связи. Очень скоро Франция стала дистанцироваться от русско-французского союза и начала сближение с Великобританией.

Анри Лави прекрасно разбирался в приоритетных интересах Франции и России и пытался организовать торговую кампанию. Франция была готова закупить крупную партию хвойной древесины для кораблестроения[17]. А. Лави был главным координатором данной сделки. Но этому замыслу не суждено было осуществиться из-за того, что шведы разрешили пропустить через Балтийское море только одно судно вместо четырех. Несмотря на то, что Лави не раз убеждал в выгодности и целесообразности торговли с Россией свое

---

[15] *Захаров В. Н.* Вопросы внешнеторговой политики в ходе путешествия Петра I в зарубежную Европу в 1716–1717 годах // Материалы IX Международного петровского конгресса. Париж — Реймс, 2017. С. 83.

[16] *Ожеро К.* Учреждение первого консульства Франции в Санкт-Петербурге в 1717 г.// Россия и Франция XVIII–XX веков. М., 2008. Вып. 8. С. 15.

[17] *Baron S.* Henri Lavie and failed Campaign to Expand Franco-Russian Commercial Relations (1712–1723) // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1995. № 50. S. 34.

правительство, Франция неохотно шла на полное торговое сближение с Россией.

Единственной удачной торговой операцией России и Франции стала покупка французских вин Петром I непосредственно из самой Франции, без посредников. Французы от этой сделки получили 150 % дохода[18].

Краткий обзор торгово-политических связей Петербурга и Мадрида сводится к тому, что обе державы были заинтересованы в развитии торговых отношений. В 1717 г. активизировалась дипломатическая переписка между Россией и Испанией.

8 ноября 1723 г. Петр I издал именной указ о начале прямых торговых сношений с Испанией и о назначении консула в город Кадис[19]. Правительство России также подтвердило свою готовность к началу переговоров с Испанией по вопросу подписания торгового договора. Апогеем во взаимоотношениях двух стран стала отправка в Испанию трех кораблей: «Дефеншиер», «Амстердам Галей» и «Кронделивде», — груженных кожами, воском, парусиной, пенькой и другими традиционными товарами российского экспорта, которые 12 мая 1725 г. вышли из Ревеля курсом на Кадис[20].

Чем же так привлекала Испания Россию? Прежде всего, испанскими деньгами — талерами. Испания ежегодно вывозила из своих колониальных владений золото и серебро на 22,5 миллионов талеров[21]. Прибыльная перечеканка мексиканских, перуанских и испанских талеров в русскую билонную монету, которая ходила в России еще в XVI–XVII вв. В чем же ценность билонных монет? В том, что это разменная неполноценная металлическая монета, номинальная стоимость которой превышает стоимость содержащегося в ней металла и расходы на ее чеканку[22]. Билонная монета является заместителем золота и в конечном счете знаком стоимости. Действуя главным образом в розничном товарообороте, эта монета выполняет только функции средства обращения и — ограниченно — средства платежа. Вот в чем была особенность экономики Испании, которую Петр I хотел превратить в своего политического и торгового союзника.

---

[18] Ibid. S. 37.

[19] *Волосюк О. В.* «В Европу прорубить окно»: Петр Великий и установление дипломатических отношений с Испанией // Испания и Россия: дипломатия и диалог культур три столетия отношений. М., 2018. С. 63.

[20] Там же.

[21] *Бобылев В. С.* Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 45.

[22] Там же.

Таким образом, мы сделали обзор взаимоотношений России и ряда европейских государств, которые принимали Россию в ряды своих торговых партнеров, отводя ей при этом не последнюю роль.

Обратимся к цифрам, которые отражают ситуацию с торговлей в Петербургском порту.

При анализе торговой ситуации мы использовали международную систему Soundtoll Registers, которая является электронной базой данных о взимании Зундской пошлины[23]. База STR ценна тем, что содержит систематические данные о торговом судоходстве, направлении и интенсивности движения судов, об их национальной принадлежности, о развитии торговых портов, а также об ассортименте и количестве перевозимых товаров[24].Из таблицы 1.1 следует, что к 1717 г. дипломатические меры Петра Великого имели успех. Петербургский порт стал регулярно принимать корабли зарубежных стран в своей гавани.

Во-первых, этот процесс был медленным, но «механизм» торгово-дипломатической переориентации был запущен. Схема показывает, как менялось количество судов приходящих в Петербург и уходящих из него. Другой вопрос, что начиная с 1718 г. Петербургский порт работал исключительно на экспорт. Два года — это 1717 и 1721 — выбиваются из общей статистики. 1721 г. — это окончание Северной войны, когда корабли могли свободно приплывать в Петербург, не опасаясь шведских каперов. Последующие годы импорт уступает пальму первенства экспорту, что вполне объяснимо с точки зрения торговой политики, проводимой Петром I. Идеи меркантилизма можно назвать третьим инструментом для превращения Петербурга в главный внешнеторговый центр России. Под этим понятием мы понимаем пласт идей, которые существовали в России до Петра I, но были артикулированы окончательно в рамках проводимой будущим императором политики. Они проявились в расширении торгового пространства России, в стремлении создать торговый флот и не зависеть от посредников в торговле. Ярким воплощением идей меркантилизма стала попытка увеличить экспорт, не повышая импорт.

Однако существовало противоречие, которое заключалось в том, что Петербургу, «имперскому детищу» Петра I, требовались пред-

---

[23] Soundtoll Registers Online: [Электронный ресурс]. URL: www.soundtoll.nl (дата обращения: 01.06.2023).

[24] *Захаров В. Н.* Петр Великий, российская власть и общество в эпоху перемен: Сборник статей к 70-летию со дня рождения Юрия Николаевича Беспятых. СПб., 2019. С. 265.

меты роскоши, при этом количество судов, приходящих в Петербург, было четко регламентировано.

Во-вторых, из данных реестра очевидно, что морское судоходство по Балтике через Зунд (Эресмунд) стало стабильным все-таки к концу Северной войны, именно благодаря усилиям Петра Великого. Не стоит забывать при этом, что процессу становления Петербурга как главного внешнеторгового центра способствовал целый комплекс мер: дипломатических, законодательных, внутриполитических, таких как попытка наладить связь центра с периферией. Только благодаря совокупности этих мер «Северный Парадиз» Петра I занял достойное место в ряду крупнейших внешнеторговых центров Европы.

Знаменитая фраза «все флаги в гости будут к нам» полностью отражает то, что Петр Великий пытался воплотить, создавая свое «грандиозное детище» — Петербург.

Таблица 1.1. Соотношение экспорта и импорта Петербургского порта в период с 1717–1725 гг.

Евгения Павловна СПИРИДОНОВА
(Саратов)
Доцент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского

Иностранные специалисты и процессы институционализации медицины в новой столице России

Evgenia P. Spiridonova

Foreign Specialists and Processes of Institutionalization of Medicine in the New Capital of Russia

Аннотация: В статье рассматривается институциональное становление медицины в новой столице России. Значительное влияние на институционализацию медицины оказали иностранные врачи, привлеченные на российскую службу по инициативе российского монарха. Иноземные специалисты не только выступили носителями передового научного знания, но и стали организаторами госпитального дела и медицинского образования, способствовали этическому и правовому нормированию медицины. Реализация этих задач в значительной степени совпала с царским стремлением к цивилизационному переустройству России.
Abstract: The article examines the institutional formation of medicine in the new capital of Russia. Foreign doctors brought into Russian service on the initiative of the Russian monarch had a significant influence on the institutionalization of medicine. Foreign specialists acted not only as carriers of advanced scientific knowledge, but also became organizers of hospital care and medical education, and contributed to the ethical and legal regulation of medicine. The

implementation of these tasks largely coincided with the tsarist desire for the civilizational reorganization of Russia

Ключевые слова: Петр I, Санкт-Петербург, институционализация медицины, иностранные врачи, реформы.
Keywords: Peter I, St. Petersburg, institutionalization of medicine, foreign doctors, reforms.

В корпусе исторических исследований реформаторскую деятельность Петра I принято рассматривать как переустройство государственного управления, реорганизацию армии и флота, церковную реформу, т. е. как программу действий, направленных на коренное изменение государственных и цивилизационных контуров России[1]. Мы предлагаем расширить исследовательское поле анализом проблемы институционализации медицины. Развитие медицинских знаний, их системное воспроизводство, формирование системы медицинского обеспечения, особенно важного в ситуации затяжных военных действий и грандиозного строительства, стало выражением воли Петра к цивилизационному преображению России. В фокусе нашего рассмотрения — факторы, способствующие институционализации медицины в России петровской поры, и роль в этих преобразованиях иностранных специалистов.

«Транзит» научных инноваций, идеей которого был захвачен царь Петр Алексеевич, начал формироваться еще в царствование первых Романовых, но именно в правление Петра происходят процессы институционального становления медицины. Обращаясь к работам методологов институционального подхода, выделим элементы, выступающие параметрами институционализации:

— система знаний как теоретического, так и прикладного характера, на базе которых вырабатываются подходы к решению ключевых проблем;
— профессиональные кадры, профессиональные учреждения и ассоциации, систематизирующие и применяющие знания, навыки, профессиональный этос для решения практических задач;
— система этических стандартов, задающих «правильные» способы общения внутри системы и с внешними инстанциями;

[1] *Анисимов Е. В.* Время петровских реформ. Л., 1989.; *Анисимов Е. В.* Императорская Россия. СПб., 2022.; *Реснянский С. И., Киенков А. А.* Русское духовенство при царе-реформаторе: историографическое осмысление. Орехово-Зуево, 2017.

— участие государства в организационных процессах институционального становления[2].

Комплекс параметров, формирующих медицину как институцию, закрепляющую обеспечение нужд общества, складывался на фоне эпохальных событий отечественной истории, что в значительной степени отвечало историческим запросам на изменение мировоззрения, трансформацию социальной реальности, внедрение новых форм актуальных социальных практик. Спецификой процесса институционализации в России выступает устремленность Петра к цивилизационным изменениям страны и его интеллектуальная коллаборация с выдающимися европейским специалистами.

Как известно, Санкт-Петербург был задуман как военная столица России, строительство которой было связано с Северной войной. Медицинские нужды в этой ситуации были актуальной проблемой.

Проведенная Петром еще до объявления войны военная реформа привела к принципиальным изменениям в российской армии и во флоте. Ставшим регулярными войскам требовались постоянное обучение личного состава, непрерывное возмещение боевых потерь и значительные государственные расходы. Эти процессы актуализировали потребность в более оперативной и качественной медицинской помощи, здоровьесбережении и реабилитации военных. Но проблема медицинского обеспечения армии была более глубокой: она не сводилась только к оказанию медицинской помощи раненым, но предполагала организацию госпитального обслуживания, подготовку лекарей для армии и флота, развитие медицинских знаний.

К началу XVIII в. медицина в ее институциональном измерении, в современном или хотя бы в европейском понимании, в России была не сформирована: не существовало лечебных учреждений, оказывающих медицинскую помощь населению, не было условий для воспроизводства научных медицинских знаний, отлаженной системы подготовки врачей. М. Б. Мирский приводит выдержки из записок иностранных путешественников XVI в., отмечавших, что «в обиходе русских нет ни врачей, ни аптекарей», «нет медицинских книг. Врачи лечат по опыту и испытанными лечебными травами»[3].

---

[2] *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социология: Тексты. М., 1994.; *Парсонс Т.* О социальных системах. М., 2002.

[3] *Мирский М. Б.* Очерки истории медицины в России XVI–XVIII вв. Владикавказ, 1995. С. 5.

Слабо развитой была и нормативная регламентация врачебной практики[4]. Решение большинства актуальных проблем, связанных с реорганизацией системы медицинской помощи, было возложено на иностранных специалистов.

Биографии выдающихся представителей медицинской профессии из числа иностранцев описаны в научной литературе[5]. Их жизненный путь и профессиональная деятельность в России в целом типичны. Как правило, это были доктора, защитившие ученые степени в крупных европейских университетах — в Лейдене, Оксфорде, Париже. Они приглашались для работы по контракту лейб-медиками, реже — армейскими врачами. Помимо профессионалов, знания и опыт которых подтверждались университетскими дипломами и учеными степенями, приглашение на работу в России получали и так называемые «хирурги» — практикующие лекари, не имеющие формального подтверждения квалификации, но способные совершать различные медицинские манипуляции. В русском восприятии эта дифференциация осознавалась нечетко, а потребность в специалистах была стабильно высокой, поэтому получать приглашения на работу могли как врачи, так и лекари, разница была лишь в оплате их услуг и условиях работы. Рекрутинг иностранцев на российскую службу был начат Петром еще во времена первого заграничного путешествия. Это была система действий по нахождению нужных профессионалов и их вербовке. Иноземные специалисты с неохотой соглашались ехать в неведомую страну с холодным климатом, отсутствием бытовых удобств, чуждым менталитетом; их переселенческий энтузиазм, как правило, финансово стимулировался — в большинстве случаев оформлялись контракты[6].

Одним из выдающихся иностранных специалистов в сфере медицины был Николас Ламберт Бидлоо. И хотя деятельность Бидлоо лишь отчасти связана с Санкт-Петербургом, упоминание о нем уместно, так как именно благодаря его талантам и усилиям к орга-

---

[4] *Печникова О.* Г. Становление российского медицинского законодательства (X–XVII вв.) // Проблемы экономики и юридической практики. 2011. № 2. С. 22–24.

[5] См.: *Алелеков А. Н.* История Московского военного госпиталя. М., 1907; Лахтин М. Ю. Этюды по истории медицины. М., 1902; *Рихтер В.* История медицины в России: В 3 т. Ч. 3. М., 1820; *Чистович Я. А.* История первых медицинских школ в России. СПб., 1883; *Будко А. А., Шабунин А. В.* История медицины Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 2003; *Мирский М. Б.* Указ. соч.

[6] Об условиях рекрутинга иностранных специалистов см.: *Ермакова О. К.* Настоящие и мнимые привилегии иноземцев в России при Петре I // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. № 4. Т. 12. С. 113–121.

низации системы медицинской помощи было привлечено внимание государя, чиновников, духовенства, что способствовало решению трудновыполнимых организационных задач в сфере устроения медицинской помощи.

Защитив ученую степень доктора в Лейденском университете, Бидлоо в 1702 г. заключил контракт с русским послом в Голландии А. А. Матвеевым и приехал в Россию в качестве личного врача монарха. На царской службе он попал в обстановку, которая разительно отличалась от типичных условий работы европейских лейб-медиков: царь Петр находился на фронтах Северной войны, и Бидлоо неотлучно сопровождал его в течение нескольких лет. Спустя время слабость и болезнь стали препятствиями для его нахождения в прифронтовой зоне, и Бидлоо испросил разрешения вернуться на родину, несмотря на то, что срок контракта еще не истек. Но разрешения такого от Петра он не получил.

Следует отметить, что Н. Бидлоо представлял собой типичный для петровской эпохи тип эрудита, проявившего себя в разных направлениях деятельности. Помимо медицинской практики, изучения анатомии, преподавания в госпитальной школе, составления учебника, Бидлоо занимался литературным творчеством, был увлечен театром[7], показал себя как архитектор и ландшафтный дизайнер. Однако в России широта кругозора иностранных специалистов зачастую диссонировала с конкретикой их профессиональных задач, что подкреплялось негативизмом восприятия со стороны российских чиновников. Так, петровский дипломат П. Возницин в своих записках обличал «пристрастия» будущего доктора медицины, обучавшегося за рубежом: «Поехал ты для безделья, как в твоем письме написано, живых собак мертвить, а мертвых живить — а сие дело не гораздо нам нужно»[8]. Широта интеллектуальных интересов, отличавшая царя от его сподвижников, позволяла ему оценить значение познаний Бидлоо. Учитывая остроту вопроса медицинского обеспечения и не желая упускать разностороннего специалиста, Петр направляет его энергию в новое русло, поручая ему строительство госпиталя в Москве, начатое по указу 1706 г. и законченное через год.

---

[7] См.: *Евангулова О. С.* Рукописи Н. Бидлоо в собрании библиотеки Российской Академии наук (К истории панегирического направления в русской культуре петровского времени) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2000. № 3. С. 68–86.

[8] Цит. по: *Панибратцев А. В.* Просвещение разума. Становление академической науки в России. СПб., 2002. С. 40.

Известно, что еще до того как Бидлоо всецело погрузился в устроение Московского госпиталя, он состоял в переписке с князем А. Д. Меншиковым, в ту пору пребывавшим в должности генерал-губернатора Санкт-Петербурга и отвечавшим за все строительство в новой столице[9]. Переписка свидетельствует, что замысел устроения госпиталя в Санкт-Петербурге созрел уже через год после основания города. Этот проект был предметом обсуждения между Петром, Меншиковым и Бидлоо, но в результате было принято решение о строительстве аналогичного госпиталя в Москве. Причина такого решения, скорее всего, военная: с 1703 по 1708 г. территория строящегося Санкт-Петербурга часто подвергалась атакам шведов, прекратившимся только после взятия Выборга и Ревеля.

Городское строительство, работы на верфях и близость к фронтовым районам формировали острый запрос на медицинское обслуживание и врачебную помощь в новой столице. Как же была организована медицинская помощь в строящемся Санкт-Петербурге?

Прежде всего, близость к фронту создавала потоки раненых и больных. В начале войны медицинская помощь им оказывалась в прифронтовых пунктах сбора больных, позже — в полевых госпиталях. В тяжелых случаях раненых приходилось вести в города, имеющие инфраструктуру для их размещения. Также на прифронтовых территориях существовали богадельни, но в них осуществлялся лишь «уход за скорбящими», а медицинские мероприятия не проводились[10].

В самом Санкт-Петербурге болеющие и раненые расквартировывались. Известно указание Петра лейб-медику доктору Иогану Донеллю, отвечавшему за медицинскую помощь в Санкт-Петербурге в тот период: «Всяких чинов людей от вышних чинов до нижних, которые живут на Адмиралтейской стороне, буде впред с сего числа у ково в домех явятца болные, для осмотру и лечения станут требовать дохтуров и лекарей, и к таким болящим, вам дохтуру ходить самим и лекарей присылать, и тех болящих осматривать, от чего и какою болезнию кто болен»[11]; также Доннель должен

[9] Сведения о переписке приводят Н. В. Милашева и В. О. Самойлов. В письмах, датируемых июлем 1704 г., Меншиков обсуждает с Бидлоо проект строительства собственной усадьбы. В ответном письме, комментируя проект усадьбы, Бидлоо пишет, что неплохо было бы устроить госпиталь «на островку недалеко от пороховой мельницы Меэровой». См.: *Милашева Н. В., Самойлов В. О.* Первые военные госпитали Санкт-Петербурга // Вестник Российской военно-медицинской академии. 2020. № 3 (71). С. 261.

[10] *Чистович Я.* Указ. соч.

[11] Цит. по: *Милашева Н. В., Самойлов В. О.* Указ. соч. С. 261.

был ежедневно подавать рапорты Ф. М. Апраксину. Личный состав флота был оповещен о необходимости вызывать врача и не заниматься самолечением. За несоблюдение требований были установлены штрафы.

Серьезной проблемой для строящегося города стали эпидемии. Их распространению во многом способствовали строители военных объектов Санкт-Петербурга. По приказу Петра в целях ускорения процесса на строительство адмиралтейских верфей были откомандированы солдаты с тех участков фронта, на которых не велись активные боевые действия. В 1710 г. новая волна европейской эпидемии чумы распространилась и на русскую армию. К марту 1711 г. эпидемическая ситуация в Санкт-Петербурге обострилась, также тяжелой была ситуация с ранеными. Петр выслал А. Д. Меншикову 4000 руб., которые предполагалось разделить на «строения нового Шпиталя» и траты на тех, кто содержится в больнице. Вопрос, о какой именно больнице идет речь, не вполне прояснен. Петербургские исследователи Н. В. Милашева и В. О. Самойлов приводят переписку Ф. М. Апраксина и старшего лекаря морского флота Яна Гови, из которой следует, что к 1706 г. в Санкт-Петербурге уже существовало стационарное медицинское учреждение, историческое месторасположение которого не установлено. Предполагается, что изначально этот госпиталь находился на Адмиралтейском острове, а уже потом был переведен на Выборгскую сторону. Другие источники говорят о госпитале в Казачьей слободе на Выборгской стороне, существующем с 1706 г.[12]

Параллельно устроению госпитального дела происходили правовые нововведения и административные реформы. В 1716 г. по инициативе Петра и при его деятельном участии был принят Воинский устав, определивший в том числе вопросы функционирования госпиталей, установивший организационно-штатную структуру медицинской службы действующей армии, регламент деятельности гражданских врачей и аптекарей. Устав дефинировал понятия «доктор», «лекарь» и «подлекарь», что приблизило ранжирование медицинских специалистов к европейским профессиональным стандартам. В Морском уставе 1720 г. также значительное место отводилось вопросам регламентации медицинской деятельности[13]. Следует отметить, что предписания Воинского и Морского уставов затрагива-

[12] *Алелеков А. Н.* История Московского военного госпиталя. М., 1907.

[13] См.: *Сальников В. П., Стеценко С. Г.* Юридическая регламентация медицинской деятельности в России: история и современность // Медицинское право и этика. 2003. № 2. С. 15–18.

ли не только воинские правоотношения, но и гражданские, в силу чего эти документы стали основными источниками права, регламентировавшими медицинскую деятельность в России на протяжении всего XVIII столетия.

В 1712 г. в новую столицу был переведен Аптекарский приказ. В 1714 г. учреждение было преобразовано в Канцелярию главнейшей аптеки, а затем — в Аптекарскую канцелярию. Эти административные преобразования имели важное значение для институционализации отечественной медицины. Я. Чистович пишет: «...едва ли можно придавать Аптекарскому приказу значение государственного учреждения. ...изначально он был принадлежностью двора без всякого почти отношения к государству и народу»[14], — и только в 1707 г., когда он был преобразован в Аптекарскую канцелярию, «Россия увидела у себя настоящее центральное медицинское управление»[15]. Власть боярских кланов, использующих высокие должности в Аптечном приказе в личных целях, была заменена на санкционированную государством власть специалистов.

Знаменательная дата в становлении российской медицины — 9 сентября 1716 г., когда грамотой Петра была учреждена должность «архиятера и президента канцелярии нашей надворной Медицинской», архиатером был назначен Роберт Эрскин (Арескин). Выпускник Оксфордского университета, доктор медицины и философии, он в 1706 г. приехал в Россию и поступил на службу домашним врачом А. Д. Меншикова. В 1713 г. Арескин был назначен лейб-медиком Петра. В функции архиатера входило не только руководство придворной медициной (забота о здоровье государя, его семьи и придворных), но и борьба с эпидемиями, надзор за учреждениями здравоохранения и госпитальными школами, назначение и увольнение медицинских чинов, набор иностранных специалистов. На этой службе Эрскин пробыл два года, в 1719 г. он скончался, и должность архиатера занял Лаврентий Блюментрост, который приложил большие усилия к управлению Аптекарским приказом, его дальнейшей реорганизации в Медицинскую коллегию, к организации госпиталей, обучению лекарей, работе аптек.

Л. Блюментрост не был приезжим иностранным специалистом. Он родился в 1692 г. в Москве. Получив начальное образование, в 15 лет Блюментрост продолжил обучение в Галле и в Оксфорде, затем в Лейдене под руководством знаменитого Бургаве получил степень доктора медицины. Вернувшись в Россию, Блюментрост

[14] *Чистович Я.* Указ. соч. С. 2–3.

[15] Там же. С. 3.

был назначен лейб-медиком царевны Натальи Алексеевны. Впоследствии он был послан за границу, чтобы прояснить мнения светил медицины относительно болезни государя. В иностранной поездке Блюментрост продолжил расширять медицинские знания: изучал анатомию в Париже, в Голландии познакомился с доктором Рюйшем и его знаменитой коллекцией анатомических препаратов, которая впоследствии была куплена Петром и составила основу Кунсткамеры. Так был заложен фундамент для создания российской Академии наук, первым президентом которой и стал Л. Блюментрост. Он сделал многое для ее организации: вел переписку с европейскими учеными, убеждал их приехать в Россию, обсуждал условия контрактов, участвовал в их размещении, обустройстве. Уже после смерти Петра, в конце 1725 г., Академия провела свои первые заседания.

Обобщая, отметим, что процесс институционализации российской медицины выступает следствием реформ Петра и длительного нахождения России в состоянии военного конфликта. Принципиальной является тенденция, заложенная Петром Алексеевичем и поддержанная иностранными специалистами: институционализация медицины происходила при непосредственном участии государства.

Мы видим, что в ходе реформ Петра изменения, касающиеся медицины, носили всеобъемлющий и системный характер: структурная реорганизация Аптекарского приказа, введение должности архиатра, расширение нормативной базы (Военный и Морской уставы), организация медицинской службы в войсках, строительство госпиталей и лазаретов, создание аптек, развитие медицинских знаний, создание системы научной и практической подготовки отечественных кадров, обсуждение вопросов медицинской экспертизы и организация курортного лечения.

Иностранные специалисты, привлеченные по инициативе Петра на лейб-службу, стали двигателями медицинского прогресса в России. Они выступили не только трансляторами передового медицинского знания, но и поборниками его распространения через создание первых медицинских школ. Иностранные профессионалы внесли значительный вклад в развитие организационной культуры новой России, принимая деятельное участие в устройстве госпитального дела. Личные, интеллектуальные и деловые качества иностранных специалистов позволили сформировать нравственный этос врачебной профессии, на столетие вперед определив медицинскую помощь как ключевой приоритет и миссию представителей врачеб-

ной профессии. Таким образом, трансляция передовых научных знаний, организация их воспроизводства, развитие организационных форм медицинского обслуживания, поддержанное государством, этическое и правовое нормирование медицины стали примером удачного институционального транзита, на базе которого осуществлялось дальнейшее становление отечественной медицины.

Евгений Викторович ЕРМАСОВ
(Москва)
Начальник отдела
Департамента государственной политики
в сфере уголовно-исполнительной системы
Министерства юстиции Российской Федерации

Сведения о Санкт-Петербурге в немецких публикациях первой четверти XVIII в.

Evgeny V. Ermasov

Information about St. Petersburg in German Publications of the First Quarter of the 18th Century

Аннотация: Статья посвящена первым сообщениям о Санкт-Петербурге в немецких изданиях, которые заслуживают внимания в качестве источников по изучению истории раннего Петербурга, способствующих формированию представлений о столице Российской империи. Сообщения об основании и строительстве города на Неве в немецких периодических изданиях появляются с первых лет его существования и содержатся практически во всех сочинениях о России первой четверти XVIII в., в том числе в немецких научных словарях и лексиконах. Санкт-Петербург стал главным символом в сформировавшемся к середине XVIII в. концепте «преображенной России».

Abstract: The article is devoted to the first reports about St. Petersburg in German publications, which deserve attention as a source for studying the history of early St. Petersburg and forming ideas about the capital of the Russian Empire. Reports about the foundation and construction of the city on the Neva River in German periodicals appear from the first years of its existence and are contained in almost all writings about Russia in the first quarter of the 18th century,

including in German scientific dictionaries and lexicons. St. Petersburg became the main symbol in the concept of "Transformed Russia" formed by the middle of the 18th century.

Ключевые слова: сочинения о России, немецкие публикации, Санкт-Петербург, Петр I, концепт «преображенной России».
Keywords: writings about Russia, German publications, St. Petersburg, Peter I, the concept of "Transformed Russia".

Санкт-Петербург с момента своего основания стал символом «новой России». Его основание и строительство рассматривалось иностранцами как отдельная реформа Петра I. В этой связи немецкие публицистические издания первой четверти XVIII в. заслуживают внимания в качестве источников по изучению истории раннего Петербурга и формированию представлений о столице Российской империи.

Упоминания о городе на Неве в немецких периодических изданиях появляются с первых лет его существования. Уже в 1703 г. в популярном немецком журнале «Europäische Fama»[1] сообщалось о начале строительства города, а также об устремлениях Петра I, направленных на «оживление» в России наук, искусств и торговли[2].

В немецкой россике XVIII в. описания города на Неве занимают особое место. Из восьми наименований книг о Петербурге XVIII в., которые приводит в своем справочнике Р. И. Минцлов, шесть принадлежат немецким авторам[3]. В систематическом указателе исторической части фонда «Россика» Российской национальной библиотеки, составленном А. Г. Гольдбергом и И. Г. Яковлевой, все три издания о Петербурге XVIII в. — на немецком языке[4]. На их публи-

[1] Одно из самых читаемых и популярных немецких периодических изданий, которое на протяжении 1702–1734 гг. публиковало на своих страницах сведения из России и о России. Журнал издавался в Лейпциге у Иоганна Фридриха Гледича.

[2] Die Europäische Fama, welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdecket. Der XVIII. Theil. Gedruckt zum erstenmahl 1703. Und zum drittenmahl wieder aufgelegt 1707. S. 523–524.

[3] *Минцлов Р. И.* Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872. С. 15–18.

[4] *Гольдберг А. Л.* Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1966. Вып. 2. С. 114.

цистический характер указывает тот факт, что только одно из них имеет автора[5].

Наибольшей известностью пользуются немецкие описания Санкт-Петербурга 1713 г.[6] и 1718 г.[7] Оба издания публиковались в русском переводе[8]. Известный знаток сочинений иностранцев о России Ю. Н. Беспятых установил авторство этих описаний на основе сообщений, содержащихся во втором издании «Московитского купца» П. Я. Марпергера[9]. Основная часть второго описания включена (с важными дополнениями и изменениями) Ф. Х. Вебером в его «Преображенную Россию»[10].

---

[5] *Bülfinger G.* Gott zu Ehren: Auch zum Andencken, und zu Ausbreitung des Ruhms Peter des Grossen, Kaysers in Russland und seiner Glorwürdigster Reichs-Folge...Von den Merkwürdigkeiten der Statt Petersburg. Tübingen, 1731. Это сочинение принадлежит члену Российской академии наук Георгу Бернхарду Бильфингеру (1693–1750).

[6] Exacte Relation von der von Sr. Czaarschen Majestät Petro Alexiowitz, an dem grossen Newa Strohm und der Ost-See neu erbaueten Vestung und Stadt St. Petersburg, wie auch von dem Castel Cron Schloss und derselben umliegenden Gegend, Ferner Relation von den uhralten russischen Gebrauch der Wasser Weyh und Heiligung, Nebst einigen besondern Anmerkungen auffgezeichnet von H. G. Leipzig, 1713. [6], 112 S.

[7] Eigentliche Beschreibung der an der Spitze der Ost-See neuerbaueten russischen Residentz-Stadt St. Petersburg, wo in deren Situation, Anwachs und Auffkommen, und wie so wohl die Stadt, als auch die Vestung, gegenwärtig beschaffen. Imgleichen der neue See-Haven, das Castel Crohn-Schlott, und die gegen über liegenden neuerbaueten Palatia, nebst einigen besondern und curieusen Anmerkungen auffs genaueste vorgestellet. Hiebey à parte ein specialer und accurater Grund-Riss, woraus ein curieuser Liebhaber die rechte Idee dieses neuen und importanten Orths sich eigentlich vorstellen kann etc. Franckfurt und Leipzig, 1718. 104 S., 1 Karte.

[8] Русский перевод издания 1713 г. (неполный) принадлежит А. Ф. Бычкову: Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м годах / [Пер., предисл. и примеч. А. Ф. Бычкова]. СПб., 1860 (перепечатано: Русская старина. 1882. Т. 36. Октябрь. С. 33–60; ноябрь. С. 293–312). Перевод издания 1718 г. (неполный) выполнен Е. Э. Либталь: Описание... столичного города С.-Петербурга... / Пер. Е. Э. Либталь, предисл. и примеч. С. П. Луппова // Белые ночи. Л., 1975. С. 197–247. Полный перевод издания 1713 г. см.: *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных сочинениях. Л., 1991. С. 47–80.

[9] Немецкий экономист и талантливый писатель называет автором рассказа о Петербурге «много путешествующего господина Геркенса»: *Marperger P. J.* Moscowitischer Kauffmann, das ist: Ausführliche Beschreibung der Commercien, welche in Moscau und andern Seiner Czaarischen Majestät Bothmässigkeit unterworffenen Reichen und Provincien... getrieben werden... Lübeck, 1723. S. 33–37; 120–126, 155–161.

[10] Anhang von der Stadt Petersburg und denen dahin gehärigen Anmerkungen // [*Weber F.-Ch.*]. Das veränderte Rußland, in welchem die ietzige Verfassung des Geist- und Weltlichen Regiments, der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser, wahre

Вышеперечисленными сочинениями не ограничивается богатство немецкой россики, имеющей отношение к Петербургу. Сведения об основании и строительстве города содержатся практически во всех публицистических изданиях о России, относящихся к первой четверти XVIII в., в том числе в первых немецких биографиях Петра I 1710 г. и 1725 г. (J. H. von L., Ю. Г. Рабенер).

В «Предисловии» к сочинению немецкого ученого и публициста Христиана Штиффа «Донесение о современном состоянии Московитской империи», опубликованном анонимно в 1706 г., указывалось, что «никогда еще московитский суверен не производил большей сенсации в мире, чем нынешний великодержавнейший царь Петр Алексеевич, который совершенно по-новому перестроил государственный строй и военный порядок своих земель». Среди «сенсационных» поступков Петра особое место занимает строительство Петербурга. Так описано на страницах сочинения немецкого публициста основание города:

> «Его Царское Величество лично выступил <в поход> со всей армией 24 марта [1703 г. — *Е. Е.*], собственной персоной дошел до Schansterney [Ниеншанц. — *Е. Е.*], с ходу захватил его 14 мая, и на побережье моря заложил новый форт, который назвал Санкт-Петербург, сделал его почти неприступным, поскольку он расположен на острове реки Невы вблизи Балтийского моря. Отсюда его Царское Величество должен был идти на Нарву или Дерпт, но так как уважительные причины этому воспрепятствовали, то он остался здесь. Высланный из Нарвы шведский гарнизон генерала Кронхиота был разбит московитами с большими потерями для шведов, для военной компании будущего года были приняты весьма значительные меры»[11].

Таким образом, постройка Петербурга отсрочила поход и взятие русскими войсками Нарвы и Дерпта. Вероятно, личное участие Петра и его страстное желание создать город на Балтике и было

Zustand der rußischen Finanzen, die geöffneten Berk-Werke, die eingeführte Academien, Künste, Manufacturen, ergangene Verordnungen, Geschàffte mit denen asiatischen Nachbahren und Vassalen, nebst der allerneuesten Nachricht von diesen Völckern, die Begebenheiten des Czarewizen, und was sich sonst merkwürdiges in Russland zugetragen, nebst verschiedenen andern bißher unbekandten Nachrichten in einem biss 1720. gehenden Journal vorgestellet werden, mit einer accuraten Land-Carte und Kupfferstichen versehen. Franckfurth, 1721. S. 445–482.

[11] [*Stieff Christian.*] Relation von dem gegenwärtigen Zustande des Moskowitischen Reichs. Franckfurt, 1706. S. I, 218.

«уважительной причиной», воспрепятствовавшей продолжению военной компании 1703 г.

В первой биографии Петра I «Жизнь и деяния Великого Господина, Царя и Великого князя Московского, Петра Алексеевича, всей Великой, Малой и Белой России самодержца...», опубликованной анонимно в 1710 г. во Франкфурте и Лейпциге, сообщалось, что 14 мая русские войска под командованием Петра захватили выгодное местечко Ниеншанц (Nyen oder Neuenschanz), расположенное в 3 милях от Johannisthal и в 8 милях от Нотебурга на реке, которая... впадает в Балтийское море и отделяет Финляндию от Ингерманландии. Удобное положение этой местности побудило царя заложить на морском побережье новую крепость, названную Санкт-Петербург. Таким образом, решение царя выглядит как внезапное, выработанное в течение нескольких дней. Новая крепость, пишет неизвестный автор, характеризуется как неприступная[12].

В сочинении немецкого публициста Пауля Якоба Марпергера «Московитский купец», второе издание которого было опубликовано в Любеке в 1723 г., Петербург упоминается как новый и довольно быстро развивающийся центр российской прибалтийской торговли. Автор этого сочинения поместил на страницах труда также рассказ о пригородах Петербурга. В том месте, где речь идет об основании и строительстве Петербурга и об обороне о. Котлин (Ретусаари) от шведов, П. Я. Марпергер вставляет в текст пространное заимствование и отмечает: «Дальнейшие подробности об этой вновь заложенной столице см. в ее подлинном описании господина Геркенса»[13]. В некоторых немецких энциклопедических словарях XVIII в. указывается, что Марпергер побывал в Петербурге[14]. Если

---

[12] *J. H. von L.* Des Grossen Herrens, Czaars und Gross Fürstens von Moscau, Petri Alexiewiz, Des gantzen grossen, kleinen und weissen Reusslandes Selbsthalters etc. etc. Leben und Thaten... Franckfurt und Leipzig, 1710. Theil 2. S. 267–268.

[13] *Marperger P. J.* Op. cit. S. 33–37, 155–161.

[14] В «Лексиконе умерших баварских писателей» Клемента Баадера содержаться сведения о том, что после окончания обучения права в Киле П. Я. Марпергер совершил поездку в Москву, Петербург и Стокгольм. Год путешествия не известен. См.: *Baader K. A.* Lexicon verstorbener baierischer Schriftsteller. Augsburg und Leipzig, 1824. Bd. 1. T. 2. S. 1. В Немецкой биографической энциклопедии указано, что Марпергер посетил Женеву, Гамбург, Любек, Москву, Петербург, Стокгольм и Вену: Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1884. Bd. XX. S. 406. Точку зрения о пребывании Марпергера в России разделял отечественный исследователь Н. Г. Маслаковец. Он считал, что во многих вопросах Марпергер говорит как «очевидец». См.: *Маслаковец Н. Г.* Немецкий торговый справочник-путеводитель начала XVIII в. по России. Киев, 1914. С. 7.

принять эту точку зрения, то немецкий публицист мог быть свидетелем первых лет существования Петербурга. Однако подтверждения пребывания Марпергера в Петербурге до настоящего времени не обнаружены в источниках.

В год смерти Петра I была опубликована вторая биография Петра Великого на немецком языке известного немецкого публициста Юстуса Готтлиба Рабенера, в которой сообщалось, что в мае 1703 г.:

> «русские были настолько удачливы, что захватили Nyenoder Neuschanz, который располагался на реке, вытекающей из Ладожского озера в Балтийское море и отделяющей Карелию от Ингерманландии. Эта местность была зачищена, но на расстоянии несколько миль от нее, ближе к Балтийскому морю, царь повелел на острове заложить совсем новую мощную крепость с шестью бастионами, для чего ежедневно 20 000 человек с усердием работали, чтобы к 10 августу она была приведена в достаточное состояние. Эта новая крепость, которая расположена между Финляндией и Ингерманландией, получила название Санкт-Петербург. Свободы, дарованные этому городу, повеление <государя>, согласно которому знатнейшие русские фамилии к их большому неудовольствию должны переехать сюда из Москвы, превосходные заведения, которые царь учредил там, должно привести к тому, что в Петербург, к тому же оснащенным очень удобным портом, в кратчайшее время последует большой наплыв жителей, которым оказывается всевозможное содействие в строительстве их домов и другая помощь»[15].

Статьи о новой резиденции российского императора имеются также в немецких научных словарях и лексиконах первой половины XVIII в.: «Allgemeines historisches Lexicon...» Т. Фрича (Лейпциг, 1722 г.), «Grosse vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschafften und Künste» И. Г. Цедлера (Лейпциг и Галле, 1732–1754). Помещенные в них описания Санкт-Петербурга носят обобщающий характер и составлены из наиболее распространенных в Западной Европе сведений.

Если в первом издании «Allgemeines historisches Lexicon...» (Лейпциг, 1709 г.) сведения о Санкт-Петербурге не приводятся[16], то в

[15] *Rabener J. G.* Leben Petri des Ersten und Grossen, Czaars von Rußland. Leipzig, 1725. S. 89.

[16] Allgemeines historisches Lexicon, in welchem das Leben und die Thaten derer Patriarchen, Prohpeten, Apostel, Väter der ersten Kirchen, Päbste, Cardinäle, Bischöffe, Prälaten, vernehmer Gottes-Gelehrten, nebst denen Ketzern; wie nicht weniger derer Käyser, Könige, Chur- und Fürsten, grosser Herren und Minister; ingleichen derer berühmten Gelehrten, Scribenten und Künstler, ferner ausführliche Nachrichten von

продолжении этого издания, опубликованном в 1714 г., уже содержится краткое сообщение об основании города Петром I[17], а во втором издании «Allgemeines historisches Lexicon...», опубликованном в издательстве Томаса Фрича в Лейпциге (1722 г.), статья о Петербурге занимает две страницы[18].

Автор статьи указывает свои источники. Это описание Петербурга 1718 г., «Преображенная Россия» Ф. Х. Вебера и сочинение Дж. Перри. Петербург — «современная столица великой Российской империи и резиденция царя, при котором она строится и в скором времени превратится в одно из самых значительных и знаменитых мест в Европе». Помещенное здесь описание Петербурга носит обобщающий характер. Оно составлено из наиболее распространенных в Западной Европе сведений о происхождении и застройке этого города. Поэтому представляется уместным привести его русский перевод:

«Начало строительства этого населенного пункта произошло в 1703 году, после того как царь овладел крепостью Нотебург и торговым городом Ниеншанц и одну милю ниже <по течению> встретил несколько островов, расположение которых показалось царю удобным для закладки города. Для прикрытия этого замысла был разбит большой лагерь, таким образом, что инфантерия оказалась расположенной на Финской, а кавалерия — на Ингрийской [Ингерман-

---

den ansehnlichsten Gräflichen, Adelichen und andern Familien, von Conciliis, Münchs- und Ritter-Orden, Heydnischen Göttern etc und endlich die Beschreibung derer Kàyserthümer, Künigreiche, Fürstenthümer, freyer Staaten, Landschafften, Insel, Städte, Schlösser, Klöster, Gebürge, Flüsse und so fort in alphabetischer Ordnung mit bewehrten Zeugnissen fortgestellet werden. In vier Theile abgetheilet, nebst einem Anhange. Leipzig, 1709.

[17] Fortsetzung des allgemeinen historischen Lexici, darinen unterschiedliche Käyser, Könige, Churfürsten, Fürsten, berühmten Helden, Minister und Geistliche, ingleichen etliche hundert Gräfliche, Freyherrliche, Adliche und andere Familien, wie nicht weniger viele Heydnische Götter, Ritter-Orden, Klöster, Städte, Schlösser, Flüsse u. s. s. mit bewährten Zeugnissen fortgestellet werden. Franckfurt, 1714. S. 328.

[18] Allgemeines historisches Lexicon, in welchem das Leben und die Thaten derer Patriarchen, Prohpeten, Apostel, Väter der ersten Kirchen, Päbste, Cardinäle, Bischöffe, Prälaten, vernehmer Gottes-Gelehrten, nebst denen Ketzern; wie nicht weniger derer Käyser, Könige, Chur- und Fürsten, grosser Herren und Minister; ingleichen derer berühmten Gelehrten, Scribenten und Künstler, ferner ausführliche Nachrichten von den ansehnlichsten Gräflichen, Adelichen und andern Familien, von Conciliis, Münchs- und Ritter-Orden, Heydnischen Göttern etc und endlich die Beschreibung derer Käyserthümer, Königreiche, Fürstenthümer, freyer Staaten, Landschafften, Insel, Städte, Schlösser, Klöster, Gebürge, Flüsse und so fort in alphabetischer Ordnung mit bewehrten Zeugnissen fortgestellet werden. Andere und vermehrte Aufl. Leipzig, 1722. Theil III. S. 775–776.

ландской. — *Е. Е.*] стороне. Вскоре после этого было обнаружено несколько шведских кораблей, которые крейсировали в открытом море, неожиданно для них царь отправил на остров Ретурсари или Ретцари (где теперь расположен Кроншлот) и приказал им там закрепиться. Они так сильно оборонялись против шведов, что они вынуждены были удалиться в море, с тех пор царь повелел укрепить остров. Строительство крепости было осуществлено в течение 4 месяцев большим количеством рабочих, среди которых более 100 000 чел. умерло. В это время велись работы <по строительству> города, в который пришло большое количество людей. Крепость расположена посреди города и обтекает со всех сторон рекой Невой. Очертание крепости представляет продолговатый, неправильный шестиугольник, а расположенные напротив друг друга бастионы одинаковы, за исключением двух средних. Крепость сначала была воздвигнута только из земли, но в 1710 г. началось ее переделка в сильные и массивные стены, высота бруствера составила 30 футов. Во флангах имеются крепкие, сводчатые казематы, по два друг над другом, а напротив внутренней и открытой стороны — со сводчатыми арками. В куртине, расположенной по правую руку, расположена главная аптека, которая, может быть, самая лучшая в Европе как вследствие превосходных медикаментов, так и, в особенности, вследствие наличия превосходных сосудов из китайского фарфора. Что касается построек внутри крепости, то среди них наиболее примечательными являются большая церковь вместе с высокой башней, главная канцелярия, в которой прежде собирался Сенат, теперь вместе со всеми бумагами [она — *Е. Е*] перевезена в новое место, где построена новая канцелярия. Вокруг крепости, частью на острове, частью на суше расположен город, который более сравним с местностью, на которой находятся много поселков, чем с городом, и длина его составляет добрую немецкую милю, а ширина несколько меньше: все [постройки. — *Е. Е.*] очень близко расположены друг к другу и мало свободного места для тех, кто еще собирается строиться. Вверх по течению был прежде Schanzter-Nyen или Нева-Шанц, от которого теперь нельзя увидеть и камня. Часть города ниже по течению находится на твердой земле, однако со стороны суши окружена очень глубоким болотом, и создает скорее форму полуострова; берег вверх по течению довольно высок, и эта местность является единственно сухой и возвышенной на всей территории, которой не грозит опасность от воды. В этой части города живет царь вместе со своим двором, здесь же располагается Литейный двор и дома различных сановников...

За рукавом реки расположен Летний дворец Его Царского Величества, при нем разбит сад, который в короткое время, наряду с расположенной там же оранжереей, содержится в превосходном состоянии. По течению реки расположена так называемая немецкая слобода на Адмиралтейском острове, на котором живет большинство немцев. Этот уголок местности называется «Финскими шхерами», поскольку здесь живут большей частью финские и шведские изгнанники. У воды расположен Зимний дом Его Царского Величества и обычная резиденция, построенная из кирпича в два этажа, и расположена так, чтобы можно было обозревать большую часть города и крепость. На том же острове стоит большой адмиралтейский двор, где строятся крупные военные корабли. Затруднительным является то, что ни одна улочка не имеет названия, и потому трудно отыскать кого-либо, если из одного места захочешь пойти в другое: причина того может быть в том, что улицы еще не отрегулированы. Так как из-за большой грязи очень трудно проходить, то в 1716 г. царь повелел, чтобы каждый [житель. — *Е. Е.*] перед дверьми своего дома широко мостил [улицу. — *Е. Е.*]. На Финской и Карельской стороне город очень велик и обширен, правда, на северной стороне за Татарской слободой еще не заселен. В той местности на берегу расположены дома многих сенаторов, которые по большей части [построены. — *Е. Е.*] из дерева. Здесь также расположена канцелярия, прекрасная церковь, лавки купцов, самые лучшие питейные дома, типографии, татарский рынок тряпьем, на котором продаются старые товары и одежда, позади него расположен продовольственный и хозяйственный рынок Медный двор, бойня, аптекарский сад. Самый лучший остров — остров князя Меншикова, названный Василеостровским, подаренный упомянутому князю Его Царским Величеством, но потом [царь. — *Е. Е.*] обнаружил к этой местности такую большую благосклонность, что решил здесь строить регулярный город Петербург, и в 1716 г. здесь начали строить улочки и каналы, размеченные по линейке, началось строительство многих домов...»[19]

В этой же статье приводится краткое описание природных и климатических условий города, содержится описание острова Ретусари, загородных домов и дач Петра и высших сановников русского двора. Описание города заканчивается следующими словами: «в

[19] Обращает на себя внимание почти дословное сходство целых отрывков текста с анонимным описанием Петербурга 1718 г. Ср.: Описание... столичного города С.-Петербурга... С. 202–210, 212–216, 218–222 и др.

1715 г. в России опубликован указ о том, что еще 12 000 семей должны последовать в Петербург, и даже вся торговля должна переместиться сюда из Архангельска».

Автор с воодушевлением пророчил великое будущее Петербургу.

Большое внимание Петербургу уделяется в «Универсальном лексиконе всех наук и искусств...» Генриха Цедлера, изданном в 64 томах в 1732–1754 гг. в Лейпциге и Галле. О новой русской столице говорится в очерках, посвященных Петру I, России[20]. В «Лексиконе» имеется также отдельная статья о Санкт-Петербурге, в которой достаточно хорошо представлен материал по истории строительства новой царской резиденции. Сообщается, что все улицы вымощены, однако из-за сырых окрестностей подвоз продовольствия к городу весьма затруднен[21].

Феномен Петербурга раскрывается также в изданиях известного журналиста Д. Фассмана под общим заголовком «Разговоры в царстве мертвых». В сочинении «Разговоры в царстве мертвых. 83 беседа, между... московитским царем, Петром Великим, и Иваном Васильевичем II...», изданном во Франкфурте и Лейпциге в 1725 г. (последовавшие потом беседы 84–86 — продолжение этого сочинения)[22], автор сообщал, что свои сведения о России почерпнул при королевских дворах либо от лиц, находившихся в посольствах при царском дворе. Между тем его источниками были журналы и газеты, а также наиболее популярные сочинения о России. Главной темой этого издания стало противопоставление России XVI в. и современной России. Первая ассоциировалась с личностью Ивана Грозного, вторая — с образом Петра Великого. В 86-й беседе Петр лично сообщает Ивану IV об основании Петербурга следующими словами: «[В 1703 г. — *Е. Е.*] я самолично начал военные действия 24 марта в местечке Ниеншанц, которое расположено в нескольких милях от Нотебурга на Ладожской озере. После его покорения я приказал эту местность фортифицировать из-за ее удобного положения, заложить при этом новую гавань и дал ей имя Петербург, потому что сам его носил; сейчас же этот город является хорошо

[20] *Zedler Joh. H.* Grosse vollständiges Universal- Lexicon aller Wissenschafften und Künste. Bd. 27. Leipzig und Halle, 1741. Sp. 909; Bd. 32. Leipzig und Halle, 1742. Sp. 1910–1911, 1918.

[21] *Zedler Joh.* H. Grosse vollständiges Universal- Lexicon aller Wissenschafften und Künste. Bd. 27.. Sp. 1039–1043.

[22] Gespräche in dem Reiche derer Todten. Drey und Achzigste Entrevue, zwischen dem vortreflichen Moscowitischen Czaar, Petro Magno undIvan Basilowiz II, ebenfalls einem grossen Czaarn von Moscau... Franckfurt und Leipzig, 1725. Следующие две части были изданы в том же году.

укрепленной крепостью и важнейшим местом в Европе». На это сообщение Иван Грозный отвечал Петру: «Закладка и завершение этого города является ничем более, как монументом, которым Ваше имя по праву обессмертило, так как подобно Вам великое дело в мире не происходило[23]». В этом отрывке содержится оценка Петра I и его деяний западноевропейскими апологетами. Мифологизации в общественном сознании современников подверглось не только его имя, но и его свершения, особенно одно из самых главных — основание Санкт-Петербурга.

В Западной Европе восхищались и удивлялись «резиденцией великого монарха, местом, где процветает торговля, в котором поселились музы и все искусства благовоспитанных народов» (Б. Г. фон Штакельберг, 1750[24]).

Так в сформировавшемся к середине XVIII в. концепте «преображенной России» главным символом стала новая российской столица — Санкт-Петербург.

[23] Gespräche in dem Reiche derer Todten. Sechs und Achzigste Entrevue, zwischen dem vortreflichen Moscowitischen Czaar, Petro Magno und Ivan Basilowiz II, ebenfalls einem grossen Czaarn von Moscau... Franckfurt und Leipzig, 1725. S. 423.

[24] Lobrede auf Peter den Großen, Kayser von Rußland, und Dessen unsterbliche Verdienste um seine Nation, in der Königl. Deutschen Gesellschaft zu Göttingen am 10 ten Junius 1750 öffentlich gehalten von Bernhard Gustav Freyherrn von Stackelberg, vorgemeldeter Gesellschaft Mitgliede. Göttingen, gedruckt bey Abram Vandenholck, Universitäts-Buchdrucker. S. 26.

Елена Федоровна КОРОЛЬКОВА
(Санкт-Петербург)

Заведующая сектором Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа

Преображенная Россия и некоторые аспекты ее культурной жизни глазами ганноверского резидента

Elena F. Korol'kova

Renovated Russia and Some Aspects of Its Cultural Life through Hanover Resident's Eyes

Аннотация: Сибирская коллекция Петра I формировалась в ходе продвижения России на Восток. Раскопки древних курганов производились первопроходцами. Археологическим находкам придавалось большое общественное значение, в результате чего они оказались в фокусе внимания Фридриха Христиана Вебера, иностранного дипломата. Упоминания в записках Вебера истории о поисках источников золотого песка в странах Востока, а также описание находок археологических древностей свидетельствуют о важности этой темы для европейских государств в плане формирования представлений о преобразованиях в России. При крайней скудости информации о происхождении сибирского «могильного золота» записки Вебера являются ценным документальным источником по этой теме.

Abstract: Siberian collection of Peter the Great was amassed in the course of advancement of Russia to the East and excavations of ancient burial-mounds by pioneers. Archaeological finds were of great significance on social point of view, and, as a result, they draw attention of one of the European diplomats, Friedrich

Christian Weber. The data concerning archaeological finds and searching of the gold sources confirm the great significance of this subject for European states. Since the lack of information concerning the provenance of Siberian “burial gold”, the Weber’s memoirs are the significant documental source.

Ключевые слова: Сибирь, коллекция Петра I, древности, находки, дипломатическая миссия.
Keywords: Siberia, collection of Peter the Great, antiquities, finds, diplomatic mission.

Записки ганноверского дипломата Фридриха Христиана Вебера (1690/1695–1739), изданные под названием «Преображенная Россия» (*Das Veränderte Russland*) без указания авторства, представляли трехтомный труд объемом 490 страниц и явились результатом почти шестилетнего пребывания их автора в России в качестве посланца ганноверского курфюрста Георга Людвига (1660–1727), который в августе 1714 г. взошел на британский престол под именем Георга I. Таким образом, Вебер фактически представлял интересы сразу двух европейских государств, хотя Британия имела в России своего собственного посла. Несмотря на то, что, прибыв в Россию в начале 1714 г., официально дипломат имел лишь статус секретаря посольства, его донесения и собранная им информация о России и происходящих в ней событиях и переменах были чрезвычайно всесторонни и подробны. Вебер был хорошо образован, знал несколько языков, кроме немецкого, в том числе французский, английский, итальянский и латинский, а находясь в России, выучил и русский язык[1]. Помимо записок Ф. Х. Вебера, сохранилась и значительная часть его эпистолярного наследия. Причем в письмах обнаруживается дополнительная информация, не включенная автором в записки.

Сочинения Вебера привлекали внимание современников и получили широкую известность уже в XVIII в.. Они были опубликованы в трех томах — в 1721, 1739 и 1740 гг. Первая часть вышла четырьмя изданиями (1721 и 1729 г., в Ганновере, 1738 и 1744 г. во Франкфурте и Лейпциге) и неоднократно переводилась на французский и английский языки.

Записки Вебера в разное время переводились и на русский язык, став весьма существенным историческим источником, содержащим чрезвычайно интересные сведения о многих сторонах жизни России в Петровскую эпоху, что очень важно — основанные по

[1] *Федюкин И. И., Новикова А. Д.* Письма Фридриха Христиана Вебера Джону Робесону из России 1718–1719 // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15 (2). С. 89.

большей части на личных впечатлениях. Первый том сочинения Вебера, без предисловия и приложений, был переведен на русский язык П. П. Барсовым и опубликован в «Русском Архиве» (1872). Еще в 1777 г. перевод записок сделал генерал М. С. Бегичев, но его перевод не был опубликован и сохранился только в рукописи. Частично сочинение Вебера переводилось разными авторами: например, «Приложение о городе Петербурге и относящиеся к этому замечания» были переведены Ю. Н. Беспятых и опубликованы в 1991 г.

Период пребывания Вебера в России включает события с февраля 1714 г. по 1719 г. и совпадает со временем формирования Сибирской коллекции Петра I, история которой запутанна и во многом неясна. Поскольку в записках Вебера упоминаются сюжеты, косвенно связанные с историей появления сибирских древностей в поле зрения Петра I и с пробуждением внимания российского общества к археологическим находкам, подробные описания ганноверского посланника представляют интерес как ценный источник для восстановления истории формирования первого в России археологического собрания и становления науки о древностях как таковой. По крайней мере, упомянутые Вебером обстоятельства могут прояснить некоторые детали этой запутанной истории.

Ссылки на отдельные фрагменты немецкого текста Вебера, представленного в русском переводе (без указания переводчика), имеются, например, в третьем выпуске археологического издания «Русские древности в памятниках искусства», выпущенном И. И. Толстым и Н. П. Кондаковым в 1890 г.[2] Эти выдержки касаются именно археологической тематики и частично проливают свет на некоторые эпизоды, которые могут касаться истории формирования Сибирской коллекции Петра. Ссылаясь на сочинение Вебера и обозначив даты издания: 1721–1739 гг., авторы приводят сведения о некоем голландце Ван Дорте, который арендовал «ломки слюды в Башкирской Татарии» у Ново-Шешминска Казанской губернии и «случайно нашел древние могилы и в них разного рода драгоценные вещи, как например, золотые части конской сбруи и т. п. Это побудило голландца просить царя права раскопки таких могил... Просьба его была исполнена в 1714 г.»[3]. Место разысканий Ван Дорта определено не вполне конкретно: «в земле Башкиров

[2] *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. СПб., 1890. С. 35, 36.

[3] Там же. С. 35.

вдоль Волги». История с Ван Дортом имела продолжение. Оно, по утверждению Толстого и Кондакова, отражено в записках Вебера:

> «В июле 1716 г. в таких же местах проходивший караван открыл случайно подземелье, и в нем много утвари. Калмыки нагрузили вещами верблюдов, прибыли в деревню, где работал в железном руднике Ван Дорт, и предложили ему купить товар. Но могли сторговаться лишь на паре золотых колец и на чаше. Они показали Ван Дорту куски от золотой короны, но требования были столь бесстыдны, что голландец отпустил их своею дорогой и послал извещение об этом событии царю. Ему приказано было выждать караван этот на его обратном пути и купить прочие вещи за любую цену, потому что более не сомневались, что эти антиквитеты были украшениями, с которыми погребались прежние скифские цари... Встретить караван Ван Дорту не удалось. Когда же он попытался сам произвести раскопки близ места находки, то калмыки не позволили»[4].

Интересно, что в других переводах, в том числе и в последнем, осуществленном Д. В. Соловьевым с французского издания 1725 г. и опубликованном в 2011 г.[5], эти фрагменты и вообще упоминание имени Ван Дорта отсутствуют. Если исключить возможность ошибки авторов указанного издания и приписывания Веберу этого сюжета, то записки ганноверского посланника оказываются единственным источником, касающимся этой истории. Сомнения касательно авторства этого рассказа могут быть обоснованными, учитывая, что в другой археологической публикации этого же периода, а именно в «Материалах по археологии России» (МАР) Императорской археологической комиссии, в выпуске «Сибирские древности», В. В. Радлов также приводит выдержки из сочинения Вебера об археологических находках из издания 1721 г., не упоминая о Ван Дорте. Однако в тексте Радлова со ссылкой на Вебера появляются сведения о путевом журнале некоего Лоренца Лангена, датированном 1716 г., в котором говорится о том, что «в древних могилах (близ Томска) были находимы всякого рода антиквитеты, золотые и серебряные, птицы. Рыбы, идолы, оправы седел, мундштуки от конских уздечек, посуда, кольца. Серьги, монеты и пр.»[6].

---

[4] *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Указ. соч. С. 35.

[5] *Вебер Ф. Х.* Преображенная Россия: Новые записки о нынешнем состоянии Московии / Пер. и ком. Д. В. Соловьева. СПб.: Искусство-СПб, 2011.

[6] *Радлов В.* Сибирские древности. МАР № 5. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1891. Приложение VII. С. 23.

Примечательно то, что небезызвестная история поисков так называемого «песошного золота», непосредственно связанная с освоением русскими Сибири и Центральной Азии, косвенно отражающая пути находок и поступления древних предметов «могильного золота» в личную коллекцию Петра I, довольно подробно освещена Вебером. Более того, из текста ганноверского посланника становится очевидным, что археологические находки, присылавшиеся князем М. П. Гагариным, который и стал инициатором этих разысканий, далеко не всегда происходили с территории Сибири и могли быть раскопаны в Прикаспийском регионе, в районе устья реки Амударьи и в окрестностях Самарканда[7]. Записи, посвященные этому сюжету, датированы 14 января 1716 г., т. е. до отправки князем Гагариным из Тобольска в Петербург трех посылок с «могильным золотом», содержащих древние украшения, которые и составили основную часть Сибирской коллекции и были посланы сибирским губернатором в Петербург в декабре 1716 и январе 1717 г.[8]

В 1716 г. Веберу удалось увидеть археологические находки, привезенные, по его словам, из региона близ Самарканда. Этот эпизод нашел отражение в записках ганноверского дипломата. Вебер отмечает, что после раскопок в нескольких местах посланцы Гагарина «нашли бронзовые фигуры, каковые губернатор послал Царю в Петербург, как некие диковины». Далее Вебер рассказывает, что

> «имел возможность видеть их. Это языческие идолы, изображающие минотавров, быков, гусей, согбенных старцев, а некоторые даже молодых женщин. Все сии несомненно древние статуи издают сильный запах мускуса. В руках или когтях у них своего рода подсвечники, служившие при совершении языческих церемоний. Гусиные клювы и пасти минотавров, а также их языки, снабжены некими поворотными шарнирами. Внутри сих статуй устроены трубы, соединенные с пастью или клювом, которые, возможно, использовались жрецами в качестве оракулов для обмана народа. Надписи на них необъяснимы, хотя некоторые находят в них сходство с персидскими и монгольскими письменами. Царь приказал продолжать раскопки в окрестностях Самарканда, дабы обнаружить там и другие редкости или, быть может, даже золотоносные жилы»[9].

[7] *Вебер Ф. Х.* Указ. соч. С. 88.

[8] *Завитухина М. П.* Собрание М. П. Гагарина 1716 года в Сибирской коллекции Петра I // АСГЭ. Вып. 18. Л., 1977. С. 42–51.

[9] *Вебер Ф. Х.* Указ. соч. С. 88, 89.

Подробное описание вещей, несомненно, указывает на то, что именно эти предметы никак не могли пополнить петровскую коллекцию и происхождение их не может быть связано с Сибирью. Н. П. Кондаков и И. И. Толстой выразили недоверие сообщению Вебера и сочли его неверным, полагая, что он ошибся, сославшись на распоряжения князя Гагарина относительно раскопок близ Самарканда[10]. Между тем именно М. П. Гагарин имел непосредственное отношение не только к Сибири, но к территории Средней Азии и к исследованию прикаспийских земель.

Вебер определенно обладал аналитическим умом, наблюдательностью и коммуникативными способностями. Он отдавал должное Петру I как государю-преобразователю и даже высказывал ему свое восхищение, при том, что в целом к русским относился скорее враждебно и характеризовал их не совсем лестно. Петр I вызывал в нем безоговорочное уважение и преклонение:

> «Царь обладает отличными познаниями не только в истории и механике, но он еще искусный плотник и умелый матрос. Хотя во всех его науках и искусствах у него были строптивые и безмозглые ученики, он сумел весьма изрядно обустроить свою армию и довести ее, особенно пехоту, до такого совершенства, что она не уступит никакой другой на свете, хотя ей и недостает хороших офицеров. Одним словом, пока московиты побуждаются страхом наказания, они превосходят или, по крайней мере, не уступают любой другой нации»[11].

Несмотря на кажущуюся дневниковую подробность его описаний, информация, представленная Вебером, не была простой фиксацией происходящего и тщательно им фильтровалась. Причем некоторые обстоятельства он не счел нужным включать в свои записки, несмотря на то, что контекст непосредственно связанных с этими обстоятельствами событий освещен автором в записках.

Так, Т. А. Базарова опубликовала весьма интересные данные об одном неприятном инциденте, связанном с почти месячным гостевым пребыванием в Москве в 1716 г. Ф. Х. Вебера и его брата Филиппа, сопровождавшего его в качестве секретаря, в доме тайного советника графа Андрея А. Матвеева по приглашению последнего. После отбытия иностранцев из гостеприимного дома русского дипломата обнаружилась пропажа хозяйского серебра и других дра-

[10] *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Указ. соч. С. 36.

[11] *Вебер Ф. Х.* Указ. соч. С. 24.

гоценностей. Все указывало на виновность Филиппа Вебера. Матвеев попытался решить дело без вмешательства официальных властей, но Фридрих Вебер категорически отказался признавать вину брата и возмещать ущерб. Дело приняло новый оборот и приобрело затяжной характер, принося Веберу немало неприятностей, а его брат был арестован. Однако Вебер, несмотря на весомость доказательств кражи, апеллировал к нормам права относительно дипломатической неприкосновенности и обращался с жалобой к королю Георгу I, позиция которого в этом деле грозила нарастающим дипломатическим скандалом[12].

В то же время эти приключения были далеко не единственными неприятностями в жизни Вебера в России, и российская действительность преподносила иностранцу немало испытаний, которые он вынужден был стоически переносить, несмотря на отсутствие уверенности в благополучном исходе для собственной жизни и здоровья. Это, кстати, не помешало ему безо всякого стеснения включить их описание в свое сочинение. Эти эпизоды, однако, несомненно, подчеркивали близость Вебера ко двору и к самому государю, что, вероятно, и хотелось подчеркнуть автору записок. Таким образом, сочинение Вебера не было просто подробными дневниковыми записями, а представляло собой сознательно отобранную информацию. Тем интереснее выглядят факты, описанные ганноверцем и, очевидно, казавшиеся ему достойными упоминания и важными. Так, Вебер неоднократно упоминает события, связанные со всевозможными забавами и празднествами, отмеченными безудержным пьянством, избегнуть участия в котором не представлялось никакой возможности. Эпизод первого знакомства с бытом и привычками русских, не отличавшихся учтивостью и деликатностью обращения с иностранцами, описан Вебером в подробностях. При посещении дома адмирала Апраксина по царскому приглашению он просто был грубо вытолкан дежурным офицером. При этом дипломат даже не без гордости отмечает благополучный исход неприятного события, когда вмешательство влиятельных знакомых все же позволило ему попасть на праздник со второй попытки, преодолев препятствие у входа в залу[13].

На этом злоключения ганноверца не закончились: ему пришлось претерпеть испытание на выносливость в употреблении спиртного.

---

[12] *Базарова Т. А.* Приключение ганноверцев в России: малоизвестный эпизод пребывания резидента Ф. Х. Вебера при дворе Петра I // Петровское время в лицах — 2017: Материалы научной конференции. СПб., 2017. С. 49–58.

[13] *Вебер Ф. Х.* Указ. соч. С. 10–11.

После дюжины стаканов венгерского Ромодановский преподнес ему «целую кварту водки», после чего Вебер лишился чувств. Правда, остальные сотрапезники к этому времени были настолько пьяны, что, к удовлетворению Вебера, уже не могли видеть ни его состояния, ни малой способности к питию водки[14]. Способность эта впоследствии не раз проверялась самыми неделикатными способами. Например, в записках подробно описываются весьма рискованные увеселения с многодневным распитием неимоверного количества спиртного, всяческими безумствами и морским путешествием в Кронштлот 9 июня 1715 г., едва не стоившим жизни его участникам, чудом спасшимся в кораблекрушении во время бури. Завершение сего приключения было отмечено Петром I лишь как констатация спасения его гостей: «Господа, наша забава зашла, кажется, дальше, чем хотелось бы»[15].

Вебер в подробностях, ярко описывал свои впечатления от пиршеств, гастрономических пристрастий и застольных обычаев русских; их свадебные, крестильные и пасхальные праздники; маскарады, театр; спуск на воду построенных кораблей; похоронные обряды; приезд иностранных послов и специалистов по развитию промышленности и разработке полезных ископаемых, а также систему налогов и устройство армии, победные торжества, геополитические интересы России, дело царевича Алексея, — словом, все сферы жизни оказались освещены ганноверским посланником, несомненно, проявлявшим самый активный интерес к самым разным формам общественной жизни московитов. Особой доброжелательности к русским Вебер не испытывал и в целом характеризовал их весьма критически[16].

Но достижениям Петровской эпохи он отдавал должное. Описывая свое первое впечатление от прибытия в Петербург и сравнивая его с обликом новой столицы через несколько лет, когда город видится ему «истинным чудом света, как по великолепию его строений»[17], так и по стремительности изменений, произошедших за столь короткий срок, Вебер допускает явные ошибки при подсчете количества построенных зданий. Д. В. Соловьев отметил несоответствие реальных подсчетов и приведенных Вебером, объяснив это тем, что часть сочинения создавалась значительно позже описан-

[14] Там же. С. 12.
[15] Там же. С. 72–73.
[16] Там же. С. 22–23.
[17] Там же. С. 10.

ных в них событий, уже после отъезда Вебера из России, вероятно, на основании чьих-то рассказов[18].

Нет сомнения, что деятельность Вебера в России носила не столько дипломатический характер, сколько, как мы бы теперь выразились, шпионский. Он преуспевал в заведении знакомств и создал сеть информаторов. Вебер глубоко внедрился в местное общество и видел его с самого близкого расстояния. Этому способствовали и обстоятельства его личной жизни. Во время своей недолгой службы в России Вебер дважды испрашивал у короля Георга I разрешения на брак. Первый раз речь шла о дочери генерала Адама Вейде, приближенного Петра. Однако свадьба не состоялась, и Вебер вторично попросил разрешения короля жениться на дочери купца и банкира по имени Дюрстервальден, и на этот раз дело завершилось браком. Эти подробности приведены в публикации писем Вебера одному из влиятельных деятелей правительства Георга I Джону Робесону[19].

Донесения и письма Вебера составляют отдельный источник, далеко не полностью изученный и введенный в науку. Часть его переписки недавно опубликована И. И. Федюкиным и А. Д. Новиковой (2022).

Охватывающие период с февраля 1714 г. (с момента его прибытия в Московию) по сентябрь 1719 г. записки являются замечательным и еще далеко не полностью осмысленным историческим источником. Они представляют собой литературный труд, оформленный позднее описанных событий. Однако нет никаких сомнений в том, что Вебер вел дневники, где фиксировал все, что казалось ему важным, и отражал это в своих записках. Без такой основы невозможно было бы восстановить по прошествии нескольких лет только по воспоминаниям многие мелкие, но яркие детали происходившего, которые создают колорит эпохи и характеризуют время, события, людей, политические, экономические, социальные, культурные и религиозные особенности жизни России в Петровскую эпоху.

Следует отметить пристальный интерес Вебера к новому перспективному региону России — Сибири и ее всесильному властителю, сибирскому губернатору князю Гагарину. Вебер оказывается в курсе всех событий и планов, связанных с этим регионом. История с поисками источника «песошного» золота, непосредственно свя-

[18] Там же. С. 230, прим. 5.

[19] *Федюкин И. И., Новикова А. Д.* Указ. соч. С. 93.

занная с инициативами М. П. Гагарина, экспедиции в Среднюю Азию (Бухарию) и в так называемую Малую Бухарию оказываются в поле зрения ганноверского посланника. Связанные с этими экспедициями попутные находки драгоценных или весьма любопытных древностей были добыты в результате грабительских раскопок курганов теми же самыми первопроходцами и участниками военно-изыскательских экспедиций как в Средней Азии, так и Сибири. В конечном счете некоторые из таких находок послужили основой знаменитой Сибирской коллекции Петра I, положившей начало не только первым музейным коллекциям, но и созданию археологии как науки в России. Археологические предметы привлекали внимание Вебера, который специально ходил на них посмотреть, о чем свидетельствует запись за январь 1716 г.[20]

Оценки Вебером всего увиденного им в России отличаются поразительной точностью и глубиной и характеризуют его как человека весьма образованного, вдумчивого и в целом объективного. В то же время нельзя не заметить, что Вебер постоянно пытается усилить впечатление того, что он непосредственно приближен к русскому царю. Между тем, несмотря на заинтересованность ганноверца в вопросах, связанных с продвижением России на Восток, его изучением и сопутствующими этому археологическими находками, основные поступления «могильного золота» из Сибири, организованные М. П. Гагариным в 1716 и 1717 г. посредством специальных посылок Петру I, остались ему неизвестными. Это обстоятельство свидетельствует о преувеличении Вебером степени собственной осведомленности и близости к Петру I, а также о сохранении известной доли секретности в этих вопросах в ближнем кругу царя.

Несомненно, весьма разнообразные по тематике события, описанные Вебером, его наблюдения и характеристики демонстрируют не случайные впечатления иностранца, превращенные в некие сюжеты, а вполне осознанно созданную картину с обобщениями и оценкой того, чему он был свидетелем. Примечательно, что от внимания Вебера не ускользнули многие моменты, чрезвычайно характерные именно для эпохи петровских преобразований. Эти, казалось бы, мелкие перемены и события в разных сферах общественной жизни и культуры не остались незамеченными вдумчивым иностранцем и получили весьма объективную оценку. Совокупно они в известной степени и составляли ту впечатляющую

[20] *Вебер Ф. Х.* Указ. соч. С.88.

картину грандиозных перемен, в итоге создавших новую Россию, увиденную глазами среднего европейца.

Именно поэтому в его записках встречаются не только описания каких-то важных событий, но и эпизоды, незначительные на первый взгляд, но весьма интересные с точки зрения становления новой российской культуры.

Михаил Витальевич ШКАРОВСКИЙ
(Санкт-Петербург)
Главный архивист
Центрального государственного архива Санкт-Петербурга

Деятельность Петра I по созданию Александро-Невского монастыря в Санкт-Петербурге

Mikhail V. Shkarovsky

Peter I's Work on the Creation of the Alexander Nevsky Monastery in St. Petersburg

Аннотация: Петр Великий был основателем одной из главных обителей России — устроенного в Санкт-Петербурге Александро-Невского монастыря. Он хотел претворить в жизнь свою идею «утилитарного» использования монашества для служения миру. Александро-Невская обитель быстро стала центром духовного просвещения. Петр I неоднократно проявлял свою личную симпатию к монастырю и подчеркивал близость к нему. 30 августа 1724 г. в монастырь были перенесены мощи святого благоверного князя Александра Невского. Таким образом, стараниями Петра Великого был создан сакральный центр новой столицы.

Abstract: Peter the Great was the founder of one of the main monasteries of Russia — the Alexander Nevsky Monastery, which was established in St. Petersburg. Peter I himself visited this place many times and wanted to put into practice his idea of the "utilitarian" use of monasticism to serve the world. The Alexander Nevsky Monastery quickly became a center of spiritual enlightenment. Peter I repeatedly showed his personal sympathy and closeness to the monastery. On August 30, 1724, the relics of the holy Prince Alexander Nevsky were

transferred to the monastery. Thus, through the efforts of Peter the Great, the sacred center of the new capital was created.

Ключевые слова: Петр Великий, Санкт-Петербург, религиозная деятельность, Александро-Невский монастырь, князь Александр Невский.
Keywords: Peter the Great, Saint Petersburg, religious activity, Alexander Nevsky Monastery, Prince Alexander Nevsky.

Петр Великий был основателем одной из главных обителей России — устроенного в Санкт-Петербурге Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря (с конца XVIII в. — лавры), который играл важную роль в религиозной жизни государя. По мнению некоторых историков (в частности И. Пушкарева), царь уже вскоре после основания новой столицы, в 1704 г., высказал идею о строительстве в ней будущего монастыря и подбирал место для его возведения.

В июле 1710 г. царь окончательно лично выбрал место для устройства обители. В частности, он «осматривал места, где быть каким строениям и над Невою Рекою, при Санкт-Петербурге, на устье речки Черной усмотрел изрядное место, которое называлось Виктори, где указал строить монастырь во имя Святой Троицы и Святого Александра Невского». Вместе с Петром I осмотр производили его ближайшие сподвижники: князь А. Д. Меншиков, адмирал Ф. М. Апраксин, канцлер Г. И. Головкин, граф И. А. Мусин-Пушкин и др.; все они решили, что «непременно на том месте быть монастырю». В тот же день при непосредственном участии царя было выбрано наименование обители и определено быть по правую сторону Черной речки каменному монастырскому строению, а по левую — деревянному партикулярному[1].

Необычное для петровского царствования благочестивое деяние государя и посвящение новой обители святому Александру Невскому имело, несомненно, промыслительный характер. Святой князь воспринимался не только как защитник северных рубежей Отечества, одержавший неподалеку от новооснованного города одну из самых знаменитых своих побед, но и как подвижник благочестия, покровитель новой столицы и российской государственности.

Поле Невской битвы 1240 г. при впадении реки Ижоры в Неву не устроило Петра I в качестве места для строительства монастыря из-за своей отдаленности. Обитель задумывалась как городская,

[1] *Рункевич С. Г.* Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра. 1713–1913: Историческое исследование: В 2 кн. Кн. 1. СПб., 2001. С. 18–20.

сама новая столица должна была стать духовным центром страны, не уступающим Москве. Видимо, поэтому был найден участок на южных подступах к городу — на Шлиссельбургском тракте, проходящем через Усть-Ижору. По характеру местности он напоминал историческое поле — возможно, отсюда пошло и его наименование «Виктория» (победа). А почитание защитника Невских земель стало символом небесного предстательства в борьбе против иноземных захватчиков — шведов, что имело особое значение в условиях продолжающейся Северной войны.

Настоятелем монастыря Петр Великий назначил архимандрита Феодосия (Яновского), с 1708 г. выполнявшего обязанности администратора духовных дел Санкт-Петербурга и его округи. 20 февраля 1712 г. Петр I указал архимандриту Феодосию, «дабы начинал на осмотренном месте строить монастырь». Тогда же царь выделил и средства на постройку: к новосоздаваемой обители были приписаны богатый Иверский монастырь со всеми вотчинами, а также половина монастырских вотчин Олонецкого уезда. Царская воля была объявлена в письме А. Д. Меншикова Новгородскому митрополиту Иову от 21 февраля: «Его Царское Величество, наш всемилостивейший Государь, указал, по именному своему Великого Государя указу, на реке Неве, на устье речки Черной, построить монастырь во имя святого Александра Невского, и к тому монастырю приписать Иверский монастырь...»[2].

Вскоре в будущей Александро-Невской обители начались строительные работы. 14 июня 1712 г. была заложена первая деревянная церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. 25 марта 1713 г. состоялось ее торжественное освящение и богослужение в присутствии Петра I. После этого царь «в новом монастыре изволил пировать». Именно 25 марта, когда в стенах обители была впервые совершена литургия, принято считать датой возникновения Александро-Невской лавры[3].

Петр Великий повелел генерал-губернатору Санкт-Петербурга князю А. Д. Меншикову лично «Александро-Невский монастырь ведать, яко эконому, и настоятелям того монастыря ничего без ведома его не чинить». В 1715–1716 гг. по поручению царя знаменитый архитектор Доминико Трезини составил первый проект монас-

[2] Там же. С. 24–25, 41.

[3] Очерки истории Санкт-Петербургской епархии / Ред.-сост. митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). СПб., 1994. С. 14–15, 77; *Белякова Е. В.* Александро-Невская Лавра в честь Святой Троицы // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 613.

тыря («Генеральное каменное строение»). Со следующего года под руководством Меншикова началось строительство собора и каменной церкви Благовещения и св. кн. Александра Невского. Помощниками Трезини были: с 1718 г. — Х. Конрат, с 1720 г. — Т. Швертфегер (Швердфегер). В 1717 г. уже существовали пекарни, кузницы, строились канцелярия, съезжий двор и освященная в 1718 г. каменная церковь Воскрешения Праведного Лазаря, построенная над местом погребения любимой сестры царя — Натальи Алексеевны.

Александро-Невский монастырь был основан Петром I как образцовый. Здесь он много раз бывал сам, желая претворить в жизнь свою идею «утилитарного» использования монашества для служения миру: не понимая смысла молитвы как главного послушания, Петр видел в монастыре прежде всего благотворительное, исправительное, лечебное и учебное заведение. Предполагалось устроить тут госпиталь, приют для увечных и инвалидов Северной войны, душевнобольных, воспитательный дом, лечебно-исправительное заведение для пьяниц. При учреждении монастыря часть вотчин царь приписал ему специально на содержание госпиталя. Эти задачи были осуществлены лишь частично.

Несмотря на сложности периода становления, Александро-Невская обитель быстро становилась центром духовного просвещения Северного края и всей России. Предполагалось, что именно отсюда станут выходить все церковные иерархи новой формации — образованные и мыслящие в государственном ключе. Царь указом подтвердил такое положение вещей. В 1713 г. архимандрит Феодосий писал Петру I: «Понеже благоволением Вашего Величества, дабы, кроме здешнего монастыря, монахов в архиереи и в знатные архимандриты не производить, того ради принужден я о прибавлении доброжительных монахов из других монастырей часто просить». При этом только 24 ноября 1715 г. в Сенате был объявлен соответствующий высочайший указ[4].

Согласно изданному 31 декабря 1724 г. другому указу Петра Великого — «Объявление о монашестве», ученые монахи обители, не младше 30 лет и прошедшие курс семинарии, должны были заниматься чтением и переводом богословских трудов, составлением собственных сочинений, произнесением проповедей. Им следовало подчиняться особому «монаху-директору», второму лицу после архимандрита, и полагалось большее, чем остальной братии,

[4] *Рункевич С. Г.* Указ. соч. Кн. 1. С. 55–56.

обеспечение. По окончании курса наук они предназначались к настоятельству в крупных монастырях[5].

Хотя в таком виде проект не был полностью осуществлен из-за малого числа образованных людей в монастыре (ученое братство официально появилось только в 1797 г.), Александро-Невский монастырь стал «школой» высшего духовенства: кандидаты на высокие церковные должности вызывались сюда и для повышения уровня образования, и для испытания их взглядов (часть братии присылалась из провинциальных монастырей на срок до десяти лет), а многие из насельников впоследствии занимали архиерейские кафедры в разных городах России. Царь лично принимал указы о переводе в Александро-Невский монастырь монахов из киевских и московских обителей, а также назначал наместников обители.

По высочайшему указу Петра 1719 г. при монастыре была создана первая в столице типография. Книгоиздание началось с выхода в свет 15 марта 1720 г. «Поучения в день Святого Александра Невского» архиепископа Феофана (Прокоповича). Здесь печатались буквари с катехитическими приложениями, книги против раскольников, проповеди, наставления, «Духовный регламент», монастырский устав, позднее — переводы и «ученые труды», богослужебные и исторические книги, служба святому князю Александру Невскому и, наконец, исправленный текст Славянской Библии (1736–1741). Изначально при обители существовали также книжный склад и библиотека.

11 июля 1721 г. распоряжением возведенного в сан архиепископа Новгородского Феодосия (Яновского), во исполнение императорских указов, велено было «учредить во общую пользу при Александро-Невском монастыре, для учения юных детей чтения и писания, Славенскую школу, в которой, как того монастыря служительских детей, так и сирот, не имеющих родителей и своего пропитания, и посторонних, кто кого отдать похочет, принимая от пяти до тринадцати лет, — учить Славенского чтения и писания по новопечатным Букварям, а потом и грамматики...»[6]. Именно эта школа стала родоначальницей нескольких учебных заведений Санкт-Петербурга, в том числе Духовной академии.

---

[5] Петрово детище // Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра. Православные монастыри. 2009. № 36. С. 4.

[6] Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. С. 79; *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 7.

Первоначально в Славенской школе преподавал один «грамматист» — поддьяк Иродион Тихонов. Содержание школы было определено из обыкновенных доходов Александро-Невского монастыря. При Петре Великом в школу принимали учеников из разных сословий: детей духовенства, служителей монастырских вотчин, дьяков, подьячих, посадских людей, мастеровых, солдат и даже крестьян, при этом дети священнослужителей составляли среди них меньшинство[7].

Постепенно в школе собралось значительное число учащихся, так что одному человеку было трудно преподавать все предметы. Поэтому в августе 1723 г., по распоряжению архиепископа Феодосия, из Новгородской славяно-греческой школы был вызван Андрей Тишин, который преподавал грамматику и греческий язык[8]. Главным учебным пособием был «Букварь, или Начальное учение отроком» архиепископа Феофана (Прокоповича).

В Славенской школе первоначально изучали азбуку, письмо, арифметику, грамматику, слушали толкование Десятословия, молитвы Господней и евангельских блаженств. В свободное время воспитанники занимались музыкой и живописью, для чего приглашались мастера из города. За основу системы преподавания в школе была взята схоластика. Основным пособием для учащихся в первое время был букварь архиепископа Феофана (Прокоповича), напечатанный согласно постановлению Святейшего Синода в 1720 г. под заглавием: «Первое учение отроком, в нем же буквы и слоги, также: краткое толкование законного десятословия, молитвы Господней, символа веры и девяти блаженств»[9].

Осенью 1721 г. при образовании Александро-Невской Славенской школы в нее поступило 26 человек, из них 17 — на своем и 9 — на монастырском содержании. В 1722 г. общее число воспитанников возросло до 53, в 1723 г. — до 62, из них на монастырском содержании находилось 45 человек; в 1725 г. число учащихся достигло 82. Однако детей священнослужителей среди них по-прежнему было немного; большую часть составляли дети канцелярских чиновников и монастырских служителей[10].

---

[7] Рункевич С. Г. Указ. соч. Кн. 1. С. 265, 267.

[8] Там же. С. 268–269, 272.

[9] *Прилежаев Е.* Из истории русской духовной школы в первые годы Синодального управления // Христианское чтение. Ч. 1. 1879. Январь — февраль. С. 184.

[10] *Чистович И. А.* Указ. соч. С. 11.

Несмотря на скудость средств, которыми располагала Славенская школа, уровень знаний ее воспитанников постепенно повышался. В результате и Александро-Невский монастырь также постепенно становился научным центром столицы. Свидетельством этого, например, является случай, когда прибывший в Санкт-Петербург с польским послом иезуит преподнес Петру I панегирик на латинском и польском языках. Государь отдал его для перевода в Александро-Невский монастырь, где этот перевод и был сделан. В 1726 г., уже после кончины императора Петра Великого, на основе Славенской школы была создана Александро-Невская славяно-греко-латинская семинария.

Петр I неоднократно проявлял свою личную симпатию и демонстрировал близость к Александро-Невскому монастырю. Император нередко говел в этом монастыре во время Великого поста, и в обители до 1922 г. сохранялась кровать, на которой он спал (сейчас она находится в Летнем дворце-музее Петра I); царь лично выточил посох для настоятеля и т. д. Среди достопримечательностей ризницы обители в описи 1724 г. была отмечена «трость Его Величества Великого Петра... рукоять слоновой кости точена собственными Его Величества руками, наконечник серебряный, пожалована Феодосию, архимандриту Александро-Невского монастыря». Этот посох и в дальнейшем, согласно завещанию архиепископа Феодосия, использовался в качестве настоятельского жезла. Петр I подарил Александро-Невскому монастырю два напрестольных Евангелия в позолоченных серебряных окладах, три драгоценных напрестольных креста и т. д.[11]

С самого начала своего существования (первая литургия совершилась 25 марта 1713 г.) Александро-Невский монастырь должен был занять положение одного из трех наиболее привилегированных монастырей России, наряду с Киево-Печерским и Троице-Сергиевым. В 1725 г. в обители было уже 23 иеромонаха, еще 8 находилось при Балтийском флоте (согласно идее Петра I, именно иеромонахи Александро-Невского монастыря с 1721 г. должны были служить судовыми священниками, и эта традиция существовала и в XIX в.). Монастырь имел три подворья в столице, несколько владений в Москве и Новгороде.

К Александро-Невскому монастырю, согласно указам Петра I, были приписаны громадные владения от других обителей: 3067 дворов, 13811 душ и старорусские соляные варницы от Иверского

[11] *Рункевич С. Г.* Указ. соч. Кн. 1. С. 244–248.

монастыря, 590 дворов и 2047 душ от Вяжицкого, Хутынского и Антониева монастырей в Олонецкой губернии; в 1713 г. — около 100 дворов и 500 душ Никольского монастыря в Ладоге, Макарьевской пустыни в Тигодском погосте, подмосковного Воскресенского Новоиерусалимского монастыря; в 1714 г. — от Троице-Сергиевой лавры 3551 двор с 18 512 душами и другие владения в Финляндии, Новгородском, Псковском и Новоторжском уездах.

Богослужение в Александро-Невском монастыре изначально отличалось красотой и торжественностью. Хор архиепископских (позднее митрополичьих) певчих в обители ничем не уступал придворным певчим. Согласно указу Петра Великого от 16 января 1725 г. здесь было введено «стройное нотное пение». Император велел списать у певчих государя копии «со всех знаменного напеву переводов, для знания в Невском монастыре клирошанам».

Настоятель монастыря архимандрит Феодосий (Яновский) был лично близок Петру Великому. 9 ноября 1715 г. архимандрит издал указ о возглашении за богослужениями имени новорожденного царевича Петра Петровича. Характерно, что имя последнего в указе было поставлено ранее имени царевича Алексея Петровича, хотя об установлении такого порядка возношения имен царевичей дело возникло только в 1718 г. Отец Феодосий, как правило, сопровождал царя во время его выездов в пригороды, например в Шлиссельбург. Близость к Петру I архимандрита сказывалось и в тоне его писем, составленных с примесью юмора, остроумия и шуток, любимых в ближайшем окружении царя.

В январе 1721 г. отец Феодосий был рукоположен в сан архиепископа Новгородского с оставлением его настоятелем и архимандритом Александро-Невского монастыря. Следует упомянуть, что вскоре после смерти Петра I, в 1725 г., архиепископ Феодосий, известный своими радикальными, близкими к протестантизму, взглядами (которые император, вероятно, частично разделял), был арестован и 3 февраля следующего года умер в заточении.

Через два года после окончания Северной войны, 29 мая 1723 г., Петр I посетил монастырь и, находясь в его стенах, распорядился перенести туда мощи св. кн. Александра Невского. 30 июня 1723 г. Святейший синод постановил совершить перенесение мощей святого благоверного князя из Владимира в Санкт-Петербург. За всю историю православия Русская церковь только однажды видела подобное: при Патриархе Никоне из Соловецкого монастыря в Москву доставили останки митрополита Филиппа. Ковчег с мощами св. кн. Александра Невского вынесли с великими почестями из

Владимира 11 августа 1723 г. Весь путь святыню, которую поочередно несли на руках 150 человек, сопровождал настоятель Богородице-Рождественского монастыря архимандрит Сергий.

17 августа мощи были доставлены в Москву, 9 сентября на судне из Боровичей вывезены на озеро Ильмень к Новгороду, встречены епископом Иоакимом в Юрьевском, а затем в Антониевом монастырях и по Волхову отправлены до Ладоги. На всем пути следования толпы народа стремились поклониться святыне, служились молебны. Император решил приурочить церковное торжество к светскому — дню заключения Ништадтского мирного договора между Россией и побежденной ею Швецией (30 августа 1721 г.). Поэтому он повелел почти на год поставить ковчег с мощами в Благовещенском соборе Шлиссельбургской крепости[12].

30 августа 1724 г., в третью годовщину Ништадского мира, состоялся последний этап перенесения мощей в Санкт-Петербург. В Усть-Ижоре процессию на корабле встретил император. Затем к нему присоединились галеры свиты во главе с «ботиком Петра Великого». Сам Петр I встал у руля галеры, на которой был установлен ковчег с мощами. С берега Невы под пушечный салют и колокольный звон государь, сановники и духовенство крестным ходом перенесли священную ношу в монастырь. Члены Святейшего синода во главе с Новгородским архиепископом Феодосием встретили крестный ход у ворот обители. Петр I сам внес мощи святого князя в верхний храм Благовещенской церкви, освященный в тот же день в присутствии императора во имя св. Александра Невского. Здесь мощи князя покоились до 1790 г. (открывать его гробницу запрещалось). Так Петр I подвел итог многовековой борьбы за выход в Балтийское море. Заключительным аккордом прозвучало повеление государя: отныне считать 30 августа днем памяти святого благоверного князя Александра Невского «вместо прежде бывшей этому святому ноября 23-го числа службе»[13].

Находясь в монастыре 30 августа, Петр I указал «к сочиненным святому благоверному великому князю Александра Невского стихирам и синаксарию сочинить седальны и канон, и по сочинении всю ту службу по обыкновению напечатать и разослать во все Государство». В тот же день государь указал перевезти в Александро-

[12] *Шкаровский М. В.* Судьба мощей и раки святого благоверного князя Александра Невского // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. Вып. 23. С. 28–30.

[13] *Шкаровский М. В.* Перенесение мощей Александра Невского // Вестник Александро-Невской Лавры. 2007. № 7–8. С. 9.

Невский монастырь из Иверской обители большой колокол весом 800 пудов[14].

Восприятию святого прежде всего как воина-покровителя российских царей содействовало инициированное Петром I распоряжение Святейшего синода от 15 июня 1724 г. «благоверного великого князя Александра Невского в монашеской персоне никому отнюдь не писать, а писать тот святой образ в одеждах великокняжеских». Таким образом, в титул святого также было добавлено слово «великий»[15]. В 1725 г. архимандрит Гавриил (Бужинский) составил службу на день перенесения мощей, празднование дня памяти св. кн. Александра Невского в ней совмещалось с благодарением Богу в день заключения мира со Швецией (соответствующая книга была издана 8 июля 1725 г. в монастырской типографии)[16]. Так стараниями императора Петра Великого был создан сакральный центр новой столицы.

[14] *Рункевич С. Г.* Указ. соч. Кн. 1. С. 295.

[15] *Шкаровский М. В.* Перенесение мощей Александра Невского. С. 9; *Шкаровский М. В.* Судьба мощей и раки святого благоверного князя Александра Невского. С. 29–30.

[16] *Назаренко А. В.* Александр Ярославич Невский // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 543.

Татьяна Евгеньевна АВТУХОВИЧ
(Гродно, Беларусь)

Профессор кафедры русской филологии
Гродненского государственного университета имени Я. Купалы

Повседневность петровской эпохи и ее культурный канон в ораторской прозе Феофана Прокоповича

Tatiana Ye. Avtukhovich

The Everyday Life of the Petrine Era and its Cultural Canon in the Oratorical Prose of Feofan Prokopovich

Аннотация: Проблема соотношения повседневности петровской эпохи и ее культурного канона / идеала рассматривается в статье через понятие трансгрессии и границы. Ставится вопрос о способах и целях нейтрализации границы между старым и новым в проповедях Феофана Прокоповича и инверсии традиционных ценностных координат в соответствии с формирующимся культурным каноном.

Abstract: The problem of the correlation of the everyday life of the Petrine era and its cultural canon / ideal is considered in the article through the concepts of transgression and boundary. The question is raised about the ways and purposes of neutralizing the boundary between old and new in the sermons of Feofan Prokopovich and the inversion of traditional value coordinates in accordance with the emerging cultural canon.

Ключевые слова: Феофан Прокопович, ораторская проза, культурный канон, повседневность, граница.

Keywords: Feofan Prokopovich, oratorical prose, cultural canon, everyday life, boundary.

Под повседневностью в художественном тексте понимается изображение устойчивых жизненных практик, отражающих образ жизни и ментальные установки людей. В свою очередь, культурный канон выступает как идеал эпохи, как представление о ее этических нормах. Повседневность и культурный канон образуют бинарную оппозицию, типологически сходную с оппозициями «реальность и утопия», «быт и бытие», «настоящее и будущее». Круг проблем, рассматриваемых в данной статье, сводится к ряду вопросов: может ли ораторская проза Феофана Прокоповича, сподвижника Петра I в осуществлении его грандиозной программы переустройства России, рассматриваться как составляющая повседневной культуры своего времени; каким образом выстраивается в его «словах» новый сюжет жизнеосуществления, отличный от традиционного; какие психологические и риторические приемы убеждения использует проповедник для реализации своей цели, которая сводилась к тому, чтобы не только сформировать в сознании слушателей представление о новом культурном каноне (или, используя формулу А. М.Панченко, сделать событийное обиходным[1]), но и нейтрализовать состояние когнитивного диссонанса — психологического и ценностного дискомфорта, неизбежного в ситуации радикальных общественно-политических изменений.

Отметим, что в осмыслении деятельности и ораторского наследия Феофана Прокоповича на протяжении трех столетий преобладал и до сих пор доминирует идеологический вектор, который подключает петровскую эпоху, личность и творчество Феофана к спорам о судьбе России, ее геополитическом выборе[2]. Идеологическая интенция объясняется, во-первых, традицией самоосмысления петровской эпохи, которая подчеркивала противостояние нового и старого («Новизна — полемический пароль петровской эпохи, сигнал конфронтации с консервативными противниками Петра и национальной традицией в пользу безоговорочной ориентации на Западную Европу»[3]); во-вторых, положением России между Востоком и Западом, что предопределяет оценку исторического прошло-

[1] *Панченко А. М.* О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. С. 13.

[2] См. об этом: *Автухович Т.* Личность и творчество Феофана Прокоповича: парадигмы восприятия и интерпретации // Słowiane wschodni a europejskie tradycje kulturowe / Pod redakcjąHeleny Duc-Fajfer i Józefa Kuffla. Kraków, 2019. S. 165–177.

[3] См.: *Клейн И.* Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 253.

го, в том числе петровских реформ, через призму актуальной политической повестки.

Закономерным и потому распространенным является представление о культуре петровской эпохи, формировавшейся под знаком европеизации и секуляризации, освоения европейского персонализма в противовес традиционному русскому коллективизму, как о девиантной культуре, отклоняющейся от своего прошлого, противопоставляющей себя традиции, — культуре, в которой, по словам А. М. Панченко, установка на толерантность, когда происходил переход от веры в Бога к культуре, от божественного к земному, от духовных практик к принципу практической целесообразности, от Слова к Вещи; когда «пошатнулась старая мораль, основанная на Десятословии и Нагорной проповеди»[4], усугубляя «состояние духовного надрыва» в стране, более того, вызывая у современников непонимание и растерянность, а часто отторжение и сопротивление, наиболее ярким актом которого стал заговор царевича Алексея[5].

В этом контексте пафос «слов и речей» апологета петровских реформ Феофана Прокоповича, во-первых, был не только выполнением социального заказа, суть которого сводилась к заполнению «культурного вакуума», образовавшегося в результате резкого изменения всех сфер жизни в стране[6], но и выражением взглядов самого проповедника, человека европейской образованности[7] и западной ориентации, чуждого ограниченности и культурной замкнутости; во-вторых, обусловливал/объяснял неорганичное, как может показаться, объединение разнородных по своему происхождению при-

---

[4] *Гумилев Л., Панченко А.* Чтобы свеча не погасла: Диалог. Л.: Сов. писатель, 1990. С. 118.

[5] См.: *Гордин Я. А.* Царь и Бог: Петр Великий и его утопия. СПб.: Вита Нова, 2023.

[6] Там же. С. 296–297.

[7] Взгляды Феофана, изложенные в курсах лекций, прочитанных в бытность преподавателем Киево-Могилянской академии, обнаруживают фундаментальное знакомство с достижениями европейской гуманитарной мысли начиная с античности и вплоть до идей Возрождения, Реформации и раннего Просвещения, и, по словам В. М. Ничик, характеризуют его как сторонника деизма, естественного права и естественного закона. См.: *Ничик В. М.* Из истории отечественной философии конца XVII — начала XVIII в. Киев: Наукова думка, 1978. Этим во многом объясняется «культурный оптимизм» Феофана и других «птенцов гнезда Петрова» (формула А. М. Панченко; см.: *Панченко А. М.* О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. С. 158), которые верили в возможность реализации утопии.

емов аргументации, в которых ссылки на библейские тексты, бытовые сравнения, апеллирующие к здравому смыслу, соседствуют со скрытыми отсылками к идеям современной проповеднику европейской философской мысли, — именно этот неорганичный синтез вынуждал современников и потомков высказывать проповеднику упреки в нечестности и сервилизме.

Продуктивным представляется рассматривать ораторскую прозу Феофана Прокоповича как отражение *процесса* формирования новой культурной идентичности. В свое время Ю. Лотман и Б. Успенский, преодолевая характерную для структурно-семиотических исследований и чреватую идеологическим упрощением логику бинарных оппозиций, высказали мысль о том, что «связь с прошлым объективно наиболее резко ощущалась тогда, когда субъективно господствовала ориентация на полный с ним разрыв»[8]. Такая постановка вопроса исключает представление о том, что «новая культура должна была создать себе новый язык, отличный от традиционного»[9], и, напротив, побуждает понять, что «демонтаж разноречия», характерного для русского общества накануне и во время петровских реформ, и устранение «духовного надрыва» (А. М. Панченко) обусловили установку Феофана Прокоповича на «всеобщее вовлечение в новую государственную и общественную систему» через «унификацию коммуникативного пространства»[10], в том числе с использованием привычных для аудитории традиционных культурных кодов. Происходившие в результате этой унификации «деконтекстуализация» европейских культурных ценностей[11] и их переосмысление применительно к национальной идентичности являлись необходимым условием осуществления задачи, стоявшей перед проповедником, — задачи не только разъяснения и оправдания реформ, но и, с одной стороны, сотворения культурного мифа, сглаживавшего остроту противоречий переходной эпохи, с другой стороны, формирования нового культурного канона, призванного определять систему поведенческих моделей и миропонимания.

---

[8] *Лотман Ю., Успенский Б.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1977. № 414. С. 36.

[9] *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 73.

[10] *Лахманн Р.* Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического / Перевод с немецкого *Е. Аккерман* и *Ф. Полякова*. СПб.: Академический проект, 2001. С. 170.

[11] *Клейн И.* Указ. соч. С. 13.

Интенция проповедника при таком подходе определяется его ориентацией на новое представление о смыслополагании человеческой жизни — служить в равной степени Богу (церкви) и государству (обществу)[12].

Таким образом, рассуждая об ораторской прозе Феофана Прокоповича, допустимо говорить не об отклонении (девиации) от традиционной культурной нормы, а о способах использования традиционных культурных кодов и формах адаптации к сознанию слушателей ценностных координат осмысления петровской эпохи с ее устремленностью на построение утопии. Да, в ораторской прозе Феофана «нормальная» повседневность традиции (прошлого) противопоставляется создаваемой на глазах современников прекрасной иллюзии грядущего «парадиза», но результатом противопоставления становится не семиотический слом, а его нейтрализация, не актуализация границы, а ее нивелирование. Условием успеха является своего рода трансгрессия как позиция вненаходимости по отношению к прошлому и настоящему при очевидной его вовлеченности в проведение реформ, потому что цель оратора, его культурообразующая интенция — создание *общего* смыслового пространства, *объединяющего* все слои общества. Именно эта установка становится телеологическим фактором ораторской прозы Феофана, реализуясь на всех уровнях текста «слов и речей», определяя способы воздействия оратора на аудиторию.

В этом плане нельзя не оценить значимое изменение формы обращения проповедника к аудитории: если в первых петербургских речах в качестве адресата выступали безликие «благоразумные слышателие»[13], затем «славенороссий народе»[14], «российстии народи»[15], то уже в «Слове о власти и чести царской» (1718) оратор

---

[12] Тезис о том, что долг оратора в равной степени служить церкви и родине, Феофан Прокопович обосновал еще в своем курсе риторики, прочитанном в бытность преподавателя Киево-Могилянской академии, чем объясняется использование им примеров из светских и церковных авторов. Отмечено С. И. Николаевым и Е. В. Маркасовой. См.: *Николаев С. И., Маркасова Е. В.* Введение // *Феофан Прокопович*. Об искусстве риторическом десять книг / Пер. *Г. А. Стратановского*; отв. ред. *С. И. Николаев*; подг. текста *Е. В. Маркасовой, С. И. Николаева*; коммент. *Е. В. Маркасовой*; науч. ред. пер. *Е. В. Введенская*. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. С. 5–6. Этот релятивизм вкупе с прагматическим подходом к реализации ораторской установки в свою очередь объясняется и отмеченный выше синтез разнородных примеров в «словах и речах» самого Феофана.

[13] *Феофан Прокопович*. Сочинения. Л.: Наука, 1961. С. 29.

[14] Там же. С. 50.

[15] Там же. С. 57.

акцентирует новое, объединяющее именование: «Но к вам же да обратится слово, честнии, благороднии, чином и делом славнии и таковии, их же мочно **общенародным** имянем позывать: о Россие!»[16] [выд. *Т. А.*]. Концепт «Россия» в дальнейшем соотносится как со страной, так и с народом, ее населяющим, что закономерно порождает использование обращений «россияне»[17] и «сынове российстии»[18]. Именно Россия — страна и ее народ — становится ценностным центром (термин М. М. Бахтина) проповедей Феофана Прокоповича.

В рамках этого концептуального поля актуализируется многоаспектная культурная семантика слов, образов, понятий, оформляющих новое представление о государстве и его интересах, о взаимоотношениях власти и подданных, о долге и обязанностях каждого гражданина, — игра многозначностью терминов обусловлена не столько нравственной неразборчивостью оратора, как это обычно трактуется, но и разным культурным уровнем аудитории, к которой обращается проповедник, полагающий свою задачу в том, чтобы «не притворне, но истинно»[19] «толковать и изъяснять в слух народа <...> какова была Россиа и какова есть уже»[20], объединяя слушателей в общей коммуникативной ситуации[21].

Одним из ключевых в реализации этой цели оказывается вопрос об именовании Петра. Сопоставление «слов и речей», произнесенных в разное время, показывает, как постепенно меняется титулатура: «царь», «великий князь», «богомвенчанный монарх» наконец уступает место «императору» (заметим, что данное понятие проповедник соотносит с понятием «министр», имплицитно отсылая таким образом к европейской философской концепции монарха как слуги народа) и «Отцу Отечества», при этом именно последний титул становится для Феофана Прокоповича определяющим и наиболее употребительным, поскольку входит в число важнейших культурных кодов, позволяя разрабатывать объединяющий концепт «Россия»

[16] Там же. С. 91.

[17] Там же. С. 126.

[18] Там же. С. 112, 129.

[19] Там же. С. 23.

[20] Там же. С. 113.

[21] Отметим, что в своем курсе риторики Феофан утверждал, что главным признаком хорошего оратора является его способность «удовлетворить вкусам людей разного звания и сословия, т. е. образованным и невежественным, великим и малым, горожанам и крестьянам». См.: *Феофан Прокопович*. Об искусстве риторическом десять книг. С. 45.

через такие важные для традиционного сознания составляющие, как «семья», «дом», «отец», «мать», «сыновья». О «кощунственном» смысле и политическом подтексте именования Петра «отцом отечества», а также «Христом», «Богом» уже говорилось[22]. Важно, однако, что наряду с оформлением имперской идеологии не менее значимой для Феофана и Петра задачей было формирование и внедрение нового культурного канона: путем решения этой двуединой задачи достигалось объединение в общественном сознании таких несовместимых качеств, как страх перед властителем и любовь к отечеству.

Именно поэтому обожествление монарха дополнялось в «словах и речах» его «очеловечиванием», а отношения между Петром и подданными представали более интимными/родственными. Так, рассказывая о победе под Полтавой, Феофан не забывает упомянуть о простреленной на поле боя шляпе царя, называет ее «драгоценной короной»[23]; доказывая пользу предпринятых Петром путешествий, он подчеркивает не только их значение для России и российского народа, но и их жертвенный смысл для самого царя, поскольку «собственных убытков требует толь долгое странствие в имении, во времени, во здравии, в сожитии любимой крови»[24].

Героизируя Петра, представляя его в качестве образца для подражания как отца отечества и труженика на троне, который строит свое государство, как отец строит дом для семьи («Мнози царие тако царствуют, яко простой народ дознатися не может, что есть дело царское. Ты един показал еси дело сего превысокаго сана быти собрание всех трудов и попечений, разве что и преизлишше твоего звания, являеши нам в царе и простаго воина, и многодельнаго майстера, и многоименитаго делателя. И где бы довлело повелевати подданным должная, ты повеление твое собственными труды твоими и предваряеш и утверждаеш»[25]), заботится о величии страны и благополучии народа, проповедник постоянно подчеркивает, что слава страны — результат не только успешного правления и воинской храбрости царя, но и подвигов «российских сынов»: «...достоин царь таковаго воинства, и воинство таковаго царя»[26].

---

[22] См.: *Успенский Б. А.* Historia sub specie semioticae // Культурное наследие Древней Руси. М.: Наука, 1976. С. 287–288; *Панченко А. М.* О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. С. 158–161; *Гордин Я. А.* Указ. соч. С. 269–285.

[23] *Феофан Прокопович.* Сочинения. С. 57.

[24] Там же. С. 67.

[25] Там же. С. 102–103.

[26] Там же. С. 36.

Слава России — главный критерий оценки деятельности Петра и жизни каждого человека. В рамках утверждения идеи патриотизма, восхищения успехами страны формируется новый культурный канон, где любовь к Богу означает и любовь к отечеству, и любовь к ближнему; где критерием благополучия страны оказывается «щастие народное», условием — народное единение вокруг царя, высшей добродетелью — честное отношение каждого члена общества к своим обязанностям, исполнение своего долга: «Царь ли еси, царствуй убо, наблюдая да в народе будет безпечалие, а во властех правосудие и како от неприятелей цело сохранити отечество. Сенатор ли еси, весь в том пребывай, како полезныя советы и суд не мздоприимный, не на лица зрящий, прямый же и правильный произносити. Воин ли еси, не обязуйся куплями, не обиди своих, во всех воинских уставах обучайся <...> И просто рещи, всяк разсуждай, чесого звание твое требует от тебе, и делом исполняй требование его»[27]. Примечательно, что, обосновывая светское понимание смысла жизни прежде всего как исполнения долга гражданина перед отечеством, Феофан ссылается на пример устройства патриархальной семьи: «И тако подобне да смотрят родители, что они чадом своим, чада — что родителем, мужие — что женам, жены — что мужием своим должни суть», что открывает возможность по аналогии утвердить взаимные обязанности власти и подданных: «...тако и господие о управлении и награждении рабов и рабы о угождении господий пещися долженствуют»[28].

Культурный код патриархальной семьи используется Феофаном и для обоснования нравственных качеств гражданина. Так, традиционное требование почитать отца и мать своих трансформируется в требование почитания власти и повиновения ей, причем повиноваться необходимо «не токмо за гнев, но и за совесть»[29], что, в свою очередь, предполагает такие качества, как искренность, отсутствие лицемерия (притворства), цельность внешнего и внутреннего как поведенческой модели.

Выше говорилось об ориентации Феофана на разные категории слушателей. Разный образовательный уровень аудитории обусловливает не только использование традиционных культурных кодов, но и двойственность аргументации, когда в приводимом примере проповедник акцентирует общеизвестную семантику, в то время

[27] Там же. С. 98.

[28] Там же.

[29] Там же. С. 85.

как невербализованным остается скрытый смысл, доступный только просвещенной части слушателей. Так, в «Слове на погребение Петра Великого» проповедник, опираясь на известный в ораторской прозе прием возвеличения человека через сравнение его с известными мифологическими и историческими персонажами, сопоставляет умершего императора с Самсоном, Иафетом, Моисеем, Соломоном, а также с Давидом и Константином. Парадигма прецедентных образов аргументируется в речи соответствующими деяниями Петра, когда Самсон олицетворяет силу «каменную адамантову» созданной империи, Иафет — сотворение флота и победы морские, Моисей — мудрые «законы и уставы», Соломон — «смысл и мудрость» просветительской деятельности, Давид и Константин — реформу церковного управления. Между тем имплицитно в отсылках присутствует более широкая историософская семантика образов. Так, Самсон был популярен в протестантской среде как символ борьбы против власти римского папы; Иафет известен как один из родоначальников человечества, спасшийся вместе с отцом своим Ноем во время потопа, — скрытый исторический смысл аллюзии очевиден, как очевиден и ее потенциальный культурообразующий смысл, поскольку оппозиция старое — новое приобретает эпохальный подтекст; соответственно, Моисей известен не только своими скрижалями, но и тем, что сплотил израильский народ, выводя его из пустыни; Соломон привел объединенное израильское государство к расцвету; наконец, в многообразной информации о библейском Давиде значимо указание на приход Мессии из колена Давида, что предсказывает мессианистские претензии созданной Петром империи.

Безусловно, в полной мере скрытые подтексты использованных Феофаном библейских параллелей были понятны лишь немногим слушателям. Однако важно, что в «словах и речах» Феофана Прокоповича в культурный оборот вводится не только общезначимая топика, но и значимая для русской культуры и русского менталитета семантика.

Подводя итог, скажем, что новый культурный канон, сформированный в том числе и в ораторской прозе Феофана Прокоповича, отражал идеальное представление об эпохе и ее утопической программе. Как всегда бывает, утопия не совпадет с реальной практикой созданного царем-преобразователем государства. Но важно, что этот идеальный образ вошел в русское культурное сознание, обусловив его внутреннюю противоречивость и предопределив впоследствии взлет философской мысли и литературного творчества.

Андрей Алексеевич КУРАПОВ
(Астрахань)
Заместитель директора по науке и экспозициям
Астраханского музея-заповедника,
ведущий научный сотрудник Калмыцкого научного центра

Крещеные калмыки в петровском Петербурге*

Andrey A. Kurapov

Baptized Kalmyks in Petrine Petersburg

Аннотация: В статье исследуются социально-политические предпосылки принятия православия Баксадай-Доржи, внуком хана Калмыцкого ханства Аюки. Рассмотрена законодательная деятельность правительства Петра I в отношении христианизации калмыков в первой четверти XVIII в. Исследованы ход поездки Баксадай-Доржи со свитой в Москву и Санкт-Петербург, крещение представителей калмыцкой аристократии в Санкт-Петербурге в ноябре 1724 г. и политические последствия крещения для Баксадай-Доржи.
Abstract: The article examines the socio-political preconditions for the adoption of Orthodoxy by Baksadai-Dorji — the grandson of Ayuka, the Khan of the Kalmyk Khanate. The legislative activity of the government of Peter I regarding the christianization of Kalmyks in the first quarter of the 18th century is examined. The course of Baksaday-Dorji's trip with his retinue to Moscow and St. Petersburg, the baptism of representatives of the Kalmyk aristocracy in St. Petersburg in November 1724, and the political consequences of baptism for Baksaday-Dorji are studied.

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Ключевые слова: Российская империя, Калмыцкое ханство, миссионерская деятельность, крещение, новообращенные.
Keywords: Russian Empire, Kalmyk Khanate, missionary activity, baptism, neophytes.

Взаимодействие с Калмыцким ханством — полукочевым государственным образованием, возникшим в Астраханском крае, в междуречье Яика и Волги во второй половине XVII в., являлось одним из важнейших направлений внутренней политики Петра I на юго-востоке страны. Российское правительство было заинтересовано в том числе в социокультурной интеграции калмыков в российское общество, в формировании значительной проправительственной группировки в калмыцкой элите. Одним из инструментов такой интеграции в XVIII в. была христианизация.

Принятие православия для калмыков-простолюдинов с конца XVII в. становится одной из форм социально-политического протеста: побеги из ханства в российские города от произвола аристократии сопровождались принятием православия. По причине оттока населения из ханства христианизация калмыков становится одной из тем российско-калмыцких переговоров с конца XVII в.

В присягах (шертях) 1673–1697 гг., данных ханом Аюкой (1642–1724) российскому правительству, подтверждалось право крещеных калмыков селиться на Дону; беглых калмыков, не принявших православие, следовало направлять в Калмыцкое ханство; православные калмыки не могли быть возвращены владельцам[1].

С начала XVIII в. миссионерская деятельность Русской православной церкви становится одним из направлений государственной политики, принятие православия простолюдинами и аристократией Калмыцкого ханства используется для правительственного давления на калмыцкую элиту, и в целом усиливается политическая составляющая мотивации к христианизации. Заинтересованность правительства в участии калмыцкой конницы в военных походах России порождала определенные ограничения на распространение православия среди калмыков: оно не осуществлялось силовыми методами; потери местной элиты, связанные с оттоком принявшего православие населения, компенсировались с 1715 г.

[1] Запись шертная калмыцкого тайши Аюкая // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее — ПСЗ РИ). Т. I. СПб., 1830. С. 923–927.

освобождением калмыцких торговцев от пошлин в российских городах[2].

Вместе с тем, несмотря на уступки и участие калмыцкой конницы в военных походах России, христианизация калмыков продолжалась усилиями астраханских губернаторов. Распространению православия в Калмыцком ханстве было уделено особое внимание в «Инструкции полковнику и астраханскому губернатору Волынскому об управлении вверенной ему губернии (июль 1720 года)», затрагивавшей основные направления его социально-экономической и политической деятельности. В отношении крещения инородцев инструкция предписывала следующее: «Которые татаровя и других законов люди, похотят в православную христианскую веру креститься и Великому Государю служить...ему тех татар расспрашивая, отсылать для крещения к архиерею, а за крещение давать Великого Государя жалование...а которые крестятся и похотят для жития ехать в Санкт-Петербург и в другие верховые города, и таковых отпускать с проезжими письмами...»[3].

Для распространения православия в ханстве и интеграции местной элиты в российское общество правительство активизирует усилия по христианизации калмыцкой аристократии, что находит отражение в указах Петра I. 20 января 1724 г. Петром I был подписан указ «О склонении калмыков в христианство»: «О калмыках, чтобы владельцев и законников их в христианство учением и дачею и книги нужные перевесть на их язык»[4]. Отметим, что по указу императора христианизация должна была быть направлена не только на аристократию, но и на буддийское духовенство.

19 апреля 1724 г. Петр подписал указ Св. синоду «О приискании учителей, способных обращать калмыков к благочестию»: «Его Императорское Величество указал: приискать таких учителей, которые могли б калмыцкого народа людей к благочестию приводить, а как такие учителя приисканы будут, доложить о них Его Императорскому Величеству»[5]. Указ предписывал Синоду формировать штат

---

[2] *Орлова К.* В. История христианизации калмыков: середина XVII — начало XX в. М., 2006. С. 43.

[3] Инструкция полковнику и астраханскому губернатору Волынскому об управлении вверенной ему губернии // ПСЗ РИ. Т. VI. СПб., 1830. С. 223.

[4] О склонении калмыков в христианство // ПСЗ РИ. Т. VII. СПб., 1830. С. 207.

[5] О приискании учителей, способных обращать калмыков к благочестию // ПСЗ РИ. Т. VII. СПб., 1830. С. 278.

священнослужителей для миссионерской деятельности непосредственно в Калмыцком ханстве.

Распространение любой религиозной традиции в национальной среде невозможно без поддержки этого процесса со стороны аристократии, способной повлиять на подвластное население и в значительной степени активизировать неофитов. Большой победой православной миссии в Калмыцком ханстве становится принятие православия Баксадай-Доржи, внуком главы ханства Аюки, в Санкт-Петербурге 15 ноября 1724 г.

Крещению Баксадая-Доржи предшествовал начальный период «калмыцкого междоусобия» — борьбы за власть в Калмыцком ханстве после смерти 19 февраля 1724 г. хана Аюки, при котором ханство достигло пика в своем социально-политическом развитии и влиянии на юге России и в центральноазиатском регионе. Несмотря на наличие официального наследника — сына хана Аюки Церен-Дондука, в аристократической среде разгорелась борьба за власть: элита разделилась на несколько группировок, значительная часть которых стремилась получить поддержку правительства России, впервые в истории ханства вмешавшегося в процесс передачи верховной власти. После длительных переговоров с представителями светской и клерикальной элиты астраханский губернатор А. П. Волынский 19 сентября 1724 г. привел к присяге наместника ханства Церен-Дондука[6]. Отметим, что назначение наместника не решило проблему престолонаследия, поскольку калмыцкая аристократия расценивала фигуру Церен-Дондука как временную.

Вернемся к событиям, предшествовавшим крещению внука хана Аюки в Санкт-Петербурге. Баксадай-Доржи объявил о своем желании принять православие в конце 1723 г. и в феврале 1724 г. был отправлен в Санкт-Петербург под предлогом передачи жалобы на разорение своих улусов оппозиционными правительству калмыцкими владельцами[7]. Организация поездки Баксадай-Доржи свидетельствовала о ее большой значимости для российского правительства. В состав делегации калмыцкого владельца вошли 10 калмыцких чиновников-зайсангов, 22 служителя и 2 буддийских ламы, которых сопровождали 2 офицера и 50 солдат астраханского гарнизона[8].

---

[6] *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста, 1995. С. 44.

[7] Там же. С. 40.

[8] *Джунджузов С. В.* Перипетии судьбы калмыцкого владельца Петра Тайшина: от принятия христианства до создания поселения крещеных калмыков в Среднем Поволжье (1724–1737 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 529.

В мае 1724 г. астраханская губернская канцелярия обратилась в Коллегию иностранных дел (КИД) с просьбой отвести для постоя делегации Баксадай-Доржи дворы с каменными палатами в Китай-городе[9]. Баксадай-Доржи со свитой в мае — июне пребывал в Москве, ведя активную переписку с КИД.

Именно в мае 1724 г. император определил время и место крещения калмыцкого владельца. По указу Петра I, внука хана Аюки следовало «привесть в христианскую православную греческую веру» в Санкт-Петербурге[10]. В июле 1724 г. Баксадай-Доржи со свитой и с отправленным вместе с ним протоиереем Благовещенского собора М. Г. Слонским, который должен был знакомить владельца с основами христианского вероучения, выехали в Санкт-Петербург[11].

Обряд крещения Баксадая-Доржи прошел в соборной Троицкой церкви Санкт-Петербурга 15 ноября 1724 г. В «Походном журнале 1724 г.» приведено описание этого события: «Его Императорское Величество изволил быть у Троицы у литургии и крестил Аюки-хана внука, которому дали имя Петром»[12]. Обряд крещения провел тверской архиерей — епископ Феофилакт, Петр I стал восприемником новокрещеного, нареченного Петром Петровичем Тайшиным (в основу фамилии лег его калмыцкий титул «тайша» — князь)[13]. Позднее обряд крещения прошли и сопровождавшие новообращенного Тайшина. 22 и 25 ноября 1724 г. в Троицкой церкви были крещены 15 человек из свиты П. П. Тайшина, восприемниками которых стали Г. И. Головкин, П. А. Толстой, А. Д. Меншиков, Н. И. Репнин, Ф. М. Апраксин, П. М. Апраксин, Д. М. Голицын[14]. Все крещеные калмыки были наделены пожизненным жалованием: П. П. Тайшин — ежегодно 1000 руб., 500 четвертей хлеба, крестившиеся зайсанги — 20 руб.[15] Новообращенные калмыки пребывали в Санкт-Петербурге вплоть до смерти Петра I.

После крещения Тайшин подал прошение на имя императора, в котором просил помочь ему занять ханский престол, построить резиденцию в Астраханской губернии у г. Красный Яр, выделить регулярные войска для охраны[16]. 15 декабря 1724 г. Петр I издал

---

[9] *Орлова К.* В. Указ. соч. С. 45.

[10] *Джунджузов С. В.* Указ. соч . С. 529.

[11] *Орлова К. В.* Указ. соч. С. 47.

[12] Походный журнал 1724 г. СПб., 1855. С. 22.

[13] *Орлова К. В.* Указ. соч. С. 48.

[14] *Джунджузов С. В.* Указ. соч. С. 531.

[15] *Орлова К. В.* Указ. соч. С. 48.

[16] Там же.

указ, содержавший ответы на прошения Тайшина: в итоге он получил только команду из 24 драгун с вахмистром[17].

После смерти императора Тайшин со свитой был отправлен в Калмыцкое ханство, с подтверждением всех привилегий и выплат18. В дальнейшем Тайшин стал активным участником «калмыцкого междоусобия» 20–30-х гг. XVIII в.: подчинившись своему старшему брату Дасангу, он не играл в политической борьбе ведущих ролей и фактически отказался от претензий на ханский престол.

Безусловно, принятие православия внуком хана Аюки можно рассматривать в ракурсе подготовки альтернативного претендента на ханский престол. Крещение Баксадай-Доржи со свитой способствовало расширению и легитимизации присутствия Русской православной церкви в Калмыцкой степи. Улус крещеного калмыцкого аристократа стал рассматриваться миссионерами как плацдарм для дальнейшего распространения православия в ханстве. Вместе с тем П. П. Тайшин не оправдал надежды российского правительства, не став проводником активной политики христианизации ханства и не оказывая активной помощи православной миссии в регионе.

Тем не менее, представляется интересным на основании неопубликованных архивных материалов дальнейшее изучение деталей пребывания калмыков Баксадай-Доржи в Москве и Санкт-Петербурге, особенностей подготовки к крещению, жизни небольшой диаспоры новокрещенных калмыков в Санкт-Петербурге до отъезда в Калмыцкое ханство в 1725 г.

[17] *Джунджузов С. В.* Указ. соч. С. 532.

Андрей Сергеевич РЯЖЕВ
(Тольятти)
Независимый исследователь

Капуцины против францисканцев: борьба за католическую общину Санкт-Петербурга в оценке российских властей (1720–1725)

Andrey S. Ryazhev

Capuchins against Franciscans: The Struggle for the Catholic Community of St. Petersburg in the Assessment of the Russian Authorities, 1720–1725

Аннотация. Статья посвящена вероисповедной политике Петра I в конце Северной войны и после нее. В работе изучен многолетний конфликт католических миссионеров в одном из столичных приходов, вскрыты его причины, в частности влияние янсенизма, и политико-дипломатические аспекты. Основное внимание уделено мерам властей Российской империи по урегулированию споров, возникавших между представителями противоборствовавших католических орденов. Основа исследования — архивные документы Коллегии иностранных дел.

Abstract. The article mainly concentrates on the religious policy of Peter I at the end of the Great Northern War and after it. The paper examines the long-term conflict of Catholic missionaries in one of the parishes in St. Petersburg, reveals its causes (in particular, the influence of Jansenism), and its diplomatic aspects. Author concludes that the measures taken by the Russian authorities had aim to resolve disputes that arose between monks — members of opposing Catholic

orders. The basis of this research is documents of the Russian Collegium of Foreign Affairs.

Ключевые слова: Российская империя, раннее Новое время, вероисповедная политика, янсенизм, католические миссионеры.
Keywords: Russian Empire, early Modern Times, religious politics, Jansenism, Catholic missionaries.

Вероисповедная политика российской монархии в XVIII в. — актуальный вопрос современной историографии[1]. Важный аспект этого вопроса — влияние европеизации на меры самодержавия в отношении религии. Поэтому внимание исследователей приковано именно к петровской монархии, заложившей основу разработки европеизационных подходов в данной сфере. Спор католических орденов за контроль над одним из приходов новой российской столицы имел европейские корни. Участие российских властей в этой борьбе строилось в соответствии с пониманием ими логики европеизации на русской почве, с учетом приоритетов, как религиозных, так и политико-дипломатических, на разных уровнях российской системы управления. Изучение этого вопроса и составляет задачу предлагаемой работы.

Обозначенный конфликт был одним из острейших в истории вероисповедания в России. Посему исследователи российского католичества, отечественные и зарубежные, светские и клерикальные (в XIX–XX вв. это были П. О. Пирлинг, Н. Д. Кузнецов, Э. Винтер, в наши дни — А. Н. Андреев, Е. А. Самыловская, и др.), не прошли мимо него, с разных методологических позиций характеризуя его перипетии и итоги[2].

Источниками являются документы Коллегии иностранных дел, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Это, прежде всего, бумаги начала 1720-х гг. со сведениями о конфликте орденов. Кроме того, необходимо указать на материалы 30-х — начала 60-х гг. XVIII в. о статусе и возможностях католических орденов в России со времен Северной войны, о поддержке, оказывавшейся им тогда австрийскими и французски-

[1] *Ряжев А. С.* Вероисповедная политика русского «просвещенного абсолютизма»: история изучения // История и историки. Историографический вестник. 2005. М., 2006. С. 82–84.

[2] *Алакшин А. Э., Самыловская Е. А.* Миссии францисканцев и капуцинов в Санкт-Петербурге в последние годы Петровской эпохи (1719–1725) // ВИ. 2019. № 11. С. 235–243. Здесь же содержательная библиография вопроса (с. 238).

ми дипломатиями[3]. Важность документов, включивших в себя коллежскую переписку со Св. синодом, российскими светскими учреждениями и должностными лицами, зарубежными дипломатами, трудно переоценить: они не только раскрывают масштаб присутствия и содержание деятельности миссионеров-католиков в России, их правовое и фактическое положение в стране в первой половине 1720-х гг., но и показывают взаимосвязь действий российских инстанций в отношении католических миссионеров в столице и на окраинах и, как следствие, смысл их присутствия в стране для властей в целом.

В петровские времена российское восприятие католичества в сфере политики и дипломатии определялось в сфере контактов с австрийским двором и папством. Австрийская монархия, поощряя проникновение католических миссионеров в Россию с конца XVII в., преследовала две цели. Во-первых, она добивалась участия России в антиосманской борьбе. Во-вторых, австрийские Габсбурги и близкие к ним торговые круги стремились проникнуть на Восток, закрепиться на путях, ведших туда через Восточную и Юго-Восточную Европу, Средиземноморье, Кавказ. Доступ в этот регион через российскую территорию представлялся одной из удобных возможностей. Иезуиты составили здесь головной отряд, за которым шли капуцины и францисканцы.

Что касается папства, то оно исходило из необходимости распространения католичества в России. Петр I хотел от Рима признания своего императорского титула, взамен обещая открытую дорогу миссионерам-иезуитам в Китай через Россию. Однако близость иезуитов к папству в России переоценивалась, а притязания на титул не нашли понимания в рамках папского универсализма.

В «Обществе Иисуса» значение работы в России также оценивали во многом как сомнительное. Небесспорными ее достоинства представлялись другим орденам. Так, в течение 1712–1732 гг. существовали разногласия между иезуитами и капуцинами из-за полномочий в Тибете и Центральной Азии. В свете проявлявшихся расхождений перспективы пропаганды католичества в указанных регионах выглядели тогда неясными.

На положение иезуитов в России также негативно влияло непризнание императорского титула Петра I австрийской стороной. В итоге русско-австрийский кризис 1719 г., дополненный делом царевича Алексея, вина которого за выступление против начинаний

[3] АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761); Д. 1 (1762); Д. 2 (1738); Д. 2 (1760); Оп. 10/2. Д. 2 (1721).

Петра I возлагалась также на иезуитов, привел к их изгнанию из страны. Впрочем, двери для иезуитов не были закрыты абсолютно — в Россию они проникали, от дипломатического взаимодействия с ними российские власти не отказались[4]. Теме не менее, капуцины решили воспользоваться тем, что присутствие и возможности иезуитов в стране сократились, соответственно, уменьшилось их влияние на другие католические миссионерские институции.

«Гнездом» капуцинов в России была Астрахань. Именно благодаря астраханским капуцинам во францисканском храме столичной Греческой слободы произошел ползучий «переворот»: в 1720 г. здесь установилось совместное богослужение капуцинов и францисканцев, а приход попал под контроль капуцинов более чем на два года[5].

Для капуцинов это был важный шаг в освоении российской столицы. В то же время за ее пределами они закрепились прочно и в дальнейшем еще более усилились, по-прежнему придерживаясь «восточного» курса и опираясь на австрийскую дипломатию. Одним из главных объектов воздействия капуцины считали армянские общины Средиземноморья, Восточной Европы, России. Русско-австрийский кризис капуцинам не помешал. К тому же он вскоре был урегулирован: в 1719–1720 гг. при австрийском дворе по поручению Петра I находился уроженец австрийской Силезии на русской службе Н. Б. фон Вейсбах, позже генерал и начальник Украинской линии, сыгравший важную роль в упрочении положения капуцинов.

В 1721 г. имело место расследование Коллегии иностранных дел о масштабах католического присутствия в стране. Оно показало, что капуцины и францисканцы пополнили миссии в Астрахани и Нежине, то есть там, где были крупные армянские общины[6]. В конце 1730-х гг. власти выяснили, что в Нежине при католической часовне работают миссионеры со знанием армянского языка. Средства же на их работу были оставлены по завещанию умершего к тому времени Вейсбаха и выделялись под контролем его душеприказчиков, среди которых был и католический прелат — силезец, как и сам Вейсбах[7].

---

[4] *Ряжев А. С.* Католические миссионеры на южных российских окраинах в первой половине XVIII в. (по документам Архива внешней политики Российской империи) // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 452, 453.

[5] *Алакшин А. Э., Самыловская Е. А.* Указ. соч. С. 238, 239.

[6] АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 184–187; Д. 1 (1762). Л. 18–20; Д. 2 (1760). Л. 35, 55 и об.; Оп. 10/2. Д. 2 (1721). Л. 1–5.

[7] АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1762). Л. 6, 7.

Наряду с миссионерскими задачами важной причиной активизации капуцинов в России служило такое общеевропейское явление, как янсенизм. Янсенисты были сильны во Франции, романских странах и при австрийском дворе. Орден капуцинов официально целей янсенизма не разделял и янсенистам не сочувствовал, но в России среди австрийских и французских капуцинов янсенисты оказались заметны. На основании источников Иностранной коллегии можно предположить их присутствие в Москве: во всяком случае, в 1721 г. там находилось четверо швейцарских, вероятно, франкоязычных, капуцинов[8]. К тому времени миссионеры — капуцины-янсенисты имели влияние на семьи русской знати из окружения Петра I, куда они были вхожи в качестве учителей, и располагали определенными возможностями в российском обществе. Этих возможностей, в частности, ранее хватило на то, чтобы отправить в Европу обучавшегося в Астрахани у капуцинов В. К. Тредиаковского. Теперь же янсенисты желали более громко заявить о себе и в Петербурге. Оттеснение францисканцев, укоренение в северной российской столице, а в перспективе и при дворе за счет влиятельных членов «захваченной» католической общины капуцинам-янсенистам было необходимо: для них оставался актуальным проект воссоединения церквей 1717–1718 гг., предложенный Петру I в Париже[9]. Для этого им и был нужен Тредиаковский — как возможный посредник в намеченном богословском диалоге, затем в кругах знати и при дворе.

Однако события первой половины 1720-х гг. развивались не по замыслу капуцинов. Столкнувшись с конфликтом в столице, российские власти обратили на них более пристальное внимание, нежели до того, что было крайне невыгодно для миссионеров. Недовольство астраханскими капуцинами возникло прежде всего в Коллегии иностранных дел: она выяснила, что те вели переписку с католическими миссионерами в Персии без коллежской санкции, и в этой связи в 1721 г. предложила выслать их из Астрахани. В следующем году тревогу поднял астраханский епископ: он счел, что миссионеры-католики создали в городе общину и приход «в противность указом». В рапорте, направленном в Св. синод, преосвященный высказался о том, что капуцинам и построенному ими «костелу в Астрахани быть не у чего, и требовал, дабы тому костелу

[8] АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 2 (1760). Л. 38.

[9] *Успенский Б. А., Шишкин А. Б.* Тредиаковский и янсенисты // Символ. 1990. № 23. С. 113–119, 123–125, 201, 202.

не быть» и миссионерам-католикам тоже[10]. Синод, столкнувшись с таким мнением, дал задание Коллегии иностранных дел провести новое расследование о положении капуцинов в Астрахани.

Осложненное вмешательством австрийского и французского послов, оно тянулось до лета 1724 г. Было учтен и факт противостояния между капуцинами и францисканцами в Петербурге. Итогом же расследования стало предложение о высылке из России и тех, и других и замене их доминиканцами под тем предлогом, что конфликтующие «ордена... живут неспокойно, во всякие не надлежащие им дела вступаются и у чужестранных министров протекции ищут»[11]. К решению приложил руку и Св. синод. Его мотивацию, кроме рапорта астраханского архиерея, определило наступившее тогда очередное обострение «диссидентского вопроса» в Речи Посполитой. В церковной среде из-за ухудшения положения православных в Польше и Литве не раз возникали антикатолические инициативы, и это был один из первых случаев в XVIII в.

Храм в Санкт-Петербурге, «оккупированный» некогда капуцинами, францисканцы все же удержали. Не последовало и высылки капуцинов из страны. Для российских властей она оказывалась неосуществимой по ряду причин. Во-первых, из-за продолжавшегося сближения с Австрийской монархией. Во-вторых, сказывалась позиция региональных властей, воспринимавших присутствие капуцинов-миссионеров на окраинах страны положительно. В-третьих, проявилось недовольство столичных католиков вмешательством российских властей в перипетии конфликта между капуцинами и францисканцами. В России католики, живя в соседстве с протестантами, пребывали в сильном духовном напряжении и к распоряжениям русской стороны относились во многом с предубеждением: они считали, что это ставит их наравне с протестантами, то есть принижает их. Для российских властей недовольство влиятельных членов католической общины, в которых она была заинтересована, представлялось нежелательным, посему нормализация обстановки в приходе в 1724–1725 гг., во многом обусловленная согласием капуцинов прекратить борьбу за него, была сочтена успехом властных трудов.

---

[10] *Толстой Д. А.* Римский католицизм в России: историческое исследование графа Дмитрия А. Толстого. Т. 1. СПб, 1876. С. 173; АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1762). Л. 17 и об.

[11] *Кузнецов Н. Д.* Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // Временник Демидовского юридического лицея. 1898. Кн. 75. С. 69–75. АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 2 (1760). Л. 43.

Вместе с тем есть основания полагать, что для капуцинов принятие сложившейся обстановки было осознанным и в их понимании отнюдь не означало поражения. Летом 1725 г. участники конфликта с их стороны уже покинули Петербург, выехав в Москву и Астрахань и продолжив работу. На обоих направлениях они, как известно, преуспели. На юге возникли устойчивые армяно-католические общины, интерес к янсенизму российской европеизированной знати и при дворе Екатерины I и Петра II в 1725–1730 гг. обозначился открыто, в контакты с янсенистами вовлекались иерархи Русской церкви (янсенистский проект воссоединения церквей привлекал их как первый шаг в восстановлении патриаршества). Ситуация изменилась лишь в первые годы правления Анны Иоанновны[12].

Для российских властей петербургские события стали одним из первых опытов урегулирования серьезного религиозного и вместе с тем политико-дипломатического кризиса, возникшего внутри страны, но имевшего европейское происхождение. Им приходилось на ходу учиться взаимодействовать с привилегированными католиками столичного общества, учитывать соответствующие отклики католических дипломатов, понимать природу общеевропейских католических тенденций. Позже, при Екатерине II, разработка и введение в практику Католического регламента, российское соприкосновение с движением февронианизма в католических странах Европы показали, что по крайней мере часть подобных уроков была усвоена.

[12] *Успенский Б. А., Шишкин А. Б.* Указ. соч. С. 143, 146, 147, 163, 164.

Елена Нигметовна МАРАСИНОВА
(Москва)
Независимый исследователь

Публичное покаяние в Петербурге первой половины XVIII в.: церковные практики и каналы социального контроля

Elena N. Marasinova

Public Repentance in St. Petersburg in the First Half of the 18th Century: Church Practices and Channels of Social Control

Аннотация: Статья посвящена практике публичного покаяния, которая получила распространение в первой половине XVIII века в Петербурге. Впервые в русском законодательстве понятие публичное покаяние четко артикулируется при Петре I в статьях Воинского артикула. В это же время Синод начинает разрабатывать обряд публичного покаяния. Использование наказания публичным покаянием свидетельствовало о попытке власти усилить социальный контроль в создаваемой регулярной армии и в новой столице в целом. Феномен публичного покаяния встречался в судебных приговорах на протяжении всего XVIII века и повлиял на гуманизацию уголовного права.

Abstract: The article is devoted to the practice of public repentance, which became widespread in the first half of the 18th century in St. Petersburg. For the first time in Russian legislation, the concept of public repentance was clearly articulated under Peter I in the articles of the Military Article. At the same time, the Synod began to develop a ritual of public repentance. The use of punishment by public repentance testified to the authorities' attempt to strengthen social control in the newly created regular army and in the new capital as a whole. The phenomenon of public repentance was found in court sentences throughout the 18th century and influenced the humanization of criminal law.

Ключевые слова: публичное покаяние, Военный артикул, социальный контроль, трансфер идей и практик.
Keywords: public repentance, Military Article, social control, transfer of ideas and practices.

«Помолитесь обо мне, грешном»: очерк истории публичного покаяния

В ранней христианской церкви публичное покаяние, получившее в литературе название *древнего* или *канонического*, играло важную дисциплинирующую роль и назначалось за особо опасные, расшатывающие устои общества преступления[1]. Однако приблизительно во второй половине III в. происходит постепенный отказ от этой практики, что было предопределено включением церкви в официальный контекст империи именно в IV столетии и, соответственно, сокращением массового принятия христианства среди людей зрелого возраста. Вместе со снижением значимости института оглашенных ослаблялась и покаянная дисциплина[2]. Анализ канонических и литургических памятников позволил исследователям прийти к выводу, что в конце IV–VII в. из византийских богослужебных книг исчезают молитвы о прилюдно кающихся и собственно чинопоследование *публичного покаяния*, однако воспроизводится ритуал расположения в храме и вне его пределов основных групп людей, обнародовавших свой грех. Можно предположить, что сохранение в книгах упоминаний о «плачущих», «слушающих», «припадающих» и «стоящих с верными» было связано с эволюцией дисциплинарных норм, периодом так называемой *покаянной пустоты* или *покаянного молчания*, который предшествовал установлению традиции повсеместной регулярной тайной исповеди[3]. Иными словами, сначала произошел отказ от практики исповедования со-

[1] Прилюдно исповедоваться в содеянном должны были убийцы, прелюбодеи, отступники от веры. А. И. Алмазов полагает, что грехи, подлежащие публичной исповеди, неразрывно связанной с публичным покаянием, имели отношение к «вероотступничеству, блуду, убийству» (*Алмазов А. И.* Тайная исповедь в православной восточной церкви (Опыт внешней истории. Исследование преимущественно по рукописям): В 3 т. Т. I. Одесса, 1894. С. 44–45).

[2] Как указывает А. И. Алмазов, «когда язычество совершенно пало, а крещение возрастных совершенно уступило крещению младенцев, оглашение не стало играть видной роли в христианской обрядности» (*Алмазов А. И.* История чинопоследований крещения и миропомазания. Казань, 1884. С. 64–67, 76–87.

[3] См.: *Mansfield M. C.* The Humiliation of Sinners: Public Penance in Thirteenth-Century France. P. 23–27; 116–123; см. также: *Hamilton S.* The Practice of Penance: 900–1050. Woodbridge, Suffolk, 2001. P. 104–111.

грешившего перед общиной, а затем и от очевидного для прихожан наложения на него запрета присутствовать во время службы в храме и зримого для всех отлучения от причастия. Собственно, подобный прецедент был зафиксирован еще в 34-м правиле Василия Великого: «Жен, прелюбодействовавших и исповедавшихся в том, <...> Отцы наши запретили явно разглашать их грех, да не подадим причины к смерти обличенных, но повелели стоять им с верными без приобщения, доколе не исполнится время покаяния»[4].

В Византии в VI в. при монастырях появляются покаянные книги, связанные с подвижнической деятельностью константинопольского патриарха Иоанна Постника, которые служили руководством для пресвитеров при совершении этого таинства[5]. К IX–X вв., т. е. ко времени принятия Киевской Русью христианства, в Восточной церкви уже существовали покаянные уставы, содержащие правила тайной исповеди, распознавания грехов, наложения епитимьи, чтения соответственных молитв при обряде частного покаяния и т. д.[6] В епитимийных номоканонах публичное церковное покаяние, регламентированное Соборами и Отцами Церкви, окончательно заменяется тайным, или частным, покаянием.

Таким образом, можно со всей определенностью утверждать, что русская православная традиция не знала канонического древнего публичного покаяния и в весьма облегченной форме использовала в качестве наказания демонстрацию греховности верующего, которому отводилось определенное место в церкви во время службы. Так называемые «большие епитимьи», растянутые на годы и даже десятилетия, хотя и упоминались в Уложении со ссылкой на авторитет Василия Великого и других Отцов Церкви, но на практике в качестве наказаний или вообще не применялись, или назначались в редчайших, исключительных случаях[7].

---

[4] 34-е правило Святого Василия Великого // Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец с толкованиями. М., 1876. С. 275–278.

[5] Об изданиях Устава Иоанна Постника см.: *Алмазов А. И.* Тайная исповедь в православной восточной церкви. Т. I. С. 72.

[6] См.: *Алмазов А.* И. Канонарий монаха Иоанна: к вопросу о первоначальной судьбе номоканона Иоанна Постника. Одесса, 1907. С. 1–13; *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 240–244; обзор литературы по этому вопросу: *Шаляпин С. О.* Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков. Архангельск, 2013. С. 33–61, 68–85.

[7] См. об этом: *Смирнов С. И.* Древнерусский духовник: Исследование по истории церковного быта. М., 1913. С. 169–170.

Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, детально изобразивший в своих «Записках о Московии» различные религиозные обряды первой половины XVI в., ни разу не упомянул о «плачуших» на коленях или же о «припадающих ниц» и признающихся в грехах. Автору записок лишь довелось видеть прихожан, которым запрещалось непосредственное присутствие на службе за те или иные проступки, суть которых, однако, не разглашалась и оставалась тайной духовника. «Существует множество причин, к тому же совершенно ничтожных, — пишет Герберштейн, — по которым у них запрещается вход в церковь, однако недопущенные становятся обычно у дверей или окон и оттуда видят и слышат священнодействие так же, как если бы они были в храме»[8].

В Уложении 1649 г. есть лишь две статьи, которые предполагают срежиссированные сцены, происходящие при скоплении народа и внешне напоминающие обряд публичного покаяния: убийцы собственных детей должны были после года тюрьмы «приходить к церкви и объявлять свой грех людям вслух», и «клянущийся на криве» обязывался два года «плакать» у дверей храма[9]. Однако в первом случае не представляется возможным указать конкретные примеры использования такого ритуального наказания[10]. Второй же прецедент просто отсылает к 64-му правилу Василия Великого: «А кто крест поцелует накриве: и тому Василий Великий в шестьдесят четвертом своем правиле полагает запрещение на десять лет, два лета да плачется, три лета да послушает Божественных писаний, четыре лета да припадает, и едино лето да стоит с верными и потом Божественного причащения причаститься»[11]. Столь объемная цитата из трудов богослова, жившего в Кесарии Каппадокийской в III в., приведена была в русском своде законов XVII столетия не в качестве инструкции для вынесения судебных приговоров, а прежде всего для акцентирования преступности ложной клятвы.

---

[8] *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. Т. I. М., 2008. С. 201.

[9] Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее — ПСЗ). Собрание 1-е. Т. I. СПб., 1830. № 1. Гл. XXII. Ст. 3. С. 154; Гл. XIV. Ст. 10. С. 72–73. 1649, 29 января.

[10] См., например: *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XVI–XIX вв.: Исследование и тексты. СПб. 2006. С. 28.

[11] ПСЗ. Т. I. № 1. Гл. XIV. Ст. 10. С. 72–73. 1649, 29 января. Ср.: 64-е правило Святого Василия Великого // Правила Святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец с толкованиями. М., 1876. С. 335.

«Воинский артикул» и практика публичного покаяния

Впервые в русском законодательстве о публичном покаянии было четко и определенно заявлено в Воинском уставе 1716 г.[12] Тексты предшествующих документов, регламентирующих сложный процесс создания регулярной армии, не только не предполагали возможность такого взыскания, но вообще не делали акцент на публичности наказания как средстве назидания для всех солдат и офицеров и их устрашения. Так, в «Уложении или праве поведения генеральных, средних и низших чинов и рядовых солдат» 1702 г., составленном фельдмаршалом Б. П. Шереметевым, или в «Кратком артикуле» князя А. Д. Меншикова 1706 г. за различные по тяжести преступления полагались арест, «сковывание в железа», шпицрутены, прогон сквозь строй, обрезание носа и ушей, отсечение пальцев, смертная казнь, жестокая смертная казнь, колесование и т. д.[13] При этом нигде специально не указывалось, что эти экзекуции происходят «публично перед полком»[14], т. е. могут рассматриваться не только как средство дисциплинирования, но и как механизм сплочения людей, от которых постоянно требовалась высокая организованность и готовность жертвовать жизнью[15]. Напротив, в Воинском уставе и артикулах публичность извинения, «отпущения вины», шельмования и, наконец, смертной казни стала очень важной составляющей наказания. Офицеры и солдаты, нарушившие субординацию, обязывались «перед воинским судом публично отпущения своей вины просить»; «воинские люди», «непристойно поступившие» с хозяином или «челядином» на постое, должны были «у обиженного публично при воинском суде прощения просить»; изменник, перебежавший к неприятелю, публично объявлялся «нарушителем присяги и шельмой», а имя его «прибивалось к виселице»; смертная казнь вершилась «публично перед полком»[16].

---

[12] Воинский устав 1716 г. состоит из трех книг: собственно «Устав воинский», «Артикул воинский» и «Экзерциции» (строевой устав).

[13] *Кистяковский А. Ф., Розенгейм М. П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб.: Типография М. Эттингера, 1878. С. 269–313.

[14] Ср.: Воинский устав и воинские артикулы // ПСЗ. Т.V. № 3006. С. 266. 1716, 30 марта.

[15] В начале Воинского артикула говорилось, что «солдат и воинских людей Бог в такое состояние определил, они <ежечасно> опасностям живота в службе государя своего подвержены» (ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 320. 1716, 30 марта).

[16] Воинский устав и воинские артикулы // ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 266, 325–326, 343, 348, и др. 1716, 30 марта.

Однако действительным новшеством и в традиционной системе наказаний, и в сфере церковных практик стало введение прилюдного сообщения пастве в храме о своих преступлениях и появление самого понятия п*убличное покаяние*. На основании Воинского устава *публичное покаяние* полагалось в связи с ситуацией, когда «кто из воинских людей найдется идолопоклонник, чернокнижец, ружья заговоритель, суеверный и богохулительный чародей», который между тем «никому никакого вреда не учинил и обязательства с сатаною никакого не имеет»[17]. Кроме того, «Господу Богу явное покаяние при собрании людей» присуждалось «ругателю, <не допустившему> никакого богохуления», но упоминающему имя Бога всуе «нарочно, или из злости, или в пьянстве»[18]. В случаях лжесвидетельства, «фальшивой присяги», блуда, связи со свояками, неумышленного убийства при обороне или неловкого обращении с оружием виновный также приговаривался к *публичному покаянию*, часто вместе с другими видами наказаний. *Публичное покаяние* легко сочеталось с лишением жалованья в пользу госпиталя, «ношением мушкетов и карабинов» перед полком, шпицрутенами, каторгой, тюрьмой, отсечением пальцев и т. д. При этом в текстах Воинского устава *публичное покаяние* иногда называется *церковным публичным покаянием, явным покаянием Господу Богу при собрании людей, явным церковным покаянием*[19].

Очевидно, что столь экзотический для российского законодательства термин, как *явное*, или *публичное, церковное покаяние*, появился в результате заимствований из западно-европейских артикулов: прежде всего, из шведского военно-уголовного кодекса Густава II Адольфа 1632 г., обновленного в 1683 г. Карлом XI, а также датского, бранденбургского, саксен-готского, нидерландского и других уставов[20]. Однако даже русский правовед П. О. Боб-

[17] ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 320. 1716, 30 марта. Для сравнения: «идолопоклонник, чернокнижец, ружья заговоритель, суеверный и богохулительный чародей», состоящий в связи с сатаною, обрекался на «жезла, шпицрутен» и даже сожжение.

[18] ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 320–322. 1716, 30 марта. Самый авторитетный исследователь русского законодательства первой четверти XVIII в. в европейском контексте Петр Бобровский указывал на «разграничение между чародейством и богохулением», что встречалось далеко не во всех зарубежных военных артикулах (Бобровский П. О. Военное право в России при Петре Великом. Ч. 2. Артикул воинский по русским и иностранным источникам. СПб., 1882. Вып.1. С. 148).

[19] ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 333, 366–369, 373–374, 379, 399. 1716, 30 марта.

[20] См.: *Бобровский П. О.* Указ. соч. С. 1–18 и др. См. также: *Cracraft J.* The Petrine Revolution in Russian Culture. NY, 2004. P. 115, 126–128; *Hoffmann P.* Peter der Große als Militärreformer und Feldherr. Frankfurt am Main; Berlin; Bern, 2010.

ровский, работы которого остаются до сих пор единственным фундаментальным источниковедческим исследованием Воинского устава, лишь спорадически указывает на появление такой практики наказания и оставляет данный феномен без какого-либо содержательного анализа. Ученый лишь один раз упоминает о законодательно закрепленном в европейских военных уставах публичном покаянии и трехдневном аресте с содержанием на хлебе и воде в голландских артикулах: «...поносившие имя Бога наказывались в первый раз публичным покаянием; во второй раз виновному прожигали язык раскаленным железом; а порочащие Бога или издевающиеся наказывались на теле и смертью»[21].

Между тем сопоставление статей Воинского устава, где речь идет *о публичном покаянии*, и прототекстов из европейского военного законодательства[22] обнаруживает, с одной стороны, отсутствие этого термина во многих оригиналах. Так 1-я статья шведского кодекса 1632 г., почти дословно воспроизведенная в Воинском артикуле, за идолопоклонство и чародейство предполагала «после выяснения всех обстоятельств поступить по шведским законам», в то время как в русском варианте «чернокнижец и чародей» должны были подвернуться *публичному покаянию*[23]. Саксен-готский артикул, составленный на основе шведского, за колдовство, магию, дьявольские искусства и приобщение к «мнимым мессам» карал телесными наказаниями или даже лишением жизни, однако *публичного покаяния* не предполагал[24].

С другой стороны, в некоторых статьях европейских военных кодексов имеется детализация и дается пояснение относительно самого процесса наказания покаянием, которое почти дословно воспроизводится в Военном артикуле. «Пресвятое и достохвальное имя Божие да не восприемлется всуе, в клятве, божбе и лже. И ежели кто найдется, который сие в сердце, или с должной ревности

---

[21] *Бобровский П. О.* Указ. соч. С. 151.

[22] В данной статье не ставится задача обширного текстологического сравнения Воинского устава и европейского военного законодательства, сопоставляются лишь отдельные статьи русского военного кодекса, предусматривающие наказание публичным покаянием, и аналогичные фрагменты основных первоисточников, прежде всего шведских и немецких.

[23] ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 320. 1716, 30 марта; Schwedisches Kriegs-Recht, Oder Articuls-Brieff, Deß Durchleuchtigsten, Großmächtigsten Fürsten und Herrn, Herrn Gustaff Adolffs, der Reiche Schweden, Gothen und Wenden Königs, Großfürsten in Finland, Hertzogen zu Ehesten und Carelen, Herrn zu Ingermanlandt, [et]c. Nürnberg, 1632. S. 5.

[24] См.: Бобровский П. О. Указ. соч. С. 148.

чина своего учинит, оный имеет, по состоянию своего чина, некоторое число денег в госпиталь дать, или в присутствии полка мушкеты, пики или карабины носить. Есть ли сие нарочно, или и с злости, или в пьянстве учинится, тогда имеет нарушитель господу Богу явное покаяние при собрании людей принести, и притом половину своего месячного жалованья в гошпиталь вместо наказания дать, или два дни, а на каждый день по одному часу ружье носить»[25]. Примечательно, что в соответствии с военно-уголовным кодексом Густава II Адольфа 1632 г. преступник, обвиненный в богохульстве, обязан был «в качестве покаяния» пожертвовать деньги госпиталю и бедным людям, а также «носить» карабин перед полком[26]. Данное наказание, налагаемое военным судом, усиливалось покаянной молитвой на коленях в кругу солдат и офицеров, «за которой должны были следить священники»[27]. Собственно, именно Густав Адольф ввел духовную консисторию при армии, призванную определять степень тяжести преступления против веры[28].

Таким образом, сравнительный анализ текстов военного законодательства помог обнаружить, что понятие *публичное покаяние* встречалось практически только в русских документах. Немецкий перевод шведского военно-уголовного кодекса, главного первоисточника Воинского устава, упоминает либо термин *покаяние (die Buße)*, либо *публичное извинение* (*die öffentliche Abbitte*), которое свершалось, как правило, перед полком и не требовало церковного обряда. Поэтому можно предположить, что введение в текст Воинского устава термина публичное покаяние не являлось следствием автоматического воспроизведения европейских военных кодексов, а стало осознанным выбором Петра. Этот выбор опосредованно был связан с влиянием протестантской традиции[29], которая, в отличие от католицизма и православия, отрицала епитимью и признавала возможность прилюдного исповедования греха[30]. В результате

---

[25] ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 320. 1716, 30 марта.

[26] Schwedisches Kriegs-Recht. S. 6.

[27] Ibid. S. 6–7.

[28] Ibid. S. 6.

[29] Определенную роль мог сыграть факт подчинения Синоду лютеранской общины Петербурга и епархии (см.: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 1. СПб., 1859. С. 142; *Суворов Н. С.* О церковных наказаниях. СПб., 1876. С. 186, 219).

[30] Речь идет о том, что еще Лютер во время Реформации постепенно склонился к мысли о пагубности тайной исповеди, индульгенции, отпущения грехов и пришел к выводу об особой силе коллективного публичного покаяния.

стремление Петра усилить социальную сплоченность регулярной армии через неизвестную русскому православию практику *публичного покаяния* привело к удивительному явлению — формированию по требованию государства нового церковного обряда, который стал важным каналом общественного контроля и спонтанно запущенным механизмом гуманизации наказаний.

«Учинить в церкви публичное покаяние»: обряд публичного покаяния в Петербурге первой половины XVIII в.

Дела Преображенского приказа, Тайной канцелярии, Юстиц-конторы, Московской конторы тайных розыскных дел, Петербургской консистории и т. д. показывают, что наказание публичным покаянием применялось прежде всего в военной среде столицы в первой половине XVIII в., начиная с последних лет правления Петра I. Дело «О публичном церковном покаянии пушкаря семеновского полка Степана Лядова за переписывание и хранение найденного им противозаконного письма»[31] 1725 г. детально воспроизводит всю процедуру исполнения приговора к публичному покаянию.

22-летний пушкарь Степан Лядов поступил на службу в Семеновский полк еще в 1719 г.; по его словам, исповедовался у полкового священника Ивана Василева и последний раз причащался год назад во время Великого поста. В прошлом, 1724 г. во время прогулки за Переведенской слободой случилось ему найти в лесу очень ветхое приворотное письмо, которое он зачем-то принес в полк, внимательно прочитал, переписал, затем разорвал и выбросил, но копию оставил при себе. И вот тут-то пришел приказ о переводе его и еще шестерых солдат в Петербургские гарнизонные полки. В ходе определения на новое место службы и был обнаружен список злополучного письма, началось разбирательство, дошедшее до генерала и полковника Преображенского полка Ивана Бутурлина. Бутурлин направил коменданту Петербурга Якову Бахмеотову ордер с требованием выяснить, кто автор письма, зачем Лядов его переписал и держал при себе, а также в чем собственно заключается приворот.

Выражаясь языком заимствований формирующейся регулярной армии, был проведен фергер (предварительное расследование) и осуществлен допрос пушкаря в кригсрехте, или воинском суде, в

[31] Здесь и далее цитаты из дела: Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 1. Д. 521. Л. 1–7.

присутствии председателя (презуса) и его асессоров. Все эти усилия не дали почти никаких результатов — Лядов еще раз показал, что письмо нашел случайно, силы его не понял, никому о нем не говорил, а переписал и сохранил исключительно по своей глупости. Допросные речи вместе с доношением были отправлены «его превосходительству» Бутурлину, который принял решение о виновности Лядова в нелепом копировании и сохранении списка, потребовал суда по «военным правам» и немедленного представления сентенции для конфирмации. Санкт-Петербургский гарнизонный военный суд, опираясь исключительно на параграфы Воинского устава, постановил «учинить Лядову публичное покаяние» и отправил доношение вместе с приговором Бутурлину, который подтвердил вынесенное наказание в промемории.

И вот пушкарь Степан Лядов был направлен в распоряжение Петербургской тиунской конторы при канцелярии Синода для принесения публичного покаяния в церкви Святого Апостола Матфия. Это был расписанный под мрамор одноглавый деревянный храм, перенесенный в 1719 г. из Петропавловской крепости на место расквартирования Белозерского пехотного полка в так называемые солдатские слободы[32]. При Лядове находилось доношение из Гарнизонной канцелярии и, что примечательно, — специально для священника Никиты Евтихиева «форма публичного в церкви покаяния», которая являлась «детальным» сценарием нового разработанного Синодом обряда.

О *публичном покаянии* в церкви необходимо было оповестить паству заранее и «публику учинить». После чтения часов, то есть молитвенного воспевания наступившего дня, от священника или дьякона требовалось объявить во всеуслышание: «...понеже пушкарь Степан Лядов, у которого найдено приворотное письмо, и показано на него явственно, по суду военному означился повинен в преступлении». Далее должно было идти подробное изложение сущности преступления, при этом специально отмечалось, что вина Лядова полностью признается генералом Бутурлиным. Обличение преступника заканчивалось назиданием: «...ныне он Лядов, ту свою вину исповедуя, приносит покаяние и просит отпущения, того ради

[32] Престол был освящен в день памяти апостола Матфия 9 августа, т. е. в знаменательную дату взятия Нарвы в 1704 г. и посвящен этой победе (Рукописный отдел Института истории материальной культуры Российской академии наук (далее — РО ИИМК РАН). Ф. 1. 1910 г. Д. 257. Л. 17–20). См. также: Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб. 1859. Вып. 1. С. 44.

извольте все православные, слышав оное его покаяние, от таких непотребных дел остерегаться, а о нем кающемся, помолитесь». После этих слов виновный трижды кланялся алтарю и обращался к людям: «Я, нижайший и всех грешнейший раб, перед Господом Богом и перед вами, православные христиане, за предъявленное мне согрешение, с сокрушением сердца и с осуждением того греха, прошу прощения перед всеми и молю ради человеколюбия вашего, помолитесь обо мне, грешном, чтобы оной мой грех от Господа Бога мне оставился в жизни сей и в будущем веке. Аминь». Далее следовала литургия, после которой священник и кающийся подписывали только что совершенный обряд. Затем «Форма публичного в церкви покаяния», «за его Лядова рукою», сопровождаемая доношениями, вновь пошла по инстанциям: священник Никита Евтихиев отчитался перед тиунской конторой Синода, протопоп Троицкий Иоанн Симеонов от имени Синода направил промеморию в гарнизонную канцелярию, а пушкаря Степана Лядова «по-прежнему определили в Санкт-Петербургский гарнизон в службу, какую годен будет».

По данным архива консистории, приговоры к публичному покаянию на основании Воинского устава не были массовыми, однако выносились регулярно. Через это наказание прошли, например, такие служащие расквартированных в столице и окрестностях подразделений: солдат Белозерского полка Федор Засухин за убийство в драке солдата того же полка Ивана Гаврицкого — в церкви Святого Апостола Матфия; гренадер Невского гарнизонного полка Иван Башмаков, убивший свою жену, — в Петропавловском соборе; солдат 2-го Кронштадтского батальона за разрубание топором иконы в церкви Владимирской Пресвятой Богородицы при Кронштадтском пограничном 1-м батальоне и т. д.[33]

Каждый приговор сопровождался «Формой публичного покаяния» с указанием церкви, в которой должен был проходить этот обряд. В случае если «Форма» по недосмотру канцеляриста отсутствовала, то сразу же возникало недоумение, связанное с отсутствием подобной практики в русском православии. Так, по делу об «убийстве гренадером Невского полка Иваном Башмаковым своей жены Акулины Яковлевой дочери Пенковой веревкой» полковник Василий Нелюбохтин вынужден был специально обратиться в Консисторию. «В присланном из гарнизонной канцелярии ордере велено Башмакову учинить церковное публичное покаяние, — писал

[33] ЦГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 563, 3693, 11818 и др.

полковник, — а какое покаяние — в том ордере не изображено, также и по Воинскому артикулу точно не значится»[34].

Между тем, несмотря на новизну не только специально разработанного Синодом обряда, но и самого понятия *публичное покаяние*, данная форма наказания закрепилась в судопроизводстве. Канцелярии начали присуждать подобное наказание и простым мирянам, никак не связанным с армией или флотом, что имело непосредственное отношение к общей тенденции распространения военного законодательства на все население[35]. Так, на Ивана Рыбакова, дворового человека графа Вильяма Фермора, за непосещение в течение 12 лет исповеди и причастия было наложено *публичное покаяние* в церкви Сергия Радонежского Чудотворца, что при артиллерийских слободах[36], а вдова отставного солдата Тимофея Короткого Агафья Фаддеева, обвиняемая в колдовстве, должна была подвергнуться *всенародному публичному покаянию* в церкви Владимирской Пресвятой Богородицы Кронштадтского гарнизонного полка[37]. При этом прописанный Синодом обряд покаяния досконально соблюдался, как правило, при наказании военных, о чем свидетельствует, в частности, казус Агафьи Фаддеевой и ряд других примеров исполнения приговоров, вынесенных представителям «земских сословий».

Для *публичного всенародного покаяния* Агафья была направлена в Собор Успения Пресвятой Богородицы к священнику Петру Федотову. В течение трех дней она во время богослужения стояла вне церкви, у дверей, всем проходящим мимо сообщала о своих занятиях волшебством, кланялась и просила прощения и молитвы перед Богом. Закончилось дело более или менее благополучно: у Агафьи нашлись поручители, в частности купецкий человек Матвей Петров, сын Позняков, — кто знает, может, она ему когда-то помогла своим прорицанием? В духовном правлении с нее в присутствии этого купца взяли подписку о том, что она оставит навсегда занятия волшебством и будет жить в страхе Божьем[38].

---

[34] ЦГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 3693. Л. 1.

[35] В январе 1722 г., например, вышел указ Петра I Сенату о составлении на основании военных, морских и сухопутных законов инструкций земским правителям и об определении наказаний согласно тем же законам за их государственные преступления. См.: *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I: редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. М., 1945. С. 98.

[36] ЦГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 13963. Л. 1–5.

[37] ЦГИА. СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 857.

[38] ЦГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 857. Л. 1–9 об. См. также: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 1. СПб., 1859. С. 140–142; *Суворов Н. С.* Указ. соч. С. 184–187.

Заключение

Таким образом, анализ более тысячи следственных дел XVIII в., хранящихся преимущественно в фондах ЦГИА СПб и РГАДА, позволяет сделать вывод, что неизвестное православной традиции понятие *публичное покаяние* появляется в русском законодательстве в связи с изданием Воинского артикула. Показательно, что все приговоры к этому наказанию выносились «по силе Военного устава», а также «правил Святых отцов»[39], где понятие публичное покаяние, разумеется, ни разу не упоминалось. В то же время постатейное сравнение русских и европейских уставов не обнаружило прямого заимствования терминологии и практик наказания публичным покаянием из западного права. В большинстве зарубежных кодексов, на основе которых был составлен свод русских военных законов, термин публичное покаяние практически не встречается — речь идет лишь о пожертвовании жалования госпиталю «в качестве покаяния» или принесении извинения и «раскаяния» перед всем полком, иногда с молитвою на коленях и в присутствии священника. Такая форма дисциплинирования более напоминала послушание, тогда как *публичное покаяние* по Воинскому уставу и артикулам могло происходить только в церкви и поэтому требовало специально разработанного обряда.

Документы Петербургской тиунской избы (архивные собрания Петербургской консистории) и Московской дикастерии (архивные собрания Московской консистории) свидетельствуют, что наказание публичным покаянием не стало широко используемым наказанием и сначала присуждалось солдатам Санкт-Петербургского гарнизона преимущественно в конце правления Петра и второй четверти XVIII в. Однако эти отдельные, но регулярно повторяющие обряды *церковного всенародного публичного покаяния* в главных храмах Петербурга имели, безусловно, сильное эмоциональное воздействие и выступали важным инструментом социального контроля. Постепенно наказание *публичным покаянием* стало распространяться и на представителей «невоенного» сословия новой столицы, в отношении которых прописанный Синодом обряд наказания соблюдался менее строго и нередко своевольно интерпретировался священниками.

[39] В приговорах, как правило, цитировались «Кормчая книга, правила Поместного собора в Анкире, правила Василия Великого, правила Вселенского собора в Константинополе, Номоканон» (см., напр.: ЦГИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 857. Л. 4–5 об).

Во время правления Екатерины II использование религиозных практик при наказании мирян за преступления, не входящие в юрисдикцию церкви, становится массовым[40]. *Публичное покаяние* в большинстве приговоров постепенно уступает место отправке *в монастырь под начал*, однако сохраняет свое значение в качестве мощного предостерегающего действа[41]. Таким образом, введение наказания *публичным покаянием* с дисциплинирующей целью поддержания послушания и боевого духа в полках формирующейся регулярной армии спонтанно повлияло на гуманизацию приговоров и усиление тенденции к исправлению души преступника с помощью религиозных обрядов.

[40] *Marasiova E.* Punishment by Penance in 18th-Century Russia: Church Practices in the Service of the Secular State // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2016. № 17 (2) (Spring). P. 305–332.

[41] В частности, обряд *публичного покаяния* прошли преступники по громким делам, связанным с убийствами. См.: ПСЗ. Т.XVIII. №13211. С.782. 1768, 10 декабря; РГАДА. Ф. 264. Оп. 5. Д. 5, 7; а также: *Chrissidis N. A.* Crying Their Hearts Out: A Case of Public Penance in the Era of Catherine the Great // Religion and Identity in Russia and the Soviet Union. Bloomington, IN, 2011. P. 1071–1125; *Марасинова Е. Н.* Пространство наказания покаянием: от Кремля до Соловецкого монастыря (дело убийц Жуковых второй половины XVIII века) // Монастырь и тюрьма. Места заключения в Западной Европе и в России от средневековья до модерна // Monastère et prison. Les lieux d'enfermements en Europe de l'ouest et en Russie du Moyen âge jusqu'? l'époque contemporaine / Edited by *Ekaterina Makhotina* et. al. Moscow: NLO 2023. С. 260–276.

Екатерина Анатольевна САМЫЛОВСКАЯ
(Санкт-Петербург)
Старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Католическому храму — быть? Из истории храмового строительства в Санкт-Петербурге в XVIII в.*

Ekaterina A. Samylovskaya

Catholic Cathedrals — to Be or Not to Be? The History of Cathedral Construction in St. Petersburg of the 18th Century

Аннотация: Статья посвящена истории католического храмового строительства в Петербурге XVIII в. На основе анализа отечественной и зарубежной историографии, мемуаров и записок иностранцев о Петербурге XVIII в., материалов архивохранилищ автор делит историю строительства на пять этапов (с 1710 по 1782 г.). Фокус статьи обращен на изучение факторов, влиявших на выбор места для строительства храмов, выбор архитектурных и стилистических решений, скорость строительства храмов и др. Отмечено, что специфические черты храмового строительства и традиции, заложенные в петровскую эпоху, проявлялись и развивались на последующих этапах.
Abstract: The paper is devoted to the history of Catholic cathedrals' construction in St. Petersburg of the 18th century. Based on the analysis of domestic and foreign historiography, foreigners' memoirs and notes about St. Petersburg of the

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10064, https://rscf.ru/project/23-78-10064/ в Санкт-Петербургском государственном университете.

18th century, materials of archives, the author divides the history of construction into 5 stages (from year 1710 to 1782). The paper is focused on the study of factors that influenced the choice of a place for the construction of cathedrals, the choice of architectural and stylistic solutions, the speed of construction, etc. It is noted that the specific features of cathedrals' construction and traditions laid down in the Peter the Great's era were manifested and developed at subsequent stages.

Ключевые слова: базилика Святой Екатерины Александрийской, архитектура Санкт-Петербурга, католики, петербургская католическая община, Католическая церковь.
Keywords: basilica of St. Catherine of Alexandria, St. Petersburg architecture, Catholics, St. Petersburg Catholic community, Catholic Church.

По воле Петра Великого Санкт-Петербург вырос из города-крепости и военно-морской базы в столицу многонациональной и многоконфессиональной империи, которая стала центром притяжения множества иностранных специалистов со всех уголков Европы. Гарантированная им в 1702 г. свобода вероисповедания способствовала приезду в город иностранцев-католиков, которые по мере роста своей численности создавали католические приходы и строили храмы. Ученые не раз обращались к истории строительства католических храмов в городе. Так, долгие годы основополагающим трудом по истории храма Святой Екатерины Александрийской являлась работа Р. Ханковски[1]. В последние годы стали выходить работы, уточняющие и расширяющие знания о начальном периоде католического храмового строительства в городе[2]. Тем не менее, дальнейшее изучение отечественных источников, архивных материалов и западной литературы позволяет дополнить и систематизировать данные о строительстве, объяснить проблемы, возникавшие

[1] *Ханковска Р.* Храм Святой Екатерины в Санкт-Петербурге. СПб. 2001. 237 с.

[2] *Андреев А. Н.* К вопросу о строительстве и местоположении католического храма Греческой слободы в Петербурге // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 6–16. *Андреев А. Н., Андреева Ю. С.* Доминико Трезини: новые грани биографии и творчества = Domenico Trezzini: new aspects of biography and creativity. СПб., 2020; *Самыловская Е. А.* Католическая община Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века: дис. ... к. и. н.: 07.00.02. СПб., 2016; *Самыловская Е. А.* К вопросу об истории строительства римско-католических храмов Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 73: Петровское время в лицах — 2014: К 300-летию победы при Гангуте (1714–2014): Материалы научной конференции. СПб., 2014. С. 326–336.

у прихожан и строителей церкви в процессе возведения храмов.

Говоря о XVIII в., условно можно выделить пять этапов строительства католических храмов города, начиная с создания первой католической капеллы и заканчивая возведением базилики Святой Екатерины на Невском проспекте, а именно: с 1705 по 1710 г., с 1710 по 1726 г., с 1726 по 1737 г., с 1737 по 1740-е гг. и с 1750-х по 1782 г.

На первом этапе, с 1705 по 1710 г., важную роль в организации католических богослужений в городе сыграл Доминико Трезини. Именно им было предоставлено и подготовлено помещение на территории собственного двора на Санкт-Петербургском острове (Дворянской, или Посадской, слободе), в котором с 1705 г. начали проводиться первые публичные католические богослужения в городе[3]. Вероятно, именно тогда Д. Трезини стал старостой общины, фактически ее главой, на долгие годы[4].

С именем Трезини связан также и второй этап храмового строительства, с 1710 по 1726 г., когда на средства общины был построен первый деревянный католический храм и затем предпринята попытка его перестройки в камне.

Первое известие о существовании костела в Петербурге относится к 1710 г. Из делопроизводственных документов Коллегии иностранных дел и Канцелярии Синода мы узнаем, что располагался он на Адмиралтейском острове, в Греческой слободе. Первой записью обозначено состоявшееся в церкви в апреле 1710 г. крещение сына Д. Трезини — Пьетро. Более того, на крещении присутствовал в роли крестного сам Петр I[5], в честь которого, судя по всему, и был назван ребенок[6]. Костел представлял собой деревянный дом, пере-

---

[3] АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1 (1724 г.). Д. 2. Л. 7; *Андреев А. Н.* Доминико Трезини — староста римско-католического прихода в Санкт-Петербурге // Российская история. 2014. № 4. С. 129.

[4] Доминико Трезини занимал должность старосты католической общины вплоть до своей кончины в 1734 г. Подробнее см.: Самыловская Е. А. Доменико Трезини — католический староста: общественная деятельность первого архитектора Санкт-Петербурга // Личность и Культура. 2010. № 5. С. 93–95. *Андреев А. Н., Андреева Ю. С.* Доминико Трезини: новые грани биографии и творчества = Domenico Trezzini: new aspects of biography and creativity. С. 68–97.

[5] ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп.1. Д. 31. Л. 2–2 об.

[6] Подробнее о строительстве костела см.: *Андреев А. Н.* К вопросу о строительстве и местоположении католического храма Греческой слободы в Петербурге. С. 10; *Самыловская Е. А.* Католическая община Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века. С. 57–58; Она же. К вопросу об истории строительства римско-католических храмов Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века. С. 326.

строенный под церковные нужды, с расположенным неподалеку деревянным хосписом. Он был приблизительно 15 м в ширину и 25 м в длину[7]. Колокольни храм не имел[8]. Богатое убранство церкви, алтарь, серебряная и позолоченная церковная утварь, кухонная утварь, книги и даже облачения священнослужителей для богослужений приобретались за счет старост и прихожан[9]. Уже во второй половине 1710-х гг. начались работы по перестройке костела в камне[10].

Долгое время в исторической литературе бытовало мнение, что храм носил то же название, что и расположенная на Невском проспекте церковь, т. е. был назван в честь св. Екатерины Александрийской[11]. Однако автору удалось на основе архивных документов доказать, что храм был освящен в честь св. Петра[12]. Следует отметить, что в дальнейшем освящение (или планирование освящения) католического храма в честь правящего российского императора станет целенаправленной политикой общины и католической миссии в XVIII в.

К началу 1720-х гг. католические богослужения проводились как минимум в трех культовых сооружениях: в храме св. Петра в Греческой слободе, французской часовне на Васильевском острове и в избах на Большой Морской улице.

С 1720 г. миссией капуцинов была предпринята попытка строительства новой католической церкви. 22 августа 1720 г. Полицмейстерская канцелярия отвела капуцинам под строительство храма пустующий участок земли на Адмиралтейском острове по берегу р. Мьи (Мойки), на Большой Морской улице (Морской слободе). Место постройки и размер участка определил архитектор Николай

---

[7] *Андреев А. Н.* К вопросу о строительстве и местоположении католического храма Греческой слободы в Петербурге. С. 10; D' *Haarlem Z.* Capucins a Saint-Pétersbourg (1720–1725) // Collectanea Franciscana: Periodicum Cura Instituti Historici Ordinis Fratrum Minorum Capuccinorum Editum. Rome, 1942. Vol. XII (1942). P. 253.

[8] *Turgenev A. J.* Monumenta Historica Russiae, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta. Petropoli, 1841–1842. Vol. 2. (1842). P. 340.

[9] Подробный список приобретенных предметов см.: *Самыловская Е. А.* Католическая община Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века. С. 59–60.

[10] *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 108.

[11] *Базылев Л.* Поляки в Петербурге. СПб., 2003. С. 27.

[12] *Самыловская Е. А.* К вопросу об истории строительства римско-католических храмов Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века. С. 327.

Гербель[13]. Кроме того, от капуцинов требовали построить каменный храм на новом месте[14]. Тем не менее местных католиков не сильно заботило строительство еще одной католической церкви, так как это требовало от них дополнительных трат, в то время как на прихожан церкви св. Петра легли расходы по содержанию прибывших в большом количестве в 1720 и 1721 г. священнослужителей — капуцинов и францисканцев-реформатов[15]. К 1724 г. на строительство нового каменного храма было потрачено 700 руб.[16]; вскоре священники даже просили позволения взять колокола и отправлять службу в новом строящемся храме[17]; более того, капуцин о. Аполинарий фон Вебер докладывал Римской курии, что над входом в будущую церковь он установил «*орла Его Величества императора Всероссийского*»[18]. Однако строительство данной церкви было прекращено либо после высылки капуцинов из Петербурга в 1724 г., либо уже после смерти Петра I.

После массового прибытия в Петербург в 1716–1717 гг. французских мастеров в городе сформировалась автономная французская колония, которая с конца 1710-х гг. по 1726 г. имела собственные богослужебные помещения. Одним из таких помещений стала часовня в квартире К. Б. Растрелли (в бывшем дворце царицы Марфы Матвеевны)[19]. Вскоре непосредственно во Французской слободе под нужды разрастающейся колонии на Васильевском острове появится небольшая французская часовня[20]. А. Н. Андреев предположил, что эта часовня могла располагаться либо во дворе дома архи-

---

[13] АВПРИ. Ф. 10/1 (1724 г.) Д. 4. Л. 1–1 об.; *Андросов С. О.* Архитектор Никола Микетти и другие католики в Петербурге (1721–1723 гг.) // Петровское время в лицах — 2011: К 30-летию Отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1981–2011): Материалы науч. конф. // ТГЭ. [Т. 58]. СПб., 2011. С. 40.

[14] Подробнее о сложностях строительства см.: *Самыловская Е. А.* К вопросу об истории строительства римско-католических храмов Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века. С. 328.

[15] Подробнее о католических миссиях в 1720-е гг. см.: *Алакшин А. Э., Самыловская Е. А.* Миссии францисканцев и капуцинов в Санкт-Петербурге в последние годы петровской эпохи (1719–1725) // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 235–243.

[16] АВПРИ. Ф. 10/1 (1724 г.) Д. 4. Л. 1–2; Д. 5. Л. 3–3 об.; Д. 5. Л. 19 об.

[17] Цит. по: РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 540. Л. 42 об. – 43 об.; Оп. 5. Д. 163. Л. 5–5 об.

[18] *D' Haarlem Z.* Les Capucins a Saint-Petersbourg (1720–1725). P. 374.

[19] На будущей Шпалерной улице. См.: *Андреев А. Н., Андреева Ю. С.* Французская слобода Васильевского острова в Санкт-Петербурге в XVIII в. // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 118.

[20] РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 540. Л. 1–13 об.

тектора Д. Трезини (2-я линия Васильевского острова), либо в доме резчика Н. Пино[21]. Рядом с часовней находилось однокомнатное помещение для священнослужителей, к которому в 1721 г., для проживания прибывших в город францисканцев-реформатов, Д. Трезини пристроил вторую комнату и кухню[22]. Судя по всему, часовня на Васильевском острове просуществовала до второй половины 1720-х гг., когда, согласно указу Петра I, петербургским католикам было запрещено иметь более одного храма. С этого момента французы Васильевского острова были вынуждены посещать общую церковь в Греческой слободе[23]. Так была потеряна потенциальная возможность строительства нескольких национальных римско-католических храмов в городе.

Третий этап католического храмового строительства, с 1726 по 1737 г., приходится на период функционирования в Греческой слободе церкви св. Екатерины Александрийской. После смерти Петра I, в 1726 г., на старом месте в Греческой слободе была возведена новая деревянная церковь, которая была названа в честь императрицы Екатерины I. Для алтаря, украшенного барельефом с изображением св. Екатерины Александрийской, императрица пожертвовала серебро и шелк. Храм был построен исключительно силами общины за 1300 скудо (руб.)[24]. Церковь была 196 футов (59,7 м) длиной и 48 футов (14,6 м) шириной и имела колокольню с четырьмя колоколами[25]. Она была хорошо спроектирована и «симметрична»[26]. При этом в течение последующих шести лет планировалось все-таки построить новую каменную церковь на определенном еще Петром I месте, т. е. на Большой Морской улице. Тем не менее, этим планам так и не было суждено сбыться. Единственное, что удалось осуществить, это закладка ее первого камня в 1726 г.[27] Судя по всему, до момента гибели церкви в пожаре в 1737 г. ее могли перестраивать, так как в отчетах Полицмейстерской канцелярии о последствиях

---

[21] *Андреев А. Н., Андреева Ю. С.* Французская слобода Васильевского острова в Санкт-Петербурге в XVIII в. С. 119.

[22] *Reinhold J.* Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Fortsetzung). S. 336.

[23] РГИА Ф. 796. Оп. 4. Д. 540. Л. 66.

[24] *Reinhold J.* Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Fortsetzung). S. 345–346.

[25] Ibid. S. 346. О существовании колокольни в 1736 г. пишет датский дипломат Педер фон Хавен (см.: *Хавен П. фон*. Путешествие в Россию. СПб., 2007. С. 41).

[26] *Reinhold J.* Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Fortsetzung). S. 346.

[27] Ibid.

этого пожара были указаны другие размеры храма: сгоревший храм имел в ширину 23,47 м, в длину 41,96 м.[28]

С целью расширения жилых площадей для католических миссионеров, а также защиты от пожаров, наводнений и суровых климатических условий в 1729 г. францисканцы-реформаты на собственные средства построили новый каменный хоспис. Здание находилось на возвышении в отдалении от церкви. На верхнем этаже находились двенадцать комнат, а на первом этаже — еще несколько помещений. По стилю здание больше походило на обычный городской дом[29]. В целом на строительство и отделку хосписа было потрачено 1800 скудо (руб.), из которых 500 скудо (руб.) были направлены Римской курией[30]. В 1737 г. он представлял собой здание неправильной формы, которое на разных своих концах имело 15,65 м и 21,37 м в ширину, а в длину составляло 47,65 м[31].

Однако пожар 1737 г. уничтожил и костел, и хоспис, в результате чего миссионеры расположились в доме придворного ювелира Венедикта Граверо[32]. Здесь же ими была организована небольшая временная капелла[33].

Четвертый этап храмового строительства, с 1737 по 1740-е гг., связан с попытками священнослужителей и общины построить новую каменную церковь на Невском проспекте. Поиск места для строительства храма начался в 1738 г. Первоначально префект миссии о. Карло да Лука со старостами и прихожанами 10 июля 1738 г. обратился к императрице Анне Иоанновне с просьбой разрешить выкупить у В. Граверо под строительство церкви и хосписа его двор на Большой Морской улице. Однако по резолюции Кабинета министров им велено было искать под строение «пристойное место, где прочих вер церкви построены», так как во дворе Граверо, нахо-

---

[28] *Андреев А. Н.* К вопросу о строительстве и местоположении католического храма Греческой слободы в Петербурге. С. 11–12.

[29] *Reinhold J.* Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Fortsetzung). S. 347.

[30] Ibid; *Reinhold J.* Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Schlu?) // Archivum Franciscanum Historicum. Rome, 1963. Vol. 56. S.154.

[31] *Андреев А. Н.* К вопросу о строительстве и местоположении католического храма Греческой слободы в Петербурге. С. 11.

[32] Сегодня: Большая Морская д. 36 (См.: *Бройтман Л. И. Краснова Е. И.* Большая Морская улица. СПб., 1997. С. 129.)

[33] Записки придворного брильянтщика Иеремии Позье о пребывании его в России с 1720 по 1764 гг. // РС. 1870. Т.1. № 3. С. 54–55; *Reinhold J.* Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Fortsetzung). S. 389.

дящемся между жилыми домами, римско-католическую церковь строить «не прилично». Вскоре префект, старосты и прихожане подобрали новое место под строение церкви «на Адмиралтейской стороне по Невской першпективе против новопостроенного деревянного гостиного двора подле назначенного под строение Ея Высочества благоверныя Государыни цесаревны Елизаветы Петровны конюшенного двора места», в ширину 45, а в длину около 80 сажень[34]. Именным указом Анны Иоанновны от 14 сентября 1738 г. под строительство храма было выделено место на Невском проспекте[35]. При этом надлежало внутри двора построить каменную церковь без колокольни и колоколов, а для отправления церковных церемоний было позволено иметь внутри церкви только один колокольчик[36]. Вскоре участок был обнесен забором, и на него были перевезены камни от старого сгоревшего хосписа, на что было потрачено 310 руб.[37]

В исторической литературе существуют разные мнения относительно факта существования каменной капеллы Благовещения Богоматери в период строительства католического храма на Невском проспекте[38]. Тем не менее, представляется более правдоподобной версия, согласно которой в 1740-е гг. действовала капелла внутри каменного хосписа, который удалось максимально быстро возвести на новом месте в 1740 г.

Для строительства каменного храма необходимы были значительные суммы, поэтому префектом миссии о. Карло да Лука был организован сбор пожертвований на территории России и за границей. Императрица Анна Иоанновна пожертвовала на храм 500 руб. и пообещала пожертвовать столько же, если Римская курия также окажет финансовую помощь петербургским католикам. Даже лютеране из германских земель сделали вклад в размере 5000 талеров, однако собранных средств все еще не хватало, в т. ч. и потому, что Рим отказался от софинансирования проекта. Поэтому с целью получения дополнительных средств было решено построить не-

---

[34] РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 1032. Л. 31–32 об.; *Ханковска Р.* Указ. соч. С. 30–31.

[35] ПСЗ. Т. 10. С. 612. № 7654.

[36] Там же. Л. 33–33 об.

[37] *Reinhold J.* Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Fortsetzung). S. 390.

[38] *Kluczewski E.* Parafia i kosciol sw. Katarzyny w Peterburgu // “Charitas”: ksiesa zbiorowa wydana na rzecz rzymskokatolickiego Towarzystwa Dobroszynnosci przy kosciele sw. Katarzyny w Peterburgu. SPb., 1894. S. 133; *Ханковска Р.* Указ. соч. С. 28–29.

сколько доходных домов для сдачи их помещений в аренду[39]. Первоначально было запланировано два дома, и в 1754 г. один из двух домов значился в качестве новопостроенного[40]. К 1761 г. уже были построены четыре больших дома и два маленьких дома из камня с конюшнями, которые приносили ежегодный доход в 2500 руб.[41]

Завершающий этап строительства храма, с 1750-х гг. по 1782 г., сопровождался постоянными внутриобщинными конфликтами. Связаны они были как с финансовыми проблемами из-за расхождения во мнениях относительно строительства и распоряжения денежными средствами прихода, так и с борьбой за власть между амбициозными миссионерами[42].

К началу 1750-х гг. был разработан проект П. А. Трезини[43]. В 1750 г. с целью сбора средств на строительство храма была издана гравюра этого проекта тиражом 24 экземпляра. Однако в 1751 г., по-видимому, в связи со смертью главы католической миссии о. Карло да Лука и отъездом архитектора из России, строительные работы были прекращены[44]. Богослужения до начала 1760-х гг. так и проводились в капелле внутри каменного хосписа[45].

Как известно, новый проект храма выполнил в начале 1760-х гг. архитектор Ж.-Б. Валлен-Деламот. Сохранился мемориал 1761 г. к канцлеру графу М. И. Воронцову от имени патеров, в котором они просили его представить проект и план будущего храма императрице Елизавете Петровне и обещали освятить его в ее честь[46].

После смерти Елизаветы Петровны на воцарение императора Петра III католиками было проведено торжественное богослужение, после чего Юстиц-коллегией Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел был отдан приказ, а также устный приказ от Петра III провести по усопшей императрице торжественную пани-

---

[39] Reinhold J. Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Fortsetzung). S. 391–392;

[40] *Ханковска Р.* Указ. соч. С. 34.

[41] *Reinhold J.* Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Fortsetzung) S. 392.

[42] См. подробнее: *Самыловская Е. А.* Католическая община Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века. С. 121–122.

[43] *Ханковска Р.* Указ. соч. С. 34.

[44] Там же. С. 34–35. *Самыловская Е. А.* Католическая община Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века. С. 96.

[45] *Reinhold J.* Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Schluß). S. 143.

[46] АВПРИ. Ф. 10/1. Оп. 1. Д. 1. (1761 г.). Л. 3 об.

хиду с «большей пышностью и музыкой». Она состоялась 9 марта 1762 г. Торжественную речь на панихиде прочел немецкий священник, со всей пышностью и как подобает в католическом храме[47]. Согласно отчету главы миссии о. Джироламо да Доло, самым замечательным и неслыханным доселе было то, что сам император изволил присутствовать на торжестве до самого конца. Когда служба закончилась, император посетил хоспис и в комнате префекта даже выпил вместе с патерами бутылку вина. Во время этой встречи императору был представлен проект новой церкви, который тот одобрил и велел храм построить. Однако неизвестно, какой именно проект одобрил Петр III[48].

Вскоре канцлер М. И. Воронцов предложил префекту обратиться к папе римскому, чтобы тот также принял участие в финансировании нового строительства[49]. При этом Воронцов внес значительную сумму на строительство нового храма и добился покровительства Петра III[50]. Однако действия префекта были строго осуждены Римской курией за такое близкое общение с «схизматиками». В результате о. Джироламо пришлось оправдываться, объясняя свой поступок тем, что он боялся попасть в немилость к императору, а также тем, что подобные отпевания в принципе были в порядке вещей и проводились также на смерть императриц Екатерины I и Анны Иоанновны[51].

Смеем предположить, что именно тогда было принято решение освятить новый храм в честь св. Петра: новый план церкви именно с этим названием был представлен императору. Поэтому и остался в собрании библиотеки Академии художеств чертеж «План и фасад католического костела Св. Петра», название которого так удивило обнаружившую его Р. Ханковску[52].

Префект, будучи итальянцем, хотел построить пышный, помпезный храм, посредством которого католицизм будет достойно представлен среди других конфессий Петербурга. Однако значи-

---

[47] Reinhold J. Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Fortsetzung). S. 218–221.

[48] Ibid. S. 300–366; *Reinhold J.* Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Schlu?). S. 142–143; *Ханковска Р.* Указ. соч. С. 39.

[49] *Reinhold J.* Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Schluß). S. 143.

[50] Ibid. S. 144.

[51] *Reinhold J.* Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Fortsetzung). S. 218–219.

[52] *Ханковска Р.* Указ. соч. С. 41.

тельная часть общины, возглавляемая немцами, напротив, хотела видеть церковь без лишнего декора, которая служила бы исключительно практическим целям[53].

Воцарение Екатерины II скорректировало планы петербургских католиков. Торжественная церемония начала строительства прошла 16 июля 1763 г. От имени императрицы первый камень заложил обер-церемониймейстер Франческо Санти[54]. Согласно смете, сделанной по проекту Валлен-Деламота, на постройку храма было необходимо 105 000 руб.[55]. При этом префект рассчитывал построить церковь за 50 000 руб., в то время как немцы — за 20 000 руб. В любом случае денег на строительство катастрофически не хватало. В результате префект, имея доставшийся ему от предшественников долг в 2000 руб., был вынужден взять в долг на строительство еще 6000 руб. и даже закладывать построенные церковные дома, чем вызвал недовольство старост и прихожан[56]. К отставке префекта о. Джироламо церковь фактически была построена только наполовину[57].

Строительство церкви удалось завершить только префекту о. Андреа да Премозелло, возглавившему миссию в 1778 г. В своем письме в Рим в июне 1779 г. он сообщил, что решил вместе со старостами взять в долг на строительство храма 10 000 руб. под 6% годовых. Регулярный доход, по его мнению, можно было бы использовать для погашения процентов до поры до времени, а при хорошем ведении хозяйства останется еще 1000 руб. в год на погашение долга. Кроме того, они собрали почти 3000 руб. милостыни от католиков Петербурга, а также написали письма за границу с просьбой о пожертвованиях. План завершения строительства храма был представлен архитектором Джакомо Тромбара. По расчетам итальянского архитектора, для этого должно было потребоваться 28 000 руб. В 1779 г. префект даже обратился с просьбой о финансировании строительства к королю Речи Посполитой Станиславу Понятовскому, который выделил в 1780 г. 1000 руб.

Строительные работы возглавлял Антонио Ринальди. Однако, судя по всему, с целью экономии средств строительство велось с

---

[53] *Reinhold J.* Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Fortsetzung). S. 231.

[54] *Ханковска Р.* Указ. соч. С. 45.

[55] Там же. С. 46.

[56] *Reinhold J.* Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Fortsetzung). S. 230, 233.

[57] Ibid. S. 244.

нарушениями: неправильное исполнение цинкового козырька, нарушения в установке строительных лесов, малая толщина стропил. Однако в защиту выполняемых Ринальди работ выступили прихожане-архитекторы Джакомо Кваренги, упомянутый нами выше Джакомо Тромбара, Александр Вист и др. В течение последних двух лет строительные работы завершал мастер-строитель Минвакки (Минчиани). Тем не менее, летом 1781 г. о. Андреа смог объявить, что церковь в основном закончена.[58] В итоге к 1784 г. община имела долгов на 66 664 руб. 94 коп. В 1794 г. долги уже насчитывали 169 430 руб. 1 коп., из которых 171 600 руб. было уже уплачено. При этом обращает на себя внимание тот факт, что среди кредиторов были лютеранский пастор Иоахим Кристиан Грот (дал в долг 1500 руб.), а также прихожане лютеранской церкви св. Екатерины (12 500 руб.)[59].

Торжественное освящение церкви состоялось 7 октября 1783 г. На освящении присутствовали первые деятели государства, иностранные послы, значительное число представителей духовенства, важнейшие прелаты Католической и Православной церкви. Освятил храм в честь св. Екатерины чрезвычайный посол папы римского Джованни Андреа Аркетти. В своей речи Аркетти произносил похвалы императрице Екатерине II[60].

Таким образом, строительство католических храмов в Санкт-Петербурге в XVIII в. имеет богатую историю: она включает пять этапов, непосредственно связанных с особенностями развития католической общины и жизни в городе в рассматриваемый период. Скорость возведения храмов и их архитектурные и стилистические решения по большей части зависели от нескольких факторов: расположения российских монархов к петербургской католической общине или к конкретным католическим миссионерам, распоряжений российского правительства, требований Римской курии, финансового положения миссии и общины в целом, а также активного участия самих прихожан. При этом, если в первые два периода определяющим фактором было участие прихожан церкви, то в последующие — распоряжения российского правительства и финансовое положение миссии и общины. Каждый новый храм освящался в честь правящего императора или императрицы. Очевидна логика,

---

[58] *Reinhold J.* Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Schluß). S. 103–104.

[59] *Ханковска Р.* Указ. соч. С. 55.

[60] *Reinhold J.* Die St. Petersburg Missionpr?fektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Schluß) . S. 108.

которой руководствовались петербургские католики в этом вопросе: со времен Петра I российские императоры являлись гарантами прав и свобод католиков в России. Фактически полноценные католические миссии в Российской империи стали возможными лишь по воле Петра Великого, и каждый раз при смене правителя они были вынуждены добиваться протекции правящего российского монарха и подтверждать права, гарантированные им первым российским императором.

Александр Витальевич БЕРТАШ
(Бремен, Германия)
Протоиерей, настоятель церкви Свв. Царственных Страстотерпцев в г. Бремене, древлехранитель Берлинско-Германской епархии РПЦ МП

Церковная архитектура петровского времени, ее прототипы и влияние на столичное храмостроительство

Alexander V. Bertash

Architecture of the Orthodox Churches during the Time of Peter the Great, its Prototypes and Influence on the Construction of Churches in Capitals

Аннотация: Статья посвящена обзору нововведений в столичной церковной архитектуре петровского времени, в которой изначально использовалась «западноевропейская» ордерная система. Асинхронность петровского зодчества проявилась в использовании прототипов разного времени при сооружении репрезентативных храмов, эклектичность — в смешении европейских стилей и смене классицистических тенденций барочными. Эклектичность петровской архитектуры предвосхитила периоды классицизма и историзма, в т. ч. в необарочных сооружениях. Некоторые тенденции петровского времени не получили дальнейшего развития.
Abstract: The article is devoted to a review of innovations in the capital's orthodox church architecture of the time of Peter the Great, which initially used

the “Western European” architectural order. The asynchrony of architecture during the reign of Peter I, was manifested in the use of prototypes from different times in the construction of representative churches, eclecticism — in the mixing of European styles and the change from classicist tendencies to baroque ones. The eclecticism of architecture at that time anticipated the periods of classicism and historism, including in neo-baroque buildings. Some trends of Peter the Great’s time were not further developed.

Ключевые слова: церковная архитектура петровского времени, классицизм, барокко, эклектика, необарокко.
Keywords: Orthodox church architecture of Peter the Great’s time, classicism, baroque, eclecticism, neo-baroque.

Нововведения в архитектурной практике столицы Российской империи можно охарактеризовать как революционные: государственная регламентация, регулярное градостроение, появление новых типов репрезентативных городских сооружений и ордерной системы пластической обработки зданий, современного архитектурного образования. Если в допетровской Руси храмы являлись основными репрезентативными сооружениями, то в начале XVIII в. круг таковых расширился. Но самым значимым в новой столице и символом петровской эпохи все же стало, как известно, сакральное здание — собор, посвященный святым апостолам Петру и Павлу (1712–1733). Только он и старейшая по времени освящения в Санкт-Петербурге Благовещенская церковь Александро-Невского монастыря (1724) сохранились от этого времени доныне. Оба храма были построены иностранным зодчим — итало-швейцарцем Д. Трезини на новом месте и не несут черт адаптации к более ранней архитектуре переходного периода.

Даже временные деревянные храмы-базилики столицы (до середины 1710-х гг. — преимущественно фахверковые) отличались от сооружений предшествующего времени. Имея простейшую планировку старорусских клетских храмов, они завершались башенками со шпилями, имели выраженную ориентацию по оси «запад — восток», высокие двускатные кровли и крайне скупой декор. Согласно описанию города 1710–1711 гг., «в крепости стоит небольшая, но красивая деревянная русская церковь... об одном на голландский манер шпице»[1], в другом источнике упомянута «маленькая, но красивая русская церковь из дерева с красивой остроконечной

[1] См.: Описание Санкт-Петербурга и Кронштлота в 1710 и 1711-м гг. СПб., 1882.

башней в голландском стиле»[2]. По мнению историка города XIX в., «первый Петропавловский собор бесспорно напоминал шведскую церковь в Ниеншанце»[3]. Другими примерами деревянного храмостроительства являлись Сампсониевская церковь (1709–1710), первая церковь преп. Исаакия Далматского (1710), домовая церковь Воскресения Христова при дворце царицы Натальи Алексеевны (1711–1714), мазанковые церкви Воскресения Христова при дворце А. Д. Меншикова (1713), Успения Богородицы на Мокрушах (1713–1719), апостола Матфея в Солдатской слободе (1720), великомученика Пантелеимона при Партикулярной верфи (1722). Также не дошла до нас каменная вторая Исаакиевская церковь (1717–1731, архитекторы Г.-И. Маттарнови, Н. Гербель, Д. Трезини, Г. Киавери). Несмотря на то, что ее строительство велось русскими мастерами во главе с ярославским крестьянином Я. Неупокоевым, храм представлял собой вполне «западноевропейскую» трехнефную однокупольную базилику с квадратной в плане колокольней со шпилем с западной стороны[4].

Архитектура петровского Петербурга была ориентирована не только на «северный маньеризм и первый европейский классицизм»[5], или «ренессансно-маньеристическую архитектуру Северной Европы»[6]. Старейший прототип Петропавловского собора — фасадное решение церкви иезуитов (Иль Джезу) в Риме (1568–1584), последние по времени — храмы европейской периферии (пространственная композиция соборной церкви Св. Петра в Риге, 1690; церковь Спасителя в Копенгагене, 1696; церковь Успения

---

[2] «Точное известие о... крепости и городе Санкт -Петербург, о крепосце Кронштлот и их окрестностях...» // *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 50.

[3] *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям в губерниях. 1703–1782. СПб., 1885. С. 124.

[4] *Станюкович-Денисова Е. Ю.* Чертежи петербургских церквей 1740-х годов из Тессин-Хорлеманской коллекции // Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сб. науч. статей / Под ред. *А. В. Захаровой, С. В. Мальцевой*. Вып. 4. СПб., 2014. С. 401–423.

[5] *Аронова А. А.* Северный маньеризм или нарышкинское барокко // Проблемы русской художественной культуры. М., 1991. С. 39–42; *Она же.* Маньеризм — классицизм — барокко в архитектуре петровского времени. К вопросу о метаморфозах стиля в архитектуре переходного периода // Барокко в России / Отв. ред. *Г. Г. Поспелов*, ред.-сост.: *Н. А. Евсина, Н. В. Сиповская*. М., 1994. С. 70–80.

[6] *Ухналев А. Е.* Свидетельства стилистической полифонии в зодчестве петровского Петербурга // Архитектурное наследство. Вып. 59. М., 2013. С. 99.

бывшего цистерцианского аббатства в Рудах, перестроенная в 1671–1685). Особенно интересны поздние композиции фасадов ряда других храмов Силезии, ныне находящиеся на территории Польши. Шесть протестантских церквей были сооружены в соответствии с Альтранштадтской конвенцией[7]. Большинство из них — базилики с колокольнями над западным фасадом. Католическая церковь Святого Креста в Цешине (1648) была перестроена в 1707 г. Это зальная трехнефная церковь в стиле позднего барокко с колокольней над западным входом. Такому же типу следует православная Петропавловская церковь в Еленя-Гуре (Hirschberg, бывшая Marienkirche, 1737–1738) — однонефная базилика с крайне скромным фасадным декором в виде лопаток и рамочных наличников с замковыми камнями. Ее западный фасад в упрощенном виде соответствует церкви иезуитов в Риме и завершен колокольней. Объединяющей чертой отдаленных друг от друга во времени и в пространстве потенциальных прототипов и аналогов было использование ордера. Асинхронность прототипов не могла не привести к эклектичности, использованию разностилевых композиций и декора, что можно назвать и «бесчувствием по отношению к стилю как таковому»[8]. Важен был сам принцип новизны в консервативном церковном зодчестве.

Первоначально петровская архитектура развивалась от «классицистического варианта применения ордерной системы» к барокко[9]. Проект Александро-Невского монастыря Д. Трезини стал новаторским, как и сама обитель, задуманная Петром в качестве места социального служения и образования в большей степени, чем для уединенной молитвы. План монастыря представлен на гравюре А. Зубова 1717 г. «В центре комплекса располагался собор, опоясанный прямоугольником симметричных корпусов с малыми церквами. Такая конфигурация была характерна для немецких барочных монастырей и восходила к образу дворца-монастыря испанских королей в Эскориале»[10]. По своей стилистике комплекс — самая выразительная иллюстрация палладианского «петровского классицизма», на что впервые указала А. А. Аронова. Сплошной фасад

---

[7] Альтранштадтский договор был заключен 1 сентября 1707 г. между Карлом XII Шведским и императором Йозефом I, который даровал силезским протестантам свободу вероисповедания.

[8] *Ухналев А. Е.* Указ. соч. С. 98, 101, 102.

[9] *Кириллов В. В.* Классические тенденции формообразования в архитектуре Подмосковья петровского времени // Русский классицизм второй половины XVIII — начала XIX века. М., 1994. С. 15–24.

[10] *Масиель Санчес Л. К.* Купола, дворцы, ДК. М., 2023. С. 218.

лаврских корпусов с Троицким собором-базиликой оформлен пилястрами тосканского ордера. Западный фасад собора предполагалось завершить двухъярусной колокольней со шпилем[11].

Укрепление петровского самодержавия потребовало более репрезентативных барочных форм. В 1720 г. Т. Швертфегер создал новый проект монастырского ансамбля, известный по гравюре П. Пикара 1723 г. Двухбашенный Троицкий собор (1722–1731) отличался динамичным силуэтом в духе южно-немецкой католической барочной архитектуры. То же касалось и проекта его иконостаса, выполненного Т. Швертфегером[12]. Аналогично решен в барочной стилистике иконостас Пантелеимоновской церкви в Ораниенбауме (1720–1725). Он был изготовлен в Москве, в мастерской И. Зарудного, привезен оттуда и установлен в Пантелеимоновской церкви в 1726–1727 гг.[13] Иконостас представлял собой триумфальное архитектурное сооружение на основе ордерной системы.

При непосредственном участии Петра по проекту Трезини были сооружены монастырская Благовещенская церковь и примыкающий корпус — Духовской (1717–1725). Нетрадиционны для старой русской архитектуры базиликальная композиция, высокая крыша с изломом, прямоугольная в плане палатка для захоронений вместо алтарной апсиды, ордерная обработка фасадов, большие оконные проемы, плоские перекрытия двухэтажной церкви. Венчает храм восьмигранный барабан и купол с фонариком. Благовещенская церковь стала ориентиром для последующего строительства в Александро-Невском монастыре вплоть до начала XX в.

Асинхронность присутствует в архитектуре ряда храмов, построенных уже после кончины Петра. Композиционное решение и отделка Сампсониевского собора (1728–1740) и Трехсвятительской церкви (1740), декор Благовещенской церкви на Васильевском острове свидетельствуют о рецепции стилистики петровской эпохи, пусть и в архаичных формах. Мы не знаем имен зодчих, проектиро-

---

[11] Аналогично решен Трезини и главный западный фасад Петропавловского собора, по центральной оси которого из фасадной плоскости «вырастает» четырехъярусная колокольня с высоким тонким шпилем — главная доминанта новой столицы, которую сравнивают с мачтой корабля, плывущего в «земной рай».

[12] Архитектурная графика России. Первая половина XVIII века: собрание Эрмитажа: Научный каталог / [авт.-сост. *А. Н. Воронихина* и др. ; вступит. ст. *А. Н. Воронихиной*]. Л., 1981. С. 150–151.

[13] *Горбатенко С. Б.* Архитектура Ораниенбаума. СПб., 2014. С. 61–62. Утрачен, воссоздан в 2018 г. (арх. В. Голуб, Ю. Океанова).

вавших эти церкви, хотя они, видимо, связаны с окружением Дж. Трезини[14].

Некоторые столичные нововведения петровской церковной архитектуры не получили дальнейшего развития. Так, например, не стал распространенным в Санкт-Петербурге тип крестообразных в плане храмов Северной Европы — первых репрезентативных протестантских церквей (церкви Амстердама: Западная; Восточная, 1669–1671, А. Дортсман; и особенно Северная, 1620–1623, Х. де Кейзер; Флотская церковь в Копенгагене, 1619). Таинство евхаристии в кальвинизме отошло на второй план, и крестообразная композиция позволяла разместить в средокрестии не престол, а кафедру проповедника, для которой требовалась незначительная площадь. Однако крестообразный план не отвечал потребностям православной литургии. Крестообразная «голландская» схема так и осталась на уровне эксперимента в деревянной Петропавловской церкви и ряде храмов Москвы и Подмосковья. Базиликальный тип позволял выделить престол в рукаве центрального нефа по примеру католических храмов, но и он не получил широкого распространения[15].

В интерьере Петропавловского собора сделана попытка символической «сакрализации» монарха через решение иконостаса[16]. Но в других, даже в наиболее наполненных символикой, иконостасах петровского времени — Преображенского собора в Таллине (Ревеле)[17], Ораниенбаумского дворца — почитание Петра-триумфатора происходило в относительно традиционных формах, например через изображения святых, празднуемых в «царские дни». В иконостасе и росписях Сампсониевского собора прославление Петра имеет традиционно-иллюстративный, а не символический характер. Здесь просматривается уподобление Петра не Спасителю, а библейскому Самсону: на западной стене помещен его портрет в качестве победителя Полтавской баталии в день памяти преп. Сампсо-

[14] См.: Храм Благовещения Пресвятой Богородицы на Васильевском острове: 250 лет. СПб., 2012.

[15] Как «функциональный», однако, он был использован позднее при создании образцового проекта военных храмов, первая такая церковь — Св. Анастасии — была построена в 1901–1903 гг. в Петергофе (Берташ Александр, прот., Линькова К. В. Военные храмы в Российской Империи начала XX в.: деятельность Комиссии для удовлетворения религиозно-нравственных нужд войск и образцовый проект Ф. М. Вержбицкого // Вестник ПСТГУ. Сер. V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2023. Вып. 52. С. 68–87).

[16] См.: Иконостас Петропавловского собора: [Альбом]. СПб., 2003.

[17] *Погосян Е., Сморжевских-Смирнова М.* Православный Ревель Петра I. Таллин, 2019.

на[18]. В дальнейшем прославление Петра исчезает из церковных интерьеров. В других сферах культуры XVIII в., например в риторике, такая сакрализация играла более значимую роль[19].

В столичном церковном зодчестве с середины XVIII в. влияние петровской архитектуры проявилось как в объемно-пространственных решениях храмов, так и в пластической отделке фасадов. В царствования Анны Ивановны и Елизаветы Петровны, прежде всего в столице и ее пригородах, была выбрана в качестве образца барочная составляющая, а не более рациональная классицистическая. Репрезентативная церковная архитектура в аннинское царствование была представлена трехчастными Пантелеимоновской и Симеоно-Аннинской церквями. Их зодчие отталкивались от базиликальной схемы петровского времени, но сделали шаг к возвращению типа допетровского центрического храма и встречавшейся в петровское время, но не в Санкт-Петербурге, композиции «восьмерик на четверике». Кроме того, модифицированный в аннинское время базиликальный тип отчасти соответствовал посадским церквям конца XVII в., устраиваемым кораблем с расположенными по оси «запад — восток» высокой колокольней, низкой трапезной и центрическим одноглавым объемом[20]. Интересно, что изменение объемно-пространственного решения сочеталось у М. Г. Земцова и К. И. Бланка с архаичным «классицизирующим протестантским стилем», как его называет А. Аронова.

Во времена императрицы Елизаветы Петровны очевидно «отталкивание» от петровских композиций, по-североевропейски аскетичных, и движение в сторону постройки центрических «всефасадных» богато декорированных храмов. «Елизаветинское барокко» можно считать развитием типа репрезентативных зданий, ориенти-

---

[18] См. подробнее: *Берташ Александр, прот.* Сампсониевский собор в Санкт-Петербурге. СПб., 2020.

[19] Так, архим. Гавриил (Бужинский) утверждал, что «в небеси со Христом Петр царствует... Он живет... а нас... наказует, да от сея смерти воскресите, поживем Богови и живот, якоже он, вечный наследим» (Слово в день годичного поминовения во блаженной памяти преставльшегося благочестивейшего государя Петра Великого, отца отечества, императора и самодержца всероссийского... в соборном первоверховных апостолов Петра и Павла храме. СПб., 1726).

[20] С 1840-х гг. в рамках русского тоновского стиля, произошло окончательное «принятие» трехчастных композиций с планом, близким к прямоугольному, как национальных и «канонических» (образцовый проект церкви в имении Синявина, арх. К. А. Тон; авторские проекты единоверческих церквей в Санкт-Петербурге К. И. Брандта и Н. Е. Ефимова).

рованных на католическое барокко. Одним из истоков пышного барочного декора можно считать архитектуру нарышкинского маньеризма. Но для архитектуры церквей царствования Екатерины II, особенно в окрестностях Санкт-Петербурга и провинции, которые принято называть раннеклассицистическими, вновь характерно использование композиций и декора, восходящих к аннинскому и петровскому времени.

В эпоху классицизма в Санкт-Петербурге Ф. И. Демирцовым (Знаменская церковь, 1794–1804, утрачена), а позднее В. П. Стасовым (Троицкий Измайловский и Спасо-Преображенский собор) был возрожден тип храмов, представляющих в плане греческий крест, однако он далек от петровских сооружений голландского происхождения. Он отличается значительно более развитым средокрестием и наличием угловых компартиментов (в Преображенском соборе плановый крест фактически не читается). В ряде церквей этого типа присутствует апсида в восточной ветви креста. Такого рода модифицированный крестообразный план позднее оказался востребован в соборных церквях в русском стиле, начиная с московского храма Христа Спасителя и Введенской церкви (собора) в Санкт-Петербурге. С середины XIX в. русский стиль в церковном зодчестве, казалось бы, окончательно вытеснил петровское наследие. Он стал порождением санкт-петербургской архитектурной школы, но распространился в качестве альтернативы петровскому «западничеству». Однако среди эклектических неостилей в столичной архитектуре нашлось место барочным стилизациям, воспроизводящим в парацерковных и церковных сооружениях черты петровского зодчества. Если истоки русского классицизма в XIX в. не связывали с петровской эпохой, то барокко воспринималось как характерный петербургский, «петровский» стиль.

Эклектика в гражданской архитектуре давала бóльшую свободу в выборе стиля, чем в церковной, где доминировал русский стиль в различных вариациях и отчасти византийский стиль. Следует отметить, что в данный период непосредственно барочные традиции, связанные с петровской архитектурой, проявились в Санкт-Петербурге вновь в церковных и монастырских ансамблях — в архитектуре не только храмов, но и прихрамовых сооружений: домов причта, трапезных, богаделен, т. е. парацерковных зданий. Так, необарокко стало ведущим стилем в проектировании новых зданий Александро-Невской лавры (благодаря заданной при Петре «барочной доминанте» в архитектуре монастыря) и Троице-Сергиевой Приморской пустыни. Уже в 1834 г. архитектор А. П. Макаров соорудил в пусты-

ни необарочную трапезу «в том же стиле, как настоятельские кельи», воспроизведя декор построек «дней Петра и Анны» (на самом деле П.-А. Трезини 1760-х гг.)[21]. Наиболее последовательно необарочная линия проявляется в творчестве епархиального архитектора Г. И. Карпова (около десяти зданий, включая кладбищенскую контору, гостиницу и ворота в Лавре, два дома причта Николо-Богоявленского собора). Карповым были сооружены также два дома причта церквей Митрофаниевского кладбища (1868, еще один дом и здание приходской школы были построены тоже в стилистике необарокко гражданским инженером С. И. Андреевым в 1902)[22]. Деревянная церковь во имя Спаса Всемилостивого на Митрофаньевском кладбище, построенная по проекту Г. И. Карпова в 1883 г., воспроизводила архаичные черты перенесенной на кладбище и затем сгоревшей деревянной теплой церкви лейб-гвардии Измайловского полка, в свою очередь, близкой деревянным храмам петровского времени.

В числе необарочных храмов периода эклектики в столице — построенная заново Крестовоздвиженская церковь на Обводном канале (1848–1851, арх. Е. И. Диммерт); реконструкция в исторических формах Матфеевской церкви, хранившей иконостас петровского времени из первоначального Троицкого собора на Троицкой пл. (все утрачено); строительство по проекту А. М. Горностаева Сергиевской церкви в Троице-Сергиевой пустыни (1854–1859), которым руководил настоятель пустыни архим. Игнатий (Малышев). Тактичностью по отношению к существующему стилю отличались работы Горностаева в других барочных зданиях: Андреевском соборе в Санкт-Петербурге (1857–1858), Митрополичьем корпусе в Александро-Невской лавре (1861–1863)[23]. Для находящегося по соседству с пустынью имения «Михайловка» Г. Ю. Боссе спроектировал трехчастный необарочный храм (1858, не реализован).

Актуализировались в середине XIX в. и композиционные решения петровского времени. Кажется, никто не обращал внимания на то, что пространственное решение Новодевичьего Воскресенского

---

[21] *Бурдяло А. В.* Необарокко в архитектуре Петербурга. СПб., 2002. С. 91.

[22] Там же. С. 231–233.

[23] Подробнее см.: *Берташ Александр, свящ.* Петровская архитектура и барочные реминисценции в православном храмостроительстве Нового времени // Петровские памятники России и Европы: изучение, сохранение, культурный туризм. Материалы VII Международного Петровского конгресса. СПб., 2016. С. 481–510.

монастыря (1849–1861, Н. Е. Ефимов), по сути, копирует главную композиционную идею ансамбля Лавры. На главные магистрали (Неву и Царскосельский тракт) выходит протяженная линия монастырских зданий, в центре которой — собор, соединенный келейными корпусами с фланкирующими его симметрично расположенными и идентичными по архитектуре храмами. С «разворотом» внутрь каре главного фасада территория лавры, обращенная к Неве, застраивалась необарочными парацерковными сооружениями и храмами, далее разместилось наиболее обширное лаврское кладбище (Никольское). По такому же принципу развивалась застройка Новодевичьей обители. В эпоху эклектики, с постройкой св. врат и надвратной церкви по проекту А. М. Горностаева, аналогичное решение с фланкирующими главный фасад монастыря симметричными часовнями получил ансамбль Троице-Сергиевой пустыни, ранее сформированный по принципу свободной планировки.

Связь с барочной архитектурой в стилистическом плане можно видеть только в одном из многочисленных конкурсных проектов храма на месте трагического события 1 марта 1881 г. — смертельного ранения императора Александра II (Л. Н. Бенуа). В реализованном же проекте храма Спаса на Крови (арх. А. А. Парланд, архим. Игнатий (Малышев), 1883–1907) возродилась «петровская» тема сакрализации монарха. Преемственность с Петропавловским собором здесь идеологическая. Смерть царя-освободителя уподоблялась искупительной крестной смерти Спасителя. Согласно архитектору И. В. Штрому, «как Спаситель умер за все человечество, так Александр II умер за свой народ». Поэтому собор ассоциируется с храмом Гроба Господня — Воскресения Христова. Как и в храме Иерусалима, смысловыми центрами «Нового Иерусалима» в Санкт-Петербурге служат с востока алтарь и на западе — Гроб Господень (в Петербурге — место цареубийства, «Голгофа для России», Распятие на месте входа)[24].

Начало XX в., ознаменованное юбилейными датами петровского царствования, было отмечено сооружением или проектированием в столице ряда комплексов в стиле петровской архитектуры. Стилизацией ее раннего этапа — нарышкинского барокко является нереализованный проект новой придворной Петропавловской церкви в Петергофе (1893, Л. Н. Бенуа). Над алтарной частью базилики

[24] *Флайер М. С.* Церковь Спаса на Крови: Замысел — Воплощение — Осмысление // Иерусалим в русской культуре / ред. *А. Л. Баталов, А. М. Лидов*. М., 1994. С. 182–204; *Берташ Александр, свящ.* Воскресенский соборный храм («Спас на Крови») // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9. С. 441–445.

возвышается восьмерик с луковичной главкой, над западной — колокольня по типу восьмерик на четверике со шпилем[25]. Наиболее яркий пример воспроизведения нарышкинского стиля как в декоре, так и в композиции (по типу Успенской церкви на Покровке) — Воскресенская церковь на Смоленском кладбище[26] (1901–1904, арх. В. А. Демяновский, восстановлена в 2023 г.). Комплекс юбилейных сооружений на участке Сампсониевского собора с пристройкой к нему паперти (1908–1909, епархиальный архитектор А. П. Аплаксин при участии Н. Е. Лансере) имеет черты барокко как петровского, так и елизаветинского времени[27]. Не был исполнен предложенный А. П. Аплаксиным проект подворья Великолукского Троице-Сергиева монастыря на Б. Охте в стилистике петровского барокко (1909)[28]. В начале XX в. постройками, воплощенными в необарочных формах, завершилось формирование архитектурного ансамбля Александро-Невской лавры. По проекту архитектора Лавры (с конца 1903 г.) гражданского инженера Л. П. Шишко были сооружены: трехэтажное здание для ризницы, библиотеки и архива (1904–1910)[29]; северные ворота восточного двора; решетка между зданиями кладбищенской конторы и ризницы; пятиэтажный доходный дом на Невском проспекте, 153 (1901–1903, совместно с А. А. Венсаном), оформленный барочными наличниками.

В эпоху ретроспективизма напоминанием о появлении при Петре новых типов репрезентативных сооружений стало проектирование комплексов общественных зданий. Домовые храмы не занимали в них видного места, что напоминало о секулярном характере правления царя-реформатора (больница императора Петра Великого, училищные дома Петра Великого и имени Ломоносова). В малоизвестном проекте училищного дома имени М. В. Ломоносова (1913, А. И. Дмитриев, ГМИ СПб, не реализован), выдержанном как тонкая стилизация петровской архитектуры, церковь «спрятана» во двор и имеет боковой вход, она ни в какой степени не определяет восприятие репрезентативного пятиэтажного сооружения дворцового типа. То же относится и к более известному произ-

---

[25] *Лисовский В. Г.* Леонтий Бенуа. СПб., 2003. С. 119–121.

[26] *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. СПб., 2010. С. 387.

[27] *Аплаксин А. П.* Сампсоновский собор в Санкт-Петербурге и его реставрация в 1909 г. СПб., 1909. С. 2; *Бурдяло А. В.* Указ. соч. С. 271–275; *Белоножкин А. Е.* Санкт-Петербургский епархиальный архитектор А. П. Аплаксин. СПб., 2013. С. 122–123.

[28] *Белоножкин А. Е.* Указ. соч. С. 143.

[29] РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1904 г.). Д. 80; *Бурдяло А. В.* Указ. соч. С. 285–286.

ведению Дмитриева — Училищному дому Петра Великого. В журнале «Зодчий» писали о желании проектировщиков, «основанном на наименовании больницы, придать зданиям характер времени Петра Великого»[30], что им, несомненно, удалось. В обширном комплексе больницы императора Петра Великого в 1912–1914 гг. была построена часовня-покойницкая (арх. Л. А. Ильина, А. В. Розенберг; ныне церковь апостолов Петра и Павла), но она явно не доминирует в больничном ансамбле.

Ретроспективизм в церковной архитектуре с 1880-х гг. сосуществовал с архитектурой эклектики, а позднее — с модерном и неоклассицизмом. Самым значительным церковным проектом, связанным с памятью о Петре Великом, стало воссоздание после пожара 1913 г. в петровских формах (а точнее, на 1756 г.) первого приходского храма Санкт-Петербурга — Троицкого («Петровского») собора (1709–1711) (1923–1926, арх. Е. И. Катонин, разрушен в 1933). В той же стилистике была выполнена рядом стоящая «копия» прежнего храма (1913, арх. А. П. Аплаксин, разрушена в 1927 г.)[31]

Таким образом, для русского зодчества — в т. ч. церковного, в сравнении с европейским, характерна асинхронность вплоть до конца 1830-х гг., когда эклектика и доминирование в сакральном зодчестве национальных стилей захватили всю Европу. Другими словами, перемены в русском зодчестве происходили по иному сценарию, чем в Европе. Принципиальная эклектичность петровской архитектуры, прототипы и аналоги которой относятся к разным временам, странам и конфессиям, дала возможность развиться обоим главным стилям XVIII — начала XIX столетия и последовательно открыла путь доминированию барокко, а затем и классицизма. Разнообразие форм особенно ярко отразилось в сакральном зодчестве Санкт-Петербурга, несмотря на то, что оно при Петре потеряло свой статус единственного важного типа репрезентативной архитектуры.

Влияние петровской архитектуры на столичное церковное зодчество проявилось в следующих условных направлениях:

1. Объемно-пространственные решения: тип трехчастного храма с завершением основного объема по типу «восьмерик на четверике» появился как компромиссный вариант послепетровской «реставрации прошлого». Он сочетал базиликальный и более характерный для русской архитектуры центрический тип и отошел

[30] Зодчий. 1906. № 44. С. 440. См. также: *Кириков Б. М.* Александр Дмитриев: архитектор первой половины XX века. СПб., 2009.

[31] *Антонов В. В., Кобак А. В.* Указ. соч. С. 69–71.

на второй план в царствование Елизаветы Петровны, а затем стал доминирующим при императрице Екатерине II и присутствовал в более поздних памятниках.

2. Пластическая отделка фасадов: характерный для петровской архитектуры сдержанный декор сменился при Елизавете Петровне пышным барочным, одним из истоков которого можно считать раннепетровскую архитектуру нарышкинского маньеризма, и затем вновь возродился в классицистических постройках екатерининского времени. В немногочисленных, уже преимущественно светских, постройках ретроспективного необарокко 1910-х гг., так или иначе связанных с памятью об императоре Петре, петровский декор был безупречно стилизован.
3. Эклектичность петровской архитектуры предвосхитила период историцизма, в т. ч. в церковных и особенно парацерковных сооружениях. Это касалось и общего принципа «выбора стиля», и конкретной стилистики. Например, со второй половины XIX в. необарокко в церковной архитектуре заняло значительное место в Санкт-Петербурге, особенно в Александро-Невской лавре и Троице-Сергиевой пустыни, благодаря их изначальной «барочной доминанте». Композиции важнейших монастырских ансамблей столицы: Новодевичьего монастыря и Троице-Сергиевой пустыни — с середины XIX в. были ориентированы на лаврский ансамбль, плановые решения ряда храмов в русском стиле имели в качестве одного из прототипов церкви первой трети XVIII в.

Екатерина Александровна ШИШКИНА
(Санкт-Петербург)

Начальник отдела памятников и мемориальных досок Государственного музея городской скульптуры

«…И мрамор жив, и бронза дышит»[1]. О музейном опыте сохранения памятников Санкт-Петербурга

Ekaterina A. Shishkina

"…And Marble is Alive, and Bronze is Breathing". About the Museum's Experience in Preserving the Monuments of St. Petersburg

Аннотация: В статье рассказывается об опыте Музея городской скульптуры в деле сохранения монументального достояния Санкт-Петербурга на примере реставраций последних лет, в которых автор лично участвовал в качестве музейного специалиста-эксперта. Речь пойдет о первом скульптурном монументе в России — памятнике Петру I на Сенатской площади, легендарном Медном всаднике, декоративных скульптурах львов с Адмиралтейской набережной и загадочных чугунных сфинксах с Египетского моста через реку Фонтанку.

---

[1] Цитата из стихотворения *Н. Кандиевской-Толстой* «Я не покину город свой» (1941):

О память! Верным ты верна.
Твой водоем на дне колышет
Знамена, лица, имена,
И мрамор жив, и бронза дышит.

Abstract: The Museum's experience in preserving the monumental heritage of St. Petersburg, using the example of restorations in recent years, in which the author personally participated as a museum expert, will be discussed in the article: about the first sculptural monument in Russia — the monument to Peter I on Senate Square, the legendary Bronze Horseman, decorative sculptures of Lions from the Admiralty Embankment and the mysterious cast-iron sphinxes from the Egyptian Bridge over the Fontanka River.

Ключевые слова: памятник, Музей городской скульптуры, Медный всадник, реставрация, сохранение культурного наследия Санкт-Петербурга.
Keywords: monument, Museum of Urban Sculpture, Bronze Horseman, restoration, preservation of the cultural heritage of St. Petersburg.

В коллекции Музея городской скульптуры насчитывается более 250 памятников, созданных в разное время из различных материалов замечательными, выдающимися скульпторами и архитекторами. Памятники посвящены значимым историческим событиям и личностям. Главными задачами необычного Музея городской скульптуры являются изучение, сохранение и научная реставрация произведений монументального искусства, находящихся на открытом воздухе, в реальной городской среде. Среди памятников особое место занимает первый скульптурный монумент в России — памятник Петру I на Сенатской площади.

О, Петербург, о, Всадник Медный — так поэт Андрей Белый, а вслед за ним и мы объединили в неразрывное целое детище Петра I, его город, и первый в городе, первый в России скульптурный монумент императору Петру Великому, получивший у Пушкина поэтическое название Медный всадник.

Памятник, ставший символом петровских преобразований, символом движения России, преодолевающей трудности. Символический подтекст монумента, выраженный в предельно лаконичной, виртуозно исполненной форме, актуален до сих пор.

Открытый 7 августа (по старому стилю) 1782 г. памятник создан французским скульптором Э.-М. Фальконе (1716–1791), отдавшим ему 12 лет жизни в России, вложившим в него свой талант, обширные знания и навыки, а также упорный труд и желание создать великое произведение. Фальконе проявил себя не только как художник, но и как литейщик, смелый инженер (илл. 1)

Многогранность личности Фальконе не только вызывает восхищение, но до сих пор удивляет современных хранителей и реставраторов. Не стала исключением реставрация 2021–2022 гг., когда ставилась задача выполнить целый ряд необходимых защитных

Илл. 1. Памятник Петру I на Сенатской площади. Авторская подпись скульптора Э.-М. Фальконе в складках плаща. 2022 г. Фото автора.

операций, направленных на обеспечение сохранности монумента, а также провести его обследование, применяя современные приборы и новые подходы. Были взяты пробы патины с бронзовой поверхности конной скульптуры. Патина способствует также сохранению всех нюансов авторской проработки формы, имеет декоративное значение, придавая колористическую индивидуальность каждому бронзовому изваянию. Музей с 1976 г. ведет наблюдение за процессом естественного патинообразования. Исследования проб доказали, что патина на бронзовой скульптуре в основном здорова, и только в поднутрениях выявлены незначительные очаги так называемой «бронзовой болезни», т. е. перерождение патины, утрата ее защитных свойств. Для устранения очагов этой болезни применялся современный прошедший адаптацию способ — ХГН (холодное газодинамическое напыление), когда на расчищенные участки напыляется порошок меди в потоке кислорода (илл. 2). Происходит создание нового слоя патины — очень тонкого, тоньше человеческого волоса, который предохраняет авторскую поверхность от разрушения. Под напыленным слоем со временем начинается процесс

Илл. 2. Реставрация памятника Петру I на Сенатской площади. Метод ХГД. 2021 г. Архив ГМГС.

Илл. 3. Памятник Петру I на Сенатской площади. Внутренний каркас конной статуи. 1976 г. Архив ГМГС.

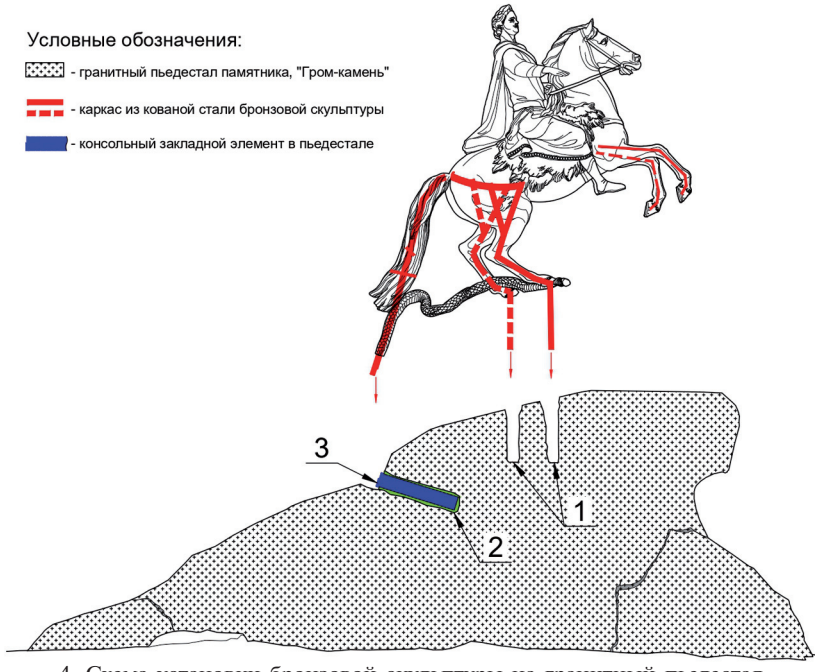
естественного патинообразования. Нанесенный слой имеет хорошую адгезию с авторским металлом, вместе с тем этот слой обратим.

Многое известно о равновесии конной статуи Петра благодаря ее основным точкам опоры — это задние ноги коня. Гаммографирование этой части памятника было проведено еще в ходе реставрации 1976 г. Полученные снимки отчетливо показали, что опорные железные стержни проходят через задние ноги коня и уходят вглубь гранита на 90 см (илл. 3).

Фальконе беспокоили ветровые нагрузки, в т. ч. боковые, он вычислил розу ветров, в которой преобладают западные ветра. Именно поэтому он, вопреки первоначальному замыслу, вводит в композицию статуи третью точку опоры — это извивающаяся под ногами коня змея. Из переписки Фальконе с Екатериной II мы знаем, что скульптор разъяснил императрице, зачем введена эта символическая деталь: змея не только символ зависти, злобы, но «она маскирует причину, заставившую к ней прибегнуть», т. е. еще одну опору. Но как осуществлена связь третьей точки опоры с задними ногами коня и почему «ноги держат все» — еще предстояло узнать.

При обследовании хвоста коня (в нижнюю часть его, через сливное отверстие, был введен оптико-волоконный эндоскоп) удалось увидеть опорный стержень, прикрепленный к тыльной стороне хвоста, выходящий из него и через изгиб змеи уходящий в глубь камня. Место соприкосновения стержня и гранита маскируется накладной частью изваяния змеи, ее хвоста. В то же время основная часть тела змеи, от головы до третьей точки опоры, отлита вместе с задними ногами и хвостом коня. Литая конструкция поддерживает конную статую. Расчистив место соприкосновения третьей точки опоры с гранитом, с помощью эндоскопа определили, что стержень, проходящий через хвост коня и тело змеи, опирается не просто на гранит, а на закладной металлический элемент, установленный почти горизонтально в толще Гром-камня.

Это значит, что в граните постамента еще до установки статуи была подготовлена выемка, в которую установили закладной элемент. На нем и был закреплен третий опорный стержень. Так была обнаружена и стала явной третья точка опоры конной статуи. Каким же точным должен был быть расчет всей опорной части конной статуи (илл. 4, 5)! А вот почему именно такое конструктивное решение принял Фальконе, пока остается загадкой. Современные реставраторы оставили этот вопрос открытым. Но вывод однозначен: прочность крепления конной статуи достигнута, хотя и применены необычные решения.

4. Схема установки бронзовой скульптуры на гранитный пьедестал (составлена главным архитектором проектов ООО «РМ «Наследие-Проект» Г. С. Чусовитиным). 2022 г.

5. Узел опоры стального кованого каркаса. 2021 г. Фото автора.

Долгое время составу, структуре Гром-камня — постаменту памятника — не придавали значения, считая его распространенным и столь характерным для архитектуры Петербурга гранитом рапакиви. Благодаря совместной работе музея с учеными СПбГУ и Горного университета были выполнены уникальные исследования, позволившие выявить, что это особый гранит, аналогов которого в известных карьерах в окрестностях Петербурга нет. Камень оказался в Лахте 10 тыс. лет назад, в период последнего оледенения, принесен ледником или айсбергом. Но место образования породы не установлено, как и обстоятельства его единичного перемещения к месту обнаружения в 1768 г. Кроме Гром-камня, этого конкретного валуна, других аналогичных по структуре камней в Лахте не обнаружено. Главное отличие Гром-камня — это друзы граната, топаза в структуре, которые ученые назвали биотитовым гранитом, с вкраплениями, жилами, — отсюда и полосатость постамента. Проводились георадарные, электромагнитные зондирования. Возраст гранита — не менее 1,6 млрд лет.

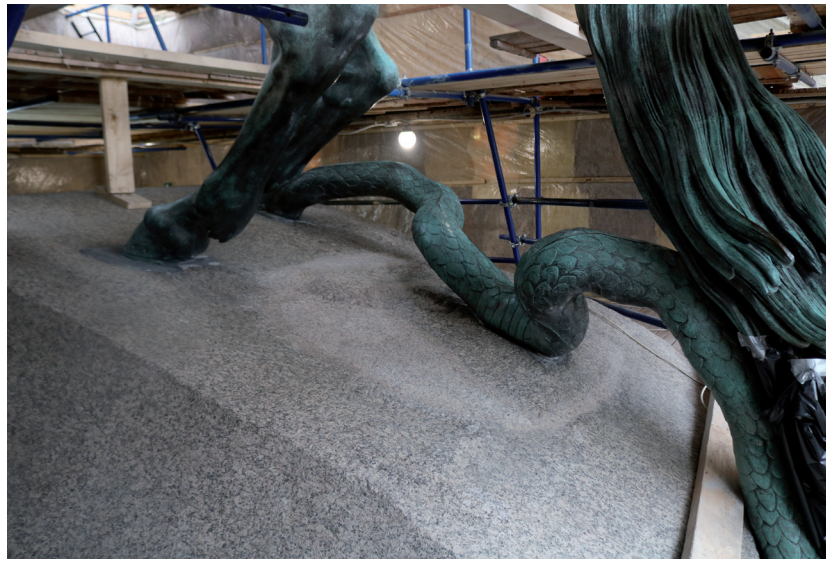
Постамент сложен из четырех разновеликих блоков, имеет три технологических шва. Когда-то плотно притесанные блоки создавали впечатление единого камня. Сейчас налицо чудовищная деструкция связующего состава, в швах между блоками — поселения микроорганизмов, бактерий, борьба с которыми предполагает следующие этапы: расчистка, биообработка, применение специально изготовленной мастики и тщательная заделка швов (илл. 6, 7).

Наблюдения, исследования, мониторинг состояния, систематический текущий уход, надеемся, позволят сохранить на века этот монумент, ставший гением места для Санкт-Петербурга.

Неизменными хранителями нашего Петербурга являются многочисленные и разнообразные скульптуры львов, подобные недремлющим стражам. Среди них особо выделим пару скульптур львов на Адмиралтейской набережной. Они обращены к главной водной магистрали — Неве, «Неве Петровне», по словам Б. Окуджавы.

Скульптуры созданы в 1832 г. по слепкам, сделанным с флорентийских львов на пл. Синьории. Они парные, но не зеркальные: один, западный, — копия античного, римского, другой — более молодой, авторский — скульптор Вакка, 1594 г. Петербургские львы исполнены на Александровском заводе, они единственные изготовлены из выколотной красной меди в технике «русская бить». Толщина пластин меди — 1–3 мм. Скульптуры полые, без внутреннего каркаса, тонкостенные, состоят из соединенных пайкой медных

Илл.6-7. Памятник Петру I на Сенатской площади. Реставрация гранитного постамента — Гром камня. 2021–2022 гг. Фото автора.

пластин, 28–30 штук в каждой. Фигурные станины из чугуна — проект архитектора Л. И. Шарлеманя.

Это грозные стражи, но по конструкции — хрупкие произведения. В годы блокады львы не покидали своих мест, на их туловищах имеются «ранения» — пулевые, осколочные. В 2022 г. в связи с аварийным состоянием из-за многочисленных актов вандализма скульптуры были демонтированы и привезены в мастерскую давнего партнера музея — ООО «РМ «Наследие». Выполнена струйно-вихревая расчистка, позволившая определить многочисленные повреждения. И опять, как прежде, вручную пропаяны швы между пластинами, замеченные «ранения», пластины соединены с помощью оловянно-свинцового припоя. Но деформацию объема из-за «человеческого фактора» — от любителей залезть на скульптуры и посидеть на них, таких хрупких, нанося непоправимый вред, — трудно исправить. И все-таки специалисты справились: применялся способ ХГН, позволивший «нарастить» утраченный объем, обновить медную поверхность, сохраняя оригинальный авторский материал. По архивным данным (колерным бланкам) была восстановлена историческая окраска скульптур. И вновь скульптуры львов «Нева Петровна... вас охраняют молчаливо <...> и ваших глаз запоминают свет» (илл. 8, 9).

Петербург, как считал Ф. М. Достоевский, самый фантастический и самый умышленный город. Неслучайно петербургская скульптура, как правило, имеет символический, порой мистический подтекст. В этом аспекте особое место уделено изображениям загадочных, таинственных существ — сфинксов, пришедших к нам из античной (греческой) или древнеегипетской традиции. Ярким примером использования этих образов является старинный Египетский мост через реку Фонтанку. На его устоях первоначально были установлены четыре скульптуры сфинксов, которые декорировали подвесной мост, обрушившийся в 1905 г. Мост разобрали, а скульптуры, представляющие собой мифические существа с туловищем льва и человеческим лицом, сохранились. Еще до появления в Петербурге подлинных египетских сфинксов скульптор Павел Петрович Соколов при украшении Египетского моста в 1826 г. создал скульптуры, сочетающие элементы греческого образа сфинкса (женская грудь) и египетского стиля: головной убор — немес (полосатый плат фараона), а также венчающие голову пальметки.

В 2022 г. сфинксы, пережившие Великую Отечественную войну и неоднократные акты вандализма, вновь покинули свои постаменты и были доставлены в реставрационную мастерскую.

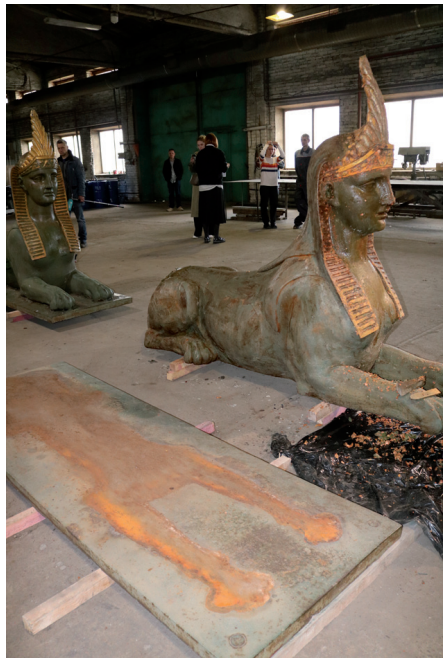
Илл. 8-9. Скульптуры львов с Адмиралтейской набережной в реставрационной мастерской. Процесс расчистки поверхности. 2022 г. Фото автора.

Выполнены скульптуры из чугуна — материала интересного, активно используемого в изготовлении художественных произведений начиная с 20-х гг. XIX в. Мастерство отливки восхищает, но чугун — хрупкий материал и подвержен коррозии. Любая трещина может привести к его значительному разрушению из-за попадания влаги и коррозии металла.

В ходе реставрации особенно тщательно выполнялась расчистка скульптур струйно-вихревым методом. Обнаруженная после освобождения от слоев краски поверхность чугуна обследовалась, выявлялись все изъяны: трещины, сколы, каверны. Обнаружены и пулевые, и осколочные «ранения». Принятые меры позволили добиться максимальной герметичности поверхности. Затем наносились слои подготовительные, под окраску. Окраска производилась по выявленным образцам и найденным документам в цвет «патинированной» бронзы. Великолепные немесы, пальметки выполнены из бронзы, но, к сожалению, утратили со временем позолоту. Проделана большая работа по золочению деталей сусальным золотом (илл. 10, 11). И вновь они глядят на нас, поражая красотой, бездонностью взгляда и неразгаданной таинственностью.

Каждый реставрационный проект направлен — еще раз это особо отметим — не только на выполнение определенных ремонтных операций, но прежде всего на создание условий для сохранения произведений в полном соответствии с авторским замыслом. Задача — сберечь авторский материал, пластику и выразительность скульптур. Для этого наш музей не только использует арсенал новых реставрационных средств, но и бережет традиции исполнения скульптур в том или ином материале, изучая приемы и методики старых мастеров. Не новодел, а только скульптура с сохраненной авторской достоверностью обогащает образную ткань города. Накопленный музеем опыт позволяет вести плодотворную работу по систематическому мониторингу состояния скульптурного наследия Санкт-Петербурга.

Приведенные примеры, разумеется, не исчерпывают масштаб и все разнообразие реставрационной и хранительской деятельности Музея городской скульптуры, направленной на сохранение красоты, неповторимости облика Града Петрова.

Илл. 10. Скульптуры сфинксов с устоев Египетского моста в реставрационной мастерской. Состояние перед началом реставрационных работ. 2022 г. Фото автора.

Илл. 11. Скульптуры сфинксов с устоев Египетского моста после реставрации. 2023 г. Фото автора.

Петр Егорович СОРОКИН
(Санкт-Петербург)
Директор АНО «НИИ культурного и природного наследия», старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН

Археологические памятники Охтинского мыса — уникальные свидетельства российской и европейской истории

Pyotr Ye. Sorokin

The Archaeological Sites of the Okhta Cape — Unique Evidence of Russian and European History

Аннотация: Археологические памятники, изученные на Охтинском мысу, существенно расширяют представления о древней истории Приневья и позволяют выстроить культурно-хронологическую шкалу развития региона на протяжении семи тысячелетий, начиная с эпохи неолита до времени возникновения Петербурга. Они освещают важные этапы российской и европейской истории и должны быть полностью сохранены в рамках Археологического музея-заповедника на Охтинском мысу, который находится под угрозой застройки.

Abstract: The archaeological sites of the Okhta Cape are unique evidence of Russian and European history. The archaeological monuments studied on the Okhta Cape significantly expand our understanding of the ancient epochs of the Neva Region and allow us to made a cultural and chronological scale of the development of the region for seven millennia, starting from the Neolithic era to the time of foundation of St. Petersburg. They highlight important stages of Russian and European history and must be fully preserved as part of the Archaeological Park on Okhta Cape, which is under threat of development.

Ключевые слова: Охтинский мыс, Петербургская крепость, Ниеншанц, Ландскрона, археологический музей.
Keywords: Okhtinsky Cape, St. Petersburg Fortress, Nienschanz, Landskrona, archaeological museum.

Миф об основании Северной столицы на необжитом и непригодном для обитания месте, несмотря на сохранение исторической памяти о русских селениях, Ландскроне и Ниеншанце в устье Невы, во многом подкреплялся отсутствием здесь видимых следов прошлого и находок древних вещей. Не только Петербург, но и все Приневье до недавнего времени оставались белым пятном на археологических картах Северо-Запада России. И. П. Шаскольский отмечал парадоксальность этого явления в условиях масштабного строительства Петербурга и его агломерации[1]. Получение Петербургом археологического статуса, с постановкой на охрану культурного слоя и основных объектов в границах города XVIII в., произошло только в канун празднования его 300-летия[2]. С началом систематических раскопок и выявлением археологических памятников впервые была сформулирована идея создания археологического музея Санкт-Петербурга — показа культурно-исторического развития Приневья в широкой хронологической ретроспективе. Тогда же, в 2001 г., был разработан проект мемориализации знаковых археологических объектов допетровской эпохи и раннего Петербурга для включения их в городскую историко-культурную среду путем обозначения на поверхности памятными знаками или музеефикации их раскопанных остатков[3]. Среди них были: неолитиче-

[1] *Шаскольский И. П.* Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен юго-восточной Прибалтики в свете данных современной науки // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 41–48.

[2] *Сорокин П. Е.* Проект зон охраны археологического культурного слоя на территории Санкт-Петербурга. Т. 1, 2, СПб., 1998 / Архив КГИОП СПб. № Н-4693, Н-4694; Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга //Археология Петербурга. 1996. Вып. 1. С. 20–47; Археологическое наследие Санкт-Петербурга // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2000. С. 138–148.; Забытые древности: археологическое наследие Санкт-Петербурга // Реликвия. 2003. № 1. С. 22–27.

[3] *Сорокин П. Е., Шарова Е. А., Бутырин Д. А., Михайлов Н. В.* Проект мемориализации памятников археологии на территории Санкт-Петербурга. Т. 1: Концепция, предпроектные предложения. СПб., 2001 // Архив КГИОП СПб. № 3. 1273. 2001.

ские стоянки Сестрорецкого разлива, поле Невской битвы 1240 г., город Ниен с крепостью Ниеншанц, Троицкий Петровский и Рождественский (Казанский) соборы, другие ранние храмы. Первым успешным проектом стал памятный знак крепости Ниеншанц, установленный в 2000 г. на Охтинском мысу[4]. Вскоре к нему добавились раскопанные архитектурно-археологические объекты: в 2003 г. реконструированы булыжная мостовая и крыльцо начала XVIII в. у Адудиенц-каморы здания Двенадцати коллегий[5], законсервированы фундаменты Екатерингофского дворца для экспонирования в цокольном этаже воссоздаваемого памятника[6]. Во время празднования юбилея Санкт-Петербурга на Охтинском мысу открылся первый музей археологии и предыстории Петербурга — «Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц», закрытый в 2008 г. с началом строительства Охта-центра. В 2011 г. в рамках проекта реконструкции Летнего сада с использованием археологических данных были воссозданы: Гаванец, фонтаны и Менажерийный пруд, музеефицирован фонтан «Лакоста» и открыт археологический музей в воссозданном павильоне «Птичник»[7].

Обнаруженные на Охтинском мысу в ходе масштабных раскопок 2006–2010 гг. находки разных эпох и средневековые находки в окрестностях Петербурга в значительной мере изменили представления о древнем Приневье[8] и концепцию создания археологического музея, основой которого теперь могли стать уникальные памятники древности и разработанная культурно-хронологическая шкала региона —

---

[4] Крепость Ниеншанц. Санкт-Петербург, Энциклопедия: [Электронный ресурс]. URL: http://encspb.ru/object/2805472621?lc=ru (дата обращения: 29.10.2023); Памятный знак «Крепость Ниеншанц» [Электронный ресурс]. URL: http://krasnakarta.ru/spot/id/17/nieshanc (дата обращения: 29.10.2023).

[5] *Сорокин П. Е., Семенов С. А.* Раскопки у здания Двенадцати коллегий и музеефикация археологических памятников в университетском саду // Университетские Петербургские чтения. СПб., 2002. С. 284–291; Археологические находки 2002 года у здания Двенадцати коллегий // СПбГУ: [Электронный ресурс]. URL: https://spbu.ru/news-events/calendar/arheologicheskie-nahodki-2002-goda-u-zdaniya-12-kollegiy (дата обращения: 29.10.2023)).

[6] *Сорокин П. Е.* Музей «700 лет — Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц»: Путеводитель. СПб., 2005; *Кормильцева О. М., Сорокин П. Е., Кищук А. А.* Екатерингоф. СПб., 2004.

[7] *Сорокин П. Е., Новоселов Н. В.* Археологические раскопки в Летнем саду и уникальные археологические находки петровского времени // Реликвия. 2010. № 23. С. 40–45.

[8] *Сорокин П. Е.* Нужен ли Петербургу Археологический музей? // Культурные инициативы Петра Великого. Материалы II Международного конгресса Петровских городов. СПб., 2011. С. 136–144.

с эпохи неолита до основания Петербурга[9]. Древнейшие находки связаны с освоением Восточной Прибалтики древними людьми эпохи неолита — раннего железного века (V тыс. до н. э. — сер. I тыс. н. э.). В промысловых стоянках, располагавшихся на берегу Литоринового моря, найдены части керамических сосудов, каменные орудия, рыболовные заградительные ловушки, связанные из колов и реек, снасти с каменными грузилами и поплавками из коры[10]. Каменное сырье, типы орудий и рыболовных приспособлений, а также янтарные украшения свидетельствуют о связях обитателей охтинских стоянок с древним населением Восточной Прибалтики и Северо-Запада Восточной Европы.

От мысового городища XIII в. — сторожевого пункта на Невском пути в период активной новгородско-ганзейской торговли — сохранились оборонительный ров протяженностью 80 м, шириной 3 м и глубиной 1,5 м и основание вала, ограждавшие оконечность мыса, площадью около 2 га. Устройство его связывается с началом эпохи крестовых походов в Восточной Прибалтике, при отражении которых Александр Невский одержал победу над шведами в устье реки Ижоры в 1240 г. Основанная на месте городища в 1300 г. Тергильсом Кнутсоном при участии мастеров из Рима шведская крепость Ландскрона представляла собой большой регулярный замок на высокой платформе, с восемью башнями по периметру стен, окруженный тремя линиями рвов шириной до 15 м. Ее укрепления соответствовали новейшим принципам западноевропейской фортификации, но за неимением камня возводились из дерева и земли. Взятие Ландскроны войсками великого князя Андрея Городецкого в 1301 г. стало одной из ярких страниц борьбы за выход Руси в Балтику. Руины крепости, площадью около 5 га, засыпанные на мысу после раскопок, сохраняют ее реальные очертания и форму.

Колонизация Приневья русским населением в XIV–XVI вв. отмечена керамическими и монетными находками сельца «на Усть-Охты» и торгового поселения Невское устье. Крепость Ниеншанц, основанная шведами на их месте в 1611 г., в середине XVII в. была перестроена в виде звезды с пятью бастионами. Эта форма укреплений восходит к проектам «идеальных городов» итальянского Возрождения. В 1703 г. Ниеншанц был взят войсками Петра Великого,

---

[9] *Сорокин П. Е.* Культурно-историческая стратиграфия Охтинского мыса // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. 2014. Вып. 4. С. 25–55.

[10] *Гусенцова Т. М., Сорокин П. Е., Кулькова М. А.* К результатам комплексных исследований памятника Охта 1 в центре Санкт-Петербурга (2008–2009). Неолит — ранний металл // КСИА РАН. 2012. № 227. С. 259–270.

что ознаменовало возвращение выхода России к Балтике. Он был переименован в Шлотбург и стал резиденцией царя и лагерем русских войск до завершения строительства Петербургской крепости. Руины Ниеншанца с крепостным рвом глубиной до 3–4 м по всему периметру крепости, каменные и деревянные постройки сохранились на всей площади мыса. Коллекция находок из Ниена и Ниеншанца характеризует культуру североевропейского города XVII в. и иллюстрирует победу войск Петра Великого в 1703 г.[11]

Помимо последней осады Ниеншанца и двух штурмов Ландскроны, Охтинский мыс по меньшей мере еще четырежды становился полем боя со шведами: в 1555 г. — при отходе войск Якова Багге после неудачного штурма Орешка, в 1656 г. — при взятии Ниеншанца ладожским воеводой Петром Потемкиным и в 1704–1705 гг. — при отражении Робертом Брюсом нападений на Петербург шведских войск Майделя из Карелии[12].

После окончания строительства Петербургской крепости полуразрушенный в конце 1703 — середине 1704 г. Ниеншанц некоторое время пустовал. В 1716 г. Петром Великим на его территории был учрежден питомник садовых растений — Канецкий огород, переданный впоследствии Смольному институту благородных девиц. В 1808 г. на мысу была основана Охтинская верфь, на которой строились знаменитые суда, связанные с великими географическими открытиями: шлюпы «Восток» и «Камчатка», фрегат «Паллада».

После проведения раскопок появилась реальная возможность сберечь для будущего сохранившиеся в подземном пространстве основания исторических крепостей и верфи в составе ландшафтного археологического музея под открытым небом. Предложения по его созданию были сформулированы еще в процессе раскопок, а изученные сооружения консервировались на месте находки, т. к. состояние таких объектов требует оперативных действий по их консервации и реставрации. Однако сохранение исторических памятников фортификации не входило в планы застройщика и органов

---

[11] *Сорокин П. Е., Гукин В. Д., Иванова А. В., Короткевич Б. С., Лазаретов И. П., Матвеев В. Н., Михайлов К. А., Поляков А. В., Попов С. Г.* Археологические исследования в устье реки Охты. Т. 1: Культурный слой и сооружения центральной части Охтинского мыса // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. 2017. Вып. 5; *Сорокин П. Е.* Крепость Ниеншанц — замок на пути в Европу // История Петербурга 2018. № 73. С. 6–15.

[12] *Тимченко-Рубан Г. И.* Первые годы Петербурга. Военно-исторический очерк. СПб., 1901. С. 111–114; *Сорокин П. Е.* Невский рубеж // Петр I у истоков Российской империи. Материалы Малого Северного Петровского конгресса. Архангельск, 2022. С. 258–271.

охраны памятников, отказавшихся признавать их статус. Мысль о необходимости защитить территорию с уникальными памятниками от застройки и создать на их основе археологический музей Петербурга, сохранив для будущего реальные свидетельства российской и европейской истории, поддержало научное и культурное сообщество и жители города[13]. Однако как многочисленные обращения к органам охраны памятников и представителям власти различных уровней по поводу сохранения этих памятников, так и государственная историко-культурная экспертиза ВООПИК СПб 2014 г., подтверждающая их высокую ценность и необходимость сохранения в полном объеме, были проигнорированы. Приоритетными остались интересы Газпрома, который и после переноса небоскреба в Лахту не оставил планов застройки мыса. Обоснование возможности нового строительства подкреплялось разработанной в 2018 г. в Казани заказной экспертизой, согласованной Минкультуры несмотря на возражения общественности и специалистов[14] (илл. 1).

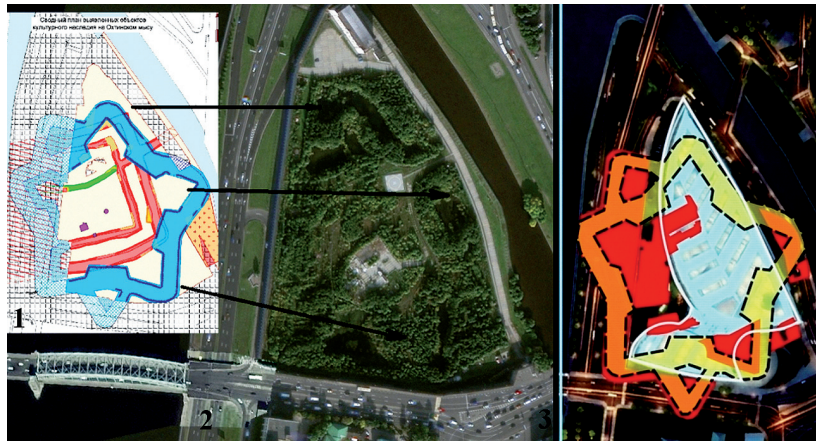
Идею полного сохранения и музеефикации уникальных памятников поддержали известные специалисты по крепостной и архитектурной археологии: А. Н. Кирпичников, О. М. Иоаннисян, С. В. Белецкий, О. А. Щеглова, А. И. Сакса[15], а впоследствии также

---

[13] Живой музей на Охтинском мысу // Спасем Охтинский мыс: [Электронный ресурс]. URL: https://bashne.net/?p=6608 (дата обращения: 29.10.2023); *Вишневский Б. Л.* Служба госстройнадзора выдала разрешение на строительство на Охтинском мысу // Спасем Охтинский мыс: [Электронный ресурс]. URL: https://bashne.net/?p=6604 (дата обращения: 29.10.2023); Активисты проводят онлайн-флешмоб в защиту Охтинского мыса // Градозащитный Петербург: [Электронный ресурс]. URL: https://protect812.com/2020/12/01/fleshmob-ohtinskiy-mys/ ; https://protect812.com/2020/12/03/ohtinskiy-mys-10-let/ (дата обращения: 29.10.2023); Музей вместо офисов: Охтинский мыс в Петербурге опять стал точкой конфликта // Новые известия: [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/Y8fkf3hfi047Ks-f (дата обращения: 29.10.2023).

[14] *Иоаннисян О. М.* О том, как возникают «экспертизы», и о том, почему сведения о памятниках археологии секретные // Спасем Охтинский мыс: [Электронный ресурс]. URL: https://bashne.net/?p=5698 (дата обращения: 29.10.2023 ...); *Сорокин П. Е.* Охтинский мыс: Археологический парк или потеря наследия в угоду бизнеса? // Градозащитный Петербург: [Электронный ресурс]. URL: https://protect812.com/2019/12/04/rasporyazhenie-ohtinskiy-mys/ (дата обращения: 29.10.2023).

[15] *Кирпичников А. Н.* Открытие Ниеншанца // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. 2014. Вып. 4. С. 8–10; Анатолий Кирпичников об Охтинском мысе: «замечательное скопление памятников международного культурного значения» // Градозащитный Петербург: [Электронный ресурс]. URL: https://protect812.com/2020/12/16/korpichnikov-ob-ohtinskom-myse/ (дата обращения: 29.10.2023); *Кирпичников А.Н., Сакса А. И.* Предисловие к изданию «Археологические

Илл. 1. Крепости Охтинского мыса и планы нового строительства:
1) план крепостей Охтинского мыса: городище XIII в.,
Ландскрона 1300–1301 гг., Ниеншанц XVII в.;
2) снимок с укреплениями Ниеншанца после раскопок (основная часть крепостей законсервирована и не отображается на снимке);
3) совмещение проекта строящегося бизнес-центра (с подземным этажом до 10 м) с укреплениями Ниеншанца.(Сорокин П.Е. 2021 г.).

десятки профессионалов из ведущих археологических учреждений Санкт-Петербурга, Москвы, Новгорода, Пскова и других городов[16], стран Северной Европы[17].

По результатам поручения Президента 2020 г. Минкультуры, Правительству Санкт-Петербурга и Газпрому рассмотреть вопрос о

исследования в устье реки Охты» //Археологические исследования в устье реки Охты. Т. 1. Культурный слой и сооружения центральной части Охтинского мыса //Археологическое наследие Санкт-Петербурга. 2017. Вып. 5. С. 6–7; Сергей Белецкий: События вокруг памятников Охтинского мыса в Петербурге показали, что в сообществе археологов произошел раскол: [Электронный ресурс]. URL: https://polit.ru/news/2010/01/04/beletsky/ ?ysclid=lnt2uubqoy457279242 (дата обращения: 29.10.2023...); Олег Иоаннисян о памятниках Охтинского мыса // Градозащитный Петербург: [Электронный ресурс]. URL: https://protect812.com/2020/12/29/ioannisyan-ohtinskiy-mys/(дата обращения: 29.10.2023).

[16] Археологическое сообщество Санкт-Петербурга поддержало идею о музее-заповеднике на Охтинском мысе // Градозащитный Петербург: [Электронный ресурс]. URL: https://protect812.com/2021/04/05/arheologicheskoye-soobshestvo/ (дата обращения: 29.10.2023).

[17] Статья о памятниках Охты опубликована в крупнейшей шведской газете // Спасем Охтинский мыс: [Электронный ресурс]. URL: https://bashne.net/?p=5885 (дата обращения: 29.10.2023).

создания музея-заповедника на Охтинском мысу[18] решение вновь было принято не в пользу памятников. Рабочая группа по выполнению этого поручения, созданная при Министерстве культуры, имела формальный характер, в результате мнение большинства специалистов и общественности вновь было проигнорировано. Сославшись на позицию рабочей группы по этому вопросу, а точнее, ее отсутствие у «чиновников от культуры», Министерство вновь не сочло нужным создание на Охтинском мысу музея-заповедника и фактически разрешило новое строительство, не оставив шансов на сохранение исторических памятников[19]. Анонсированное после этого в СМИ в 2021 г. городскими властями создание Археологического музея Петербурга при Государственном музее истории Санкт-Петербурга — в Меншиковом бастионе Петропавловской крепости, с выставочным помещением в проектируемом бизнес-центре Газпромнефти на Охтинском мысу, рассматривалось научным сообществом и общественностью не иначе как имитация выполнения президентского поручения и оправдание уничтожения исторических крепостей.

Можно было бы приветствовать планы музеефикации первоначального земляного Меншикова бастиона Петербургской крепости в создаваемом Музее археологии. Однако и эта проблема не решается с 2012 г.[20], когда в результате непродуманных работ по приспо-

---

[18] Путин об археологическом парке на Охтинском мысу: «Идея мне очень нравится» // Градозащитный Петербург. 11.12.2020: [Электронный ресурс]. URL: https://protect812.com/2020/12/11/putin-ohtinskiy-mys/; Стенограмма на сайте Кремля: [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/councils/by-council/18/64638 (дата обращения: 29.10.2023).

[19] *Иоаннисян О. М.* Охтинский мыс: заговор чиновничьей лжи против Петербурга и Путина // Город 812 13.12.2001: [Электронный ресурс]. URL: https://gorod-812.ru/ohtinskij-mys-zagovor-chinovnichej-lzhi-protiv-peterburga-i-putina/; Минкульт сдал памятники Охтинского мыса // Градозащитный Петербург: [Электронный ресурс]. URL: https://protect812.com/2021/12/07/minkult-sdal-ohtinskiy-mys/ (дата обращения: 29.10.2023).

[20] *Иоаннисян О. М.* Охтинский мыс: заговор чиновничьей лжи против Петербурга и Путина // Город 812. 13.12.2001: [Электронный ресурс]. URL: https://gorod-812.ru/ohtinskij-mys-zagovor-chinovnichej-lzhi-protiv-peterburga-i-putina/ (дата обращения: 29.10.2023); Олег Иоаннисян: «Чиновники от культуры покушаются не только на памятники Охтинского мыса, но и на первое сооружение самого Петербурга» // Город 812. 10.09.2021: [Электронный ресурс]. URL: https://gorod-812.ru/chinovniki-ot-kultury-pokushayutsy/?ysclid=lnmn8imsg9644600464 (дата обращения: 29.10.2023); *Сорокин П. Е.* Проблемы сохранения деревоземляных бастионных фортификаций в Санкт-Петербурге // Музеефикация фортификационных сооружений: проблемы и пути их решения: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Смоленск, 2022. С. 81–90.

соблению бастиона для нового использования, без должных исследований, при разборке земляного бастиона кирпичная облицовка его эскарповой стены, не рассчитанная на существование без опоры, стала разрушаться. Благодаря вмешательству специалистов и общественности удалось остановить разборку бастиона первоначальной земляной крепости, организовать его археологические исследования[21] и постановку на охрану. Однако вызывают беспокойство планы «музеефикации бастиона» путем его полных раскопок и последующей замены макетом, т. е. фактического уничтожения. Помимо ранее изученных остатков южной линии укреплений первой крепости[22], вероятно их обнаружение и в двух других северных бастионах, так же, как и Меншиков, сохранивших свое местоположение. Все эти части первоначальной крепости должны рассматриваться как цельный недвижимый фортификационный памятник, заложенный Петром Великим. Музеефикация первой Петербургской крепости вместе с руинами древних крепостей Охтинского мыса могла бы стать основой грандиозного археологического комплекса, рассказывающего о многовековой истории края, борьбе Руси за выход на Балтику и возникновении Петербурга.

За прошедшие после раскопок полтора десятилетия памятники Охтинского мыса уже стали частью городской культуры — им посвящены десятки научных и популярных публикаций, выставок[23]. На основе материалов раскопок петербургские архитекторы предложили целую серию (около 20) проектов Археологического парка-музея на мысу с показом оснований исторических крепостей. Большая их часть была подготовлена выпускниками СПбГАСУ и Академии художеств под руководством известных архитекторов: О. С. Романова, В. В. Попова, С. В. Семенцова, Р. М. Даянова, активно поддержавших создание Археопарка[24]. Проекты археологи-

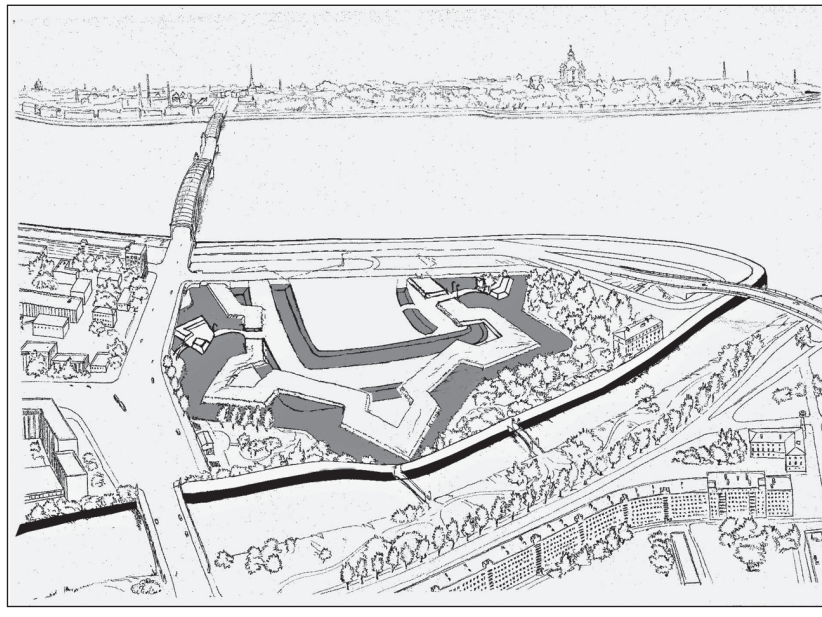
---

[21] *Лапшин В. А., Кильдюшевский В. И.* Археологический надзор за земляными работами на шпице Меншикова бастиона Петропавловской крепости. Отчет 2012 г. //Архив ИИМК РАН.

[22] *Андреева О. В., Иоаннисян О. М., Сорокин П. Е.* Охранные археологические исследования на территории Петропавловской крепости в 2006–2007 гг. Предварительные результаты //Археологическое наследие Санкт-Петербурга. 2009. Вып. 3. С. 242–268.

[23] «Что скажут человеку обычные обломки керамики?» // НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге: [Электронный ресурс]. URL: https://spb.hse.ru/ba/hist/news/825725804.html?ysclid=lnuchnha25334061725 (дата обращения: 29.10.2023).

[24] Будущее археологических открытий на Охтинском мысу // Спасем Охтинский мыс: [Электронный ресурс]. URL: https://bashne.net/?p=2713 (дата обращения: 29.10.2023).

Илл. 2. Эскиз Археологического парка на Охтинском мысу.
Вид исторических крепостей в городской среде.
(Атаянц М. Б, Мельникова Е.В., Сорокин П.Е. 2009– 2011 г.).

Илл. 3. Градозащитная акция за создание Археологического парка на Охтинском мысу, у памятного знака «Ниеншанц». 2022 г. (Фото Т. А. Жеглова).

ческого музея были разработаны и в архитектурных мастерских С. В. Гайковича и Ю. К. Митюрева[25]. Все они предусматривают сохранение исторических крепостей с возможным воссозданием части укреплений или обозначением их на поверхности. Предпочтительным остается ландшафтный вариант с показом сохранившихся укреплений под открытым небом после их реставрации (илл. 2).

В Петербурге есть множество мест для нового строительства, но здесь больше нет ничего подобного памятникам Охтинского мыса — важнейшим археологическим объектам допетровского времени в Невском регионе. Любая застройка непременно приведет к их уничтожению, и, если сейчас власти и общество не в состоянии оценить их культурную ценность и значение, следует оставить решение этого вопроса на будущее, законсервировав уникальные памятники до «лучших времен». Организация на Охтинском мысу археологического музея-заповедника позволит не только сохранить их, но и обогатить историко-культурное наследие Петербурга, добавив к нему несколько тысячелетий древней истории (илл. 3).

[25] *Кузьмицкий Д.* Лучше на бумаге // Деловой Петербург. 15.02.2019: [Электронный ресурс]. URL: https://www.dp.ru/a/2019/02/14/Luchshe_na_bumage (дата обращения: 29.10.2023); *Рыбина Ю.* Представлена концепция археологического заповедника на Охтинском мысе // Градозащитный Петербург. 09.02.2021: [Электронный ресурс]. URL: https://protect812.com/2021/02/09/ohtinskiy-mys-konzepziya/ (дата обращения: 29.10.2023 ...); Спасем Охтинский мыс: [Электронный ресурс]. URL: https://bashne.net/?p=6222 (дата обращения: 29.10.2023).

«...СЧАСТЬЯ БАЛОВЕНЬ БЕЗРОДНЫЙ, ПОЛУДЕРЖАВНЫЙ ВЛАСТЕЛИН»

Екатерина Александровна АНДРЕЕВА
(Санкт-Петербург)
Старший научный сотрудник отдела «Дворец Меншикова» Государственного Эрмитажа

А. Д. Меншиков — губернатор Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернии и строитель Петербурга

Ekaterina A. Andreeva

A. D. Menshikov — Governor of Ingermanland (Saint-Petersburg) Governorate and Builder of Petersburg

Аннотация: В литературе и в сознании людей существует устойчивое мнение о том, что Александр Меншиков был первым губернатором именно Санкт-Петербурга, а не губернии. Автор предлагает читателю порассуждать о том, как понимались в то время термины «губерния» и «провинция» и когда они впервые появляются в России, проследить, как изменялось название губернии, с чем связано появление наименования «Ингерманландская губерния», как называл себя сам губернатор. В статье рассматривается деятельность основных губернских структур и показано, как складывалась вертикаль власти внутри губернии.
Abstract: In literature and in the minds of people there is a strong opinion Alexander Menshikov was the first governor of Saint Petersburg, but not the governorate. The author invites the reader to talk about how the terms

«governorate» and «province» were understood at that time; and when they first appear in Russia, how the governorate's name changed and why the name «governorate of Ingermanland» appeared, and how the governor called himself. The research also traces the activity of the main governorate structures and shows how the hierarchy of power was formed.

Ключевые слова: А. Д. Меншиков, Петр I, Санкт-Петербург, Ингерманландия, Р. В. Брюс.
Keywords: Alexander Menshikov, Peter I, Saint Petersburg, Ingermanland, Robert (R.V.) Bruce.

В ноябре 2023 г. исполнилось 350 лет со дня рождения ближайшего сподвижника Петра Великого — первого губернатора Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернии Александра Даниловича Меншикова[1].

И. И. Голиков относит создание губернии к 1702 г.: «Ноттенбург переименован Шлюссельбургом. Г. Меншиков пожалован генерал-губернатором Шлюссельбурга и Ингермонландии... и пожаловал как сея крепости, так Лифляндским, Корельским и Ингермонландским губернатором...»[2]. К. А. Неволин пишет о том, что А. Д. Меншикову «завоеванные города в Ингерманландии и Эстляндии были поручены» в 1703 г. Тогда же «усвояется название губернатора, вместо прежняго воеводы, область, подлежащая его управлению, называется в 1706 г. губерниею Ингерманландскою»[3]. П. Н. Мрочек-Дроздовский относит создание губернии к 1706 г. по следующей причине: в 1703 г. Меншиков был просто назначен правителем вновь завоеванной области, «не придавая ему иного смысла, и, уж тем более, не считая его исходную точкой преобразований в русском областном управлении». И только в 1706 г., по мнению автора, в губернию Меншикова «вошли русския области»[4].

---

[1] Историография о создании Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернии рассмотрена нами ранее: *Андреева Е. А.* А. Д. Меншиков и образование Ингерманландской губернии: Территория и административное устройство // Петровское время в лицах — 2005: Материалы научной конференции. СПб., 2005. С. 15–16.

[2] *Голиков И. И.* Деяния Петра Великаго, мудраго преобразителя России. Ч. 2. М., 1788. С. 88.

[3] *Неволин К. А.* Образование управления в России от Ивана III до Петра Великого // *Неволин К. А.* Сочинения. Т. VI. СПб., 1859. С. 240.

[4] *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. Ч. 1. Областное управление эпохи первого учреждения губерний. (1708–1719 г.): историко-юридическое исследование. М., 1876. С. 19.

Пролить свет на эти вопросы позволяют источники, выявленные в «Походной канцелярии» А. Д. Меншикова[5], а также документы, обнаруженные в шведских архивах — главным образом в фонде Оборонной комиссии Национального архива Швеции (Стокгольм), где отложились письма А. Д. Меншикова[6].

Возникновение губернии было связано с возвращением в состав России в ходе Северной войны территорий, отошедших к Швеции по условиям Столбовского мирного договора 1617 г. Началом этого процесса послужило взятие русскими войсками 11 октября 1702 г. Нотебурга — бывшей русской крепости Орешек, принадлежавшей Швеции с 1612 г. 14 октября 1702 г. царь переименовывает взятую крепость в Шлиссельбург, т. е. «Ключ-город»[7]. И через неделю, 18 октября 1702 г., «по имянному великого государя царя... указу велено Преображенского полку порутчика Александра Даниловича Меншикова во всяких писмах писать губернатором»[8]. А спустя два месяца, 6 декабря того же года, губернатору было поручено «ведать и строить» каменный город Шлиссельбург, к которому были приписаны «город Олонец с посадом и с уездом»[9]. 1 мая 1703 г. русскими войсками захвачена шведская крепость Ниеншанц, расположенная на мысе при впадении Охты в Неву (сейчас находится на территории Петербурга). Эту крепость Петр I переименовал в Шлотбург («Город-замóк»)[10]. Эта крепость и территории в дельте Невы тоже вошли в губернию Меншикова[11].

Таким образом, губерния была создана 18 октября 1702 г.; губернатором царь назначил своего ближайшего сподвижника А. Д. Меншикова; центральным городом губернии стал Шлиссельбург. В начале декабря того же года к губернии был приписан находящийся в 250 км от Шлиссельбурга Олонец, также в нее, вероятно, вошла и основанная в январе 1702 г. вблизи впадения р. Сясь в Ладожское

---

[5] О делопроизводственном архиве А. Д. Меншикова см. подробнее: *Андреева Е. А.* Фонды А. Д. Меншикова: Общий обзор и история формирования // Александр Данилович Меншиков. Первый губернатор и строитель Санкт-Петербурга: Каталог выставки. СПб., 2003. С. 47–51.

[6] Sveriges Riksarkiv (Stockholm). ÄK 243. Defensions-kommissionens arkiv.

[7] Гистория Свейской войны. Первая редакция. 1702 г. // Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. *Т. С. Майкова*. Вып. 1. М., 2004. С. 98.

[8] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 530. Л. 1.

[9] Там же. Л. 1–1 об.

[10] ПиБ. СПб., 1889. Т. II. № 521. С. 160161; Прим. к № 520. С. 533.

[11] Архив СПбИИ РАН. Ф.83. Оп. 1. Д. 530. Л. 2 об.

озеро Сясьская верфь, которая вместе с основанной в 1703 г. на р. Свири, в урочище Лодейное Поле, Олонецкой верфью (по названию уезда) станет базовой для создания Балтийского флота[12]. Как видим, «русские области» вошли в подведомственную Меншикову губернию уже в декабре 1702 г.[13]

Как же изначально называлась губерния? В фонде «Оборонной комиссии» Государственного архива Швеции хранится письмо Меншикова к шведскому коменданту крепости Ниеншанц полковнику Ягану Аполову от 13 апреля 1703 г., в котором Александр Данилович называет себя «губернатор крепости Шлюсенбурха и иных»[14]. После взятия Ниеншанца, переименованного Петром I в Шлотбург, в письме от 10 мая к будущей жене Д. М. Арсеньевой и ее сестре В. М. Арсеньевой Меншиков подписывается как «Шлюссельбургский и Шлотбургский губернатор»[15].

Еще через десять дней и спустя четыре дня после закладки крепости на Заячьем острове, 20 мая 1703 г., Меншиков в послании к шведскому вице-адмиралу Гидеону фон Нумерсу называет себя «Governeur der Provintz Ingermanland» — «губернатор над провинцией Ингерманланд»[16]. Таким образом, название провинции — Ингерманладская — появляется сразу же после основания Санкт-Петербурга.

Обратим внимание на то, что Меншиков в этом документе называет себя «губернатором над провинцией». Термин «провинция» (лат. provincia) известен еще со времен Древнего Рима: так назывались оккупированные территории, управлявшиеся римскими наместниками. В Россию этот термин «пришел» в XVII в. из польского языка. Термины «губернатор» и «губерния» тоже происходят от латинских слов: gubernator и gubernium.

---

[12] *Кротов П. А.* Флот на Балтийском море // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия в 3 т. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. В 2 кн. Кн. 2: Н – Я. СПб., 2001. С. 458.

[13] О дальнейшем территориальном складывании Ингерманландской губернии см.: *Андреева Е. А.* Создание Ингерманландской губернии в первой четверти XVIII в. // Памяти академика А. И. Шегрена (1794–1855): Сб. докладов. СПб., 2007. С. 15–26.

[14] Sveriges Riksarkiv (Stockholm). ÄK 243. Defensions-kommissionens arkiv. Vol. 107. Bil. 1703 13/4.

[15] *Есипов Г. В.* Князь Александр Данилович Меншиков // Русский архив. 1875. Кн. 7. С. 239.

[16] Sveriges Riksarkiv (Stockholm). ÄK 243. Defensions-kommissionens arkiv. Vol. 108. Bil. 1703 20/5.

В 1700-х — начале 1710-х гг. по царскому распоряжению был составлен «Лексикон вокабулам новым по алфавиту» из 503 определений[17], который Петр I правил собственноручно.

Согласно «Лексикону...»:

– «провинция — воеводство, губерния»;

– «губерния — владение, управление а-нат частию государства-а»;

– «Губернатор — владетель а-или-а управитель а-оного-а»;

– «Провинциал — владетель в провинции»[18].

Как видим, для царя термины «провинция» и «губерния» синонимичны. Из этого источника неясно, различаются ли полномочия губернатора и провинциала.

Впервые в официальных документах термин «провинция» появляется в конце XVII в. — в «Договоре с маркизом Кармартеном» от 16 апреля 1698 г. Здесь бывшее Казанское царство названо «провинцией Казанской»[19]. В следующем году, именным указом от 27 октября 1699 г., провинция вводится как новая административно-территориальная структура для расписания городов по торговым делам: «Учинить провинции к Великому Новугороду, ко Пскову и к Астрахани и к иным таким городам малые городы и уезды приписать...»[20].

Источники показывают, что почти с самого начала Меншикова в указах именуют и губернатором, и «генерал губернатором» или «генеральным губернатором». Так еще до основания Петербурга — 10 мая 1703 г., в указе «О поднесении ордена Св. Апостола Андрея

---

[17] Библиотека Петра I. Описание рукописных книг / Авт.-сост. *И. Н. Лебедева*. СПб., 2003. С. 217–218.

[18] ОР БАН. Собрание Петра I. Часть Б. (далее — П I Б). № 104 (старый № 32.6.14). Л. 5, 15. а—а — рукой Петра I.

Все 503 вокабулы этого «Лексикона...» с правкой Петра I вошли в «Словарь...» Н. А. Смирнова. В определении термина «губернатор» Н. А. Смирнов под «оным», вписанным рукой Петра I, понимает государство, т. е. получается, что «губернатор — владетель или управитель оного (государства)». Вместе с тем, поскольку в документе вначале идет определение губернии с царской правкой, а потом — губернатора, вероятно, Петр I имел в виду «часть государства», т. е. губернию. (*Смирнов Н. А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху: I. Определение путей, которыми в Петровскую эпоху шли заимствования из западноевропейских языков. II. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого. СПб., 1910; см. об этом также: *Зайонц Л.О.* «Провинция»: опыт историографии // Отечественные записки. 2006. № 5 (32). С. 70–71).

[19] ПиБ. Т. 1: 1688–1701. СПб., 1887. № 234. С. 246.

[20] ПСЗ. Т. III. № 1706. С. 653.

государю Петру Первому»: «За ту ж службу таковым же образом и генерал губернатор Александр Данилович Меншиков учинен кавалером реченнаго ордена»[21]. В именном указе от 7 января 1704 г.: «генеральному губернатору над провинциями Ингриею и Эстляндиею»[22]. Вместе с тем и в это же время, и в последующие годы в официальных указах он именуется и просто «губернатором». Например, 7 января 1706 г.: «его царскаго величества губернатор над провинциями Ингриею и Эстляндиею»[23]. Вероятно, речь шла о генеральном, т. е. «общем» губернаторе над двумя (а потом несколькими) провинциями.

В первые годы название этой новой территориально-административной структуры не было устоявшимся — ее называли по-разному: провинция, губернемент, губернация или просто Ингрия[24].

Царским указом от 3 июня 1710 г. Ингерманландская губерния была переименована в Санкт-Петербургскую[25], и, соответственно, Меншиков становится Санкт-Петербургским губернатором. Вместе с тем документы показывают, что и до выпуска указа губернию уже называли Петербургской, а после его появления все еще писали прежнее название (в т. ч. и сам царь). Например, в собственноручных записях государя от 27 января 1710 г. «О государственных доходах по губерниям», вначале губерния названа «Питербурской», а потом сокращенно «Ингер.»[26]. В царском указе Меншикову от 14 сентября 1710 г.: «Всего надобно с Ынгермоландской губернии работников... надлежит собрать с Ынгермоландской губернии рекрут...»[27].

В 1711–1712 гг. в официальных документах появляются генерал-губернаторы: в сенатском указе от 20 сентября 1711 г.: «... и том в губернии к генерал-губернаторам и к губернаторам, и ко управителю послать его великаго государя указы...»[28]; в именном от 15 февраля 1712 г.: «...в губерниях генерал-губернаторам и губернато-

[21] ПСЗ. Т. IV. № 1931. С. 216.

[22] ПСЗ. Т. IV. № 1954. С. 230.

[23] Архив СПбИИ РАН. Ф.83. Оп. 3. Д. 15. Л. 46 об.

[24] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 2. Л. 223; ПСЗ. Т. IV. № 2067. С. 344; № 2111. С. 352; ПиБ. Т. IV. № 1143. С. 148; № 1144. С. 149; см. об этом также: *Андреева Е. А.* Образование Ингерманландской губернии // Основателю Петербурга: Материалы конференции к 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 37.

[25] ПиБ. М., 1956. Т. X. Прим. к № 3994. С. 719.

[26] ПиБ. Т. X. № 3579. С. 25; № 3580. С. 26.

[27] ПиБ. Т. X. № 3994. С. 338–339.

[28] ПСЗ. Т. IV. № 2427. С. 739.

рам...»[29]. Речь идет о двух генерал-губернаторах: Санкт-Петербургской губернии — генерал-фельдмаршал светлейший князь А. Д. Меншиков и Азовской губернии — генерал-адмирал Ф. М. Апраксин[30]. П. Н. Мрочек-Дроздовский подчеркивает, что должность генерал-губернаторов в то время не отличалась от губернаторской. Это было связано не столько с особым статусом подведомственных им губерний, сколько с их высоким положением в государстве. Зависимость должности главы губернии от личности, ее занимающей, хорошо видна на примере Архангелогородской губернии: первоначально ее возглавлял губернатор князь П. А. Голицын, а с 1711 г. во главе этой губернии стал бывший холоп Б. П. Шереметева, а затем инспектор Ратуши А. А. Курбатов, но уже как вице-губернатор, а не губернатор[31].

Таким образом, Меншиков в 1711–1712 гг. становится генерал-губернатором Санкт-Петербургской губернии, и это находит отражение в его официальном титуловании. Например, 3 августа 1718 г. он подписывает «данную» на двор в Ревеле (Таллине) в вечное потомственное владение графу Г. И. Головкину как «генерал-губернатор губернии Санкт Питербурхской и многих правинцей»[32].

* * *

Меншиков был губернатором (а потом генерал-губернатором) почти четверть века, и с основанием Петербурга его главной заботой стало созидание будущей российской столицы. При этом он достаточно продолжительное время находился далеко от Петербурга и подведомственной ему губернии: 5 ноября 1704 г. в присутствии царя и губернатора было заложено Петербургское адмиралтейство, и 9 ноября они вместе уехали из Петербурга. В отличие от Петра I, Александр Данилович вновь увидит город на Неве только

---

[29] Там же. № 2484. С. 805.

[30] ПСЗ. Т. IV. № 2598. С. 871; № 2604. С. 874; № 2562. С. 853; № 2568. С. 856; СПб., 1830. Т. V. № 2633. С. 6; № 2647. С. 16; № 2742. С. 72; № 2753. С. 75; см. об этом также: *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 88.

[31] *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Областное управление России... С. 35; см. об этом также: *Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 97.

[32] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 109. Л. 175–175 об.

Н. И. Павленко отмечает, что только А. Д. Меншикову Петр I разрешал в указах использовать формуляр, близкий к царскому: «Мы, Александр Меншиков...» (*Павленко Н. И.* Меншиков: Полудержавный властелин. М., 2005. С. 22.

через девять с половиной лет — 27 мая 1710 г. В начале 1712 г. А. Д. Меншиков опять отправился на театр военных действий в Померанию и вернулся в сентябре 1713 г. Во время Каспийского похода Петра Великого, с декабря 1721 г. по май 1723 г., петербургский генерал-губернатор жил в Москве. Таким образом, из 24 лет губернаторства Меншиков отсутствовал в губернии и Петербурге практически половину времени — двенадцать лет.

Губерния Меншикова стала первой в России. В помощь губернатору создавались губернские структуры. Первой стала Семеновская приказная палата, основанная царским указом от 6 декабря 1702 г. В историографии приводятся разные даты создания этой Палаты: 1703 или 1704 г. Но источники позволяют назвать точную дату ее создания — 6 декабря 1702 г.[33] Подведомственное губернатору учреждение находилось в подмосковном селе Семеновском, во главе его был поставлен дьяк А. Я. Щукин. После взятия 1 мая 1703 г. крепости Ниеншанц с городом Ниеном (Канцами), их тоже было «велено ведать в той полате»[34]. С основанием Петербурга в Невской дельте для заведования приходом и расходом денежных средств и различных припасов была учреждена Приказная палата (подведомственная Семеновской приказной палате), которую лично курировал А. Я. Щукин, приезжавший для этого из Семеновского на невские берега. Как показывают источники, в ее ведении находились преимущественно различные денежные сборы[35]. 5 января 1705 г. Семеновская приказная палата была переименована в Ингерманландскую канцелярию[36].

Вторая созданная в губернии структура — это коменданты городов-крепостей и единый (общий) ингерманландской обер-комендант. После завоевания Шлиссельбурга, в ноябре 1702 г., Петр I с гвардейскими полками отправился к Москве, другие полки были отпущены на зимние квартиры в Псков и Ладогу. В крепости осталось три пехотных полка во главе с полковником Томасом Юнгером, который был назначен шлиссельбургским комендантом и которого в ноябре 1703 г. сменил В. И. Порошин[37].

---

[33] Архив СПбИИ РАН. Ф.83. Оп. 1. Д. 530. Л. 7 об.

[34] Там же. Л. 2 об.

[35] ПСЗ. Т.IV. № 1954. С. 230; № 1955. С. 231; № 1956. С. 232; № 1959. С. 240–241. См. об этом подробнее: *Неволин К. А.* Образование управления в России... С. 235.

[36] Архив СПбИИ РАН. Ф.83. Оп. 1. Д. 530. Л. 7 об.; ПСЗ. Т. IV. № 2010. С. 280.

[37] Sveriges Riksarkiv (Stockholm). Kanslikollegium. E VIII. Vol. 5. Bil. 1702 21/11; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 2. Л. 278; Гистория Свейской войны. Последняя редакция. 1698–1707 гг. // Гистория Свейской войны... Вып. 1. С. 227; Вып. 2. С. 654; РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Кн. 11. № 30. Л. 377.

Возведение дерево-земляной крепости на Заячьем острове в основном было закончено к середине или концу сентября 1703 г.[38] 24 октября войска ушли на зимовку в Москву, а в крепости был оставлен первый комендант крепости, названный в документе военным, драгунский полковник Карл Эвальд фон Ренне. При коменданте в ноябре 1703 г. была создана Санкт-Петербургская гарнизонная канцелярия[39]. В стокгольмском архиве сохранились его письма об этом шведскому генерал-поручику Г. Ю. Майделю от 7 и 29 декабря 1703 г. И в этих письмах К. Э. фон Ренне именует себя «поставленным камендантом в Санкт-Питербурхе и полковником у драгун»[40].

В фонде «Походной канцелярии» А. Д. Меншикова сохранился уникальный для нас документ — единственное подробное свидетельство о том, что происходило в дельте Невы первой зимой, т. е. зимой 1703–1704 гг., — это донесение фон Ренне Меншикову от 18 января 1704 г. с резолюциями губернатора на полях. Документ представляет собой шесть листов убористым почерком, резолюции выполнены не собственноручно А. Д. Меншиковым, а его секретарем. Фон Ренне сообщает о наводнении в Петербургской крепости, где вода «входит» в Государев, Меншиков и Трубецкой больверки, «а в которых местех» — неизвестно. Говорится о том, что очень много воды пребывает через канал между больверков Трубецкого и Зотова, поскольку «тут в гварнизоне» низкое место и обруб до сих пор не поставлен, т. к. «в конале воды много и ставить за водою невозможно». Перед нами подробное описание первого петербургского наводнения. Военный комендант занимается обороной города: в письме имеются сведения о поставленных вокруг крепости и кораблей рогатках. Из письма также следует, что фон Ренне занимается комплектованием, жалованьем и провиантом находящихся в Петербурге полков. Сообщая о численности урядников в находящемся в Петербурге полку подполковника Николая Нейтерта, он отмечает, что их больше «указного числа... а жалованье берут по чинам своим сполна», и спрашивает, быть ли им «впредь в том полку». Сбоку резолюция Меншикова: «Взять их в Шлютенбурх к

[38] РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Кн. 11. № 30. Л. 384 об.; Тимченко-Рубан Г. И. Первые годы Петербурга: Военно-исторический очерк. СПб., 1901. С. 93.

[39] МИРФ. Ч. III. Отдел V. № 191. С. 644; подробнее см.: *Андреева Е. А.* Деятельность первого петербургского коменданта // Петровское время в лицах — 2003: Краткое содержание докладов научной конференции, посвященной 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 10–14.

[40] Sveriges Riksarkiv (Stockholm). ÄK 243. Defensions-kommissionens arkiv. Vol. 135. Bil. 1703 07/12; Bil. 1703 29/12.

новым солдатом» и т. д. Занимается он и одним из самых необходимых мероприятий — поставкой провианта в новый город, что было в то время очень сложной задачей. Он сообщает, что «у плательщиков» принято 233 четвертей муки и 147 — сухарей, а также из Шлотбурга перевезено 502 четверти ржи и 27 — овса. Из этого документа узнаем, что по застывшей Неве на подводах перевозили запасы из Шлотбурга, т. е. из Ниеншанца: бревна, продукты и проч. Из донесения узнаем и о первых петербуржцах: еще во время пребывания в дельте Невы Меншикова сюда прибыли урядники и солдаты, которые (внимание!) «записались сюда на постоянное место жительства», но потом они заболели и были отпущены в Новгород, а выздоровев, вновь прибыли в Петербург. Однако в списке записанных на постоянное место жительства в Петербург их не нашли. Фон Ренне спрашивал губернатора, что с ними делать. Резолюция Меншикова: «Записывать имяна». Среди солдат и работных людей, строивших Петербургскую крепость, многие страдали желудочными заболеваниями и цингой. Поэтому немаловажную роль играли аптекари и лекарства. Основным же средством лечения в то время было рейнское вино, поставкой которого тоже занимался военный комендант: он сообщает губернатору о покупке в Архангельске по указу государя и по письму Меншикова и отправке в Петербург бурмистром таможенного сбора С. И. Панкратьевым рейнского вина[41].

К. Э. фон Ренне пробыл комендантом недолго — весной 1704 г. его сменил Р. В. Брюс, который в письме к шведскому генерал-поручику барону Г. Ю. Майделю от 6 августа 1704 г. называет себя так: «Его царского величества... учрежденный камендант над крепостию Санк[т]-Питербурха»[42]. А 17 января 1705 г. в послании к тому же адресату Брюс подписался: «...поверенный обер-комендант над провинциами Ингерманланд и Эстлант»[43]. Итак, Брюс становится ингерманландским, или общегубернским, комендантом, т. е. отвечает не только за Петербургскую, но за все крепости губернии, ему подчиняются все коменданты и воеводы. Комендантом Петербургской крепости в 1704 г. назначается полковник Андрей Шарф[44].

---

[41] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 96. Л. 1–6.

[42] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Кн. 1. Л. 242 об.

[43] Sveriges Riksarkiv (Stockholm). ÄK 243. Defensions-kommissionens arkiv. Vol. 135. Bil. 1705 17/1.

[44] Sveriges Riksarkiv (Stockholm). ÄK 243. Defensions-kommissionens arkiv. Vol. 135. Bil. 1705 17/11; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Кн. 1. Л. 161–162.

В 1704 г. Брюс находится в Петербурге, отвечает за строительные и восстановительные работы в Петербургской крепости и руководит военными действиями против шведской армии Г. Ю. Майделя[45]. С отъездом Петра I и Меншикова в ноябре 1704 г. именно в руках обер-коменданта были сосредоточены строительство и оборона города.

Вместе с тем, несмотря на то, что губернатор находился далеко от Петербурга, все проходило через его руки. К примеру, в 1705 году Петр I лично сделал чертеж Адмиралтейской крепости. Лето заканчивалось, а обер-комендант все еще не получил чертеж. И 27 августа 1705 г. Меншиков, находясь в Вильне, просит царя прислать ему «написав, чертеж, как быть полисаду в Санктпитербурхе около адмиралтейского двора; которого я беспрестанно от милости твоей ожидаю, понеже сам изволишь ведать, что оное зело нам надобно, а время уже проходит»[46]. Находившийся в Митаве (ныне латвийский г. Елгава) Петр 30 августа отправляет Меншикову чертеж Адмиралтейской крепости[47]. Губернатор, получив его, пересылает далее Брюсу[48], который получает его в Петербурге только 17 сентября. И 20 сентября начинается строительство деревоземляной Адмиралтейской крепости. Крепость была возведена к середине ноября того же года.

Третье ведомство — Канцелярия городовых дел, созданная в 1703 году[49] и заведовавшая каменным строительством в городах Ингерманландской губернии. Первоначально она находилась в Шлиссельбурге, поскольку его глава, комиссар (с 1705 г. — оберкомиссар) У. А. Синявин (Сенявин), в 1703–1704 гг. занимался

---

[45] *Андреева Е. А.*: 1) А. Д. Меншиков и образование Ингерманландской губернии: Территория и административное устройство // Петровское время в лицах — 2005: Материалы научной конференции. СПб., 2005. С. 21; 2) Начало строительства Петербурга: обеспечение работными и мастеровыми людьми в 1703–1712 гг.: автореферат дисс. ... к. и. н. СПб., 2006. С. 15.

[46] ПиБ. Т. III. Прим. к № 902. С. 931.

[47] Там же. № 908. С. 432; Гистория... Первая редакция. 1705 г. С. 121; Петров П. Н. Петербург в застройке и сооружениях // Зодчий: Архитектурный и художественно-технический журнал, издаваемый Санкт-Петербургским обществом архитекторов. СПб., 1879. Год VIII. № 6. Июнь. С. 79.

[48] МИРФ. Ч. III. Отд. V. № 21. С. 554.

[49] Подробнее о времени создания Канцелярии городовых дел см.: *Андреева Е. А.* Канцелярия городовых дел (Городовая канцелярия) в первые годы своего существования // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 114: Петровское время в лицах — 2022: К 350-летию со дня рождения Петра I (1672–2022): Материалы научной конференции. СПб., 2022. С. 15–17.

восстановлением Шлиссельбургской крепости[50]. 9 августа 1704 г. была взята Нарва, и 14 августа А. Д. Меншиков велел У. А. Синявину прибыть туда и привезти с собой каменщиков и обжигальщиков извести[51]. С сентября 1704 г. до конца 1705 г. глава Канцелярии городовых дел занимался восстановлением Нарвской крепости[52].

Весной 1706 г. У. А. Синявин прибыл в дельту Невы, где его основной задачей на долгие годы стало возведение каменной Петербургской крепости[53]. Помимо этого, он занимался сооружением пильных ветряных мельниц на стрелке Васильевского острова и водяных мельниц на р. Ижоре, строительством кирпичных и кожевенных заводов; отвечал за возведение дворцов Петра I: Летнего и Зимнего, на Котлине; дворцов царицы Екатерины Алексеевны[54].

* * *

Анализ источников о деятельности этих административных структур по обеспечению Ингерманландской (Петербургской) губернии рабочей силой позволяет выделить два этапа: 1) с 1703 по 1706 г.; 2) с 1707 по 1711–1712 гг.

Первый этап — с 1703 по 1706 г. — характерен тем, что все объекты были сосредоточены в руках Меншикова, который осуществлял непосредственное руководство работами. В эти годы квалифицированная и неквалифицированная рабочая сила (посошане) распределялась единой разнарядкой: в первые два года на два горо-

---

[50] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 1; Ед. хр. 234. Л. 1–1 об.; Ед. хр. 246. Л. 1; Ед. хр. 253. Л. 1; Ед. хр. 299. Л. 1–1 об.; Ед. хр. 330. Л. 1–2 об.; Ед. хр. 356. Л. 1–2.

51 РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 477. Л. 36–36 об.

52 Там же. Л. 40, 42, 43, 48 об.; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 635. Л. 1–2; Ед. хр. 643. Л. 1; Ед. хр. 723. Л. 1–2; Ед. хр. 746. Л. 1.

53 Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 1043. Л. 1; Ед. хр. 1121. Л. 1; Ед. хр. 3177. Л. 1–2; Ед. хр. 3223. Л. 1–4; Ед. хр. 3254. Л. 1; Ед. хр. 3494. Л. 1 об.; Ф. 270. Оп. 1 Ед. хр. 64. Л. 244, 267; РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 477. Л. 41 об., 48 об., 50а, 67, 68, 69, 79, 81, 87.

54 Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1 Ед. хр. 635. Л. 1; Ед. хр. 723. Л. 1; Ед. хр. 746. Л. 1; Ед. хр. 839. Л. 1; Ед. хр. 1043. Л. 1; Ед. хр. 1121. Л. 1; Ед. хр. 3177. Л. 1; Ед. хр. 3223. Л. 1–2; Ед. хр. 3254. Л. 1; Ед. хр. 4031. Л. 1; Ед. хр. 4254. Л. 1; Ед. хр. 4305. Л. 1–1 об.; Ед. хр. 4366. Л. 1; Ед. хр. 4501. Л. 1; Ед. хр. 4774. Л. 1; Ед. хр. 4855. Л. 1; Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 64. Л. 62, 244, 267; РГИА. Ф. 466. О. 1. Ед. хр. 477. Л. 37а, 69 об. – 70., 76–77, 79, 82, 85, 93–93 об., 99, 104, 105, 111, 113, 114, 116; ПиБ. Пг., 1918. Т. VII. Вып. 1. № 2349. С. 145; № 2549. С. 78; № 2551. С. 80; № 2891. С. 338–339; Прим. к № 2551. С. 581–582; М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3538. С. 483–485; Прим. к № 3538. С. 1367–1369.

да Ингерманландской губернии — Петербург и Шлиссельбург, в разнарядку в 1705 и 1706 г. была включена также Нарва[55]. В первые годы царские указы о присылке рабочей силы рассылались на места «по приказу» и за подписью Меншикова, с 1706 г. — из Поместного приказа, а с 1711 г. — из Правительствующего сената[56]. Обеспечением Невской дельты рабочей силой в первые годы занималась Семеновская приказная палата[57]. В Поместном приказе за высылку нарядов работных людей в Петербург, а также денег и провианта на них с 1706 г. отвечал управляющий этим приказом дьяк А. И. Иванов[58], с 1710 г. — дьяки Ф. С. Мануков и А. Г. Ратманов[59]. С 1707 г. разнарядка посошан назначалась только в Петербург и впервые разделялась между ведомствами: Канцелярией городовых дел и Р. В. Брюсом[60].

Из делопроизводственной переписки А. Д. Меншикова и У. А. Синявина следует, что комиссар уже в 1703 г. отвечал за присылку посошан не только в Шлиссельбург, но и на строительство крепости Санкт-Питер-Бурх[61]. Интересная подробность: летом 1703 г. часть работников перенаправили из Петербурга в Шлиссельбург: в письме губернатора У. А. Синявину от 27 июля говорится об отсылке к последнему «ис Питербурха на работу в Шлютелбурх», «кроме больных и беглых», 1002 человек[62]. Эти работники были

---

[55] ПСЗ. Т. IV. № 2218. С. 436–438; ПиБ. Т. IX. Вып. 1. № 3030. С. 67–68; № 3031. С. 69, № 3032. С. 70–71; № 3033. С. 72; *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города, до введения в действие выборного городского управления, по учреждениям о губерниях. 1703–1782. СПб., 1884. С. 55; *Андреева Е. А.* А. Д. Меншиков и образование Ингерманландской губернии... С. 17.

[56] Архив СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 229. Л. 11 об.–12; *Петров П. Н.* Строительная история Петербурга. Ч. II. § А: Распоряжения и распорядители // ОР РНБ. Ф. 575. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 30; ПСЗ. СПб., 1830. Т. IV. № 2289. С. 546; № 2240. С. 466; № 2447. С. 751.

[57] См., напр.: Архив СПбИИ РАН. Колл. 238. Оп. 2. Картон 222. Ед. хр. 25. Л. 1.

[58] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 5. Л. 140–143; ПиБ. Т. IV. № 1175. С. 182; № 1180. С. 185; № 1181. С. 186; Т. IV. Примечания. Примеч. к № 1181. С. 755–756; Примеч. к № 1180. С. 753.

[59] Архив СПбИИ РАН. Колл. 238. Оп. 1. Ед. хр. 543. Л. 8; Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 120; ПСЗ. Т. IV. № 2289. С. 546; ПиБ. М., 1956. Т. X. № 3640. С. 75; № 3652. С. 82.

[60] Там же. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 234. Л. 1 об.; Ед. хр. 302. Л. 1; Ед. хр. 330. Л. 1–1 об.; Д. 3732. Л. 1–2; Д. 3746. Л. 1; Д. 4437. Л. 1; Д. 4460. Л. 2.

[61] РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 477. Л. 3–3 об.

[62] Там же. Л. 3.

присланы из следующих мест: «монастырей Симонова села Веси Егонской[63] з деревнями... Алексеевского, что на Углече; села Тебле з деревнями... Вознесенского девичья, что на Москве; села Застолбья з деревнями... Кирилова, что на Беле озере; села Илгощи з деревнями... да села Теребутуни... Троицкого погосту, что в Максимове...»[64].

Тогда же получил У. А. Синявин и гневное письмо от А. Д. Меншикова: «Писал ты ко мне об олочанах о двустах человеках, которые в Шлютельбурхе на работе, что у них в запасех скудость. И я удивляюся вам, что видя самую нужду, бес которой и работать немочно, а ко мне отписываетесь. Прикажи им хлеб давать правианту против их братии. И впредь того смотрите, чтоб з голоду не мерли»[65]. Как показывает последующая переписка, больше таких ошибок комиссар не повторял.

Помимо этих забот, У. А. Синявин в 1703 г. должен был организовать отлов рыбы на Ладожском озере присланными от А. Д. Меншикова из Шлотбурга рыбаками и доставку ее в Шлотбург, отправку туда же лекарств и 500 ведер уксуса[66].

С 1710 г. распределение посошан изменилось в сторону увеличения для ведомства У. А. Синявина: из указных 40 000 работников[67] 32 000 направлялись в Канцелярию городовых дел и только 8000 тысяч — к Р. В. Брюсу[68]. Еще одно изменение 1710 г.: появились «зимовые» работники (к Синявину — 3000 чел., к Брюсу — 1000), которые должны были трудиться с 1 февраля по 1 мая[69]. Из донесения У. А. Синявина царю видно, на какие объекты определялись направленные к нему посошане: три тысячи «зимовых» должны были заготовить для кирпичных заводов 50 000 бревен, 700 000 драни и 3000 саженей дров; основная же часть работников распределялась на крепостное строительство, из которых 500 чел. — на заготовку припасов на Котлине (для предстоявшего похода на Выборг)[70].

---

[63] Село Весь Егонская расположено в 40 верстах от Устюжны Железопольской (Сербина К. Н. Крестьянская железоделательная промышленность Северо-Западной России XVI — первой половины XIX в. Л., 1971. С. 58–61, 79).

[64] РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 477. Л. 3–3 об.

[65] Там же. Л. 16.

[66] Там же. Л. 2, 5.

[67] Архив СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 229. Л. 10 об. – 11; ПСЗ. Т. IV. № 2240. С. 466; № 2448. С. 752–753.

[68] Архив СПбИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Ед. хр. 229. Л. 11–11 об.; ПСЗ. Т. IV. № 2240. С. 466.

[69] ПСЗ. Т. IV. № 2240. С. 466; ПиБ. Т. IX. Вып. 1. № 3538. С. 483; Вып .2. Примеч. к № 3555. С. 1414; Т. X. М., 1956. № 3568. С. 17–18.

[70] ПиБ. Т. IX. Вып. 1. № 3538. С. 483–484.

В 1711 г. из присланных к У. А. Синявину работников 1000 «и больши» назначались к строительству кирпичных заводов «вверх по Неве» и «квартир» для переселяемых на вечное житье мастеровых; 400 — к обжигальщикам «у дела кирпича»; 700 — к кирпичным заводам на р. Тосне; 500 — туда же к подрядчикам «у дела кирпича», 2000 — на каменоломни; 500 — на шлиссельбургские кирпичные заводы «на Корельской стороне», туда же к подрядчикам 100 мастеровых и работных людей, но нет сведений, какую часть из этих последних составляли посошане[71]. В этом году появляются наемные (т. е. добровольно нанятые) неквалифицированные работники: на невских и тоснинских кирпичных заводах «у дела кирпича» трудилось 900 наемщиков[72]. Причем последние выполняли более квалифицированную работу: они направлялись в помощь обжигальщикам на изготовление кирпича, тогда как посошане работали в основном на заготовках и транспортировке леса, а также на перевозке глины.

С 1710 г. в дельте Невы трудились также шведские пленные: к коменданту Петербургской крепости полковнику М. О. Чемесову в сентябре 1711 г. были присланы 384 шведских урядника и рядовых, которых А. Д. Меншиков велел У. А. Синявину привлечь к работам[73]. Причем, согласно губернаторскому распоряжению, У. А. Синявин должен был, «выбрав, которые из них здоровее», определить их выкапывать канал в Екатерингофе[74]. Кроме того, каменный дом А.Д. Меншикова на Васильевском острове в сентябре 1711 г. возводился в т. ч. силами 200 шведских «арестантов»[75].

В 1713 г. работники Канцелярии городовых дел трудились в Петербургской крепости, в Кронверке, строили казармы, пристань возле дома вдовствующей царицы Марфы Матвеевны на Московской стороне, работали в Петергофе, на Васильевском острове, на р. Ижоре — «в крепости» Меншикова, заготавливали лес на р. Охте и там же строили суда, сплавляли лес от назинских кожевенных заводов до Шлиссельбурга, работали на Гончарном дворе и на тосненских кирпичных заводах, строили и чинили суда, в т. ч. на

---

[71] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1 Ед. хр. 31. Л. 5–5 об.

[72] Там же. Л. 5.

[73] РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 477. Л. 114; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 4607. Л. 1 об.; см. об этом также: *Андреева Е. А.* Шведские пленные на строительстве Петербурга в первые годы его существования // Приневье до Петербурга: Сборник научных статей. СПб., 2006. С. 82.

[74] РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Ед. хр. 477. Л. 114.

[75] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 4607. Л. 1 об.

р. Тосне, а также возводили дворец царицы Екатерины Алексеевны на Адмиралтейском острове и дом вице-канцлера барона П. П. Шафирова на Петербургском острове[76].

* * *

Таким образом, несмотря на распространенное мнение, Александр Данилович Меншиков никогда не был губернатором Санкт-Петербурга, он был первым губернатором первой губернии — Ингерманландской. Губернатором он стал за полгода до основания Петербурга — 18 октября 1702 г. Первоначально центром губернии был город-крепость Шлиссельбург. Название губернии — Ингерманландская — появляется сразу после основания крепости Санкт-Питер-Бурх. 3 июня 1710 г. губерния была переименована в Санкт-Петербургскую. С самого начала Меншикова называют и губернатором, и генерал-губернатором, однако официально генерал-губернаторы появляются в царских указах в 1711–1712 гг. Светлейший князь был губернатором 24 года, из которых 12 лет находился вдали от губернии. Ранний Петербург создавался подведомственными Меншикову губернскими структурами. В его строительстве можно выделить два этапа. В первые четыре года (1703–1706), все объекты были непосредственно сосредоточены в руках Меншикова, а разнарядка неквалифицированной рабочей силы назначалась не на один Петербург, а на несколько городов губернии. С 1707 г. разнарядка работников шла на один Петербург и распределялась между ведомствами обер-комиссара У. А. Синявина и обер-коменданта Р. В. Брюса. С 1706 г. указы шли из Поместного приказа, а с 1711 г. — из Правительствующего сената.

[76] РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 1а. Л. 70–71; 119–119 об., 225 об.

Олег Николаевич МУХИН
(Томск)
Заведующий кафедрой всеобщей истории археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета

«Громоотвод судьбы»: к вопросу о роли А. Д. Меншикова в жизни и деятельности Петра I

Oleg N. Mukhin

«Lightning Rod of Fate»: To the Question of the Role of A. D. Menshikov in the Life and Work of Peter I

Аннотация: Предпринимается попытка объяснить особое положение А. Д. Меншикова в обществе и государстве петровской эпохи с опорой на междисциплинарный подход. Выявляется роль светлейшего князя в личной и политической жизни Петра I. Выделяются и характеризуются три типа ролей: государственного деятеля, личного друга и социально-политического и психологического «громоотвода». Особое внимание уделяется анализу последней роли. Выдвигается предположение о типологическом сходстве этой роли Меншикова при Петре с ролями Ф. Ю. Ромодановского, Н. М. Зотова и И. М. Головина.
Abstract: An attempt is made to explain the special position of A. D. Menshikov in the society and state of the Petrine era, based on an interdisciplinary approach. The role of His Serene Highness Prince in the personal and political life of Peter I is revealed. Three types of roles are identified and characterized: statesman, personal friend and socio-political and psychological “lightning rod”. Particular attention is paid to the analysis of the latter role. An assumption is made about the typological similarity of this role of Menshikov near Peter with those of F. Yu. Romodanovsky, N. M. Zotov and I. M. Golovin.

Ключевые слова: Петр I, А. Д. Меншиков, историческая биография, фаворитизм, междисциплинарный подход.
Keywords: Peter I, A. D. Menshikov, historical biography, interdisciplinary approach, favoritism.

При изучении биографии А. Д. Меншикова одним из важнейших остается вопрос о его роли в жизни царя Петра, отношение которого к своему фавориту было неоднозначным и менялось на протяжении жизни государя, при том что первый всегда пользовался максимальным доверием второго, несмотря на свои многочисленные проступки. Интересно попытаться понять, зачем Александр Данилович — именно такой, каким он был, со всеми его, пусть и не умалявшими достоинств недостатками, часть из которых весьма важна в парадигме личного и политического мышления Петра, — был нужен его царственному покровителю?

Представляется возможным выделить три роли, которые играл в жизни своего августейшего патрона светлейший князь, причем отчасти они понятны и прозрачны, а отчасти требуют специального прояснения.

Наиболее очевидна роль Александра Даниловича как «дельца» государственного масштаба. Именно эта роль лучше всего известна и понятна исследователям[1]. Меншиков на протяжении всей жизни оставался вернейшим проводником и исполнителем воли Петра, обладая блестящими способностями организатора, администратора и военачальника. Более того, в этом качестве светлейший максимально полно отвечал требованиям царя-реформатора. Как справедливо отмечает М. В. Бабич, Петр больше всего ценил не «узких специалистов», но «многостаночников»: «Универсальность соответствовала государственному заказу в том смысле, что центральный аппарат испытывал потребность в специалистах именно общего управления, успех которых определяли организаторские способности, опыт и высокая степень моральной и физической выносливости»[2].

Такая востребованность разносторонне одаренных администраторов была вызвана переходным характером эпохи, когда процесс

[1] См. обстоятельную биографию светлейшего: *Павленко Н. И.* Меншиков. М., 2016.

[2] *Бабич М. В.* Правительственная среда и комиссии петровского времени // Петровское время в лицах. Краткое содержание докладов научной конференции. СПб., 2000. С. 11.

бюрократизации (читай: профессионализации) государственного управления в России находился на ранней стадии и, соответственно, потребность в управленцах нового типа уже существовала, а достаточного количества соответствующих кадров пока не было. Безусловно, сказывалась здесь и разносторонность личности самого Петра, а также неизжитая традиция приказного управления[3].

Меншиков был далеко не единственным человеком в окружении царя-реформатора, соответствующим таким требованиям. Помимо знаменитых «принципалов»: Ф. М. Апраксина, Я. В. Брюса, П. А. Толстого и Б. К. Миниха, таких людей, за время своей карьеры получавших важные посты 7–10 раз, было около 20 человек, по подсчетам М. В. Бабич[4]. При этом Александр Данилович лишь во вторую очередь отличался от них своими административными талантами, а в первую — безудержной, даже по меркам петровской России, склонностью к стяжательству, включая криминализованные уже тогда взяточничество и растрату государственных средств. Это качество светлейшего может быть интерпретировано и понято с точки зрения психологии в свете его происхождения. Не столь важно, какая из версий более достоверна (либо он был простолюдином, торговавшим пирожками, либо отпрыском обедневшего литовского шляхетского рода), в любом случае головокружительно быстрый взлет, в буквальном смысле «из грязи в князи», и полное доверие и попустительство со стороны монарха, как нам представляется, не могли не породить в психике Александра Даниловича фиксированных установок, в терминологии школы Д. Узнадзе[5], на вседозволенность.

---

[3] Как отмечает Е. В. Анисимов, «основой приказной организации с древних времен был “приказ” — поручение, которое давалось государем конкретному лицу. Система служебных поручений была важнейшей и фактически единственной формой исполнения служилым человеком своих обязанностей перед государем и государством» (*Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 46).

Принцип «универсализма» распространялся не только на управленческую элиту. В. А. Артамонов указывает, что «свой универсализм Петр I распространил на армию — его солдаты строили, умело ходили на галерах, пехота сражалась на конях, конница стреляла из пушек» (Артамонов В. А. От царства к империи. Изменение державной мощи России при Петре Великом // Петр Великий — реформатор России / Отв. ред. *Н. С. Владимирская*. М., 2001. С. 36).

[4] *Бабич М.* В. Указ. соч. С. 10.

[5] О психологических установках разного типа см: *Надирашвили Ш. А.* Закономерности формирования и действия установок различных уровней // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. 1. Тбилиси, 1978. С. 111–122.

Однако далее возникают вопросы. Почему Петр именно Меншикову прощал то, что другим не сходило с рук (вспомним судьбу князя М. П. Гагарина)? И здесь следует указать на вторую роль, которую играл светлейший в жизни царя-реформатора. Она (как и третья) завязана во многом на психологических особенностях личности Петра, а кроме того, связана с проблемой фаворитизма как феномена.

По вполне адекватному определению Л. В. Шабанова и М. В. Малинникова, «фаворит не только был особо приближенным человеком, но и влиятельным лицом, которое обладало правом выступать как субъект власти (а часто и произвола) в государственной политике»[6]. При этом фавориты могли либо быть заинтересованы лишь в собственном возвышении и обогащении, либо осуществлять, причем на весьма высоком уровне, деятельность, полезную для общества и государства[7]. Думается, что психология фаворитов вполне понятна, — сложнее уяснить, зачем такой тип отношений самому покровителю.

Если характеризовать фаворитизм в целом, то, согласно наблюдениям исследователей, он как явление приобретает особый размах в период так называемого абсолютизма. При этом стоит уточнить, что причина такого «совпадения», пожалуй, не в столько в том, что авторитарный правитель желает противопоставить своих избранников традиционным «кланам» (хотя и это тоже), сколько в том, что в это время бюрократизм, как уже было указано, только начинает формироваться. Соответственно, стремление организовать руководство страной на рациональных отношениях у властителей есть, а вот возможностей не хватает. Отсюда стремление опереться на внеинституциональные отношения, каковые существовали и ранее, но в традиционном обществе считались нормой, а в период становления общества модернити приобретают

---

[6] *Шабанов Л. В., Малинников М. В.* Фаворитизм как фактор формирования традиции российского государственного управления (на примере сановников XVIII — начала XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 3 (19). С. 5.

[7] В. В. Дзюбан первых определяет как временщиков, вторых — как государственников, причем очевидно, что вторые, обладая достоинствами, вовсе не лишены недостатков, присущих первым (*Дзюбан В. В.* Фаворитизм и его влияние на российское государство и его социум // Мировые цивилизации. 2021 № 2: [Электронный ресурс]. URL: https://wcj.world/PDF/13IAMZ221.pdf (дата обращения: 14.05.2023)). Однако вряд ли можно разделить эти мотивы в большинстве случаев.

отрицательные коннотации[8]. И в случае фаворитизма в основе таких отношений, как правило, лежала личная преданность «клиента» своему патрону и нередко эмоциональная привязанность (по крайней мере, «сверху вниз» или обоюдная).

В юности Александр Данилович («Алексашенька», как называет его Петр в письмах; не «Алексашка», как часто пишут и говорят, — такого именования в документах нет!) являлся самым близким другом государя. Здесь следует учитывать, что Петр, в силу пережитых в детском возрасте стрессов, являлся, по всей вероятности, личностью невротической. Одним из основных качеств, которое сопровождает невротизм, является базовое недоверие, в терминологии Э. Эриксона[9]. Хорошо известно, что Петр по натуре был человеком недоверчивым и подозрительным и при этом болезненно нуждался (обратная сторона базового недоверия) в искренней привязанности, каковая, соответственно, могла связывать его лишь с небольшим количеством избранных людей (второй такой, пользовавшейся доверием и привязанностью царственного невротика, персоной была его жена Екатерина). На то, что это была именно невротическая привязанность в обоих случаях, указывает как раз всепрощение, проявлявшееся по отношению к их проступкам со стороны Петра (вспомним историю адюльтера Екатерины и Виллима Монса).

О том, что это не просто приятельская, но именно глубоко психологическая дружеская привязанность, свидетельствует и тот подмеченный современниками факт, что именно Меншиков, наряду с Екатериной, обладал редкой способностью успокаивать государя во время присущих ему вспышек гнева[10]. При этом стоит обра-

---

[8] Что же касается традиционных кланов, то ведь ранее и они могли подниматься по иерархической лестнице или «падать» вниз по прихоти монарха (в особенности в России, где не было абсолютизма, но была деспотия, затем сменившаяся самодержавием), т. е. фактически по тому же принципу фаворитизма.

Можно также увидеть очевидное сходство между фаворитизмом и патронажно-клиентскими отношениями, каковые, по наблюдениям исследователей, занимающихся этим явлением на материале советской эпохи, являлись опять-таки проявлением слабости законных форм социального действия (соответственно, не всегда речь идет о временной незрелости институциональных форм политической активности, но может иметься в виду и нежелание сил, власть предержащих, развивать такие формы, грозящие, как им кажется, ослаблением их авторитарного влияния в политическом поле) (см., например: *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. Гл. 10).

[9] *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб., 2000. С. 238.

[10] См. пример в: *Корб И.* Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства

тить внимание на то, что речь идет о годах юности Петра. Более того, именно с появлением в его жизни Екатерины можно наблюдать постепенное охлаждение царя к своему фавориту. Возможно, двух сильных эмоциональных привязанностей одновременно для него было слишком много (а может, еще и потому, что Петр не мог забыть о том, что Екатерина, по распространенному мнению, была ранее наложницей светлейшего).

Таким образом, в отношениях Петра и Меншикова не все было однозначно. С годами государь все больше убеждался в том, что его друг, при всех его незаменимых качествах организатора и военачальника, охвачен болезнью стяжательства. С 1714 г. и до самой смерти Петра светлейший почти постоянно находился под следствием по обвинениям в крупных хищениях. Но царственный патрон, неоднократно бивавший светлейшего князя собственной рукой и угрожавший ему виселицей, так никогда и не смог избавиться от этой привязанности полностью. Да и начеты проворовавшегося «светлейшего» Петр постоянно списывал. Так, например, 9 июня 1719 г. Меншиков подал следующее прошение царю: «Всемилостивейший государь. Должен я Санкт Питербурхской губернской канцелярии в казну вашего величества от пяти до шти тысяч рублей, а заплатити оные чем не имею. Того ради всенижайше ваше величество своего всемиластивейшаго государя, и отца, прошу дабы за мой особливой труд чрез которой я в той губернии сверх положенного табелного числа доходов, собрал с лишком милион, и прибыло в оклад почти по семидесят тысячь рублев, сверх прочия, чрезвычайных росходов изволили помянутым долгом меня пожаловать, в которой надежде превысокой вашей отеческой ко мне милости остаюсь; вашего величества всенижайший раб Александр Меншиков». На прошение наложена резолюция Петра: «не брать»[11]. Но характерны и обращение, и подпись под прошением — как далеки они от того фамильярного «min hertz», обычного в переписке их молодости![12] Важно и то, что Петр осознавал это болезненное противоречие и страдал от него.

Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи / Неизвестный автор, *И. Корб, И. Желябужский, А. Матвеев.* М., 1997. С. 90.

[11] РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Оп. 1. Кн. 12. Л. 65.

[12] Выстраивание более официальных отношений между друзьями было длительным процессом. До Полтавской виктории светлейший князь подписывался в посланиях к царственному другу просто: «Александр Меншиков» (в отличие от всех других его приближенных, именовавших себя в письмах «нижайшими рабами»). В письме от 8 августа 1709 г. он впервые подписывается «вашей милости нижайший слуга Александр Меншиков» (Письма и бумаги императора

Александр Данилович являл собой, как представляется, ярчайшее воплощение так называемого авторитарного характера, в терминологии Э. Фромма, каковой зиждется, по мысли исследователя, на сочетании садистских и мазохистских черт[13]. Этот тип социального характера в принципе свойственен традиционным обществам, в особенности авторитарным, при этом варьируясь по степени «развитости» от индивида к индивиду. Меншиков был готов полностью подчинятся воле Петра, в зрелые годы всячески демонстрируя пиетет перед своим патроном, при этом мало считаясь с нижестоящими лицами и учреждениями, откуда и проистекает во многом это своеобразное сочетание преданности и лихоимства: злоупотребления светлейшего были обращены (по его представлению) не против государя, а против иных лиц или институтов и безликих установлений (думается, такая модель поведения является частью единой нефиксированной установки россиян, в терминологии школы Д. Узнадзе, сохраняясь и по сей день). В петровскую эпоху эта модель поведения вообще была одним из ключевых противоречий в связи с переходностью, кризисностью этого исторического этапа, каковые всегда сопровождаются расшатыванием моральных норм. По сути, все представители элиты, подвергавшиеся в той ли иной степени преследованиям за корыстолюбие и нарушение указов, были одновременно полезнейшими деятелями во вверенных им сферах деятельности.

Все сказанное (вкупе с отсылкой к базовому недоверию) отчасти объясняет всепрощение Петра по отношению к Меншикову даже после серьезного охлаждения в их отношениях. Однако даже и этих объяснений недостаточно. И здесь пора обратиться к третьей роли Александра Даниловича, каковая в этот период охлаждения, возможно, становится основной, спасая его от расправы со стороны сурового монарха.

Петра Великого / под ред. *Б. Б. Кафенгауза*. М.; Л., 1952. Т. 9. Вып. 2: Январь — декабрь 1709 года. Прим. к № 3366. С. 1167). Первый раз подпись «нижайший раб Александр Меншиков» встречается в письме от 18 августа 1712 г. (Письма и бумаги императора Петра Великого / под ред. *Л. Г. Бескровного, Б. Б. Кафенгауза, Л. А Никифорова, Е. П. Подъяпольской*. М., 1975. Т. 12. Вып. 2: Июль — декабрь 1712 г. Прим. к № 5433. С. 341), правда, тогда это осталось разовым эпизодом. По крайней мере, с 1716 г. такое уничижительное и общепринятое самоименование в посланиях светлейшего становится регулярным (см. например: РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. I. Оп. 3, ч. 2. Кн. 28. Л. 23 об.). И Петр в это время обращается к Меншикову, именуя его полным именем — Александр, и никаких «Алексашенек»!

[13] *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1990. С. 125 и далее.

Будучи, как уже сказано, воплощением авторитарного характера, Александр Данилович одновременно являл собой и замечательное «зеркало» авторитарной натуры Петра. Наверняка не случайно два самых приближенных к царю-реформатору человека, Меншиков и Екатерина, — это в буквальном смысле личности, «сконструированные», если можно так выразиться, царственным «демиургом» (хорошо известна претензия Петра на этот статус). То есть Петр не принимал по-настоящему равных межличностных отношений и, подпуская человека к себе близко, на интимное расстояние, создавал при этом защитный психологический барьер, позволявший ему чувствовать себя даже в таких отношениях несоизмеримо выше. Такой барьер в определенной степени носил игровой (в психологическом понимании игры как компенсаторного механизма) характер. В этом плане Меншиков, как представляется, может быть поставлен в один ряд с такими «подставными» фигурами в окружении первого императора, как «князь-кесарь» Ф. Ю. Ромодановский («вице-царь»), «князь-папа» Н. М. Зотов (псевдопервосвятитель) и менее известный «князь-бас» И. М. Головин (не сумевший выучиться на корабельного мастера) (совпадение ли, что именно титул князя был дарован «Алексашеньке»?).

Британская исследовательница Л. Хьюз отмечает, отталкиваясь от примера трех названых (помимо Меншикова) персон, что в жизни Петра стало постоянной традицией давать должности непрофессионалам, в пику принятому представлению о нем как ценителе в человеке профессионализма (так, например, было с Лефортом и Шеиным во время Азовских походов). Но дело здесь, конечно, не в неумении разбираться в людях. Петр таким образом подчеркивал: не «князь-кесарь» Ромодановский, а он — настоящий правитель и император; не «князь-папа» Зотов, а он — настоящий защитник Православной церкви; не Головин, а он — настоящий основатель флота и «новый Ной». Они же — его несовершенные двойники, все с изъянами в репутации (Ромодановский — любитель старины, Зотов — пьяница, Головин — недоучка в корабельном деле)[14].

[14] *Hughes L. I.* M. Golovin and Peter the Great's Mock Court // Reflection on Russia in the Eighteenth Century : papers from the VI International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia / ed. by *J. Klein, S. Dixon and M. Fraanje*. Leiden, 1999. P. 49. Здесь исследовательница несколько преувеличивает: непрофессионалов Петр использовал лишь в рамках игровой сферы, тогда как в обычной жизни его окружали вполне компетентные люди (более того, вне игрового пространства и названные лица обладали своими, важными для самого царя и для государства, качествами, как отмечает сама же Л. Хьюз).

Соответственно, наличие у Меншикова отрицательных качеств не было препятствием для его возвышения. Эти качества, как и у других, «снижали» его в глазах Петра, охваченного базовым недоверием, именно потому, что Петр особенно ему доверял и полагался на него, чтобы сохранять психологический барьер. С Меншиковым это работало особо, ибо он более всех был похож на самого Петра по своим деловым качествам, т. е. мог служить универсальным помощником на любом поприще, и царственный невротик вряд ли смог бы терпеть рядом с собой столь одаренного человека, не имевшего серьезных изъянов[15] (продолжая логику Л. Хьюз, таким образом Петр подчеркивал, что именно он — по-настоящему верный слуга Отечества). Следует учитывать и то, что столь разносторонне одаренные личности, как Меншиков (и сам Петр, при том что первый все-таки не ровня второму), очень часто легко переходят грань между положительным и отрицательным (ср. с «обратной стороной титанизма») просто потому, что умеют и знают больше, чем окружающие их люди.

Какую же игровую функцию выполнял Александр Данилович при Петре? Если с Ромодановским, Зотовым и Головиным все вполне ясно и их постоянно сопровождали игровые и шутовские атрибуты и номинации, то Меншиков — обладатель скорее «серьезного» имиджа дельца и администратора (интересно, что светлейший, насколько нам известно, даже не был участником Всешутейшего собора).

Есть основания полагать, что Александр Данилович являлся своего рода социально-психологическим «громоотводом» для своего покровителя. Ю. Юль описывает эту роль Меншикова при своем повелителе. По словам датского посланника, светлейший должен был отвлекать на себя ненависть пострадавших от монаршей несправедливости: «А про царя говорят, что сам он добр, на князя же падает вина во многих вопросах, в которых он нередко невинен, хотя вообще он и не отличается справедливостью, а во всем, что относится до почестей и до наживы, является ненасытнейшим из существ, когда-либо рожденных женщиною»[16]. По словам датчанина, если царь не хотел оказывать каких-либо услуг или выплачивать деньги, он отсылал просителя к Меншикову, отговариваясь при

[15] Конечно, не стоит сбрасывать со счетов и более рациональный расчет Петра: человека, который имеет грехи перед своим господином, последнему легче держать под контролем.

[16] *Юль Ю.* Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы / *Ю. Юль, О. Плейер*. М., 2001. С. 256.

этом тем, что сам он являлся всего лишь генерал-лейтенантом, тогда как князь — фельдмаршал. Далее Меншиков действовал так, как велел ему заранее Петр[17].

И ведь недаром именно Меншиков владел самыми роскошными дворцами, где проходило большинство официальных приемов и празднеств петровского времени, тогда как жилища самого Петра выглядели достаточно скромно, что должно было также работать на выгодное для царя сопоставление. Это напоминает нам о пресловутом «наивном монархизме», свойственном русскому народу едва ли не до наших дней, причем в данном случае речь идет о сознательном использовании этих установок самим царем, что выдает в Петре умелого манипулятора.

Такого же рода «громоотводом» служил «князь-кесарь» Ромодановский, который, во-первых, по свидетельствам современников, приводил «за царя» в действие непопулярные меры и решения, а во-вторых, выполнял представительские функции, отторгаемые Петром по причине ассоциации их со стрессогенными факторами детства и юности. (Не случайно именно ему была поручена неблагодарная роль руководителя органов политического сыска.)

Выбор фигуры Меншикова (при сопоставлении ее с некоторыми другими членами ближнего круга Петра, прежде всего с Ромодановским) для подобных целей показывает, что психика царя-реформатора с его стремлением выстраивать вокруг себя систему защитных механизмов была весьма сложным комплексом бессознательных и осознанных мотивов. Испытывая в глубине души подсознательные страхи перед отправлением властных функций, Петр с юного возраста вместо себя выдвигал подставные фигуры, как бы стремясь тем самым отвести от себя беду. Здесь можно проследить архаические реминисценции: так поступали цари древних обществ, когда подходил к концу срок их правления, заканчивавшийся их умерщвлением (ср. также роль «короля карнавала» на средневековых праздниках)[18].

---

[17] Сходную оценку роли Меншикова при Петре дает другой датский дипломат — Г. Грунд (*Грунд Г.* Доклад о России в 1705–1710 годах / Пер., статья и коммент. *Ю. Н. Беспятых*. М.; СПб., 1992. С. 128).

[18] См. об этом: *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. *М. К. Рыклина*. М., 1998. С. 295 и далее.

Такое предположение не должно казаться натяжкой. Во-первых, бессознательное является своего рода матрицей, на которой отпечатывается и в которой накапливается все происходящее как с отдельным человеком, так и, в случае так называемого коллективного бессознательного, с социумом и даже с человечеством. Таким образом, речь идет о сложном конгломерате неосознаваемых мотивов, поведенческих стереотипов, установок и т. д., значительная часть

Помимо личностных особенностей Меншикова (как положительных, так и отрицательных), по всей видимости, немаловажно было и именно его невысокое происхождение. По мнению американского историка Р. Крамми, Петр, как и многие его предшественники и наследники, опирался на базовое представление о том, что именно традиционная элита в большей степени наполнена талантами. Ожидалось, что она будет лидировать и в плане введения новых стилей и практик[19]. При этом Петр, как и в иных случаях, стремился создать психологическую защиту (именно в первую очередь психологическую, ибо что такое Меншиков, Ягужинский и Шафиров против всех многочисленных представителей кланов Долгоруких или Голицыных, процветавших и при великом «ниспровергателе»!) от того, что должен был принимать, но что вызывало у него тревогу. Соответственно, выдвижение в качестве второго, по сути, лица в государстве худородного (или безродного) Меншикова было именно таким барьером, призванным «снизить» аристократию, от которой «неистовый реформатор» зависел не меньше, чем его предшественники (как хорошо показал П. Бушкович[20]), но при этом имел больше (не считая, конечно, Ивана Грозного) оснований ее боятся и ненавидеть. А то, что Меншиков воспринимался как этакий «жупел» всей родовитой знатью, хорошо известно.

Собственно, можно предположить, что безродность Меншикова являлась средством ограничения и его собственной позиции: возвести на такую высоту представителя династии Рюриковичей или Гедеминовичей было бы весьма опасно (вспомним о том, что фавориты эпохи переворотов также не были аристократами по происхождению, даже если являлись выходцами из дворянства). То есть

которых является проявлением, так сказать, исторической части психики (недаром иначе коллективное бессознательное часто называют исторической памятью).

Во-вторых, как справедливо указывают Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, кризисные периоды развития общества могут «фактически приводить к регенерации архаических форм» ментальности (*Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Из истории русской культуры / сост. *А. Д. Кошелев*. Т. 4: XVIII — начало XIX века. М., 2000. С. 341).

[19] Наглядный пример — состав молодых придворных, которых в 1696 г. Петр выбрал для отправки за границу с целью учебы на моряков. Из 67 стольников 37 носили боярские фамилии (*Crammey R. O.* Peter and Boiar Aristocracy, 1689–1700 // Canadian-American Slavic Studies. 1974. Vol. 8. № 2. P. 286).

[20] *Бушкович П.* Петр Великий: Борьба за власть (1671–1725) / пер. с англ. *Н. Л. Лужецкой*; под ред. *Д. М. Буланина*. СПб., 2008.

здесь мы снова видим сочетание расчета и бессознательных мотивов в поступках Петра.

При этом сообщения современников об использовании Петром Александра Даниловича (как и Ромодановского) в качестве фигуры, ответственной за его собственные непопулярные действия, говорят об определенной степени рационализации Петром своих страхов. При этом оба как никто подходили на эту роль именно и прежде всего из-за своей не подвергавшейся сомнению преданности.

Итак, как было показано, в основе особого отношения Петра I к Меншикову лежал целый, весьма сложный, комплекс как рациональных, так и бессознательных мотивов. На поверхности — роль Александра Даниловича как исполнительного, надежного и одаренного участника преобразовательной деятельности царя-реформатора. Однако способных людей в окружении Петра было немало, соответственно, этого, лежащего на поверхности, объяснения недостаточно. Немаловажна роль Меншикова как близкого друга своего царственного покровителя. Но в этой роли светлейший оказался несостоятельным из-за ряда неудобных и попросту осуждаемых самим монархом качеств (прежде всего духа стяжания), так что во второй половине жизни Петра той близости между друзьями, что имела место в юности, явно не было. При этом Меншиков по-прежнему остается, по сути, вторым человеком в государстве. И это заставляет предположить наличие третьей его роли — своего рода «громоотвода судьбы», призванного отвлекать на себя и вполне реальное недовольство поступками и деяниями Петра, и опасности, связанные со статусом монаршей власти, представлявшиеся последнему на бессознательном уровне в связи с базовым недоверием и базальной тревожностью как важнейшими качествами невротической личности первого императора.

Сергей Александрович ИВАНЮК
(Санкт-Петербург)
Директор Центрального музея связи им. А. С. Попова

Оксана Николаевна ИВАНЮК
(Санкт-Петербург)
Независимый исследователь

А. Д. Меншиков в Северной Германии (1712–1713)

Sergey A. Ivanyuk, Oksana N. Ivanyuk

A. D. Menshikov in Northern Germany (1712–1713)

Аннотация: Мнение об А. Д. Меншикове как о смелом, решительном и грамотном русском военачальнике периода Северной войны (1700–1721) прочно закрепилось в отечественной истории. Отдельным этапом в его военной карьере явилось участие в так называемом Померанском походе 1712–1713 гг. В течение двух лет в качестве главнокомандующего русского корпуса в Померании светлейший князь выполнял свои обязанности не только на поле боя, но и за столом переговоров, по мере своих сил и обстоятельств, которые складывались на этом театре военных действий.
Abstract: The opinion of A. D. Menshikov as a brave, determined and competent Russian military commander of the Northern War period (1700–1721) is firmly entrenched in the national military history. A separate stage in his military career is his participation in the so-called Pomeranian Campaign in 1712–1713. For two years, as Commander-in-chief of the Russian corps in Pomerania, His Serene Highness performed his duties not only on the battlefield, but also at the negotiating table to the best of his abilities and the circumstances that developed in this theater of military operations.

Ключевые слова: Петр I, XVIII в., А. Д. Меншиков, Северная война, Померания.
Keywords: Peter I, 18th century, A. D. Menshikov, The Great Northern War, Pomerania.

Мнение о А. Д. Меншикове как о смелом и решительном военачальнике периода Северной войны прочно закрепилось в отечественной истории. Находясь в боевых походах рядом с Петром I, он был участником многочисленных битв и сражений. В ряде случаев, в отсутствие на театре военных действий царя, он смело брал на себя командование всей группировкой войск на том или ином участке боевых действий. Отдельным этапом в его карьере явилось участие в так называемом Померанском походе 1712–1713 гг., когда русская армия действовала против шведов в Северной Германии.

Отправке светлейшего князя на этот театр боевых действий предшествовал ряд событий. После Полтавской победы и восстановления Северного союза активизировались действия союзных войск в Померании. Но 1711 г. стал неудачным для русской армии. Прутский поход закончился провалом, а действия союзников в Северной Германии были вялыми и сосредоточенными в основном на блокировании хорошо укрепленной шведской крепости Штральзунд. В конце года пришлось снять осаду и отправиться на зимние квартиры[1]. Неутомимый Петр I в январе 1712 г. сокрушался: «...зело жалею, что так даром прошлая компания без действа прошла»[2].

Разногласия, преследование личных интересов и несогласованность действий союзных войск подтолкнули царя к смене верховного командования русского корпуса в Померании. По его указу группировку русских войск должен был возглавить его доверенный человек — Александр Данилович Меншиков. При выборе светлейшего князя на роль командующего царь опирался не только на полководческий опыт, но и — в большей степени — на его авторитет как лица, приближенного к самодержцу. Ведь решать вопросы в

[1] Felttogene i Nordtyskland og Baahuslen i Øestersøen og Kattegat, 1710–1712 / udarb. ved Generalstaben av *A. P. Tuxen, C. L. With-Seidelin, A. L. Hansen* // Bidrag til den store nordiske krigs historie udgivne af Generalstaben. Bd. 3. København, 1906. S. 268–269, 275–352; *Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit: Bd. 2. Göttingen, 1964. S. 221; *Павленко Н. И.* Меншиков: Полудержавный властелин. М., 2016. С. 158–159; *Шиппан М.* Петр I в Германии: 1697–1717. СПб., 2021. С. 93–94.

[2] ПИБ. Т. 12. Вып. 1. М., 1975. С. 35.

Померании необходимо было не только на поле боя, но и за столом переговоров.

Из Санкт-Петербурга А. Д. Меншиков выехал 2 марта 1712 г., и «тракт» его лежал «на Ригу, и чрез Курляндию и Прусы на Элбинг, на Торунь, и на Познань». Здесь после комплектования корпуса личным составом и заготовки припасов, дождавшись «травы», он должен был проследовать в Померанию[3]. Но путь светлейшего князя в лагерь русских войск был не таким быстрым. Причиной задержки была необходимость решения вопросов снабжения петровских войск, автономность действий которых создавала трудности в выстраивании логистических цепочек. В отрыве от своих границ она была зависима от поставок союзников, ответственные лица которых, в свою очередь, регулярно избегали выполнения своих обязательств и всячески их саботировали[4].

Помимо проблем с провиантом, была еще одна задача, решение которой затягивалось союзниками. Для будущей кампании, во время которой планировались атаки шведских крепостей, необходима была осадная артиллерия, поставки которой должен был обеспечить Фридрих IV. В своем письме к послу в Дании В. Л. Долгорукому Меншиков писал, что если не будет поставки артиллерии к началу активных действий, то «нам возможно будет действовать разве только, что заведчи столь великим войском и пропустя... удобное время без всяких действ, великие убытки понести... и с чего может вместо всякого благополучия великой стыд последовать»[5].

В конце апреля 1712 г. Меншиков с полками выдвинулся в Померанию и в первых числах мая прибыл в городок Шведт. Он находился недалеко от крепости Штеттин, которую русским войскам удалось заблокировать в июне. Но осада шла без существенных результатов по уже указанной выше причине — из-за отсутствия нужного количества артиллерии. Прибыв 10 мая 1712 г. в городок Гарц на Одере (30 км к югу от Штеттина), светлейший князь смог оценить свои возможности по атаке Штеттинской крепости. Царю он сообщил, что без пушек, которые до сих пор не получены ни от саксонцев, ни от датчан, никакого результата не будет и эта кампания может повторить судьбу предыдущего безрезультатного

[3] РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1712 г. Ед. хр. 12. Л. 29; ПИБ. Т. 12. Вып. 1. С. 458.

[4] НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Карт. 18. № 5040. Л. 1; ПИБ. Т. 12. Вып. 1. С. 490; Павленко Н. И. Указ. соч. С. 159–160.

[5] РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1712 г. Ед. хр. 12. Л. 34–34 об.; ПИБ. Т. 12. Вып. 1. С. 177.

1711 года[6]. Для переговоров с союзниками и решения глобальной проблемы с артиллерией в середине июня 1712 г. Меншиков посетил Дрезден и Берлин, но и к концу июля артиллерия так и не была получена. Датчане наотрез отказались отправлять орудия в распоряжение русских войск, пока они не прекратят осаду Штеттина и не прибудут к Штральзунду для совместных действий на этом направлении. Каждый из союзников преследовал свои цели в этой кампании, и единой активности Северного союза не наблюдалось. Светлейший князь писал Петру I: «...в какой я обретаюсь печали, что сие толь удобное время праздно проходит»[7].

Понимая, что требуется уже его личное участие, Петр I в конце июля 1712 г. прибыл в Северную Германию, «дабы тамошним операциям нашею особою присудствовать и всеми силами действовать»[8]. Он встретился с Меншиковым в Гарце и посетил русский лагерь у Штеттина, лично проведя рекогносцировку. Отсюда царь направился в Грайфсвальд, где после изучения и этого района боевых действий в конце августа провел военный совет в Волгасте с участием союзников. К этому времени он уже понял, что для осады Штеттина получить артиллерию не получится и «король дацкой конечно того не учинит, чтоб ему хотя одну пушку от своей артилерии... послать». Фридрих IV, который в это время вел активные боевые действия в Бременском герцогстве, на все просьбы отвечал, что пушки он передаст только на условиях письменного обязательства русской стороны использовать их у Штральзунда. После военного совета в Вольгасте Петр I написал светлейшему князю: «И что делать, когда таких союзников имеем... Бог видит мое доброе намерение, а их и иных лукавство»[9].

В итоге русским и саксонцам пришлось поддержать план датчан, так как они располагали двумя главными козырями — артиллерией и флотом. Было принято решение приближаться к Штральзунду и готовить русско-саксонский десант на остров Рюген при поддержке датских кораблей. Для этого Петр перебрасывал часть своих войск во главе с Меншиковым из-под Штеттина в Волгаст, ближе к Штральзунду — плацдарму будущей операции. Но десант-

---

[6] ПИБ. Т. 12. Вып. 1. С. 457.

[7] Там же. С. 552.

[8] Там же. С. 265.

[9] De Nordiske Allieredes Kamp med Magnus Stenbock 1712–1713 / udarb. ved General staben af Tuxen of *C. L. With-Seidelin* // Bidrag til den store nordiske krigs historie udgivne af Generalstaben. Bd. 4. København, 1910. S. 56–57; ПИБ. Т. 12. Вып. 2. М., 1977. С. 64–65, 316–317; *Шиппан М.* Указ. соч. С. 132–133.

ную операцию так и не удалось осуществить, т. к. на остров прибыл крупный шведский транспорт (16 000 чел.) во главе с генералом М. Стенбоком. Датский флот отступил и дал возможность противнику высадиться на Рюгене, а затем усилить гарнизон Штральзунда. Штурм крепости союзниками теперь был невозможен, и они вновь ограничились ее блокадой.

По мнению датских историков, Петр I и Меншиков восприняли эту новость в какой-то степени с облегчением. Это было понятно, ведь они считали, что без участия основных сил датской армии, которая в это время решала свои проблемы в Голштинии, не заняв ни одной ключевой крепости в Померании, «кроме того, что дамой итить, делать нечево». Предполагая, что уже ничего существенного на театре военных действий не произойдет, в конце сентября царь убыл в Карлсбад, передав полностью командование армией светлейшему князю[10].

В конце октября 1712 г. в поисках более выгодной позиции и провианта шведский корпус Стенбока покинул район Штральзунда. Прорвав союзническую блокаду и выйдя на оперативный простор, он ушел в Мекленбургскую землю. Союзники попытались удержать противника и создать заслон из русско-саксонских войск на границе Померании и Мекленбурга. Но нерасторопность саксонского командования и несогласованность в действиях привела к тому, что к 12 ноября померанско-мекленбургская граница была практически открыта. Это позволило Стенбоку перебросить войска в Мекленбургскую землю и занять без боя Росток. При этом союзники начали выдвигать взаимные обвинения и искать виновных в случившемся. Светлейший князь писал в ноябре В. Л. Долгорукому: «...неприятель... в Росток впущен... Чтож изволите писать о переходе неприятельском в Мекленбурскую землю, и оной перешел под Дамгартом, где стояла часть саксонской ковалерии, а наши войска стояли в то время от Грибсвалда к Гриму... а что нарекают за пропуск неприятеля... тому они ж причиною. Понеже надеялись мы, что дацкое войско место заступит»[11].

В сложившейся ситуации союзники решили принять меры для удержания шведских войск в Мекленбургской земле, чтобы пресечь их движение в Померанию или Польшу. Пока они пополняли свои запасы продовольствия, союзники усиливали посты на мекленбур-

[10] De Nordiske Allieredes Kamp med Magnus Stenbock 1712–1713. S. 91; ПИБ. Т. 12. Вып. 2. С. 89.

[11] РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1712 г. Ед. хр. 12. Л. 91 об., 92 об. – 93, 96–96 об., 97 об.; De Nordiske Allieredes Kamp med Magnus Stenbock 1712–1713. S. 117.

гско-померанской границе. В течение ноября 1712 г. враждующие армии не предпринимали никаких крупных операций. Союзники оставались в обороне и ограничивались расширением своих позиций по мере прибытия новых войск. В конце ноября М. Стенбок решил воспользоваться затишьем и, вступив в переговоры, предложил заключить временное (14-дневное) перемирие. На переговорах присутствовали: от России — А. Д. Меншиков, от Саксонии — фельдмаршал Я. Г. фон Флемминг, от Дании — генерал-адъютант П. В. Левенорн. Представители союзников согласились на перемирие, заявив, что король Август II готов к этому, но оно может быть заключено только тогда, когда будет выслушано мнение царя и датского короля. Формально, на словах, соглашение было достигнуто, что впоследствии вызвало гнев правителей России и Дании, которые не давали своего согласия на его заключение[12].

Датские историки писали, что вернувшийся из Карлсбада в начале декабря на театр военных действий царь был крайне рассержен принятым решением и при встрече с Меншиковым даже «грозил отрубить ему голову». Но соответствует ли это утверждение действительности? В свою очередь, немецкий историк М. Шиппан, описывая возвращение Петра I к армии, сообщал, что после встречи со светлейшим князем в Деммине он праздновал его именины, а на следующий день они вместе отмечали именины царицы Екатерины, что сложно соотнести с озвученной выше угрозой[13].

К началу декабря 1712 г. к своей армии прибыл и Фридрих IV. Союзники решили соединить свои силы, которые были рассредоточены на разных участках. И вновь они преследовали каждый свои цели: датчане — не допустить шведов в Голштинию, а саксонцы и русские — закрыть им путь в Польшу. Все это приводило к медлительности в действиях, чем и воспользовался противник. Получив сведения о перемещениях союзных сил, Стенбок выдвинул свои отряды таким образом, чтобы находиться между разрозненными частями противника и не допустить их соединения. Воспользовавшись ситуацией, шведы 20 декабря атаковали датские силы у Гадебуша и разбили их[14].

[12] De Nordiske Allieredes Kamp med Magnus Stenbock 1712–1713. S. 139, 145; ПИБ. Т. 12. Вып. 2. С. 474.

[13] НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ч. 6. Д. 5663. Л. 13–14; De Nordiske Allieredes Kamp med Magnus Stenbock 1712–1713. S. 152; *Шиппан М.* Указ. соч. С. 192.

[14] De Nordiske Allieredes Kamp med Magnus Stenbock 1712–1713. S. 158, 162–170; Шиппан М. Указ. соч. С. 196; *Беспалов А. В.* Кризис антишведской коалиции в 1712–1713 годах и роль России в сохранении Северного альянса //

Царь критически относился к вступлению датчан в бой до подхода русских сил и говорил, что «господа датчане» сделали это «имея ревность не по разуму». В конце декабря 1712 г. в Пампове он собрал военный совет для обсуждения дальнейших действий русской армии в Померании. Меншиков настаивал на переброске войск в Польшу, на зимние квартиры, к этому же склонялся и Петр I, т. к. такое расположение было более выгодным в условиях очередного обострения русско-турецких отношений. Но против этого категорически выступали датчане, которые боялись, что за русскими с театра военных действий уйдут и саксонцы. Датский король выдвинул русской стороне ультиматум, грозя заключением сепаратного датско-шведского мира. В результате было принято решение объединить союзнические силы и продолжить боевые действия, преследуя противника, который был значительно ослаблен после битвы у Гадебуша, и о каких-то активных действиях с его стороны не могло быть и речи. После 10-дневной паузы Стенбок направил свои войска в Голштинию, где планировал пополнить запасы продовольствия за счет сбора контрибуций с населения[15].

28 января 1713 г. русские войска вошли в Хузум, где стало известно, что противник сконцентрировал силы у Фридрихштадта. Шведы выбрали выгодную позицию. Город был окружен болотами, а две плотины, ведущие к нему, усилены укреплениями с артиллерией. К тому же Стенбок распорядился взорвать шлюзы, и окрестные поля были затоплены. Датчане и саксонцы посчитали атаку на Фридрихштадт самоубийственной авантюрой, но Петр I решил самостоятельно атаковать крепость[16].

До рассвета 31 января русские войска начали атаку шведских позиций. По одной из дамб во главе пехоты двигался царь, а по второй с кавалерией шел Меншиков. Шведы быстро покинули свои позиции и отступили. Но преследование было затруднено из-за проливного дождя и вязкого грунта, из-за которого «не только со всех солдат обувь стащило, но и у многих лошадей подковы выдрало». В итоге Стенбоку удалось покинуть Фридрихштадт и организовано отступить в крепость Тоннинг, вход в которую ему «любезно» предоставил нарушивший нейтралитет Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский. Союзные войска, преследуя шведов, блокировали го-

---

Norwegian Journal of Development of the International Science. 2021 г. № 69–2. С. 19.

[15] De Nordiske Allieredes Kamp med Magnus Stenbock 1712–1713. S. 212–214, 238; *Шиппан М.* Указ. соч. С. 196–197.

[16] *Шиппан М.* Указ. соч. С. 211–212.

род. Поручив руководство осадой Меншикову, царь уехал с театра военных действий в Санкт-Петербург, где шла подготовка к боевым действиям в Финляндии[17].

Союзники достаточно плотно заблокировали шведский корпус с суши и с моря, предотвратив прорыв Стенбока в Мекленбург или Померанию. Положение осажденных усложнялось недостатком провианта. В Тоннинге начался голод: как писал Петру I Меншиков, «в пропитании превеликая у них нужда... каждой день умирает человек по 40 и по 50»[18]. В течение апреля — мая 1713 г. на фоне вялых осадных работ было предпринято несколько безуспешных попыток прорыва обороны Тоннинга, а от каких-либо активных действий союзников вновь удерживало отсутствие осадной артиллерии. Тем не менее, плотная блокада, голод и разразившаяся в городе эпидемия вынудили Стенбока вступить в переговоры.

Вопросы, связанные с обсуждением капитуляции шведов и сдачи Тоннинга, потребовали от Меншикова проявить свои дипломатические способности. В процессе переговоров шел активный торг, связанный в т. ч. с поиском личной выгоды, не только между оппонентами, но и между «северными» союзниками. В это время в дипломатическую игру под стенами Тоннинга, помимо Дании, России и Саксонии, вступил голштинский министр барон Г. Г. фон Гёрц, который предлагал посреднические услуги Меншикову и фон Флемингу в переговорах со Стенбоком, каждому из которых он обещал более выгодные условия и преференции. Но главной его целью было получить в сложившейся ситуации наибольшую выгоду для Гольштейн-Готторпа. Характеризуя этого персонажа и его поведение в этот период, историки отмечали, что ему «было совершенно невозможно быть честным: он ни с кем не был искренен; своих врагов он стремился обмануть, своих друзей — перехитрить. Он втерся в доверие Я. Г. фон Флемминга и А. Д. Меншикова, не посвящая их полностью в свои планы, и заставил их сказать “да”, не имея четкого представления о том, во что они ввязываются»[19].

В ход шли различные уловки и интриги, которые в итоге привели к определенным договоренностям. 16 мая 1713 г. Стенбок капи-

---

[17] ПИБ. Т. 13. Вып. 1. М., 1992. С. 45–47; *Павленко Н. И.* Указ. соч. М., 2016. С. 163; *Шиппан М.* Указ. соч. С. 212–213.

[18] РГАДА. Ф. 198. Ед. хр. 297. Л. 3; ПИБ. Т. 13. Вып. 1. С. 294–295.

[19] Kampen om Tønning 1713–1714 og Stenbocks hær i dansk fangenskab 1713–1719 / af A. *P. Tuxen, H. W. Harbou og C. L.* With-Seidelin // Bidrag til den store nordiske krigs historie udgivne af Generalstaben. Bd. 5. København, 1915. S. 9; *Павленко Н. И.* Указ. соч. С. 163–164; *Шиппан М.* Указ. соч. С. 215.

тулировал и вышел из крепости, передав себя и свои войска в руки союзников. После этого уставший от дипломатических игр Меншиков планировал вывести главные русские силы из Северной Германии, но по многочисленным просьбам Фридриха IV Петр I указал ему задержаться там до сентября текущего года. При этом царь писал: «...все полагаю на вас — чините, что лутче по тамошним оборотам, ибо за далностию мне невозможно указывать»[20]. Выполняя его указ, Меншиков направил русские войска к Штеттину. В начале июля они уже вновь находились под стенами крепости, начав ее «правильную» осаду. При этом говорить о каких-либо энергичных действиях вновь было невозможно без участия осадной артиллерии, с доставкой которой снова начинались трудности, и требовались сложные переговоры с союзниками. Саксонские пушки находились в Мекленбурге, а датчане снова использовали артиллерию для шантажа.

Штеттин еще не был взят, а за него уже шел торг: решалось, кто будет им владеть после капитуляции. Город становился, как писал Н. И. Павленко, «яблоком раздора»: здесь переплелись интересы Дании, Саксонии, Голштинии и Пруссии, в то время как Петр I уже чувствовал бесперспективность данного направления и сосредоточился на боевых действиях в Финляндии. Меншикову было очень трудно. Постоянные интриги, выражавшиеся в словах и действиях союзников, угнетали князя. Характеризуя их, он сообщал в августе 1713 г. царю: «...они непрестанно больше в политических, нежели в военных делах обретаются, и по сему легко можно разсудить, каково мне с ними, не имеющему в тех делах никакого помощника»[21].

За линией открытых и тайных переговоров в течение всего лета Штеттин продолжал сопротивляться, — вплоть до сентября, когда в русский лагерь прибыла саксонская артиллерия. Массированная бомбардировка города вынудила гарнизон принять решение о капитуляции, и 19 сентября 1713 г. шведский комендант И. А. фон Мейерфельдт сдал крепость. Теперь Меншиков стоял перед трудным выбором, кому передать захваченный город — Дании или Пруссии. В итоге 6 октября светлейший князь заключил договор с прусским королем Фридрихом Вильгельмом I о передаче ему Штеттинской крепости в секвестр. Уже на следующий день в город вошел прусский гарнизон[22].

---

[20] ПИБ. Т. 13. Вып. 1. С. 143.

[21] Kampen om Tønning 1713–1714... S. 44–45; *Павленко Н. И.* Указ. соч. С. 164–165.

[22] *Шиппан М.* Указ. соч. С. 228.

Немецкие историки утверждали, что на такое решение князя повлияли подарки, сделанные ему заинтересованной стороной. В благодарность за продвижение условий, на которых был передан Штеттин, Меншиков получил от Гёрца 5000 дукатов, а от прусского короля — удел Биген, который приносил ему ежегодный доход в 20 000 талеров. Однако историк Н. И. Павленко считал, что на решение князя повлияла злоба на датчан за все их недружественные действия во время военной кампании. Но при этом он также не исключал подношений князю как фактора, повлиявшего на его выбор в пользу Пруссии[23].

Вопрос о принятии светлейшим князем подношений за решение внешнеполитических проблем остается открытым, и однозначного ответа на него нет. Возможно, на выводы историков о мздоимстве А. Д. Меншикова во время Померанской кампании повлияли сведения о сборах по его указу контрибуций («сатисфакций») с городов Северной Германии (Любек, Гамбург и Данциг). Но о них знал царь и неоднократно хвалил светлейшего князя за эти денежные поступления в казну[24].

Из всего вышеизложенного видно, насколько сложно Меншикову было балансировать в этой непростой обстановке политических игр. Уверенный в себе на полях сражений, за столом переговоров он, напротив, чувствовал себя не в своей тарелке. Сам князь, обобщая все, с чем ему пришлось столкнуться во время Померанской военной кампании, писал: «...как родился, то еще никогда таких многотрудных дел не видал»[25]. Все это не располагало к принятию правильных решений, за что Александру Даниловичу и пришлось в итоге держать ответ перед Петром I. Ведь, несмотря на полный карт-бланш в принятии решений, царь в итоге раскритиковал Меншикова за самостоятельные и не согласованные с ним шаги, и не столько в военном деле, сколько во внешнеполитических вопросах. В ряде научных работ закрепилось мнение, что результатом этого недовольства даже стала опала, в которую попал светлейший князь. Данное утверждение противоречиво, но факт остается фактом: до конца Северной войны Меншиков масштабными сухопутными военными операциями больше уже не руководил и не принимал в них участия.

---

[23] *Wittram R.* Op. cit. S. 256; *Павленко Н. И.* Указ. соч. С. 166–167; *Шиппан М.* Указ. соч. С. 228.

[24] ПИБ. Т. 13. Вып. 1. С. 80; ПИБ. Т. 13. Вып. 2. М., 2003. С. 559.

[25] *Павленко Н. И.* Указ. соч. С. 165.

В заключение стоит отметить, что боевые действия в Северной Германии (1712–1713) проходили в большей степени не на поле боя, а в кабинетах. Именно там происходили главные баталии, в которых союзники путем интриг и взаимных претензий искали личной выгоды, часто идущей вразрез с общими интересами.

Наталья Юрьевна БОЛОТИНА
(Москва)
Главный специалист
Российского государственного архива древних актов

«В прочем здесь, а особливо в Вашем дому, за помощию Божиею во всем благополучно…»: А. Д. Меншиков — опекун царских детей в 1716–1717 гг.

Natalya Y. Bolotina

«In Other Things Here, and Especially in Your House, with God's Help in Everything's Fine…»: A. D. Menshikov — the Guardian of the Tsar's Children in 1716–1717

Аннотация: А. Д. Меншиков и его родные играли особую роль в жизни царской семьи. В 1713 г. князь стал восприемником царевны Марии (Натальи) и практически породнился со своими монаршими покровителями. Переписка Меншикова с Петром I и Екатериной Алексеевной отличается и по тону, и по форме: это общение более близкое и доверительное, чем с другими корреспондентами. На основе хранящегося в РГАДА эпистолярного наследия и поденных записок Меншикова в статье проанализирована его роль опекуна царских детей.
Abstract: A. D. Menshikov and his relatives played a special role in the life of the royal family. In 1713, the prince became the successor of Tsarevna Maria (Natalia) and practically became related to his royal patrons. Menshikov's

correspondence with Peter I and Catherine Alexeevna differs both in tone and form: this communication is closer and more trusting than with other correspondents. On the basis of the epistolary heritage and records in Menshikov's daily notes kept in the Russian State Archive of Documents and Records, the article analyzes his role as a guardian of the tsar's children.

Ключевые слова: А. Д. Меншиков, Петр I, Екатерина Алексеевна, царская семья, эпистолярное наследие.
Keywords: A. D. Menshikov, Peter I, Catherine Alexeevna, the royal family, epistolary heritage.

Сподвижник и фаворит Петра I Александр Данилович Меншиков играл особую роль в жизни царской семьи. Князь, его сестры Анна и Мария, супруга Дарья Арсеньева и ее сестра Варвара состояли в ближнем круге Петра I и Екатерины Алексеевны, которая в 1704–1707 гг. жила в семье Меншикова. Они опекали детей, рожденных в союзе царя и фаворитки, сопровождали ее во время многочисленных поездок, состояли в переписке с царем и Екатериной Алексеевной.

Семья Меншикова стала самой близкой к царской фамилии — таких отношений с монархом не было ни у одного из сподвижников Петра I. Об этой дружбе домами ярко написал Е. В. Анисимов, предположив в ее основе интимную близость монарха с фаворитом[1]. Сохранившаяся переписка Меншикова с царской четой позволяет говорить о том, что их отношения были более глубокими и сложными: большую роль играла преданность князя Петру I и Екатерине Алексеевне и неизменное благоволение к нему семейной четы, что побуждало прощать проступки фаворита.

Еще одной причиной высокого положения Меншикова можно назвать его духовное родство с царской фамилией: Петр I выступил восприемником детей князя, а он сам в 1713 г. стал крестным отцом царевны Марии (Натальи) и кумом своих монарших покровителей. При крещении Варвары Меншиковой не только царь стал восприемником девочки, но и царевич Петр Петрович, а его сестры Анна и Елизавета — крестными[2]. Согласно православной традиции, кум и кума являлись практически членами семьи, их присутствие во время всех важных семейных событий было обязательным. Боль-

[1] *Анисимов Е. В.* «Зело вы щастливы»: об истоках могущества А. Д. Меншикова // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 107: Петровское время в лицах — 2020: Материалы научной конференции. СПб., 2021. С. 37–38.

[2] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. Л. 185 об.

шое значение для закрепления высокого статуса Меншикова в кругу политической элиты играла и его роль опекуна царских детей. С 1703 г. он был определен главным воспитателем царевича Алексея Петровича, а во время второго заграничного путешествия Петра I с супругой в 1716–1717 гг. по Европе на князя легла ответственность за маленького царевича Петра и его старших сестер Анну и Елизавету.

Эти обязанности Меншиков принял на себя после кончины 18 июня 1716 г. любимой младшей сестры Петра — царевны Натальи Алексеевны, о болезни и последних днях которой князь писал Петру I, выражая самые искренние слова соболезнования. Повседневные записки Меншикова сохранили свидетельство о том, как он вместе с царскими детьми пережил в Летнем дворце страшную грозу 19 июня, на следующий день после смерти Натальи Алексеевны: «В то время его светлость сидев у государыни царевны Елизавет Петровны, и как тот гром вдруг грянул, тогда государыню царевну с краватью, а его светлость на стуле подняло, однако благодарить Бога, никакого вреда не учинил»[3]. Чувствуя особую ответственность за детей, находившихся лишь первый день на его попечении, Меншиков бросился в комнаты царевича Петра и царевны Анны, которые хотя и испугались, но «вскоре пришли в свое состояние».

Слова искреннего сочувствия звучат в письме Меншикова от 23 июня к своему государю, понесшему тяжелую утрату:

> «И понеже, как вы сами по своему мудрому разсуждению изволите знать, что сие необходимо есть, к тому ж мы все по християнской должности такие печали сносить повинны, того ради всепокорно прошу, дабы не изволили вы сию печаль продолжать, но последовать своему мудрому разсуждению, которым и других обыкли от таких печалей отводить. К чему извольте вспомнить свою бабушку Анну Леонтьевну, ибо во многих бывших ее печалех мужество ее сами вы изволите всегда похвалять, и, отводя других от печалей, за эксемпель [образец. — *Н. Б.*] брать. Паче всего, мой всемилостивейший государь и отец, изволь беречь своего здравия, понеже сами изволите разсудить, что печаль ни душевной, ни телесной пользы не принесет, разве здравие повредит, от чего да сохранит вас всемогущий Бог, у которого всем моим сердцем прошу о том»[4].

---

[3] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова: Повседнев. зап. делам кн. А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. *С. Р. Долговой* и *Т. А. Лаптевой*. М., 2004. С. 48.

[4] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. Л. 77 об. – 78.

Письмо Меншикова свидетельствует о его статусе одного из самых доверенных людей, посвященных в эмоциональный мир и душевные переживания Петра I.

В том же послании от 23 июня 1716 г. Меншиков сообщал царю о «добром здравии» детей и обещал до назначения опекуна заботиться о них:

> «Что же принадлежит до дражайших детей Ваших, и оные за помощию Божиею в добром обретаются состоянии, при которых ныне я по моей должности непрестанно служу, и для того Вашему дому при нынешнем случае по вся ночи начую, и впредь, сколько возможно, в том служить буду до Вашего указу, пока изволите, кого к надзиранию детей Ваших определить»[5].

Как свидетельствуют повседневные записки Меншикова, летом 1716 г. он стал больше времени проводить с царевичем и царевнами, гулял с ними по саду, «забавлялся» и играл в карты с девочками, принимал вельмож в Летнем дворце и даже ночевал там в «своих комнатах», где в это время жила и семья князя.

Никому другому царская чета так и не доверила заботу о своих детях; не только до возвращения в Петербург, но и в дальнейшем, при частых поездках Петра I и Екатерины Алексеевны, Меншиков и члены его семьи опекали царских отпрысков. Чувствуя ответственность за детей, князь не решался надолго уезжать из Петербурга даже для исполнения поручений Петра I. Планируя поездку в Ревель по царскому указу для дачи распоряжений по строительству гавани, он писал Екатерине Алексеевне о своем стремлении быстрее вернуться «для Их высочеств, дражайших детей Ваших, для того, что не знаю, на кого такое великое и неоцененное сокровище положить, которое истинно паче живота моего почитаю»[6].

Сохранилось более 200 писем, написанных за время второго заграничного путешествия Петра I и Екатерины Алексеевны: это послания Меншикова, которые он каждые три дня, а иногда и чаще, отправлял царской чете, а также их ответные письма. Характер переписки был особенный: послания отличаются и тоном, и формой — это общение более близкое и доверительное, чем с другими корреспондентами. В письмах обсуждались актуальные вопросы кораблестроения, застройки Петербурга, благоустройства Петергофа и Стрельны, передвижения царской четы по европейским

---

[5] Там же. Л. 78.

[6] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 308. Л. 20 об.

странам и, наряду с деловыми вопросами, состояние здоровья, погода, дороги, переживания в связи с успехами и неудачами. По своей информативности переписка гораздо богаче свидетельствами, чем повседневные записки Меншикова, и полнее раскрывает его многообразную деятельность, в т. ч. как опекуна царских детей.

Неизменно в письмах князя присутствовала фраза: «Их высочества, Ваши дражайшие дети, как государь царевич, так и государыни царевны во всяком добром и здравом обретаютца состоянии». Эти простые слова давали родителям спокойствие и уверенность в постоянной заботе Меншикова о царевиче и царевнах, за что Екатерина Алексеевна неоднократно благодарила князя. 10 декабря 1716 г. она писала из Шверина, высоко оценивая старания князя:

> «...благодарствую Вам, что не оставляете детей наших, о чем мы довольно известны», — на что он верноподданнически отвечал: «Что же изволите упоминать всемилостивым объявлением благодарения за неоставление Ваших дражайших детей, наших милостивых государей, и понеже в том надлежащая есть наша повинность со всяким сердечным тщанием служить»[7].

Только несколько упоминаний о старшем царском сыне — Алексее — сохранилось в письмах Меншикова к Петру I. В постскриптуме к посланию от 24 сентября 1716 г. князь сообщал о его визите, во время которого царевич объявил о принятом им решении ехать к отцу, причем раньше отведенного ему срока, но обещал проститься с братом и сестрами[8]. Через четыре дня Меншиков написал царю об отъезде Алексея из Петербурга 26 сентября и его намерении послать вперед себя курьера от села Красного[9]. Прощаясь с царевичем, князь отдал ему письмо для Петра I, но, как известно, Алексей избрал другой путь, и до царя послание так не дошло, сохранившись только в форме отпуска[10].

Тяжелым испытанием для Меншикова стала болезнь детей — натуральная оспа, опасная высокозаразная вирусная инфекция, которая приводила к смерти каждого третьего маленького ребенка и могла не только обезобразить лицо и тело, но и привести к слепоте. 3 мая 1717 г. он сообщил Екатерине Алексеевне, спеша опередить возможные ложные известия, о заболевании шестилет-

---

[7] РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 27. Л. 18 об.; Ф. 198. Оп. 1. Д. 308. Л. 8 об. – 9.

[8] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. Л. 182.

[9] См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 308. Л. 139.

[10] См.: Там же. Д. 305. Л. 82.

ней царевны Елизаветы Петровны, но в легкой форме: «...изволит ходить и забавлятца картами и прочими забавами»[11]. Поскольку было известно о заразности оспы, Меншиков перевел 8 мая ее брата и сестру в жилища сановников: царевича Петра, при котором находился лично, имея «свою квартиру», — в палаты С. В. Рагузинского, а старшую царевну Анну — в дом Ф. М. Апраксина.

Чтобы обезопасить мальчика, князь не навещал Елизавету, но постоянно посылал служащих, которые доставляли ему актуальную информацию о состоянии девочки. В письме к Екатерине Алексеевне выбор мест для размещения детей Меншиков объяснял неприспособленностью Летнего и Загородного царских дворов и писал, что он даже хотел перевезти царевича к себе во дворец на Васильевский остров, но решил остановиться на доме Рагузинского, поскольку рядом жил доктор, который мог навещать изолированных детей.

Царевича Петра Петровича Меншикову удалось оградить от заражения оспой, но 20 мая, сообщая Екатерине Алексеевне о выздоровлении Елизаветы, князь писал, что накануне Анна «разгорелась» и у нее появились признаки инфекции[12]. В тот же день князь отвез мальчика в Зимний дворец, где отнес его в «верхние полаты» и, побыв с ним час, «отошел в нижние, и откушав вечернее кушанье, лег опочивать»[13]. Следует отметить, что в своих посланиях к Петру I Меншиков ограничивался общими словами о «добром здравии» детей, не информируя отца о болезни дочерей. Только 20 июня из Спа царь послал супруге письмо с выражением печали по случаю заболевания дочерей оспой и обратил внимание на то, что Меншиков не сообщал ему тревожные подробности:

> «Писмо твое от 11 д[ня] сего месяца вчерась я получил, в котором пишешь о болезни дочерей наших, и что первая, слава Богу, свободилась, а другая слегла, о чем и к[нязь] Александра Данилович пишет ко мне; но переменной штиль ваш так меня опечалил, о чем скажет вам доноситель сего, ибо весьма иным образом писана. Дай Боже, чтоб о Аннушке так слышать, как о Лизенке»[14].

Беспокойство отца за дочерей было понятно: оспа могла обезобразить милые личики Анны и Елизаветы. Меншиков, понимая

---

[11] Там же. Д. 308. Л. 101 об.

[12] См.: Там же. Л. 112.

[13] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова... С. 129.

[14] См.: Письма русских государей. Т. 1. Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. С. 70–71. № 99.

волнение родителей, находящихся в длительном путешествии, успокаивал Екатерину Алексеевну в своем письме от 24 мая 1717 г. тем, что и у Анны оспа была в легкой форме, без жара, и она «ныне приходит паки в свое здравие», а обе «государыни царевны оную болезнь в веселом своем пребывании не тяжко претерпели»[15].

Радостное известие об окончательном выздоровлении девочек Меншиков послал Екатерине Алексеевне 27 мая, особо отмечая, что у Елизаветы осталось только три маленьких пятнышка и она «личика своего не попортила»[16]. 20 июня девочки окончательно окрепли и переехали жить в Летний дворец, куда ранее уже перевезли царевича, и здесь они вместе с сенаторами, генералами и офицерами «при всякой веселости» праздновали день рождения и именины отца, о чем князь писал Екатерине Алексеевне и самому Петру I[17].

При всей однообразности сообщений Меншикова о «добром здравии» царских детей нередко в них встречаются любопытные свидетельства об их жизни, поведении, играх, участии в праздниках, но особое умиление вызывают строки о самом младшем — царевиче Петре Петровиче. Так, например, в письме от 2 апреля 1716 г. Меншиков просил от его имени купить за границей и прислать для ребенка, у которого шел болезненный процесс прорезывания зубов, «потешечку с колокольчики и с костяным или королковым зубом, которая б была угодна к протиранию зубков, какой здесь не обретается, а в тамошних краях довольно»[18]. Тема появления зубов у царевича постоянно присутствовала в переписке князя с царской четой, и он сообщал родителям о каждом новом зубике царевича.

Во время празднования 29 июня 1716 г. именин Петра I, его сына и внука в Летнем дворце царевич Петр Петрович, играя с могущественным вельможей, видимо, оцарапал ему лицо, и тот с юмором жаловался царю: «...приношу Вашему величеству жалобу на государя царевича, что не смирно изволит тешитца, а имянно забавляяся своими детцкими забавами, изволил мне некоторой на лице малой знак учинить»[19]. Это баловство Меншиков воспринял как свидетельство особой милости от руки царственного ребенка. Как сказано в повседневных записках князя, праздник удался — все «довольно от напитков повеселились»[20]. Угощала гостей старшая

[15] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 308. Л. 115–115 об.

[16] Там же. Л. 119–119 об.

[17] Там же. Л. 141 об.; Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. Л. 41.

[18] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. Л. 23.

[19] Там же. Л. 82.

[20] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова... С.140.

царевна Анна, которая уже к этому времени «от прежней небезопасной болезни стала приходить в свое здравие» и гулять в царском огороде[21]. 10 сентября 1716 г. Меншиков писал о любимой игре царевича Петра, который «более забавлятца прежнею охотою отеческою, а имянно барабанным боем»[22].

Князь неоднократно упоминал в посланиях к Петру I о том, что по возвращении из путешествия он найдет сына подросшим и будет «им веселитца», а с письмом от 22 сентября 1716 г. Меншиков послал ему портрет «дражайшаго Вашего купиды»[23]. Возможно, речь шла об изображении царевича Петра Петровича в виде купидона, выполненном по заказу Меншикова французским живописцем Луи Караваком после его поступления в 1716 г. на русскую службу. В январе 1717 г. по заказу Меншикова художник-миниатюрист Г. С. Мусикийский выполнил по собственному рисунку живописью по финифти (эмали) миниатюру «Семейный портрет Петра I», на которой были изображены родители Петр и Екатерина, сыновья Алексей и Петр и дочери Анна и Елизавета[24]. Вскоре, видимо, уже после получения известия о бегстве царевича Алексея Петровича, Меншиков дал художнику новый заказ — написать конклюзию (заключение) с изображением царской четы и их младшего сына Петра Петровича в окружении аллегорических фигур, причем Петр I указывал скипетром прямо на мальчика как на будущего наследника[25].

В день рождения царевича — «бесценного маргарита», по словам Меншикова, — 29 октября 1716 г., князь писал царю о предстоящем веселье, которое должно было закончиться иллюминацией[26]. Особую радость должен был испытать отец, читая слова верного опекуна о проявившемся у мальчика интересе к военному делу:

> «...государь царевич между прочими за лутчую забаву ныне изволит употреблять экзерцицию салдацкую, чего ради караульные бомбордирской роты салдаты непрестанно в большой палате пред Его высочеством оную экзерцицию отправляют, и, правда что, хотя сие он изволит чинить по своей должности сержантской, однакож зело ис того изволит тешитца. Речи же ево: “папа, мама, салдат”»[27].

---

[21] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. Л. 81 об.

[22] Там же. Л. 118.

[23] Там же. Л. 131 об.

[24] См.: *Калязина Н. В., Калязин Е. А.* Александр Меншиков — строитель России: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2006. С. 135.

[25] См.: Там же. С. 136.

[26] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. Л. 223.

[27] Там же. Л. 223 об.

Повседневные записки Меншикова сохранили свидетельство о состоявшейся в день рождения царевича Петра Петровича торжественной литургии в церкви Исакия Далмацкого, где Феофан Прокопович произнес речь, и последующем молебне, после которого князь вместе с сенаторами и «знатными санкт-петербургскими обывателями» поздравляли царевича во дворце и кушали, а вечером весело провели время «от напитков» и завершили день «пущанием ракет»[28].

В отсутствие Петра I с супругой и наследника престола царевича Алексея его младший брат оставался старшим представителем династии в столице, и Меншиков постоянно именовал его «мой премилостивый государь хозяин». В послании к Екатерине Алексеевне от 7 января 1717 г. князь описал церемонию славления царевича Петра Петровича во время праздника Рождества Христова, особо отметив смекалку мальчика:

> «...когда у Его высочества государя царевича были певчие и славили, и тогда, как обыкновенно, староста от певческих по обычаю такт рукою подает на кастыках, что Его высочество увидя, изволил перенять, и те всегда поют, и рускою изволил таким же образом такт придавать»[29].

Спустя несколько дней, 18 января, Меншиков сообщал Петру I о поведении наследника как представителя правящей династии, и вновь писал о его тяге к военному делу:

> «Его высочество, государь царевич, когда изволит кому ручку жаловать, то изволит оную наперво поцеловать. Також, видя солдат, что оные экзерцицию отправляли, то изволит мушкетом сам обучатца, а имянно изволит ставить перед себя на караул и на плечо, а задних экзерцицей еще не изволит знать. А впредь надеемся з Божиею помощию, что с приращением лет его и экзерциции всякие прирастать будут»[30].

После получения письма от Екатерины Алексеевны о трагедии, произошедшей в Везеле 1 января 1717 г., — кончине новорожденного царевича Павла Петровича, а затем и прибытия самого его тела, отправленного для погребения в Петербург, отношение Меншикова к царевичу Петру Петровичу изменилось. Еще 18 января, получив от своих заграничных корреспондентов новость о рождении у царской четы мальчика, князь поспешил поздравить Петра I

---

[28] См.: Труды и дни Александра Даниловича Меншикова... С. 80.

[29] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 308. Л. 20.

[30] Там же. Л. 30.

и отчитаться, что у маленького Петра прорезалось уже семь зубов[31]. Через несколько дней, 25 января, Меншиков выразил соболезнования своему монаршему другу, узнав доподлинно о событиях в Везеле:

> «Правда что сей случай немалую нам печаль нанес, что Бог такое сокровище так скоро отсюды к себе взять изволил, но кто может Его святой воли противитца. Противо же того и немало нас порадовало, что всевышний Ея величество, всемилостивейшую государыню царицу, от ея тяжкого бремяни свободить изволил. Надлежит ныне у него ж, Творца, просить, дабы сохранил здраво Его высочество государя царевича Петра Петровича на многие неисчисляемые лета»[32].

В тот же день Меншиков отправил соболезнующее письмо и Екатерине Алексеевне[33].

Тело царевича Павла Петровича было доставлено в Петербург 18 февраля и размещено в Летнем дворце. Князь писал царице о своем решении повременить с погребением, поскольку «ныне пришли дни гулящие, а именно Сырная неделя, того достойное отправление погребением оставили до первой недели Великого поста»[34]. Меншиков, видимо, не сообщал детям о предстоящих похоронах; он собирался организовать церемонию выноса тела младенца «в город» так, чтобы царевич и царевны не видели этого траурного шествия. В качестве «бесценного плезиру» князь отправил со своим секретарем А. Я. Волковым кафтан царевича Петра, чтобы мать могла оценить, насколько подрос мальчик за время ее отсутствия. 12 апреля Меншиков в послании к Петру I сообщал, что царевич «написал» письма по отдельности — отцу и матери. И сделал это осознанно:

> «Когда изволил отдавать, то изволил сказать: “папа и мама”. И по тому одно, как выше помянуто, послано до Вашего величества, а другое до всемилостивейшей государыни царицы. Забавы же Его высочества лутчие суть персонами Ваших величеств, салдатами и экзерциями оных»[35].

Возможно, желая утешить Екатерину Алексеевну, 31 мая 1717 г. Меншиков к своему письму приложил кольцо с вмонтированными в него «волосушками» царевича Петра, но сетовал, что камни в нем не очень хорошего качества. Князь обещал вскоре отправить цари-

---

[31] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Кн. 33. Л. 10–10 об.

[32] Там же. Л. 18–18 об.

[33] См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 308. Л. 28–28 об.

[34] Там же. Л. 64.

[35] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 307. Л. 14.

це бóльшую по размерам прядь детских волос с просьбой приказать сделать из них два кольца «и одним по своей матерней ко мне милости меня пожаловать для того, что там лутчее могут зделать нежели здесь»[36].

Опытный царедворец сразу понял, какую он с этого времени несет ответственность за ценный «маргарит», находящийся под его опекой: Алексей бежал, и будущее его неизвестно, а Павел скончался, прожив лишь три часа. С этого времени забота Меншикова о подрастающем царевиче Петре усилилась, и он старался не уезжать надолго из столицы, а в его отсутствие информацию о состоянии царских детей ему сообщал придворный врач И. Л. Блюментрост. Например, 11 июля 1717 г. он писал князю,

> «что Их высочество государь царевич, також и государыни царевны, слава Богу, в добром обретаются здравии. А Его высочество государь царевич вчерашняго дня изрядно веселится изволил, и нынешнюю ночь опочивать изволил изрядно ж. И сей час покушав, изволил веселиться ж»[37].

Свидетельства о жизни маленького царевича, приводимые в письмах Меншикова к Петру I и Екатерине Алексеевне, показывают, насколько давно существуют некоторые детские манеры, сохранившиеся и в наше время. Кто из нас не посылал родителям и не принимал от детей воздушные поцелуи? Делал так и царевич Петр: «Сын Вашего величества вчерашняго числа изволил целовать ручку и на персону Вашу смотря изволил дунуть, испущая духом поздравление свое Вашему величеству»[38].

Стандартные слова о «добром здравии» царских детей и рассредоточенные по письмам Меншикова краткие истории из их жизни позволяют получить уникальную информацию о мире детства Петра Петровича и его старших сестер. К сожалению, в них ничего не сказано об их воспитании и образовании; князь только прикладывал к своим посланиям «каракули» царевича и письма девочек, черновики которых готовились в его канцелярии. Сам Меншиков выступает в переписке как заботливый и внимательный опекун, что высоко ценила Екатерина Алексеевна, которая не уставала благодарить его за сохранение «доброго здравия» детей. Несомненно, столь близкое к царской семье положение способствовало укреплению политических позиций князя и его своеобразной «непотопляемости» в бурях следственных дел.

---

[36] Там же. Д. 308. Л. 121 об.

[37] Там же. Д. 399. Л. 3.

[38] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 33. Л. 62–62 об.

Марина Тазабаевна НАКИШОВА
(Екатеринбург)
Научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

А. Д. Меншиков и Ж.-Б. А. Леблон: что случилось в Петергофе в 1717–1718 гг.?*

Marina T. Nakishova

A. D. Menshikov and J.-B. A. Le Blond: What Happened in Peterhof in 1717–1718?

Аннотация: Строительство грандиозных царских резиденций в округе Санкт-Петербурга объединило множество государственных деятелей и иностранных специалистов. В центре внимания данной статьи находятся отношения двух ключевых фигур в системе управления Санкт-Петербургской губернии — генерал-губернатора А. Д. Меншикова и генерал-архитекта Ж.-Б. А. Леблона. Автором рассмотрен их знаменитый конфликт, развернувшийся в 1717–1718 гг. на фоне петергофского строительства, оценено его влияние на дальнейшую судьбу петровских соратников.
Abstract: The construction of royal residences in the St. Petersburg district united many statesmen and foreign specialists. The focus of this article is on the relations between A. D. Menshikov, the General-Governor of St. Petersburg, and J.-B. A. Le Blond, the General-Architect. The author considered their conflict, which happened in 1717–1718 during the construction of Peterhof, and its influence on the future fate of this Peter's the Great associates.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–01242, https://rscf.ru/project/24–28–01242/

Ключевые слова: А. Д. Меншиков, Ж.-Б. А. Леблон, Петергоф, социальные связи, государственное управление.
Keywords: A. D. Menshikov, J.-B. A. Le Blond, Peterhof, social relations, public administration.

С личностью светлейшего князя А. Д. Меншикова, несмотря на многолетний интерес историков к судьбе царского фаворита, до сих пор связано множество тайн: откуда он происходил, был ли грамотным, каким образом попал на службу к Петру I, в чем причины его возвышения и секрет успеха. Тем не менее в исторической памяти давно сложился однозначный образ Александра Даниловича — весельчака, гуляки и повесы, который к тому же «был нечист на руку, оказался редкостным даже для России стяжателем и казнокрадом, благодаря чему скопил невероятные богатства. Много раз светлейшего специальные следственные комиссии ловили за руку, но от эшафота и кнута его спасали любовь царя и умение раскаяться, добровольно сдать в казну все, что было им наворовано»[1].

Во многом амплуа, в котором светлейший князь предстает перед глазами потомков, сформировалось на основе различных анекдотов и слухов, транслировавшихся в русском обществе из поколения в поколение. Часть сюжетов, призванных раскрыть истинный характер Меншикова и степень его коварства, сохранилась в сочинениях Я. Штелина (1709–1785), автора знаменитых исторических анекдотов о петровском времени. Яков Яковлевич, как и многие его современники, акцентировал внимание на отрицательных чертах характера Александра Даниловича: хитрости, любви к наживе, стремлении к чрезмерной роскоши, склонности к злоупотреблениям и аферам[2]. В подобном контексте Штелин описывал одну из хитроумных интриг князя, направленную против выдающегося французского архитектора Ж.-Б. А. Леблона.

Согласно истории, рассказанной Штелину штаб-лекарем Измайловского полка Г. Шульцом,

> «Ле-Блонд предложил Князю Менщикову, что не мало бы придало красоты саду, еслиб дикия и весьма неравныя деревья были подровнены. Князь Менщиков, знавши, что Государь не хотел того, чтоб обрубали его деревья, особливож в

[1] *Анисимов Е. В.* Толпа героев XVIII века. М., 2013. С. 74–81.

[2] Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным: [В 4 ч.] 3-е изд., вновь исправленное. М., 1830. Ч. 1. С. 76–78, 207–209; Ч. 2. С. 40–45, 61–63; Ч. 3. С. 55–58, 77–81, 99–101, 133–138, 151–155,159–167, 177–184.

Петергофе, тотчас согласился на сие предложение и дал Ле-Блонду столько работников, сколько он требовал. Ле-Блонд немедленно приказал сим работкам обрубить сверху и равнять неравныя деревья в саду и в зверинце, от чего зверинец получил бы весьма прекрасный вид. Но как скоро сия работа была начата, то Менщиков отправил к Государю, находившемуся тогдав Шлиссельбурге, курьера с известием, что Французской Архитектор велел подрубить деревья в Петергофском саду. Государь ничего так не берегши, как деревья, особливож которая сам он садил, испугался сего известия, на другой день сам приехал в Петергоф в великом гневе... Ле-Блонд, совсем не зная о доносе Князя Менщикова, встретил его с радостию. Но Государь, будучи в жестком гневе, выбранил его и ударил палкою. Бедный Ле-Блонд, не видавши Государя никогда столь гневнаго и совсем не ожидая такой встречи, так испугался, что занемог горячкою, отнесен был на квартиру и положен на постелю. Между тем Государь, осмотревши начатую в саду работу и видя, что ни одно дерево не было срублено, и что донос Князя Менщикова был ложной, разгневался снова на него, и после того бил его об стену... к Архитектору ж тотчас послал извиниться и уверить его в своей милости. Но Ле-Блонд столько был поражен сим приключением, что непрестанно после того был болен и умер в следующем году»[3].

Несмотря на очевидную литературность, сюжет, записанный Штелиным, имеет в основе своей реальный исторический подтекст. Личностный конфликт Меншикова и Леблона, получивший отражение в анекдоте, находит подтверждение в других исторических источниках, в частности в корреспонденции государственных деятелей (см. фонд № 198 РГАДА), и представляется более сложным и долгосрочным, нежели единичное столкновение. Кроме того, изучение взаимоотношений генерал-губернатора и генерал-архитекта на фоне строительства резиденции в Петергофе актуализирует ряд глобальных проблем начала XVIII в., связанных с реализацией административных реформ Петра I, созданием эффективно функционирующей системы местного управления в Ингерманландии, выработкой способов взаимодействия внутри политической элиты и прочих социальных структур.

Итак, что же действительно произошло между Меншиковым и Леблоном в 1717–1718 гг.?

Строительство царских резиденций в Петергофе, Стрельне и Дубках занимало особое место среди архитектурных проектов вре-

[3] Там же. Ч. 2. С. 43–45.

мен петровского правления. Дворцово-парковые комплексы, по справедливым оценкам исследователей, выполняли важную символическую роль в становлении России как имперского государства[4]. Они, наравне с городом-парадизом Санкт-Петербургом, были призваны стать воплощением могущества и просвещенности России, создать «славу» стране в Европе[5]. Одним из наиболее сложных и требовавших мобилизации большого количества ресурсов оказался проект возведения Петергофского дворцово-паркового комплекса, который по задумке государя должен был превзойти версальскую резиденцию французских королей. Учитывая крайнюю важность петергофского строительства, в качестве главного архитектора в Россию был приглашен из Европы опытный и знающий тонкости французской архитектурной школы Леблон (он заменил немецкого специалиста И. Ф. Браунштейна, не справлявшегося с возложенными на него обязанностями[6]), а общий контроль за проводимыми мероприятиями поручался ближайшему соратнику государя, генерал-губернатору Санкт-Петербурга Меншикову.

Оба — и Меншиков, и Леблон — отличались сложными характерами. При этом если к нраву князя в Санкт-Петербургской губернии более или менее привыкли, то для Леблона работа в России стала настоящим испытанием[7]. Авторы словаря об иностранных

---

[4] Напр., см.: *Андреева Е. А.* Первые дворцы Петра I в Петербурге и окрестностях // Дворцы Романовых как памятники истории и культуры: материалы Международной конференции, Санкт-Петербург — Царское Село — Петергоф, 7–9 октября 2013 г. СПб., 2015. С. 117–129; *Анисимов Е. В.* Императорский Петергоф. XVIII век. СПб.; Петергоф, 2008; *Анисимов Е. В.* Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003; *Архипов Н., Раскин А.* Петродворец. Л.; М., 1961; *Лётин В. А.* Петровская парадигма усадебных проектов первой трети XVIII века // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 3. С. 103–107; *Лётин В. А.* Репрезентация личности монарха в пространстве универсума его усадьбы: Петергоф Петра Великого // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14). С. 137–142; Петровский Петергоф в письмах и бумагах: В 2 т. СПб., 2022. *Раскин А. Г.* Петродворец: дворцово-парковый ансамбль XVIII в. Л., 1975; *Шарубин Н. Г.* Очерки Петергофа и его окрестностей. СПб., 1868 и др.

[5] *Агеева О. Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град святого Петра. Петербург в русском общественном сознании начала XVIII в. СПб., 1999. С. 61.

[6] Петровский Петергоф в письмах и бумагах: В 2 т. Т. I. СПб., 2022. С. 44–55.

[7] *Андреева Е. А.* Второе европейское путешествие Петра I и приезд французских мастеров в Петербург // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 1. С. 114–129; *Калязина Н. В.* Архитектор Леблон в России (1716–1719) // От Средневековья к Новому времени. Материалы и исследования по русскому искусству XVIII — первой половины XIX века. М., 1984. С. 67–111; *Калязина Н. В.* Леблон и

специалистах в петровской России характеризуют французского архитектора как «человека независимого, прямого, резкого, насмешливого, властного, обладавшего свободой суждений, но предельно самоуверенного и плохо понимавшего местные условия»[8]. Раздражение у окружающих вызывала его манера работать: мало того, что Леблон строил Петергоф в рациональном ключе, чуждом российской действительности, он критиковал все, что было сделано другими, неугодными ему, архитекторами и мастерами[9]. Генерал-архитект к тому же применял двойные стандарты при оценке поведения подчиненных ему работников. Так, показательным примером служит характеристика, которую дал Леблон литейщику Э. Соважу 21 августа 1717 г.: «...хотя он и побежден пьянством, однако ж доброй человек и хорошей мастер, правда, что он есть виноват, однако же не один, о чем он объявил подлинно чрез доношение высококняжеской вашей светлости, также он добре работает и обещался больше шпаги не носить, а ежели не так, то готов он перетерпеть всякую казнь...»[10]. Примечательно, что в иных случаях Леблон категорично осуждал непотребное поведение своих подчиненных и представлял пьянство значительной помехой для проведения работ. Однако в отношении лояльного к нему Соважа пьянство и буйство признавались менее значимым «грехом» и оправдывались добросовестной работой.

С первых дней своего пребывания в Санкт-Петербурге французский архитектор сумел настроить против себя как иностранных мастеров (французов, итальянцев и «цесарцев»), так и различных должностных лиц, с которыми он контактировал. Среди тех, кто по причинам разного взгляда на архитектурное мастерство или из-за личных разногласий не устраивал Леблона, можно назвать немецкого архитектора и скульптора Г. И. Маттарнови, итальянского

Меншиков // Петербургские чтения: научная конференция, посвященная 290-летию Санкт-Петербурга, 24–28 мая 1993 г. Вып. 2. СПб., 1993. С. 38–41; *Реброва Р. В.* Дворец Федора Апраксина и «образцовый дом» Ж.-Б. Леблона: деятельность французского архитектора в Петербурге по новым источникам // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 1. С. 130–138; *Medvedkova O.* Jean-Baptiste Alexandre Le Blond, architecte 1679–1719. De Paris à Saint-Pétersbourg. Paris, 2007.

[8] Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого: Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727. М., 2019. С. 389.

[9] Там же. С. 389, 392.

[10] Здесь и далее везде цитируется современный французским оригиналам перевод писем, сделанный специально для Меншикова в его канцелярии. См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 696. Л. 392 об. — 393 об.

архитектора Д. А. Трезини, немецкого архитектора И. Ф. Браунштейна, французского мастера Ш. Тапа и т. д.[11] Наиболее жаркие страсти разгорались во взаимоотношениях Леблона с архитектором Б. К. Растрелли и резчиком Н. Пино[12]. Имелись и такие, за которых Леблон заступался: садовник А. Годо, для которого он просил квартиру в Санкт-Петербурге; уже упоминавшийся Э. Саваж; резчик Н. Перар; столяр Ж.-Б. Мишель и т. д., — однако количество подобных мастеров значительно уступало числу тех, кто был ему неугоден[13].

Многочисленные жалобы и свидетельства своего недовольства Леблон отправлял Меншикову, который являлся основным каналом передачи информации и требований государю. В письмах генерал-архитекта князю можно обнаружить душещипательные пассажи, обнажающие свойственную ему мнительность и комплекс недооцененности:

> «...вместо покорности, которую должно иметь к самодержавным государям, нашел я непокорность в некоторых для их токмо гордости, и весьма готовых все погубить за одно токмо то, что видят себя командруемых от начальника, не розсуждая о том, что они не могут от него скрыть без погрешения пред Его императорским величеством. Ежели, когда я требую какого изъявления о каких-нибуть делах, о которых я еще не сведам за недолговременным моим сюда прибытием, и в том мне отказывают. Ежели же требую чертежей, не дают и сказывают, что нет готовых, но токмо я сведом, что оное есть неправда... а все оное делают токмо, чтоб остоновить работы и причесть оное укоснение к моей персоне. И того ради прошу высококняжескую вашу светлость, дабы изволили архитектором Его императорского величества учинить такую журбу, какую высококняжеская ваша светлость соизволит...»[14].

Надо полагать, регулярное недовольство Леблона всем и всеми вызывало у Александра Даниловича исключительно раздражение.

Положение осложнялось еще и тем, что генерал-архитекта не устраивала степень участия в петергофском строительстве как самого Меншикова, так и обер-комиссара Канцелярии городовых дел князя А. М. Черкасского. Первого он обвинял в отсутствии своев-

---

[11] РГАДА.Ф. 198. Оп. 1. Д. 696. Л. 327 об., 383 об., 427 об.; Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого... С. 389, 390, 509.

[12] РГАДА. Ф. 198. Оп.1. Д. 696. Л. 1–2, 3, 132–137, 274 об., 276–277 об., 327 об., 358 об., 482–484 об.

[13] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 696. Л. 16 об., 17, 41, 88 об., 272 об., 320 об., 326 об. – 327 об., 348–350, 370–372 об.

[14] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 696. Л. 128 об., 129 об.

ременных решений и ответов на свои письма, второго — в блокировке, неисполнении или некачественном исполнении требований. Например, Леблон был возмущен организацией поставок материалов в Петергоф и Стрельну: в Петергоф посылали лес, которого и так было в достатке, а в Стрельну, где его катастрофически не хватало, присылали другие, ненужные там, вещи. Пытаясь уладить подобные трудности с выстраиванием коммуникаций, генерал-архитект вынужден был отрывать часть работников от строительства и командировать их для переправки материалов из одного места в другое. Леблон писал:

> «Я нахожу себя принужденным объявить высококняжеской вашей светлости, что поколь не перестанут противитца моим требованиям, то всегда будут великия помешательства в работах Его императорского величества. Еще по сие время присылают в Питергоф материалы все такия, в которых тамо состоит весьма малая нужда, вместо оных, которых уже давно дожидаютца, и в некоторых состоит великая нужда. Сие я не могу ни к чему иному приложити, как токмо, что к некоторым в злости обыкновенным, которые, надеюся, хотят так зделать, чтоб работы Его императорского величества, при которых я обретаюся, возимели великое укоснение в произведении»[15].

Анализируя причины возмущения Леблона, нужно учитывать реалии. Как показывают материалы походной и домовой канцелярии Меншикова, князь реагировал на просьбы генерал-архитекта и по возможности старался их удовлетворить. Надо полагать, так же относился к делу Черкасский, которому Александр Данилович не раз отправлял подобные послания:

> «Понеже господин Леблонд, сего числа у нас будучи, доносил, что по требованию ево ничего не отправляют, и в том немалая есть остановка, и посылкою отсюды всяких припасов медленно поступают, того ради увествую Вашему сиятельству, дабы для вышеозначенных притчин изволили сами ехать в Питергоф и тамо быть до приезду царского величества, чтоб все потребно по требованию леблондову отправлялось и дабы он, Леблонд, не мог отговариватца, что сие произошло от вас, что укосневали присылкою потребных припасов...»[16].

Другое дело, что ни Меншиков, ни Черкасский по причине загруженности текущими государственными делами не могли заниматься только Стрельной или Петергофом и, более того, из-за об-

[15] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 696. Л. 346 об.

[16] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 86. Л. 107.

щей нехватки ресурсов не имели реальной возможности удовлетворить многочисленные требования архитектора сполна. Соответственно, Леблон, стремясь строить царские резиденции в рациональном ключе, столкнулся с глобальными проблемами, связанными с дефицитом материальных и кадровых ресурсов, сложностью выстраивания коммуникации в новоприсоединенных областях, трудностями распределения и перераспределения сил и т. д. Мечты Петра I о создании города-парадиза Санкт-Петербурга и роскошных дворцово-парковых комплексов не соответствовали реальным возможностям российской государственной системы. Все эти проблемы ни Меншиков, ни Черкасский не были способны решить в сжатые сроки. Не мог князь и избавиться от неугодных Леблону архитекторов и мастеров, которых и так катастрофически не хватало. Поэтому в случаях, когда требования генерал-архитекта были невыполнимы, Александру Даниловичу оставалось либо делать все, чтобы его утихомирить, либо попусту их игнорировать.

Меншиков, к слову, не стал терпеть придирки Леблона. Свои сомнения в компетентности генерал-архитекта он передавал Петру I через кабинет-секретаря А. В. Макарова, с которым его связывали давние тесные взаимоотношения. Так, 8 марта 1717 г. Меншиков писал Макарову, сопровождавшему государя в путешествии по Европе:

> «На сих днях был я на Котлине острове и в Питергофе для осмотрения и лутчаго Его царскаго величества дел исправления, и, будучи в Питергофе, смотрил з господином Леблоном питерговской гавани, которую он начал всю ломать, а хочет строить своим образом, только я не могу ево намерения понять, ибо весьма как я мню, что то ево намерение в пользу едва ль быть может, понеже камни, которые опущены в воду по девяти футов, хочет вынимать все, что мне мнитца, весьма ему вынять будет невозможно, о чем я ему довольно предлагал, чтоб того не делать. Однако ж он в том стал, чего ради я более не мог ему в том препятия чинить, дабы не мог он на меня в том, какого показать остановления, но в том ево упрамстве оставил...»[17].

Больше всего князя раздражало то, что Леблон не выполнял работы в срок и, соответственно, определенные Петром планы могли быть не исполнены к его возвращению[18].

---

[17] «Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в.: материалы и исследования по истории местного управления в России. Екатеринбург, 2022. С. 614.

[18] Там же. С. 616.

Таким образом, к 1717–1718 гг. взаимное недовольство Меншикова и Леблона нарастало. Их неприязнь друг другу выразилась не только в случае с вырубленными деревьями, описанном Штелиным, — к слову, документального подтверждения подобного факта пока обнаружить не удалось — а являлась постоянной и, видимо, непреодолимой. Тем не менее очевидно, что ложный донос Меншикова или какие-либо события, происходившие по воле князя, к кончине французского архитектора не имели никакого отношения. Леблон продолжил руководить строительством в Петергофе и Стрельне на протяжении 1717–1719 гг.[19] 27 февраля 1719 г. француз скончался от оспы в Санкт-Петербурге. После его скоропостижного ухода из жизни строительные работы в Петергофе перешли под руководство Брауншейна, а затем, с 1720 г., — итальянского мастера Н. Микетти.

Как ни удивительно, больше всего неприятностей выпало на долю Меншикова. В конце 1717 г. он был отставлен от руководства петергофским строительством, а на его место был назначен Черкасский[20]. По каким причинам Петр I решил отстранить князя, достоверно неизвестно. Можно предположить, что, во-первых, решение государя было связано с его недовольством темпами строительства. Благодаря различным корреспондентам до государя доходили сведения о проблемах с поставками, перераспределением материалов, о нехватке рабочих рук — вопросах, находившихся в ведении Меншикова. Знал Петр и о многочисленных конфликтах с участием князя, которые задерживали ход строительства, мешали его осуществлению и никаким образом не пресекались. Во-вторых, после возвращения государя из поездки в Европу в 1716–1717 гг. начинается серия управленческих экспериментов, направленных на структуризацию вертикали власти и усиление контроля монарха за административными структурами. В связи с этим упрочилось влияние личной канцелярии Петра I — Кабинета, которому передавались контролирующие функции, в т. ч. надзор за строительством царских резиденций в Петергофе, Стрельне и Дубках. Назначение Черкасского на должность руководителя строительства также не случайно, поскольку Городовая канцелярия, которую он возглавлял до

[19] Согласно сообщениям французского торгового консула А. Лави, Петр I из-за промедлений в строительстве и конфликтов охладел к архитектору и даже думал о его увольнении. См.: Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого... С. 392.

[20] «Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в. С. 618–619.

1720 г., и раньше принимала деятельное участие в петергофских работах, а после возвышения Кабинета тесно взаимодействовала с ним и постепенно стала его частью[21]. В-третьих, исследователи отмечают, что на рубеже 1710–1720-х гг. происходит заметное охлаждение Петра к Меншикову, вызванное многочисленными злоупотреблениями последнего. Судебно-следственные дела, в которых был замешан князь, подрывали доверие государя к своему другу и фавориту и заставляли его менять расстановку сил в управленческой иерархии.

[21] Ученым известен один документ, в котором Макаров уже после смерти Петра I в 1725 г. перечислил предметы ведения возглавляемого им учреждения, среди которых было и руководство Канцелярией от строений со всем штатом и расходом. См.: 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. Историческое исследование. СПб., 1911. С. 36–38.

Галина Ивановна СМАГИНА
(Санкт-Петербург)
Главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала Института истории
естествознания и техники РАН им. С. И. Вавилова

Правая рука деда — опекун внука: А. Д. Меншиков как организатор обучения наследника престола Петра Алексеевича — будущего императора Петра II

Galina I. Smagina

The Grandfather's Right Hand is the Grandson's Guardian: A. D. Menshikov's Role in the Organization of Education of Crown-Prince Peter Alekseevich — the Future Emperor Peter II

Аннотация: Статья посвящена роли А. Д. Меншикова в выборе наставника для воспитания и обучения будущего императора Петра II. Выбор пал на Христиана Гольдбаха (1690–1764), конференц-секретаря Петербургской Академии наук, академика, математика. Впервые для наследника престола был составлен образовательный план, а также подготовлены и изданы специальные учебники.

Abstract: The paper discusses the role of A. D. Menshikov, who chose a mentor and a teacher for the future Emperor Peter II. The choice turned to the Conference Secretary of the St. Petersburg Academy of Sciences, an academician and mathematician Christian Goldbach (1690–1764). For the first time, a special

educational plan was worked out for the heir to the throne, and special textbooks were prepared and published.

Ключевые слова: А. Д. Меншиков, Академия наук, Г. Б. Бильфингер, Х. Гольдбах, Петр II.
Keywords: A. D. Menshikov, Academy of Sciences, Georg Bernhard Bilfinger, Christian Goldbach, Peter II.

Великий князь Петр Алексеевич родился 12 октября 1715 г. в семье старшего сына Петра I, царевича Алексея Петровича (1690–1718) и кронпринцессы Шарлотты Христины Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской (1694–1715)[1]. Брак этот был следствием дипломатических переговоров Петра и не стал счастливым для жениха и невесты. Мать Петра II умерла через несколько дней после его рождения, а в июле 1718 г. смерть отца, царевича Алексея, сделала Петра и его старшую сестру Наталью (родилась в 1714 г.) круглыми сиротами. Конечно, и Наталья, и Петр с раннего детства знали князя Александра Даниловича Меншикова.

Петр I не забыл внучат, они оставались членами царской семьи, воспитывались вместе с детьми Петра I и Екатерины Алексеевны, но постоянно находились где-то на задворках. Петр, а потом и Екатерина понимали, что внуку надо дать образование, и определяли к нему наставников. Сначала это был паж Екатерины Семен Маврин, потом — выходец из Венгрии, весьма образованный человек Иван Алексеевич Зейкин и др.

В обязательном порядке царевны поздравляли Петра I с именинами и днем рождения, церковными и государственными праздниками. Многие письма от имени дочерей Анны, Елизаветы, а затем и Натальи, и внуков Петра и Натальи с одинаковым содержанием были адресованы царю и его супруге.

По распоряжению Александра Даниловича Меншикова в 1722 г. французскому художнику Луи Караваку (1684–1752/1754) был заказан парный портрет маленьких внуков: восьмилетней Натальи в образе Дианы и ее брата в образе Аполлона. Портрет был выполнен, видимо, для подарка императрице Священной Римской империи Елизавете, которая являлась сестрой покойной кронпринцессы Шарлотты — матери этих детей — и беспокоилась о здоровье своих племянника и племянницы[2] (илл. 1).

---

[1] *Анисимов Е. В.* Петр II // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 61–74; Павленко Н. И. Петр II. М., 2006.

[2] *Болотина Н. Ю.* и др. Петр I в кругу семьи: Исследование и документы. М., 2023. С. 435.

Илл.1. Луи Каравак (1684–1754). Портрет царевича Петра Алексеевича и царевны Натальи Алексеевны в детском возрасте в виде Аполлона и Дианы. 1721 г. ГТГ.Из книги *Н.Ю. Болотиной* «Петр I в кругу семьи». М., 2023. Цветная вкладка.

При поддержке князя А. Д. Меншикова весной 1727 г. главным воспитателем и наставником Петра Алексеевича был назначен граф Андрей Иванович Остерман (1686–1747). В то время он занимал должности члена Верховного тайного совета, президента Коммерц-коллегии и вице-канцлера Российской империи и всем был обязан «Святлейшему». Но Остерман был активным и обремененным делами политиком, да и чаще думал о своих, не всегда бескорыстных, интересах. Поэтому возникает вопрос о новом учителе и воспитателе для Петра Алексеевича при сохранении общего руководства процессом обучения за А. Д. Меншиковым и А. И. Остерманом. И вот здесь появляется новый человек, имя которого в литературе о Петре II, насколько мне известно, даже не упоминается. На основе некоторых источников, а именно: истории Академии наук, написанной академиком Г. Ф. Миллером на немецком языке[3]; дневника академика Х. Гольдбаха, который хранится в РГАДА[4]; и «Повсед-

[3] *Müller G. F.* Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg // Материалы для истории Имп. Академии наук: В 10 т. Т. 6. СПб., 1890.

[4] РГАДА. Ф. 181. Оп. 16. Д. 1409.

невных записок делам князя А. Д. Меншикова»[5], можно представить некоторую картину и хронологию событий.

Следует заметить, что все эти события происходили параллельно со становлением Петербургской Академии наук.

15 августа 1725 г. первые пятеро приехавших ученых и президент Академии Лаврентий Блюментрост (1692–1755) были представлены императрице Екатерине I в Санкт-Петербурге, в Летнем дворце. Аудиенция началась с того, что Блюментрост провел академиков по Летнему саду и показал им великолепные фонтаны и скульптуры, затем маршал М. Д. Олсуфьев приветствовал их от имени императрицы, а князь Меншиков подвел к ним юного царевича, будущего императора Петра II, со словами, что вверяет им его образование. Потом их повели в царские покои, где находились Екатерина I, обе ее дочери, герцог Голштинский (муж Анны Петровны) и другие знатные особы. Здесь академики Якоб Герман (1678–1733) и Георг Бернгард Бильфингер (1693–1750) произнесли перед императрицей речи: первый — на французском, второй — на немецком языке. Затем ученых ожидало в соседней комнате угощение. Императрица была к ним милостива[6].

27 декабря 1725 г. проводилось первое публичное собрание Академии — это было торжественное открытие Академии наук. Императрица Екатерина I не смогла прибыть на него, т. к. была зима, стояли холода, а дом, в котором проходило собрание, не отапливался. Но собрание было проведено с большой парадностью. Присутствовали дочь Петра Анна Петровна и ее супруг герцог Голштинский, иностранные дипломаты, придворные, высшие сановники — всего человек четыреста. Среди них был и А. Д. Меншиков. Академику Бильфингеру в такой памятный день была предоставлена честь выступить с научным докладом. Он говорил о задачах Академии и об успехах науки в определении долгот с помощью магнитных наблюдений[7].

Еще в 1726 г., когда будущему императору Петру II — сыну царевича Алексея Петровича — было только 11 лет, императрица Екатерина I назначила его наследником престола. И сама императрица, и князь Меншиков, связывавший с ним далеко идущие часто-

---

[5] Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. *С. Р. Долговой и Т. А. Лаптевой* // Российский архив. Т. 10. М., 2000.

[6] Летопись Российской Академии наук: В 4 т. Т. 1: 1724–1802 / Отв. ред. *Н. И. Невская*. СПб., 2000. С. 41.

[7] *Смагина Г. И.* Немцы в Академии наук. // Природа. 2003. № 9. С. 83–84.

любивые планы (он предполагал окончательно закрепить свое влияние, женив Петра на своей дочери Марии), решили всерьез заняться обучением внука Петра Великого.

Лаврентий Блюментрост, президент Академии наук и лейб-медик императрицы, посоветовал на эту важную должность конференц-секретаря Петербургской Академии наук, академика, математика Христиана Гольдбаха (1690–1764). Гольдбах был человеком чрезвычайно широких интересов и знаний, одним из самых разносторонних ученых своего времени[8], и, как пишет академик Г. Ф. Миллер в «Истории Академии наук», «никого лучше невозможно было сыскать»[9].

Однако у Меншикова были сомнения, он хотел сначала познакомиться с Гольдбахом поближе. Случай для этого представился или был специально организован Блюментростом, и 11 августа 1726 г. Гольдбах вместе с И. Д. Шумахером совершил загородную поездку в Петергоф, а оттуда в резиденцию Меншикова — Ораниенбаум. Гольдбах кратко отметил в своем дневнике: «Вечером обедал у Меншикова»[10]. Миллер записал подробнее: «Они провели вечер за беседой и игрой в шахматы. Этой встречи оказалось достаточно, чтобы Гольдбах произвел на Меншикова самое прекрасное впечатление»[11].

И спустя две недели через президента Академии наук Блюментроста Гольдбаху было сделано предложение стать воспитателем великого князя Петра Алексеевича. Гольдбах отказался, т. к. не имел опыта преподавать устные уроки, но уговоры продолжались. Дважды, в октябре и декабре, его приглашал к себе вице-канцлер граф Остерман. 11 января 1727 г. императрица через Блюментроста повторила свое предложение, но Гольдбах снова отказался. И только 26 апреля, когда Екатерина была уже тяжело больна, он ответил на новые настойчивые предложения согласием. 1 мая 1727 г. был подписан контракт. Миллер приводит его текст: «Ее императорское величество, наша всемилостивейшая государыня милостиво повелела, поручить Христиану Гольдбаху надзор за образованием его высочества великого князя, после того как означенный Гольдбах письменно обязуется выполнять согласованные с ним условия так,

---

[8] *Юшкевич А. П., Копелевич Ю. Х.* Христиан Гольдбах. М., 1983. С. 91.

[9] *Müller G. F.* Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg. S. 120.

[10] РГАДА. Ф. 181. Оп. 16. Д. 1409. Л. 61.

[11] *Müller G. F.* Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg. S. 120.

как он собирается отвечать за это перед Богом и Ее императорским величеством»[12]. Также императрица распорядилась выплачивать ему жалованье 1200 руб. в год из средств Кабинета императрицы, помимо тех 800 руб., которые он получал от Академии как конференц-секретарь.

4 мая Меншиков и Остерман представили Гольдбаха великому князю и великой княгине. С этого дня он постоянно находился при дворе; столовался у великого князя, а затем императора; переехал в квартиру, расположенную недалеко от зимней резиденции, а позднее вместе с императором перебрался во дворец Меншикова на Васильевском острове, когда князь счел необходимым перенести туда императорскую резиденцию.12 мая того же года юный император изволил пожаловать Меншикову высший воинский чин в Российской империи — генералиссимуса. Сын Меншикова Александр был награжден орденом св. Андрея Первозванного, дочери Мария и Александра и сестра жены Варвара Михайловна были удостоены орденами св. Екатерины[13].

Начались регулярные занятия. 21 мая 1727 г. академик Бильфингер демонстрировал физические опыты молодому императору и сыну Меншикова. 25 мая состоялась помолвка дочери Меншикова Марии, которой исполнилось 16 лет, с 12-летним Петром II, торжественно совершенная Феофаном Прокоповичем. На церемонии присутствовали только академики. Гольдбах произнес приветствие и поздравление на латинском языке, И. С. Бекенштейн — на немецком, Блюментрост — на русском. Князь Меншиков был нездоров и не участвовал в церемонии, но, как пишет Миллер в «Истории Академии наук», «академикам была предоставлена честь посетить его в покоях и выразить свои поздравления». Любопытно, что здесь же Миллер приводит примечание Леонарда Эйлера: «Насколько я помню, к Меншикову никого не пустили, академики имели честь нанести визит его сестре Варваре[14], а также невесте императора и великой княгине Наталье»[15].

Внезапная болезнь Меншикова лишила его возможности видеться с Петром и влиять на него. Этим воспользовались давние недруги князя — семья Долгоруких, внушившие царю недоверие к Меншикову, а затем и добившиеся указа о его ссылке. Занятия

---

[12] Ibid.

[13] Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова... С. 503.

[14] Варвара не сестра А. Д. Меншикова, а свояченица, сестра жены.

[15] *Müller G. F.* Zur Geschichte der Academie der Wissenschaften zu S.-Petersburg. S. 143.

стали редкими, а после ссылки Меншикова в сентябре 1727 г. и вовсе прекратились. Но молодой император и его сестра привязались к Гольдбаху и не отпускали его. Когда в январе 1728 г. двор переехал в Москву, Гольдбаху пришлось последовать за ними. Занимался он теперь больше не с Петром, а с его сестрой, живо интересовавшейся науками, руководил ее чтением, преподавал ей математику. Но и эти занятия прервались внезапно: 22 октября 1728 г. великая княжна Наталья умерла.

25 февраля 1728 г. в Успенском соборе была совершена коронация Петра II[16]. А через 2 года, в ночь с 18 на 19 января 1730 г., 14-летний император скончался.

Но вернемся к Гольдбаху. Еще в июле 1727 г., ознакомившись с уровнем образования юного императора, Гольдбах отмечал, что Петр обладает определенными начальными знаниями, «но без надлежащего порядка и довольственного понятия», и этот недостаток может исправить только «будущее прилежание и старание». Гольдбах прекрасно сознавал, что никакие «добрые намерения и приложенный труд» учителей и воспитателей «успеху никакого иметь не будут», если воспитанник сам не поймет, что несколько часов в день он должен заниматься изучением наук. В то же время в обязанности воспитателей должно входить: «вкоренить Его величеству приятную любовь к его подданным, и отеческое попечение о благополучии государственном, отвращая при том его с надлежащею осторожностию от всего, что великому монарху не пристойно быть может»[17].

Далее Гольдбах, заручившись поддержкой президента Академии Блюментроста, предложил составить расписание занятий и рекомендации по содержанию каждого предмета и утвердить этот документ Остерману и Верховному тайному совету. Для выполнения задачи по составлению инструкции для юного императора, или «Расположения учений», был выбран академик Бильфингер, который имел практический педагогический опыт и был знаком с передовыми педагогическими теориями своего времени (илл. 2).

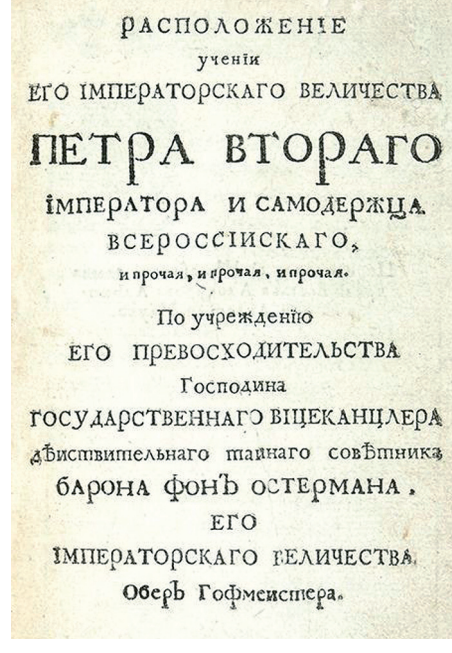
На немецком языке книга была напечатана в типографии Академии наук (Einrichtung der Studien Ihro Kayserl. Majest. Petri des Andern Kaysers und Souverains von gantz Russland etc. [СПб., тип. Академии наук], б. г. [1729]. 55 с.). На русский язык ее перевел адъюнкт

[16] *Долгова С. Р.* Коронация Петра II и дома А. Д. Меншикова в Москве и Петербурге // Петровское время в лицах / Под ред. *В. В. Мещерякова, И. В. Саверкиной*. СПб., 2012. С. 135–140.

[17] РГАДА. Ф. 156. Оп.1. Д. 198. Л. 20–21 об.

Илл. 2. Портрет академика Г. Б. Бильфингера. Гравюра Е. Я. Хайда с картины В.Д. Майера. XVIII в. Академическое собрание Библиотеки РАН.

РАСПОЛОЖЕНІЕ
ученій
ЕГО ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПЕТРА ВТОРАГО
ІМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА
ВСЕРОССІИСКАГО,
и прочая, и прочая, и прочая.
По учрежденію
ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА
Господина
ГОСУДАРСТВЕННАГО ВІЦЕКАНЦЛЕРА
дѢйствительнаго тайнаго совѢтника
БАРОНА ФОНЪ ОСТЕРМАНА,
ЕГО
ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Оберъ Гофмеистера.

Илл. 3. Титульный лист: [Бильфингер Г. Б.] Расположение учений его императорского величества Петра Второго императора и самодержца всероссийского, и прочая ... / [пер. с нем. яз. чрез В. Адодурова адъюнкта при Акад. наук]. [СПб.: Тип. Акад. наук, 1728].

Академии В. Е. Адодуров (1709–1780). Русский вариант был издан тиражом 1200 экз. (илл. 3).

«Расположение учений», составленное Бильфингером, состоит из 11 разделов. В 1-м содержатся общие рекомендации к обучению, далее речь идет о содержании учебного курса и приводится перечень предметов, предназначенных для изучения юным императором. 2-й и 5-й разделы посвящены древней и новой истории, 3-й — политическим наукам, 4-й — военному искусству. 6-й, 7-й, 8-й и 9-й разделы содержат необходимый объем знаний по физико-математическим и естественным наукам и гражданской архитектуре, 10-й — сведения «о приличных или ко украшению потребных науках». 11-й раздел, который называется «О разложении дней и часов», представляет собой, если использовать современную терминологию, расписание уроков.

Открывает «Расположение учений» рассуждение Бильфингера о том, что, создавая рекомендации по воспитанию и образованию, всегда следует помнить, для кого они создаются, и именно это определяет содержание и методы обучения: «Всякое доброе наставление учреждено быть имеет смотря на того, кому оное подается, и по сему правилу как самые в наставлении предлагаемые вещи, так и способ наставления весьма различать и рассуждать надлежит». В данном случае, писал Бильфингер, речь идет о самодержавном императоре, т. е. Петре II, но еще очень юном.

«Все учение состоит отчасти в изучении языков, — отмечал Бильфингер, — отчасти же в изучении наук и художеств». Изучение иностранных языков играло важную роль в воспитании наследников престола. По инструкции Бильфингера изучались новые и древние языки. Новые, или «живые языки», к которым относятся немецкий и французский, т. к. «почти общего употребления великое перед прочими первенство имеют», нужны государю для общения с представителями других народов, «и сие за украшение почитается, когда кто какие чужие языки знает; в многих же случаях оное и пользу приносит». Здесь ставится в пример Петр I, который «с чужестранными служителями и художниками собственным их языком говорить умеет и всемилостивейше соизволит». Кроме французского и немецкого языков Бильфингер рекомендует и латинский язык, который «всегда за признак добро воспитанного и ученого государя почитается».

Завершается инструкция расписанием занятий. Занятия рекомендуется проводить пять раз в неделю, с понедельника по пятницу; два урока в первой половине дня, с 9 до 10 и с 11 до 12 час., и

один урок после обеда, с 15 до 16 час. Бильфингер приводит расписание занятий на первое и второе полугодие и советует план на третье и четвертое полугодие составить позже, когда видны будут результаты занятий.

И в немецком оригинале, и в русском переводе книги Бильфингера имеется своеобразное приложение, хотя по сути этот текст трудно назвать приложением. Это инструкция, написанная сподвижником Петра Великого — архиепископом Новгородским Феофаном Прокоповичем (1677 или 1681–1736) для юного Петра II, под названием: «Мнение преосвященного Феофана архиепископа Новгородского, каким образом и порядком надлежит багрянородного отрока наставлять в христианском законе»[18].

Президент Академии Блюментрост высказал пожелания академикам, чтобы они составили по своим наукам учебники для юного императора: «...в кратце выбрать из наук самое нужное ради государя, а именно: из истории и нравоучения, с главнейшими правилами математики, все это легким способом изъяснить»[19]. Причем эти учебники, уточняет Гольдбах, должны быть написаны на французском и немецком языках, что будет способствовать «обучению наук самих, так и обоих языков».

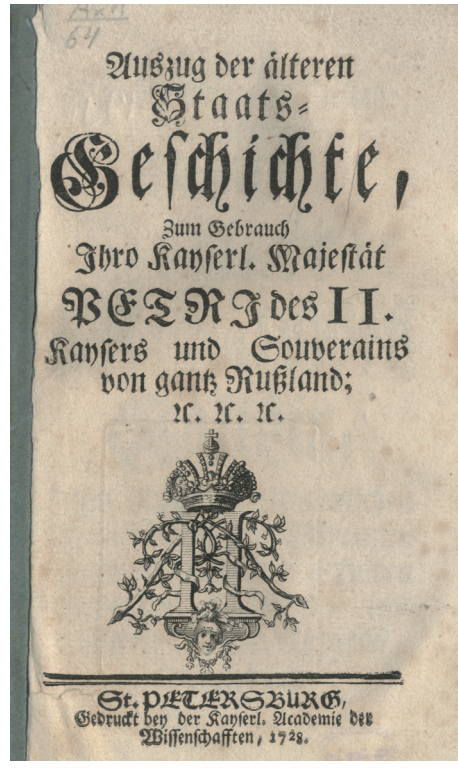
Академики Якоб Герман, Жозеф-Николя Делиль (1688–1768) и Теофиль (Готлиб) Зигфрид Байер (1694–1738) откликнулись на просьбу президента и в очень короткие сроки составили учебники, которые уже в конце 1728 г. были изданы. Следует заметить, что единичные случаи специального написания учебников для членов царской фамилии встречались и ранее: например, по заказу царя Алексея Михайловича была составлена азбука для царевича Федора Алексеевича, но таких масштабов в истории российского образования еще не было.

Учебник по математике для Петра II на французском языке в трех томах подготовили академики Герман и Делиль. Он был издан в 1728 г. под названием Abrégé des Mathématiques pour l'usage de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies (127с. + 84 с.+ 176 с.). Одновременно эту книгу перевел на русский язык учитель Академической гимназии и великолепный знаток французского языка, переводчик И. С. Горлицкий (1690–1774) .

---

[18] *Бильфингер Г. Б.* Расположение учений... С. 67–82. В немецком варианте «Мнение» имеет отдельную пагинацию страниц (1–16).

[19] Материалы для истории Имп. Академии наук: В 10 т. Т. 1. СПб., 1885. С.345.

Auszug der älteren
Staats-
Geschichte,
Zum Gebrauch
Ihro Kayserl. Majestät
PETRI des II.
Kaysers und Souverains
von gantz Rußland;
&c. &c. &c.
St. PETERSBURG,
Gedruckt bey der Kayserl. Academie der
Wissenschafften, 1728.

Илл. 4. Титульный лист: [*Bayer G. S.*] Auszug der ältern Staatsgeschichte zum Gebrauch Petri II. СПб.: Тип. Акад. наук, 1728. Академическое собрание Библиотеки РАН.

Учебник по древней истории для Петра II составил академик Байер. Книга под названием Auszug der ältern Staatsgeschichte zum Gebrauch Petri II. была напечатана в 1728 г. на немецком языке. (431 с.). На русский язык она не переводилась (илл. 4).

Об авторитете Гольдбаха в вопросах воспитания наследников престола вспомнила Елизавета Петровна. В 1742 г. императрица привлекла академика к составлению плана обучения своего племянника, будущего императора Петра III, а в 1760 г. — своего внучатого племянника, великого князя Павла Петровича (будущего императора Павла I).

Таким образом, в начале XVIII в. в политической и культурной среде России происходит осознание необходимости специальной подготовки наследников престола и только начинает складываться модель воспитания царствующей особы.

Олег Александрович КУРБАТОВ
(Москва)

Заведующий архивохранилищем микрофотокопий документов Российского государственного архива древних актов

Личная гвардия светлейшего князя: «собственные» полки и шквадроны А. Д. Меншикова в эпоху Северной войны

Oleg A. Kurbatov

The Personal Guard of the Highness Prince: A. D. Menshikov's "Own" Regiments and Squadrons in the Era of the Great Northern War

Аннотация: А. Д. Меншиков являлся шефом и командиром ряда регулярных и «партикулярных» («собственных») подразделений. Одни сопровождали его в военных кампаниях в качестве своеобразной личной гвардии, другие подчеркивали его значение как одного из ведущих военачальников царской армии и губернатора Санкт-Петербурга, третьи несли караулы в его личных владениях. Никто другой из «птенцов гнезда Петрова» не мог позволить себе такого разнообразия личных и шефских подразделений. Изучение их помогает по-новому взглянуть на военно-административную деятельность Меншикова.

Abstract: A. D. Menshikov was the chief and commander of a number of regular and "particular" ("own") units. Some accompanied him in military campaigns as a kind of personal guard, others emphasized his importance as one of the leading military leaders of the tsarist army and the governor of St. Petersburg, and others carried guards in his personal possessions. No one else from the "nestlings of Petrov"s nest" could afford such a variety of personal and patronage units.

Studying them helps to take a fresh look at Menshikov's military-administrative activities.

Ключевые слова: Александр Данилович Меншиков, военные реформы, петровские реформы, русская армия, Ингерманландская губерния.
Keywords: Alexander Danilovich Menshikov, military reforms, Peter's reforms, Russian army, Ingermanland province.

В историографии, посвященной Александру Даниловичу Меншикову, если речь заходит о его военной деятельности, то скорее имеются в виду заслуги князя на поле боя: начиная от личного участия в боях и заканчивая свидетельствами его полководческого искусства при Батурине и Лесной, в Полтавской битве или в Померании. Роль его как военного организатора никем не оспаривается, однако подробности и особенности этих деяний остаются до сих пор «за кадром» внимания исследователей. Как представляется, беглый взгляд на такой феномен, как личные или партикулярные воинские подразделения полководца и подшефные ему части, позволит прояснить роль Меншикова в петровских военных реформах и откроет много нового в изучении биографии светлейшего князя.

Первой такой частью стал «особый полк» губернатора Ингерманландии А. Д. Меншикова, за которым к 1704 г. закрепилось название Ингерманландского солдатского. Полк был учрежден указом от 19 июля 1703 г., по которому было велено «в солдатскую службу прибрать тысячу человек самых добрых и взрачных людей». Основным источником его комплектования стали боярские люди, монастырские слуги и «вольные гулящие люди». Со стороны Александра Даниловича это было наиболее опекаемое подразделение, уже в 1706 г. оно достигло трехбатальонного, а после Полтавской битвы — четырехбатальонного, или 20-ротного, состава при гренадерской роте. В январе 1712 г. вышел указ о переводе всех полков на двухбатальонный состав, но для Меншикова сделали исключение, оставив третий ингерманландский батальон[1]; тем не менее, восемь

[1] ПСЗРИ. Т. 4. С. 223 (№1937), 791 (№ 2478); Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска: Сборник документов / сост. *К. В. Татарников. М.*, 2016 (далее — Гарнизонные войска). Т. I. С. 23 – 33; Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. Сборник документов в 2 т. / Сост. *К. В. Татарников.* М., 2019 (далее — Отставные чины). Т. I. С. 354, 355, 1259; Т. II. С. 1602.

рот четвертого батальона ему пришлось «скасовать», отправив их офицеров в состав гарнизона Риги.

В конце октября 1703 г. Меншиков организовал еще один полк, на сей раз не из вольницы, а из офицеров и солдат других солдатских полков, находившихся в то время в Ижорской земле: из Преображенского и еще 11 армейских. Солдаты «по указу Царского Величества в 703-м году шли охотою в Санкт-Петербургский полк на вечное житье»[2]. Полковником в Губернаторском полку числился сам Меншиков, и в 1708 г., при распределении названий по старшинству, согласно сохранившимся наброскам царя Петра Алексеевича, Петербургский полк был поставлен выше Ингерманландского (номер 4 над 5)[3]. Полк не покидал пределы Прибалтики за все время Северной войны — за исключением похода под Полтаву с весны по осень 1709 года[4].

Стремительно выдвинувшись в ряды первых вельмож государства, Александр Данилович развернул бурную деятельность в пожалованных ему землях — не только в военно-административном плане, как губернатор, но и в хозяйственном. В рамках этой деятельности он, среди прочего, сформировал в Москве уже в 1703 г. собственную Домовую драгунскую роту, из дворян набора Военного приказа[5], которая находилась полностью на его иждивении и не отражалась в армейских штатах и табелях. К 1707 г. рота превратилась в Домовый шквадрон (или «гоф-шквадрон»). Под «шквадронами» в России еще с XVII в. понимались подразделения силой от двух до пяти рот; «партикулярные» шквадроны петровской эпохи могли вырастать до размеров полноценного конного полка.

К июлю 1704 г. в Москве был сформирован из дворянских «недорослей» драгунский Ингерманландский полк, шефом которого стал Меншиков. По прибытии полка в армию светлейший лично заменил почти половину его офицеров и далее строго следил за их назначениями. Поначалу полк составил ядро кавалерии Ингерман-

---

[2] Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия: Сборник документов / сост. *К. В. Татарников*. М., 2015 (далее — Полевая армия). Т. II. С. 2279; *Татарников К. В.* Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение. М, 2008. С. 155. (далее – Татарников)

[3] *Зезюлинский Н.* К родословию 34-х пехотных полков Петра I. Птг, 1915 (далее — Зезюлинский). С. 16.

[4] Отставные чины. Т. I. С. 375, 376, 551, 552; Т. II. С. 2129.

[5] Полевая армия. Т. I. С. 79, 80; Отставные чины. Т. II. С. 2372, 2473.

ландского корпуса, но в 1709 г. вошел в состав главной армии при Полтаве и затем уже не возвращался на берега Невы[6].

В октябре 1704 г. в Санкт-Петербург были присланы два рекрутских полка из Сибири, набранные дьяком Андряном Ратмановым. При этом офицеры и солдаты сильно поредевшего полевого полка подполковника Ивана Гамонтона влились в состав одного из сибирских полков, передав ему старшинство с 1700 г.[7]; в 1708 г. командиром этого полка стал новый комендант Санкт-Петербурга Денис Бильс. Вторым сибирским полком командовал бригадир Томас Томасович Фразер. С прибытием этих полков в «Петрополисе», по отдельным ведомостям, появились Первый и Второй Санкт-Петербургские «жилые» солдатские полки губернатора Меншикова. Относилась ли эта нумерация к обоим сибирским полкам или же имелись в виду Генерал-губернаторский «напольный»[8] полк (будущий Петербургский пехотный) и полк Фразера — на этот счет в историографии выверенных сведений нет. «Жилые» полки несли караулы не только по крепости и городу, но и в княжеских усадьбах за городом[9]. В 1711–1712 гг. бывшие солдаты Гамонтона и Фразера первыми построили себе солдатские слободы и стали основой гарнизона Северной столицы, как полки Белозерский и Чемесова.

Возглавив всю регулярную драгунскую кавалерию, Меншиков в июне — июле 1706 г. сформировал собственный Генеральный шквадрон (с 1711 г. «Лейб-шквадрон»), выбрав в него драгун из 16 полевых полков. В данном случае светлейший взял пример с фельдмаршала Шереметева, который создал свой «выборный драгунский батальон» еще в 1703 г. Численность его выросла с 330 чел. до 500 строевых, причем в 1712 г. для восполнения потерь был снова произведен выбор «самых добрых» драгун, трубачей и литаврщиков из других полков[10].

---

[6] *Волынский Н. П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху великого Петра. СПб., 1912. Вып. I (далее — Волынский). Кн. 3. С. 442 (Приложение XLII, № 26).

[7] Зезюлинский С. 48.

[8] По словам прапорщика Ивана Мейснера, он «с смотру Его Величества написан тем же капитаном в Санкт-Петербургский пехотный напольный полк в том же 706-м году в месяце ноябре» (Отставные чины. Т. I. С. 375).

[9] *Данченко В. Г., Мезенев В. Ф.* Войска А. Д. Меншикова: из истории русской армии в Петровскую эпоху // Новый часовой. 2004. № 15–16. (далее — Данченко). С. 24.

[10] Волынский. Кн. 4. С. 528 (Приложение LXXXIV); Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого (далее — Доклады и приговоры). Т. II. Год 1712. Кн. I. С. 157 (№ 220).

Еще в 1702 г. в Козловском уезде Петр пожаловал Меншикову укрепление Рененбург (Ораниенбург), и вельможа стал активно обустраивать южную свою вотчину. Поскольку город Козлов к тому времени стал важным пунктом формирования кавалерийских резервов, светлейший учредил Козловский, или Раненбургский, драгунский шквадрон своего имени, который базировался в его владениях, — к августу 1706 г.[11]

Летом 1706 г. саксонский курфюрст Август II в связи с пожалованием Меншикову титула князя Священной Римской империи и в качестве союзнического жеста назначил его шефом саксонского кирасирского («курасиерского») полка. Видимо, после лучшего знакомства с устройством прекрасной германской тяжелой кавалерии, в феврале 1707 г., был учрежден кавалерийский Лейб-регимент генерал-фельдмаршала Меншикова — в понимании англичанина Витворта, это был Gardes du Corps (полк телохранителей)[12]. Полк был задуман как элитный, для него Меншиков взял 750 драгун из дворян Севского разряда, полка Михаила Зыбина, уволив в отставку всех прежних офицеров, и дополнил их выборными людьми из других конных полков и рекрутами до тысячного состава[13].

В Полтавском сражении 1709 г. из частей, подшефных Меншикову, приняли участие: Ингерманландский и Санкт-Петербургский солдатские полки, Лейб-регимент, Ингерманландский драгунский полк, Генеральный и Раненбургский шквадроны и собственный его Домовый шквадрон. Многих знатных пленных после Переволочны направили в Раненбург, и в связи с необходимостью их сопровождения был сформирован особый батальон князя Меншикова «для караулу шведских арестантов генерала-фельдмаршала Реншеля и с прочими генералы и штаб-офицеры» (до 1714 г.)[14]. При этом большую часть раненбургских драгун «отдали в комплект» Воронежского драгунского шквадрона Федора Матвеевича Апраксина[15].

С 1700 г. для каждого регулярного полка назначался постоянный источник финансирования и снабжения — из центральных или

---

[11] Волынский. Кн. 4. С. 553 (Приложение LXXXVIII).

[12] Волынский. Кн. 3. С. 446–448 (Приложение XLII, № 24); Донесения и другие бумаги... Чарльза Витворта // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 50. С. 73.

[13] Волынский. Кн. 4. С. 445.

[14] Полевая армия. Т. II. С. 1727, 1728; Отставные чины. Т. II. С. 1441, 1957, 1968.

[15] Гарнизонные войска. Т. II. С. 1187, 1188; Отставные чины. Т. II. С. 1490, 1840.

местных учреждений. К 1710 году Ингерманландским пехотным полком ведал Военный приказ, драгунским — Разрядный, а Лейб-региментом — Поместный; остальные армейские части — Генеральный шквадрон и Санкт-Петербургский солдатский полк — числились за Ижорской канцелярией и ландрихтером Я. Н. Римским-Корсаковым[16]; оттуда же получали содержание гарнизонные полки. Домовый шквадрон, по идее, состоял на личном иждивении Меншикова, как «партикулярный». В 1711 г. приказы, бывшие финансовыми органами, упразднялись и содержание штатных полков переносилось на губернии. Из полков светлейшего князя на Санкт-Петербургскую губернию были «положены» солдатские полки — Петербургские армейский и гарнизонные; на Московскую — оба Ингерманландских и, после ряда недоразумений, Лейб-шквадрон (1712 г.)[17]; на Киевскую — Лейб-регимент[18].

Прибалтийские шведские крепости, захваченные в 1710 г., поначалу были все включены в состав Санкт-Петербургской губернии, и задачу комплектования их гарнизонов также возложили на Меншикова. По его словам, «понеже в то время при Остзее полков было мало, а от неприятеля была великая опасность», он набрал целый солдатский полк «с вотчин своих с немалым коштом не для своих собственных нужд, но для государственной пользы». Рекруты, собранные «с вотчин светлейшего князя» числом в 1200 чел., были обучены в Москве и Твери и составили «Собственный солдатский полк его высокой княжей светлости» под командой подполковника Ивана Шишкина и с урядниками из бывших раненбургских драгун («Княжой новый полк»). Впрочем, весной 1711 г. по причине угрожавшей новой столице опасности полк выдвинулся к Санкт-Петербургу, и только в следующем году Меншиков перевел его в гарнизон Риги[19].

---

[16] ПСЗРИ. Т. 4. С. 618–621.

[17] *Егоров В. А.* Генеральный шквадрон генерала князя А. Д. Меншикова. Обмундирование и снаряжение 1706/1709/1712: [Электронный ресурс]. URL: https://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Egorov_33.pdf (дата обращения: 21.04.2024) (далее — Егоров). С. 46.

[18] Доклады и приговоры. Т. II. Год 1712. Кн. I. С. 59–62, 64.

[19] *Артамонов В. А.* А.Д. Меншиков в 1711г. // Меншиковские чтения. СПб., 2013. Вып. 4 (11). С. 10; Зезюлинский. С. 16, 17 (список офицеров полка ошибочно отнесен к Петербургскому солдатскому); *Мышлаевский А. З.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708 – 1714 г. (Документы Государственного архива). СПб., 1893. С. 354 (Приложение № 16); Полевая армия. Т. I. С. 337, 1102, 1103; Отставные чины. Т. I. С. 229.

В качестве регулярной кавалерии, подчиненной непосредственно губернатору, светлейший сформировал в 1711 г. Губернский драгунский шквадрон (от 200 до 350 чел.), переведя в него часть людей из своего Домового шквадрона. Шквадрон «был в корпусе Финляндском», затем отведен на караулы в город, а содержанием «положен он сверх табеля на те деньги, которые сбираются с дворян Новгородского разряда вместо службы»[20]. Кроме того, при Санкт-Петербургской губернской канцелярии указом Меншикова была учреждена «командрованная из разных полков» Канцелярская рота капитана Семена Степановича Хвостова (340 нижних чинов и 2 офицера)[21]. Этих людей большей частью привлекали к административным поручениям, а не к строевой службе[22].

В 1714 г. Александра Даниловича постигла первая серьезная опала. Видимо, в связи с этим, важным финансовым мероприятием, которое он предпринял для сохранения многочисленных слуг и отрядов в своих имениях, стало расформирование «Собственного княжого полка». Полк был переведен из Риги в Санкт-Петербург и 28 декабря 1714 г. в присутствии царя «состоящей в число ундер офицеров и салдат 909 человек раскосован в гвардию и в протчие полки»[23]. При этом кн. В. В. Долгоруков объявил Меншикову, что взамен этих чинов, принятых на царскую службу, Военная коллегия готова перевести на содержание светлейшего такое же число людей, «а чего в замен не достанет, зачесть толикое число рекрут». Меншиков предоставил в Военную коллегию именной список из 655 командированных воинских чинов, состоящих в его имениях и вотчинах по всей стране. Среди них было 212 драгун, солдат, матросов и рекрут при его «доме», 241 солдат и стрелец из гарнизонов Ямбурга и Копорья, гарнизон в Раненбурге (124 унтер-офицера и драгуна) и сильно сокращенный Домовый шквадрон («гоф-шквадрона драгун 78»). Вопрос об этой компенсации вновь возник в сентябре 1724 г., когда Военная коллегия потребовала от Меншикова «обретающихся» при нем «из офицерских детей и из шляхетства

---

[20] Доклады и приговоры. Т. V. Год 1715. Кн. II. С. 1051, 1052 (№ 1228); Отставные чины. Т. I. С. 1511–1514.

[21] Полевая армия. Т. I. С. 440, 441; Отставные чины. Т. I. С. 1023, 1177; Т. II. С. 2429, 2465.

[22] *Анненков И. В.* История лейб-гвардии Конного полка. СПб., 1849 (далее — Анненков). Т. 1. С. XI–XIV, Т. 3. С. 95–100. Автор путает Губернский шквадрон и Губернскую роту.

[23] Полевая армия. Т. I. С. 1049.

пажей и денщиков для определения в гвардию», а он вспомнил, что «точного решения о том замене и по се число не учинено»[24].

В мае 1719 г. царь объявил о замысле формирования драгунского полка, который состоял бы «из дворянских детей» и имел в чинопроизводстве преимущества пешей лейб-гвардии. Соавтором проекта, судя по всему, был А. Д. Меншиков — коль скоро полк создавался на базе двух подшефных ему частей, состоявших преимущественно из «шляхетства»: Лейб-шквадрона и Санкт-Петербургского губернского шквадрона; к ним добавлялась Домовая рота Б. П. Шереметева, умершего в феврале 1719 г. (60 чел.). Новый гвардейский полк собирались назвать Лейб-региментом, в связи с чем старому Лейб-регименту Меншикова в том же мае 1719 г. было присвоено название Санкт-Петербургского драгунского полка. Однако боевые действия на побережье Финского залива 1720 г. задержали процесс его формирования, а затем отношение Петра к первоначальному плану охладело: возможно, он критически оценил качество меншиковских частей, прибывших из южных провинций; его Канцелярскую роту скасовали еще в 1719 г. «для того, что той роте драгуны драгунской практике неискусны, понеже употребляемы в гражданских, а не в воинских службах»[25]. В итоге в марте 1721 г. все три драгунские части были сведены в Кроншлотский драгунский полк на правах обычных армейских полков. Более того, кроншлотские драгуны лишь летом 1721 г. содержали караулы в столице, а с 1722 по 1726 г. переместились на патрулирование Царицынской линии.

Надо сказать, что от самой идеи дворянской конной гвардии Петр не отказался, однако составление списков рядовых драгун из «самых добрых дворянских детей» — кандидатов в этот полк — затянулось до конца 1725 г. Только в 1726 г. указом императрицы Екатерины I новый Лейб-регимент был, наконец, сформирован. «Дворянские дети» в количестве почти 1200 чел. поступили в него нижними чинами, а штаб- и обер-офицеров перевели из Кроншлотского драгунского полка. Таким образом, офицеры, лично обязанные светлейшему князю своим назначением, все же остались во главе конной гвардии — что и неудивительно после дворцового переворота 1725 г. Так, первый командир Лейб-регимента Петр Иванович Бутурлин с 1709 г. был полковником Генерального шквадрона, а с 1721 г. — Кроншлотского полка. Лейб-регимент сохранил

[24] РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 283–284.

[25] Анненков. Т. 3. С. 95, 96; Отставные чины. Т. I. С. 1177.

дворянский характер и при Анне Иоанновне, когда послужил основой для создания уже кирасирского по своему виду кавалерии Лейб-гвардии Конного полка (1731 г.)[26].

Какие же основные функции имелись у всего этого спектра подшефных Александру Даниловичу подразделений? Первая и наиболее яркая — презентационная. Поначалу полки подчеркивали звание Меншикова как губернатора завоеванной Ингерманландии: в 1726 г. он вспоминал, что «по высокой... милости пожалован я владетельным князем или герцогом и дана мне в вечное владение Ингермоландия, на что имею диплом или жалованную грамоту»[27]. Данный титул подчеркивали все сформированные в 1703 и 1704 г. солдатские полки его имени и Ингерманландские. Особенно выделялся Ингерманландский солдатский полк, у которого «имя бывшего князя Меншикова под короною княжескою» было изображено на ротных знаменах, на бляхах гренадерских шапок и — с 1718 г. — на шейных офицерских знаках[28]. В ноябре 1705 г. Меншиков получил начальство над всей регулярной конницей с чином генерала от кавалерии, за чем последовало формирование Генерального шквадрона и Лейб-регимента. В мундирах пехоты полки следовали общей моде, и если поначалу светлейший думал ярко выделить ингерманландцев желтыми кафтанами, то затем большинство его частей переоделись в зеленые и васильковые мундиры — по образцу преображенцев и семеновцев. Впрочем, сделано это было настолько качественно, что мундир Лейб-регимента (синий с красным) послужил образцом для всех армейских драгун, а комплект снаряжения рядовых Генерального шквадрона Петр полностью скопировал для «богатого убора» своих драбантов — почетного церемониального караула[29].

Наличие шефских частей помогало Меншикову продвигать на важные посты в армии своих ставленников. Так, для обучения и приведения полков в образцовый вид он назначал командирами своих протеже — иноземных офицеров: Николая Нейтерта (Нейдгарта) — в Губернаторский пехотный, Ивана Дупрея (Дюпре) — в Ингерманландский солдатский, Антона Эшхофа — в Лейб-регимент, Антона Девиера — в Лейб-шквадрон и др. Некоторые из них впоследствии достигли генеральских чинов и заняли видное поло-

[26] Анненков. Т. 1. С. XI–XX, 1–17.

[27] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 56. Л. 165.

[28] Татарников. С. 81, 86; этот вензель заменили на царский только в 1729 г.

[29] Данченко; Егоров.

жение в администрации. Несколько позже посты в его подшефных полках получили, напротив, представители старомосковской знати — Петр Бутурлин (Лейб-шквадрон с 1709 г.) и Василий Петрович Шереметев, брат фельдмаршала (Ингерманландский драгунский с 1713 г.), — что, несомненно, укрепляло положение светлейшего князя.

Ингерманландский пехотный полк стал своеобразным социальным лифтом для массы совершенно безродных солдат, которые достигали обер-офицерских чинов и переводились в другие полки. Так, скасовав восемь рот полка в Торуни в мае 1712 г., Меншиков отправил в полки Рижского гарнизона 25 офицеров, выслужившихся «из боярских людей», из монастырских и церковных даточных и вольных людей[30]. Среди ингерманландцев были отчаянные храбрецы: Григорий Кудеяров, будучи поручиком, в 1708 г. «под Черниковым посылан был для языка через реку вплавь, и языка взял на часах: у шведского короля у дверей стоял гранодер»[31].

Ингерманландский драгунский полк стал настоящей кузницей кадров для всей кавалерии: около сотни обер- и унтер-офицеров из малопоместных дворян вышли из него в другие драгунские и солдатские полки по протекции Меншикова.

Несомненно, отдельные подразделения служили у светлейшего для хозяйственных целей — в качестве курьеров, для караула резиденций и владений и т. п. К таковым относятся в первую очередь Домовый и Ранебургский шквадроны, солдаты и стрельцы в Копорье и Ямбурге, отчасти петербургские «жилые» солдаты. Впрочем, в бытность в Петербурге ингерманландцев караулы в княжеском доме и по городу переходили к этому отборному полку.

Личные ресурсы Меншикова, как второго лица в государстве, регулярно привлекались к решению государственных задач, что видно и на примере его полков. Образцовые шефские подразделения составляли ударную силу полевой армии, а не играли роль «почетного караула». Так, Ингерманландский солдатский полк в 1707–1712 гг., как и полки лейб-гвардии, «был учинен конным»: получил комплект драгунского снаряжения, чтобы передвигаться верхом в составе «корволанта». Для решающей битвы с Карлом XII были вызваны из Прибалтики Ингерманландский драгунский и Петербургский солдатский полки, а из-под Воронежа — Раненбургский шквадрон. Ввиду слабости рижского гарнизона Меншиков

[30] Гарнизонные войска. Т. I. С. 23–89, 894.

[31] Отставные чины. Т. II. С. 1409.

специально сформировал «своим коштом» Собственный солдатский полк и содержал его четыре года сверх штата, целиком за свой счет.

После Прутского похода чины Лейб-шквадрона использовались для активной дипломатической переписки. Так, капрал Архип Ласунский был отправлен со своим капральством к вице-канцлеру Шафирову в Стамбул, оттуда ездил в Карлсбад к царю и обратно, провел в стамбульской тюрьме Едикуле 6 месяцев, затем еще трижды посылался к Петру. За эту службу пожалован в прапорщики гренадерского полка. Драгун Степан Бологовский, напротив, ездил в Москву, а затем в Ригу к царю, оттуда «с письмами» в Киев к Шереметеву, а от Шереметева в Санкт-Петербург.

Даже Домовый шквадрон не принадлежал целиком светлейшему. Известно, что летом 1714 г. царь взял его с собой в Ревель, куда выехала и царица. Александр Данилович обратился к ней с просьбой «отпустить» драгун в Петербург, но Петр через Екатерину Алексеевну «изволил сказать то, что тот шквадрон здесь надобен»[32]. Таким образом, практически обо всех «собственных» полках и шквадронах Меншиков с полным правом мог сказать, что содержит их «не для своих собственных нужд, но для государственной пользы».

[32] НИА СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ч. 7. Д. 6639. Л. 1–1 об.

Александр Михайлович ПАШКОВ
(Петрозаводск)
Профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета

А. Д. Меншиков и Олонецкий край

Alexander M. Pashkov

A. D. Menshikov and Olonets Region

Аннотация: А. Д. Меншиков оказал большое влияние на развитие Олонецкого края. В 1703 г. в должности санкт-петербургского генерал-губернатора он занимался созданием Олонецкой верфи и Петровских заводов. В 1719 г. в письме Меншикову Петр I прямо называет его «фундатором» (основателем) Петровских заводов. В это время Меншиков проявлял умение добиваться нужных для него результатов, используя как принуждение, так и разумный компромисс и опираясь на преданные ему кадры. Так ему удалось организовать успешную заботу Олонецкой верфи и Петровских заводов.

Abstract: A. D. Menshikov had a great influence on the development of the Olonets region. In 1703, as Governor-General of St. Petersburg, he was engaged in the creation of the Olonets Shipyard and Petrovsky Foundries. In 1719, in a letter to Menshikov, Peter I directly calls him a "fundator" (founder) of Petrovsky Foundries. At this time, Menshikov showed the ability to achieve the results he needed, using both coercion and a reasonable compromise and relying on the staff devoted to him. Thus, he managed to organize the successful care of the Olonets shipyard and Petrovsky Foundries.

Ключевые слова: А. Д. Меншиков, Петр I, Олонецкая верфь, Петровские заводы.

Keywords: A. D. Menshikov, Peter I, Olonets shipyard, Petrovsky foundries.

Александр Данилович Меншиков оказал большое влияние на развитие Олонецкого края (современная территория Карелии). Впервые он оказался здесь во время похода по Осударевой дороге в августе 1702 г., но в то время ничем особенным себя не проявил. В это время А. Д. Меншиков числился ближним человеком — стольником в свите 12-летнего царевича Алексея, который также участвовал в этом походе.

Но уже тогда Меншиков зарекомендовал себя как исполнительный и деятельный управленец, которому можно было поручать задания любой сложности. После взятия Нотебурга в октябре 1702 г. Меншиков был назначен губернатором Шлиссельбурга. Перед отъездом в Воронеж в феврале 1703 г. Петр I поручил ему заниматься ремонтом Шлиссельбургской крепости и поиском места для будущей верфи на реке Свирь. Такое место вскоре было найдено при впадении в Свирь речки Каномы. Для непосредственного руководства кораблестроением на будущей Лодейнопольской верфи Меншиков назначил своего ставленника И. Я. Яковлева, сделав его в начале 1703 г. комендантом Олонецкого уезда. В свое время Яковлев и Меншиков вместе начинали службу в «потешных». Яковлев оправдал возложенное на него доверие. Для начала работы верфи первой задачей была заготовка леса, что в условиях зимы было непростым делом. Жители Олонецкого уезда эту повинность всячески игнорировали. Но Яковлев с этой задачей справился. Меншиков писал Петру I 9 февраля: «Лес готовят непрестанно. По приезде на Олонец Ивана Яковлевича [И. Я. Яковлева. — *А. П.*] олончане не таковы стали быть, какову отписку ко мне прислали: стали быть смирны и во всем послушны»[1].

Около 10 февраля Меншиков сам выехал в Олонец и на Свирь и в письме от 18 февраля доложил царю о результатах своей поездки:

> «Сего 11-го числа из Шлиссельбурга ездил на Олонец и, быв, указ учинил: за невысылку плотников и работников два человека бурмистров биты на козле кнутом и велел их послать в Азов. А с Олонца для смотрения корабельного заводу был на Каноме: имя Канома на реке на Свири, прозванье урочища Кама. Леса зело изрядные, не только что на шмаки[2], хотя и в

[1] МИРФ. Ч. 1. СПб., 1865. С. 14.

2 Шмак — небольшое парусное судно для транспортировки грузов и пассажиров в Северном и Балтийском морях. В России двухмачтовые шмаки с косыми парусами применялись в первой половине XVIII в. в качестве военных транспортов.

50 пушек на корабельное строение книсы[3] годятся, зело изрядные. А вырублено книс по мой приезд 5000. Однако ж вывезены не все, а вывезено 2500. Зело трудно копание, снеги выше пояса»[4].

В мае 1703 г. Меншиков был назначен генерал-губернатором всех завоеванных земель, из которых в 1706 г. была образована Ингерманландская (с 1711 г. — Санкт-Петербургская) губерния. В состав Санкт-Петербургской губернии вошел и Олонецкий уезд. В должности генерал-губернатора Ингерманландии Меншиков продолжал курировать деятельность по созданию Олонецкой (Лодейнопольской) верфи и занялся созданием Олонецких Петровских заводов.

В «Походном журнале» Петра I за август 1703 г. есть такая фраза: «В 29-й день Александр Данилович отсель поехал на заводы»[5]. Обычно ее истолковывают как указание на поездку Меншикова по заданию Петра I с Лодейнопольской верфи на Петровский завод в устье реки Лососинки. Многие поколения историков и краеведов начинали историю Петрозаводска с этой фразы, считая ее первым упоминанием города в письменных источниках.

Но если подумать, как Меншиков мог поехать на Петровские заводы, которых тогда еще не было, и сам Меншиков был послан, чтобы эти заводы основать? Решить эту загадку позволяет письмо Меншикова Петру I от 28 августа 1703 г., в котором тот сообщал, что находится в селе Горском (современная деревня Горка), «не доезжая до заводов за 15 верст»[6]. Отсюда можно сделать вывод, что Меншиков ехал не на Петровский завод, которого еще не было, и расстояние до которого от Горки впоследствии составляло примерно 60 км, а на Усть-Рецкий завод в Заонежье. Этот завод, основанный в 1681 г., являлся головным предприятием заводов А. Бутенанта и буквально в июле 1703 г. был отобран в казну. Можно предположить, что Меншиков провел на Усть-Рецком заводе своего рода производственное совещание, на котором распорядился перебросить часть оборудования и специалистов в устье Лососинки для строительства нового Петровского завода. Только потом Мен-

---

[3] Книса (кница) — деревянная пластина, крепившая шпангоут (деревянный корпус) к настилу палубы.

[4] МИРФ. Ч. 3. СПб., 1866. С. 678.

[5] Походный журнал 1703 года. Изд. 2-е. СПб., 1911. С. 7.

[6] *Кротов П. А., Пашков А. М.* К вопросу о дате основания Петрозаводска // Ученые записки ПетрГУ. 2015. № 5. С. 8.

шиков прибыл в устье Лососинки, где 1 сентября был заложен Петровский завод. Много лет спустя в письме Меншикову от 27 января 1719 г. Петр I прямо называет его «фундатором» (основателем) Петровских заводов[7].

В то время значительная часть населения Олонецкого края были старообрядцами, а центром старообрядчества была основанная в 1694 г. Выговская поморская пустынь, расположенная в верховьях реки Выг. Взаимоотношения старообрядцев с государством и официальной церковью были крайне враждебными. Старообрядцы укрывались от гонений в глухих лесах, устраивали самосожжения. Меншикову надо было решить крайне важную задачу — привлечь местных старообрядцев к работе на заводах, особенно на основанном 23 сентября 1703 г. Повенецком заводе, находившемся в малонаселенной местности, но поблизости от Выговской пустыни.

Вероятно, уже в ходе поездки летом 1703 г. он направил выговским старообрядцам указ. Содержание этого указа выговский писатель и историк Иван Филиппов передает так:

> «Слышно Его императорскому величеству, что живут для староверства разных городов собравшиеся в Выговской пустыни, а службу свою отправляют к Богу по старопечатным книгам. А ныне Его императорскому величеству для войны Шветской и для умножения оружья и всяких воинских материалов ставятся двои железные заводы, а одне близ их Выговской пустыни, и чтоб оные в работы к Повенецким заводам были послушны и чинили бы всякое вспоможение по возможности своей, а за то Императорское величество даде им свободу жити в той Выговской пустыни и по старопечатным книгам службы свои к Богу отправляти»[8].

Ознакомившись с указом Меншикова, выговцы составили на его имя челобитную с согласием на их приписку к заводам в обмен на свободу вероисповедания. Меншиков переслал выговскую челобитную Петру I, который одобрил этот компромисс. Вскоре Меншиков направил на Выг новый указ, «чтоб быть ведомым Выгорецким пустынножителям к Повенецким заводам в рудосыскательстве и в подъеме; а в вере быти свободным по прошению их»[9]. Таким образом был обеспечен рабочей силой Повенецкий завод — второй по значению в системе Олонецких Петровских заводов.

---

[7] *Кротов П. А.* А. Д. Меншиков — основатель Петрозаводска // Ученые записки ПетрГУ. 2015. № 3. Т. 1. С. 8.

[8] *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. М., 2005. С. 114.

[9] Там же.

Ставка властей на привлечение старообрядцев к развитию горнозаводской промышленности Олонецкого края оказалась полностью оправданной. Известный историк старообрядчества С. А. Зеньковский высоко оценивал их вклад в развитие Олонецких Петровских заводов[10].

На Меншикова было возложено общее руководство деятельностью Лодейнопольской (Олонецкой) верфи и Олонецких Петровских заводов. Непосредственное руководство деятельностью Лодейнопольской верфи осуществлял И. Я. Яковлев, олонецкий комендант в 1702–1707 гг. Он следил за ходом работ на верфи, занимался вопросами ее снабжения, а также вооружением построенных там кораблей. Практически по всем серьезным вопросам деятельности верфи он запрашивал письменное согласование у Меншикова и отчитывался перед ним о проделанной работе. Сохранилось 18 писем Яковлева к Меншикову за 1704 г. и 8 — за 1705 г.[11] Деятельностью Олонецких Петровских заводов руководил олонецкий вице-комендант (с 1707 г. — комендант) А. С. Чоглоков. Он также согласовывал с Меншиковым свои действия и предоставлял ему отчеты о проделанной работе. Сохранилось пять его писем к Меншикову за 1704 г.[12] Еще одним корреспондентом Меншикова был полковник С. А. Незнанов, управлявший частными заводами А. Бутенанта[13], отобранными в казну летом 1703 г. Сохранилось два его письма Меншикову за 1704 г.[14] Кроме отчетов и согласований все авторы писем, обращенных к Меншикову, жаловались на плохую работу друг друга и заявляли о своих претензиях. Но, несмотря на массу объективных и субъективных сложностей, Меншикову удалось осуществить создание этих двух предприятий и обеспечить их успешную работу.

После 1704 г. Меншиков, оставаясь петербургским генерал-губернатором, находился в действующей армии и практически не занимался управлением Олонецкими заводами и верфью. Текущие вопросы за него решал вице-губернатор Я. Н. Римский-Корсаков (занимал эту должность в 1707–1714 гг.). Тем не менее, все отчеты

---

[10] *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество: В 2 т. // Сост. Г. М. Прохоров; под ред. В. В. Нехотина. М., 2009. С. 606–609.

[11] Походная канцелярия Александра Даниловича Меншикова (1703–1705). СПб., 2023. С. 821.

[12] Там же.

[13] О заводах А. Бутенанта см.: Коваленко Г. М. Первые металлургические заводы в Карелии (1670–1703). Л., 1979. 104 с.

[14] Походная канцелярия Александра Даниловича Меншикова. С. 820.

о работе шли на имя Меншикова. Так, в августе 1706 г. олонецкий вице-комендант и начальник Олонецких заводов Чоглоков писал Меншикову: «На заводах твоих Петровских, Алексеевских, Повенецких все благополучно»[15].

Только в июне 1712 г. вышел указ Сената о передаче в ведение Адмиралтейского приказа Олонецких заводов, Лодейнопольской верфи и всего населения Олонецкого уезда[16]. Таким образом, высшее административное руководство регионом перешло от генерал-губернатора Меншикова к адмиралу Ф. М. Апраксину.

Последняя поездка Меншикова в Олонецкий уезд состоялась в июне 1719 г., когда по настоянию Петра I он посетил курорт Марциальные воды[17].

В руководстве Олонецкой верфью и Петровскими заводами проявились качества Меншикова как управленца, который добивался нужных для него результатов, используя как принуждение (за сопротивление присылке плотников на Олонецкую верфь двое бурмистров Олонца были сосланы на жительство в Азов), так и разумный компромисс (прекращение преследований старообрядцев по религиозным мотивам в обмен на их приписку к Петровским заводам).

Другой стороной управленческой деятельности Меншикова было умение расставлять на ключевых постах преданных ему людей. Так, первым начальником Олонецкой верфи был И. Я. Яковлев, который вместе с Меншиковым служил в «потешных». Тем самым Меншикову удалось организовать успешную заботу Олонецкой верфи и Петровских заводов в интересах армии и флота.

---

15 *Глаголева А. П.* Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957. С. 67.

16 Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого. Т. 2. Кн. 2. СПб., 1883. С. 465.

17 О поездке на Марциальные воды летом 1719 г. см.: Труды и дни Александра Даниловича Меншикова: Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. М., 2004. С. 320–324.

Михаил Александрович КИСЕЛЕВ
(Екатеринбург)
Старший научный сотрудник
Института истории и археологии Уральского отделения РАН

«Милосердный государь и отец»: заводчики Демидовы и А. Д. Меншиков в 1720-е гг.

Mikhail A. Kiselev

«Merciful Lord and Father»: Entrepreneurs Demidovs and A. D. Menshikov in the 1720s

Аннотация: В статье на основе эпистолярных источников рассматривается проблема неформальных отношений князя А. Д. Меншикова с заводчиками Демидовыми в 1722–1727 гг. Показывается, что между Демидовыми и Меншиковым действовали устойчивые патрон-клиентские отношения, в рамках которых первые рассчитывали на покровительство и защиту своих интересов в отношениях с чиновниками, а второй мог получать необходимые ему услуги, связанные в т. ч. со строительством Санкт-Петербурга.
Abstract: The article, based on epistolary sources, examines the problem of informal relations of Prince A. D. Menshikov with entrepreneurs Demidovs in 1722–1727. It is shown that there were stable patron-client relations between Demidovs and Menshikov, in which the former relied on patronage and protection of their interests in relations with officials, and the latter could receive the services he needed, including those related to the construction of St. Petersburg.

Ключевые слова: А. Д. Меншиков, Демидовы, В. И. Геннин, Российская империя, Санкт-Петербург.
Keywords: A. D. Menshikov, Demidovs, V.I. Gennin, Russian Empire, St. Petersburg.

В отечественной историографии XX в. исследователи: Б. Б. Кафенгауз, Н. Л. Рубинштейн, Н. И. Павленко, Е. И. Заозерская, В. Я. Кривоногов, М. Я. Волков, А. И. Юхт, Н. В. Козлова и др. — уделяли немало внимания взаимоотношениям предпринимателей (нарождающейся «буржуазии») и российского государства («абсолютизма») XVIII в. При этом аспекты, связанные с неформальными отношениями предпринимателей с представителями правящей элиты, как правило, рассматривались достаточно фрагментарно. Если говорить о такой известной династии заводовладельцев, как Демидовы, чье рождение было самым непосредственным образом связано с Петром I и его промышленной политикой, то ведущий специалист по истории этой династии И. Н. Юркин отмечает, что Никита Демидович Демидов «опирался на поддержку Ф. М. Апраксина, А. А. Виниуса, М. П. Гагарина, Н. М. Зотова, А. Д. Меншикова. Среди "милостивцев" его старшего сына» Акинфия были «статусные фигуры тоже высшего разбора»: фаворит императрицы Анны Иоанновны герцог Курляндский Э. И. Бирон, президент Коммерц-коллегии барон П. П. Шафиров, кабинет-секретарь императрицы Елизаветы Петровны барон И. А. Черкасов[1]. Однако историк при этом подробно не останавливается на том, как именно осуществлялась поддержка, и, например, рассуждая о примирении в 1727 г. В. Н. Татищева и А. Н. Демидова, лишь предполагает, что последний «использовал связи с лицами, окружавшими трон, прежде всего с находившимся на пике власти А. Д. Меншиковым»[2]. В этом отношении примечательно, что Н. И. Павленко, известный исследованиями истории русской металлургии XVIII в., в своей не менее известной биографии Меншикова совершенно не упоминает контактов последнего с Демидовыми[3].

Настоящей работой предполагается внести вклад в закрытие историографической лакуны, связанной с проблемой неформальных отношений предпринимателей с представителями правящей элиты России XVIII в. на материале истории взаимоотношений светлейшего князя Меншикова с семейством заводчиков Демидовых. Конечно, информация, представленная в данной статье, до определенной степени будет иметь фрагментарный характер. Это связано прежде всего со спецификой источниковой базы. Не все неформальные контакты фиксировались в источниках, равно как и не все

[1] *Юркин И. Н.* Демидовы: Столетие побед. М., 2012. С. 132.

[2] *Юркин И. Н.* Демидовы — ученые, инженеры, организаторы науки и производства. М., 2001. С. 17.

[3] См.: *Павленко Н. И.* Меншиков: Полудержавный властелин. М., 2005.

источники личного происхождения, где в значительной степени и содержались сведения о таких контактах, сохранились до нашего времени. Соответственно, историк обречен работать с фрагментарной информацией. Тем не менее источники, позволяющие рассмотреть эту тему, все же существуют, что и дает возможность перейти от предположений о характере взаимоотношений Демидовых с Меншиковым к более конкретным фактам.

Прежде всего следует обратиться к хорошо сохранившемуся комплексу адресованных Меншикову писем за 1727 г. В письме от 8 января этого года из Невьянского завода А. Н. Демидов сообщал Меншикову об отправке в Берг-коллегию образцов найденной на Алтае медной руды с приказчиком Иваном Акимовым, которому следовало в столице «просить о дачи там к строению заводов крестьян, также и о протчих наших заводских необходимых нуждах просить же в Высоком Сенате». В связи с этим он просил светлейшего князя *не оставить милостью* «обретающихся при Санкт-Питербурхе моих прикащиков». Далее 15 февраля 1727 г. Демидов благодарил Меншикова за то, что его, как он узнал «чрез письма санкт-питербурских моих прикащиков», «по здравому и щедрому Вашей... светлости разсмотрению свободна учинили от штрафа за беглых Екатеринбурского завода работников» и что Меншиков послал «ордер к господину подполковнику Овцыну, которой немалую турбацию Румяновской нашей вотчине крестьяном чинил». После этого Акинфий писал, что В. Н. Татищев подал челобитную, «возбуждая паки то дело, которое было со отцем моим Никитою Демидовичем». Дело в том, что Татищев, на которого в 1722 г. подал жалобу Н. Д. Демидов, был оправдан Вышним судом и ему было определено «учинить награждение», так и не выплаченное к 1726 г. Татищев потребовал от Демидовых 2 тыс. руб., в связи с чем Акинфий обращался к Меншикову: «В сем на высокое Вашей... светлости отеческое милосердие полагаюсь, как ты, государь, о сем соизволишь, хотя ему что и дать, быть так». Не остановившись на этом, Акинфий просил Меншикова о помощи в приватизации казенного Алапаевского завода. Демидов отмечал, что ему нужен не сам завод, т. к. «у нас и своих заводов довольно», а приписанные к нему крестьяне. В случае же невозможности передачи ему Алапаевского завода Акинфий просил подействовать своему прошению в Сенат о приписке «к тем новозаведенным моим одному медному и к семи железным заводам из крестьян по двести дворов». И, что примечательно, Акинфий просил не оставить «сей моей прозьбы для государственной пользы». За помощью к Меншикову в письме от 14 фев-

раля обратилась и вдова Н. Д. Демидова, мать Акинфия Авдотья Федотовна, просившая князя о том, чтобы ее сын мог приватизировать Алапаевский завод и его «привесть ко умножению как кованого железа, так и протчих государственной пользе материялов». При этом она сообщала, что младший брат Акинфия Никита также желает приватизировать этот завод. По ее мнению, он это делал «не ради произведения и умножения тех заводов», а «ради всякой междуусобной ссоры и всякой ненависти», в связи с чем просила предпочесть Никите Акинфия[4].

На этом просьбы Демидовых не закончились. В письме от 11 марта 1727 г. А. Н. Демидов просил содействия Меншикова, желая, чтобы к нему был переведен работавший на казенных уральских заводах комиссар С. К. Неелов. Далее, 18 апреля Акинфий снова благодарил Меншикова «за неоставление моих прикащиков», а также за письмо к управлявшему уральскими казенными заводами генерал-майору В. И. Геннину «о неоставлении меня в ращирении моих заводов». Акинфий, похвально отозвавшись о деятельности Геннина, извещал светлейшего князя, что с «Татищевым в произшедшем между нами деле состоялся мир, того ради... прошу, буди, государь... за меня заступник, чтоб сему подобно смиритца и з... генералом-лейтенантом Салтыковым по делу моему с ним в сыскании на мне за беглых ево крестьян пожилых денег». Последнее известное нам письмо представителя семьи Демидовых Меншикову было направлено ему 28 июня А. Ф. Демидовой. Она благодарила его за то, «что мы по твоей... отеческой к нам милости во всяких наших случившихся делах с сыном нашим Акинфием награждены и прикащики наши, пребывающия при Санкт-Питербургхе, не оставлены», после чего возвращалась к проблеме Алапаевского завода: «Паки тебя, государя и отца, просим, дабы чрез Вашу... светлость оные заводы нам отданы были и с приписными к ним слободами, понеже в Берг-коллегии чрез многое время об оддаче тех заводов резолюции не учинено». В связи с этим Авдотья Федотовна извещала светлейшего, что она из Тулы для хлопот по этому и иным делам отправляет своего приказчика Ивана Переславцова, после чего вновь просила о помощи в получении во владение Алапаевского завода «с крестьяны», чтобы содержать его «с ревностью к пользе и славе Росийской империи, и за тебя, государя, вечным благодарствием Господа Бога молить». На этом письме канцелярским служителем была сделана такая помета: «Подано сентября 7 дня 1727 году.

[4] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 568. Л. 10–12, 7–8 об.

Записав, выписать в доклад»[5]. Светлейший князь, скорее всего, должным образом не успел рассмотреть это письмо: как известно, 8 сентября 1727 г. Меншиков был арестован, затем последовали лишение его всех должностей и ссылка в Сибирь, в Березов, где он и умер в 1729 г.

Для проверки сведений из демидовских посланий 1727 г. следует обратиться к письмам, которые направлял Меншикову упомянутый А. Н. Демидовым руководитель уральских казенных заводов генерал-майор Геннин. В письме от 6 февраля 1727 г. из Екатеринбурга он сообщал светлейшему князю о получении письма от 28 ноября 1726 г., где упоминался указ Екатерины I «о невзыскивании з дворянина Демидова за держание беглых денег, а ежели ево такия ж беглыя на Екатеринбурских заводах имеютца, а он штрафов не взыскивает». После такой констатации Геннин разразился похвалой в адрес Демидова, не забыв упомянуть о своем полном содействии ему. И только после этого Геннин писал, что «о беглых же и за оных о штрафе, справясь, по силе... указу исполнять здешней обер-бергамт будет, и в том приложу мое смотрение, дабы ему, Демидову, учинено было по силе оного... указу довольствие»[6].

В послании от 24 апреля 1727 г. Геннин сообщал Меншикову о получении его писем от 27 февраля и 2 марта, в которых в том числе шла речь «о споможении по письмам Вашей... светлости для размножения в Росийской империи меди чрез произведение Томских заводов». Фактически отчитываясь перед светлейшим князем, Геннин писал:

> «Отдал я на время ему... берг-гешворена Клеопина и берггауэра иноземца, так же и плотинного мастера и всеконечно, светлейший князь, ему, Демидову, надобно помоществовать не для ево собственно токмо персоны, но... и для государственной пользы, понеже ведая ево в завоцком деле искуство, к тому и ревностное радение, весьма есть надежно ожидать хорошего прибытка, и хотя мне от того, что я ему помоществую, здесь некоторыя плевелы, яко бы то я чиню для моей корысти, и внушаются, но оное я оставляю, ведая в том мою истинность, что ни для чего инаго, но для пользы интереса государственного, и на такия плевелы я несмотря буду и впредь ему, сколько возможно, помоществовать, ибо от того казенным заводам остановки быть не имеет, а ежели он, Демидов, с начала здешних заводов не помоществовал, то бы воистинно в долгое времяздешних заводов не привести в действо».

[5] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 568. Л. 15–19.

[6] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 498. Л. 96–96 об.

Не ограничившись такими заверениями и похвалами, Геннин предлагал Меншикову просить саму Екатерину I, чтобы она повелела помогать Демидову и сибирскому губернатору[7].

Итак, письма Демидовых с учетом писем Геннина позволяют утверждать, что в 1727 г. Меншиков действительно был покровителем-патроном А. Н. Демидова, способствуя выгодным для него решениям (указ о беглых, ордер подполковнику Овцыну), а также демонстрируя свое покровительство региональным управленцам типа Геннина, которые благодаря этому более активно начинали помогать Демидовым. В этой связи отметим, что И. Н. Юркин, характеризуя развитие отношений А. Н. Демидова и Геннина с момента прибытия последнего на Урал в конце 1722 г., пишет: «Акинфий в конечном счете сумел его приручить»[8]. Однако такое «приручение», похоже, для Демидовых было все же не самым простым делом. Так, еще 1 сентября 1724 г. Н. Д. Демидов жаловался на свое положение Меншикову, указывая, что «мне от начальников тех заводов находитца велие утеснение, что уже ис Сибирии меня выгоняют»[9]. Как показывают письма Демидовых Меншикову, «приручение» в значительной степени могло основываться на его покровительстве. В 1722 г., когда положение Александра Даниловича в окружении Петра I было весьма шатким из-за Почепского дела[10], Геннин вступил в конфликт с Меншиковым из-за оплаты поставок с Олонецких заводов «железных припасов» для домовых нужд светлейшего князя. Однако после смерти Петра I Меншиков восстанавливает свое влияние, так что Геннин, желавший быть отозванным с Урала в столицу, стремился заручиться покровительством с его стороны[11], и активная помощь Демидовым по просьбе Меншикова оказывалась свидетельством его послушности и лояльности светлейшему князю.

В связи с этим возникают следующие вопросы: когда именно устанавливаются прочные неформальные контакты Меншикова и Демидовых и на что рассчитывал светлейший князь в ответ на свое покровительство. Если говорить о последнем вопросе, то первое,

---

[7] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 498. Л. 97.

[8] *Юркин И. Н.* Демидовы: Столетие побед. М., 2012. С. 134.

[9] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 568. Л. 6 об.

[10] См.: *Киселев М. А., Кочегаров К. А., Лазарев Я. А.* Патроны, слуги и друзья: Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники. Екатеринбург, 2022. С. 167–216, 253–265.

[11] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 498. Л. 78–79, 100.

что может прийти на ум, особенно с учетом репутации Меншикова как стяжателя и коррупционера, это получение светлейшим князем материальных подношений от Демидовых. Однако в своих письмах последние никак не проговаривались об этом, а лишь помещали благодарственные формулы, а также использовали риторику *государственной пользы / пользы и славы Российской империи*. Итак, они вполне в духе законодательства Петра I апеллировали к «общей пользе», а отнюдь не к частной корысти. Конечно, здесь можно усмотреть лишь попытку скрыть эту составляющую их взаимоотношений, которая могла быть связана с взятками. В понимании логики таких отношений и связанных с ними формул помощь может оказать доношение Н. Д. Демидова, поданное 24 января 1723 г. Геннину, прибывшему на Урал для расследования конфликта Демидовых с Татищевым. Никита Демидович, объясняя следователю специфику своих отношений с влиятельными людьми, заявлял: «У нас и простолюбимы, которые друг со другом знатца хотят, то друг друга дарят, а господа, которые добродеи, должествуем, но и паки дарим, а иные господа нам в его императорского величества делах много помощи подают и в делех нас не волочат и всякое вспоможение вскорости чинят, и мы за такое их споможение не токмо что подарить, но должны всегда благодарить»[12]. Получается, что он не отрицал, что *господам-добродеям* готов подносить *подарки*. Что же до самых влиятельных, способных помогать «в его императорского величества делах», то тут Демидов вел речь не о подарках, а *о благодарности*. Чтобы понять, в чем она могла выражаться, помимо обещания «вечным благодарствием Господа Бога молить», опять же следует обратиться к письмам.

Самые ранние из известных нам писем Демидовых Меншикову относятся к 1722 г. Можно предположить, что к этому времени между ними были уже более-менее прочные контакты. В июле 1722 г. Н. Д. Демидов накануне отбытия «из Москвы в Сибирь» писал светлейшему князю о получении его письма, отправленного из Санкт-Петербурга 1 июля, согласно которому следовало «отданною во владение зятю Вашему» генерал-полицейместеру А. М. Девиеру «в Тульском уезде мельницею мне владеть, а за то владение чтоб мне ему... оброк платить». Демидов так ответил Меншикову: «Над тою мельницею для присмотру приставлю я верного человека, которому хотя довольную в год плату дам, только он будет у той мельницы работать безо лжи и по прошествии года Вашей... светло-

[12] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 561. Л. 219.

сти в том зборе дадим верную записку». Что же до сдачи ее в аренду («в оброк»), то Демидов писал, что перед этим надо понять, сколько она будет приносить прибыли в год[13]. Как результат, самое меньшее до 1724 г. эта мельница находилась под демидовским присмотром, принося доход Девиеру[14].

Далее, в письме от 16 июля 1723 г. Н. Д. Демидов писал Меншикову про кровельное железо:

> «Понеже что, государь, изволил по своей ... светлости говорить мне в Москве о железе, кровельных досках, и оного кровельного железа у нас ныне зделано з дватцеть тысящ пуд и болши и отпущено на стругах, а впредь оного железа делать ли нам или нет и по сколько тысящ пуд в год делать, на сие... повеления себе не имею, а ныне без повеления Вашего оное железо у нас не делаетца... И о деле оных досок впредь как о том Ваша... светлость повелит, и буде оных досок впредь нам делать и поскольку тысящь пуд на год, о том нас пожалуй, государь, по своей... светлости прикажи указом наградить»[15].

Проблема поставок кровельного железа для строящегося Санкт-Петербурга и его окрестностей была достаточно важной и занимала значимое место в письмах Меншикову Геннина, когда последний управлял казенными Олонецкими заводами. Так, 20 августа 1717 г. Геннин извещал Меншикова:

> «Писал ко мне неоднократно здешней лантрат Муравьев о присылке в Санкт-Питербурх крышечных досок, и я преж сего писал до Вашей... светлости, что оные доски, которые зделаны были, все... адмирал [Ф. М. Апраксин. — *М. К.*] взял... А сколькі возможно было промеж государевыми нужнейшими делами зделать крышечных досок, и те отправлены... Я истинно в отправлении крышечных досок тебе... всеусердно радею, токмо нельзя мне тоже государева нужнейшаго дела остановить, а те доски делаютца меж государевым делом».

---

[13] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 568. Л. 3–3 об.

[14] См. об этом: *Накишова М. Т.* Петербургские связи князя А. Д. Меншикова: механизмы функционирования социальных сетей: Дис. ... к. и. н. Екатеринбург, 2022. С. 209–210. Правда, М. Т. Накишова пишет, что Девиер озаботился своей тульской мельницей в августе 1722 г., что является неточностью с учетом того, что о мельнице Меншиков написал Н. Д. Демидову еще 1 июля 1722 г. Историк, цитируя письмо Девиера Меншикову, приводит фразу, согласно которой Меншиков писал «о тулской мелнице об отдаче на оборон к Демидову». В цитату вкралась явная ошибка: Меншиков писал про отдачу не «на оборон», а «на оброк».

[15] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 568. Л. 4–4 об.

В схожем духе Геннин писал о невозможности поставить кровельное железо по просьбе светлейшего князя и 24 августа 1718 г.[16] В этом отношении поставки с демидовских заводов оказывались более приемлемой альтернативой, когда предприниматель был готов пойти навстречу интересам вельможи, чем последний и пользовался. Соответственно, уже А. Н. Демидов с письмом от 15 февраля 1727 г. отправлял Меншикову «для посмотрения один железной лист трехчетвертной, которой полужен только с одной стороны, да один лист от нашей сибирской меди»[17]. Итак, можно утверждать, что Меншиков выстроил взаимодействие с Демидовыми в логике патрон-клиентских отношений, когда покровительство и защита со стороны патрона предполагали благодарность, в т. ч. в виде каких-либо значимых услуг. В случае с Демидовыми это могла быть и помощь в управлении мельницей в районе Тулы, и поставки необходимых «железных припасов». В конце концов, деньги приносили немалые меншиковские владения, в то время как определенные услуги могли представить именно Демидовы.

При этом следует помнить, что это были не отношения равноправных партнеров, а именно патрон-клиентские отношения, предполагавшие асимметрию в положении их участников. Соответственно, Меншиков как патрон отнюдь не был обязан выполнять все просьбы Демидовых. Например, еще 1 сентября 1724 г. Н. Д. Демидов писал Меншикову о своем прошении в Сенат о приватизации Алапаевского завода и просил его «поговорить об оном» с генерал-прокурором П. И. Ягужинским, «дабы он по своей милости учинил вспоможение: ведаю я, что он Вашей светлости послушает, а кроме Вашия... светлости во оном помошника не имею»[18]. Однако и к 1727 г. Демидовым не удалось добиться положительного решения этого вопроса. Не исключено, что Меншиков под напором их настойчивых просьб смог бы в итоге оказать им содействие, однако его падение в сентябре 1727 г. поставило на этих планах крест.

Таким образом, в 1722–1727 гг. между заводчиками Демидовыми и светлейшим князем Меншиковым действовали относительно устойчивые патрон-клиентские отношения, в рамках которых первые рассчитывали на покровительство и защиту своих интересов в отношениях с чиновниками, а второй мог получать необходимые ему услуги, в т. ч. связанные с поставкой материалов, необходимых для строительства в Санкт-Петербурге и его окрестностях. При

[16] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 498. Л. 13–14, 55 об. — 56.

[17] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 568. Л. 12.

[18] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 568. Л. 6 об.

этом такие неформальные отношения, работавшие на их индивидуальные интересы, в итоге ситуативно служили и достижению государственной пользы: Демидовы как талантливые предприниматели вели промышленное освоение новых пространств и наращивали экономическую мощь страны, а новая столица получала те же «железные припасы» (кровельное железо) без отвлечения для этой цели казенных Олонецких заводов, снабжавших военно-морской флот.

Яков Анатольевич ЛАЗАРЕВ
(Екатеринбург)
Старший сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина

Украинская клиентела А. Д. Меншикова

Yakov A. Lazarev

Ukrainian Clientele of A. D. Menshikov

Аннотация: На примере взаимоотношений князя А. Д. Меншикова и его украинских слуг и клиентов планируется показать, как складывалась вотчинная империя светлейшего князя на Гетманской Украине. Объясняется, за счет чего Меншиков и его слуги превратились в важный фактор внутренней жизни этой области. Все это создало условия для интеграции детей казацкой элиты через придворную/военную службу. В статье автор показывает также, каким образом была разрушена вотчинная империя Меншикова и распалась его украинская клиентела.
Abstract: On the example of the relationship between Prince A. D. Menshikov and his Ukrainian servants and clients it is planned to show how the fiefdom empire of the Menshikov was formed in Hetman Ukraine. It is explained why Menshikov and his servants became an important factor in the internal life of Hetmanat. All this created conditions for the integration of the children of the Cossack elite through court/military service. The author also shows how Menshikov's fiefdom empire was destroyed and his Ukrainian clientele disintegrated.

Ключевые слова: А. Д. Меншиков, казацкая элита, неформальные связи, Почепское дело, Д. П. Апостол.
Keywords: A. D. Menshikov, Cossack elite, informal ties, Pochep affair, D. P. Apostol.

История формирования украинской клиентелы Александра Даниловича Меншикова тесно переплетена с созданием вотчинной империи светлейшего князя на Гетманской Украине (в Малороссии). Оказавшись в числе крупных украинских вотчинников в 1709–1710 гг., А. Д. Меншиков активно включился в местную политическую жизнь. В историографии русско-украинских отношений этот аспект подается в довольно негативном ключе: Меншиков выступает в качестве хищного и коварного царедворца, который занимался разорением Гетманской Украины. Действиям Меншикова якобы способствовала и политика правительства Петра I, стремившегося к ослаблению гетманской власти и полной ликвидации автономии региона[1]. Описанный выше образ царского фаворита своими корнями уходит в анонимный памфлет начала XIX в. «История русов», впоследствии он перекочевал и в академические работы[2]. В этом образе смешались невероятные домыслы о коварстве Меншикова, интриговавшего против казацких гетманов (И. С. Мазепы и И. И. Скоропадского), и реальные исторические факты. Из статей С. М. Троицкого историки знают, каких размеров достигла вотчинная империя Меншикова и какие она приносила ему доходы, правда, после 1725 г.[3] Благодаря работам А. М. Лазаревского и Н. И. Павленко невозможно отрицать криминальные эпизоды в деятельности Меншикова, связанные с Гетманской Украиной. В результате земельного конфликта с гетманом И. И. Скоропадским, известного как «Почепское дело», вскрылись значительные эпизоды незаконного присвоения земельной собственности. Меншиков в 1723–1725 гг. оказался под очередным следствием, которое грозило ему самыми серьезным последствиями[4]. От перспективы тюрьмы светлейшего князя спасла только смерть Петра I. Несмотря на серьезные историографические наработки, практически неизученными

---

[1] Т*аирова-Яковлева Т. Г.* Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М., 2011; *Она же*. Украинские земли в Новое время (середина XVI–XIX вв.) // История Украины. СПб., 2015.

[2] История русов или Малой России. М., 1846. С. 221–235.

[3] *Троицкий С. М.* Районирование форм феодальной ренты в крупной вотчине России в первой четверти XVIII в. (по архиву князя А. Д. Меншикова) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы (1968 г.). Л., 1972. С. 116, 118; *Он же.* Хозяйства крупного сановника России в первой четверти XVIII века (по архиву князя А. Д. Меншикова) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 220, 225.

[4] *Лазаревский А. М.* Описание старой Малороссии: материалы для истории заселения, землевладения и управления. Т. I. Полк Стародубский. Белые Берега, 2008; *Павленко Н. И.* Петр Великий. М., 1990; *Он же.* Меншиков. М., 2005.

оказались взаимоотношения Меншикова со своей вотчинной администрацией и местной казацкой элитой в 1709–1727 гг., в результате реконструкции которых стала бы понятна подлинная картина действий Меншикова на Гетманской Украине.

Сложившаяся историографическая ситуация удивительна тем, что документов по выбранной теме (первая треть XVIII в.) сохранилось великое множество. Автора настоящей статьи в первую очередь интересовали документы эпистолярного характера, в которых были зафиксированы контакты Меншикова и его украинских клиентов.

Первые попытки А. Д. Меншикова построить свою украинскую клиентелу относятся к последним годам гетманства И. С. Мазепы (1687–1708). Меншиков стремился выстроить взаимовыгодные отношения как с самим Мазепой, так и с его подчиненными, например: миргородским полковником Д. П. Апостолом, генеральным есаулом И. И. Скоропадским, гетманским канцеляристом И. Ф. Чарнышем.

С именем последнего связан и особо дерзкий поступок любимца Петра I — попытка продвинуть на вакантный пост стародубского полковника (своего клиента) в обход гетмана, у которого, в свою очередь, был собственный кандидат — его племянник А. Войнаровский. Подобный поступок вызвал недовольство Мазепы, который задействовал все свое влияние, чтобы не допустить назначения Чарныша. Влияние Мазепы зиждилось на том, что и он, и Меншиков входили в круг доверенных лиц Петра I, именно поэтому гетману удавалось замыкать на себя практически все неформальные контакты и успешно купировать альтернативные каналы[5]. Неслучайно без каких-либо проволочек Мазепе были выданы на расправу известные своими доносами на него В. Л. Кочубей и И. И. Искра. Сложившиеся неформальные связи были разорваны поздней осенью 1708 г. В самый разгар тяжелейшей для России Северной войны (1700–1721) Мазепа решил сделать ставку на шведского короля.

Поступок Мазепы развязал руки Меншикову. Первые месяцы после измены стали тем временем, когда просители одолевали Меншикова, в котором они видели чуть ли не единственного защитника от царского гнева, а другие пользовались случаем, чтобы получить желаемую должность и/или землевладения, а также защиту от недоброжелателей[6]. Среди тех, кто искал покровительства у Меншико-

[5] *Киселев М. А., Кочегаров К. А., Лазарев Я. А.* Патроны, слуги и друзья: русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Екатеринбург, 2022. С. 46–108.

[6] *Киселев М. А., Кочегаров К. А., Лазарев Я. А.* Указ. соч. С. 158–162.

ва, был и новый гетман И. И. Скоропадский со своей родней. Гетман поддержал царскую инициативу о награждении Меншикова и ряда других российских сановников, которое состояло в получении ими землевладений на Гетманской Украине в 1709–1710 гг. В гетманском универсале, появившемся через две недели после Полтавского сражения — 9 июля 1709 г., отмечалось следующее:

> «И самую малороссийскую нашу отчизну от наступления неприятельскаго премудрим и благомыслительным своим радением многодружне его княжая светлость защищати и оборонити тщился и всеконечным ко избавлению тоей же Малой Росии, отчизны нашой, от неприятели неотложное, овшем прилежное имеючи старание, особливо целонадежным по Бозе монаршим царского величества щастием, а предводительною и храброю ковалерских комменди своей войск отвагаю до сромотной того ж помененного неприятеля шведа з совершенным его всей армии разгромлеием и разорением... в малом числе з Украйны прогнал»[7].

Таким образом официально санкционировалась передача городов Почепа и Ямполя с округой во владение светлейшему князю, а местное население (кроме казаков) переходило в подданство, т. е. крепостную зависимость. Подчеркивалось, что переданные земли некогда принадлежали самому гетману, следовательно, речь могла идти и о своеобразном даре, который был поднесен Меншикову со стороны гетмана. В отношении своего «велце милостивого благодетеля» гетман пошел дальше и в нарушение законов казацкого самоуправления передал в крепостную зависимость (подданство) казаков Почепской сотни Стародубского полка. Эту просьбу гетман стремился «вашому княжому свѣтлѣйшеству охочо скутком исполнити тщихся», после чего пожелал Меншикову «щасливе, благополучно и долголѣтно ними владѣти»[8]. Затем долгие годы Скоропадский не реагировал на жалобы казаков, указывавших на злоупотребления вотчинной администрации Меншикова.

В рамках сложившейся особой «приязни» гетман через Меншикова пытался решать общеукраинские («дела войсковые публичные») и свои частные вопросы («приватние домовие интересы» / «дела мои приватные»)[9].

Расположение гетмана позволило светлейшему князю выстроить серьезную вотчинную империю, центром которой стал Почеп, а

---

[7] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1709 г. Д. 41. Л. 1 об.

[8] НИА СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3785. Л. 2.

[9] *Киселев М. А., Кочегаров К. А., Лазарев Я. А.* Указ. соч. С. 161–168.

затем крепость Александрополь, построенная недалеко от города в 1720 г. Меншиков не удовлетворился полученным пожалованием — его амбиции простирались почти на треть Стародубского полка, являвшегося, по сути дела, доменом Скоропадских. Однако расположение гетмана до поры до времени играло на усиление позиций светлейшего князя в регионе. Он выступал в качестве арбитра в спорах между казацкими старшинами или же своим «охоронным листом» предоставлял защиту малороссиянам, усиливал действие царских и гетманских распоряжений, которые не спешили выполнять казацкие власти или местные землевладельцы.

Важную роль в организации вотчинной империи Меншикова и взаимодействии с местным населением играла вотчинная администрация, составленная по преимуществу из местных кадров, которые оказались не у дел в казацких органах власти. Среди них мы найдем, например, знатного войскового товарища А. П. Гудовича, который в 1710 г. лишился сотнического уряда в Баклане и вынужден был пойти в услужение к Меншикову. У светлейшего князя Гудович дослужился до самой высокой вотчиной должности — коменданта (управителя) Почепа. Именно от него будет вести свою генеалогию графский род Гудовичей, из которого выйдут А. В. Гудович, фаворит Петра III, и генерал-фельдмаршал И. В. Гудович, будущий покоритель Кавказа. Что же касается А. П. Гудовича, то он был верным исполнителем воли Меншикова, а также принимал деятельное участие в политических акциях своего патрона. Например, при участии Гудовича была подготовлена коллективная челобитная от стародубских полчан на имя Петра I. Ее целью было назначение на вакантное стародубское половничество клиента Меншикова Ф. И. Протасьева, резидента при гетманском дворе. Акция закончилась ничем, т. к. резидент посчитал излишней подобную инициативу, заверяя свое начальство в Коллегии иностранных дел, что к этому не имеет никакого отношения[10]. Помимо этого, Меншиков и его управленцы, обладая серьезными силовыми ресурсами, в первую очередь пытались договориться с местными землевладельцами относительно продажи недвижимости и/или перехода в крепостную зависимость[11].

Режим наибольшего благоприятствования в отношении вотчиной империи Меншикова продолжался до тех пор, пока гетман

[10] РГАДА. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1806. Л. 359–360.

[11] *Філіпова Г.В.* Історико-пам'яткознавчий вимір об'єктів культурної спадщини Центральної та Північної Гетьманщини: наслідки діяльності російських урядовців (1690–1765 рр.): Дис. ... канд. істор. наук. Київ, 2018. С. 261, 264.

Скоропадский не породнился с соратником Петра I П. А. Толстым, руководителем Тайной канцелярии. В 1718 г. была сыграна свадьба между П. П. Толстым и гетманской дочерью Ульяной. Одним из результатов этого союза стало назначение в 1719 г. П. П. Толстого на Гетманскую Украину в качестве нежинского полковника. Гетман стал постепенно выходить из орбиты влияния Меншикова. Прежний «нижайший слуга» оказался уже не тем уступчивом клиентом, когда речь зашла об официальном (законодательном) признании земельных захватов, осуществленных Меншиковым. Никто не хотел идти на уступки: гетман — на предложение о размене спорных территорий, а Меншиков — на отказ от территориальных претензий на Гетманской Украине. Земельный спор должна была решить стандартная для Российского государства процедура — межевание. Оно состоялось в 1720 г., а затем его повторяли и уточняли в 1721–1724 гг.

В ходе межевания спорных земель во всей красе проявила себя украинская клиентела Меншикова. Вотчинная администрация не чуралась никаких средств, чтобы дать необходимый результат своему патрону. А. П. Гудович и его помощник казак Стародубского полка Я. Илейко использовали силовые методы для принуждения недовольных и населения спорных территорий к сохранению или принятию подданства. В некоторых случаях к этому привлекались даже великороссийские солдаты и драгуны. Действия вотчинной администрации облегчали фальсификацию межевания другому клиенту Меншикова — дьяку И. Р. Лосеву, ответственному за проведение данной процедуры в 1720 г.

Явные нарушения не могли оставить равнодушным казацкого гетмана. Он вместе лояльными ему старшинами стал готовить челобитную против светлейшего князя и для ее продвижения использовал своего влиятельного родственника П. А. Толстого. Последний, в свою очередь, стремился создать антименшиковскую коалицию внутри ближайшего окружения царя (Ф. М. Апраксин, А. В. Макаров, П. П. Шафиров), дабы обеспечить соблюдение законности при проверке результатов межевания. Тамим образом, рядовое земельное межевание вышло на самый высокий уровень[12].

Первоначально все складывалось в пользу А. Д. Меншикова. Обо всех действиях оппозиции на Гетманской Украине ему сообщали его вотчинные администраторы и казацкие старшины, искавшие милости у светлейшего князя (С. Соболевский, К. Янжул).

[12] *Киселев М. А., Кочегаров К. А., Лазарев Я. А.* Указ. соч. С. 168–192.

Выбранный сенаторами для проверки «почепской межи» в 1721 г. глуховский комендант Б. Г. Скорняков-Писарев, несмотря на свою репутацию честного человека, оказался верным слугой Меншикову и всячески потворствовал своему патрону при проведении повторного межевания, привлекая к суду активных участников антименшиковской оппозиции.

Все это заставило престарелого гетмана лично отправиться в Санкт-Петербург искать правды у Петра I, недавно победоносно закончившего Северную войну. В ходе разбора данного конфликта Петр встал на сторону гетмана и Толстых. Монарх был разочарован действиями своего недавнего фаворита, определив к проверке предыдущих межеваний С. Давыдова. Почепское межевание показало и изъяны казацкого самоуправления, когда голос рядового казака мог быть задавлен местными старшинами (включая гетмана), и тогда Петр повелел создать в дополнение к гетманской власти Малороссийскую коллегию. Во главе нового учреждения встал С. Л. Вельяминов, который должен был всячески помогать Давыдову. К слову, обоих чиновников Меншикову не удалось склонить на свою сторону. Благодаря деятельности Давыдова вскрылись злоупотребления межевщиков — И. Р. Лосева и Б. Г. Скорнякова-Писарева, которые в начале 1723 г. были арестованы и осуждены по т. наз. «Почепскому делу», рассматривавшемуся в Вышнем суде. (Данное учреждение было создано Петром I специально для рассмотрения злоупотреблений крупных сановников империи, сам же монарх являлся его председателем.) Члены этого суда, недавние друзья и знакомцы Меншикова, предъявили первые доказательства вины светлейшего князя[13].

Некоторая надежда избежать серьезных последствий появилась у Меншикова в том же 1723 г. Она была связана с двумя персонами — черниговским полковником П. Л. Полуботком и миргородским полковником Д. П. Апостолом. Появление Малороссийской коллегии, наделенной контролирующими полномочиями, затронуло материальные интересы правящего класса Гетманской Украины, злоупотреблявшего своей властью. Избавление от этого учреждения виделось в восстановлении института гетманства. В борьбу за гетманскую булаву включились Полуботок и Апостол. На тот момент Полуботок являлся главой Генеральной войсковой канцелярии — учреждения, управлявшего регионом после смерти гетмана летом 1722 г. вместе с Малороссийской коллегией. Меншиков по-

[13] Там же. С. 193–264.

мог Полуботку и его соратникам в доведении до монарха жалоб на деятельность Малороссийской коллегии, чей президент не всегда разбирался в местных реалиях. В благодарность за помощь в дискредитации коллегии Полуботок заверял своего покровителя в том, что поспособствует нужному проведению межевания, которое контролировал С. Давыдов. Помимо этого, Полуботок надеялся на то, что через Меншикова и расположенную к нему императрицу Екатерину сможет убедить монарха в необходимости восстановления гетманства и избрания на этот пост собственной персоны.

Однако Меншиков был уже не в прежнем фаворе и находился под новым серьезным следствием, к тому же Петра возмущало, что на него давят в обход установленных процедур и просят восстановить дискредитированный институт власти. На беду Полуботка на Гетманской Украине были задержаны два запорожских казака, которые среди прочего объявили о желании черниговского полковника изменить царю и уйти к турецкому султану. После того как эти слухи достигли столицы, Полуботок и его соратники были арестованы и оказались под следствием в Вышнем суде. В ходе следствия измена не была подтверждена, но вскрылись многочисленные факты злоупотреблений казацкого лидера, включая подкуп российских чиновников и заказное убийство. Выяснение всех обстоятельств затянулось до 1725 г. К этому моменту Полуботок уже скончался в Петропавловский крепости (в декабре 1724 г.). Так окончил свои дни несостоявшийся марионеточный гетман[14].

Борьба за гетманскую булаву после смерти Скоропадского показала, что среди украинской казацкой элиты не было единства. Миргородский полковник Д. П. Апостол в силу своего возраста и опыта считал себя более достойным кандидатом на гетманство. Свои политические амбиции Апостол также стремился реализовать через Меншикова. Полковник являлся одним из давних его клиентов на Гетманской Украине и был ключевым информатором в регионе, через которого светлейший князь узнавал о многих событиях внутри региона и на его границах, например: о скорости и качестве мобилизаций украинских казаков и имевшихся проблемах в данной сфере[15]. В 1723 г. им и его соратниками были подготовлены т. наз. «Коломакские статьи», содержание которых должно было убедить Петра I в необходимости восстановления гетманства. Неудача инт-

[14] См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 110. Д. 160.

[15] См. публикацию писем Д. П. Апостола в: *Киселев М. А., Кочегаров К. А., Лазарев Я. А.* Указ. соч. С. 940–952, 961–965, 969–975, 978–979.

риги Полуботка бросила тень и на Апостола, также арестованного — «на всякий случай». Однако Меншиков не бросил своего клиента и всячески поддерживал его во время заключения.

Впоследствии, в 1727 г., Меншиков, войдя в силу при малолетнем Петре II, все же добьется реставрации гетманства и избрания гетманом престарелого Апостола, устранив на своем пути давних оппонентов — Толстых. Одновременно с этим Меншиков настоял на официальном обручении своей дочери с Петром II и готовился стать царским тестем. На глазах современников рождался подлинный «полудержавный властелин» и патрон всей Гетманской Украины. Ликовал по этому поводу и Апостол. В своем письме от 27 июля 1727 г. без пяти минут гетман, поздравляя Меншикова по случаю грядущей свадьбы его дочери, Апостол писал: «А вѣрному слузѣ нѣсть болѣе того веселиа, яко егда о своем патрону и о благодѣтельном домика своего протекторови щасливие помислние и всему свѣту славимие отбирает всегда ведомости»[16]. Но плоды своего триумфа Меншикову не удалось лицезреть. В конце сентября 1727 г. Апостол был официально избран гетманом, но в это время гетманский патрон был низвергнут и со всем семейством отправлен к месту первой ссылки — в Раненбург.

В заключение следует особо отметить, что с именем Меншикова связаны не только налаживание максимально широких неформальных связей на Гетманской Украине, но и первые шаги по интеграции казацкой элиты через придворную/военную службу. Это было достигнуто довольно интересным образом. Отпрыск казацкой элиты, сын полковника Д. П. Апостола Петр — будущий лубенский полковник — впервые в истории русско-украинских неформальных связей оказался в услужении великороссийской персоны — светлейшего князя. Инициатором этого был сам Д. П. Апостол, который хотел, чтобы его сын служил влиятельнейшему великороссиянину. В письме полковника к светлейшему от 29 мая 1720 г. это подчеркивалось следующим образом: «...ординую сына моего Петра на угодние до боку вашего княжого свѣтлѣйшества услуги, которого во всемилостивую единонадежного моего патрона ласку и добродѣйское отдаю призриние». После этого Апостол в этикетной уничижительной манере просил своего высокого патрона не быть строгим к сыну из-за несовершенства его манер («нем в манѣрах людцкости и обичаях полѣтичних»), а «простие его поступки вменял бы ваше свѣтлѣйшество в поважное свое вибаченя, бо до волѣ

[16] Цит. по: *Киселев М. А., Кочегаров К. А., Лазарев Я. А.* Указ. соч. С. 985–986.

извѣстно есть <...>, же при так высоких лицах и великих монархов дворах нѣгде не обриталися, только в отцевеком дому до селѣ жизнь свою провадил»[17]. В качестве прислужника и посредника П. Д. Апостол пробыл при Меншикове до 1726 г., после чего вернулся на родину, где, как уже упоминалось, стал лубенским полковником.

После себя П. Д. Апостол оставил очень интересные дневниковые записки, написанные по-французски, которые были опубликованы в русском переводе еще в конце XIX в. Из них мы узнаем, кто из казацкой элиты встречался с Меншиковым, как происходила координация их действий. Данные записки существенным образом дополняют известную публикацию «Повседневных записок делам князя А. Д. Меншикова» (2000), в которых эти сюжеты попросту отсутствуют. Другой интересной деталью, подчерпнутой из дневниковых записок П. Д. Апостола, являются описания его покупок. По их содержанию мы можем судить о характере европеизации этого меншиковского придворного. Так, для своего интеллектуального досуга Апостол покупал различные книги на французском и итальянском языках. Также закупались им материалы для пошива европейского платья, которое войдет в моду на Гетманской Украине только во второй половине XVIII в., и то далеко не сразу, а также другие атрибуты европейской моды, например парики, за состоянием которых он тщательно следил[18]. Можно предположить, что возвращение на Гетманскую Украину привело к утрате «манер люцкости». Однако это было не так. В 1740 г. руководитель Правления гетманского уряда Я. В. Кейт (говоривший и писавший только по-французски) сообщал вице-канцлеру А. И. Остерману следующее о своем пребывании в регионе и состоянии местных кадров: «Если бы я мог иметь лубенского полковника Апостола в качестве заседателя, это мне была бы большая помощь по причине языка»[19].

Остается только гадать, как бы осуществлялись развитие украинской клиентелы А. Д. Меншикова и сопутствующая интеграция казацкой элиты, если бы не падение светлейшего князя в ходе придворной борьбы. С арестом и ссылкой некогда всесильного вельможи распалась его вотчинная империя, отписанная на государство, а вместе с ней и украинская клиентела.

---

[17] См. публ. в: *Киселев М. А., Кочегаров К. А., Лазарев Я. А.* Указ. соч. С. 940.

[18] Дневник Петра Даниловича Апостола (май 1725 г. — май 1727 г.) // Киевская старина. 1895. № 7–8. Отд. 2. С. 100–155.

[19] Цит. по: *Киселев М. А., Кочегаров К. А., Лазарев Я. А.* Указ. соч. С. 334.

Искра ШВАРЦ
(Вена, Австрия)
Профессор Института восточноевропейской истории Венского университета

А. Д. Меншиков — граф и светлейший князь Священной Римской империи

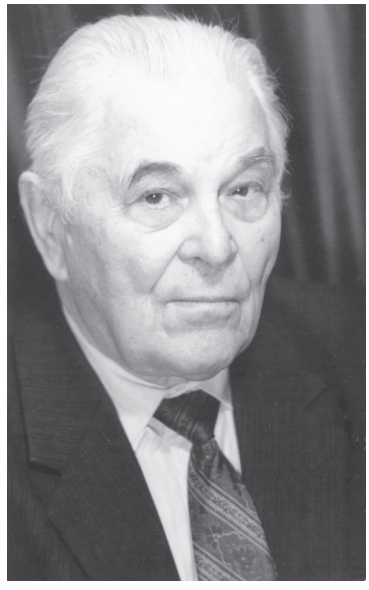
Iskra Schwarcz

A. D. Menshikov — Count and His Serene Highness Prince of the Holy Roman Empire

Аннотация: В статье дается короткий обзор дошедших до нас документов из австрийских архивов о пожаловании дворянских титулов императоров Священной Римской империи А. Д. Меншикову и другим сподвижникам Петра I из его близкого окружения. Особое внимание уделяется следующим вопросам: кто были эти люди, каков был порядок выдачи дипломов и какие именно титулы получил Меншиков от императоров Леопольда I и Иосифа I.
Abstract: The article gives a short overview of documents that have come down to us from the Austrian archives about the granting of noble titles by the Holy Roman Emperors to A. D. Menshikov and other associates from the close circle of Peter the Great. Special attention is paid to the questions who these people were, what was the procedure for issuing diplomas, and what exact titles did Menshikov receive from the emperors Leopold I and Joseph I.

Ключевые слова: Петр I, А. Д. Меншиков, титул, Леопольд I, Иосиф I.
Keywords: Peter the Great, A. D. Menshikov, Title, Leopold I, Joseph I.

24 ноября 1981 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова состоялась защита моей диссертации, посвященной московскому летописа-

Илл. 1. Н. И. Павленко (1916–2016). https://upload.wikimedia.org

нию и формированию самодержавия в России[1]. После защиты ко мне подошел член диссертационного совета Н. И. Павленко, чтобы поздравить и поговорить о будущих планах. Павленко посоветовал заниматься изучением не только Московского государства, но и эпохи Петра I и подарил мне свой новый труд о жизни А. Д. Меншикова[2] (илл. 1,2,3). Я улыбнулась и сказала, что постараюсь. С годами, кажется, исполнила свое обещание, но яркая и противоречивая личность Меншикова всегда оставалась на втором плане, хотя среди сподвижников царя он, бесспорно, занимал «первое место и по талантам, и по реальному вкладу в преобразования» петровской эпохи[3]. Фаворит Петра I регулярно упоминался в депешах австрийского резидента Плейера[4], в венских газетах и других австрийских источниках, но какую роль он играл в российско-австрийских отношениях времен Петра I, например, в событиях, связанных с бегством царевича Алексея в Вену, — этот сюжет до сих пор мало исследован в историографии.

Для Петровского конгресса, посвященному 350-летию со дня рождения Меншикова, я подготовила короткий обзор австрийских архивных документов, касающиеся дворянских титулов Меншикова и других сподвижников Петра I. Выбор пал на эту тему, поскольку, во-первых, она не рассматривается в публикации Павленко, хотя является важной частью проблемы преобразования государ-

[1] *Илиева И. Й.* Роль Московского летописания второй половины XV — первой трети XVI века в формировании идеологии самодержавия. Дис. к. и. н. М., 1981.

[2] *Павленко Н. И.* Александр Данилович Меншиков. М., 1981.

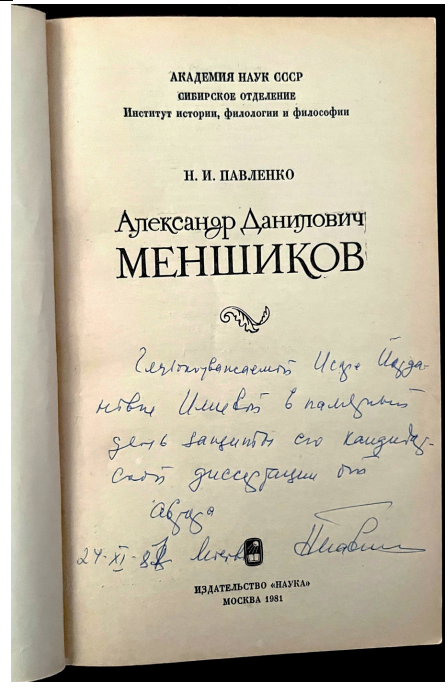
[3] Там же. С. 189.

[4] Отто Антон Плейер был дипломатическим представителем при русском дворе с 1692 по 1718 г.

[5] Присвоение титулов только упоминается. *Павленко Н. И.* Указ. соч. С. 10, 34.

Илл. 2. Труд Н. И. Павленко «Александр Данилович Меншиков». Фото автора.

Илл. 3. Автограф Н. И. Павленко в честь защиты диссертации И. Илиевой-Шварц. Фото автора.

ства и государева двора[5], и, во-вторых, во многих работах титулы фаворита царя рассматриваются сами по себе, без сравнительного анализа с другими дворянскими титулами, пожалованными австрийскими императорами[6]. Открытыми остаются вопросы: кто эти люди из окружения Петра? за какие заслуги они получили титулы от императоров Священной Римской империи? В политике царя чаще всего прослеживается определенная стратегия. Имеем ли мы дело здесь с целенаправленной политикой, долгосрочной программой Петра I, в которой дипломы Меншикова являются частью его общей стратегии? И еще одна причина, по которой данное исследование представляется актуальным: до сих пор в литературе отсутствует ясность, кто, когда и каким титулом был награжден. Приведем как пример цитату, касающуюся Меншикова:

> «Награды, получаемые Меншиковым, были не только военными. Еще в 1702 году он, по ходатайству Петра, пожалован был титулом графа Священной Римской империи. Грамотой римского императора Леопольда I, от 19 (30) января 1705 года, генерал от кавалерии, Римской империи граф Александр Данилович Меншиков возведён, с нисходящим его потомством, в княжеское Римской империи достоинство»[7].

В этих нескольких строках — ряд ошибок. Я отмечу только две из них: во-первых, Меншиков был пожалован титулом «светлейшего князя» Священной Римской империи не 19 (30) января 1705 г., а 21 января 1706 г., год спустя, и, во-вторых, к этому времени правил не император Леопольд I, а его сын Иосиф I, который занял престол после смерти отца.

В данной работе я хочу остановиться на двух вопросах: почему люди из близкого окружения царя получили от императоров Священной Римской империи титулы «барон», «граф», «князь» и «светлейший князь», и какие именно титулы получил Меншиков от Леопольда I и Иосифа I.

Проводя масштабные реформы для преобразования страны, Петр I уделял особое внимание дворянскому сословию, видя имен-

---

[6] *Калязин Е. А., Ефимов С. В.* Дворянские дипломы и гербы Александра Меншикова // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700–1762). Сборник материалов. Вып. 1. СПб., 2002: [Электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700–1720/Mensikov_A_D/dvor_diplomy_1706.htm (дата обращения: 30.10.2023).

[7] Меншиков, Александр Данилович: [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Меншиков,_Александр_Данилович#cite_note-20 (дата обращения: 30.10.2023).

но в нем ту силу, которая могла оказать ему реальную помощь в реформенной политике[8]. Как известно, дворянство в Московском государстве, в отличие от европейского, было не титулованное, т. е. не имело родовых титулов. Единственным широко распространенным титулом был княжеский, который передавался по наследству. В то же время в стране имелось немало представителей иностранных родов, которые перешли на русскую службу, уже имея европейские титулы, такие как граф и барон, или стали подданными России при завоевании прибалтийских земель, на территориях которых эти титулы широко применялись. Одновременно при государевом дворе наблюдалась тенденция наряду с русскими наименованиями чинов для принятых на службу иностранцев употреблять европейские: лейб-медик, камердинер, паж, камергер, камер-юнкер и др., и эти названия постепенно стали вытеснять традиционные русские. Однако новые европейские титулы и чины были введены не так быстро.

Сам процесс начался в конце XVII века, но только Табель о рангах, подписанная Петром 24 января 1722 г., создала новую иерархию придворных чинов[9]. Для реализации нормы Табели был учрежден особый департамент — Герольдмейстерская контора при Сенате, задачей которой была организация дворянской службы и надзор за военной и гражданской службой дворян. Контора стала и тем органом, который следил за чистотой корпуса русского дворянства и решал, кого следует признать дворянином, а кого нет[10]. Наряду с этим, на Герольдмейстерскую контору была возложена обязанность составлять гербы.

Н. А. Соболева считает, что вопрос о гербах при перечислении дел герольдмейстера имел для Петра I второстепенное значение, и это особенно заметно в его инструкции, опубликованной 5 февраля 1722 г[11]. Согласно ей, последней обязанностью герольдмейстера было разобраться в вопросе составления гербов по правилам ге-

[8] *Рогоза В.* Российское дворянство. Как в стране формировалось высшее сословие? Ч. 2: [Электронный ресурс]. URL: https://www.shkolazhizni.ru/culture/articles/38282/ (дата обращения: 30.10.2023).

[9] См.: *Агеева О. Г.* От царского Государева двора к императорскому двору XVIII в.: эпоха Петра I // Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения: Материалы Международной научной конференции РИО, ИРИ РАН, СПбИИ РАН. М.; СПб., 2022. С. 26.

[10] *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 266–267.

[11] *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 36–37.

ральдики. Царь предполагал прежде всего познакомиться с иностранными гербовниками, однако не заимствовать гербы напрямую оттуда, а «изобретать» новые согласно родословным знатных родов[12]. Царя очень беспокоило самовольное присвоение гербов в России, которое означало возведение в ранг дворянина человека, который не был таковым по рождению и которому это звание не было пожаловано самим царем[13]. В черновом варианте Табели о рангах при рассмотрении вопроса о принципах владения гербом подчеркивалась невозможность получения дворянства иным путем, кроме как в результате пожалования монархом[14].

Первым, кто получил должность и звание герольдмейстера, был стольник Степан Андреевич Колычев. В «товарищи» к нему был назначен 12 апреля 1722 г. по личному указу царя геральдист из Пьемонта граф Франческо Санти, с которым Петр познакомился в Амстердаме в 1717 г. Считается, что Санти заложил основы русской геральдики[15]. Это то, что нам известно из публикаций Е. В. Анисимова, О. Г. Агеевой, Н. А. Соболевой и других историков, но как все начиналось?

В процессе создания единого служилого дворянского сословия Петр I шел разными путями: с одной стороны, искал возможности для поднятия авторитета своих ближайших соратников на международной арене, стремясь к унификации чинов и титулов русского двора по примеру дворов европейских, а с другой — стремился повысить в России статус своих сподвижников, которые выдвинулись из низов общества, уравнивая их с представителями других русских сословий. Для начала Петр решил обратиться к опыту других стран, где право персонального возведения в дворянское достоинство принадлежало монарху. (Так, император Священной Римской империи «в роли универсального главы христианского европейского мира» мог присваивать дворянские титулы и даже признавать и утверждать титулы и достоинство королей[16].) Видимо, первые шаги на этом пути были предприняты Петром во время Великого посольства.

---

[12] *Соболева Н. А.* Старинные гербы Российских городов. М., 1985. С. 46.

[13] Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика... С. 38.

[14] Там же. С. 38, ссылка 109.

[15] Там же. С. 39–41.

[16] *Флоровский А. В.* Страница истории русско-австрийских дипломатических отношений XVIII в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину / Отв. ред. *В. Т. Пашуто*. М., 1972. С. 394.

Изучая архивные дела, я пришла к выводу, что точкой отсчета можно считать пребывание посольства в Вене и ходатайство Петра I перед австрийским императором о нобилитации брата Франца Лефорта, бургомистра Женевы Амадеуса (Ами) Ле Форта (Ami Le Fort, 1642–1719)[17]. Когда и как это произошло, мы не знаем. Возможно, планы вынашивались раньше, еще в январе — марте 1698 г., в Амстердаме и Лондоне, куда приезжали из Женевы члены семьи Лефорта, чтобы повидаться с Францем и быть представленными Петру I[18]. М. Поссельт считает, что инициатива нобилитации принадлежала самому Лефорту, который «поставил перед собой задачу добиться того, чтобы его брат Ами получил признание со стороны императора за многие его заслуги»[19]. Но вряд ли все это могло произойти без ведома и поддержки царя, который, хотя и находился в Вене инкогнито, не раз встречался с императором Леопольдом I и другими представителями Венского двора. Нам известно только, что перед отъездом из Вены адмирал Лефорт попросил своего племянника Петра Лефорта, который находился в составе Великого посольства в должности секретаря[20], написать в Женеву отцу, что он, Лефорт, «предпринял необходимые шаги»[21].

Итак, 22 декабря 1698 г. в рыцарское достоинство были возведены императором Леопольдом I не только бургомистр Женевы Амадеус Ле Форт, но и его сыновья: уже упомянутый секретарь посольства Петр (Petrus antementionata Moscovitica Legationis Secretarius), его старший брат Людвиг, советник Сената Женевы (Ludovicus le Fort suprem Genevensis Senatus Consiliarius), а также младшие братья Йохан Амадеус и Исаак Ле Форт (minores duo filij Joannes Amadeus

---

[17] Семья Лефорт. Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого: Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / Под ред. *В. С. Ржеуцкого и Д. Ю. Гузевича*. М., 2019. С. 416–417.

[18] Там же. С. 417. Ср.: *Posselt M.* Der General und Admiral Franz Lefort: Sein Leben und seine Zeit: 2 Bde. Bd. 2. Frankfurt am Main: Joseph Baer, 1866. S. 459–465, 471–476.

[19] Ibid. S. 500.

[20] О Петре Лефорте: Лефорт, Петр Богданович // Иностранные специалисты... С. 434–439.

[21] Posselt M. Op. cit. S. 500.

22 AT-OeStA/AVA Adel RAA 243.42. Lefort, (Fort, Le), Amadeus, Bürgermeister zu Genf, und seine Söhne Ludwig, Rat des Senates zu Genf, Peter, Sekretär der kaiserlichen Gesandtschaft zu Moskau, Johann Amadeus, und Isaak, Ritterstand und Panierherrnstand, “de Fort”, Wappenbesserung. 22. Dezember 1698. Fol. 8.

et Jsac le Fort)[22]. Среди аргументов для получения титула в акте особо упоминается деятельность Франца Лефорта, который прославился своими великими делами как главнокомандующий сухопутной и морской армией московского царя и как его чрезвычайный и полномочный посол в Вене[23].

Все вышеупомянутые лица из семьи Лефорта получили от Леопольда I герб, который отражал символику империи Габсбургов: он представлял собой пересеченный щит, в верхней лазоревой части которого был помещен золотой слон с опущенным хоботом, на нем — попона с черным двуглавым имперским орлом, а на спине — крепость из трех башен в золоте; в качестве нашлемника — черный двуглавый имперский орел[24]. Герб с изображением слона с пальмой на спине использовался и раньше пьемонтской ветвью семьи Ле Форт, но в конце XVII в. Франц Лефорт стал употреблять не старый, а новый герб со слоном и башней. Такое изображение герба, например, помещено под гравированным портретом адмирала, сделанным за год до его смерти[25] (илл. 4, 5, 6).

Следующим приближенным Петра, который по просьбе царя был возведен в дворянский чин Империи и получил графское достоинство, был известный дипломат и первый канцлер России Федор Алексеевич Головин. В Великом посольстве Головин занимал второе место после Лефорта, с которым его уже много лет связывала тесная дружба. В 1699 г. Головин стал генерал-адмиралом, а год спустя — первым российским генерал-фельдмаршалом. В акте упомянуты все его заслуги и чины: губернатор Сибири, императорский российский действительный тайный советник, великий канцлер, генерал-адмирал, носитель ордена Андрея Первозванного (Gouverneur von Sibirien, kaiserlich russischer wirklicher geheimer Rat, Großkanzler, Großadmiral, Andreasordensritter)[26]. В литературе часто

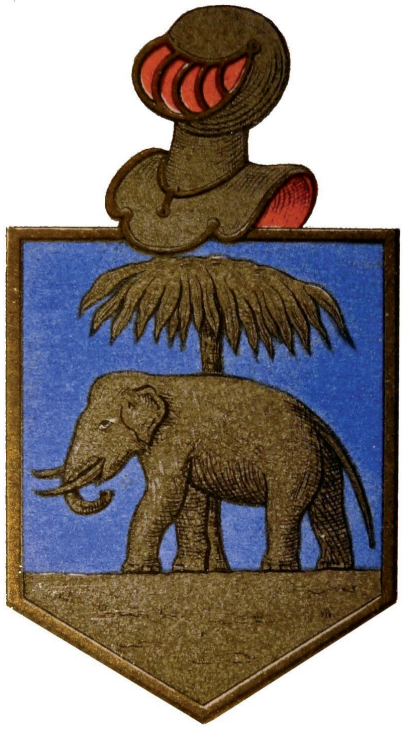
[23] Ibid. Fol. 6, 8.

[24] Ibid. Fol. 7. Ср.: Пашков М. М. Геральдика рода Лефорт по западноевропейским источникам. // Герб и символ: научные исследования / Сб. науч. ст. под ред. И. М. Афонасенко: [Электронный ресурс]. URL: https://gerboved.ru/pdf/Pashkov-2022-Lefort-pp66–72.pdf (дата обращения: 30.10.2023).

[25] Гравюра Питера Шенка старшего. URL:.

https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/4/4c/Лефорт_Франц._Грав._1698г_5e43c23f85600a7e49569c64.jpg (дата обращения: 30.10.2023).

[26] AT-OeStA/AVA Adel RAA 134.5. Gallowyn (Gallovyn, Golowyn, Gollowyn, Gollouin, Golowin), Theodor Alexiewitsch, Gouverneur von Sibirien, kaiserlich russischer wirklicher geheimer Rat, Großkanzler, Großadmiral, Andreasordensritter, Grafenstand, “Hoch-und Wohlgeboren”, Wappenbesserung. 16. November 1702. Fol. 1–21.

Илл. 4. Герб семьи Лефорт.
https://upload.wikimedia.org

Илл. 5. Герб Амадеуса Ле Форта
и его сыновей. Фото автора.

Илл.6. Питер Шенк старший.
Франц Яковлевич Лефорт. Гравюра. 1698.
https://upload.wikimedia.org

ошибочно указывается 5 (16) ноября 1701 г. как дата возведения Головина в графское достоинство[27]. Правильная дата императорского указа — 16 ноября 1702 г., т. е. диплом был издан не в 1701 г., а год спустя[28].

За Головиным последовал фаворит царя А. Д. Меншиков: в соотвествии с указом императора Иосифа I от 21 января 1706 г. Меншиков был первым, кто получил титул «светлейший князь» (Illustrissimo Principe) с предикатом «высокоблагородие» (Hoch- und Wohlgeboren)[29]. В 1707 г. новому канцлеру Гавриилу Ивановичу Головкину был присвоен титул «граф», тоже с предикатом «Hoch- und Wohlgeboren»[30], и в том же году (1 сентября 1707 г.) гетман Иван Мазепа стал «князем», но не «светлейшим», как Меншиков[31].

Я не буду останавливаться здесь на архивных документах, связанных с нобилитацией Мазепы. Известно, что он свой диплом не оплатил и не получил[32]. На последней странице в акте читается помета канцелярии «*nulla expeditio*», из этого следует, что диплом не был отправлен[33]. Видимо из-за отказа дать и его племяннику, Андрею Войнаровскому, титул «князь», о котором Мазепа так горячо просил, гетман не оплатил свой диплом. В документе специально указано, что титул дается только ему: "*Fürstenstand blos für seiner Person*" [княжеский титул только для его личности. — Пер. *И. Ш.*],

---

[27] Эта дата встречается в Википедии, и она кочует из одной публикации в другую (https://ru.wikipedia.org/wiki/Головин,_Фёдор_Алексеевич). Правильную датировку см.: *Бантыш-Каменский Д. Н.* 1-й Генералъ-Фельдмаршалъ Графъ Ѳедоръ Алексѣевичь Головинъ // Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. В 4 ч. Репринтное воспроизведение издания 1840 года. Ч. 1–2. Пушкино, 1991: [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/bio/bantysh-kamensky/01.html (дата обращения: 30.10.2023).

[28] AT-OeStA/AVA Adel RAA 134.5.

[29] AT-OeStA/AVA Adel RAA 272.8. Menczikoff (Menschikow), Alexander Danielowicz, geheimer Rat und Kämmerer des Kaisers von Rußland, Gouverneur von Ingermanland und Finnland etc., Fürstenstand, "Hoch- und Wohlgeboren", Wappenbesserung. 21. Jänner 1706. Fol. 1–22.

[30] AT-OeStA/AVA Adel RAA 149.1. Golofkin (Golowkin), Gabriel Iwanowitsch, kaiserlich russischer Oberstkämmerer, Großkanzler des moskowitischen Kaiserreiches, Staatsminister, Andreas-Ordens-Ritter, Grafenstand, "Hoch- und Wohlgeboren", Wappenbestätigung. 1. Mai 1707. Fol. 1–16.

[31] AT-OeStA/AVA Adel RAA 269.16. Mazepa, Johann, russischer geheimer Rat, General, Fürst und Feldherr der Kosaken, Fürstenstand ad personam. 1. September 1707. Fol. 1–6.

[32] Mackiw Th. Mazepas Fürstentitel im Lichte seines Briefes an Kaiser Josef I. Archiv für Kulturgeschichte. 1962. Bd. 44. S. 353.

[33] AT-OeStA/AVA Adel RAA 269.16. Mazepa, Fol. 6v.

но не родственникам, а это означало, что княжеская линия семьи Мазепы после его смерти прекращалась. Интерес представляет тот факт, что Меншиков лично «хлопотал по поводу получения Мазепой “диплома” князя Священной Римской империи» и именно ему гетман обещал выслать «гербов моего, Войнаровского и поколенной фамилии», благодаря за «попечение» о его «гоноре»[34]. У Мазепы не было детей, и он всячески стремился укрепить позиции своего племянника и сделать из него своего наследника. Так, он хотел породниться с фаворитом царя, и Меншиков сначала выразил согласие на брак своей сестры с Войнаровским, но затем, под предлогом того, что на ней якобы собирается жениться сам царь, отказал, и это очень обидело Мазепу[35]. Намерение гетмана создать новое княжеское родословие в Украине не было в интересах Меншикова. Шли слухи, что он сам собирается быть гетманом, хотя «возможно, что гетманом... становиться не собирался, но урезать автономию Украины явно был не прочь»[36]. В этой истории четко прослеживается склонность к тщеславной политике и личным интригам, свойственная фавориту царя, чьи позиции к этому времени быстро укреплялись, а власть стремительно росла.

После Полтавской битвы титул «барон» был присвоен 16 октября 1709 г. Петру Шафирову[37], который пользовался доверием как царя, так и Меншикова, а в 1723 г. титул «князь» получил от императора Карла VI бывший молдавский воевода Дмитрий Кантемир, которого еще до этого, при переходе на русскую службу, в 1711 г. Петр I пожаловал титулом «светлейший князь России»[38].

Нетрудно заметить, что первые европейские дворянские звания были присвоены самым близким сподвижникам Петра: Лефорту, Головину и Меншикову. Это были люди, которые участвовали в Азовских походах, путешествовали с царем в составе Великого по-

---

[34] *Кочегаров К. А.* Мазепа и Меншиков: человеческие отношения и политическое сотрудничество. Меншиковские чтения — 2015. СПб., 2015. С. 70.

[35] Там же. С. 73.

[36] *Таирова-Яковлева Т. Г.* А. Д. Меншиков и гетман И. С. Мазепа (Из истории взаимоотношений) // Меншиковские чтения[— 2006]. СПб., 2006. С. 99. Позднее автор меняет свою оценку: *Таирова-Яковлева Т. Г.* Иван Мазепа и Российская империя. История «предательства». М.; СПб., 2011. С. 284.

[37] AT-OeStA/AVA Adel RAA 365.27. Schaphirof (Schafirow), Peter, kaiserlicher russischer Rat und Reichsvizekanzler, Freiherrenstand. 16. Oktober 1709. Fol. 1–4.

[38] Акт нобилитации в 1723 г. не удалось найти в архиве. См. о нем: Кантемир // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.]: [Электронный ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2042241 (дата обращения: 30.10.2023).

сольства, были всегда рядом, и на них он мог положиться. В дипломатической переписке обоих дворов бросается в глазах тот факт, что сразу после вручения дворянских дипломов австрийский резидент в России Отто Плейер упоминает в своих донесениях вышеназванных личностей с новыми титулами: граф, барон, князь, светлейший князь. Видимо, тактика Петра, стремившегося поднять авторитет своих сподвижников на международной арене, сработала, и его соратники вошли в круг знатных европейских людей.

Пожалования имперских дворянских титулов
в эпоху Петра I

Имя, фамилия	**Титул**	**Дата**
Амадеус Ле Форт и его сыновья	рыцарское достоинство	22.12.1698
Ф. А. Головин	граф	16.11.1702
А. Д. Меншиков	граф венгерский	1702 или 1703
А. Д. Меншиков	светлейший князь	21.01.1706
Г. И. Головкин	граф	01.05.1707
И. С. Мазепа	князь	01.09.1707
П. П. Шафиров	барон	16.10.1709
Д. К. Кантемир	князь	1723

Вернемся к вопросу о том, какие титулы и дипломы получил Александр Меншиков от императоров Священной Римской империи. Первое официальное упоминание о дворянском происхождении Меншикова в документах венской канцелярии встречается в проезжей грамоте императора Леопольда I, данной для поездки в Венецию 25 июля 1698 г. благородному Александру Меншикову с семью товарищами, в числе которых был и сам царь: «Cum praesentium Exhibitor Suae Tzareae Maj(esta)tis Nobilis Alexander Daniolowitz Menschicoff una cum Septem personis negotiorum Suorum causa hinc Venetiam...» — «С нынешним, представитель Его Царского Высочества, благородный Александр Данилович Меншиков, вместе с семью персонами ради дела отправился отсюда в Венецию...» [пер. *И. Ш.*][39].

В. А. Захаров обращает внимание на терминологию документов Великого посольства, в которых с 1697 г. Меншиков официально именуется «дворянином» при особе великого посла боярина

[39] РГАДА. Ф. 32. Оп. 2. Д. 107. Л. 1. Ср.: Шмурло Е. Сборник документов относящихся к истории царствования императора Петра Великого. Т. I (1693–1700). Юрьев, 1903. С. 493. О грамоте императора см.: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.): Ч. 1: (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). М., 1894. С. 39.

Ф. Ф. Головина, но считает, что «это посольское звание указывает не на дворянство Меншикова, увиденное историками[40], а на противоположное — не худородность»[41]. Возможно, в русской посольской терминологии использование звания «дворянин» действительно имело целью только повысить посольский статус Меншикова, но Венская канцелярия, восприняв его дословно, приняла дворянское происхождение Меншикова как факт, и в грамоте императора Леопольда I он назван дворянином. Таким образом, в дипломатической практике был создан официальный прецедент, и дворянский статус Меншикова был признан на международной арене.

Следующим шагом было возведение Меншикова в достоинство графа. Об этом упоминается в его анонимной биографии, опубликованной в XIX в., и в исследованиях Д. Н. Бантыш-Каменского[42]. Ходатаем перед императором Леопольдом I выступил русский посол в Вене князь П. А. Голицын, выполнявший поручения канцлера Ф. А. Головина, который обещал послу материальное вознаграждение при выполнении поручения: «А от него б (А. Д. Меншикова. — Н. П.) тебе заплата будет добрая, что и сам возможешь рассудить. И другим бы было во угождение»[43]. Под «другими», видимо, понимался русский царь, без ведома которого такое ходатайство вряд ли было возможно[44]. Подробности событий и текст графского диплома нам неизвестны. Если судить по донесениям князя Голицына, то оформление принятого ранее решения состоялось лишь в начале 1703 г., как это видно из письма посла канцлеру Головину от 6 февраля 1703 г.: «Давно было мое намерение Александра Даниловича Меншикова учинить графом Венгерским; на что и цесарское

---

[40] Автор имеет в виду публикацию Беспятых: *Беспятых Ю. Н.* Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. СПб., 2005. С. 94–95.

[41] *Захаров А. В.* Первый в России секретарь и посольские звания при Петре I // Порядок и смута. Государство, общество, человек на востоке и западе Европы в Средние века и раннее Новое время: К 85-летию В. Д. Назарова / Под ред. *А. А. Фролова*. М., 2023. С. 232–233. Ср. ПДС, т. 8, стл. 1393: 18 (28) июля 1698 г., великие и полномочные послы отдали «проезжий лист» и «отпустили от себя из Вены в Венецию дворянина Александра Даниловича Меншикова с товарищи, осми человек». Ср.: ПДС, т. 8, стл. 847, 1305–1306, 1317, 1333.

[42] См.: *Калязин Е. А., Ефимов С. В.* Указ. соч. Ср.*: Бантыш-Каменский Д. Н.* 1-й Генералъ-Фельдмаршалъ Графъ Ѳедоръ Алексѣевичь Головинъ : [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/bio/bantysh-kamensky/01.html (дата обращения: 30.10.2023)

[43] *Калязин Е. А., Ефимов С. В.* Указ. соч. Цит. по: *Павленко Н. И.* Указ. соч. С. 34.

[44] Там же. С. 34.

величество соизволил. Только два раза писал я к брату Борису Алексеевичу: если бы то ему было угодно, тот час прислал бы; а ныне по вашему повелению, немедленно исполню»[45].

Возникает вопрос, где хранятся сегодня документы, связанные с графским титулом Меншикова. Дело в том, что Меншиков получил, как это видно из письма Голицына, не титул «имперский граф», как обычно утверждается, а «**венгерский граф**». Леопольд I возвел Меншикова в графское достоинство не как император Священной Римской империи, а только как король Венгрии, и поэтому документы, связанные с этим событием, нельзя было найти среди имперских актов о нобилитации в австрийских архивах. Их место, должно быть, в венгерских делах. Но документы о нобилитации, связанные с деятельностью габсбургских императоров в роли венгерских королей, были после Первой мировой войны переданы венгерским архивам и сегодня хранятся в Будапеште. У меня был случай, связанный с поиском документов марцианопольского архиепископа Петра Парчевича. Парчевич был отправлен императором Фердинандом III в качестве посла к гетману Богдану Хмельницкому в 1657 г., и перед отъездом ему был присвоен дворянский титул «барон». Соответствующие документы были опубликованы в 1880 г. Юлианом Пеячевичем[46], но мои попытки найти их оригиналы в австрийских архивах оказались безуспешными. После долгих поисков, благодаря помощи венгерских коллег, документы нашлись в Будапештском государственном архиве. Может быть, и акты Меншикова хранятся там? Графский патент фаворит царя, видимо, получил, т. к. в 1703 г. титул уже употреблялся в обращениях к нему, а графский герб был вырезан на гакаборте[47] его личной шнявы[48].

Однако возведения в достоинство венгерского графа не было достаточно для амбициозного Меншикова, для которого оно являлось только ступенькой по лестнице вверх. Уже в конце 1703 г. отправленный в Вену генерал-поручик Георгий Густав фон Розен получил наряду с другими поручениями задание исходатайствовать свежеиспеченному графу титул имперского князя. Последний обе-

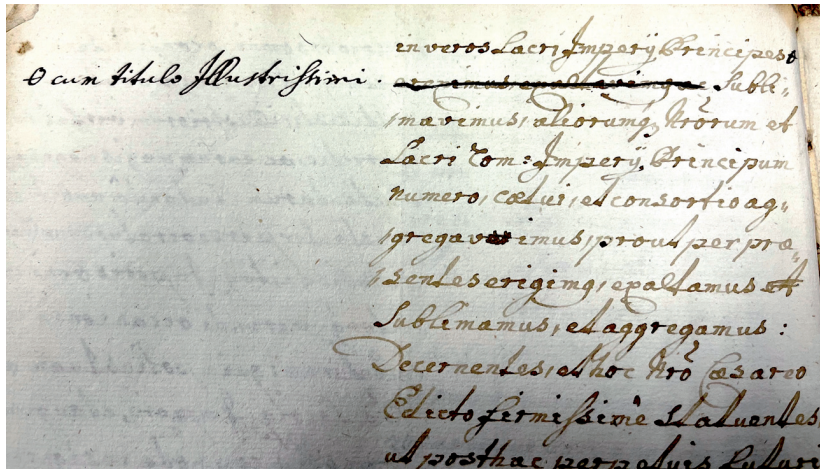
---

[45] Цит. по: *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 4, ч. 1: Битва под Нарвою и начало победы. СПб., 1863. С. 213.

[46] Pejacsevich J. Peter Freiherr von Parchevich, Erzbischof von Martianopol (1612–1674) // Archiv für österreichische Geschichte. 1880. Bd. 59. S. 475–480.

[47] Гакаборт (голланд. Hakkebord) — под этим термином подразумевали самую верхнюю часть кормы, где традиционно наносили резные рисунки для украшения корабля.

[48] *Павленко Н. И.* Указ. соч. С. 34. Ср.: *Калязин Е. А., Ефимов С. В.* Указ. соч.

Илл. 7. Фрагмент документа о возведении Меншикова в княжеское достоинство с предикатом «светлейший». Фото автора.

щал переслать в Вену огромную по тем временам сумму 10 000 гульденов для поддержки реализации его желания[49]. Миссия фон Розена не удалась, и только искусный дипломат барон Генрих фон Гюйссен в 1706 г. сумел ее осуществить.

Итак, следующим этапом в остепенении Меншикова стала грамота императора Иосифа I 21 января 1706 г., которая возвела его в княжеское достоинство с титулом «высокоблагородия» («Hoch- und Wohlgeboren»). Здесь особый интерес представляют черновики акта. Их несколько, и они содержат много правок. Эти правки показывают процесс оформления документа, который обрастал деталями: в нем упоминается Великое посольство, роль Меншикова как учителя царевича Алексея; подчеркивается, что он является носителем орденов Св. Андрея Первозванного в России, Белого орла в Польше, ордена Благородства (de la Generosit?) в Пруссии, и только в окончательном варианте текста мы видим, что к титулу «князь» (Principe) на полях добавлены слова “cum titulo Illustrissimi”, т. е. его возводят в княжеское достоинство империи с титулом «светлейший князь»[50] (илл. 7).

После получения имперской грамоты и в честь Калишской победы жалованной грамотой царя от 1 (12) июня 1707 г. за А. Д. Меншиковым были утверждены титулы «Римского и Российского госу-

[49] *Бантыш-Каменский Д. Н.* Обзор... С. 42.

[50] AT-OeStA/AVA Adel RAA 272.8. Fol. 4v.

Илл. 8. *П. Пикарт* (1668/69–1737). Конный портрет Петра I на фоне Нарвы. Около 1707.
https://commons.wikimedia.org

дарств князя, с приложением светлейшего» с пожалованием в «князи Ижорские земли»[51]. Так «римский князь» стал и «русским князем». Отзвук этого события нашел отражение в символических двойных портретах Петра I и Меншикова 1707 г. нидерландского гравера на русской службе Питера Пикарта. Пикарт выполнил гравюру, изображающую Петра I на фоне осады Нарвы (август 1704 г.), а Меншикова представил на фоне сражения при Калише (октябрь 1706 г.), где князь изображен на коне, а оруженосец рядом держит щит с его гербом — теперь уже римского и российского князя[52] (илл. 8, 9).

Складывается новая практика присвоения европейских званий

[51] *Калязин Е. А., Ефимов С. В.* Указ. соч.

[52] *Шварц И.* Принятие императорского титула как элемент стратегии в реформенной политике Петра I. Историческая экспертиза. 2022. Кн. 3. С. 164–165.

Илл. 9. *П. Пикарт* (1668/69–1737). Конный портрет Меншикова на фоне баталии. Около 1707.
http://www.russianprints.ru

российским поданным. Титулы «граф» и «барон» начал жаловать уже русский царь. Так в 1706 г. указом Петра I графское достоинство и звание «графа Российского царства» получил генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев за подавление Астраханского восстания, а в 1711 г. Дмитрий Кантемир стал «светлейшим князем России». В 1709 г. графский титул был пожалован Г. И. Головкину, и он стал «дважды графом», а в следующем году этот титул получили И. А. Мусин-Пушкин, генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, П. М. Апраксин и бывший учитель царя Н. М. Зотов. В 1721 г. титул графа были дан Я. В. Брюсу, в 1722 г. — А. М. Апраксину, а в 1724 г. графом стал П. А. Толстой.

Фактически после смерти императора Иосифа I практика присвоения титулов «барон», «граф» и «князь» со стороны Священной Римской империи прекращается и только спорадически восстанавливается в середине XVIII в.[53] Но эта практика послужила созданию прецедентов в плане поднятия авторитета и престижа сподвижников царя, таких как Меншиков, которые выдвинулись из низов. Она не являлась регулярной, и, как мы видим, после возведения фаворита

[53] Исключением является титул Кантемира в 1723 г.

царя в императорское княжеское достоинство титулы «граф» и «барон» в России начали присваиваться уже самим Петром I.

Почему Меншиков получил в 1706–1707 гг. такие высокие титулы? После Калишской победы и отрешения Августа от польской короны в Европе пошли слухи о том, что царь хочет «учинит королем польским царевича Алексея или принца Александра». Отто Плейер тоже считал, что планировалось выдвинуть кандидатуру Меншикова на предстоящей польской элекции 3 августа 1707 г. О возможности посадить Меншикова на польский трон писал из Вены Петру Шафирову и Гаврилу Головкину также и Гюйссен[54]. Однако, как считает В. Артамонов, это были только слухи и реальных шагов русское правительство в пользу Меншикова не предприняло, т. к. выгоднее для него в сложившейся ситуации были кандидатуры принца Евгения Савойского, князя Якуба Людвига Собеского или его братьев, Константина и Александра, которые могли бы способствовать заключению антишведского союза с Венским двором[55].

[54] *Артамонов В. А.* Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской битвы. М., 2009: [Электронный ресурс]. URL: https://zapadrus.su/bibli/geobib/poltava/914-kniga-v-a-artamonova-poltavskoe-srazhenie-glava-ii.html?start=2 (дата обращения: 30.10.2023).

[55] Там же.

Игорь Владимирович КУРУКИН
(Москва)
Профессор кафедры истории России средневековья и нового времени исторического факультета Российского государственного гуманитарного университета

«Падение» Светлейшего

Igor V. Kurukin

The "Fall" of His Serene Highness Prince

Аннотация: Данная статья посвящена короткому периоду в жизни князя А. Д. Меншикова (май — начало сентября 1727 г.), когда он занимал все высшие посты в государстве и установил опеку над малолетним императором Петром II. Сохранившиеся опубликованные и неопубликованные бумаги канцелярии Меншикова позволяют рассмотреть действия Меншикова как правителя, чтобы попытаться показать — имелась ли у него какая-либо программа, и почему он не смог удержать в своих руках власть, которую легко потерял в считанные дни.
Abstract: This article is devoted to a short period in the life of Prince A.D. Menshikov (May — early September 1727), when he held all the highest posts in the state and kept the infant Emperor Peter II under his care. The surviving published and unpublished papers of Menshikov's office allow us to consider Menshikov's actions as a ruler to try to show whether he had any program, and why couldn't he keep the power in his hands, which he easily lost in a matter of days.

Ключевые слова: А. Д. Меншиков, Петр II, А. И. Остерман, Верховный Тайный совет, император Карл VI.
Keywords: A. D. Menshikov, Peter II, A. I. Osterman, Supreme Privy Council, Emperor Charles VI.

Воцарение Петра II стало успехом светлейшего князя. 7 мая 1727 г. собравшиеся во дворце министры Верховного тайного совета, сенаторы, духовные особы, генералы выслушали завещание покойной Екатерины I и присягнули Петру II. Вслед за тем присягу принесли гвардейские полки.

Сам Меншиков был пожалован в адмиралы, а его сын — в обер-камергеры, т. е. он занял одну из первых должностей при дворе Петра II. 12 мая был объявлен подписанный Петром II указ о пожаловании Меншикову наивысшего воинского звания генералиссимуса, которое стояло вне «Табели о рангах» и, по определению петровского «Устава воинского», «коронованным главам и великим владеющим принцам только надлежит»[1].

14 мая генералиссимус перевез императора и его сестру из Зимнего в свой дворец на Васильевском острове. Два-три раза в день Меншиков посещал государя; «его величество и его светлость» вместе обедали, гуляли по саду и «по пристане», посетили Галерный двор, ужинали «в шатрах». На следующий день князь возил мальчика «по разным местам» острова.

Светлейший понимал, что император не может постоянно квартировать у него дома, но желал расположить его поблизости. Поэтому рядом со своей усадьбой Меншиков начал строительство нового царского дворца. Для его скорейшего обустройства он 28 мая распорядился упразднить только что отстроенный летний дом Петра I в Дубках (эту дальнюю усадьбу он распорядился отдать под «магазейн» Сестрорецкому заводу[2]), а полы, двери, печи, окна отправлялись в новостроящийся дворец Петра II.

Старался князь не зря: 23 мая Петр «объявил» гостеприимному хозяину, что считает его дочь своей невестой[3]. Любопытно, что российского посланника в Вене Л. Ланчинского Меншиков о будущем обручении известил еще 17 мая[4]. 25 мая состоялся уже публичный «сговор»: новгородский архиепископ Феофан Прокопович совершил обручение «его величества со светлейшею княжною». Синод

---

[1] Меншиков еще в мае 1725 г. просил Екатерину I сделать его генералиссимусом «против цесарского обычая» — как знаменитого полководца принца Евгения Савойского (РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 234. Л. 7). Тогда императрица подарила ему город Батурин и сняла все казенные претензии, но звания не пожаловала.

[2] РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 68. Л. 2 об.

[3] Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XIX вв. М., 2000. Вып. X. С. 555.

[4] См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 67. Л. 220–220 об.

повелел во всех церквях России поминать рядом с Петром II «обрученную невесту его благоверную государыню Марию Александровну»[5].

Наутро после церемонии будущий тесть увез будущего зятя в загородную резиденцию Стрельну, затем в Петергоф и устроил подопечному большую псовую охоту 28 и 29 мая. Затем они вместе осмотрели главную морскую крепость Кронштадт. В ходе поездки Меншиков вызвал в Петергоф военного инженера генерал-майора де Бриньи «для закладывания ради забавы его императорского величества маленкой крепости» — и в июле для игры и обучения императора была заложена «потешная» крепость Петерштадт[6]. После Кронштадта князь пригласил Петра в свои загородные «мызы» Фаворит и Монкураж и опять отпустил «в поле с охотою» 8 июня. Путешествие завершилось возвращением вечером 10 июня во дворец на Васильевском[7].

Меншиков к тому времени уже знал предпочтения мальчика-императора. 16 мая он повелел рижскому вице-губернатору изготовить для Петра бархатное седло «самой хорошей работы» с полагающимися «уборами» (стременами, мундштуком и пр.), а затем заказал еще одно, «цветное», — возможно, для сестры государя. 17 мая туда же, в Ригу, полетел гонец-майор Жухнов с наказом найти «лошадь спокойного хода и чтоб была не шараха». Майор поручение выполнил, и Меншиков распорядился прислать купленных лошадей из Нарвы прямо в Петергоф — очевидно, подарок был к месту[8].

26 мая князь приказал выслать в Петербург «псовую охоту всю» сосланного в Соловки графа И. П. Толстого, а также особо замечательную «половопегую собаку» отрешенного от должности и находившегося под следствием бывшего нижегородского губернатора Ю. А. Ржевского[9] — зачем добру опальных зря пропадать? Однако австрийский посол Антон Игнац Амадеус Рабутин отметил, что Меншикову с трудом удалось отвлечь мальчика от полевых забав и вернуть в столицу[10].

---

[5] См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи: В 10 т. Т. 6. СПб., 1889. С. 37.

[6] См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 67. Л. 80; *Коренцвит В. А.* Крепость Петерштадт (археологические исследования в Ораниенбауме) // Памятники культуры. Новые открытия. 1993. М., 1994. С. 517–518.

[7] Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. С. 556–560.

[8] РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 67. Л. 302, 305–308.

9 Там же. Л. 319.

[10] См.: *Брикнер А. Г.* Русский двор при Петре II. 1727–1730: по документам Венского архива // Вестник Европы. 1896. № 2. С. 480.

19 июня Меншиков собрался на Совет, но в этот день у него случился первый приступ болезни, 22-го — второй, а 26-го князь слег. Собравшийся консилиум из пяти докторов ничего хорошего не обещал: 28-го больного причащали (через неделю — вторично), а 29-го поутру «святили елеем». Юный государь регулярно навещал больного. В один из этих дней Меншиков составил предсмертное письмо к Петру. В нем он не только просил его выполнить свои обещания в отношении невесты, но и призывал воспитанника к тому, чтобы все его «поступки и подвиги изобразовали достоинство императорское». И предупреждал, что ему придется столкнуться с людьми, «которые похотят вам тайным образом наговаривать что к противностям или на кого напрасно клеветать». Зная нрав мальчика, он просил «в езде так и в протчих забавах умеренно и осторожно поступать, понеже на здравии вашем зависит благополучие всего отечества». А чтобы стать настоящим правителем, подобным великому деду, «инако дойти невозможно, как чрез учение и наставление, так и чрез помощь верных советников», и юному императору надлежит «быть послушным обор гофмейстеру господину барону Остерману и господам министрам и ничего без их совету не чинить»[11]. Тогда же князь составил и «последнее прошение» к Остерману, в котором просил «моего особливого и истинного благодетеля» содержать его вдову и дом в «милостивой протекции»[12].

В мае 1727 г. Меншиков сосредоточил в своих руках огромную власть в качестве командующего вооруженными силами и столичного генерал-губернатора. Фактически он, подобно первому министру Мазарини при юном Людовике XIV, являлся настоящим правителем. Правда, у маленького короля имелась мать-регентша, всегда поддерживавшая своего министра, но Меншиков готовился стать тестем своего государя, т. е. членом императорской фамилии. Как же он сумел этой властью распорядиться?

Вполне естественно, что князь стал выдвигать и награждать связанных с ним людей. Давний клиент, бригадир и обер-комендант столицы Егор Фаминцын стал генерал-майором, а полковник Иван Колтовский — бригадиром (14 мая) и сразу же генерал-майором (23 мая). Родня Меншикова по жене, генерал-майор Алексей Шаховской стал майором Семеновского полка. Бывший секретарь князя, член Военной коллегии Алексей Волков — генерал-лейтенантом, а советник той же коллегии капитан гвардии Егор Пашков — бригадиром. Поблизости от своей резиденции на Васильевском он

[11] РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 63. Л. 3–4.

[12] Там же. Л. 11.

разместил на квартирах свой «штаб» — генерал-адъютантов Даревского и Бальцера, флигель-адъютантов Ливена и Жеребцова и генерал-штаб-квартирмейстера Полочанинова[13].

В числе пожалованных оказался помогавший Меншикову А. И. Остерман. Ему 15 мая было подарено село Глумово в Суздальском уезде — но что-то не сложилось, и по указанию того же Меншикова 20 мая эта вотчина вернулась обратно в состав дворцовых владений[14]. Саксонский посланник Лефорт сообщал, что Остерман сам отказался от пожалования, поскольку якобы еще «не показал заслуг». В качестве утешения барон написанным в канцелярии Меншикова указом от 17 июня был возведен в российские графы[15].

Меншиков уже не считал нужным участвовать в работе Верховного тайного совета. В мае он присутствовал на 7 из 12 заседаний, которые пропустить не мог. 7 и 8 мая оформлялся новый порядок правления; 12-го князь принимал звание генералиссимуса и «кавалерский крест» ордена св. Андрея Первозванного; 15-го состоялась раздача «деревень»; 23-го — упразднение императорского Кабинета, а 24-го Меншиков объявил о «сговоре» своей дочери и императора. Лишь заседание 9 мая было рядовым: даровалось прощение «колодникам» и обсуждались доходы Украины[16].

В июне князь посетил лишь 5 из 16 заседаний Совета — и опять те, которые представляли для него личный интерес. 12-го и 13-го числа он утверждал придворные штаты цесаревны Елизаветы, сестры императора Натальи и обрученной невесты — своей дочери. 16 мая просил не брать подушных денег с его пошехонских вотчин по причине смерти многих налогоплательщиков. 17 июня министры делили украшения и драгоценности Екатерины I между наследниками. А 21 июня Меншиков прибыл на заседание вместе с Петром II, который объявил о новых пожалованиях своему опекуну

---

[13] См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 68. Л. 81об. – 82.

[14] Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Т. 63. СПб., 1888. С. 525, 554–555.

[15] См.: Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. Сообщено из дел Саксонского государственного архива в Дрездене профессором Марбургского университета Э. Германом // Сборник РИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 481; Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве за XVIII в.: В 3 т. Т. 2. СПб., 1875. № 2346.

[16] Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Т. 63. С. 475–479, 481–483, 513–515, 582, 587–588.

на Украине; обсуждался также составленный Остерманом режим обучения императора[17].

В июле генералиссимус ни на одном из 15 заседаний Совета не присутствовал — даже тогда, когда оправился от болезни и стал выезжать. В августе состоялись 13 заседаний, но князь появился в Совете только единожды, 17-го числа, и лишь для того, чтобы «дать ранг» графу Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину, а его сына-гвардейца Платона произвести в действительные статские советники. После чего лишь подписал указ от 31 августа о посылке на места обер-офицеров гвардии для «понуждения» губернаторов и воевод к скорейшему сбору и присылке подушных денег[18].

Отношения с Советом он предпочитал поддерживать иначе. Уже 20 мая «в доме его светлости» обер-секретарь Сената Анисим Маслов докладывал о слушавшихся в Совете делах и интересовался, «поволит ли закрепить» князь протоколы. Хозяин согласился и передал посланцу свои указания, каковые были в последующие дни исполнены[19]. В дальнейшем протоколы будут отсылаться к нему на дом. Реляции от послов князь также требовал высылать к нему в Петергоф или же читал их у себя во дворце[20].

Обратную связь с министрами Меншиков осуществлял через своих приближенных — А. Я. Волкова или А. И. Шаховского[21]. На подпись к Меншикову бумаги из Верховного тайного совета отправлялись 24 и 26 июля, затем 4 и 8 августа; в предпоследнем случае по вопросу о евреях-купцах Д. М. Голицын предположил таковых все же пропускать и разрешить оптовую торговлю (иначе «пошлины могут пропадать»), но Меншиков решил однозначно: «в Россию ни с чем не впускать»[22].

Подобная манера руководства не могла не вызывать у министров недовольства, которое иногда прорывалось и отражалось в источниках. Так, например, 26 мая на заседании Совета А. Я. Волков объявил «ведомость» челобитчиков о «деревнях» (делить было что — только у одного П. А. Толстого было отобрано 1695 дворов) и «мнение» князя о том, сколько дворов надлежит кому дать[23]. Члены

---

[17] Там же. С. 694, 720, 730–731, 760, 769–770, 782–783.

[18] Там же. Т. 69. С. 241, 266.

[19] Там же. Т. 63. С. 554, 555, 556, 558, 652–653.

[20] Там же. Т. 63. С. 597; Т. 69. С. 233.

[21] Там же. Т. 63. С. 595–596, 771; Т. 69, С. 9, 43, 69, 128, 179, 182, 224, 232, 236.

[22] Там же. С. 129, 172, 193–194, 224–225.

[23] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 243. Л. 16–19 об.

Совета не во всем согласились с ним — но 29 числа министры получили «указ» о раздаче дворов за подписью князя. В ответ Г. И. Головкин, Ф. М. Апраксин и Д. М. Голицын не пожелали оформлять пожалования своими подписями «для безопасности нашей» и 1 июня потребовали представить им указ за подписью императора[24] — но как будто так его и не дождались.

«Доношение его светлости» от 9 августа о сборе подушных денег на январскую и сентябрьскую трети 1727 г., «а на майскую б не править» тоже не было принято сразу — под предлогом «выправиться с указом». Но в итоге прошло, и указ о прощении сбора за майскую и сборе недоимок за январскую треть военными командами вышел 2 сентября[25].

Не считал он нужным соблюдать и внешний политес. 31 мая 1727 г. он приказал Адмиралтейству отправить в «крюйсерство» эскадру вице-адмирала Т. Сандерса и только потом известил об этом генерал-адмирала и президента коллегии Ф. М. Апраксина[26]. Генерал-прокурору Ягужинскому он приказал 27 июня срочно изготовить обещанную Петром II для сына князя «кавалерию» ордена св. Андрея Первозванного и представить ее императору на литургии в день царского тезоименитства 29-го числа[27]. Из канцелярии Меншикова выходили указы «именем» государя, который, кстати, согласно «тестаменту» императрицы, не мог до совершеннолетия «в правительство вступать».

Правитель взял под собственную «дирекцию» дворцовое ведомство и распоряжался назначением дворцовых служителей в Петергоф с указанием им чинов и жалования[28]. Раздавал имения: так, в июле 1727 г. приказал лифляндскому генерал-губернатору П. Г. Чернышову выдать в аренду земли в Дерптском дистрикте вице-президенту Камер-коллегии Карлу Принценстерну[29]. По «словесному указу», переданному Меншиковым министрам через секретаря Яковлева, П. И. Ягужинский получил двор П. А. Толстого в Москве. Так же получили дворы «карла» Яков Подчертков и его сестра Аксинья, адмиралтейский «зейль макар» Иван Кочет и собственный врач

[24] Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Т. 63. С. 595–596, 625; РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 67. Л. 43; Ф. 198. Оп. 1. № 238. Л. 3–3 об.

[25] Там же. Т. 69. С. 225; ПСЗРИ. Т. 7. № 5148.

[26] РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 68. Л. 243; Ф. 9. Оп. 5. № 67. Л. 3, 8.

[27] См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 67. Л. 74.

[28] См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 5а. Л. 180 об.; Ф. 11. Оп. 1. № 68. Л. 58–58 об.

[29] См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 67. Л. 418–418 об.

князя Яган Шульц[30]. Князь же командовал гвардией — производил в чины и распределял в полки[31].

Позволял себе вмешиваться и в церковные дела. Когда Синод без его ведома сменил настоятеля Александро-Невского монастыря, то возмутился и 1 июня указал архиереям, что покойным государем было «велено мне Александровской Невской монастырь ведать яко эконому», а потому им надлежит «обождать» до прибытия его в Санкт-Петербург — ведь он не знает нового наместника. Синод вынужден был оправдываться и обещать на будущее непременно объявлять князю, если «какие до монастыря собственные касаться будут дела»[32].

Меншиков нашел время, чтобы прибыть в Синод и добиться развода провинциального чиновника Максима Пархомова со второй женой Дарьей Колтовской, которая имела неосторожность в качестве соседки Меншикова по имению не «уступить» князю своих же беглых крепостных[33]. 9 июня Совет по доношению Сената (сделанному по «выписке» самого Меншикова) распорядился предать военному суду бывшего генерал-фискала Алексея Мякинина за «неправое следование» по делу об утаенных душах его ораниенбургской вотчины, завершившееся штрафом в 27 тыс. руб.[34] Отправился в Сибирь по воле Меншикова обер-церемониймейстер граф Санти — как «в тайном деле весьма подозрительный»[35]. Кабинет-секретарь Макаров, по его словам, «посажен... бывшим Меншиковым к испорченым делам в Камор колегию в неволю».

Недолгое правление Меншикова отмечено мало прикрытым стремлением к увеличению своего благосостояния и престижа. Меншиков обратился к Верховному тайному совету: государь повелел выдать ему из казны (конкретно — из московских доходов ведения графа И. А. Мусина-Пушкина) 53 679 руб. Эти деньги князь в свое время издержал на приданое своей дочери при ее несостоявшемся браке с камергером Петром Сапегой (молодого поляка Екатерина I взяла к себе фаворитом и женила на своей

---

[30] Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Т. 69. С. 179–180, 182; Л. 384, 385.

[31] РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 67.Там же. Л. 85, 180.

[32] См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 67. Л. 360; *Рункевич С. Г.* Александро-Невская Лавра, 1713–1913. СПб., 1913. С. 404–405.

[33] См.: *Курукин И. В.* Романс о прелюбодейцах // Родина. 1999. № 7. С. 54–57.

[34] Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Т. 63. С. 688–691

[35] О ссылке графа Санти, С. Маврина, А. Ганнибала см.: АВПРИ. Ф. 15. Оп. 15/3. 1727 г. № 82. Л. 1.

племяннице Софье Скавронской). Сапега же успел занять у Меншикова 23 тыс. талеров и обещал вернуть их из суммы приданого, но так и не отдал. Вопрос был быстро решен; указ Мусину-Пушкину о выдаче денег «в дом его светлости» был составлен 8 июля также в канцелярии Меншикова, а к 15 июля он уже получил 30 тысяч из требуемой суммы[36].

15 июня Меншиков пожаловался Совету на то, что указал президенту Коммерц-коллегии продать казенные сало, «штокфиш» (вяленую треску) и рожь купцу Говерсу, а П. П. Шафиров продал их купцу Кнау. Министры запросили коллегию и получили отписку, что предложения князя у нее «не имеется». После чего 7 августа последовал объявленный Меншиковым указ Петра II об отдаче указанных товаров Говерсу, несмотря на заключенный контракт с Кнау. Строптивый Шафиров был отправлен на север «к китоловному делу», несмотря на его жалобы на «дряхлость»[37].

Другие челобитные князя содержали просьбы вернуть ему якобы обещанные Екатериной 31 864 руб. и 5 и 3/4 коп., а также 32 211 ефимков, издержанных на содержание императора Петра I в Голландии из суммы, полученной князем за продажу его смольчуга[38]. 17 июня Меншиков указал российскому послу в Париже князю Б. И. Куракину приобрести для него серебряный сервиз первого министра кардинала Гийома Дюбуа — за 36 тыс. ефимков[39]. А у «берлинского жида Исака Липмана» он приобрел «алмазные» вещи на 6 800 руб.[40] 21 июня на заседании Совета в присутствии императора попросил выдать ему вместо отошедшего к гетману «Гадяцкого ключа» другие имения, и тот «указал отдать светлейшему князю местечко Короб да Шептаковскую волость»[41].

Для дочери-невесты был создан двор, во главе которого стояла сестра жены Меншикова обер-гофмейстерина Варвара Арсеньева. Готовилась к изданию биография «Заслуги и подвиги его высококняжеской светлости князя Александра Даниловича Меншикова». Там указывалось, что князь «как Иосиф в Египте, счастливо управлял государством», а на армию, придворный штат и подарки послам

---

[36] См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 67. Л. 28, 331–332, 392.

[37] См.: Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Т. 69. С. 212–214, 696, 772.

[38] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 234. Л. 12–12 об., 17–17 об., 26–27.

[39] См.: РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 67. Л. 214.

[40] См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. № 236. Л. 100–101 об.

[41] Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Т. 63. С. 782–783.

князь расходовал «собственные деньги», т. е. содержал самого Петра I и его двор[42].

Главной инициативой Меншикова по части внутренних дел можно считать начатую еще в 1726 г. чеканку гривенников «новой инвенции». Специалисты Берг-коллегии в январе 1727 г. усомнились в качестве новой монеты, но именной указ от 16 июня того же года повелевал все старые серебряные копейки переделывать в новые гривенники; операция изымалась из ведения Берг-коллегии и передавалась на Московский монетный двор под «дирекцию» доверенного лица Меншикова — генерал-лейтенанта А. Я. Волкова[43]. Сразу после «падения» Меншикова Верховный тайный совет приказал «новоманерных гривенников не делать», а уже изготовленные изъять из обращения. Берг-коллегия признала новые деньги «непостоянным и фалшивым серебром» с добавлением селитры, мышьяка и сулемы[44].

Во внешней политике Меншикова интересовало получение имперского владения в Силезии. Еще в начале 1727 г. Рабутин не раз напоминал об этом министрам Карла VI и объяснял, что Меншиков будет рад «чести быть вассалом» императора[45]. Глава Священной Римской империи медлил с подарком, но в конце концов решился. 7 июля Рабутин лично явился сообщить о даровании имперского лена князю, и тот приказал директору типографии немедленно опубликовать известие о пожаловании ему «в Силезии лежащего герцогства Коссель» и письмо Карла VI[46]. Императора надо было отблагодарить: Меншиков под надзором «агента» Самуэля Кихеля отправил в Вену двух «карлов» — шута Петра I, барона Луку Честихина и некоего Клингенборга. А российскому посланнику Л. Ланчинскому он приказал представить обоих «его цесарскому величеству»[47].

Но в отношениях с царем Меншикова как будто подменили. К 23 июля князь оправился от болезни: побывал у Петра II и принял

---

[42] См.: Заслуги и подвиги его высококняжеской светлости князя Александра Даниловича Меншикова... // Сын отечества. 1848. № 1. С. 2, 18; № 6. С. 14–15.

[43] Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Т. 63. С. 59–60; ПСЗРИ. Т. 7. № 5101.

[44] Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. Т. 69. С. 281–282; Великий князь Георгий Михайлович. Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны и императора Иоанна III. СПб., 1901. С. 2–3.

[45] *Брикнер А. Г.* Австрийские дипломаты в России // Вестник Европы. 1893. № 12. С. 523–524.

[46] Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. С. 568; РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 67. Л. 407.

[47] РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 68. Л. 144 об.; № 67. Л. 223.

прибывших министров (Г. И. Головкина и Ф. М. Апраксина). Но 26-го он один отправился «гулять» в город, а 27-го не поехал с царем на Галерный двор, где спускались на воду 11 галер и 22 скампавеи. 29 июля Меншиков гулял с Петром по саду и повел показывать наплавной мост через Неву. А далее свидания с императором становятся редкими: так, они вообще не встречались с 31 июля по 5 августа, а также 7–8, 10, 12 и 16 августа. 2 августа Остерман привез Петра на заседание Совета слушать «дела иностранные», но Меншиков визит проигнорировал и изволил сидеть в парадном кабинете своего дворца.

Однако и состоявшиеся свидания Меншикова с Петром становятся кратковременными — на обеде или в церкви. 17 августа правитель с семейством неспешно выехал в любимый Ораниенбаум. Государя он с собой не взял, но забрал «свиту»: Волкова, Шаховского, генерал-кригскомиссара Г. П. Чернышева, начальника Канцелярии от строений У. А. Сенявина. В резиденции он трапезовал и беседовал с гостями и не забывал про шахматы[48], но как будто не интересовался тем, чем занят юный монарх.

Петр между тем вместе с Остерманом отправился в Петергоф, где оказались и члены Верховного тайного совета. Меншиков же приехал туда только через неделю, 25 августа, но с Петром виделся лишь на церковных службах и на обедах. После чего уехал осматривать свою строившуюся усадьбу Монкураж (в нынешнем парке Александрия), а потом домой в Ораниенбаум — при том, что тревожные для него сигналы уже звучали: 12 (23) августа Лефорт докладывал, что мальчик-император «не может ни видеть, ни слышать» Меншикова, а 26 августа (6 сентября) — что на праздновании именин сестры Петр II поворачивался к князю спиной и заявлял, что не собирается жениться[49]. Дипломаты докладывали, что Меншиков присвоил деньги, поднесенные царю, и делал выговор за ненужные расходы[50]. В то же время сам князь свободно распоряжался

[48] Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова. С. 577–578.

[49] Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. Сообщено из дел Саксонского Государственного архива // Сборник РИО. Т. 5. СПб., 1870. С. 488, 489–490.

[50] См.: Донесения французского поверенного по делам при русском дворе за 1727–1730 гг. // Сборник РИО. Т. 75. С. 79–80; *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 560. Детали происшествия с поднесением Петру II денег в передаче разных лиц выглядят по-разному, но скорее всего речь шла о сумме в 500 червонцев от ярославских посадских, которая попала в число дворцовых доходов в августе 1727 г. (см.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 35164. Л. 1).

дворцовыми суммами; в одном только 1727 г. он позаимствовал 200 тыс руб.[51] В таких обстоятельствах даже разумные распоряжения о прекращении трат по прихоти ребенка должны были восприниматься Петром как покушение на его власть.

Подобное поведение труднообъяснимо для искушенного царедворца. Похоже, правитель не допускал мысли, что юный царь мог выйти из предназначенной ему роли. 21 августа письмом из Ораниенбаума он благодарил Остермана за доставленное «писание» и желал императору и его наставнику «намеренные забавы в добром здравии препроводить»[52].

Как будто не смущало Меншикова и прекращение визитов членов Совета: после 26 июля (приезд Ф. М. Апраксина) он виделся 14 августа с Д. М. Голицыным и на несколько минут явился в Совет 17-го, после чего встретился с коллегами только 26 августа в Петергофе. Не насторожило его и отсутствие Остермана, а ведь до болезни Андрей Иванович регулярно являлся к князю для докладов и «секретных разговоров» (8–9, 12, 21, 29 мая, 6, 15, 18, 19 и 20 июня). В январе — апреле 1727 г. он отметился у князя 42 раза; часто посещали Меншикова канцлер (14 раз) и Д. М. Голицын (13 раз).

Однако при всех своих способностях Остерман был лишен лидерских качеств и всегда предпочитал прятаться за чужую спину. Очевидно, стоит доверять сообщению Рабутина от 22 августа (2 сентября) и французского дипломата Ж. Б. Маньяна от 9 (20) сентября, что против правителя действовала целая «партия»; оппозицию князю возглавил канцлер Г. И. Головкин, во дворце которого как раз в это время гостил император. Очевидно, тогда Остерман решился подготовить союзника к будущей перемене: из беседы с ним австрийский дипломат узнал, что министры собираются «положить конец произволу», а для того объявить Петра II совершеннолетним и дать ход жалобам против Меншикова[53].

Сам же князь, похоже, об этом не подозревал. 14 августа князь повелел выдать 64 тыс. руб. на содержание двора «обрученной невесты. 30 августа без императора и коллег-министров князь праздновал свое «тезоименитство». «Весь двор находился в ожидании перемены», — записал в донесении от 5 (16) сентября прусский посол

---

[51] См.: *Павленко Н. И.* Александр Данилович Меншиков. М., 1981. С. 165.

[52] РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. № 67. Л. 288.

[53] *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 562; Донесения французского поверенного по делам при русском дворе за 1727–1730 гг. // Сборник РИО. СПб., 1891. Т. 75. С. 80–81.

Мардефельд. Однако «поденные записки» князя фиксируют обычный распорядок дня, все тех же посетителей и привычные «забавы» в виде карт и шахмат. «Забавлялся в шахматы» Меншиков и 4 сентября, когда приехал в Петергоф; но свидание было кратким, и остаться наедине с императором ему не удалось.

На следующий день Меншиков почуял недоброе и отправился выяснять отношения с Остерманом, которого назвал «атеистом» и которому угрожал ссылкой в Сибирь[54]. Но он явно не обладал дипломатическими способностями, чтобы изменить стиль обращения с «неблагодарным» мальчишкой и выйти из конфликтной ситуации. Затем князь сделал новую ошибку — уступил поле боя противникам и вернулся в Петербург. Он не знал, что предпринять: 6 и 7 сентября то появлялся на заседаниях Совета, то говорил о желании отойти от дел, то вызывал обратно им же высланного учителя Петра II Зейкина (вероятно, на замену Остерману)[55] и приказывал фельдмаршалу М. М. Голицыну «поспешать сюда как возможно»[56].

7 сентября Петр переехал из дворца Меншикова в «Новый летний дом» у Невы. На следующее утро князю было объявлено о домашнем аресте, а публике — о том, что отныне «всем указам быть за подписанием собственныя нашея руки», и о запрете исполнять любые распоряжения Меншикова[57]. Гвардейские полки 7 сентября получили от Петра приказ «иных указов не слушать и не исполнять кроме того, что вам от генерал-поручиков и маэоров гвардии нашей князь Григорья Есупова и Семена Салтыкова нашим именем повелено будет»[58].

9 сентября в Совете появился и сам Петр; до его прихода Остерман представил присутствовавшим записку о «винах» Меншикова. Единогласным решением тот был лишен званий, чинов и орденов и приговорен к ссылке в дальнее имение — городок Ораниенбург под Рязанью. Подписанный императором «в своих покоях» приказ об этом также принес Остерман. Однако устранение министра-временщика показало, что такая ситуация была еще недостаточно от-

---

[54] См.: *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 563–564. О таком разговоре сообщил И. Лефорт в депеше от 20 сентября (см.: Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. Сообщено из дел Саксонского Государственного архива // Сборник РИО. Т. 5. СПб., 1870. С. 495).

[55] См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 226. Л. 15; *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 567.

[56] См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 67. Л. 72.

[57] Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета // Сборник РИО. Т. 69. С. 270–271; ПСЗРИ. Т. 7. № 5151.

[58] РГВИА. Ф. 2584. Оп.1. № 47. Л. 465.

работана: свергнутый правитель России отправился в ссылку в роскошной карете с целым караваном пожитков и прислуги.

Размах и произвол действий Меншикова, как можно полагать, характерны для раннего этапа формирования российского фаворитизма, когда его носители еще не представляли себе границ дозволенного. Вероятно, личному другу Петра Великого было особенно трудно эти границы осознать. Более тонко чувствовавшие ситуацию дипломаты сетовали: Меншиков демонстрировал «суровость» и управлял «как настоящий император», вместо того чтобы вести себя «по правилам»: оказывать милости, заручиться доверием царя, его сестры и членов Верховного тайного совета[59]. Сам князь, похоже, этого так и не понял и оттого был таким беспомощным в последние дни перед крушением.

[59] См.: Донесения французского поверенного по делам при русском дворе за 1727–1730 гг. С. 45, 50; Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. Сообщено из дел Саксонского Государственного архива // Сборник РИО. Т. 3. С. 478, 489; Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии. Сообщено из дел Прусского Государственного архива // Сборник РИО. СПб., 1875. Т. 15. С. 321, 322, 350, 351, 386, 387.

Евгения Владимировна ЕРЕМИНА-СОЛЕНИКОВА
(Санкт-Петербург)
Экскурсовод
Государственного Эрмитажа

Танцы в Меншиковском дворце в XVIII в.

Evgenia V. Eremina-Solenikova

Dancing in the Menshikov Palace in the 18th Century

Аннотация: Дворец А. Д. Меншикова с первых лет своего существования стал одним из танцевальных центров Петербурга. Здесь танцевали на свадьбах и ассамблеях еще во времена первого хозяина дворца. Но с опалой светлейшего князя танцевальная история дворца не закончилась, т. к. в его стенах разместился Сухопутный шляхетский корпус, в программу преподавания в котором входили танцы. Здесь работали К. К. Менк и Ж.-Б. Ланде, а также первый русский танцмейстер А. Нестеров. Здесь зародился русский балет, составлялись первые программы преподавания танцев и был напечатан первый в России учебник, посвященный этой дисциплине.

Abstract: From the first years of its existence, the Palace of A. D. Menshikov became one of the dance centers of St. Petersburg. People danced here at weddings and assemblies at the time of the first owner of the palace. But the dance history of the palace did not end with the disgrace of A. D. Menshikov. In this palace the Knight Academy was located and cadets of the academy studied dances. C. C. Menck and J.-B. Lande worked here as well as the first Russian dance master A. Nesterov. At the academy in Menshikov palace Russian ballet was born, the first dance teaching programs were compiled, and the first dance manual in Russia was published.

Ключевые слова: А. Д. Меншиков, преподавание танцев, Жан-Батист Ланде, история русского балета.
Keywords: A. D. Menshikov, dance teaching, Jean-Baptiste Lande, history of Russian ballet.

Так сложилось, что дворец князя Меншикова в истории бального танца (и балета) сыграл бóльшую роль, чем его хозяин. Но прежде чем перейти к истории танцев во дворце, отдадим дань уважения самому Александру Даниловичу Меншикову.

Первые сведения о том, что Меншиков танцевал, относятся к 9 октября 1698 г., когда на крестинах сына датского посла в Москве происходит известный инцидент: «Но, заметив, что фаворит его [Петра Великого], Алексашка, танцует при сабле, он научил его обычаю снимать саблю пощечиной; силу удара достаточно показала кровь, обильно пролившаяся из носу. Та-же комета коснулась бы и полковника фон Блюмберг, особенно за то, что он пренебрег Царским наставлением и медлил снять саблю среди танцев»[1].

Встает вопрос: что в этот момент исполняли? Скорее всего, польский танец (сейчас известный под французским названием полонез). Так, Б. И. Куракин в своих записках рассказывает, что Петр Великий учился в доме Лефорта польским танцам[2], позже, уже в 1720-х гг., Берхгольц в своих записках часто упоминает польский как один из самых распространенных танцев при российском дворе. Однако на церемонии, описанной в приведенной выше цитате, Меншиков и Блюмберг танцуют с саблей, т. е. на польский манер, согласно которому танец исполнялся одними кавалерами и был демонстрацией их воинской доблести. А вот то, что Петр наказывает придворных за нарушение привычного ему порядка (царь, по-видимому, ориентировался на другую традицию, принятую в Германии, где танцевали без оружия), очень характерно для Петра: уже позже, в 1710 г., он требовал, чтобы при нем все танцевали полонез в нечетное количество пар, как принято в России, а не в четное, пошведски[3].

Далее информация об участии Меншикова в танцах встречается уже в 1721 г. в записках Фридриха Вильгельма Берхгольца. Так,

[1] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию: (1698 и 1699 гг.). СПб.: Издание А. С. Суворина, 1906. С. 91.

[2] *Куракин Б. И.* Гистория о Петре I и ближних к нему людях. 1682–1695 гг. // Русская старина. 1890. Т. 68. № 10. С. 253.

[3] *Юль Ю.* Записки датского посланника при Петре Великом. М.., 1899. С. 141.

светлейший князь регулярно был замечен в церемониальных польских (иногда в паре с женой): «После них должны были танцевать: жених с невестою, князь Меншиков как отец с своею супругою как матерью и старый Бутурлин как брат с г-жою Головиною (своею родною дочерью) как сестрой»[4] (1 ноября 1721 г., свадьба Репнина); обычных польских: «Начали польским — его высочество с герцогинею Мекленбургскою, князь с княгинею Черкасскою и тайный советник Бассевич с княгинею Меншиковою; потом поменялись дамами, и его высочество танцевал с княгинею, князь с герцогинею Мекленбургскою, а генерал-майор Писарев, заменивший тайного советника, с княгинею Черкасскою»[5] (6 ноября 1722 г., празднование новоселья у Меншикова). Также князь участвовал в некоем немецком танце: «Его величество царь с царицею, его высочество со старшею принцессою и князь Меншиков с младшею открыли бал немецким танцем»[6] (27 июня 1721 г., празднование годовщины Полтавской битвы). Но под немецким танцем в данном случае также имелся в виду полонез, но исполненный на манер немецких народных танцев, с кружениями дам, резкими обводами партнерши и пр.[7] То есть в 1721 и начале 1722 г. Меншиков знал только польский, что и констатирует Берхгольц, отмечая 11 февраля 1722 г.: «...танцевал все в польском; иначе, впрочем, сколько я знаю, он и не танцует»[8].

Но уже 23 ноября 1722 г., на своих именинах, Меншиков демонстрирует знание менуэта: «Вслед за тем г. Цедеркрейц стал просить герцогиню на танец, но она отказала ему, хотя немного спустя пошла танцевать с князем Меншиковым, который также приглашал ее, что многих очень удивило. В этот день я в первый раз видел князя Меншикова (который был очень весел и необыкновенно любезен с его высочеством) в менуэте, и он исполнил его недурно»[9]

---

[4] *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. М., 2000. С. 236: [Электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus13/Berhgolz/text16.phtml?id=145 (дата обращения: 31.10.2023).

[5] Там же. С. 474–475. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus13/Berhgolz/text27.phtml?id=153

[6] Там же. С. 148. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus13/Berhgolz/text12.phtml?id=141

[7] Ср.: Russel T. The compleat dancing master: A translation of Gottfried Taubert's Rechtschaffener Tanzmeister: In 2 vol. Vol. 2. N. Y., 2012. P. 597.

[8] *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. С. 331. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus13/Berhgolz/text22.phtml?id=148

[9] Там же. С. 483. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus13/Berhgolz/text27.phtml?id=153

(упоминаемая в тексте герцогиня — это Анна Иоанновна, она хорошо танцевала).

Жена светлейшего князя Дарья Михайловна Арсеньева, как видно из приведенных цитат, тоже умела танцевать и принимала участие и в церемониях, и в общем веселье. Также любили танцевать и дочери. А вот сын, Александр Александрович, не очень любил подобные забавы. Берхгольц передал нам переживания его учителя: «Танцмейстер князя, немец и человек очень приятный, уверял меня, что истощил все старания, чтобы приохотить молодого князя к танцам, но до сих пор не имел никакого успеха; что сам князь, видя, что с сыном добром ничего не сделаешь, не раз жестоко наказывал его в надежде исправить; но и это ни к чему не повело: он по-прежнему ни за что не соглашается танцевать и все продолжает говорить, что успеет еще заняться танцами, что ему сперва нужно поучиться вещам более полезным»[10]. Но справедливости ради надо отметить, что речь идет о ребенке: 1 марта 1722 г., когда появилась эта запись, мальчику исполнилось всего 8 лет. К сожалению, имя танцмейстера не сохранилось, но Берхгольц с восхищением пишет о его участии в маскараде на свадьбе «князя-папы» Петра Ивановича Бутурлина: «...чрезвычайно натуральный Сатир [танцмейстер князя Меншикова], который делал самые замысловатые и вычурные па»[11] (10 сентября 1721 г., маскарад в доме Меншикова). Стоит отметить, что мы, к сожалению, пока мало знаем о танцмейстерах петровской эпохи — сохранилось только имя Германа Пауфлера, преподававшего танцы императорскому семейству. Он, как и танцмейстер Меншикова, был немцем[12].

Также Берхгольц сохранил для нас свидетельство того, что у Меншикова был свой оркестр: «Вечером бал начался у Брюммера, как скоро приехал Ферзен. Музыка состояла из оркестра князя Меншикова»[13] (16 января 1723 г.).

Известно, что у Меншикова был дворец на Васильевском острове. При Александре Даниловиче в этом дворце была активная танцевальная жизнь: свадьбы, собрания, ассамблеи — все сопровождалось полонезами и менуэтами. Особенно интересны в этом плане

[10] Там же. С. 355. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus13/Berhgolz/text23.phtml?id=149

[11] Там же. С. 212. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus13/Berhgolz/text15.phtml?id=144

[12] Театральная жизнь России в эпоху Анны Иоанновны / Сост. *Л. М. Старикова*. М., 1995. С. 198–199.

[13] *Берхгольц Ф.-В.* Указ. соч. С. 15. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus13/Berhgolz/text31.phtml?id=154

две свадьбы — Анны Иоанновны (праздновалась 11 ноября 1710 г.) и Якима Волкова, так называемая свадьба карликов (праздновалась 25 ноября тоже же года). По свидетельству анонимного автора, на свадьбе Анны Иоанновны танцевали менуэт две карлицы[14]. Это было одно из первых прилюдных исполнений менуэта в России. Что именно танцевали через две недели на свадьбе Якима Волкова, сложно сказать. По словам того же автора, «танцевать стали одни только карлики, но русские танцы»[15]. Так что, вероятно, танцы на двух свадьбах различались. Есть еще одно описание танцев на этой свадьбе, оставленное Юстом Юлем:

> «Тут собственно и началась настоящая потеха: <карлики, даже те> которые не только не могли танцевать, но и едва могли ходить, все же должны были танцевать во что бы то ни стало; они то и дело падали и так как по большей части были пьяны, то <упав> сами уже не могли встать и в напрасных усилиях подняться долго ползали по полу, <пока наконец> их не поднимали другие карлики. Так как часть карликов напилась, то происходило и много других смехотворных приключений: <так, например> танцуя, они давали карлицам пощечины, если те танцевали не по их вкусу, хватали друг друга за <волосы>, бранились и ругались <и т. п.>, так что трудно описать смех и шум <происходивший на этой свадьбе>»[16].

По нему видно, что никаких французских менуэтов там не было.

Но само известие о том, что карлики танцевали на свадьбе, дошло до западных стран и позже еще несколько раз упоминалось в разных источниках. Так, в 1742 г. Ян Каспар Филипс, работавший в Амстердаме, создал серию гравюр, посвященных России, среди которых была работа «Брачный пир с пляшущими карликами при дворе Петра Первого» (илл. 1). На ней изображена пара карликов разного пола, танцующих менуэт перед Петром Великим и его семьей среди других карлов. Так что голландский мастер спутал два события, сделав упор на свадьбу карликов (Jan Caspar Philips. Vermakelyke Bruiloft van Dwergen), но изобразив привычный и понятный ему менуэт. Танцмейстер Джованни Андреа Батиста Галлини, работавший в Англии, был более точен; он пишет: «Русские не

---

[14] Точное известие о новопостроенной его царским величеством Петром Алексеевичем на большой реке Неве и Восточном море крепости и города Санкт-Петербург // *Беспятых Ю.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 74–75.

[15] Там же. С. 78.

[16] *Юль Ю.* Указ. соч. С. 223.

Ян Каспер Филипс. Брачный пир с пляшущими карликами при дворе Петра I. 1742. https://ru.wikipedia.org

могут себе позволить ничего примечательного в своих танцах, которые они в основном заимствуют из других стран. Танец карликов, которым царь Петр Великий украсил свадьбу своей племянницы с герцогом Курляндским, был, вероятно, скорее собственной прихотью царя, чем народным обычаем»[17].

После того как Меншиков попал в опалу, уже в 1732 г. дворец бывшего фаворита был передан основанному Анной Иоанновной Сухопутному шляхетскому корпусу. И здесь с 1732 г. русское дворянство учили танцам. Этот предмет просуществовал вплоть до закрытия учебного заведения в 1918 г., но мы в этой статье ограничимся только историей XVIII в.

По штату в корпусе полагалось три танцмейстера: первый танцмейстер, с окладом 300 руб., ундер-танцмейстер, с окладом 200 руб., и фор-танцмейстер, с окладом 150 руб., всего же выделялось на преподавание танцев 650 руб.[18] Однако, учитывая разные прибавки,

[17] The Russians, afford nothing remarkable in their dances, which they now chiefly take from other countries. The dance of dwarfs with which the Czar Peter the Great, solemnized the nuptials of his niece to the Duke of Courland, was, probably rather a particular whim of his own, than a national usage. (*Gallini G.-A.* A treatise on the art of dancing. L., 1772. P. 194).

[18] Об увольнения из корпуса танцмейстера Франца Иозефа Финцента // РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 2113. Л. 22, 22 об,— 23.

а также оплату (хоть и небольшую) работы «танцовальных учеников», по сути подмастерий, этой суммы регулярно не хватало: например, в 1759 г. на выплаты танцмейстерам уходило 830 руб. в год, и поэтому на прошение об увеличении оклада Николаю Пелину был дан ответ, что «и за то прибавки реченному танцмейстеру Пелину учинить неизчего»[19]. Также первому танцмейстеру корпуса полагались квартира и дрова, а из зарплаты делались вычеты на медицинскую страховку (она включала лечение в госпитале при корпусе и лекарства)[20].

Начало преподавания танцев в корпусе было одновременно началом систематического преподавания танцев в России вообще. Преподавателей этого нового для России предмета могли специально приглашать из-за границы на должность танцмейстера. Про большинство из них в документах не сохранилось информации, сами ли они прибыли, по своей воле, или были приглашены. Но в биографии Йозефа Финцента находятся интересные сведения. Он был принят в корпус в 1739 г., 10 апреля, при этом был приглашен из Амстердама, по рекомендации фехтмейстера Барбиера. Ехал он за свой счет, но впоследствии Финценту компенсировали дорожные расходы (60 руб.)[21]. По прибытии танцмейстер держал экзамен, на котором продемонстрировал свое умение[22].

Такой тщательный отбор давал соответствующие результаты: в корпусе работали очень хорошие специалисты. Одним из самых уважаемых танцмейстеров в царствование Анны Иоанновны был Карл Конрад Менк. Он приехал в Россию из Шведской Померании и преподавал в корпусе с 1 января 1733 г. В 1736 г. Менк числился в составе корпуса первым танцмейстером. Работал он четыре дня в неделю по пять часов, как и прочие преподаватели танца[23] (позже такие же условия включались в капитуляции всех танцмейстеров). Кроме того, Менк был наставником для других учителей, в частности Иоганна Лукса. У последнего в капитуляции написано, что он

---

[19] О танцмейстере Пелене, который обязался обучить данных ему учеников четыре танцованию // РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 2957. Л. 10 об.

[20] О прибавлении танцмейстеру Нестерову жалования // РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 2291. Л. 10–10 об.

[21] Петербургский балет. Три века: Хроника: В 6 т. Т. 1. XVIII век / Авт.-сост. *Н. Н. Зозулина*. СПб., 2014. С. 37; *Всеволодский (Гернгрос) В. Н.* История театрального образования в России. Т. 1: (XVII и XVIII вв.). СПб., 1913. С. 36.

[22] *Всеволодский (Гернгросс) В. Н.* Указ. соч. С. 213.

[23] Капитуляции и ордера о танцмейстерах // РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1683. Л. 2–3 об.

«повинен господина танцмейстера Менка своим обер-мастером признавать и потребное обучение от него принимать, как обучающихся шляхетных юн обучал, дабы оные с пользою от него в вышние классы определены быть могли»[24]. В 1737 г. с Менком был перезаключен контракт на прежних условиях, но вскоре он умер.

Другой известный танцмейстер, Жан-Батист Ланде, по происхождению был французом. До приезда в Россию он работал в разных странах: во Франции (в Париже), в немецких землях (в Дрездене), в Швеции (в Стокгольме)[25]. Прибыл Ланде в Петербург 9 июня 1733 г., а в корпус был принят с 1 августа 1734 г., с жалованием в 300 руб. и квартирою[26]. Не позже 1736 г. Ланде открыл в корпусе балетный класс, где преподавал «расширенную программу», так что его ученики имели возможность «раз в неделю ставить на придворном театре “для перемены” итальянские интермедии с балетом, в котором обыкновенно танцовали сухопутного шляхетного корпуса кадеты и посторонние молодые люди, обучавшиеся у кадетского танцмейстера Ланде»[27], в то время как Лукс параллельно с Ланде давал в своем классе только бальные танцы. Сохранились сведения о том, что Ланде была разрешена частная танцевальная практика, так же как и Луксу, — это свидетельствует о том, что руководство корпуса считало возможными для своих танцмейстеров дополнительные заработки[28]. В 1737 г. Ланде подал Анне Иоанновне знаменитую челобитную об образовании Танцевальной школы.

Подчеркну, что Ланде имел балетный класс (не исключено, что аналогично преподавал балет и Менк), т. е. обучали дворян балетам, и его ученики показывали их при дворе. По сути, если Зимний дворец Петра I, где Анна Иоанновна выделила комнаты для Ланде и его Танцевальной школы, это колыбель русского балета, то дворец Меншикова — место, где наш балет зародился. И начинать его историю можно с балетного класса Ланде в Сухопутном шляхетском корпусе, располагавшемся в Меншиковском дворце.

Также именно в корпусе работал первый русский танцмейстер — Андрей Нестеров. Он сам учился у Ланде в первом наборе Танце-

---

[24] Об увольнении из Корпуса танцмейстера Лукса // РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1767. Л. 3 об.

[25] *Еремина-Соленикова Е. В.* К уточнению биографии Жана-Батиста Ланде, основателя Русского балета // История отечественной культуры в архивных документах. Труды научной конференции 2023 года. В печати.

[26] *Всеволодский (Гернгросс) В. Н.* Указ. соч. С. 210.

[27] Там же. С. 217.

[28] Об увольнении из Корпуса танцмейстера Лукса // РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1767. Л. 5.

вальной школы, потом танцевал при Итальянской компании, а в 1748 г., как и другие ученики этого набора, был уволен. В том же году Нестеров устроился в корпус, причем в ходатайстве он упоминал, что ранее помогал Ланде на танцклассах в этом учебном заведении[29]. Нестеров преподавал в корпусе более 10 лет, учил кадетов и офицеров, подготовил несколько «танцовальных учеников». Кроме корпуса, он учил танцам еще в гимназии при Академии наук, директор которой, Степан Крашенинников, дал о Нестерове положительный отзыв:

> «И в силу помянутаго ордера искали мы такого танцмейстера, однако поныне приискать не могли, кроме кадедскаго танцмейстера Андрея Нестерова, которой был и прежде в службе при Академии, и отставлен за частным нехождением к своему делу. И хотя в разсуждении тогдашних обстоятельств сомнительно б показалось, паки принять его в академическую службу, однако по моему мнению в разсуждении особливаго его в той науке искуства, и что по объявлению всех у него учившихся, они получили от него в час больше пользы, нежели от Венсана в месяц»[30].

После 1759 г. следы Нестерова теряются: видимо, он спился и прекратил преподавание[31].

В 1750-х гг. директором корпуса был князь Борис Григорьевич Юсупов, который много сделал для этого учебного заведения. При нем кадеты активно занимались постановками, а в пьесах того времени актеры регулярно танцевали. Именно при Юсупове в корпус пришел новый преподаватель танцев — Николя Пелин, работавший с 1754 по 1763 г. Именно Пелин сменил программу преподавания танцев в корпусе.

Во времена Ланде и в классе его ученика Нестерова программа была рассчитана прежде всего на то, что кадеты впоследствии будут танцевать в постановках, в. т. ч. перед лицом императриц. Первым изучался менуэт, потом — сольные танцы, близкие к театральной традиции, на третьем этапе — контрдансы, видимо, также в сценическом варианте, и на последнем — балет[32]. Пелин предложил дру-

---

[29] *Еремина-Соленикова Е. В.* Андрей Нестеров — первый русский танцмейстер // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3. С. 85.

[30] Там же. С. 87.

[31] Там же. С. 88.

[32] *Еремина-Соленикова Е. В.* К вопросу о программах обучения танцу в XVIII веке // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 2014. № 6 (35). С. 38–50.

гую программу. Начинал он также с менуэта, главного танца эпохи. Но потом предлагал переходить к полонезам, танцам в высшей степени популярным в России в XVIII в., а на третьем этапе обращался к контрдансам[33] (учитывая то, что в программе Пелина нет ничего связанного со сценой, скорее всего, это были контрдансы, модные в бальных залах того времени).

Также при Юсупове, в 1757 г., в Меншиковском дворце при Сухопутном шляхетном корпусе была учреждена типография для печати учебных пособий. И именно в этой типографии в 1794 г. был издан первый в России учебник танцев — «Танцовальный учитель» Ивана Кускова34. Это было не оригинальное произведение, а перевод книги Жоссона35 (издана во Франции в 1763 г.). Кусков был преподавателем танца в Императорской Академии художеств в 1790–1795 гг., а до того преподавал в корпусе, поэтому он и смог издать свою книгу в типографии при этом учебном заведении. Переводчик очень внимательно отнесся к книге Жоссона: перевел части, относящиеся к этикету, танцевальной позиции, выработке у танцующего стати, исполнению менуэта, но не стал переводить уже устаревшие части, посвященные контрдансам. При этом он внес в примечания свои мысли об актуальности советов Жоссона для танцев 1790-х гг.36

Таким образом, дворец Меншикова сыграл значительную роль в истории бальных танцев и балета в России. Это место, где:

— проводились первые ассамблеи и грандиозные свадьбы петровского времени;

— складывались традиции и первые программы преподавания бальных танцев в России;

— зародился наш балет;

— был издан первый учебник танцев в России.

---

[33] О танцмейстере Пелене, который обязался обучить данных ему учеников четыре танцованию // РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 2957-11. Л. 6–6 об.

[34] *Кусков И.* Танцовальный учитель, заключающий в себя правила и основания сего искусства к пользе обоего пола, со многими гравированными фигурами и частию музыки. СПб.: Тип. Императорского Сухопутного Шляхетного Корпуса, 1794. 44 с.

[35] Josson l'aîné. Traité abrégé de la danse, qui contient les premiers principes de l'art, la maniere de marcher, se présenter & saluer avec grace, la façon de danser le menuet comme il se danse aujourd'hui, les différens pas & figures des contre-danses en usage. Ouvrage utile aux jeunes personnes qui désirent se perfectionner en cet exercice. Angers, 1763: [Электронный ресурс]. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k320584w (дата обращения: 31.10.2023).

[36] *Кусков И.* Указ. соч. С. 13, 14.

Сергей Олегович АНДРОСОВ
(Санкт-Петербург)
Главный научный сотрудник
Отдела западноевропейского изобразительного искусства
Государственного Эрмитажа

Филиппо Балатри и его записки о Петре I, А. Д. Меншикове и России (1699–1701 гг.)[1]

Sergey O. Androsov

Filippo Balatri and His Records on Peter I, Alexandr Mensikov and Russia (1699–1701)

Аннотация: Российская государственная библиотека (Москва) обладает рукописью молодого итальянского певца Филиппо Балатри (1682–1756), который жил в России с 1699 по 1701 гг. В 2020 г. полную публикацию его записок по-итальянски осуществила проф. Мария Ди Сальво. Текст содержит исключительный материал по истории петровского времени, в т. ч. интересную информацию о Петре I и А. Д. Меншикове.
Abstract: The Russian State Library (Moscow) has a manuscript of young Italian singer Filippo Balatri (1682–1756), lived in Russia between 1699 and 1701. In 2020 Prof. Maria Di Salvo has realized the full publication of his records in Italian. The text of Balatri contains exceptional material for the history of Petrine time and very interesting information about Peter I and Alexandr Mensikov.

Ключевые слова: Филиппо Балатри, Италия, Россия, Петр I, Меншиков, Голицын.
Keywords: Filippo Balatri, Italy, Russia, Peter I, Menshikov, Golitsyn.

[1] Автор пользуется случаем выразить глубокую признательность проф. Марии Ди Сальво за советы и консультации во время подготовки настоящей статьи.

О пребывании в России итальянского певца Филиппо Балатри (1682–1756) известно с 1908 г., когда И. А. Шляпкин опубликовал заметку о русской песне, обнаруженной в итальянской рукописи из Баварской национальной библиотеки[2]. В 1924 г. поэма Филиппо Балатри «Плоды мира», представляющая его краткую биографию в стихах и рассказывающая также о его жизни в России, была издана Карлом Фосслером[3]. Эта публикация была чуть позднее освещена в статье Б. Б. Кафенгауза (1929 г.)[4]. Наконец, благодаря счастливой случайности в Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека) поступили девять томов рукописных автобиографических записок Балатри, названных автором «Жизнь и путешествия». История их поступления вкратце такова: в 1930-е гг. рукопись принадлежала бывшему профессору Петербургского университета П. В. Отоцкому (1865/66–1943), после революции жившему в Праге. Позднее манускрипт приобрела Государственная библиотека Чехословацкой республики и в 1962 г. подарила ее Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве, отмечавшей тогда столетие со дня основания. Из девяти томов шесть связаны с пребыванием Филиппо Балатри в России. Первое сообщение о рукописи было опубликовано Ю. И. Герасимовой в 1965 г. Автор привела важные факты, касавшиеся истории записок и вообще личности Балатри, однако ясно, что отразить многотомные мемуары в одной статье, хотя бы и большой, было невозможно[5]. Позднее рукопись Балатри использовали также зарубежные русисты — Д. Ф. Шлафли (США)[6] и Мария Ди Сальво (Италия). Итальянская исследовательница собрала важные материалы, связанные с жизнью Балатри в Италии и других

---

[2] *Шляпкин И. А.* Библиографические разыскания в заграничных русских библиотеках. VIII. Неизвестный мемуарист итальянец Петровской эпохи и отрывок русской песни // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1908. Том XIII. Кн. 3. С. 271–280.

[3] Frutti del Mondo. Autobiografia di Filippo Balatri da Pisa (1675–1756) (ed. da *C. Fossler*). Palermo, 1924.

[4] *Кафенгауз Б. Б.* Записки Филиппо Балатри о России при Петре I // Старая Москва. Статьи по истории Москвы в XVII–XIX вв. Сб. 1. М., 1929. С. 95–108.

[5] *Герасимова Ю. И.* Воспоминания Филиппо Балатри — новый иностранный источник по истории петровской России (1698–1701) // Записки Отдела рукописей Всесоюзной Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. 1965. Вып. 27. С. 164–190.

[6] *Schlafly D. F.* Filippo Balatri in Peter the Great's Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1997. Bd. 45. H. 2. S. 181–198; Id. A Muscovite bojarynja faces Peter the Great's Reforms: Dar'ia Golitsyna between two Words // Canadian-American Slavic Studies 1997. XXXI, No 3. P. 249–268.

странах, в частности уточнила, что он родился в 1682 г.[7] Тем не менее, было очевидно, что записки Балатри должны быть опубликованы целиком, по крайней мере, в той части, которая касается его пребывания в России. Профессор Ди Сальво, ведущий специалист в области русистики в Италии, работала над текстом более двадцати лет, но только в 2020 г. полный текст мемуаров Балатри был опубликован. Во вступительной статье чрезвычайно тщательно воссоздана его биография и прослежена возможная история рукописи. Книга насчитывает почти 750 страниц, из них более 400 страниц относятся к России, и остается только выразить глубокую благодарность Марии Ди Сальво за проделанный ею гигантский труд[8].

Автор настоящего сообщения тоже отдает себе отчет в том, что ему не удастся подробно рассказать о мемуарах Балатри. Тем не менее, хотелось бы привлечь внимание к этому важному историческому источнику, который, хотя бы частично, нужно перевести на русский язык. По словам проф. Ди Сальво, перевод был начат, но затем как-то приостановился.

Записки Балатри не являются дневником, как, например, записки Фридриха Вильгельма Берхгольца. Певец, как видно из текста, использовал какие-то заметки, сделанные им непосредственно в России. Его сочинение во многом напоминает роман с длинными диалогами и лирическими отступлениями, обращенными к неназванному другу. Если текст, написанный от руки крупным почерком, легко читается, то многие слова требуют разъяснений и комментариев.

Филиппо Дионизио Балатри родился, как теперь установлено, 21 февраля 1682 г. в семье смотрителя университета в Пизе (Тоскана). С юности он проявил способности к музыке, и в надежде на удачную карьеру родители дали согласие на его кастрацию. В последние годы XVII в. Филиппо находился на службе у великого герцога Тосканского Козимо III Медичи во Флоренции. Как известно, в 1697–1698 гг. многие русские юноши из знатных семей были посланы в Венецию изучать морское дело и овладевать разными профессиями. Среди них был кн. Петр Алексеевич Голицын (1660–1722), брат Бориса Алексеевича, фактически возглавлявшего русское правительство при юном Петре I. Во время посещения Фло-

[7] Di Salvo M. Vita e viaggi di Filippo Balatri (Preliminari all'edizione del testo) // Russica Romana. 1999. VI. P. 37–57; *Ди Сальво М.* Кастрат Петра Великого: Филиппо Балатри в Московии // Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 430–439.

[8] Filippo Balatri. Vita e viaggi (a cura di Maria Di Salvo). Alessandria, 2020.

ренции Голицын сумел договориться с Козимо III о посылке 16-летнего Филиппо в далекую Московию в обмен на малолетних калмыка и самоеда. Выехав из Венеции в начале ноября 1698 г., в составе свиты Голицына, Балатри в начале февраля следующего года оказался в Москве. Он, разумеется, не знал русского языка и был сначала очень напуган, увидев трупы участников стрелецкого восстания на улицах города. Позднее он научился говорить по-русски, познакомился с земляками из Немецкой слободы и, как кажется, вполне освоился в России[9]. Находясь на службе у Голицына, он не раз пел для Петра I, который называл его «Филиппушка». Летом 1700 г. он, вместе с братом своего патрона Б. А. Голицыным, посетил калмыцкого князя Аюку и также познакомил его с итальянской музыкой. В начале 1701 г. П. А. Голицын был назначен полномочным министром в Вену и взял с собой Балатри, благодаря чему тот смог вернуться на родину. Таким образом, он провел в России не шесть лет, как пишет сам, а чуть больше двух лет.

По возвращении во Флоренцию, Балатри не смог сделать яркой карьеры при дворе стареющего Козимо III, хотя его знание русского использовали не раз. Он сопровождал и всячески развлекал, например, Семена Григорьевича Нарышкина, находившегося во Флоренции около семи месяцев в ожидании токарного станка, обещанного царю, в 1711–1712 гг. Ему было доверено также обучение католическому катехизису юных калмыков, присланных из России, впрочем, без особого успеха. К сожалению, один том мемуаров Балатри, относящийся к этому времени, утрачен, и эти события реконструируются только по автобиографической поэме.

После смерти родителей Балатри путешествовал по разным странам Европы, добившись определенной известности как певец-кастрат. Он пел в Англии, Франции, Австрии, германских странах. В конце концов он обосновался в Баварии, где нашел себе должность певца, а затем учителя пения при дворе баварского герцога Максимилиана III Эммануила. В Баварии, между 1725 и 1732 гг., он и писал свои воспоминания. В 1739 г. Филиппо Балатри постригся в монахи в цистерианском монастыре в Фюрстенфельде. Здесь 10 сентября 1756 г. и закончилась его бурная жизнь.

---

[9] Как пример можно привести отрывок из русской песни, который Балатри приводит латинскими буквами и дополняет переводом на итальянский язык:

Ай, сорока-белобока
Стала с дружком танцевать,
Да ворона, стара жопа,
Пришла тотчас помешать. (Filippo Balatri... P. 236.)

Мемуары Балатри относятся к периоду, за который историки почти не располагают свидетельствами иностранцев о жизни в Москве. Полностью отсутствуют также сведения о повседневной жизни. Благодаря своему юному возрасту, Балатри имел возможность изнутри наблюдать жизнь дома Голицыных и даже быть вхожим на женскую половину, где распоряжалась княгиня Дарья Лукинишна Голицына (урожденная Ляпунова, 1668–1715). Как человек, известный Петру I, он участвовал в пирах и праздниках ближнего круга царя. Если верить мемуаристу, он регулярно посещал Анну Монс, давал ей уроки музыки и даже пытался ухаживать за ней, считая отношения немки с царем вполне невинными.

Из записок Балатри можно узнать подробности о жизни в Немецкой слободе, где находились люди разных национальностей и вероисповеданий. Наставником юноши здесь стал тосканский купец Франческо Гуаскони (Гваскони), уже более 20 лет живший в Москве и имевший братьев — партнеров по бизнесу как во Флоренции, так и в Амстердаме. Важным моментом для Филиппо является вопрос о месте католиков в России, к которому он обращается не раз. Он жалуется на несправедливое отношение обывателей, которые называли его «собакой», «мусульманином». В отличие от лютеран и других протестантов, к которым в то время понемногу уже стали привыкать, католик Балатри казался «московитам» прямым шпионом папы и представителем ложной веры. В томе 5 своих мемуаров Балатри попытался суммировать свои наблюдения и рассказать о жизни москвичей. Эти страницы представляют особый интерес для исследователей.

В своих записках Балатри сообщает интересные сведения о Петре I, А. Д. Меншикове, а также его патроне П. А. Голицыне. Представляется возможным ограничиться некоторыми интересными фрагментами. Певец имел возможность многократно наблюдать Петра I. Он некоторое время жил в царском дворце, дважды сопровождал государя во время поездок в Воронеж. Он видел царя не только на праздниках, но и в трудные минуты — в момент пожара и во время прощания с умершим Патриком Гордоном. Петровские реформы тоже происходили на глазах Балатри: обрезались бороды, старорусские одежды менялись на европейские наряды. В целом итальянец рисует очень привлекательный образ царя-реформатора и верит в будущее развитие страны. Он дает такое описание облика Петра I:

> «...царь Петр Алексеевич высокого роста, скорее худой, чем толстый, с курчавыми волосами темно-коричневого цвета,

которые держит короткими. У него большие черные глаза с длинными ресницами, смуглое [дословно — «коричневатое». — *С. А.*] лицо с хорошо очерченным ртом, но с поврежденной нижней губой, на которой шрам. Лицо круглое, красноватого цвета, с правильными чертами... Ноги показались мне немного тонкими относительно фигуры, он часто двигал головой к правому плечу, казался примерно тридцати шести лет, или немного младше...»[10].

В другом месте Балатри дополняет образ царя, рассказывая о его одежде и манере вести себя:

«Всегда он показывался одетым в темных или темно-желтых тонах, также и в чулки, с башмаками, перевязанными черными лентами, так что никогда нельзя было увидеть его одетым по-московитски. Он был очень весел в разговоре, но столь же страшен во время вынесения приговора. Если мог показать милосердие, не прилагая усилий, то так и поступал. В его действиях была законченность и невероятная активность, даже в походке присутствовала такая стремительность, что заставляла всякого следовать за ним. Он был очень мудрым, и все хотел знать и постигать, чтобы во всем быть в курсе дел. Любитель изящных искусств и в особенности скульптуры, он поэтому послал разных юношей в Италию, чтобы обучиться ей»[11].

Последняя фраза особенно важна. Она не только подтверждает тезис об особой страсти Петра к скульптуре, но и свидетельствует о продолжавшихся контактах Балатри с русскими в Италии: ученики, которым предстояло освоить ваяние, были посланы в Венецию в 1724 г., но добрались до города Святого Марка только в начале 1725 г.

Не раз упоминается на листах записок Балатри также А. Д. Меншиков, обычно сопровождавший царя. Во время первого выступления певца перед Петром I и его ближайшими сподвижниками, случившегося в доме Б. А. Голицына, Меншиков показался итальянцу большим любителем музыки. «Я пел так хорошо, как только мог, и видел, что мое пение имеет успех, но особенно мне было заметно, что оно так понравилось князю Меншикову, что он попросил Его Величество заставить продолжать еще три арии, и что все кавалеры, которые были в этой комнате, высказывали знаками свое одобрение»[12]. Словесный портрет Меншикова, который дает

[10] Ibid. P. 41.

[11] Ibid. P. 57.

[12] Ibid. P. 43.

Балатри, выглядит так: «...он показался мне человеком примерно тридцати лет, с правильной фигурой, с приятным лицом, не красивым, но и не уродливым, с румяными щеками, с синими, полными живости глазами, пропорционального сложения и не худой...»[13].

В другом месте своих записок Балатри приводит известную историю о юности Меншикова, который мальчиком будто бы продавал пирожки и кричал: «Мясные пироги» [слова приводятся по-русски. — *С. А.*]. Царь сначала взял его для работ в дворцовой кухне, а затем, оценив ум юноши, приблизил его к себе и стал прислушиваться к его советам. Впрочем, здесь же Балатри рассказывает и другую версию возвышения Меншикова: находясь на кухне, он узнал о готовившемся отравлении царя и смог предупредить его об опасности[14]. Эта вторая история повторена итальянцем дважды. Остается неясным, слышал ли Балатри о низком происхождении Меншикова во время своего пребывания в России, или же познакомился с этим бродячим сюжетом позднее, уже возвратившись в Европу.

Хотелось бы привести также словесный портрет покровителя Балатри, Петра Алексеевича Голицына, имеющий юмористический оттенок и свидетельствующий о литературных дарованиях итальянца.

> «Моему князю было сорок два года, [он. — *С. А.*] среднего роста и хорошего сложения. Бледный и слабый телом, но с очень нежным лицом, он говорил всегда с улыбкой, даже тогда, когда поправлял [кого-то. — *С. А.*]. У него светлые волосы, голубые глаза и средние пропорции. Друг мира и в то же время заботящийся о своих удобствах, в течение семи лет, что я имел честь его посещать, я ни разу не видел его рассерженным. Приверженный своей вере, он оставался бесконечно милосердным к своим подданным и домашним, не желая наказывать их, кроме того, когда был вынужден [это делать. — *С. А.*]. Противник крепких напитков и разных сортов ликеров (которых в этой стране множество), как и всяких излишеств, он был очень аккуратен в режиме своей жизни. Это его стремление сохранить свое здоровье заставило его вступить в дружбу со всеми медиками в Италии, а поскольку в Московии такого не знали (так было, по крайней мере, в мое время, потому что Царь не давал поручения их завести), то казалось, что он нашел в Италии тех, кто знал и разумно [их. — *С. А.*] слушал, потому вернулся в Москву, нагруженный записями, касающимися разных правил жизни, рецептами, лекарствами

[13] Ibid. P. 41.

[14] Ibid. P. 58.

и медикаментами, со своим слугой, наученным, как их использовать. Жалуясь медикам на свой естественный запор (не зная, что это естественное дело не худшее для долгой жизни), он посылал домой посылки в виде трубочек, клистиров, кассию в трубочке, засушенные цветы персика, ревень, пилюли от ста аптек, манну [сок ясеня. — *С. А.*] и десять или двенадцать ящиков розового сахара, принимая его каждые три дня и меняя одно на другое (чтобы уменьшиться до размеров мумии и скорейшим образом отправиться к праотцам, что почти и случилось, если бы не отказался, когда дело пошло очень быстро). Он был человеком исключительной доброты и крепости духа, но ему не хватало ни живости, ни прозорливости, (хотя она все же была)»[15].

Хочется надеяться, что перевод записок Филиппо Балатри на русский язык с последующей публикацией будет осуществлен. Это издание должно дать новые важные импульсы изучению петровского времени.

[15] Ibid. P. 41, 42.

Сергей Алексеевич МЕЗИН
(Саратов)

Заведующий кафедрой истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Первые французские биографии А. Д. Меншикова

Sergey A. Mezin

First French Biographies of A. D. Menshikov

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы авторства и идейной направленности первых франкоязычных биографий А. Д. Меншикова. Сочинение, опубликованное в Париже в 1710 г. под названием «Князь Кушимен», заложило основу последующих биографий Меншикова. Дипломаты Ж.-Л. Боннак, А. Лави, Ж. де Кампредон, герцог де Лириа внесли свой вклад в создание жизнеописания царского фаворита. К дипломатическим кругам был близок и автор «Анекдотов о князе Меншикове» в составе так называемых «Записок Вильбуа». Высказывается предположение, что «Анекдоты» принадлежат перу секретаря саксонского курфюрста Августа II Е. Мовийона.

Abstract: The article deals with the authorship and ideological orientation of the first French-language biographies of A. D. Menshikov. The work published in Paris in 1710 under the title «Le prince Kouchimen» laid the foundation for subsequent biographies of Menshikov. Diplomats J.-L. Bonnac, H. Lavie, J. de Campredon, duke de Liria contributed to the creation of a biography of the tsar's favourite. The author of «Anecdotes about Prince Menshikov» as part of the so-called «Villebois's memoirs» was also close to diplomatic circles. It is suggested that the «Anecdotes» belong to the secretary of the Saxon Elector August II E. Mauvillon.

Ключевые слова: А. Д. Меншиков, биография, французская россика, Ж. Г. Ламбер де Герен, Е. Мовийон.
Keywords : A. D. Menshikov, biography, French rossica, J. G. Lambert de Geréin, E. Mauvillon.

С начала XVIII в. в сочинениях французских авторов о России особое место занимал образ Петра I, но рядом с необыкновенным царем часто упоминался его необычный фаворит — Александр Данилович Меншиков[1].

Первая беллетризованная биография царского любимца была опубликована в Париже в 1710 г. под названием «Le prince Kouchimen, Histoire Tartare...» («Князь Кушимен, Тартарская история...»)[2]. Книга пользовалась популярностью у читателей, о чем свидетельствуют парижские и амстердамские переиздания 1710 и 1728 г., а также печатные отклики современников. Это сочинение издано в переводе на русский язык[3] и хорошо известно специалистам. Об авторе книги — французском инженере и разработчике проекта Петропавловской крепости Жозефе Гаспаре Ламбере де Герене, находившемся на русской службе в 1701–1706 гг., существует довольно обширная литература. Итоги изучения его жизни подведены в статье биографического словаря «Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого», в написании который приняла участие целая группа историков: Д. Ю. и И. Д. Гузевичи, В. С. Ржеуцкий, М. Ю. Данков и П. А. Аваков[4]. Можно было бы ограничиться отсылкой к работе уважаемых специалистов, однако вопрос об авторстве и идейной направленности «Князя Кушимена» получил иную трактовку в работах Н. А. Копанева, одна из которых не учтена в словарной статье. Это побуждает меня еще раз остановиться на характеристике этого сочинения.

---

[1] Обзор ранних западноевропейских биографий А. Д. Меншикова см.: *Минцлов Р. И.* Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872. С. 532–548 (на фр. яз.); *Беспятых Ю. Н.* Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. СПб., 2008. С. 53–70.

[2] Le prince Kouchimen, Histoire Tartare, et Dom Alvar del Sol, Histoire Napolitaine. Paris, 1710.

[3] История князя Меншикова / Перевод с франц. и предисл. *Л. Л. Альбиной*; лит. ред. перевода, коммент. и статья *А. М. Шарымова*. СПб., 2003. Первая публикация: Аврора. 1993. № 7. С. 112–124.

[4] Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / Под ред. *В. С. Ржеуцкого и Д. Ю. Гузевича*, при участии *А. Мезен*. М., 2019. С. 360–367.

За анаграммой Кушимен легко различить французское произношение фамилии Меншикова: Мен-ши-ку. В основе рассказа лежит вымышленный сюжет о том, как молодой фаворит спасает жизнь своего государя, раскрыв ему имена и планы заговорщиков. Вплетенная в повествования история любви безродного царского слуги к знатной девушке, дочери главы заговорщиков, позволяет автору реализовать излюбленную коллизию классицистической литературы: герой разрывается между гражданским долгом и любовным чувством. Он делает свой выбор в пользу государя и в качестве вознаграждения получает желанную невесту. Литературный вымысел не мешает автору сообщить «истинные» или, во всяком случае, правдоподобные факты из биографии Меншикова и обрисовать черты его характера. По его словам, до десяти лет мальчик торговал пирожками на улицах столицы, а затем за красоту и живость был взят в услужение к Лефорту (в повести он выступает под именем Дюборда), от которого перешел к государю в роли комнатного слуги, спавшего у подножия постели господина. Выдающиеся личные качества Меншикова: ум и энергия, обаяние и услужливость — способствовали тому, что он стал незаменимым другом и фаворитом царя. Автор приписывает своему герою «характер благородный и весьма редкий». Скромностью, бескорыстием и покровительством он обрел множество друзей, а затем и богатство. Окончательное возвышение фаворита произошло якобы после того, как он спас жизнь царского сына, которого государь в порыве ярости велел казнить. (Здесь автор вновь прибегает к вымыслу, но в некотором смысле пророческому.) В результате Меншиков стал великим человеком, сподвижником гениального государя, свершившим множество «героических деяний».

В 2004 г. Н. А. Копанев опубликовал статью[5], где обратил внимание на то, что во французском переводе известного сочинения Ф. Х. Вебера «Преображенная Россия», вышедшем в Гааге в 1725 г., имеется приложение в виде «Письма, содержащего жизнеописание и портрет князя Меншикова, генерал-фельдмаршала армии Его царского Величества»[6], датированного 7 декабря 1711 г. Оно представляет собой, как справедливо заметил Копанев, «расширенную

[5] Копанев Н.А. К формированию образа А. Д. Меншикова в европейской публицистике (письмо, содержащие «Жизнеописание и портрет князя Меншикова» от 7 декабря 1711 г.) // Меншиковские чтения — 2004: Сб. науч. ст. / Отв. ред. П. А. Кротов. СПб., 2004. С. 48–58.

[6] Mémoires pour servir à l'Histoire de l'Empire Russien, sous le R?gne de Pierre le Grand. La Haye, 1725. P. LXIV–LXXXII.

политизированную переделку» повести «Князь Кушимен». Здесь раскрыты подлинные имена главных героев и вновь рассказана история о том, как Меншиков спас государя от смертельной опасности, пожертвовав своими чувствами к прекрасной княжне. Баснословная история о спасении царского сына опущена, а характеристика личных качеств и заслуг Меншикова значительно расширена. Однако автор «Письма» ошибся в дате рождения фаворита, сообщив, что в 1711 г. ему было 32 года.

Опубликовавший русский перевод «Письма» Н. А. Копанев предположил, что целью его появления в печати в 1725 г. была дискредитация Меншикова как безродного выскочки в период острой династической борьбы в царствование Екатерины I. А тайным организатором этого демарша якобы был А. И. Остерман. Конспирологические догадки Н. А. Копанева, на мой взгляд, противоречат самому содержанию «Письма», в котором, несмотря на упоминание «низкого происхождения» Меншикова, его личные достоинства превознесены до небес: он относится к подчиненным офицерам как к «своим детям или братьям»; он не знает усталости и работает день и ночь; почести, которыми вознаградил его царь, не сделали его высокомерным. Он лишен заносчивости, дружелюбен и деликатен. Наконец, «лишь ему одному Его Царское величество обязан победой под Полтавой» (!). Его дом роскошен, «все дворяне и офицеры в его доме — немцы. Немцами же являются и его пажи, и трубачи». Милость к нему царя вызывает зависть, но он старается даже недругов и завистников превратить в друзей. Он любит правду и всегда покровительствует офицерам-иностранцам. И этот панегирик, явно направленный на то, чтобы привлечь на русскую службу иностранцев, уважаемый публикатор почему-то считал памфлетом, направленным против светлейшего князя, причем в тот момент, когда его влияние достигло наивысшей точки. На самом деле, «Письмо» было напечатано в ряду других источников (записок Ф. Х. Вебера, описания путешествия в Пекин Л. Ланга) по истории России петровского времени, которая вызывала большой интерес у европейских читателей.

В статье 2010 г. Н. А. Копанев в соавторстве с Н. П. Копаневой вернулся к вопросу об атрибуции и политической направленности повести «Князь Кушимен»[7]. На основании кокетливого заявления в предуведомлении к повести: «Я не считаю необходимым обнару-

[7] *Копанев Н.А., Копанева Н. П.* Первое жизнеописание князя Меншикова: к вопросу об авторстве // Меншиковские чтения — 2010: научный альманах / Отв. ред. *П. А. Кротов*. СПб., 2010. Вып. 1 (8). С. 95–102.

жить свой пол — достаточно опознать мой стиль», — в статье делается заключение, что автором был писатель-моралист Франсуа Тимолеон де Шуази, склонный к переодеванию в женское платье. Правда, уже на первой странице повести автор сообщает о себе: «...я долго служил Великому Хану [Петру I. — *С. М.*] в качестве Главного Инженера и многие годы жизни провел рядом с Князем Кушименом, от которого получал распоряжения по службе», что, бесспорно, указывает на Ж. Г. Ламбера де Герена если не в качестве автора, то в качестве основного источника информации, которая, возможно, подвергалась обработке опытным литератором. Более уязвимой представляется версия Копаневых о том, что сочинение создавалось по заказу французского правительства с целью дискредитировать русского царя, представленного в повести в «образе варварского диктатора». Полагаю, что было бы преувеличением видеть в этом сочинении проявление вражеских происков и далекоидущие политические цели. Романизированная биография Меншикова прежде всего была написана, как заметил еще Р. И. Минцлов, для развлечения читателей, хотя и давала в завуалированном виде некоторое представление о российских реалиях. Здесь мы встречаем одно из первых упоминаний французским автором желания Петра I «просветить свою, доселе варварскую страну», высокую оценку роли Лефорта и Великого посольства, положительную оценку военных и созидательных дел царя, свидетельствующих о его «глубоком гении» и «величии его желаний». Даже внешняя политика Петра вызывала сдержанное одобрение автора. Но француз-католик не мог оценить расправу Петра с монахами-униатами в Полоцке иначе, как «варварское деяние». Высокие оценки личности Петра I и Меншикова косвенно свидетельствуют в пользу авторства Ламбера де Герена, который, как известно, не терял надежды вернуться на русскую службу[8].

[8] Ж. Г. Ламбер де Герен, дезертировавший с русской службы, и его книга, конечно, раздражали русское правительство. Неслучайно при Екатерине I, в период наивысшего могущества Меншикова, был сочинен памфлет «Разговор между трех приятелей, сошедшихся в одном огороде, а именно ж: Менарда, Таландра и Варемунда» (Русский вестник. 1841. Кн. 11–12. С. 303–360), в котором бывший кавалер ордена Андрея Первозванного был представлен не только бесчестным человеком, но и достойным виселицы. В случае перевода на иностранный язык и публикации этого памфлета, явно адресованного европейским читателям, он занял бы свое место в ряду инициированных русским правительством изданий XVIII в., направленных на «опровержение клевет», возведенных иностранными авторами на Россию и русских. Однако падение Меншикова сделало неактуальной эту затею.

Повесть «Князь Кушимен» была известна европейским читателям, о чем свидетельствует и отзыв о ней в «Точном известии о... крепости и городе Санкт-Петербург...», автором которого, по мнению Ю. Н. Беспятых, был немец по фамилии Геркенс[9]. Этот отзыв, как и все описание Санкт-Петербурга, а также вышеупомянутое «Письмо, содержащее жизнеописание и портрет князя Меншикова» 1711 г. Копаневы приписывают датскому дипломату Георгу Грунду. На чем основывается эта атрибуция («существуют совершенно определенные факты»), остается неясным. Между тем, в опубликованном Ю. Н. Беспятых докладе датского посланника Г. Грунда 1710 г. содержится развернутая характеристика А. Д. Меншикова, которая вовсе не имеет точек соприкосновения с «Письмом» 1711 г., хотя тоже выдержана в позитивном ключе. Расхождение этих текстов заметно с первых строк: авторы по-разному представляют происхождение фаворита. Грунд сообщает о литовском происхождении Меншикова и о службе его отца при дворе[10], что расходится с «пирожной» версией «Письма».

Одновременно с появляющимися публикациями информация о царском фаворите накапливалась во французском дипломатическом ведомстве. Французский посол при Станиславе Лещинском маркиз Жан-Луи Боннак в неофициальном «Мемуаре о наиболее значительных событиях, произошедших на Севере с 1700 по 1710 годы...»[11], предназначенном для матери Людовика XV Марии-Аделаиды Савойской, дал высокую оценку деятельности полтавского победителя Петра I и не забыл при этом охарактеризовать Меншикова. Боннак черпал сведения из вторых рук — возможно, от поляков, которым часто приходилось взаимодействовать с новоявленным светлейшим князем. Его портрет под пером французского дипломата вышел более живым и реалистичным, чем в печатных изданиях, но и взгляд автора был более пристрастным. Меншиков — человек «самого низкого происхождения, с достаточно красивой внешностью». Не лишен управленческих и воинских талантов и во многом способствовал Полтавской победе. При этом «он не умеет ни читать, ни писать, но весьма неплохо изъясняется по-немецки, который он выучил для пользы дела. Человек он неглубо-

---

[9] *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 70.

[10] *Грунд Г.* Доклад о России в 1705–1710 года / Перевод, статья и комментарии *Ю. Н. Беспятых.* М.; СПб., 1992. С. 133.

[11] *Лиштенан Ф.-Д.* «Битва во славу рода человеческого». Как Жан-Луи Боннак Петра прославил // Родина. 2009. № 7. С. 65–69.

кий и тщеславный, скрытный и неуверенный в своих словах. Московиты его ненавидят, а сам он любит немцев...» Заслуживает внимания замечание автора, что Меншиков не обнаружил расположения к французам, «которые мало преуспели в этой стране из-за экстравагантности наших первых соотечественников». Вполне вероятно, что речь идет о Ламбере де Герене, с книгой которого Боннак мог познакомиться до того, как в 1711 г. передал свой «Мемуар» адресату.

Размышляя о причинах «ошеломляющего» возвышения и обогащения фаворита, блеск которого подчас затмевает величие государя, Боннак считал правдоподобной версию о том, что Меншиков, подобно Гефестону при Александре Македонском, является любовником царя[12].

Французские государственные деятели и дипломаты не упускали из вида могущественного сподвижника русского царя и даже пытались использовать его в своих интересах. Так, президент Королевской академии наук аббат Жан-Поль Биньон, будучи сторонником франко-русского политического сближения, в письмах к царскому агенту Г. Гюйссену предлагал, чтобы письменная инициатива переговоров исходила от важной персоны — А. Д. Меншикова[13].

Имя Меншикова и факты его биографии часто упоминались в донесениях французских дипломатов из России, уступая в популярности лишь деяниям самого царя. Уже в письме Жана Казимира Балюза Людовику XIV 1703 г. Александр Меншиков фигурирует как любимец царя, услуги которого можно приобрести «посредством подарков или пенсий»[14].

Агент морского министерства, а затем консул в Петербурге Анри Лави в посланиях 1715–1722 гг. не раз констатировал, что Меншиков по-прежнему находится в фаворе, несмотря на злоупотребления и крайнюю вражду к нему со стороны многих вельмож. «Он очень скуп, и общее мнение утверждает, что его можно подкупить»[15]. Во

[12] См.: *Анисимов Е. В.* «Зело вы счастливы»: об истоках могущества А. Д. Меншикова // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 107.: Петровское время в лицах — 2020: материалы научной конференции. СПб., 2021. С. 34–39.

[13] *Liechtenhan F.-D.* L'abbé Bignon, précurseur des relations scientifiques et culturelles avec la Russie // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. М., 2010. С. 131, 137; *Мезин С. А.* Царь, вице-адмирал и академик // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 73: Петровское время в лицах — 2014: материалы научной конференции. К 300-летию победы при Гангуте (1714–2014). СПб., 2014. С. 268.

[14] Сборник РИО. СПб., 1881. Т. 34. С. 29.

[15] Там же. С. 105.

время европейского путешествия Петра I Меншиков, по сути, стоял во главе управления страной и выступал посредником между государем и Сенатом, что, по наблюдению консула, вызвало острую вражду между светлейшим князем и сенаторами и даже «беспорядки» в обществе[16]. Дальнейшее следствие по делу царевича Алексея, за которым внимательно наблюдал французский представитель, по его словам, привело к усилению «партии Меншикова», не любившего наследника и возлагавшего надежды на малолетнего царевича Петра Петровича. Однако подозрительность царя была столь велика, что он даже своего фаворита обвинил в расположении к Алексею, когда Меншиков якобы оправдывал действия австрийского императора, который вследствие родства не отказал царевичу в приюте и покровительстве: в гневе царь кинулся на своего верного слугу, «схватил и бросил его об стену комнаты»[17]. В одном из писем Лави раскрывал «секрет» могущества Меншикова:

> «Политика, руководившая царем при возвышении князя Меншикова на степень любимца, была ему [царю. — *С. М.*] весьма полезна, ибо дойдя из ничтожества до величия, он благодарен своему государю, и можно сказать, что его бдительность немало способствовала сохранению общественного спокойствия; он постоянно заботился о безопасности своего дорогого государя, так как гибель одного повлекла бы за собой гибель другого, служащего предметом зависти лиц более высокого происхождения»[18].

Первый полномочный посол Франции в России Жак де Кампредон, занимавший этот пост в 1721–1726 гг., создал в своей дипломатической переписке портретную галерею лиц, окружавших Петра I и его жену. Всех описываемых персон Кампредон четко делил на сторонников союза с Францией и его противников. Хотя князь Меншиков попадал в первую группу, он вызывал у французского дипломата меньшую симпатию, чем П. П. Шафиров и П. А. Толстой.

Сенатор, президент Военной коллегии князь Александр Данилович Меншиков в донесениях Кампредона представлен следующим образом: он учтивее и откровеннее других, в нем меньше притворства[19]. При жизни царя он находился под следствием, часто ходили слухи о его опале. Меншиков выступил горячим сторонни-

---

[16] Там же. С. 181.

[17] Там же. С. 275.

[18] Там же. С. 315.

[19] Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 40. С. 207.

ком возведения на трон вдовы Петра. Его «партия» победила в короткой политической схватке над гробом Петра I. При Екатерине I князь «пользуется величайшей властью, какая может выпасть на долю подданного. Он деятелен, предприимчив, правда, немного болтлив и несколько склонен лгать, но может быть полезен; от него можно добиться чего желаешь, не вдаваясь с ним в откровенности насчет тайных причин желания»[20]. Его власть вызывает раздражение и зависть других сановников.

Судя по анекдоту, который Кампредон приводит в одном из донесений, сам царь невысокого мнения о способностях своего ближайшего сподвижника. Якобы при подготовке торжественного посольства в Швецию, которое весной 1722 г. должно было принести клятву в соблюдении мира, царю «предложили было послать Меншикова. Но он отвечал, что Меншиков говорит по-немецки и, следовательно, может обнаружить перед всеми свою бездарность и наговорить глупостей, на которые он только и способен; что адмирал Апраксин, правда, не умнее его, но он, по крайней мере, говорит только по-русски и ему дается хороший переводчик, который будет говорить за него умные вещи. Это собственные слова царя»[21]. Конечно, эти сведения невозможно верифицировать, но в конце жизни царю действительно пришлось разочароваться во многих своих сподвижниках.

Следующий шаг в создании франкоязычной биографии А. Д. Меншикова был сделан испанским дипломатом, английским аристократом по происхождению и французом по языку и воспитанию, герцогом де Лириа (Хакобо Фитц Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика). В 1728–1730 гг. он был посланником испанского короля в Петербурге. Его «Донесение о Московии в 1731 году» было опубликовано А. С. Лавровым, который отметил, что общий подход Лириа к российской действительности, его стереотипы восприятия были сформированы тогдашней французской россикой[22]. Одна из глав «Донесения» озаглавлена «О князе Меншикове, фаворите царя Петра I». Дипломат прибыл в российскую столицу уже после опалы всесильного вельможи и брал сведения о нем из вторых рук, но по горячим следам. Лавров замечает, что образ Меншикова у де Лириа не выходит за рамки хрестоматийной легенды: это повествование о «безграмотном продавце пирожков, добравшемся до вершины вла-

[20] Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 58. С. 254.

[21] Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 40. С. 364–365.

[22] *Хакобо Фитц Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика*. Донесение о Московии в 1731 году (Вступительная статья *А. С. Лаврова*) // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 76.

сти и отведывавшем, тем не менее, петровской дубинки». Говоря о том, что герой де Лириа как бы сошел со страниц романа, Лавров совершенно прав, ибо первая часть подчас дословно повторяет версию происхождения и возвышения Меншикова из повести «Князь Кушимен». Де Лириа верно указывает год рождения Меншикова, но сомневается или ошибается в датировке приобретения княжеского и герцогского титулов, звания фельдмаршала. Он повторяет распространенные в дипломатических кругах сведения о неграмотности князя, его злоупотреблениях и о том, что царь не раз имел обыкновение бить его палкой.

Однако информация о последних годах жизни А. Д. Меншикова, собранная дипломатом в Петербурге, отличается большей конкретностью и оригинальностью: автору известны имя офицера, арестовавшего князя, — майор гвардии Семен Андреевич Салтыков, условия жизни опальной семьи в Раненбурге, содержание подметного письма, ставшего причиной ссылки в Березов, и даже такая деталь, как первоначальное решение сослать свояченицу князя В. М. Арсеньеву в монастырь под Астрахань[23].

Де Лириа отмечает черты личности Меншикова: чистоплотность, любовь к роскошным одеждам, неутомимость в труде, благодетельность в адрес друзей и мстительность в отношении врагов и другие «восхитительные достоинства». По мнению автора, Меншиков пал жертвой безграничного честолюбия, которым стал обуреваем после смерти Петра I: желание человека «ничтожного происхождения» принудить монарха к браку со своей дочерью в конечном счете погубило его.

Стоит обратить внимание на тот факт, что рукопись «Донесения» де Лириа сохранилась в архиве французского Министерства иностранных дел, ибо к этому ведомству принадлежали многие авторы, сообщавшие информацию об А. Д. Меншикове. К их числу, по-видимому, относился и автор так называемых «Записок Вильбуа» — одного из наиболее загадочных, сложных и скандальных сочинений французской россики, посвященных лицам петровского времени. В составе полной версии «Записок» имеются «Анекдоты о князе Меншикове» (в различных редакциях текста они фигурируют под разными названиями). Тексты рассказов о царе и его окружении, вошедшие в этот сборник, сложились в 1740–1745 гг.[24], так что автор «коротких рассказов» о Меншикове мог осветить его жизнь

[23] См.: *Андреева Е. А.* Следственное дело и ссылка А. Д. Меншикова 1727–1729 гг.: Исследование и документы. СПб., 2021. С. 52.

[24] *Минцлов Р. И.* Указ. соч. С. 146–147 (на фр. яз.).

целиком и даже сообщить о дальнейшей судьбе его детей. Краткая редакция этих рассказов («Анекдотическая история об опале князя Меншикова») впервые была опубликована в 1745 г. в анонимном сборнике, составление которого французские библиографы приписывали драматургу Л. Ж. К. д'Алленвалю[25]. Полный текст («Анекдоты о князе Меншикове») вышел в 1791 г. в составе сочинений Фридриха II, хотя не принадлежал перу прусского короля[26]. В 1842 г. Н. А. Полевой напечатал русский перевод рассказов о Меншикове[27]. В 1853 г. Теофиль Алез издал сборник анекдотов в наиболее полном составе по рукописи, хранящейся в парижской Национальной библиотеке, окончательно приписав его авторство Вильбуа[28]. Наконец, в 1991–1992 гг. так называемые «Записки Вильбуа» были опубликованы на русском языке почти полностью, включая «Короткие рассказы о жизни князя Меншикова и его детей до 1734 года»[29].

Говоря об этой биографии Меншикова, прежде всего следует заметить, что к ее составлению, как и к авторству всего сборника, Никита Петрович Вильбуа[30], морской офицер, слуга и крестник Петра I, отношения не имел. Он является лишь героем одного из анекдотов. Это давно доказал Р. И. Минцлов[31], но исследователи до сих пор ошибочно называют текст мемуарами Н. П. Вильбуа.

Также необходимо учитывать, что вышеупомянутые рассказы об А. Д. Меншикове обладают всеми особенностями такого распрост-

---

[25] *D'Allainval L. J. C.* Anecdotes du règne de Pierre Premier, dit le Grand, czar de Moscovie, Contenant l'Histoire d' Eutochia Fedorowna, et la Disgrâce du Prince de Menchikow. [Paris], 1745.

[26] *Frédéric II.* OEuvres posthumes du Roi de Prusse. Considérations sur l'état de la Russie sous Pierre le Grand. Berlin, 1791.

[27] Русский вестник. 1842. Т. 6. № 2.

[28] Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la cour de Russie, sous les régnes de Pierre le Grand et de Catherine Ire, rédigés et publiès, pour la première fois, d'après les manuscrits originaux du sieur de Villebois, chef d'escadre et aide-de-champs de S. M. le Czar Pierre Ier, par Théophile Hallez. Paris, 1853.

[29] *Вильбуа.* Рассказы о российском дворе // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 192–206; 1992. № 1. С. 139–155; № 4/5. С. 137–148.

[30] См.: *Мезин С. А.* Никита Петрович Вильбуа // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 58: Петровское время в лицах — 2011: К 30-летию Отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1981–2011): материалы научной конференции. СПб., 2011. С. 281–290.

[31] *Минцлов Р. И.* Указ. соч. С. 142–145; *Мезин С. А.* Об одном источнике «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера: так называемые Записки Вильбуа // Вольтеровские чтения. Вып. 2. Сб. научн. трудов. СПб., 2014. С. 54–65.

раненного в XVIII в. жанра, как анекдот. Это был особый вид исторической биографии, направленный на показ тайных, ранее неизвестных сторон жизни известных людей. Авторы анекдотов, как правило, претендовали на достоверность впервые описываемых деяний, но нередко допускали вымысел. В рамках анекдота историография легко превращалась в литературу.

О «правдоподобии» сообщаемых фактов заявлял и автор «коротких рассказов» о Меншикове. Он даже критиковал за литературный вымысел автора повести «Князь Кушимен», но именно на ее основе излагал начальный период жизни петровского фаворита. Здесь все та же история удачливого и ловкого сына московского «крестьянина», торговавшего пирогами. Описание деятельности Меншикова при жизни Петра I не выходит за рамки информации, которая содержалась в печатных изданиях и сообщениях дипломатов, включая пикантные сведения об интимных отношениях между царем и его любимцем и о неграмотности фаворита, приобретшего со временем огромную власть, титулы и богатства, но находившегося на грани опалы к концу правления Петра.

Бóльшая часть этой анекдотической истории посвящена падению и ссылке Меншикова в Сибирь. Период от воцарения Екатерины I до опалы светлейшего князя описан в духе донесений французских дипломатов и де Лириа, но с драматическим нажимом. Меншиков предстает здесь как злодей и деспот, отравивший Екатерину I и тиранивший юного Петра II. Всесильный временщик ссылал своих недоброжелателей в Сибирь «за предполагаемые преступления» и даже якобы пригрозил А. И. Остерману «четвертовать его живым». «Он был занят лишь подготовкой свадьбы своей дочери с царем, когда вдруг опасно заболел»[32]. Князья Долгорукие[33] и Остерман сумели организовать переворот: устроили тайное похищение царя из Петергофской резиденции (через окно!), а затем гвардейцы арестовали Меншикова у входа в его дворец на Васильевском острове. Очевидно, что сообщаемые подробности не соответствуют действительности[34], но выдают желание автора передать атмосферу Петербурга и даже речи участников событий.

По словам автора анекдотов, Меншиков оказался сослан в Якутск, «на краю Сибири», а не в Березов, как было на самом деле. В соответствии с законами жанра, первыми, кого опальный вельмо-

[32] *Вильбуа*. Указ. соч. С. 139.

[33] Князья Долгорукие не входили в число членов Верховного тайного совета, принявших решение об аресте Меншикова.

[34] *Андреева Е. А.* Указ. соч. С. 38–44.

жа встретил в Сибири, были жертвы его произвола, сосланные в Тобольск, которые осыпали проклятиями его семью. Несомненно, вымышленной является встреча Меншикова со своим бывшим адъютантом, возвращавшимся с Камчатки. Князь якобы поведал этому члену экспедиции В. Беринга, возвращавшемуся в Петербург, обо всех событиях, произошедших в России после смерти Петра I и, конечно, о своих злоключениях. Этот офицер, по словам автора, и послужил для него одним из главных источников информации. Остальная информация о пребывании Меншикова и его детей в сибирской ссылке, о смерти князя и его старшей дочери якобы была получена из бесед, «которые вели молодой князь Меншиков и его сестра госпожа Бирон[35] с... наиболее доверенными людьми»[36]. Младшие сын и дочь Меншикова были возвращены в столицу указом императрицы Анны Ивановны. По уверению автора анекдотов, незадолго до возвращения они встретились в Якутске с виновником своих бед князем Алексеем Григорьевичем Долгоруковым, попавшим в опалу при новой императрице[37]. Лейтмотивом завершающей части рассказов о Меншикове является мысль о том, что его дух не был сломлен опалой и он переживал свои несчастья с со смирением и достоинством, в трудах и заботах о своих ближних. Повествование заканчивается еще одним заверением в подлинности сообщаемой истории: «...в этой истории не упомянуто ни одного факта, который не был бы хорошо проверен». Несомненное знакомство с реалиями российской жизни придавало вид правдоподобия литературным вымыслам автора анекдотов.

Кто же был автором анекдотов, известных под названием «Записок Вильбуа» и «Коротких рассказов о жизни князя Меншикова» в частности?

Во-первых, совершенно очевидно, что автором был не российский подданный, а «природный» француз. В целом сочинение вполне отвечает духу французской россики XVIII в., отличавшейся интересом к сюжетам персонального, придворного и политического

[35] Младшая дочь Меншикова Александра была выдана замуж за брата фаворита императрицы Анны Ивановны Густава Бирона.

[36] *Вильбуа*. Указ. соч. 1992. № 4–5. С. 147.

[37] А. Г. Долгоруков был сослан в Березов указом от 12 июня 1730 г. Легендарные подробности о встрече детей Меншикова с Долгоруким, якобы сосланным на Камчатку, сообщал в своем сочинении секретарь французского посольства в Петербурге шевалье д'Эон де Бомон. См.: *Мезин С. А.* Неизвестное произведение французской Россики середины XVIII века «Секретные анекдоты о дворе императрицы всероссийской»: Вводная статья, текст, комментарий. СПб., 2019. С. 122.

характера, склонностью к беллетристике и жанру анекдотов. Во-вторых, Рудольфом Ивановичем Минцловым уже высказывалось обоснованное предположение, что автором являлся бывший французский посол в России Жак де Кампредон, а его помощником мог быть его секретарь и шведский шпион Андре Сикье[38]. Утверждение автора анекдотов о Меншикове, что причиной смерти Петра I был «неслыханный дебош», может говорить в пользу принадлежности рассказов Кампредону, который проявлял большой интерес к деятельности Всешутейшего собора и к причинам смерти царя. На дипломатический статус может указывать признание автора, что в его распоряжении имеются письма имперского посланника при русском дворе графа А. И. А. де Рабютена. Однако Рабютен был политическим противником Кампредона, и похвала его уму и талантам звучала бы странно в его устах.

Логично предположить, что Ж. де Кампредон был автором лишь тех анекдотов, которые входят в рукописный сборник, имеющийся в «Библиотеке Вольтера»[39]. Истории князя Меншикова, а также царицы Евдокии Лопухиной в нем отсутствуют. Напомню, что краткие редакции этих историй были опубликованы в 1745 г., предположительно д'Алленвалем. На издании, хранящемся в отделе «Россика» РНБ[40], имеется рукописная помета Р. И. Минцлова на французском языке: «...peut-être par Eléazar Mauvillon, qui vivait en ce temps à Drezde... et auquel on attribue l'histoire anonyme de Pierre "dit le grand"» («...автором может быть Елеазар Мовийон, живший в то время в Дрездене... которому приписывают историю Петра I, „прозванного Великим“»)[41]. Кажется, на этого автора указывает и заметка в начале «Коротких рассказов о жизни князя Меншикова»: «Это лишь очень краткое изложение главных событий его жизни, которые более подробно описаны в истории царствования Петра I»[42]. При этом утверждается, что в «Коротких рассказах» события описаны более правдоподобно. Елеазар Мовийон (1712–1779) — француз-протестант, живший в Дрездене и служивший секретарем саксонского курфюрста и польского короля Августа II.

---

[38] *Минцлов Р. И.* Указ. соч. С. 149–152.

[39] РНБ. Библиотека Вольтера. 5–242. Т. 2. Л. 1–61.

[40] Anecdotes du règne de Pierre Premier, dit le Grand, czar de Moscovie, contenant l'Histoire d'Eudochia Fedorowna, et la Disgrâce du Prince de Mencikow. Premiere partie. S. l., 1745.

[41] Речь идет о книге: (*Mauvillon E.*) Histoire de Pierre I, surnommé le Grand... Amsterdam, Leipzig, 1742. T. 1–3.

[42] *Вильбуа*. Указ. соч. С. 137.

О дрезденском происхождении этого сочинения косвенно может свидетельствовать и тот факт, что ряд сведений о Меншикове и его детях в деталях повторяют сообщения саксонско-польского посланника Жана Лефорта. Так, он сообщал Августу II в письме из Москвы от 22 апреля 1728 г.: «Его Величество [Петр II. — *С. М.*] издал указ сослать Меншикова в Якутск (sic!) за 13 тысячи верст отсюда»[43]. Он же писал о возвращении детей Меншикова в Петербург и о свадьбе Г. Бирона с молодой княжной Меншиковой[44]. Секретарю короля Мовийону эта информация была вполне доступной.

Таким образом, в сочинениях франкоязычных писателей и дипломатов к середине XVIII в. сложился вполне определенный тип биографии Александра Даниловича Меншикова. Этот тип можно назвать анекдотическим или мифологическим, ибо он почти не опирался на достоверные источники, легко совмещал реальные факты с литературным вымыслом, каждый раз повторяя определенный набор фактов: простонародное происхождение и «пирожное» детство, неграмотность, молниеносное возвышение благодаря личной близости к царю и выдающимся способностям, склонность к коррупции и стяжательство, превращение в некоронованного правителя России и внезапное падение с высоты власти, ссылка в Сибирь. Под пером европейских биографов Меншиков, несомненно, предстает выдающимся человеком, героем, но героем à la Russe, воплощением европейских стереотипов о России: деспотизма, невежества, насилия, нестабильности власти и... способности к преображению.

[43] Сб. РИО. СПб., 1870. Т. 5. С. 306.

[44] Там же. С. 425–426, 456.

Людмила Алексеевна МАРКИНА
(Москва)
Заведующая отделом живописи XVIII — первой половины XIX века Государственной Третьяковской галереи

Изображения А. Д. Меншикова в московских собраниях

Luidmila A. Markina

Portraits of A. D. Menshikov in Moscow Museum Collections

Аннотация: В статье речь идет о живописных и графических портретах, а также жанровых картинках из жизни А. Д. Меншикова, сконцентрированных в музейных собраниях Москвы. Некоторые изображения исполнены иностранными мастерами при жизни светлейшего князя. Большинство же не имеет установленного авторства, но принадлежит, скорее всего, русским мастерам, пользовавшимся утвержденными образцами. В тексте также уделяется внимание более поздним изображениям, созданных художниками XIX века, например В. И. Суриковым.

Abstract: The article refers to pictorial and graphic portraits, as well as genre pictures from the life of A. D. Menshikov, concentrated in museum collections in Moscow. Some of the images were executed by foreign masters during the life of His Serene Highness Prince. Most of them do not have fixed authorship, but most likely belong to them Russian masters who used approved samples. The text also pays attention to later images created by artists of the 19th century, for example, V. I. Surikov.

Ключевые слова: прижизненные портреты, А. Д. Меншиков, жанровые картинки, П. Пикарт, Ж. Симон, В. Суриков.

Keywords: lifetime portraits, A. D. Menshikov, genre pictures, Pieter Picart, Jean Simon, Vasilij Surikov.

Изучение иконографии сподвижника Петра Великого Александра Даниловича Меншикова (1673–1729) имеет свою историю. Впервые гравированные изображения князя были учтены в многотомном труде Д. А. Ровинского, где насчитывается 22 гравированных портрета (16 анфас и 6 в профиль), а также 14 экземпляров жанровых картинок-иллюстраций из жизни А. Д. Меншикова[1]. По прошествии почти века некоторые изображения Александра Даниловича демонстрировались на выставке, посвященной петровскому времени, и вошли в каталог. Среди них были два живописных портрета — кисти И. Таннауэра (Музей-заповедник «Павловск») и работы неизвестного мастера (Нарвский городской музей ЭССР); одна гравюра П. Пикарта, аллегорическая картинка работы неизвестного гравера, одна миниатюра неизвестного автора и мраморный бюст Б. К. Растрелли (все — ГРМ)[2]. Специальное исследование меншиковской иконографии осуществила Н. В. Калязина[3]. Однако в своей публикации она анализировала в основном произведения из Государственного Эрмитажа и ленинградских собраний. Значительной для разработки нашей темы стала выставка, посвященная персоне А. Д. Меншикова[4].

В литературе встречаются публикации об отдельных его изображениях. Так, портрет первого губернатора Санкт-Петербурга из Городского музея в Нарве, датируемый 1710-ми гг., в недавних публикациях приписывался голландскому художнику Я. Х. Беерингу[5]. К сожалению, проведенные в ГЭ технико-технологические исследования не подтвердили его авторство. Специальная статья о так называемом «посольском» портрете Меншикова работы голланд-

---

[1] *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов: В 4 т. Т. 2: Е — О. СПб., 1887.

[2] Портрет петровского времени: каталог выставки. Л., 1973. С. 98–99, 152, 187, 207, 227, 247.

[3] *Калязина Н. В.* Материалы к иконографии А. Д. Меншикова (прижизненные портреты) // ГЭ. Культура и искусство петровского времени. Публикации и исследования. Л., 1977. С.70–87.

[4] Александр Данилович Меншиков. Первый губернатор и строитель Санкт-Петербурга: каталог выставки / ГЭ. СПб., 2003.

[5] *Кротов П. А.* Московский период творчества живописца Я. Х. Беринга // Петровское время в лицах — 2006: Материалы научной конференции. СПб., 2006. С.158–168; *Он же.* Прижизненные портреты А. Д. Меншикова: проблемы изучения // Меншиковские чтения — 2007: Сб. науч. ст. / Отв. ред. *П. А. Кротов*. СПб., 2007. С. 21–31.

Илл. 1. *П. Пикарт*. А. Д. Меншиков на коне. 1707. ГМИИ.

ского художника Михиеля ван Мюсхера была подготовлена А. А. Дутовым[6].

В нашей статье речь пойдет о живописных и графических работах, которые сконцентрированы в музейных собраниях Москвы. Прежде всего, выделим прижизненные изображения. Самым ранним считается конный портрет А. Д. Меншикова, исполненный в 1707 г. П. Пикартом (илл. 1). В основе произведения — композиция портрета штатгальтера Нидерландов и короля Англии Вильгельма III Оранского работы голландского гравера Ромейна де Хооге (1645–1708). Меншиков изображен как полководец-триумфатор: в рыцарских доспехах, подпоясан офицерским шарфом, в руке — подзорная труба. На голове бесстрашного воина — объемный,

[6] *Дутов А. А.* «Посольский» портрет А. Д. Меншикова работы Михиеля ван Мюсхера // Петровское время в лицах — 2010: К 300-летию Дворца Меншикова (1710–2010): Материалы научной конференции. СПб., 2010. С. 149–152.

ниспадающий на плечи парик. Обращает на себя внимание важная деталь его внешности — маленькие тонкие усики в подражание Петру. Оруженосец слева держит щит с фамильным гербом, дарованным Меншикову царем в 1707 г. вместе с княжеским титулом. В целом, портрет-картина исполнен в барочной стилистике.

Авторитетный исследователь русской гравюры М. А. Алексеева обратила внимание на то, что конный портрет Меншикова задуман автором как парный к портрету Петра I на коне[7]. На двух листах царь и его соратник стремятся навстречу друг другу, а на заднем плане представлена их совместная победная битва — взятие крепости Нарва (август 1704).

Самым достоверным изображением следует признать «Портрет А. Д. Меншикова» в овале, выполненным в технике меццо-тинто Дж. Саймоном (Ж. Симоном) (илл. 2). За выразительность и художественное качество портрет справедливо получил высокую оценку в дореволюционной литературе[8]. Д. Ровинский датировал гравюру 1697 г. и считал ее исполненной во время пребывания Меншикова вместе в Петром в Лондоне. В. В. Стасов первый отметил несоответствие возраста модели и изображенных орденов. Н. В. Калязина датировала произведение по-своему, справедливо полагая, что для безродного «Алексашки» значимость наград была чрезвычайно высока. Поэтому каждый новый орден необходимо было зафиксировать, и так появлялся повод к написанию очередного изображения князя. Александр Данилович на гравюре Ж. Симона предстает перед зрителем со всеми полученными к тому времени наградами, включая и датский орден Слона, которым он был награжден летом 1710 г., — к этому периоду Н. В. Калязина и отнесла ее исполнение[9]. В основе гравюры — прижизненное натурноеизображение, местонахождение которого считается неизвестным. Четко прописаны характерные черты внешнего облика князя: вытянутый овал худого лица, высокий лоб с морщинами возле бровей, крупный нос, подбородок с ямочкой и, наконец, маленькие усики над верхней губой. Вместе с тем в этом изображении подчеркивается высокий соци-

---

[7] *Алексеева М. А.* Исполнены в России. О медных гравированных досках петровского времени // Мир музея. 1997. № 2. С. 44–45.

[8] Портрет опубликован: *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов: В 4 т. Т. 2. Об. 2, ст. 1272, *Морозов А. В.* Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов: В 4 т. Т. 3. М., 1913.

[9] *Калязина Н. В.* Указ. соч. С.76.

Илл. 2. *Дж. Саймон.* Меншиков Александр Данилович.
Нач. XVIII в. ГИМ.

альный статус модели, осознающей себе цену. Внешне сдержанный опытный государственный деятель полон внутренней энергии.

Видимо, гравюра Ж. Симона понравилась и послужила образцом для более поздних воспроизведений. Например, в собрании портретов, издаваемых Платоном Бекетовым, Г. Афанасьев (Афонасьев) опубликовал «Портрет светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова» в технике пунктира (илл. 3). Гравюра Симона использовалась также и для живописных изображений. Так считают в отделе изобразительных материалов ГИМа, где находится чрезвычайно интересная работа неизвестного русского художника начала XVIII века (илл. 4). Это небольшое по размеру погрудное изображение князя в латах, пышном парике, ниспадающем на плечи, и с лентой Андреевского ордена. Живой взгляд, устремленный на зрителя, мимические морщины на лбу, усталые складки возле губ заставляют нас предположить, что это и есть тот самый натур-

Илл. 3. *Г. Афонасьев.*
Меншиков Александр Данилович.
1820-е. ГИМ.

Илл. 4. Н. х. А. Д. Меншиков.
Нач. XVIII в. ГИМ.

Илл. 5. Н. х. Портрет князя Александра Даниловича Меншикова.
II пол. XVIII в. ГМЗ «Останкино и Кусково».

ный этюд, исполненный в 1710-х гг. К сожалению, неясное бытование произведения (попало в исторический музей через ГМФ) является дополнительным препятствием для исследователя. Позволим себе предположить, что этот экземпляр происходил из родового имения А. С. Меншикова в селе Александровском Клинского уезда Московской губернии, варварски разграбленного после Октябрьского переворота 1917 г.[10]

В музее-усадьбе «Кусково» хранится «Портрет светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова» работы неизвестного крепостного мастера второй половины XVIII в. Полотно происходит из

[10] С 1702 г. усадьба Александрово и земли вокруг нее принадлежали А. Д. Меншикову. Когда он попал в опалу, эта загородная резиденция и богатства семьи, собранные там, были конфискованы. В1729 г. усадьба была возвращена потомкам светлейшего князя. Наивысшего расцвета Александрово достигло в 50–60-е гг. XIX в. при князе А. С. Меншикове. В 1917 г. усадьбу разграбили, а в 1941 г. усадебный дом князей Меншиковых был подорван советскими партизанами.

основной коллекции графов Шереметевых[11]. В этом варианте сходство с гравюрой Симона прослеживается в композиционном решении, физиономическом подобии модели (усы отсутствуют), однако полностью изменен набор орденов. Здесь Меншиков представлен с лентой и звездой ордена Св. Андрея Первозванного, с орденом Св. Александра Невского и прусским орденом Черного орла. На нем не только кираса, но и мантия, подбитая горностаем, на левом плече, другой формы парик (илл. 5). По мнению Л. В. Сягаевой, этот экземпляр сам послужил образцом для рисунка крепостного мастера Якова Аргунова, с которого была выполнена гравюра Н. Иванова (илл. 6), воспроизведенная в издании Д. Н. Бантыш-Каменского «Деяния знаменитых полководцев (М., 1812)[12].

В собрании Музея-заповедника «Дмитровский Кремль» находится уменьшенный вариант кусковского портрета Меншикова (илл. 7), выполненный неизвестным художником уже в XIX столетии. Этот погрудный портрет А. Д. Меншикова послужил основой для литографии П. Ф. Бореля и А. Э. Мюнстера 1860-х гг. (ГМП), а также Тюлева и И. Фридрица. (ГМП, ГИМ).

Следует также упомянуть прижизненное изображение князя из коллекции ГИМа, практически неизвестное исследователям. В его основе — эрмитажный живописный оригинал[13], поступивший из Гатчинского дворца, известного своими оригинальными портретами. В отличие от типологии Ж. Симона, здесь иной поворот фигуры, разница в трактовке костюма и расположении орденских знаков. Н. В. Калязина считала, что на портрете Меншиков выглядит старше, поэтому она датировала произведение 1717–1720 гг. По нашему мнению, Александр Данилович выглядит молодо и даже молодцевато на экземпляре Исторического музея. К сожалению, история его поступления остается неясной. Как написано в старой инвентарной карточке, работа «из прежних поступлений, не позднее 1933 года». Неизвестный литограф XIX в. использовал этот портрет в альбоме «История кавалергардов и Кавалергардского Ее Величества полка» (ГЛМ).

---

[11] На обороте холста имеется надпись почерком XVIII в.: «князъ алехандеръ даниловичъ менщиковъ», ниже: «в кусково перед галерею над двери № 1», а также сургучная печать с гербом Шереметевых.

[12] *Муковоз А. С., Сягаева Л. В.* Портретная галерея усадьбы Кусково. Из собрания XVIII века графов Шереметевых. М., 2015. С. 164–165.

[13] Воспр.: *Калязина Н. В.* Указ. соч. С. 79.

Илл. 6. *Н. Иванов, Я. Аргунов.* Портрет князя А. Д. Меншикова. 1812. ГИМ.

Илл. 7. Н. х. Портрет князя Меньшикова Александра Даниловича. Нач. XIX в. МЗ «Дмитровский кремль».

Илл. 8. *А. Ф. Зубов*. Аллегорическая композиция, прославляющая А. Д. Меншикова. 1714. ГМИИ.

Единственная работа русского мастера, представляющая князя при жизни, — «Аллегорическая композиция, прославляющая А. Д. Меншикова» (илл. 8). Офорт А. Ф. Зубова (по собственному рисунку) был помещен на фронтисписе книги «Ляврея, или венец безсмертныя славы...», напечатанной в Санкт-Петербурге в 1714 г. по заказу Меншикова. Автором издания был поэт и переводчик И. Кременецкий. На вершине лестницы Славы главный герой — светлейший князь — представлен в рост, в полном маршальском облачении. Аллегорические фигуры по сторонам держат щиты с его титулами и должностями. Один из персонажей венчает полководца лавровым венком, над Меншиковым в медальоне — портрет Петра I, в облаках — апостол Петр и святой Александр Невский. На ленте вокруг композиции изречение: «Вѣнец надежд соплетенныки сла-

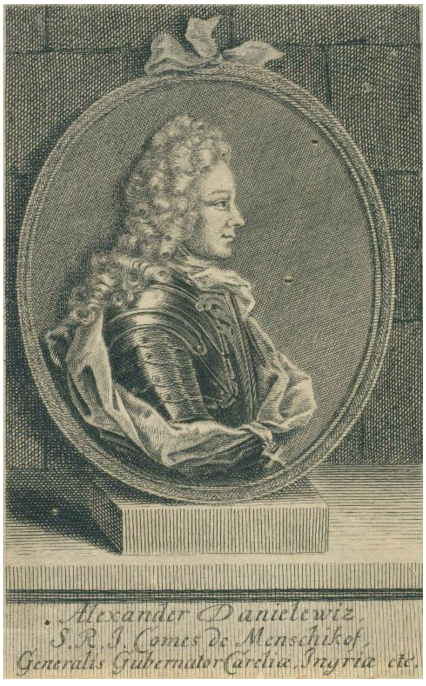
вою...». Этот памятник книжного искусства примечателен не только особенностями стиля барокко, но и формой мышления. «Аллегорическая композиция» — особый жанр в гравюре петровской эпохи, отличающийся динамичностью и многозначностью, наполненный символами и «эмблемата». Внешний, «умственный образ» современника не был строго фиксирован, в нем, как в фокусе, перекрещивались идейные устремления и художественные тенденции.

В литературе встречаются упоминания о профильных изображениях Меншикова, гравированных в 1710 г. во Франкфурте и в Лейпциге для книги о жизни и деятельности Петра Великого. По мнению Н. В. Калязиной, портрет принадлежит резцу Мартина Бернигерота (1670–1733), основателя целой династии немецких граверов. Однако в московских собраниях офорты считаются работами неизвестных граверов (илл. 9).

Обзор прижизненных гравированных портретов Меншикова следует завершить работой голландского мастера Маттиса Пула, работавшего во Франции, а с 1700 г. — в Амстердаме. Известно, что он исполнял портреты не только по своим рисункам, но и с оригиналов французских и голландских художников. На оттиске из ГМИИ (илл. 10) имеется подпись мастера: «M. Pool scuip», а внизу — надпись по-голландски, где в вольном пересказе говорится о «властолюбивом и могущественном» Меншикове, выигравшем «счастливый шар в лотерее государства», но «неожиданно и внезапно» падшем[14]. Портрет иллюстрирует голландскую книгу «Historische Nachtricht ven den ehemaligen grossen Russ. Staatz. Ministro, Alexandro Danielowiz Fürst von Menzicof nebst dessen Alwechslenden Fatalitäten» (1728), которая увидела свет, когда князь подвергся опале. Конечно, изображение носит фантазийный характер, что, впрочем, не мешало его распространению. Так, в том же собрании ГМИИ имеются два зеркальных оттиска с листа М. Пула — работы немецкого гравера Иоганна Кристофа Сизанга (илл. 11) и неизвестного мастера.

В западноевропейских, большей частью исторических, изданиях конца XVIII в., выпущенных уже после смерти Меншикова, мы видим целый ряд неправдоподобных изображений «принца Меншикова». Например, в зимнем кафтане и меховой шапке на раскрашенной акватинте Луи-Жан Алле (илл. 12) для книги «Portraits des grands hommes, femmes illustres et sujets mémorables de France gravés et imprimés en couleurs» (Paris, 1786–1792).

[14] *Калязина Н. В.* Указ. соч. С. 85.

Илл. 9. *М. Бернигерот*. Портрет А. Д. Меншикова. 1710. ГИМ.

Илл. 10. *М. Пул*. Портрет Александра Даниловича Меншикова. 1-я треть XVIII в. ГМИИ.

Илл.11. *И. К. Сизанг.* Портрет князя Александра Даниловича Меншикова. 1728. ГМИИ.

Илл. 12. *Л.-Ж. Алле.* Портрет князя Александра Даниловича Меншикова. 1786–1792. ГМИИ.

Отдельного анализа требуют жанровые картинки, которые иллюстрируют важные моменты драматической жизни Меншикова. И все же перечислим выявленные нами произведения:

1. Boutrois «Обед А. Д. Меншикова с семьей на пути в Сибирь» — «Voyage philosophique par Chantreau». Paris, 1794. Бумага, офорт, резец, акварель. 18,8 ? 11,3. ГИМ.
2. Гравер Исидор-Станислас-Анри Эльман (Isidore-Stanislas-Henri Helman) (1743–1806/10) по рисунку Ж.-М. Моро Младшего (1741–1814) «Умирающий в ссылке А. Д. Меншиков благословляет своих детей». 1775. Бумага, офорт, резец. 18 x12. ГМИИ.
3. Александр Александрович Флоров «Меншиков, умирающий в ссылке, благословляет своих детей». 1822. МГХПА.
   Это гравированное резцом изображение было опубликовано в первой из двух частей книги «Русские анекдоты военные и гражданские, или Повествование о народных добродетелях россиян древних и новых времен, изданные Сергеем Глинкою» (М., 1822).
4. Неизвестный гравер «Мальчик Меншиков, продающий пироги; Петр I зовет его с балкона» «Compagnoni, Storia di Russia». 1822. Бумага, гравюра резцом. 15 x 8,8. ГИМ; неизвестный гравер с рисунка Демидова «Меншиков с дочерью; придворные объявляют ему указ о ссылке в Сибирь». 1839; иллюстрация к драме П. П. Свиньина «Александр Данилович Меншиков» в томе I «Ста русских литераторов» (СПб., 1839). Бумага, гравюра на стали. 23,8 x 15,3. ГИМ.
5. Р. Молва «А. Д. Меншиков в Березове». 1871. Лист 81 из выпуска VIII «Истории России в картинах» (тип. т-ва «Общественная польза», изд. Н. Дементьева). Бумага, торцовая ксилография. 51 x 33 (с текстом ГИМ).

Конечно, наш обзор был бы неполным, если бы мы не коснулись знаменитого исторического полотна «Меншиков в Березове» (1883), которое уже более 120 лет висит в залах Третьяковской галереи. В 1882 г. В. И. Суриков приезжал в родовое имение А. С. Меншикова в селе Александровском Клинского уезда Московской губернии. Здесь его заинтересовал мраморный бюст А. Д. Меншикова работы Растрелли, портреты его жены и детей. Используя скульптурный образец, художник нарисовал голову Меншикова в профиль и нижнюю часть его лица (илл. 13). Этюды сыграли важную роль в формировании образа сподвижника Петра Великого. Для художника-передвижника было важно зафиксировать князя в зените славы. Барочная патетика образа должна была

Илл. 13. *В. И. Суриков*. Голова Меншикова в профиль. Нижняя часть его лица. Этюды для картины «Меншиков в Березове». 1882. ГТГ.

проступать сквозь реалистическое видение мастером трагедии человека, утратившего богатство и власть.

Подводя итоги рассмотрению изображений А. Д. Меншикова из московских музейных собраний, подчеркнем, что они дополняют историографию князя и делают его образ не только достоверным, но и более разнообразным.

Анна Сергеевна АКИМОВА
(Москва)
Старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

«Ай да Алексашка!» Исторические источники образа А. Д. Меншикова в романе А. Н. Толстого «Петр Первый»*

Anna S. Akimova

«Oh, Good Lad Alexashka!»: Historical Sources of the Image of A. D. Menshikov in A. N. Tolstoy's Novel Peter the Great

Аннотация: В статье рассматриваются исторические источники, которые использовал А. Н. Толстой при создании образа А. Д. Меншикова в романе «Петр Первый». Из обширной библиотеки писатель выбрал основные, в которых приводятся как общие сведения, так и любопытные детали и характеристики. Писатель обращался к гравированным портретам, представленным в трудах Д. А. Ровинского и Д. Н. Бантыш-Каменского. На основе свидетельств И. Г. Корба и Юста Юля добавлял детали в изображение реального исторического лица, оживляя художественный образ.
Abstract: The article examines the historical sources used by A. N. Tolstoy creating the image of A. D. Menshikov in the novel Peter the Great. From an

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00802 «Трансформация документальных источников в романе А. Н. Толстого "Петр Первый": личная библиотека как творческая лаборатория писателя» (https://rscf.ru/project/23-28-00802/).

extensive library the writer chose the main ones which provide both general information and curious details and characteristics. The writer turned to the engraved portraits presented in the works of D. A. Rovinsky and D. N. Bantysh-Kamensky. Based on the testimonies of I. G. Korb and Just Juel added details to the image of a real historical person, reviving the artistic image.

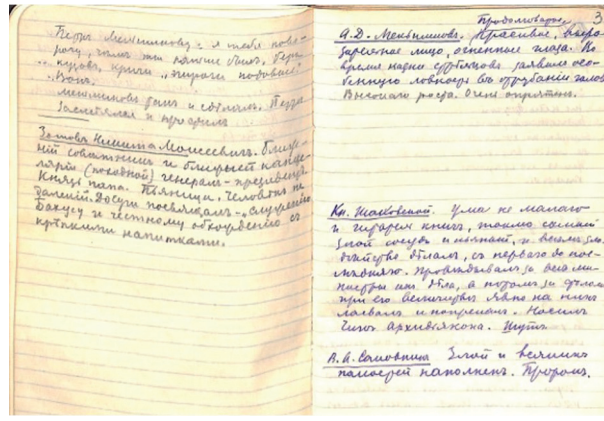
Ключевые слова: А. Н. Толстой, «Петр Первый», образ А. Д. Меншикова, исторические источники, записные книжки.
Keywords: A. N. Tolstoy, Peter the Great (novel), image of A. D. Menshikov, historical sources, notebooks.

А. Н. Толстой работал над романом «Петр Первый» с 1929 по 1945 г. Писатель признавался, что созданию произведения об эпохе Петра Великого предшествовала основательная подготовка, связанная с накоплением материала, изучением исторических источников, попытками использовать язык петровского времени в небольших рассказах («Наваждение», 1918; «Первые террористы», 1918). С замыслом романа он связывал два произведения — повесть «День Петра» (1917–1918) и пьесу «На дыбе» (1929): «Только в двух случаях я задолго готовился к работе: роман “Петр I” был задуман еще в конце 1916 года, и предварительно написаны: повесть “День Петра” и пьеса “На дыбе”»[1].

Публикация первой книги романа в 1930 г. и в большей степени выход второй книги в 1934-м вызвали интерес писателей (как в Советской России, так и в эмиграции), профессиональных критиков и историков, а также читателей. Центральным героем отзывов 1930-х гг. был, безусловно, Петр I. В статье «Алексей Толстой и его соавтор» советский писатель и критик М. Ю. Левидов отметил, что историю делают люди, и охарактеризовал образ Алексашки Меншикова. Он писал, что в романе жизнь Меншикова предстает «филологически», «костюмно» (внешность, привычки, цвет его шелковой рубашки в день взятия Нотебурга, т. е. внешние события его жизни), — однако читатель не узнает, о чем и как думал Меншиков: «Но Меншикова самого, личности в событиях нет, движения судьбы человеческой нет; динамики роста (а был же рост) нет. Ибо розовая рубашка — это еще не судьба: это заглавие эпизода в судьбе только»[2].

[1] *Толстой А. Н.* Собрание сочинений: В 10 т. М., 1982?1986. Т. 10. С. 144.

[2] *Левидов М. Ю.* Алексей Толстой и его соавтор // Литературный критик. 1935. № 2. С. 139.

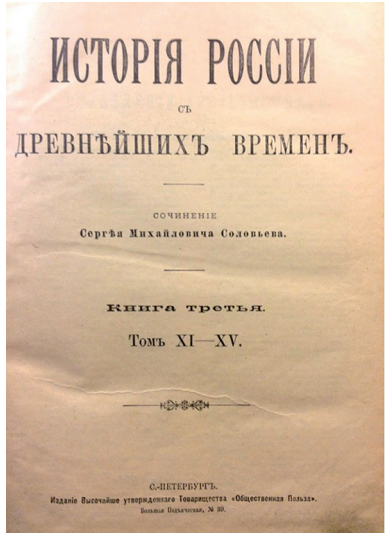
Илл. 1. Лист записной книжки А. Н. Толстого. ОР ИМЛИ.

Действительно, большое внимание и в более ранних рассказах, и в романе писатель уделил созданию внешнего облика А. Д. Меншикова. Впервые его описание встречается в записной книжке, датированной 1917–1918 гг.: «А. Д. Меншиков. Продолговатое, красивое, выразительное лицо, огненные глаза. Во время казни стрельцов заявил особенную ловкость в отрубании голов. Высокого роста. Очень опрятен»[3] (илл. 1). В определении источника этой характеристики чрезвычайно ценными оказываются списки литературы по петровской эпохе из ОР ИМЛИ и сохранившиеся в личной библиотеке Толстого издания с пометами писателя, которые входят в коллекцию отдела книжных фондов Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля (ГМИРЛИ им. В. И. Даля). Собрание насчитывает более 2000 изданий, и особое место в нем занимают книги, связанные с эпохой Петра I, которые приобретались писателем сознательно в процессе работы над петровской темой.

Текстуальные совпадения и большое количество помет красным и синим карандашами свидетельствуют о внимательном прочтении писателем и использовании в первой книге романа 13-го и 14-го томов «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева[4]. Все основные характеристики фаворита Петра подчеркнуты Толстым: «Алексашка <...> он был высокого роста, хорошо сложен,

[3] ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 3.

[4] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 6 кн. СПб., [1911]. Кн. 3. 1580 стб. // ГЛМ КП 53293/1546.

ИСТОРІЯ РОССІИ
СЪ
ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

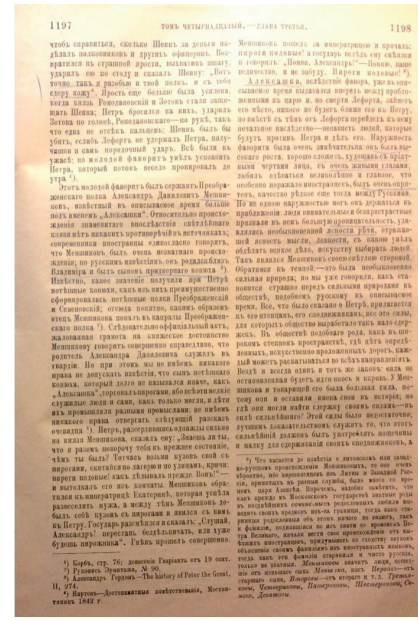
СОЧИНЕНІЕ
Сергѣя Михайловича Соловьева.

Книга третья.

Томъ XI—XV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Высочайше утвержденнаго Товарищества «Общественная Польза».
Большая Подъяческая, № 40.

Илл. 2. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен (в 6 кн. СПб.: Тов-во «Общественная Польза», [1911]. Кн. 3. 1580 стб.). Издание из личной библиотеки А. Н. Толстого. ГМИРЛИ им. В. И. Даля.

1197 ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ. — ГЛАВА ТРЕТЬЯ. 1198

чтобъ справиться, сколько Шенкъ за деньги надѣлалъ полковниковъ и другихъ офицеровъ. Возвратился онъ страшной дрости, выхватилъ шпагу, ударилъ ею по столу и сказалъ Шенку: „Вотъ тебѣ, такъ и разобью я твой полкъ, и съ тебя сдеру кожу". Дрость еще больше была усилена, когда князь Ромодановскій и Зотовъ стали запирать Шенка: Петръ бросился на нихъ, ударилъ Зотова по головѣ, Ромодановскаго — по рукѣ, такъ что одна не отсѣкъ пальцевъ. Шенкъ былъ бы убитъ, сдѣлъ. Лефортъ не допускалъ удара. Всѣ были въ ужасѣ: по молодой фаворитъ умѣлъ успокоить Петра, который потомъ весело проигровалъ до утра [1]).

Этотъ молодой фаворитъ былъ сержантъ Преображенскаго полка Александръ Даниловичъ Меншиковъ, извѣстный въ описываемое время больше подъ именемъ „Алексашки". Относительно происхожденія знаменитаго впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя нѣтъ никакого противорѣчія въ источникахъ, современники иностранцы единогласно говорятъ, что Меншиковъ былъ очень незнатнаго происхожденія; по русскимъ извѣстіямъ, онъ родился близъ Кадинцы и былъ сыномъ придворнаго конюха [2]). Извѣстно, какое значеніе получили при Петрѣ потѣшные воинки, какъ изъ нихъ преимущественно сформировались потѣшные полки Преображенскій и Семеновскій; отсюда понятно, какимъ образомъ отецъ Меншикова попалъ въ капралы Преображенскаго полка [3]). Сѣдовательно официальный актъ, жалованныя грамота на дворянское достоинство Меншикову говорить совершенно справедливо, что родитель Александра Даниловича служилъ въ гвардіи. Но при этомъ мы не имѣемъ никакого права не допускать извѣстія, что сынъ потѣшнаго конюха, который долго не назывался иначе, какъ „Алексашка", торговалъ пирогами, ибо любимые служилые люди и сами, какъ только могли, и дѣти ихъ промышляли разными промыслами: не имѣющія низкаго нрава отвергать слѣдующій разсказъ очевидца [4]). Петръ, разсерженный однажды сильно на князя Меншикова, сказалъ ему: „Знаешь ли ты, что ты былъ? Тотчасъ возми кузовъ свой съ пирогами, сшитайскою хагерою и по улицамъ, кричи пироги полные! какъ дѣлывалъ прежде. Вонъ!" — и вытолкалъ его изъ комнаты. Меншиковъ обратился къ императрицѣ Екатеринѣ, которая умѣла разсмѣшить мужа, и между тѣмъ Меншиковъ успѣлъ себѣ кузовъ съ пирогами и явился съ нимъ къ Петру. Государь разсмѣялся и сказалъ: „Слушай, Александръ: пересталъ ворчать, или хуже будешь пирожника". Гнѣвъ прошелъ совершенно. Меншиковъ пошелъ за императоромъ и кричалъ: пироги полные! а государь велѣлъ ему сѣсть и говорилъ: „Вотъ, Александръ!" — Вонъ, ваше величество, я не хочу». Пироги полные! [5]).

Александрка, всѣдствіе фавора, уже въ описываемое время выказался внѣшнимъ между прочимъ лоскомъ къ царю и, по смерти Лефорта, завелъ его вѣсто, никого не будетъ ближе его къ Петру, по нѣсколько съ тѣмъ отъ Лефорта перейдетъ къ нему печальное наслѣдство — ненависть людей, которые будутъ противъ Петра и дѣлъ его. Наружность фаворита была очень замѣчательна: онъ былъ выше средняго роста, хорошо сложенъ, худощавъ съ пріятными чертами лица, съ очень живыми глазами; любилъ одѣваться великолѣпно и пышно, что особенно поражало иностранцевъ, быть очень опрятенъ, качество рѣдкое еще тогда между Русскими. Но не одною наружностью могъ онъ держаться въ приближеніи: люди внимательные и безпристрастные признали въ немъ большую проницательность, удивлялись необыкновенной ловкости рѣчи, отражавшей живость ыысли, довкости, съ какою умѣлъ обдѣлать всякое дѣло, искусству выбирать людей. Такъ являлся Меншиковъ своею свѣтлою стороной. Обратимся къ темной — это была необыкновенно сильная природа; но мы уже говорили, какъ становится страшно передъ сильными природами въ обществѣ, подобномъ русскому въ описываемое время. Все, что было сказано о Петрѣ, приклается къ его птенцамъ, къ его сподвижникамъ, но это силы, для которыхъ общество выработало такія же стѣсненія. Въ обществѣ подобнаго рода, какъ въ широкомъ степномъ пространствѣ, гдѣ нѣтъ опредѣленныхъ, искусственно проложенныхъ дорогъ, каждый можетъ располагаться во всѣхъ направленіяхъ. Вездѣ и всегда одинъ и тотъ же законъ силы не останавливаемая будетъ идти впередъ и впередъ. У Меншиковъ и товарищей его была большая сила, потому они и оставили послѣ себя въ исторіи, не гдѣ они могли найти стѣсненія — въ силѣ сильнѣйшаго? Этой силы было недостаточно; лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что этотъ сильнѣйшій долженъ былъ употреблять искусственныя и палку для сдерживанія своихъ сподвижниковъ, а

[1]) Корбъ, стр. 76; донесеніе Гвариэнта отъ 19 сент.
[2]) Рулюкинъ Эрлихъ, № 90.
[3]) Александръ Гордонъ—The history of Peter the Great, II, 374.
[4]) Вартонъ—Достопамятные любопытныя, Московскихъ 1842 г.
[5]) Что касается до извѣстія о автономіи или лишь-русскомъ происхожденіи Меншикова, то оно очень вѣроятно, изъ вероисповѣданія его Литвы и Западной Россіи, привитыхъ въ раннюю службу, было много со временъ царя Алексѣя. Впрочемъ, надобно замѣтить, что какъ вообще въ Московскомъ государствѣ сильные роды въ позднѣйшихъ своихъ вѣтвяхъ разселялись любили выводить своихъ предковъ изъ-за границы, тогда какъ сравнительно родословныя объ этомъ ничего не знаютъ, такъ и фамиліи, подавшіяся во всѣ знати со временъ Петра Великаго, начали вести свое происхожденіе отъ выѣзжихъ иностранцевъ, придуманныхъ по сходству звуковъ объясненіе своимъ фамиліямъ изъ иностранныхъ языковъ, когда какъ эти фамиліи старинныя и чисто русскія, только по нѣкоторыя. Меншиковы значатъ люди, помнящіе отъ меньшаго сына *Меня* сю, какъ *Перовы* — отъ старшаго сына, *Вторуши* — отъ второго и т. д. *Третьяковы, Четвериковы, Пятеркины, Шестеркины, Семковы, Девятовы.*

Илл. 3. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен (в 6 кн. СПб.: Тов-во «Общественная Польза», [1911]. Кн. 3. 1580 стб.). Издание из личной библиотеки А. Н. Толстого. ГМИРЛИ им. В. И. Даля.

худощав, с приятными чертами лица, с очень живыми глазами <...> был очень опрятен...»[5] (илл. 2, 3). В «Дне Петра» лицо князя описано как «длинное», «холеное»[6]. В рассказе «Марта Рабе» (1929) Меншиков самодовольно любуется собой: «Длинное лицо Александра Данилыча чисто выбрито. Синие глаза глядели строго. На красивом, слегка кривоватом рту — этикетная улыбочка. Руки в перстнях. Алмазами усыпана рукоять шпаги. Ну, чем не граф»[7]. Живость и находчивость во взгляде — особенность портретной характеристики мальчика Алексашки в сценах встречи с Петром на озере («У Алексашки в синих глазах засветилось баловство»[8]) и у Лефорта

[5] Там же. Стлб. 1198.

[6] *Толстой А. Н.* День Петра // Толстой А. Н. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. С. 29.

[7] *Толстой А. Н.* Марта Рабе // Женский журнал. 1929. № 6. С. 8.

[8] *Толстой А. Н.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. С. 55.

на именинах («Один, синеглазый, наглый, выскочил и с приговором <...> Ай да Алексашка!»)[9].

Длинное лицо, высокие брови и огромный парик — часто встречающиеся в романе детали описания. Вероятно, Толстой мог использовать изображения и комментарии, которые приводил Д. А. Ровинский[10]. Так, например, он писал о том, что Меншиков из простых мальчиков-пирожников взят Лефортом и передан в услужение Петру[11]. О том, что мальчиком Александр Данилович продавал пироги, упоминал, ссылаясь на Манштейна, Д. Н. Бантыш-Каменский. Его труд «Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого», также содержащий портрет[12], был в библиотеке Толстого[13]. Из этого издания писатель мог заимствовать любопытный факт: «...он, когда продавал по Москве пироги, то забавными притом своими припевами и смелыми острыми ответами умел обратить на себя внимание Петра I»[14]. Из этого замечания в романе родилась целая сцена торговли Алешки Бровкина и Алексашки Меншикова пирогами накануне стрелецкого бунта: «Вот, пироги подовые, медовые, полденьги пара, прямо с жара, — звонко кричал Алексашка, поглядывая на прохожих. — Вот, налетай, расхватывай! — Видя стоявших кучкой стрельцов, он приговаривал, приплясывая: — Вот, налетай, пироги царские, боярские, в Кремле покупали, да по шее мне дали, Нарышкины ели, животы заболели. Стрельцы смеялись, расхватывали пироги. Алешка тоже покрикивал с приговором. Не успели дойти до реки, как пришлось вернуться за новым товаром»[15].

Однако Бантыш-Каменский писал о том, что сложно определить происхождение любимца Петра: вероятно, он был сыном кре-

---

[9] *Толстой А. Н.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. С. 81.

[10] *Ровинский Д. А.* Подробный словарь гравированных портретов: В 2 т. СПб., 1886–1889. Т. 1. Стлб. 1070; *Ровинский Д. А.* Материалы для русской иконографии. СПб., 1884–1891. Вып. 6. № 205.

[11] *Ровинский Д. А.* Подробный словарь гравированных портретов: В 2 т. Т. 1. Стлб. 1069, 1073.

[12] *Бантыш-Каменский Д. Н.* Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого: В 2 ч. Ч. 1. М., 1812. С. 78.

[13] ГЛМ КП 53293/93.

[14] *Бантыш-Каменский Д. Н.* Деяния знаменитых полководцев и министров... Ч. 1. С. 79.

[15] *Толстой А. Н.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. С. 32–33.

стьянина, предполагал историк[16]. Действительно, достоверных сведений о Даниле Меншикове не сохранилось[17]. Соловьев же высказывался на этот счет совершенно определенно, и в его труде Толстой подчеркнул, что «Алексашка» был «сыном придворного конюха»[18]. Это нашло отражение в романе в словах одного из второстепенных героев: «Недавно к отцу заезжал конюх из царской конюшни, Данило Меншиков...»[19].

Одной из постоянных сцен с участием Меншикова и в ранних произведениях на петровскую тему, и в романе становится наказание за воровство. В рассказе «День Петра» с него начинается «обычный, буднишний питербурхский денек» царя: «Голову Петра пригнуло к плечу. Рот, щеку, даже глаз перекосило. Князь неосмотрительно, охраняя холеное свое лицо, норовил повернуться спиной, хоть плечиком, но не успел: сорвавшись со стола, огромный царский кулак ударил ему в рот, разбил губы, и из сладких глаз светлейшего брызнувшие слезы смешались с кровью. Он дрожал, не вытираясь...»[20]. В романе Петр, высказав Меншикову желание написать парсуну с Екатерины и увидев его ухмылку, обещает: «А вот — встану — так отвожу тебя дубинкой, куманек, будешь знать — как смеяться...»[21]. Правда, в романе стыдит Меншикова не только Петр, о чем писали многие историки, но и Н. М. Зотов:

> Раздобыть ли что-нибудь нужно наспех, — Алексашка брал денег и верхом летел в Москву, через плетни, огороды, и доставал нужное, как из-под земли, — мигом. Потом, подавая Никите Зотову (ведающему Потешным приказом) счетик — степенно вздыхал, подшмыгивая, помаргивая: «Уж что-что, а уж тут на грош обману нет»...
>
> — Алексашка, Алексашка, — качал головой Зотов, — да видано ли сие, чтоб за еловые жерди плачено по три алтына? Им красная цена — алтын... Ах, Алексашка...

---

[16] *Бантыш-Каменский Д. Н.* Деяния знаменитых полководцев и министров... Ч. 1. С. 79.

[17] См.: *Алексеев А. И.* Документы по истории рода князей Меншиковых в фондах отдела рукописей Российской Национальной библиотеки // Петровское время в лицах — 2004: Материалы научной конференции. СПб., 2004. С. 7–19.

[18] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 6 кн. Кн. 3. Стб. 1197 // ГЛМ КП 53293/1546.

[19] *Толстой А. Н.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. С. 12.

[20] *Толстой А. Н.* День Петра // Толстой А. Н. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. С. 29.

[21] *Толстой А. Н.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. С. 646.

— Не наспех, так и — алтын, а тут — дорого, что наспех. Быстро я с жердями обернулся, вот что дорого, — чтобы Петра Алексеевича нам не томить...

— Ох, повесят тебя когда-нибудь за твое воровство.

— Господи, да что вы, за что напрасно обижаете, Никита Моисеич... — отвернув морду, нашмыгав слезы из синих глаз, Алексашка говорил такие жалостные слова.

Зотов, бывало, махнет на него пером:

— Ну, ладно, иди... На этот раз поверю, — смотри-и...[22].

Источником этой сцены, безусловно, придуманной писателем, могло стать свидетельство датского посланника Юста Юля. Несмотря на то, что действие третьей книги романа обрывается взятием Нарвы в 1704 г., многочисленные пометы Толстого и сопоставление текстов романа и «Записок» свидетельствуют о том, что они были тщательно изучены и творчески переработаны (илл. 4)[23]. Среди прочего, Юст Юль писал о вражде между Меншиковым и Зотовым: «(<Тут Зотов>) привел в частности много образчиков двоедушия, мошенничества, высокомерия, алчности и других тому подобных пороков (<князя>)»[24]. В романе, сознательно допустив анахронизм, писатель художественно переосмыслил реальный факт.

Другая сцена романа, в которой Петр отчитывает Меншикова за некачественное сукно, основана на происшедшем с фабрикантом Дубровским и изложенным в «Достопамятных сказаниях о жизни и делах Петра Великого»[25]. «Дьякон первый увидел в окошко Петра: “Никак грозен пожаловал”. Не успели спохватиться — Петр вошел в спальню и, не здороваясь, прямо к Александру Даниловичу — ткнул ему под нос солдатский кафтан: — Это лучше гамбургского? Молчи, вор, молчи, не оправдаешься»[26]. В «Сказаниях» говорилось о двух фабрикантах — купцах Серикове и Дубровском. Сукном, произведенным на фабрике Дубровского, хвасталась Петру покровительствовавшая ему Екатерина. Толстой выделил в этом издании слова Петра, обращенные к Екатерине: «Что ж ты хвастаешь своим сукном-то? Оно никуда не годится; и ты, Дубровский, вперед не выщипывай одной пуши: ты перепортишь у меня тем всю шерсть, а

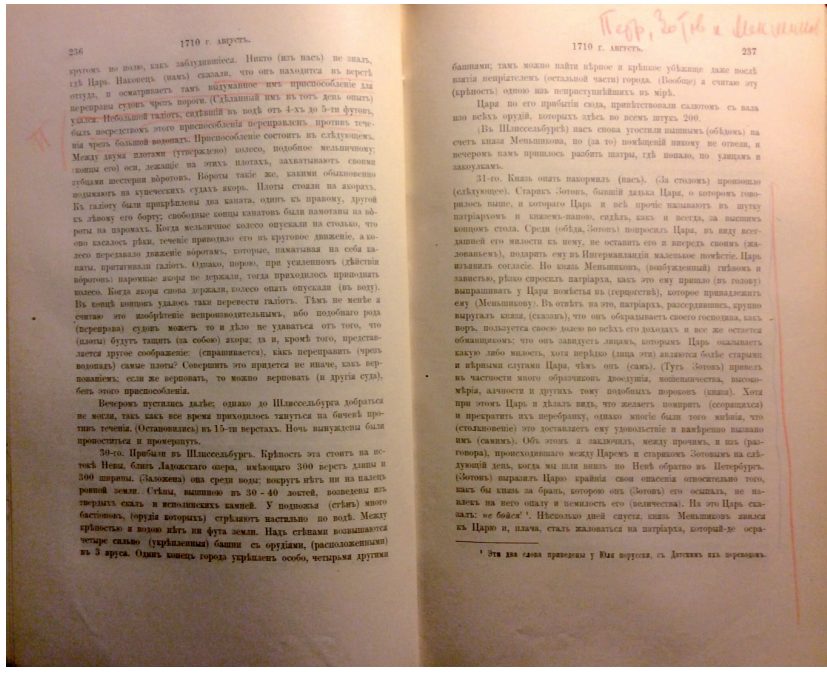
[22] *Толстой А. Н.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. С. 95.

[23] ГЛМ КП 53293/2011.

[24] Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1899. С. 237.

[25] Достопамятные сказания о жизни и делах Петра Великого. СПб., 1876. С. 78–80.

[26] *Толстой А. Н.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. С. 521.

Илл. 4. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1899. 614 с. Издание из личной библиотеки А. Н. Толстого. ГМИРЛИ им. В. И. Даля.

старайся из стригушки делать получше; мне надобно столько сукна, чтоб одеть всю армию, не выписывая иностранного...»[27].

Наряду с намеренным нарушением хронологии в изображении исторических событий и героев в тексте романа присутствуют ошибки и опечатки. Одна из них связана с образом Меншикова. В своих произведениях Толстой неоднократно упоминал об участии Алексашки в казнях стрельцов. «Сам светлейший, тогда еще Алексашка, лихо, не кладя наземь человека, с налету саблей смахивал голову, хвалился»[28], — говорилось в рассказе «День Петра». В финале первой книги романа упоминается точное количество отрубленных любимцем Петра стрелецких голов: начиная с первой публикации в

[27] ГЛМ КП 53293/565.

[28] *Толстой А. Н.* День Петра // *Толстой А. Н.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. С. 33.

журнале «Новый мир» в 1930 г. и на протяжении 1931 и 1932 гг. во всех изданиях романа их было двадцать, что соответствовало сведениям, которые Толстой подчеркнул в «Дневнике» И. Г. Корба[29]. В издании 1933 г. «двадцать» изменено на «тридцать»: «Он хвастался тем, что отрубил в этот день тридцать голов»[30].

Что касается биографии Меншикова периода первой и второй нарвских осад, Толстой следовал за изложением событий Устряловым в «Истории царствования Петра Великого». В части первой и второй четвертого тома содержатся многочисленные пометы писателя и подчеркивания. В «Истории» Устрялова писатель выделил все ключевые события 1700 г. и их описания: действия конницы под руководством Б. П. Шереметева, бегство Петра после поражения под Нарвой и его распоряжения по укреплению Новгорода, распространявшиеся по Европе слухи о ходе Северной войны. Выделены также параграф «Опустошение Лифляндии», раздел о взятии Мариенбурга, факты биографии и описание внешности Екатерины и Меншикова, дипломата Иоганна Рейнгольда Паткуля, сведения о найме иностранных шлюзных мастеров и начале строительства «Осударевой дороги» в августе 1702 г. Много помет на полях глав VIII «Князь Меншиков» и XII «Осада Нарвы», которая содержит также надписи рукой Толстого на полях: «Меншиков в разведке»[31], «Военная хитрость»[32]. Эти и другие материалы[33] были использованы во второй книге романа.

Источником третьей книги стало исследование П. Н. Петрова «История Санкт-Петербурга с основания города до введения выборного городского управления» (СПб., 1884)[34], в котором, в частности, описан первый дом Меншикова[35]. Автор отмечал роскошную отделку дворца. В романе Толстого дано ее живописное детальное изображение: «...глинобитный, штукатуренный, с высокой голландской крышей, видно издалече по реке; как раз посреди

---

[29] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С. 96.

[30] *Толстой А. Н.* Петр Первый. Л.: ОГИЗ – Ленгихл, 1933. С. 407.

[31] *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого: В 6 т. СПб., 1858–1863. Т. 4. Ч. 1. С. 302 // ГЛМ КП 53293/1727.

[32] Там же. С. 303.

[33] См., напр.: Достопамятные сказания о жизни и делах Петра Великого. СПб., 1876. С. 105.

[34] ГЛМ КП 53293/1198.

[35] *Петров П. Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения выборного городского управления. СПб., 1884. С. 70;

фасада было устроено крыльцо на двух плоских колоннах, с портиком, на котором — на правом скате — лежал деревянный золоченый Нептун с трезубцем, на левом скате — наяда, с большими грудями, локтем опиралась на опрокинутый горшок; в треугольнике портика — шифр “А. М.”, обвитый змеей; на крыше — на мачте — собственный флаг генерал-губернатора; перед крыльцом стояли две пушки»[36]. Что послужило источником этого фрагмента, пока установить не удалось, однако Толстой отказался от описания флага и серебряной дорожки к Неве, упоминание которых сохранилось в неопубликованных вариантах текста из архива писателя: «...собственный флаг генерал-губернатора — на малиновом поле — три золотые башни, над ними — ключ»[37] и «...перед крыльцом стояли две пушки, серебряная дорожка вела к Неве, к мосткам»[38].

Русский историк, академик Н. П. Лихачев писал Толстому в 1934 г.: «Талант Ваш широко развернулся <...> Начитанность Ваша стала изумительной (иногда хотелось бы то или другое проверить!) и желательно, чтобы она по возможности охватила весь доступный материал, даже в мелочах»[39]. Писателей же поражало «умение лепить персонажи в окружающей их обстановке». Р. Роллан отмечал: «Ваши персонажи составляют неотъемлемую часть воздуха, земли, света, среды своего времени. Вы умеете выражать тончайшие оттенки этой среды одним взмахом кисти»[40]. Сам Толстой, изучивший большое количество исторических источников, при создании художественных образов опирался не только на опубликованные архивные материалы и научные изыскания, но и на свою фантазию. Писать роман для него означало жить вместе с героями. «Их выдумываешь, — писал он, — но они должны ожить, и, оживая, они часто желают поступать не так, как вам хотелось бы. Вы начинаете следить за их поступками, подталкивать их в сторону главной линии, страдать вместе с ними, расти, а иногда и срываться в бездну вместе с созданным призраком...»[41].

---

[36] *Толстой А. Н.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. С. 632.

[37] ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 250. Л. 28.

[38] ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 259. Л. 30.

[39] ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 3. Ед. хр. 1211. Л. 1.

[40] Переписка А. Н. Толстого: В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 263.

[41] *Толстой А. Н.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. С. 147.

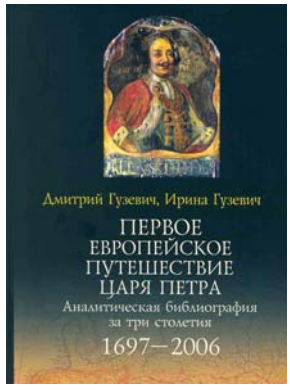
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AT-OeStA/AVA Adel RAA — Österreichisches Staatsarchiv / Allgemeines Verwaltungsarchiv, Adel,Reichsadelsakten (нем. Австрийский государственный архив / Главный административный архив, тематическая группа «Дворянство», дела императорского дворянства)
АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи
АНО — автономная некоммерческая организация
Архив СПбИИ РАН, НИА СПбИИ РАН — Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа (издание)
БАН — Библиотека Академии наук
ВИ — Вопросы истории (издание)
ВШЭ — Высшая школа экономики
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Российская Государственная библиотека)
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЛМ — Государственный литературный музей, см. также ГМИРЛИ им. В. И. Даля
ГМГС — Государственный музей городской скульптуры
ГМЗ — Государственный музей-заповедник
ГМИ СПб — Государственный музей истории Санкт-Петербурга
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГМИРЛИ им. В. И. Даля — Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля
ГМП — Государственный музей А. С. Пушкина
ГМФ — Государственный музейный фонд
ГРМ — Государственный Русский музей
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
ГЭ — Государственный Эрмитаж

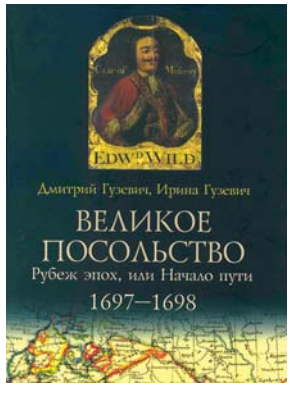
КГИОП — Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии (издание)
МАР — Материалы по археологии России (издание)
МГХПА — Московская государственная художественно-промышленная академия имени С. Г. Строганова
МЗ — музей-заповедник
МИРФ — Материалы по истории русского флота (издание)
НИИ — научно-исследовательский институт
НИУ — научно-исследовательский университет
ООО — общество с ограниченной ответственностью
ОР БАН — Научно-исследовательский отдел рукописей библиотеки Российской академии наук
ОР ИМЛИ — отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПДС — Памятники дипломатических сношений
ПетрГУ — Петрозаводский государственный университет
ПиБ, ПИБ — Письма и бумаги императора Петра Великого (издание)
ПСЗ, ПСЗ РИ — Полное собрание законов Российской империи
ПСТГУ — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
РАН — Российская академия наук
РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-Морского Флота
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
РИО — Русское (Российское) историческое общество
РНБ — Российская национальная библиотека
РПЦ МП — Русская православная церковь Московского патриархата
РО ИИМК РАН — рукописный отдел Института истории материальной культуры Российской академии наук
СПбГАСУ — Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
СПбФ АРАН — Санкт- Петербургский филиал Архива Российской академии наук

СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа (издание)
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.
ЭССР — Эстонская Советская Социалистическая Республика
ЯрГПУ — Ярославский государственный педагогический университет

ИЗДАНИЯ ПО ПРОГРАММЕ «ПУТЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»

Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.
Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006.
Науч. ред. Э. Вагеманс.
СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2008. — 912 с.

Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.
Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути: 1697–1698.
СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. — 696 с.

Пётр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ.
Сост., вступ. статья, прим. И. Н. Сухих.
СПб.: Геликон Плюс, 2009. — 552 с.

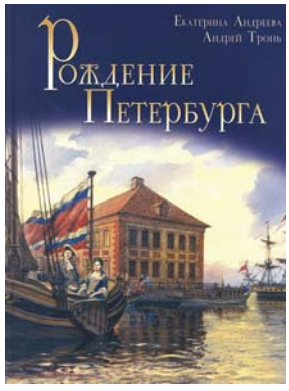
Максимов Е. К., Мезин С. А.
Города Саратовского Поволжья петровского времени.
СПб.: Европейский Дом, 2011. — 178 с.

Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: в 3 ч.
Часть 1: 1706–1713 годы. Часть 2: 1714 год. Часть 3: 1715–1723 годы.
Подгот. изд. Т. А. Базарова, Ю. Б. Фомина. Сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Базарова.
СПб.: Издательский дом «Міръ», 2011. — 416, 453, 464 с.

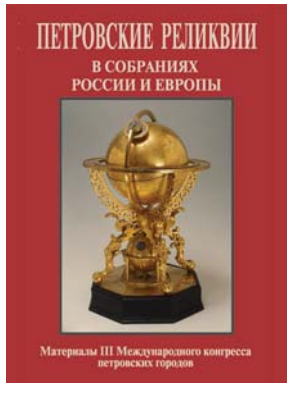
Культурные инициативы Петра Великого. Материалы II Международного конгресса петровских городов.
Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 года.
Науч. ред. Е. В. Анисимов, Н. Л. Корсакова. Сост. Е. В. Анисимов, М. Г. Вадейша, А. В. Кобак.
СПб.: Европейский Дом, 2011. — 294 с.

Андреева Е. А.
Рождение Петербурга.
СПб.: Лики России, 2011. — 184 с.

Юркин И. Н.
Пётр железный.
Пётр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы.
СПб.: Европейский Дом, 2012. —
352 с.

Петровские реликвии в собраниях России и Европы.
Материалы III Международного конгресса петровских городов.
Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года.
Науч. ред. Е. В. Анисимов,
Н. Л. Корсакова. Сост. А. В. Кобак,
О. Л. Кувалдина, И. Ф. Свидерская.
СПб.: Европейский Дом, 2012. — 352 с.

Столицы и провинция: К 300-летию перенесения столицы из Москвы в Санкт-Петербург. Материалы IV Международного конгресса петровских городов.
Санкт-Петербург, 8–9 июня 2012 года.
Науч. ред. Е. В. Анисимов.
Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина, И. Ф. Свидерская.
СПб.: Европейский Дом, 2013. — 344 с.

Кросс Э.
Английский Пётр: Пётр Великий глазами британцев XVII — XX веков.
Пер. с англ. М. А. Вишняков.
СПб.: Европейский Дом, 2013. — 232 с.

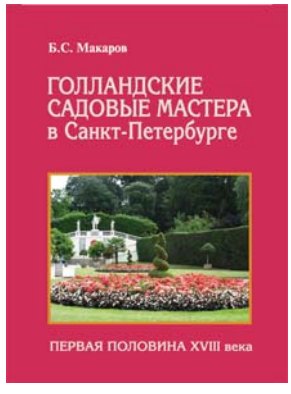
Вагеманс Э.
Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717 гг.).
Пер. с нидерланд. В. К. Ронин.
СПб.: Европейский Дом, 2013. — 256 с.

2-е изд., испр.
СПб.: Европейский Дом, 2017. — 260 с.

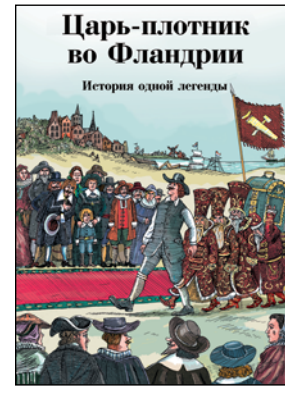
Гузевич Д. Ю.
Захоронения Лефорта и Гордона: Могилы, кладбища, церкви. Мифы и реалии.
СПб.: Европейский Дом, 2013. — 336 с.

Макаров Б. С.
Голландские садовые мастера в Петербурге в первой половине XVIII века.
СПб.: Изд-во ВМА, 2013. — 320 с.

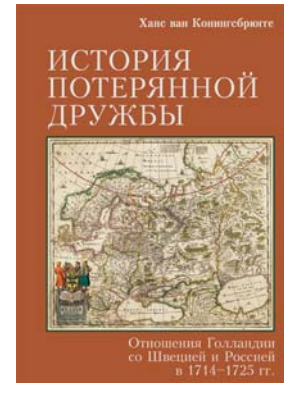
Россия–Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве. Материалы V Международного петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года.
Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина.
СПб.: Европейский Дом, 2014. — 558 с.

Царь-плотник во Фландрии:
История одной легенды.
Две повести Абрахама Ханса.
Публ., коммент., статьи Э. Вагеманс,
Д. Гузевич. Пер. с нидерланд. В. Ронин.
Рис. В. Ненашев.
СПб.: Европейский Дом, 2014. — 106 с.

Пунин А. Л.
Санкт-Петербург в эпоху Петра
Великого: Градостроительное развитие
новой столицы России и стилевые
особенности петровского барокко.
Часть 1.
СПб.: Лики России, 2014. — 216 с.

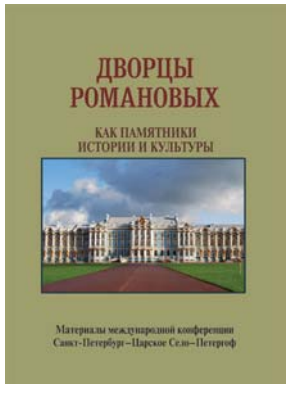

Конингсбрюгге Х., ван.
История потерянной дружбы:
Отношения Голландии со Швецией
и Россией в 1714–1725 гг.
Пер. с нидерланд. В. К. Ронин.
СПб.: Европейский Дом, 2014. — 256 с.

Мезин С. А.
Пётр I во Франции.
СПб.: Европейский Дом, 2015. — 312 с.

2-е изд., испр. и доп.
СПб.: Европейский Дом, 2017. — 320 с.

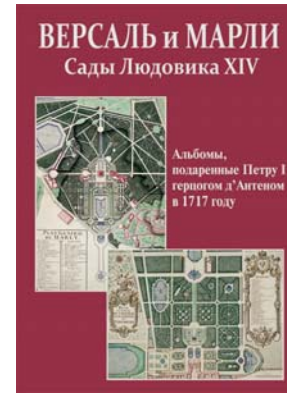
Дворцы Романовых как памятники истории и культуры.
Материалы международной конференции.
Санкт-Петербург–Царское Село–Петергоф, 7–9 октября 2013 года.
Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина, А. Д. Марголис.
СПб.: Европейский Дом, 2015. — 540 с.

Россия–Великобритания: Пять веков культурных связей.
Материалы VI Международного петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 года.
Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина.
СПб.: Европейский Дом, 2015. — 768 с.

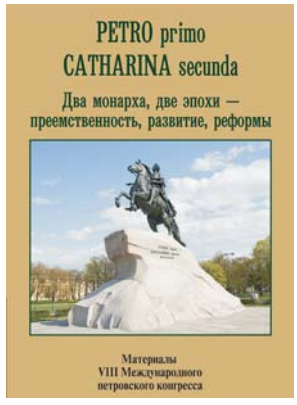
Петровские памятники России и Европы: Изучение, сохранение, культурный туризм. Материалы VII Международного петровского конгресса.
Санкт-Петербург 5–7 июня 2015 года.
Сост. А. В. Кобак, О. В. Кувалдина.
СПб.: Европейский Дом, 2016. — 696 с.

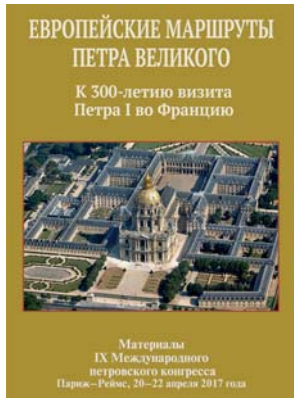
Версаль и Марли: Сады Людовика XIV. Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антеном в 1717 году.
Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич, Б. Бентц.
СПб.: Европейский Дом, 2017. — 396 с.

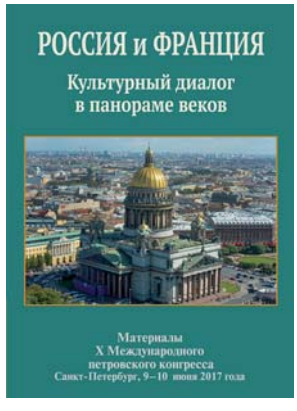
Баггер Х.
Пётр Великий в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-российских отношений.
Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич. Пер. с датск. Б. Жаров.
СПб.: Европейский Дом, 2017. — 188 с.

PETRO primo CATHARINA secunda.
Два монарха, две эпохи —
преемственность, развитие, реформы.
Материалы VIII Международного
петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 10–11 июня 2016 года.
Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак,
М. В. Петрова.
СПб.: Европейский Дом, 2017. — 570 с.

Европейские маршруты Петра Великого:
К 300-летию визита Петра I во
Францию.
Материалы IX Международного
петровского конгресса.
Париж — Реймс, 20–22 апреля 2017 года.
Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак,
М. В. Петрова.
СПб.: Европейский Дом, 2018. — 464 с.

Россия и Франция: Культурный диалог
в панораме веков.
Материалы X Международного
петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 9–10 июня 2017 года.
Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак,
М. В. Петрова.
СПб.: Европейский Дом, 2018. — 584 с.

Париж Петра Великого: Историко-культурный путеводитель.
Авт.-сост. С. А. Мезин, К. И. Пахоруков.
СПб.: Маматов, 2019. — 64 с.

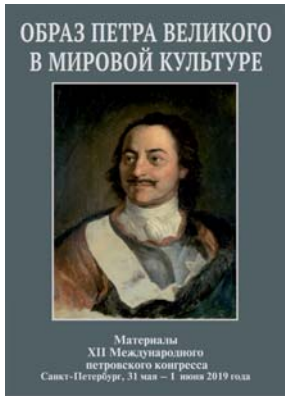
Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. Биографический словарь выходцев из Франции, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727.
Ред. В. С. Ржеуцкий, Д. Ю. Гузевич
при участ. А. Мезен.
М.: Ломоносовъ, 2019. — 800 с.

Пётр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 1–2 июня 2018 года.
Сост. А. В. Кобак, М. В. Петрова.
СПб.: Европейский Дом, 2019. — 560 с.

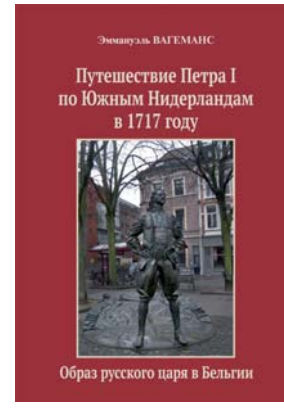
Мезин С. А.
Неизвестное произведение французской Россики середины XVIII века. «Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской».
СПб.: Европейский Дом, 2019. — 156 с.

Образ Петра Великого в мировой культуре.
Материалы XII Международного петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 31 мая – 1 июня 2019 года.
Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак, В. В. Лихачёва.
СПб.: Европейский Дом, 2020. — 740 с.

Пётр Великий и европейский интеллектуальный мир: Циркуляция знаний, взаимовлияния (1689–1727).
Коллективная монография по материалам двух коллоквиумов в Париже 28–29 и 30 марта 2013 г.
Ред. Д. Ю. Гузевич, И. Д. Гузевич.
Париж – СПб.: Европейский Дом, 2020. — 760 с.

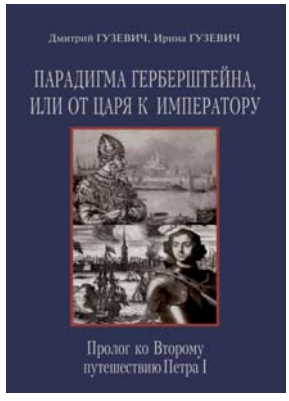
Вагеманс Э.
Путешествие Петра I по Южным Нидерландам в 1717 году: Образ русского царя в Бельгии.
Пер. с нидерланд. В. К. Ронин.
СПб.: Европейский Дом, 2020. — 272 с.

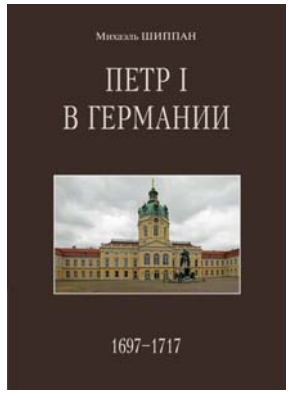
Россия и Германия в эпоху Петра Великого: Исторические и культурные связи.
Материалы XIII Международного петровского конгресса.
Берлин, 24 – 25 октября 2019 года.
Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак, В. В. Лихачёва.
СПб.: Европейский Дом, 2020. — 496 с.

Вагеманс Э., Кобак А., Гузевич Д., Гусейнова Ф.
Петр Великий в Нидерландах. По следам европейских путешествий Петра I: Историко-культурный путеводитель.
СПб.: Европейский Дом, Пропилеи, 2021. — 184 с.

Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.
Парадигма Герберштейна, или От Царя к Императору: Пролог ко второму путешествию Петра I.
СПб.: Европейский Дом, 2021. — 439 с. — (Второе большое европейское путешествие Петра I: 1716–1717. Кн. 1).

Шиппан М.
Петр I в Германии: 1697–1717.
Науч. ред. Д.Ю. Гузевич,
Пер. с нем. И.Ю. Тарасовой.
СПб.: Европейский Дом, 2021. — 618 с. — (Серия «Петр I в Европе»).

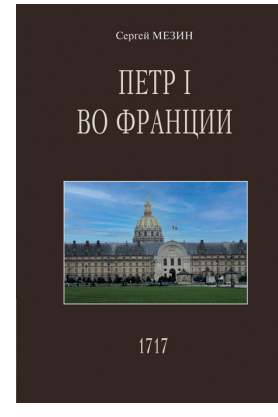
Шварц И.
Петр I и Австрия: Исследования о петровской эпохе.
СПб.: Европейский Дом, 2021. — 414 с.
(Серия «Петр I в Европе»).

Кросс Э.
Английский Петр. Петр Великий глазами британцев.
Пер. с англ. М. Вишнякова.
2-е изд., испр. и доп.
СПб.: Европейский Дом, 2022. — 240 с. — (Серия «Петр I в Европе»).

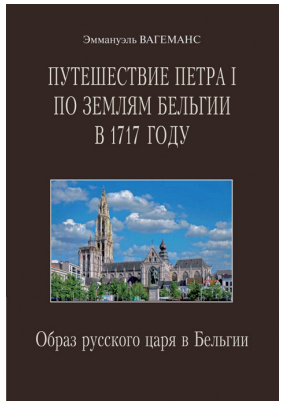
Баггер Х.
Петр I в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-российских отношений.
Пер. с датск. Б. С. Жарова.
2-е изд., испр. и доп.
СПб: Европейский Дом, 2022. — 196 с. — (Серия «Петр I в Европе»).

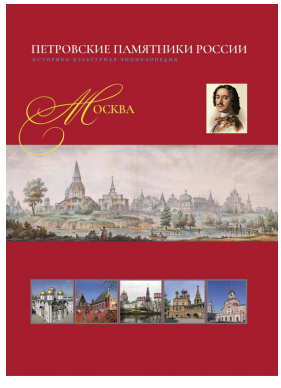
Мезин С. А.
Петр I во Франции.
3-е изд., испр. и доп.
СПб: Европейский Дом, 2022. – 328 с. — (Серия «Петр I в Европе»).

Вагеманс Э.
Царь в Республике. Второе путешествие Петра в Нидерланды. 1716 — 1717.
Пер. с нидерланд. В. К. Ронина.
2-е изд., испр. и доп.
СПб.: Европейский Дом, 2022. — 266 с. — (Серия «Петр I в Европе»).

Вагеманс Э.
Путешествие Петра I по землям Бельгии в 1717 году: Образ русского царя в Бельгии.
Пер. с нидерланд. В. К. Ронина.
2-е изд., испр. и доп.
СПб.: Европейский Дом, 2022. — 274 с. — (Серия «Петр I в Европе»).

Петровские памятники России: Историко-культурная энциклопедия. Том 1. Москва.
Сост. А. В. Кобак, Н. Л. Корсакова, Р. Э. Рахматуллин.
СПб: Пропилеи, Европейский Дом, 2022. — 516 с.

«Великая Елисавет дела петровы совершает...» Материалы XIV Международного петровского конгресса,
Санкт-Петербург, 18 – 19 июня 2021 года
Сост. А. В. Кобак, В. В. Лихачёва, И.Ф. Свидерская
СПб.: Европейский Дом, 2022. — 516 с.

«Не чародей, а гений...»: Личность Петра Великого на фоне эпохи. Материалы XV Международного петровского конгресса,
Санкт-Петербург, 9 – 11 июня 2022 года
Сост. А. В. Кобак, В. В. Лихачёва, И.Ф. Свидерская
СПб.: Европейский Дом, 2023. — 590 с.

Санкт-Петербург — город петровской мечты. Материалы XVI Международного петровского конгресса,
Санкт-Петербург, 9–10 июня 2023 года.
Сост. И. А. Карпенко, И. Ф. Свидерская.
СПб.: Европейский Дом, 2024. — 532 с.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ГОРОД ПЕТРОВСКОЙ МЕЧТЫ

Материалы
XVI Международного петровского конгресса
Санкт-Петербург, 9 — 10 июня 2023 года

978 5 8015 0436 0

Директор издательства
Е. Н. Кальщиков
Оформление, оригинал-макет
Т. Б. Николаева

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ.л. 33,25.
Тираж 350 экз.

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 27-29
E-mail: evrodom2006@list.ru

Отпечатано в ООО «Контраст»
Железнодорожный пр., д. 20.
Заказ №